

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and
First Director of This Library

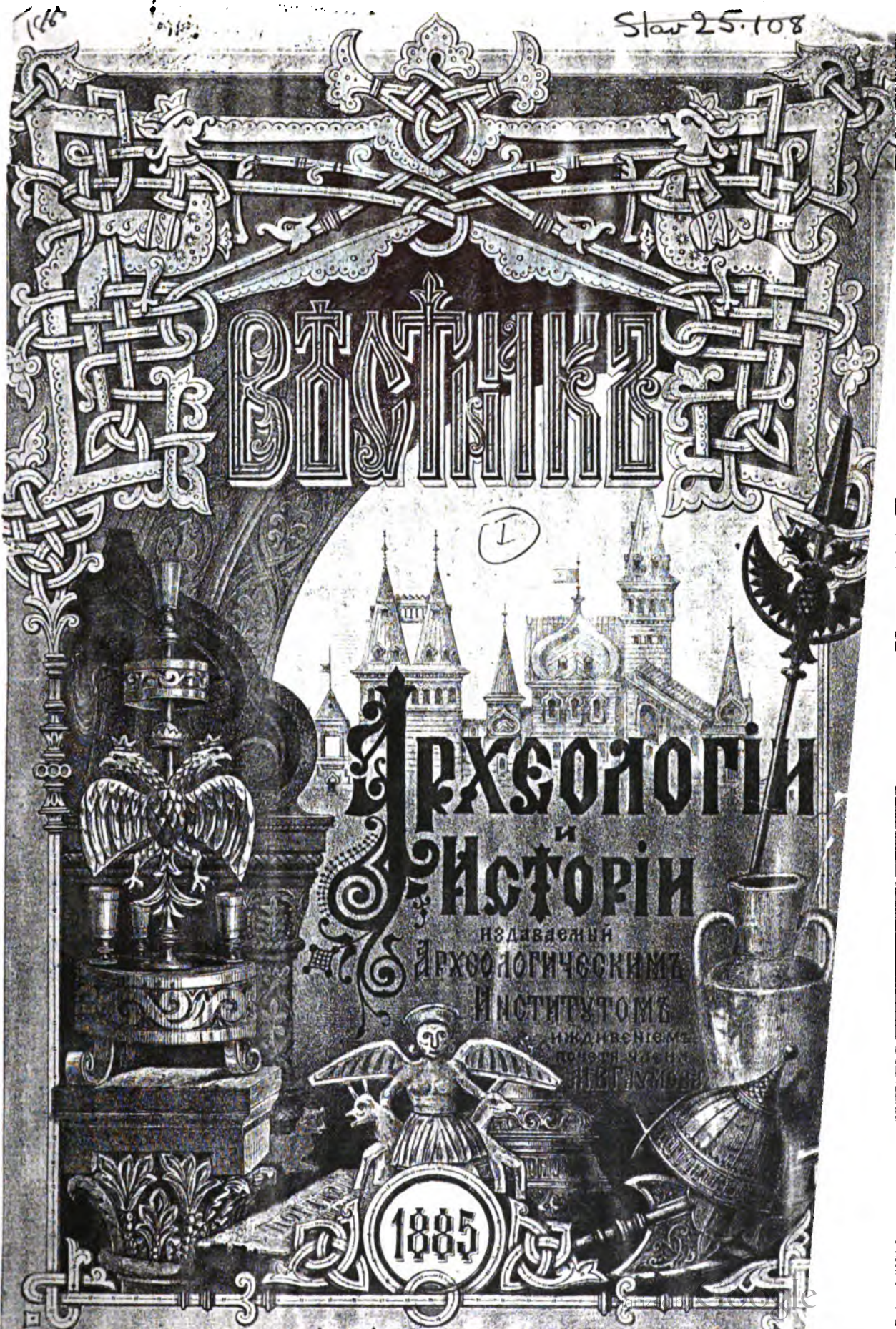

ВОСНИКЪ

Археологическія и Историческія

Издаваемый
Археологическимъ
Институтомъ
Императорскаго
Восточнаго
Департамента

1885

ВѢСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ИЖДВЕНІЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1885 г.

ВЫПУСКЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

7 Slav 176 20

~~law 25.108~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD GARY COOLIDGE FUND

MAR 6 1931

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Калачовъ*.

Museo di Napoli

Giuseppe Niccolò Wagner

СОДЕРЖАНИЕ 1-ГО ВЫПУСКА.

	стр.
Введение и официальные документы по учреждению ученых архивных Комиссій и губернских Исторических архивовъ.....	1- XVI

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ:

1. Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ (Владимірской губ.). Статья 1-я. Почетнаго члена Института А. Л.	1— 83
2. Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Орловской ученой архивной Комисіи въ 1884 г. Слушателя Института П. А. Мясникова.....	84— 94
3. Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Тамбовской ученой архивной Комисіи въ 1884 г. Слушателя Института Н. И. Ильинскаго.....	95—107
4. Адресъ Археологическаго Института Археографической Комисіи по случаю ея пятидесятилѣтія и отзывъ Комисіи.....	108—109
5. Старинныя монеты, принесенныя въ даръ Институту почетными членами <i>Ф. К. Соловьевымъ</i> и <i>М. В. Глуховымъ</i> . Дѣйствительнаго члена Института А. И. Маркова.....	109—111
6. Восточныя монеты, принесенныя въ даръ Музею Археологическаго Института почетнымъ членомъ <i>Э. Ф. Розенбаумомъ</i>	111
7. Библиографическая замѣтка по поводу изданія «Древнія каменные орудія, собранныя въ предѣлахъ Казанской губ. <i>В. И. Заусойловымъ</i> ». Дѣйствительнаго члена Института <i>Е. М. Тимаева</i>	111— 114
8. Помяникъ покойныхъ членовъ Института (графа <i>А. С. Уварова</i> , <i>П. И. Баранова</i> и <i>А. Ф. Кистляковскаго</i>).....	114—116

Къ этому выпуску прилагается портретъ графа А. С. Уварова и особый альбомъ для первыхъ четырехъ выпусковъ.

Среди научных и практических занятий настоящего времени и на изучение отечественных древностей, а в числѣ ихъ архивныхъ матеріаловъ, обращено у насъ какъ Правительствомъ, такъ и частными лицами то серьезное вниманіе, безъ котораго невозможна основательная разработка русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ особенности. Высокое и непосредственное покровительство такому изученію старины оказывается прежде всего самимъ Государемъ Императоромъ. Съ Высочайшаго разрѣшенія къ той же цѣли направлены и архивныя занятія въ столицахъ и губерніяхъ. Составленный Императорскою Академіею Наукъ *проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ*, внесенный г. Президентомъ Академіи, Министромъ внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, удостоенъ симъ послѣднимъ „полнаго сочувствія“ и относительно его осуществленія признанъ „заслуживающимъ поощренія правительства“. Согласно съ такимъ положеніемъ Комитета, графу Д. А. Толстому Высочайше .

разрѣшено открытіе означенныхъ архивныхъ Коммиссій не только въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской, Тверской и Рязанской, но и въ другихъ по его усмотрѣнію.

Съ учрежденіемъ и будущею дѣятельностью губернскихъ ученыхъ комиссій на Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ возложены, согласно цѣли его учрежденія, новыя обязанности по содѣйствію Академіи Наукъ къ изученію и описанію отечественныхъ древностей въ губерніяхъ. Онъ долженъ быть посредникомъ между нашимъ высшимъ ученымъ учрежденіемъ и упомянутыми учрежденіями губернскими, — проводникомъ заботливости Академіи по разработкѣ мѣстныхъ архивовъ и описанію древностей; докладчикомъ въ ея годичныхъ торжественныхъ собраніяхъ о состояніи губернскихъ историческихъ архивовъ и о занятіяхъ ученыхъ архивныхъ комиссій; хранителемъ составляемыхъ ими архивныхъ описей; двигателемъ ихъ ученыхъ работъ и оцѣнщикомъ этихъ послѣднихъ; въ тоже время на немъ лежитъ нравственный долгъ не только возбуждать, но и развивать археологическую и археографическую дѣятельность въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыя еще вовсе не пробуждались или находятся въ зачаткѣ. Завидныя обязанности, но сколько потребуется неусыпныхъ трудовъ для надлежащаго ихъ выполненія!

Сознавая все важное значеніе таковыхъ обязанностей, Совѣтъ Археологическаго Института призналъ необходимымъ для удовлетворенія ихъ по мѣрѣ своихъ силъ, предпринять особое изданіе подъ названіемъ: „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“. Въ этомъ изданіи, имѣющемъ выходить въ числѣ шести выпусковъ въ теченіе учебнаго въ Институтѣ времени опре-

дѣлено помѣщать исключительно съ одной стороны статьи, читанныя въ вечернихъ собраніяхъ Института, и происходившія въ слѣдовавшихъ за чтеніями „Весѣдахъ“ сужденія и пренія по поводу этихъ статей, а съ другой стороны свѣдѣнія о занятіяхъ учрежденныхъ вновь архивныхъ Коммиссій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ онѣ открыты, и сообщенія изъ другихъ губерній тѣхъ ученыхъ дѣятелей, которые посвящаютъ себя описанію и разработкѣ памятниковъ древности, письменныхъ и вещественныхъ. Въ концѣ cadaго выпуска нѣсколько страницъ будутъ посвящены новостямъ, изданіямъ и приобрѣтеніямъ Института по археологіи, палеографіи и нумизматикѣ. Какъ необходимое „Приложеніе“ къ помѣщаемымъ въ „Вѣстникѣ“ статьямъ, свѣдѣніямъ и сообщеніямъ, для разъясненія ихъ, будутъ издаваться особые альбомы или папки съ соответствующими рисунками зданій, церквей и мѣстностей.

Три первые выпуска „Вѣстника Археологіи и Исторіи“ должны представить опытъ предпринятаго Археологическимъ Институтомъ изданія, а съ апрѣля 1885 года, руководствуясь замѣчаніями свѣдущихъ въ настоящемъ дѣлѣ лицъ, Институтъ приметъ мѣры къ своевременному выходу въ свѣтъ ежегодныхъ шести выпусковъ. Расходы, имѣющіе быть весьма значительными, на вознагражденіе за статьи, за фотографическіе и другіе снимки и по типографіямъ обезпечены на два года принятымъ на себя почетнымъ членомъ Института Матвѣемъ Вареевичемъ *Глумовымъ* обязательствомъ издавать „Вѣстникъ“ на свое иждивеніе и содѣйствовать редакціи своимъ собраніемъ древностей и трудами.

О содержаніи каждаго выпуска будетъ помѣщаться особое при немъ оглавленіе статей, а о выходѣ его въ свѣтъ каждый разъ объявленіе въ болѣе распространенныхъ повременныхъ газетахъ. Въ началѣ же изданія предлагаются тѣ официальные документы, подъ охраною коихъ выступаютъ въ губерніяхъ новыя силы для усвоенія современными дѣятелями на поприщѣ науки и жизни тѣхъ благихъ преданій и началъ, которыми руководствовались ихъ достойныя памяти предки. А Археологическому Институту да поможетъ Богъ выполнять съ должнымъ усердіемъ и съ горячею любовью къ Россіи возложенное на него плодотворное дѣло!

Директоръ Археологическаго Института Н. Калачовъ.

Официальные документы по учреждению ученых архивных Комиссій и губернских исторических архивовъ.

I.

Представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Комитетъ Министровъ.

Изложеніе дѣла.

Императорская Академія Наукъ, озабочиваясь сохраненіемъ многихъ дѣлъ и документовъ, находящихся въ губернскихъ и областныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ, а также различныхъ вещественныхъ памятниковъ болѣе или менѣе отдаленной старины, которые могутъ имѣть значеніе для разработки отечественной исторіи и въ особенности исторіи русскаго права, признала наиболѣе полезнымъ учрежденіе для этой цѣли ученыхъ архивныхъ комиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ.

Составивъ, вслѣдствіе сего, проектъ положенія объ этихъ комиссіяхъ и архивахъ, Академія Наукъ сообщила таковой Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

На основаніи означеннаго проекта собраніе и приведеніе въ извѣстность архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но важныхъ въ научномъ отношеніи, возлагается на учреждаемая для сего, по соглашенію Директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ Губернаторомъ и съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, ученые архивныя комиссіи, какъ изъ служащихъ, такъ и несостоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, которые могутъ быть полезны комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Для сосредоточенія же

и вѣчнаго храненія такихъ дѣлъ и документовъ, учреждаются губернскіе историческіе архивы. Означенные архивы и ученныя комиссіи образуются на первый разъ, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ Тамбовской, Рязанской и Тверской, а затѣмъ, по мѣрѣ надобности и имѣющихся средствъ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется право открывать таковыя и въ другихъ губерніяхъ.

Принятіе таковой мѣры, по мнѣнію Императорской Академіи Наукъ, вызывается переполненіемъ губернскихъ архивовъ массаи дѣлъ, храненіе которыхъ, затрудняя присутственныя мѣста, вынуждаетъ прибѣгать, отъ времени до времени, къ разбору и уничтоженію, чрезъ продажу съ аукціона, тѣхъ архивныхъ матеріаловъ, которые не нужны для дѣлопроизводства. Такъ какъ подобный разборъ архивныхъ дѣлъ производится безъ участія специалистовъ, имѣющихъ научную подготовку въ чтеніи старинныхъ рукописей и въ оцѣнкѣ важности ихъ содержанія для археологін и для исторіи, то нерѣдко уничтожаются и, слѣдовательно, совершенно и окончательно пропадаютъ важныя для науки матеріалы.

Для устраненія утраты, такимъ путемъ, письменныхъ памятниковъ старины, Академія Наукъ находитъ необходимымъ привлечь къ разбору архивныхъ дѣлъ и документовъ лицъ, обладающихъ надлежащей научной подготовкой, и съ этою цѣлію полагаетъ учредить губернскія ученныя комиссіи съ тѣмъ, чтобы отобранныя ихъ членами архивныя бумаги хранились въ особо учреждаемыхъ въ губерніяхъ историческихъ архивахъ.

По мнѣнію Академіи Наукъ такую задачу могли бы всего лучше выполнять молодые люди, получившіе высшее университетское образованіе. Независимо отъ сего, лица эти могли бы быть командированы изъ губернскихъ городовъ для разсмотрѣнія и описанія не только бумагъ, находящихся въ уѣздныхъ архивахъ, но и уцѣлѣвшихъ въ губерніяхъ памятниковъ зодчества и искусствъ, и для могущихъ требоваться раскопокъ мѣстныхъ кургановъ. Въ видахъ наблюденія за работами ученыхъ архивныхъ комиссій, Академія Наукъ признаетъ необходимымъ подчинить ихъ, съ одной стороны, Археологическому Институту въ С.-Петербургѣ, учрежденію, основанному для подготовленія археологовъ, а съ другой стороны, наблюденію мѣстнаго губернатора, какъ хозяина и начальника губерніи. О результатахъ же дѣятельности означенныхъ комиссій директоръ Археологи-

ческаго Института долженъ будетъ представлять ежегодные отчеты Академіи Наукъ.

Что касается матеріальныхъ средствъ, которыя потребуются для учрежденія въ губерніяхъ историческихъ архивовъ и для дѣятельности губернскихъ ученыхъ комиссій, то, какъ предполагаетъ Императорская Академія Наукъ, Археологическій Институтъ, имѣющій своюю прямою цѣлю приведеніе въ извѣстность и описаніе архивныхъ матеріаловъ и вообще историческихъ памятниковъ, всегда найдетъ нѣкоторыя, хотя и небольшія для того суммы въ тѣхъ ежегодныхъ взносахъ, которые онъ получаетъ отъ своихъ почетныхъ членовъ, и въ субсидіяхъ отъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, заботящихся о лучшемъ описаніи своихъ архивовъ, чѣмъ это могутъ дѣлать неподготовленные къ тому чиновники.

Справка.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 15-й день сего марта, Всемилостивѣйше соизволилъ на внесеніе проекта положенія о губернскихъ ученыхъ комиссіяхъ и историческихъ архивахъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

Соображенія и заключеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Принимая во вниманіе, что многіе документы и дѣла, хранящіеся въ губернскихъ архивахъ, нерѣдко заключаютъ въ себѣ весьма цѣнныя научныя свѣдѣнія, разработка которыхъ представляетъ несомнѣнную важность для изысканій въ области отечественной исторіи и въ особенности исторіи русскаго права, я признаю, съ своей стороны, что въ видахъ сохраненія архивныхъ матеріаловъ; имѣющихъ значеніе для науки, было бы весьма полезно привлечь къ разбору дѣлъ, находящихся въ архивахъ, лицъ съ надлежащей научной подготовкой въ чтеніи древнихъ рукописей и въ оцѣнкѣ ихъ содержанія въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ.

Вслѣдствіе сего я полагаю бы испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и историческихъ архивовъ, согласно прилагаемому проекту положенія о нихъ.

О чемъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія 15-го сего марта, ниѣю честь представить на благоусмотрѣніе Комитета Министровъ.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Д. Толстой.

Скрѣпилъ: Директоръ В. Важка.

II.

Проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ Комmissiяхъ.

§ 1. Для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы.

§ 2. Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагается на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную Комmissiю.

§ 3. Ученныя губерскія архивныя Комmissiи составляются, по взаимному соглашенію директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ Губернаторомъ, какъ изъ служащихъ, такъ и несостоящихъ на службѣ въ губерніяхъ лицъ, могущихъ быть полезными Комmissiи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть непремѣнный попечитель таковой Комmissiи.

§ 4. Предсѣдатель и правитель дѣлъ ученой Комmissiи, а въ случаѣ надобности и помощникъ предсѣдателя избираются самою Комmissiею, въ первое ея засѣданіе.

§ 5. На обязанности ученой Комmissiи лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ; б) составленіе таковыхъ документовъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей; в) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій.

§ 6. Копія съ упомянутыхъ выше описей и указателей и годовые отчеты о своихъ занятіяхъ ученые Комиссіи представляютъ въ концѣ года (не позже ноября) директору Археологическаго Института, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ отчета о трудахъ за истекшій годъ по архивному дѣлу въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ учреждены такія Комиссіи.

§ 7. Ученныя Комиссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины.

§ 8. Расходы, необходимыя на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ Комиссій покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки. О лицахъ же, оказывающихъ Комиссіи особныя услуги своихъ усердіемъ, директоръ Института представляетъ на усмотрѣніе Президента Императорской Академіи Наукъ.

§ 9. Означенныя историческія архивы и ученые Комиссіи учреждаются на первый разъ, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской и Рязанской, съ тѣмъ, что Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется, по мѣрѣ надобности и имѣющихся средствъ, отсрывать таковыя и въ другихъ губерніяхъ.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Д. Толстой.

Скрѣпилъ: Директоръ В. Ванка.

Копія.

III.

Выписка изъ журналовъ Комитета Министровъ 3-го и 17-го апрѣля 1884 года.

Слушана записка Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 17-го марта за № 7,867 (по Деп. Общ. Дѣлъ), объ учрежденіи губернскихъ историческихъ архивовъ и ученыхъ архивныхъ Комиссій.

Приступивъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла, Комитетъ прежде всего выслушалъ объясненія приглашеннаго въ засѣданіе Директора С.-Пе-

тербургскаго Археологическаго Института, Сенатора Калачова, о тѣхъ условіяхъ и средствахъ, при которыхъ Императорская Академія Наукъ и Археологическій Институтъ находятъ возможнымъ образовывать въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ученые архивныя Комиссіи съ особыми при нихъ историческими архивами.

По удостовѣренію Сенатора Калачова расходы по устройству и содержанию означенныхъ Комиссій предполагается отнести всецѣло на частныя средства, какъ имѣющіяся уже въ наличности, такъ и могущія поступить отъ взносовъ и пожертвованій лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ. На основаніи же выработаннаго проекта положенія объ ученыхъ архивныхъ Комиссіяхъ одно изъ условій ихъ учрежденія составляетъ взаимное соглашеніе Директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ Губернаторомъ. Поэтому, на первый разъ, подобныя Комиссіи имѣется въ виду открыть лишь въ трехъ или четырехъ губернскихъ городахъ.

По представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ первоначальный опытъ устройства ученыхъ архивныхъ Комиссій долженъ ограничиться тремя губерніями: Тамбовскою, Рязанскою и Тверскою.

Съ своей стороны Сенаторъ Калачовъ ходатайствуетъ нынѣ о присоединеніи къ этимъ губерніямъ также и Орловской, въ виду того, что въ г. Орлѣ для учреждаемой Комиссіи уже имѣется въ виду необходимое помѣщеніе. Что же касается дальнѣйшаго затѣмъ расширенія настоящаго дѣла, то, по мнѣнію Сенатора Калачова, такое расширеніе должно будетъ зависѣть не столько отъ наличныхъ или могущихъ поступить на это дѣло денежныхъ средствъ, сколько отъ того, въ какой степени мысль о сохраненіи драгоценныхъ памятниковъ нашей отечественной старины встрѣтитъ сочувствіе въ средѣ лицъ, принадлежащихъ къ образованной части населенія данной мѣстности и вызоветъ въ нихъ стремленіе къ изученію исторіи ихъ родины.

Произведенный уже съ этою цѣлью опытъ обращенія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ къ мѣстнымъ жителямъ и учреждениямъ имѣлъ самые благоприятные результаты. Поэтому онъ, Сенаторъ Калачовъ, не можетъ не высказать полной увѣренности, что предполагаемую нынѣ задачу возможно

будетъ осуществить безъ всякаго на этотъ предметъ вспомошествованія со стороны казны.

По всестороннемъ обсужденіи настоящаго дѣла, Комитетъ признавалъ, что потребность въ принятіи практическихъ мѣръ съ цѣлью какъ сохраненія отъ гибели, такъ и надлежащей научной обработки историческихъ матеріаловъ, находящихся въ архивахъ разныхъ учрежденій, ощущается у насъ несомнѣнно. Лица, призванныя въ настоящее время къ разбору и храненію старинныхъ документовъ, совершенно не подготовлены къ такому дѣлу и въ большинствѣ случаевъ вполне равнодушно относятся къ историческому и археологическому значенію передаваемыхъ имъ рукописей.

Между тѣмъ изъ представленія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и изъ вышеназложенныхъ объясненій Директора Археологическаго Института видно, что по частной инициативѣ и на частныя средства предполагается нынѣ привлечь къ упомянутому дѣлу лицъ, не только интересующихся изысканіемъ и сохраненіемъ цѣнныхъ въ научноѣ отношеніи историческихъ памятниковъ, но и получившихъ спеціальныя познанія, необходимыя для успѣшнаго выполненія подобной задачи.

По мнѣнію Комитета возникающее при такихъ обстоятельствахъ и съ указанною цѣлью дѣло заслуживаетъ полнаго сочувствія и поощренія правительства.

Обращаясь къ самому способу его осуществленія, Комитетъ находитъ, что въ настоящее время едвали представляется возможнымъ предусмотрѣть и опредѣлить съ достаточной полнотою все условія успѣшнаго достиженія упомянутой цѣли, тѣмъ болѣе, что на ряду съ выработанными уже на этотъ предметъ предположеніями и другія въ томъ же направленіи мѣры, какъ напр. привлеченіе къ означенному дѣлу лицъ духовнаго званія, наиболѣе отличающихся просвѣщеніемъ и любовью къ старинѣ, а также нѣкоторыхъ монастырей, могли бы оказаться на дѣлѣ не менѣе полезными и практическими. Поэтому установленіе нынѣ же окончательныхъ правилъ объ устройствѣ и порядкѣ дѣятельности проектированныхъ въ губерніяхъ ученыхъ архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ слѣдуетъ, по мнѣнію Комитета, признать преждевременнымъ.

Но принимая во вниманіе съ другой стороны: 1) что, согласно предположеніямъ Императорской Академіи Наукъ, одобреннымъ Министромъ

Внутренних Дѣлъ, имѣется въ виду ограничиться нынѣ передачею въ проектируемыя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ архивныя Комиссіи тѣхъ изъ старинныхъ документовъ и рукописей, которые могли бы быть найдены въ числѣ дѣлъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію; 2) что открытіе подобныхъ же Комиссій въ другихъ губерніяхъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ; 3) что настоящія предположенія, по удостовѣренію Сенатора Калачова, могутъ быть осуществлены безъ всякаго, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, вспоможенія со стороны Государственнаго Казначейства, и 4) что Тайнымъ Совѣтникомъ Дурново изъявлено согласіе на присоединеніе къ числу губерній, въ коихъ на первый разъ образуются упомянутыя выше архивныя Комиссіи и историческія архивы, также и Орловской губерніи, Комитетъ полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской, губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ, на предположенныхъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Графомъ Толстымъ основаніяхъ, предоставивъ ему, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ случаѣ надобности и имѣющихся средствъ, разрѣшать открытіе подобныхъ же учрежденій и въ другихъ губерніяхъ.

Государь Императоръ, въ 13-й день апрѣля 1884 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

Комитетъ, въ засѣданіи 17-го апрѣля, опредѣлялъ: сообщить о томъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ къ исполненію выпискою изъ журналовъ.

Подписалъ: Управляющій дѣлами Комитета Министровъ

Статсъ-Секретарь А. Буломзинъ.

IV.

Циркулярное сообщеніе Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Губернаторамъ.

Господину Губернатору.

Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, въ 13-й день апрѣля 1884 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской гу-

берскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ на предположенныхъ Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ основаніяхъ, предоставивъ ему, Министру, въ случаѣ надобности и имѣющихся средствъ, разрѣшать открытіе подобныхъ же учрежденій и въ другихъ губерніяхъ.

Сообщая Вашему Превосходительству о такомъ Высочайшемъ повелѣніи, для свѣдѣнія, долгомъ считаю присовокупить, что основанія, на которыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ предположено учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы.

2) Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагаются на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную Комиссію.

3) Ученныя губернскія архивныя Комиссіи составляются, по взаимному соглашенію Директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ Губернаторомъ, какъ изъ служащихъ, такъ и не состоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, могущихъ быть полезными Комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть Непремѣнный Попечитель таковой Комиссіи.

4) Предсѣдатель и Правитель дѣлъ ученой Комиссіи, а въ случаѣ надобности, и Помощникъ Предсѣдателя, избираются самою Комиссіею, въ первое ея засѣданіе.

5) На обязанности ученой Комиссіи лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ, б) составленіе таковыми документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей и в) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій.

6) Копіи съ упомянутыхъ выше описей и указателей и годовые от-

четы о своихъ занятіяхъ ученныя Коммисіи представляютъ въ концѣ года (не позже ноября) Директору Археологическаго Института, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ отчета о трудахъ за истекшій годъ по архивному дѣлу въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ учреждены такія Коммисіи.

7) Ученныя Коммисіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины.

8) Расходы, необходимыя на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ Коммисій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи Директора Археологическаго Института, и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки. О лицахъ же, оказывающихъ Коммисіи особныя услуги своимъ усердіемъ, Директоръ Института представляетъ на усмотрѣніе Президента Императорской Академіи Наукъ.

Подписалъ: За Министра Внутреннихъ Дѣлъ,
Товарищъ Министра, Сенаторъ Дурново.

Скрасилъ: Вице-Директоръ Н. Войсманъ.

Вѣрно: За Начальника Отдѣленія Кондратьевъ.

Его Сіятельству, Господину Президенту Императорской Академіи Наукъ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Графу Дмитрію Андреевичу Толстому.

Ординарнаго Академика, Директора Археологическаго Института, Сенатора Калачова.

Докладъ.

Вслѣдствіе личнаго порученія мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ принять мѣры къ открытію ученыхъ архивныхъ Коммисій въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской, Рязанской и Тверской, я приступилъ въ маѣ мѣсяцѣ 1884 г. къ перепискѣ по сему предмету съ Губернаторами означенныхъ губерній и изъ первыхъ уже съ ними сношеній, предварившихъ даже мои

запросы, вполне убѣдился не только въ полной готовности ихъ содѣйствовать всѣмъ зависящимъ отъ нихъ средствами исполненію Высочайшей воли, но и въ ревностномъ сочувствіи представителей разныхъ сословій въ ихъ губернскихъ городахъ къ предпринимаемому Академіей Наукъ великому дѣлу возбужденія въ губерніяхъ любви къ ихъ историческимъ памятникамъ и къ принятію мѣръ для приведенія ихъ въ извѣстность, описанія ихъ и охраненія отъ порчи и уничтоженія.

Не могу безъ глубокаго чувства возобновлять въ своей памяти тѣ счастливые часы, которые я провелъ затѣмъ въ Орлѣ, Тамбовѣ, Рязани и Твери какъ въ частныхъ бесѣдахъ съ ихъ разными дѣятелями и притомъ не рѣдко среди длинныхъ прогулокъ съ нѣкоторыми изъ нихъ по наиболѣе замѣчательнымъ мѣстностямъ того или другаго города, такъ особенно въ первыхъ засѣданіяхъ ученыхъ архивныхъ Комиссій. Всѣ власти — свѣтскія и духовныя — единодушно признавали важность начатаго правительствомъ дѣла и указывали на разныя мѣры, которыя слѣдуетъ предпринять къ ихъ достиженію по крайней мѣрѣ на столько успѣшно, чтобы губернскіе историческіе архивы могли заручиться своимъ отдѣльнымъ помѣщеніемъ и первыми въ нихъ зачатками архивовъ, библиотекъ и музеевъ. На сколько слова эти были справедливы, Ваше Сіятельство изволите удостовѣриться прочтя составленные слушателями Археологическаго Института отчеты изъ представленныхъ мѣ въ концѣ 1884 и въ самомъ началѣ 1885 годовъ учеными архивными Комиссіями подробныхъ донесеній о своихъ занятіяхъ по изученію каждой своей губерніи относительно имѣющихся въ ней древностей, въ особенности архивовъ разныхъ вѣдомствъ, и по ихъ описанію. Сознывая это серьезное направленіе ученыхъ архивныхъ Комиссій, Совѣтъ Археологическаго Института принимаетъ и съ своей стороны всѣ зависящія отъ него мѣры къ ихъ преуспѣянію, подкрѣпляемій не только вниманіемъ къ нимъ Вашего Сіятельства, но и нѣкоторыхъ почетныхъ членовъ Института и мѣстныхъ членовъ самихъ Комиссій. Такое именно содѣйствіе дало возможность устроить приличныя помѣщенія для историческихъ архивовъ съ ихъ музеями въ городахъ Орлѣ (въ зданіи Губернской Земской Управы) и Рязани (въ зданіи присутственныхъ мѣстъ); въ Твери приспособить къ этой цѣли, съ разрѣшенія Вашего Сіятельства, бывшій Рабочій домъ, а въ Тамбовѣ предпринять надстройку для Историческаго архива, для музея и засѣданій

ученой Комиссiи цѣлаго (третьяго) этажа надъ зданiемъ тамошней Публичной библіотеки. Но первыми трудами новыхъ ученыхъ Комиссiей положено начало и еще гораздо болѣе обѣщающей въ будущемъ цѣли: въ Археологическiй Институтъ уже поступили описи принятыхъ въ губернскіе историческіе архивы изъ мѣстныхъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ рукописей, документовъ и бумагъ—зародышъ имѣющаго сосредоточиться въ немъ со временемъ центрального хранилища всѣхъ описей и указателей тѣхъ рукописныхъ сокровищъ, которыя будутъ наполнять губернскіе историческіе архивы нашего государства. Успѣшнiй ростъ и богатство этого хранилища дадутъ намъ возможность не стыдиться даже передъ тѣми немногими иностранными центральными архивами, которые обладали доселѣ столь завиднымъ передъ нами преимуществомъ.

Благой примѣръ дѣятельности открытыхъ въ 1884 году ученыхъ архивныхъ Комиссiей возбуждаетъ стремленіе къ той же цѣли и въ другихъ губерніяхъ. По этому предмету я имѣю уже сообщенiя отъ нѣсколькихъ Губернаторовъ не только изъ внутренней Россiи, но и изъ Сибири, и на основанiи ихъ могу надѣяться, что число таковыхъ Комиссiей увеличится официальнымъ разрѣшенiемъ открытiя ихъ со стороны Вашего Сiятельства еще въ нынѣшнемъ году.

Николай Калачовъ,
Директоръ Археологическаго Института.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ПЕРВОКЛАСНАГО УСПЕНСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ ГОРОДѢ АЛЕКСАНДРОВѢ

(ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

А. Л.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Предисловіе	1— 4
2. Глава I. Новая Александрова слобода въ XVI и XVII столѣтіяхъ до основанія въ ней Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ 1651 г.....	5—11
3. Глава II. Монастырскій лѣтописецъ или сказаніе объ основаніи Успенской дѣвичьей обители и о дѣятельности ея первоначальниковъ преподобныхъ отцевъ Лукіана и Корнилія къ ея благоустройству внутреннему и виѣшнему, составленное въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія.....	11—33
4. Глава III. Исторія Успенской женской обители по монастырскимъ актамъ.	33—71
5. Глава IV. Настоятельницы монастыря	71—74
6. Глава V. Храмы и другія зданія.....	74—88
См. приложенныя къ этимъ главамъ въ 1-мъ альбомѣ таблицы: I) общій видъ Александровскаго Успенскаго монастыря; II) видъ Успенскаго храма и III) видъ теплаго Покровскаго храма (рис. 1); видъ Троицкаго собора (рис. 2) и видъ колокольни съ келліею царевны-инокини Маргариты Алексѣевны (рис. 3).	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александровскій Успенскій дѣвичь монастырь съ своими шестью храмами, которые составляютъ памятникъ двухъ царствованій XVI и двухъ царствованій XVII столѣтія, уже давно обратилъ на себя справедливое вниманіе нашихъ археологовъ и писателей, какъ обитель, построенная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ періодъ Опричины (1565—1582 г.) 17 лѣтъ прожилъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Незыблемымъ памятникомъ его здѣсь пребыванія остаются понынѣ два древнихъ храма: Успенія Богородицы, близъ котораго не одно монастырское преданіе, но и писцовыя книги XVII столѣтія указываютъ „мѣсто бывшаго двора Государева“, и Троицкій соборъ, имъ построенный, съ своеобразнаго вида высокою колокольнею; въ этомъ соборѣ доселѣ привлекають вниманіе знатковъ и любителей русскаго художества такъ называемыя „Васильевскія“ двери 1336 г., привезенныя сюда Грознымъ изъ Новгорода въ 1569 году, послѣ разгрома опаго.

Изъ посѣтившихъ Александровскій Успенскій монастырь въ нынѣшнемъ столѣтіи Н. Н. Мурзакевичъ и С. П. Шевыревъ оставили намъ свое описаніе: первый „Василевскихъ дверей“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1837 г., мѣсяць декабрь (600—622 стр.), а С. П. Шевыревъ—обозрѣніе всего Успенскаго монастыря въ своей книгѣ: „Поѣздка въ Кирилловъ Вѣлосерскій монастырь, въ 1847 году“ (стр. 36—44). Потомъ Успенскій монастырь былъ описанъ магистромъ іеромонахомъ Іоасафомъ, каковое описаніе съ небольшими измѣненіями было помѣщено въ 1857 г. во Владимірскомъ Сборникѣ К. І. Тихонравовымъ (стр. 95—107). Въ 1874 году Александровскій землевладѣлецъ Н. С. Стромилловъ описалъ монастырскія событія въ царствованіе Елизаветы Петровны (въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, кн. 1 (всего 51 стр.); а въ 1882 г. во Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ концѣ года помѣщено начало его статьи: описаніе Успенскаго монастыря въ XVII столѣтіи⁽¹⁾). Но все таки Успенскій монастырь доселѣ не имѣетъ у себя отдѣльнаго описанія, въ которомъ онъ былъ бы очерченъ вполне для тѣхъ изъ посѣтителей Успенской обители, которые, не имѣя при себѣ всѣхъ означенныхъ книгъ, пожелали бы на мѣстѣ не бѣгло ознакомиться съ его историческими достопримѣчательностями.

Принявъ во вниманіе всѣ вышеозначенныя сочиненія, мы рѣшились составить цѣльное описаніе сего монастыря, могущее удовлетворить любознательность почитателей русской старины, которые бы пожелали съ книгою въ рукахъ „помянуть часть дней древнихъ“ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они протекали то бурно и грозно въ періодъ Опричнины при царѣ Іоаннѣ Грозномъ (1565—1582 г.), то тихо и молитвенно при тишайшемъ царѣ Алексѣ

(¹) Описаніе это дополнено г. Стромилловымъ въ «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» (1882 г. №№ 43—48 и 53 и 1883 №№ 1—24) и перепечатано съ дополненіями имъ же какъ глава III-я исторической его біографіи: «Царевна Марфа, сестра Петра Великаго».

(† 1671 г.) и богомольномъ царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ († 1682 г.). Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь же оставило свои слѣды и время Петрово, разумѣю гробницы двухъ сестеръ его — царевны инокини Маргариты (Марѳы), здѣсь по его волѣ постриженной и здѣсь скончавшейся († 1707 г.), и царевны Ѳеодосіи Алексіевны († 1713 г.). Жива здѣсь и память любимой дщери Петровой, послѣдней царственной хозяйки Александровой слободы — доброй цесаревны Елизаветы Петровны, тутъ приготовившейся занять престолъ своего родителя.

Немногія изъ русскихъ женскихъ обителей сохранили въ стѣнахъ своихъ такое богатство и разнообразіе историческихъ воспоминаній, какъ обитель Успенская, но многіе-ли знаютъ это и посѣщаютъ ее? Отвѣтъ на этотъ вопросъ неудовлетворителенъ; хотя Успенская обитель и стоитъ недалеко отъ линіи желѣзной дороги, — изъ Москвы въ Ярославль, но не много находится охотниковъ остаться на ночь въ Александровѣ, съ прямою цѣлью осмотра этой древней обители. Вѣрно мы еще не дожили до того, чтобы дорожить своими историческими памятниками, подобно Европейцамъ⁽¹⁾. У Англичанъ есть отличные гиды и для путешествій по Россіи, а мы едва ли скоро дождемся историческаго общаго Указателя предметовъ достойныхъ вниманія и въ мѣстахъ лежащихъ на линіи желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ однѣ „Васильевскія“ двери въ Успенскомъ монастырѣ стоятъ того, чтобы пріѣхать нарочно въ Александровъ взглянуть на этотъ отлично сохранившійся доселѣ памятникъ русскаго искусства и иконографіе XIV вѣка. Кромѣ этихъ дверей и замѣчательныхъ образцовъ церковнаго зодчества XVI и XVII стол., любитель русскаго искусства найдетъ много достойнаго вниманія въ монастырской ризницѣ, а любитель русской письменности

---

(1) «Англичанинъ, ѣхавшій съ нами на пароходѣ — вѣстель В. П. Безобразовъ въ своей поѣздкѣ по Волгѣ въ 1867 г. (напечатано въ «Современной Лѣтописи», издававшейся при Русскомъ Вѣстникѣ, въ Москвѣ) — и не выпускавшій изъ рукъ своего гида, обладалъ изъ всѣхъ пассажировъ наибольшимъ количествомъ свѣдѣній. . . . а намъ прочесть чтонибудь про свое отечество, про такія пошлости, какъ Нижній Лысково, Чебоксары и т. п., это — верхъ смѣшнаго!»

остановить свое вниманіе на рукописяхъ монастырской библіотеки, которая нѣкогда принадлежала любимцу царя Феодора Алексѣевича, его постельнику, околицнику Алексѣю Тимофѣевичу Лихачеву († 1729 г.).

А. Л. . . .

I.

Новая Александрова слобода въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до основанія въ ней Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ 1651 году.

Мѣстность, на которой лежатъ старая и новая Александровы слободы (послѣдняя нынѣ городъ Александровъ, Владимірской губерніи), нѣкогда такъ сказать исчезала въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ древнюю Суздальскую область и наполненныхъ кромѣ обычныхъ хищныхъ звѣрей, медвѣдей и волковъ, еще лосями; были здѣсь и „бобровые гоны“ по лѣснымъ рѣчкамъ. Мѣстность эта, служа первоначально „становищемъ“ для звѣроловства, мало по малу заселялась, и, въ послѣдствіи, приписанная къ Александровскому женскому монастырю, существовавшему болѣе 500 лѣтъ въ г. Суздаль (упраздненному въ 1764 г., тѣперь же безприходная церковь Вознесенія Господня), получила отъ него свое названіе. Въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка отъ старой Александровой слободы (село находящееся понинѣ въ 5 верстахъ отъ гор. Александрова) отдѣлился другой поселъ, основанный на той же рѣчкѣ Серѣ, съ именемъ „Новой Александровой слободы“. Объ этомъ поселѣ первое извѣстіе относится къ началу XVI вѣка, а именно къ 1513 г. „Лѣта 7022 декабря 11 (1513 г.)“, какъ читаемъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ Троице-Сергіевой Лавры (1), . . . „Князь Василій Ивановичъ“ (1505—1533 г.)... „священа бысть церковь Покровъ Св. Богородицы *въ новолз селѣ Александровскомъ*; тогда же

---

(1) Сборникъ богослужебный XVI в., въ 4-ю д. листа, 445 л., № 647 (30-н).

князь великій и *во дворъ* вшелъ“ (1). И такъ, вотъ когда, и при комъ основалось „новое село“ Александрово и въ немъ *дворъ* для великаго государя. Иоаннъ Васильевичъ вѣроятно не разъ бывалъ въ новомъ селѣ Александровомъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ. А узнавъ еще со дной отрочества окрестности этого села, ставшаго при немъ „Слободю“, въ которыхъ, послѣ Троицкаго богомоля 1545 г., бояре тѣшили его охотою, царь ѣзжалъ сюда за тѣмъ же и съ царицею Анастасіею; вступивъ же во второй бракъ съ княжною Черкасскою Маріею Темгрюковной, часто живалъ въ слободѣ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду. Въ 1563 г. здѣсь онъ положилъ гнѣвъ свой на княгиню Евфросинію, мать двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, и „многіе сыски были“. Лѣтомъ 1564 г. онъ отсюда же начиналъ объѣздъ нѣсколькихъ городовъ, а осенью, оставивъ царицу въ Слободѣ, отправился самъ на встрѣчу Крымскаго хана Девлетъ-Гирея, уже прогнаннаго Васмановымъ. Возвращаясь тою же зимою въ Слободу, Иванъ IV, по сказанію Таубе и Крузе, велѣлъ прѣшкому слѣдовать туда же изъ Москвы нѣсколькимъ несчастнымъ, раздѣтымъ до-нага. Въ январѣ 1565 г. царь изъ Александровой Слободы написалъ митрополиту: „не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали куда Богъ укажетъ намъ путь“ и, въ то же время, особою грамотою, сообщилъ Московскому народу, что царская опала его не касается. Столица пришла въ невообразимое смятеніе, депутация Москвитчей представилась въ Александровой Слободѣ предъ Иваномъ IV, и умоляла царя вернуться на царство. Царь согласился, — но учредилъ *Опричнину*, назначилъ Александрову Слободу главнымъ ея пунктомъ и „нача въ Слободѣ жити со всѣми бояры *своими*, а къ Москвѣ прѣзжати не на великое время“; опричники же „начаша въ Слободѣ дворы ставити и избы разрядныя“. Жилище царское, окруженное „осыпью“ или великимъ землянымъ валомъ и обрытое глубокимъ рвомъ, устроилось на самомъ мѣстѣ нынѣшняго Александрова Успенскаго

---

(1) Мѣсто «двора Государева В. К. Василія Ивановича и царя Іоанна Васильевича опредѣляется тѣмъ, что въ писцовой книгѣ 1625 г. сказано: «мѣсто двора Государева придѣлъ Св. Николая Чудотворца», а известно, что придѣлъ Николая Чудотворца находился тамъ, гдѣ нынѣ придѣлъ Маріи Египетской, слѣдовательно къ нему и примыкало зданіе Государева дворца, и придѣлъ этотъ имѣлъ тоже значеніе, что нынѣ придворная церковь. Смолт. о семъ подробнѣе въ описаніи Успенской церкви (гл. V: «храмы и др. зданія»).

дѣвичьяго монастыря⁽¹⁾. Какъ мы видѣли выше, въ этомъ городѣ, еще до Іоанна Грознаго, уже стоялъ храмъ Покрова Богородицы (существующій и нынѣ) и „дворъ Государевъ“⁽²⁾. Слѣдовательно, монастырскія преданія, указывающія на то, что углѣввшее при Успенской церкви каменное зданіе (двухъэтажный флигель изъ трехъ келлій со сводами) есть часть дворца Іоанна Грознаго, должно считать справедливымъ. Церковь Успенія и Троицкій соборъ съ башне-образною колокольнею были построены въ той же осыпи, уже при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, между 1565 и 1570 годами, въ которомъ онъ украсилъ этотъ соборъ двумя вратами, вывезенными имъ изъ Новгорода и Твери. Царскіе же „хоромы“, отданныя въ 1650-хъ годахъ на монашенскія келліи и стоявшія „близъ Троицкой церкви“, вѣроятно были построены или одновременно съ Троицкимъ соборомъ, или уже послѣ „Литовскаго разоренія“.

По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ у иностранцевъ, посѣщавшихъ Александрову Слободу въ періодъ Опричнины (1565—1582 г.), царь, поселившись въ келліи близъ церкви, завелъ у себя весь монастырскій обиходъ, составилъ изъ 300 опричниковъ братію, наименовалъ себя ея игуменомъ, Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова епископомъ, самъ ежедневно въ 4 часа утра ходилъ съ царевичемъ и Малютою на колокольницу благовѣстять къ заутрени, и, одѣвшись въ „смирное“ платье, становился въ храмъ между опричниками, являвшимися въ скуфьяхъ и въ черныхъ рясахъ, изъ подъ которыхъ видѣлись расшитые золотомъ кафтаны, опушенные соболями. Изъ церкви опричники собирались въ 3 часа дня (11 ч., древній часъ обѣда на Руси) за общую трапезу, которая отличалась изобиліемъ яствъ, медовъ и винъ, а самъ царь, стоя у наоя, читалъ въ слухъ трапезующимъ душеспасительныя поученія, кушалъ же самъ, послѣ⁽³⁾.

---

(1) По писцовымъ книгамъ XVII ст. (1629 и 1675 годовъ) значилось: «городъ осыпной землей, шѣрою по валу кругомъ 532 саж. (нынѣ по стѣнамъ монастыря всего 452 саж.): въ длину 137 сажень, въ поперегъ 98 сажень».

(2) Въ описи 1629 г. сказано: «въ городѣ же въ осыпи мѣсто, что бывалъ Государевъ дворъ. — придѣлъ Николая Чудотворца, Живоначальныя Троицы, Алексѣя Митрополита, Успенія Пресвятыя Богородицы». Словоиъ, *«придѣлъ Николая Чудотворца»* (нынѣшній монастырскій) показанъ при «Государевомъ дворѣ» то есть, говоря по русски, онъ былъ тогдашнею «придворною церковью».

(3) Крузе (1572 г.) пишетъ, что въ опричнинѣ, въ Александр. слободѣ звонили къ заутрени

Всѣ эти свѣдѣнія, какъ заимствованныя въ сочиненіяхъ у современныхъ иностранцевъ и не подтверждаемыя письменными свѣдѣтельствами русскихъ, надобно принимать съ осторожностію. Легко можетъ статья, что царь, желая дисциплинировать „опричниковъ“, подчинилъ этотъ отрядъ своей охранной стражи монастырской дисциплинѣ, требовалъ, чтобы они ходили за „общую трапезу“, и въ служебныхъ обязанностяхъ посѣщали церковныя службы. Но въ послѣднемъ нѣтъ ничего особеннаго, если вспомнимъ, что и при дворѣ тишайшаго царя Алексѣя Михайловича соблюдалось тоже самое, то есть, что царь, а за нимъ бояре и прочіе придворные чины присутствовали при церковныхъ службахъ. О царѣ же Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ извѣстно, что онъ при церковныхъ службахъ любилъ самъ участвовать въ чтеніи и пѣніи. Въ Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ, на южной сторонѣ паперти соборной церкви, во имя сего Святаго построенной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ и освященной въ присутствіи его и всего царскаго семейства и бояръ въ 1564 году митрополитомъ Афанасіемъ съ освященнымъ соборомъ, вѣдѣлана большая плита изъ бѣлаго камня съ надписью о самомъ освященіи, въ коей между прочимъ читаемъ: „благочестивый Государь... всенощное бдѣніе слушалъ и на утрени первую статью самъ Царь челъ, и Вожеественныя литургіи слушалъ, и краснымъ пѣніемъ съ своею станицею самъ же Государь тѣлъ на заутрени и на литургіи“. Вотъ та, засвѣдѣльствованная русскими источниками черта въ жизни царя, которая могла подать иностранцамъ поводъ къ приведеннымъ выше преувеличеніямъ и искаженіямъ. Живя въ Александровой слободѣ, Іоаннъ, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе чувствовалъ душевную потребность разсвѣять тьму страстей его обуревавшихъ церковнымъ чтеніемъ и пѣніемъ, до которыхъ былъ охотникъ и знатокъ оныхъ, ибо сіе входило въ систему тогдашняго воспитанія⁽¹⁾.

Въ трехъ верстахъ отъ Александровой слободы была расположена

въ 4 часа; заутреню пѣли съ 4 до 7 часовъ утра; въ 8 часовъ благовѣстили къ обѣднѣ, продолжавшейся до 10 часовъ; въ этому времени бывалъ готовъ обѣдъ для опричниковъ, послѣ котораго обѣдалъ самъ царь. Въ 8 часовъ благовѣсть къ вечернему богослуженію, продолжавшемуся до 9 часовъ (Аделунгъ, Обзорніе иностр. путешествіи. стр. 171).

(¹) Извѣстенъ распѣвъ стихиръ «на Гди воззвахъ» съ кривоными нотами и надписью: «Твореніе Царя Іоанна, деспота Россійскаго», а равно и славникъ св. митр. Петру, съ надписью: «Твореніе Царевъ». См. стихирарь Т. С. Л. № 421.

царская стража, безъ вѣдома которой никто не смѣлъ ни вѣзжать въ слободу, ни выѣзжать изъ нея, — и Курбскій, конечно, разумѣлъ этотъ запретъ, когда проницательно писалъ: „и стала та слобода (свобода) горше Египетскаго рабства“. Предполагаютъ, что множество жертвъ царскаго гнѣва утоплено въ прудахъ, окружавшихъ нѣкогда Успенскую обитель, называвшихся, по описанью, „Царскими“ и теперь давно исчезнувшихъ, или истомлено пытками и заключеніемъ въ обширныхъ двухэтажныхъ подвалахъ Успенской церкви, разбитыхъ, неизвѣстно для чего, на узкія темныя камеры. Но всѣ эти предположенія суть только одни предположенія, не основанныя на русскихъ письменныхъ источникахъ. Что жилъ тутъ Грозный, — извѣстно; что была *проза*, были *опалы*, *сыски* и *казни* въ періодъ причинны, — и это извѣстно, а гдѣ именно эти казни совершали, и гдѣ содержали заключенныхъ, въ этихъ ли самыхъ подвалахъ или индѣ, никто не знаетъ и никто не можетъ сказать о томъ ничего утвердительнаго. Царское жилище того времени имѣло нужду въ большихъ подвалахъ, какъ для храненія въ нихъ обширныхъ хозяйственныхъ заготовленій, такъ и для охраны имущества отъ пожаровъ, — это тоже извѣстно каждому. Если вѣрить свидѣтельствамъ иностранцевъ, кровопійственный градъ, какъ назвалъ Александрову слободу князь Курбскій, цѣлыхъ 17 лѣтъ наводилъ ужасъ на Россію; въ дѣйствительности же извѣстно лишь, что большую часть этого времени точно прожилъ здѣсь царь Иванъ Васильевичъ Грозный; здѣсь же, кромѣ Стрѣлецкой слободы и осадныхъ дворовъ (между коими извѣстны по описанью XVII ст. дворъ царскаго родственника Глинскаго и дворъ Троице-Сергіева монастыря), была и „Печатня слободка“, въ которой жили печатники типографіи, перевезенной сюда изъ Москвы. Изъ книгъ здѣсь напечатанныхъ извѣстна покуда нашимъ библиографамъ лишь одна *Псалтирь*, напечатанная (какъ значитъ въ выходѣ) въ *Новомъ градѣ Слободѣ* (Александровой) Андроникомъ Тимофѣевымъ Невѣжею 1577 г., въ 4-ю д., 280 лист. (1). Новгородскій мастеръ XVI вѣка Иванъ Аванасьевъ, въ 1571 г., слилъ въ слободѣ колоколь для Новгорода (Поли. Собр. Рус. Лѣт., т. III, стр. 168. Карамз. истор., т. IX, прим. 398).

---

(1) Сомнительно, чтобы успѣли напечатать здѣсь только одну эту книгу, вѣроятно, что другія еще не отысканы.

Въ этой самой Александровой слободѣ задумалъ Грозный *третью* эпоху казней (1567 г.), и сюда же укрылся отъ мороваго повѣтрія, постигнувшаго Москву (1568 г.); здѣсь изрекъ онъ смерть всему семейству несчастнаго князя Владиміра Андреевича Старицкаго, отравленному, какъ рассказываютъ, на его глазахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ слободы въ селѣ Слатинѣ (1569 г.); и отсюда же, не заѣзжая въ Москву, отправился карать Клинъ, Тверь, Торжекъ и Новгородъ (1569 г.); здѣсь получилъ онъ страшную вѣсть о соженіи Крымцами Москвы и истребленіи нѣсколькихъ тысячъ народа (1570 г.), и сюда велѣлъ свезти со всѣхъ концовъ Россіи 2.000 новѣсть, изъ которыхъ избралъ въ царицы дочь Новгородскаго купца Марѳу Собакину (1571 г.). Здѣсь вдовый, послѣ двухнедѣльнаго брака, послалъ онъ въ Москву духовное завѣщаніе, въ которомъ называлъ себя „скитающимся по сторонамъ“ (1572 г.), и здѣсь же отдыхалъ послѣ Дерптскаго похода (1577 г.); отсюда въ ту пору, когда Ляхи и Шведы громили Россію, повелѣвалъ онъ, укрываясь самъ, воеводамъ своимъ „промышлять дѣломъ Государевнѣ, какъ Богъ вразумитъ“ (1580 г.), и отсюда же писалъ свои остроумныя письма къ Польскому и Литовскому королю Стефану Ваторію и къ Литовскимъ панамъ, въ которыхъ пану Полубенскому, вѣроятно гордившемуся своимъ происхожденіемъ отъ баснословнаго Полемона, говоритъ: „мню, что ты не Полемонова, а полуумнаго рода“.

За все время oprичнины, Александрова слобода, благодаря пребыванію въ ней Государя, видѣла пословъ: Черкаскаго князя Маметрѣка Темгрижковича (1565 г.), Шведскаго канцлера Нильса Гилленстерна (1567 г.), Англійскаго Райдольфа (1569 г.), Папскаго Антонія Поссевина (1582 г.) и частныя депутаціи отъ Ливонскихъ рыцарей и пановъ Польско-Литовской рады. Въ Литовской метрицѣ не разъ упоминается объ Александровой слободѣ, по случаю пріема тамъ польско-литовскихъ пословъ и гонцевъ. Наконецъ въ той же Александровой слободѣ, царь, 19 ноября 1582 года, въ порывѣ гнѣва, собственною рукою пресѣкъ жизнь старшаго сына и наследника своего, царевича Іоанна, и вслѣдъ затѣмъ навсегда оставилъ страшное мѣсто.

По смерти Ивана IV Васильевича († 1584 г.), любимое мѣстопребываніе его оставалось забытымъ; лѣтъ 25 спустя, въ такъ называемое „Литовское разореніе“, оно было разграблено польскимъ гетманомъ Сапѣгою,

осаждавшимъ безуспѣшно сосѣдственную слободѣ Троицкую Лавру. Но доблестный Князь Михайлъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, побѣдитель Лисовскаго подъ Калязинимъ монастыремъ, тогда же прибылъ въ Александрову слободу, построилъ въ ней острогъ, и, осенью 1609 года, поразилъ Сапѣгу у села Каринскаго, въ 5 верстахъ отъ слободы. Сюда пришла Ярославская дружина, сюда стеклась низовая рать, спѣшили изъ Москвы царскія войска, сюда ждали союзника русскихъ—Шведскаго военачальника Якова Делгарди, и здѣсь, въ Александровой слободѣ, Прокопій Ляпуновъ предложилъ Скопину царскій вѣнецъ, честно имъ отвергнутый.

II.

Монастырскій лѣтописецъ или сказаніе объ основаніи Успенской дѣвичей обители и о дѣятельности ея первоначальниковъ преподобныхъ отцевъ Лукіана и Корнелія къ ея благоустройству внутреннему и внѣшнему, составленное въ первой половинѣ XVIII столѣтія⁽¹⁾.

Въ лѣто 7158 (1650) году во обители Рождества Пресвятныя Вогородицы, иже на болотѣ отъ Александровой Слободы имѣя разстояніе въ десяти поприщахъ, строитель Лукіанъ, жилище имѣя въ созданной отъ него обители, изъ той Слободы Александровой той строитель Лукіанъ постригъ прежде всѣхъ въ началѣ у себя въ Лукіановой пустыни изъ Александровой Слободы Троицкаго священника Феодора вдовую попадью Анну, и нарече ния ей *Анисія*. И въ малѣ времени изъ той же Слободы постригъ вдовицу

---

(1) Эта такъ называемая «Лѣтопись», точнѣе «Сказаніе о основаніи Успенскаго монастыря и о дѣятельности его первоначальниковъ преподоби. отцевъ Лукіана и Корнелія къ его благоустройству внутреннему и внѣшнему», написано, какъ видно, одною изъ монахинь сего монастыря, очевидицей трудовъ препод. Корнелія, въ своей молодости. Написано же въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, и въ копіяхъ распространилось между жителями Александрова, «знавшими лично старца и благоговѣвшими къ его памяти». Означенная (шестъ единственная) «тетрадь» принадлежала, какъ видно изъ надписи на ней, «гор. Александрова управительныхъ дѣлъ подканцелярису Ивану Ларионовичу Зубову», зачата имъ писать въ 1767 году августа 31 числа и, къ сожалѣнію, осталась неоконченною; какъ она поступила въ вѣдѣніе монастыря, остается неизвѣстнымъ. Хорошо, что на память родамъ сохранилась хотя одна копія этого сказанія, безъ котораго мы знали бы преподоби. отца Корнелія лишь по преданію.

Оеклу и нарече имя ей *Теодора*, и начаша жити тѣ инокини у приходской церкви Рождества Христова, въ Слободѣ. И начаша мѣрстїи людїе блазнитися, и на нихъ роптати: почто си постригаются, не имущи монастыря? И они о семъ зѣло оскорбишася, и пришедши ко отцу Лукіану, и начаша его молити: умилосердися, отче святїй, изыщи намъ мѣсто тихое и безмолвное, идѣже отъ міра удалитися, и отецъ Лукіанъ нача ими пещися, идѣже бы тѣмъ монахинямъ жилище имѣти, и обрѣте мѣсто Успенія Пресвятыя Богородицы въ буграхъ. И той отецъ Лукіанъ поѣхалъ къ Москвѣ бити челомъ Великому Государю Благовѣрному Царю Алексію Михайловичу. И пожалова Великій Государь Царь свою царскую грамоту на двѣ церкви къ Успенію Пресвятыя Богородицы или къ Живоначальной Троицѣ. И умысли отецъ, яко прилично быти имъ у Успенія Пресвятыя Богородицы въ буграхъ. И тая церковь отъ разоренія была пуста и запорошена и не освящена. И тѣ старицы Анисія и Теодора святую церковь очистили и иконы измыли и все добрѣ устроили. Мѣсяца апрелія въ 15 день поселилися старицы у Успенія Пресвятыя Богородицы, и жилище имѣли въ палаткѣхъ подъ придѣломъ Чудотворца Николая, идѣже нынѣ Марїи Египетской. И отецъ Лукіанъ испроси благословенія у святителя и постави часовню близъ монастыря, при пути, старицамъ на потребу. И та старица Анисія приведе на жертву Богу дочь свою Марю седми лѣтъ сущу. Въ то же лѣто постриже ю во ангельскїй образъ іеромонахъ Лукіанъ и нарече имя ей *Маера*; въ той неосвященной церкви, тоя же слободы, постриже вдовицу Екатерину и нарече имя ей *Евпраксія*, и бысть первая начальница во обители сей. А къ церковному пѣвнїю ходили къ Покрову Пресвятыя Богородицы, а пшцу имѣли отъ своего рукодѣлія и отъ мірскаго подаванія. И повелѣ отецъ имъ не отверзати дверей, но въ оконце милостыню прїимати, бѣсовскаго ради мечтанія; понеже тогда онъ много прїиша страхованія отъ діавола: овогда ихъ за власы влачаше, иногда же камениемъ меташе и сосуды опровергая, многажды же и во образѣ человѣческомъ являся. Отецъ же Лукіанъ посѣщаше мало свое стадце и поучаше ихъ отъ Божественнаго писанія, повелѣвая имъ неисходнымъ быти изъ келліи, токмо ради многого унынія повелѣвая имъ приходити къ себѣ въ пустыню къ Пресвятѣй Богородицѣ помолитися и отъ печали утѣшиться. И собрася Богомъ собранное стадо: уже стало семь старицъ; тогда отецъ Лукіанъ

повелѣваетъ имъ общую трапезу поставляти и все ижѣніе ихъ (учреди) обще быти. Въ то же время прилучися мимо ѣхати Александру Ѳеодоровичу дворянину Боркову, и приде посѣтити ихъ и подаде имъ милостыню; и возвѣсти Благовѣрной Царицѣ Маріи Ильиничнѣ о общемъ ихъ жительствѣ. Благовѣрная же Царица зѣло о семъ возрадовася; благодареніе воздаде Богу. И избраша едину отъ инокинь и послаша къ Москвѣ битъ челоуъ Благовѣрному Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу и Благовѣрной Царицѣ Маріи Ильиничнѣ, и пожаловала имъ Благовѣрная Царевна Ирина Михайловна 30 рублей денегъ на строеніе монастырское ходатайствомъ Александра Ѳеодоровича, а снесла сверху тѣ деньги княжна Марѳа Андреевна Шаховская и приказала тѣмъ старицамъ Бога молити за Благовѣрную Царицу Марію Ильиничну; понеже въ то время во чревѣ ижѣла Благовѣрнаго Царевича Алексія Алексіевича⁽¹⁾, и сказала имъ, что „обѣщается де, Благовѣрная Царица, вашъ монастырь строить, аще Богъ дастъ Царевича, и вы того не вѣдаете чѣмъ васъ станеть Царица Государыня жаловать“. И привезши тѣ деньги, и построили ограду кругъ Успенія Божіей Матери и двѣ келліи поставили. Егда же услышаша радость велию, яко дарова имъ Богъ Благовѣрнаго Царевича Алексія Алексіевича, и паки послаша двухъ старицъ, Ѳеодору и Марѳу, къ Москвѣ битъ челоуъ Благовѣрному Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу и Благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Ильиничнѣ, чтобы имъ пожаловали ради всемірныя радости на церковное строеніе. И пожаловала Государыня Царица 40 рублей денегъ на церковное строеніе, и тѣми деньгами иконы починили и церковь украсили. По малѣже времени прилучися святѣйшему патриарху Никону путешествовати; егда ста противъ обители Успенія Пресвятыя Богородицы, тогда къ нему изыдоша старицы на благословеніе, онъ же подаде имъ благословеніе и зря на святую обитель, осѣненіемъ благословляше и пророчески трижды возгласи: „да будетъ сіе мѣсто свято, и благословенно и прославлено“, и даде имъ милостыню: хлѣбъ и три осетра рыбы, и икры и масла. Отецъ же Лукіанъ испроси благословеніе у святителя, и освати церковь Успенія Пресвятыя Богородицы на самый празд-

---

(1) Родился 1654 г. февраля 5 дня.

никъ, въ моровой годъ (1654-й). И послѣ божественныя литургіи изыде изъ церкви, и нача ученіе веліе простирати, пророчески глаголаше о всемъ нынѣшнемъ житіи, прорицая будущая, яко настоящая, понеже отецъ Лукіанъ мужъ былъ святъ и праведенъ, имѣлъ житіе благочестивое и крѣпкое, пустынное и трудолюбивое, прежнимъ святымъ отцамъ послѣдуя, и много глагола о семъ своимъ монахинямъ, завѣщаль, и плакалъ и заклиналъ: аще кто разоритъ общину обоехъ обителей моихъ, разоритъ и его Господь Богъ. И о семъ глагола и пророчествуя: отъ сего разумѣете, аще обрису дерзновеніе у Господа Бога, — егда по смерти моеи прославятся сіи обители мои и распространятся, и будутъ васъ посѣщати великіе люди, князи и бояры, и Благовѣрные Царіе, и будетъ у васъ учитель благочестивый и праведный, и при томъ учитель обитель: сіа распространится и монахинь умножится, прославятся и вознесутся, но на малое время, понеже возстанутъ мятежи многіе, и нѣа многая прорече. И поживе святой отецъ пять лѣтъ, устроивъ святую обитель сію, и преставися ко Господу мѣсяца септемврія въ 9 день. Послѣжде мороваго году (повѣтрія) остася 6-тъ стариць, и намѣстница бѣ у нихъ прежде реченная *Евпраксія*, и посылаетъ двухъ стариць; *Феодору* и *Марю*, къ Москвѣ, къ Великому Государю, бить челомъ о: другъ, и пожаловалъ Государь на 25 стариць по рублю денегъ, да по четверти ржи и овса, ходатайствомъ *Феодора Михайловича Ртищева* да *Александра Феодоровича Боркова*; въ то же время добилися и мало земли на капусту, что и прежде были *Успенскіе* огороды, и начаша наймати погодно себѣ іеромонаха *Ефрема*, и начаша старицы молити его, дабы имъ былъ пастырь духовный, и при томъ же отцѣ *Ефремѣ* ходили старицы на посадъ, и у благочестивыхъ людей на пресфоры муки прошали и на свою потребу; и всего житія общаго было дванадесать лѣтъ. И послѣ явились у нихъ мятежницы и начаша разоряти общую ихъ трапезу, и прежде собранныя старицы отца Лукіана стали имъ запрещати и отеческую клятву возвѣщати, и они не восхотѣли послушати ихъ, но что было собрано обще, и то все по себѣ раздѣляли и по келліямъ начаша ясти, а прежде реченная намѣстница *Евпраксія* преставися вскорѣ послѣ мору, избравши имъ игуменью съ Москвы изъ монастыря *Алексѣевского*, старицу *Евимию*, и поживъ три лѣта и оставили ее за неисто-

вое⁽¹⁾ житіе, и потомъ была игуменія *Иулита*. Отець же ихъ Ефремъ поживе съ ними семь лѣтъ и преставися ко Господу, а церковной же красоты при немъ ничего не было: егда утреннюю поя, тогда и псалтирь стоя самъ читаше, и каноны воспѣвал, егда же служи литургію, тогда единъ самъ совершаше, а иногда пѣвца нанимали; понеже во обители не было ученыхъ Божественнаго Писанія, но одна старица Екатерина мало во псалмѣхъ помогаше, — и тако житіе свое исправляху.

Приспѣ же слово о отцѣ *Корниліи*: отецъ же Корнилій рожденіе имѣя близъ царствующаго града Москвы, въ Троицкой Слободѣ, отца имѣя именемъ Игнатія, художествомъ купецъ бѣ, и матери Евдокии; егда же родиша сего отрока и нарекоша имя его во святомъ крещеніи Козма, — отдаша его въ наученіе грамотѣ, онъ же изучився вскорѣ, дѣтскимъ же играмъ не прилѣпляясь, но желаше иноческаго и пустыннаго житія. И егда дойде 23-ти лѣтъ, и приде въ единъ монастырь и пріять на себя ангельскій образъ и поживе ту 5-ть лѣтъ, и пошелъ въ пустыню во Флорищеву, и тамо пребываше и на крылосѣ поя, въ трудѣхъ монастырскихъ проходя, въ постѣ и молитвѣ день и ночь Богу работая, и многая отъ бѣсовъ страхованія пріять: и явѣ въ чловѣчѣ образѣ показовахуса, и силою крестною бевъ вѣсти сихъ творяше. И оттуду изыде, дая мѣсто гнѣву, понеже начальникъ на него нача ненависть имѣти, что братія его весьма любляху, смиренія ради и ученія; самъ сія намъ повѣда про себѣ. И Богомъ наставляемъ, приде жити въ Лукіянову пустынь, и видяше братія его доброе житіе, и начаша его молити, дабы воспріялъ священнической чинъ, и едва умолиша его. Егда воспріялъ священнической санъ и бысть имъ пастырь, уча и наказуя добръ словесное свое стадо, и приходяше въ Александрову слободу потребы ради монастырской, и часто въ Успенскомъ монастырѣ инокинь посѣщаше и милостыню имъ подавая.

Въ лѣто 7170 (1662) года и по Божию изволенію, старецъ Теофанъ привезе отъ царствующаго града Москвы двѣ старицы: *Пелагію* и *Наталію*, во обитель Пресвятыя Богородицы Успенія, что въ Александровѣ слободѣ, и повелѣ имъ ту до времени пребывать, дондеже обряцетъ мѣсто тихое и безмолвное на спасеніе души; они же тутъ пребывающе и по

---

(1) По прежнему смыслу этого слова, оно значило: «не настоящее, не надлежащее» житіе.

малѣ времени идоша въ Лукіанову пустынь Пресвятѣи Богородицѣ помолитися и отъ отца Корнилія благословеніе принять. Егда же придоша въ монастырь Пресвятѣи Богородицы, тогда строитель, іеромонахъ Корнилій, срѣтаєтъ ихъ съ двѣма старцами и благословеніе имъ подаваєтъ съ радостію, зане и прежде того времени знааше ихъ; они же помолившеся Пресвятѣи Богородицѣ, дабы наставила ихъ на мѣсто тихое и безмолвное. Пастырь же добрый приємлетъ ихъ въ келлію, и учреждаєтъ имъ трапезу духовную, потомъ же и тѣлесную, и вопрошаєтъ ихъ: коея ради вины оставили есте царствующій градъ Москву и пречестную обитель боголѣпнаго Вознесенія? Они же ему откровенно повѣдають, яко не изгнанія ради, ниже бѣды душевныя или тѣлесныя, но за самую любовь Христову, желяємъ обрѣсти мѣсто тихое и безмятежное, идѣже Богъ наставитъ. Тогда же добрый пастырь, Богомъ наставляємъ, предлагаєтъ имъ свой совѣтъ: аще volete послушати мя, пребывайте во обители Пресвятѣи Богородицы Успенія, и азъ буду о васъ попеченіе творити съ монахомъ Теофаномъ. Они же видѣвши доброразсуднаго пастыря совѣтъ, пріяша съ любовію, и оттолѣ начаша пребывати во святѣи обители той, у игуменіи Іулиты, въ келліи, со благоговѣніємъ и кротостію, терпяще всякую нужду тѣлесную: хлѣбъ со овсомъ ядаше, и щи лебядныя ⁽¹⁾ варяше, поношеніе же и укореніе отъ всѣхъ терпяше; понеже они въ той обители ни отъ кого-же знаєми суть, старицы же обители той сумняхуся и глаголаху между собою тайно: како сіи оставльше такую пречестную обитель и во убогое сіе мѣсто придоша? Отецъ же Корнилій, зря въ нихъ смущеніе, глаголетъ имъ: примите сихъ старицъ, не смущайтєся, азъ бо испоручаюся за нихъ, яко не отъ нужды, ниже отъ бѣды нѣкія, но за самую любовь Христову, въ сіе въ скудное мѣсто придоша, хотяще отъ Бога небесное богатство пріяти. Но обаче же и о семъ сумняхуся, зря едину отъ нихъ на всякомъ мѣстѣ зѣло плачущу, нїи же отъ нихъ съ кротостію вопрошаху: что толико плачєши, и что есть безмѣрная печаль твоя, скажи намъ? Она же крѣпляшєся и отвѣщєвашє имъ: ничтоже имамъ, обаче же горькія печали не возможе утолити въ сердци своемъ, наипаче слезами обливашєся. Послѣжде повѣда имъ, яко имѣла двѣ дочки малѣ сущи: едину о одинадцати лѣтъ, другую же о восьми

---

(1) Отъ слова: лебеда.

лѣтъ, третью же, аще и не родила плотию, по духомъ, тако же болю и о ней, обаче, за любовь Господа моего Иисуса Христа, оставихъ ихъ у дальней сродницѣ моей, егда же воспоминаю ихъ разлученіе, и горькое рыданіе, и припадываніе къ ногамъ моимъ, и глаголаше мнѣ: мати наша любезная, радость и утѣшеніе наше, кому насъ бѣдныхъ сиротокъ оставляеши? и слезныя источники отъ очей ихъ непрестанно текуще, и едва разлучившеся отъ мене, еле живы суще, тогда сердце мое зѣльною печалію обмираетъ и источники слезныя отъ очей истекають, наипаче же молю о семъ Господа моего Иисуса Христа, чтобы ихъ наставилъ на путь спасенія. Той же добрый пастырь пріемлетъ оныя двѣ старицы во свою паству и бысть имъ наставникъ духовный.

Но семъ же той пастырь оставляетъ свою обитель, яко же желаетъ сленъ на источники водная, сице желаше душа его отъ юности пустыннаго жительства и со святыми отцы пребываніе имѣти: иде во внутреннюю пустыню; и многія пустынные мѣста обхождаше, и святыя отцы посѣщаше, но нѣкая сила Божія влечаше его возвратитися во святую обитель. Егда же пріиде, тогда братія его пріемлютъ съ великою радостію, и Божія церковь паки пріемлетъ свое благолѣніе. И народи начаша паки стекатися во святую церковь слышати слово Божіе отъ устъ его медоточныхъ; странныя же оныя старицы зѣло возрадовашася, слышаще приходъ добраго пастыря и духовнаго наставника; оны же паки ихъ посѣщаше и попеченіе объ нихъ творя, душевное и тѣлесное. Они же пребываху благодаряще Бога, токмо едину печаль имѣху, что во святой церкви скудость велія, и нѣсть поющихъ; зѣло же было скудно въ церкви: ризь токмо четыре обычныхъ, да стихарь единъ, и келлій было въ то время девять, десятая крестовая, а сѣни у иныхъ бревенчатыя, а у иныхъ отъ хвратинъ сплетенныя. Игуменія же Іулія въ крестовой живяше, лѣтомъ въ церкви пояху, а зимою въ крестовой же, утѣшенія ради, малыя дѣвочки, на печи стояху съ часословцы, тихимъ гласомъ учяхуся; старицы же питахуся отъ своего рукодѣлія, благодаряще Бога, съ радостію живяху; числомъ же ихъ бяху 18-ть; службы же не было во святой церкви, токмо наймоваху священника по праздникамъ, а иногда въ соборъ (Покровскій) хождаху или у Троицы. Пожиямъ же изволеніемъ монахъ Теофанъ привезе съ Москвы и трехъ дщерей прежде воспоминаутой старицы Пелагія, и по малъ времени постриже

ихъ отецъ Корнилій, и нарече имена: Варсанофій, и Тансін и Евиміи, блгу бо научена отъ Вожественнаго Писанія, еще суще на Москвѣ; и начаша пѣти на клыросѣ всю службу церковную, съ ними же и преждевспомянута старица Наталія, каноны и псалмы поя. По малѣ же времени той же старецъ Теофанъ превезе изъ Переславля преждевспомянутую старицу Анисію со дщерію, понеже исходила ради гоненія отъ обители сел, блше бо дщерь ея научена грамотѣ, и та нача на крyлосѣ пѣти, иногда же и сама Анисія помогаше. Пришедшу же Филиппову посту, игуменія же Іудита совѣтъ сотвори съ сестрами, како бы имъ умолати отца Корнилія, дабы имъ былъ пастыремъ. Егда же пріѣхалъ отецъ Корнилій на посѣщеніе, и пришедъ къ вечерни въ крестовую, по вечернемъ же пѣніи игуменія съ сестрами приходятъ ко отцу Корнилію и падаютъ предъ ногами его, и молятъ, дабы имъ училился пастыремъ. Той же доброразсудный пастырь, мало отрицаяся, яко искушая ихъ, но зря вѣру ихъ и непреклонное моленіе, припоминаеть имъ Христово рѣченіе: „яко грядущаго ко Миѣ не изжену вонъ“, приемлетъ ихъ во свою паству духовную, и возлагаетъ на ся тяготу пастырскую, припоминая Христово рѣченіе: „аще погубиши одну отъ овецъ Моихъ, кровь ея отъ руки твоея възыщю“, и отвѣщаніе на судѣ: „се азъ Господи и дѣти мои“, и начать зѣло скорбѣти, яко толикою тяготою обложися, ибо два монастыря содержаше, во обители своей живяше, а новоприведенную свою паству изъ недѣли въ недѣлю посѣщаше и предлагая имъ пищу духовную, и пакы возвращашеся во свою обитель. Того же гѣта, во святую четyредесятницу, въ нѣкоторый день, тогожде монастыря старица именемъ Марѳа пріиде на посѣщеніе преждевспомянутой странной старицы Пелагій, и глаголаху о пользѣ душевной; дойде же слово и до сего, и вопрошаеть старица Пелагія пришедшей старицы: како у васъ община была, и како разорилася, она же повѣда ей все по ряду; старица же Пелагія глагола ей: „зѣло желаетъ душа моя общаго жительства“; она же глагола ей: ни, сестро моя, не желай сего, общее бо житіе мятежно есть, ты сего не знаешь, а мы знаемъ, у насъ то было. Дойде же слово сіе и отца Корнилія, онъ же призвавъ особъ старицу Пелагію глаголетъ ей: „почто ты смущаеши сестры, чего они не изволяютъ? ты не на уставъ пришла еси, но помани свое исхожденіе и живи смиренно, и будетъ ти во спасеніе“. Она же, падше предъ ноги его и прощенія просяще: прости мя, господине

отче, кто есмь азъ грѣшная и странная, толикое сіе дѣло сотворити, азъ не къ созиданію общаго житія сія глаголала, но вопрошая ея о первомъ ихъ жительствѣ, и отъ простоты души своея повѣдала ей желаніе свое.

По малѣ же времени пріѣхалъ отецъ Корнилій на посѣщеніе своего стада, и пріиде въ келлію преждевспомянутой старицы Анисіи, и пріиде же ту старица Пелагія съ своими келлейными, и старица Феодора съ своими келлейными жъ, ко отцу Корнилію на благословеніе. Отецъ же глагола имъ: хочу вамъ нѣкій образъ изъяснити; они же рѣша ему: пожалуй, господине отче, яви намъ, и мы съ радостію послушаемъ. Тогда глагола имъ отецъ Корнилій: мню, что отъ Божія воли пріиде ми мысль сицева: хочу учинити у васъ общее жительство, но не всѣмъ, токмо тремъ келліямъ, ради испитанія, како будете жити? Они же съ радостію слово пріемше и глаголаху: отче святыи, буди воля Божія, и твоя; отецъ же Корнилій нача метати жребіи и паде на старицу преждереченную Анисію изъ той же Александровы слободы. Отецъ же Корнилій прежде всѣхъ пріемлетъ во свою паству дѣвицу Анисію, и постриже ее во ангельскій образъ, и нарече имя ей Анюса, а другую дѣвицу Елену, дщерь преждевспомянутой старицы Пелагій, и постриже е, и нарече имя ей Евфимія, и даде обѣихъ на послуженіе и во общую потребу подъ началъ старицъ Анисіи, и потомъ избра казначею, преждевспомянутую старицу Наталію, и совокупша все имѣніе свое во едино, и предложша трапезу, и собравша вси числомъ 12-ть, сѣдоша за уготованную трапезу. Отецъ же Корнилій съ радостію благослови трапезу и сѣде съ ними; дщери же преждевспомянутой старицы Пелагій, отъ него постриженной, именовъ Варсанофій, повелѣваетъ жертвенникъ чести; коларь же пищу поставляетъ; по обѣдѣ же благодареніе воздаша Богу, отецъ Корнилій начатъ трехъ крылошанокъ пѣть учить: Марю, Варсанофію и Таисію — преждереченныхъ. Игуменія же Іуліта отъиде ко Господу, старицы же избраша себѣ игуменію вышереченную Анисію, вмѣсто же ея старицу Феодору. Начаша же христолюбцы приходити въ домъ Божія Матери молитися, и милостію подавати, паче же во общее житіе. Въ то же время пріидоша два брата отъ царствующаго града Москвы, единъ Кирилль, а другій Митрофанъ, Божій Матери помолитися, и принесоша милостію довольно во общее житіе. Старецъ же Теофанъ пріятъ ихъ съ радостію, приведе въ келлію къ преждереченной старицѣ Пелагій, она же

нача имъ служити, со страхомъ и благоговѣніемъ нозѣ ихъ умывати; они же отъ страха начаша трепетати и лице свое слезами омывати, и не возмогша взяти обуви своей; но босыми ногами возвратишася къ Москвѣ, и оттолѣ начаша любовь велію имѣти ко обители сей и по силѣ своей всякія потребности давати. Единъ же нѣкто отъ христіанъ именемъ Артемій даде во общину корову на питаніе монахинямъ, до сего же не бывало ни малой какой животины. И по семъ начали христіанскія дщери въ монастырь приходити и съ собою приводяти коровъ вкладу; иногда христолюбцы и съ Москвы на- нади присылали, и отъ сего умножилися во святой обители сей.

Тогожде лѣта отецъ Корнилій пріѣхалъ съ Москвы, глагола старицямъ: слышалъ я отъ благодѣтелей, что Великій Государь глаголетъ: „аще ли вси пойдутъ во общину, тогда велю и ругу дать, аще ли же не пойдутъ, то ничего не велю давать“. Тогда услышаша старицы, зѣло воскорбѣша и начаша глаголати: аще же по прежнему будетъ у насъ, то зѣло мятенно. Тогда отецъ Корнилій глагола имъ: не скорбите о семъ и не противтеся царскому повелѣнію, не будете ничѣмъ скудны, Богъ васъ не оставитъ, яко же Христосъ глаголетъ: „аще соберутся во имя Мое два или три, ту есмь Азъ посреде ихъ“; или Пророкъ глаголетъ: „се коль добро, или коль красно, но еже жити братія вкупѣ“; и Великій Государь васъ не оставитъ, и благодѣтели Ѳеодоръ Михайловичъ и Анна Михайловна (Ртищевы), и будутъ за васъ заступать Великому Государю и Благоговѣрной Царицѣ. Послушайте, Господа ради, соберитесь вси во общее жительство, и снесите все имѣніе ваше вкупѣ, и Богъ да будетъ съ вами и государская милость, и святительское благословеніе и мое грѣшное, аще востребуете. Они же начаша все имѣніе свое приносить, и предъ ногами пастырскими полагати, онъ же глагола имъ: не утайте, Господа ради, да не постраждете, яко Ананія и Сапфира. Старецъ же Ѳеофанъ приношеніе ихъ записываше, въ казну отдаваху деньги, а сосуды и снѣдная въ келарскую отношаху; одна же отъ нихъ старица именемъ Варвара отъ бѣсовска записаніи мало сребра утай, и вложи въ дапотъ и скры въ сокровенно мѣсто; странная же она старица Пелагія молише ея, пожалуй, не утай Господа ради, сестро, аще что у себѣ имаша, отдаждь во общую потребу; она же умилися и отдаде все что имѣла. Другая же старица именемъ Евдокія, не хотя ити во общину, дѣтей ради, и зѣло скорбише; пастырь же добрый и сію увѣща,

и устрои ея въ чашницы, и со иными подданными ей въ помощь, квась строи и сестрамъ раздавати: и служить она съ радостію и до сего дни и со двѣма дщерьми своими, третья же на крылосѣ трудится. И нача отецъ Корнилій службы уставляти: келаря учини преждедеченную старицу: Феодору и двѣ служебницы, что: было въ малой общинѣ, а службы были все въ единой келліи, въ прежней крестовой. Утѣшенія же ради, стали пѣтъ у игуменіи Анисіи въ келліи, и уготоваша трапезу на самый праздникъ Рождества Христова, и сѣдоша вси за общую трапезу числомъ 28-мь, и положи отецъ имъ клятву, чтобъ въ келліяхъ ни варити и ни печи ничего, кромя келарской, а въ кандію не били, не было во что, а отцу Корнилию тутъ же уготована была особная келлія когда пріѣдетъ на посѣщеніе; и начаша вси обще трудитися и съ любовію жити, благодаря Бога; воду же отъ рѣки сами носяху на свою потребу. Нѣкто христіолюбивый дворянинъ Іовъ Демидовичъ Голухастовъ, зря ихъ труждающихся зѣло, умилися, и даде имъ одно ося, на потребу монастырскую; преждедеченная же старица Аниса, то ося пасяше и воду на нежъ возяше. Тогда отецъ нача обучати стадо свое, яко рыбарь мудрый, егда вметаеъ удицу въ море и иметъ великую рыбу; и опутитъ, яко біется, не абіе напрасно влечетъ ю, зане прерывается вервь и до конца погубитъ ю; но подаваеъ ей угодно вервь, и оставляетъ ее иди, аможе хоцетъ, и егда увидитъ, яко изнеможе и преста отъ стремленія своего, тогда начинаеъ пакы влещи ю; тако и пастырь добрый нача ихъ отлучати отъ сродникъ своихъ, дабы не ходили во дворы ихъ, ниже они къ нимъ въ келліи, но не вскорѣ, ниже яростію, но тихостію уставля имъ время, черезъ три седмицы, отиущая ихъ, ово же черезъ шесть; иногда уже слышитъ кого при смерти боляща, отпускаеъ ихъ проститися, дабы не оскорбилися печалію великою, видя бо ихъ, яко не могутъ сего понести; чтобъ отрещися любви плотской всеконечно, повелѣваеъ сродникамъ ихъ приходити въ монастырь, и входить въ крестовую, и ту довольню сидѣти съ ними; мужескій же полъ токмо у вратъ на монастырѣ свидаются, и то не долгое время.

Пастырь же благоразумный видить свое стадо унывающо, подавая имъ малое утѣшеніе, отпускаеъ ихъ со игуменьею или со старшими стариками погулять и мало утѣшитися отъ унынія, въ тихое мѣсто, въ поле или близъ рѣки, идѣже пѣсть людскаго пути; въ воскресные же дни мно-

жество приходящу народа къ Пресвятѣй Богородицѣ помолитися и отъ учителя слышати слово Божіе. По малѣ же времени, по Божію изволенію и ходатайствомъ Θεодора Михайловича и Анны Михайловны Ртищевыхъ, пожаловала имъ Царица Государыня и Великая Княгиня Марія Ильинична четыре скатерти да 17-ть шубъ барановыхъ, а привезъ Алексѣй Тимофѣевичъ Лихачевъ; тогда старицы благодареніе Богу воздающе о такихъ великихъ дарѣхъ Божіихъ. По малѣ же времени, ходатайствомъ Θεодора Михайловича и Анны Михайловны, пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ царскія хоромы, что поставлены были у Троицы, инокинямъ на келіи, и повелѣлъ Государь съ міру христіаномъ ставити у Живоначальныя Троицы, и поставили 7 келій; и по малѣ же паки Великій Государь указалъ строго монастырь прибавить, и келіи сломали, и начали христіане подъ келіи мѣсто разчищати; отецъ же Корнилій и самъ нача трудитися и съ старицами горы копати, и ямы засыпати и мѣсто ровняти. Егда въ день, христіане работаху, а егда они къ вечеру расходятся, тогда приходитъ отецъ Корнилій и ударяетъ въ доску, и слыша словесныя овцы гласъ пастыря своего, быстро текуще старыя съ лопатами, а юныя съ ломани, а малыя дѣти съ ночвами бѣгуще. Пастырь же добрый вокругъ обходяше и всѣхъ обзираше, и егда же кто отъ нихъ не обрѣтается, ту тогда посылаетъ вопрошати: чесо ради закоснѣ? еще ли за немощь, то оставляше, аще ли за дѣдность, то въ горбъ подаваше, а иногда жезломъ погоняше; они же сошедшеся, ношаху каменіе, аще ли велико и неудобносно, тогда отецъ имъ и самъ помогаше и трудятся до утрени. Отецъ же и старицы въ келію идутъ, а малыхъ дѣтокъ спать посылаютъ; отпѣвши же утрени, на покой отходятъ; дню же приспѣвшу, рукодѣліе келлейное строятъ. Въ то же время къ строенію былъ приставленъ Иванъ Васильевичъ Герасимовъ, говорилъ онъ: „отче святыи, у меня днесь 100 человекъ столько не сдѣлаютъ, сколько ты нощію съ старицами“. Егда же поставиша келіи, тогда старицы начаша остальныя бревна носить, ово числомъ, а егда же велико, неудобъ носимо, тогда яко пчелы облипаху, есть-ли не одолѣютъ, тогда отецъ и самъ помогаше имъ; егда же устроишася совсѣмъ келіи, тогда мастера начаша печи обращаться дѣлати, въ малыя же дни и распалися, начаша же старицы сами пѣчи дѣлати, Анисія и Аноиса и прездереченная чашница Евдокія, и многыя съ ними: овы же

глину мнутъ, малыя же дѣти посокъ подавали и глину носили; отецъ же Корнилій, яко добрый пастырь, съ ними пребывая и вездѣ надзирая, научая ихъ како дѣлати, и чтобы съ молитвою и съ молчаніемъ трудились.

Поставивша же крестовую и келарскую изъ тѣхъ царскихъ хоромъ, отецъ же Корнилій нача всѣ службы разводити: первѣе устрои казенную и постави въ казначей преждевеченную старицу Пелагію; егда же кому что надобно, ризы или обуви, или ино что потребное, тогда новое повелѣ давати, а у кого избыточно, ветхое въ казну отдаетъ; егда же кому отъ сродникъ кто, или отъ знаемыхъ, ризъ принесетъ, или ино что, тогда отецъ повелѣваетъ принять, токмо за благословеніемъ; егда же деньги, тогда малую часть ей удѣляетъ, немощи ради, калачъ купить или ягодъ и мыла, прочіе же въ казну отдаетъ на сохраненіе; егда же тѣ изойдетъ, тогда наки вземлетъ малую часть у казначей; а казенныхъ денегъ заповѣда отецъ въ началѣ общаго житія по рукамъ никому отнюдь не давати, токмо крылошанкамъ за утѣшеніе, егда богомольцемъ молебень поютъ, и богомольцы дадутъ единымъ крылошанкамъ; а что на милостыню дадутъ всѣмъ, то въ казну отдаетъ; аще богомольцы и благодѣтели изволятъ за утѣшеніе, и они стихи воспѣвають, тогда даютъ имъ деньги за пѣніе, и отецъ благословляя ихъ по малой части взяти, на калачи и на прочую нужду, остальные же деньги въ казну повелѣваетъ отдать; егда же изойдетъ, тогда епископъ приходитъ къ казначей и вземлетъ тѣхъ же молебныхъ денегъ и роздаетъ по малой части крылошанкамъ.

Въ нѣкое же время пріѣхали христолюбцы съ Москвы: Козма, Борисъ, Иванъ и Агапѣтъ, гостинной сотни, помолитися, и даша на молебень крылошанкамъ три рубли денегъ, едина же крылошанка, именемъ Макрина, раздѣли крылошанкамъ деньги, головчицамъ по пяти алтынъ, а инокинямъ по четыре алтына; пастырь же добрый, увѣдавъ сію вещь, зѣло разгнѣвася, посылаетъ ту же крылошанку по келліямъ: „собери у нихъ деньги и отдай въ казну“, и глагола имъ, не лѣпо есть вамъ во общемъ житіи быти, а много у себѣ денегъ имѣти, и то вамъ попускаю малую часть за немощь вашу, чтобы вы съ радостію благодаряще Бога жили и неисходно пребывали, и оттолѣ нача самъ крылошанкамъ деньги дѣлать; самъ же отецъ въ хлѣбнѣе учаше укрупъ строятъ и хлѣбы печи, въ той же келарской и снѣдь варили, и трапезу поставляли, и въ кандію били; такожде и сушильную

службу устрои; старая же крестовая и келарская — начаша въ одной квасъ варити, а въ другой млеко стрити; такожде и швальню устрои, кроить же и шить самъ отецъ учаше; и шубная шіаше; житенную, чернильную¹⁾, сапожную, — все самъ учаше и устроиваша; едина же отъ стариць Анисія, печница, фонари и оконницы дѣлаше, и скамейки и инья вещи; устрои же и больницу немощныхъ ради, и пристави старицу Ирину и даде ей четыре юныхъ стариць на послуженіе, отъ келарской имъ пищу приносить, и свиты ихъ измывать, и всякую потребу ихъ исполняти, и приказалъ псаломщицамъ отъ простыхъ стариць, вмѣсто утрени, двадцать псалмовъ да поють; правило же по уставу, и часы по вся дни, и псалтырь по двѣ кафисмы да поють; отецъ же по вси недѣли посѣщаше, паче же въ тые дни, егда самъ святую литургію служаше, благословеніе имъ подаетъ, и отъ Возжественнаго Писанія утѣшаетъ, воспоминаетъ имъ Христово страданіе, Его и Возжі Матери милосердіе и чудеса, и до больныхъ посѣщеніе; тогда они сія слышаху и отъ него душеполезное ученіе, зѣло веселяхуся; егда же отъ нихъ исходитъ, тогда съ честію его провождаютъ до вратъ; егда кто тяжкою болѣзнію одержимъ бываетъ, тогда священникъ въ больницу приходитъ, и Святое тѣло и кровь Христову подаютъ, и нареди его идутъ клирики и поють: „Вечери Твоя тайныя“; такъ же свѣщеносицы двѣ предъ нимъ идутъ, а священника пріемлютъ старѣйшіе старицы благоговѣнно, и ведутъ его, тогда звонъ бываетъ; изъ больницы же идуще, поють: „Царь небесный“, или „Видя разбойникъ“; а егда кто отходитъ ко Господу, тогда самъ отецъ надъ нею отходную говоритъ, самъ же и погребаетъ, и егда несутъ изъ трапезы мертвую и бываетъ звонъ, впереди идутъ клирики и поють: „Святый Воже“, и несутъ крестъ и двѣ свѣщеносицы и отецъ за ними идетъ предъ гробомъ, и погребши, возвращаются въ трапезу, и идучи поють: „со духи праведными“; отецъ же полагаетъ 12-ть поклоновъ, такожде и старицы всѣ съ нимъ, и приказываетъ всѣмъ за умершую во всю четыредесятницу каноны воспѣвать, а кто не умѣетъ, то поклоны полагаетъ, и въ синодинъ вписываетъ, и по субботамъ всѣхъ умершихъ инокинъ поминаетъ. Егда же на утрени стоятъ, тогда добрый пастырь, аки орелъ острозрительный, обглядаетъ всѣхъ, кто стоитъ благоговѣнно и

¹⁾ Гдѣ чернили холстъ для одежды.

добрѣ, того минуетъ, яко видѣть дремлюща, возбуждають и жезломъ по малу ударяють; егда же отецъ съ клирики воспѣваетъ 9-ю пѣснь или слава въ вышнихъ, или ино что изволятъ, тогда вси содержими радостію: и старые трясущися и жезломъ подпирающися, — вси воспѣвали и хвалу Богу воздавали, и всю службу церковную съ лучиною совершали.

И изволеніемъ Божиимъ, и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, и ходатайствомъ прежнихъ благодѣтелей, пожаловала Государыня Царица Марія Ильинична, велѣла вскорѣ трапезу строить каменную, и начаша дѣлать мастера Государевы: въ день они работаютъ, а нощію отецъ Корнилій на каменное дѣло самъ восхождаше, старицы же на трапезу кирпичи ношаху; егда же совершился трапеза, тогда старицы сами начаша ея вычищать, и песокъ и мостъ мостити, и подъ трапезою сами нечи дѣлать, малыя дѣти глину мели, а старныя и среднія носили и дѣлали; отецъ же Корнилій съ жезломъ обходя и понуждая ихъ, и зѣло много трудихомся: стѣны пробивали и каменіе ломали, и вся потребная сами совершали, и много отъ великихъ трудовъ болѣзни пріяша; сами же и дрова сѣкоша въ службы и по келліямъ, но нечѣмъ было и дрова сѣщи, и пожаловала намъ Государыня Царица, прислала 17-ть топоровъ, ходатайствомъ Анны Михайловны, и даша всѣмъ въ келіи по тонору; отецъ же ихъ учаше и дрова сѣщи; сами же и въ огородѣ гряды копаху, и навозъ ношаху и все строяху.

Старець Теофанъ нача непрестанно въ путь шествовати, потребны ради монастырскія, и привоза овцы старныя, среднія и малыя, пастыръ же добрый видѣ свое стадо умножающесе, и нача непрестанно учати, въ рюкахъ же своихъ жезлъ носити, устнами же непрестанно учаше день и ношъ; глуныхъ же иногда жезломъ посѣщаше, но велію и милость подаваше.

Поученіе же было на литургіяхъ, по часѣхъ, и по вечерни и на правлѣ, егда квасъ піють и отходятъ на покой. Келлія же его у святыхъ вратъ стояла; и повелѣ игуменія преждереченной старицѣ Пелагій ему служить, пищу приносить и вся потребная строить, свиты же на него отдавала воротницамъ мыть и прочия.

По малѣ же времени вооружи на него діаволъ братію, нача роптати: не добро сѣ будетъ, что свою обитель оставилъ, а о другой же печется, къ нашей бо церкви и поставленъ во священники и въ строители учиненъ, а тамо живетъ безъ святительскаго благословенія; и начаша отца Корнилія

злословити при благодѣтелѣхъ, и вездѣ поносити, и недѣлая на него глаголати. Егда же услыша сіе игуменія Анисія съ сестрами, и взя съ собою двѣ старицы, и поѣхала къ Москвѣ, и моли Феодора Михайловича Ртищева, дабы испросилъ у святителя грамоты. Онъ же видѣлъ моленія ихъ, испросилъ благословеніе у святителя и грамоту выправилъ, что жить ему въ сей обители. И дасть имъ грамоту; они же получивши желаемое, возвратишася во свою обитель, и отъ того времени нача жити въ сей обители, въ Лукьянову же пустынь ѣздилъ изъ недѣли въ недѣлю. По малѣ же времени повелѣлъ ему дворъ строити близъ монастыря, идѣже и нынѣ стоитъ. Егда же состроиша, тогда отецъ Корнилій съ крышанками молебень пѣлъ въ новомъ своемъ дворѣ, и у него въ хоромахъ обѣдали; и пріять къ себѣ келейника изъ пустыни, именемъ *Исидія* — благоговѣйнаго старца и свидѣтельствующаго, и начатъ съ нимъ жити и вся потребная ему слуговати; той же старецъ начатъ трудитися и на монастырь всякія вещи дѣлати, и на торгъ ходити и всѣ потребности монастырскія покупати; егда же приходитъ на монастырь, стоятъ у воротъ, и что надобѣ купить, то все воротница приказываетъ, а инъ никто же смѣяше приходитъ къ нему; аще что кому случится купить, то воротницѣ бѣеть челомъ, она же ему приказываетъ, а до него ходила старица, именемъ *Ираида*, на торгъ, покупати потребности монастырскія. Отецъ же Корнилій нача временно на монастырь приходяти въ келдію у вратъ, идѣже прежде жилъ, и кому что случится дѣлать, или какая нужда тѣлесная, то прихождаху къ нему подъ оконце, и бѣеть челомъ о своихъ потребахъ; онъ же исполняетъ ихъ вся прошенія; иногда же и вси стекахуса къ нему, пастырь же добрый исходитъ къ нимъ на крыльцо, и учитъ отъ Божественнаго Писанія, и вси слушаютъ съ радостію, ови стояще, и иніи же на земли при ногѣ его сѣдяще. Старецъ же *Феофанъ* нача непрестанно нищу возити, и у благочестивыхъ людей просити, и даяху ему: овъ мало, овъ же много, и всякіе сосуды потребныи во общее жителство; въ путномъ же шествіи всякую нужду терпяше: въ лѣтъ зной, въ зимѣ же мразъ, но все Бога ради подѣмля, и много собиравше, различныя овцы, ови отъ ограды, ови же и съ пути, инны же изъ самыхъ устъ адовцѣхъ исхищая, яко пастырь добрый, всячески тщася, какобъ исхитити отъ лютаго волка, егда же получитъ, везетъ ю съ радостію, и не чуетъ никакой болѣзни: аще снѣгомъ завѣваемъ и дождемъ обливаемъ,

ноги о каменіе пребывав, и многого ради хожденія, потъ его, яко кровь, капляше, но сія вся забывъ, борво съ радостію течаше, и овцу влечаше ко отцу своему. Пастырь же благій приємлетъ, и аще видитъ овцу новоприведенную кротку, часто словомъ Божіимъ наказуя со смиреніемъ и со многимъ милосердіемъ; егда же видитъ овцу жестоку и не кротку, тогда мало и жезломъ бьетъ, дабы укротилася, и много слезъ объ нихъ проливая, и тако его молитвами бываетъ смирна и кротка.

Видя же сіе діаволь, зѣло разъярился и нача гнѣватися и всякія же споны творити: во сіѣ веліе страхованіе, явѣ же, ово мышью приползая къ ногамъ, ногу грызаше, иногда же келлію обходя и въ стѣны біаше, иногда же лѣтомъ ѣхалъ отецъ изъ Лукьяновой обители во свою обитель; егда же въѣхалъ въ лѣсъ, внезапно воста буря велиа и клабукъ съ главы его снесо, и власи главныя восташа; и осля паде подъ нимъ: плоть его вострепета, и слышитъ изъ лѣсу гласъ чловѣчь, а никого же не видѣ: „о, злій калугере! азъ буду на тебѣ непрестанно ратовати, дондеже побѣжду тя; понеже многіе моя сосуды восхитилъ еси“. Онъ же отъ страха едва въ собѣ пришелъ и оградився крестнымъ знаменіемъ, и ставъ на молитву на многъ часъ, и поднявъ осля и клабукъ сыскавъ, всѣдъ на осля и поѣхалъ въ путь свой, и пріѣхавъ, самъ сія намъ повѣда.

По малѣ же времени видѣ діаволь, яко невозможно самъ побѣдти, нача вооружати злія чловѣки, нѣкогда же убо отцу Корнилію рыбу ловящу и отъ озера ѣдущу ко обители сея, зліи убійцы искочиша изъ лѣса и похватиша осля за узду, начаша отца Корнилія палицею бити, егда же ударяше осля, тогда изторгнуся изъ рукъ ихъ, и унесѣ отца паки на озеро, токмо остася единъ клабукъ на пути. Они же поскрежеташе зубы свои и глаголаше: утече отъ рукъ нашихъ, мы бо на то изыдохомъ, что его до смерти убити. Много же и ина зла пострада; и инно же огнень сожощи (его) хотяше, поношеніе и укору терпя, онъ же сія вся ни во что же виѣнихъ, но помя Господне рѣченіе: „аще погубиши одну отъ овецъ Моихъ, кровь ея отъ руки твоєя възыщу“, и о семъ зѣло печалуя и великія слезы проливая, душевнѣ и тѣлеснѣ имъ промышляя; въ то же время много странныхъ прихождаху къ Пресвятѣй Богородицѣ молитися, пастырьже добрый повелѣвая игуменіи странникомъ трапезу учреждати и послѣ трапезы ноги умывати. Игуменія же съ двѣма старицами приступая со страхомъ и благо-

говѣніемъ, едина старица сосудъ съ водою держаще, другая же лаханъ, игуменія же ноги омываше и лентіемъ отираше, и тою водою сестры лице свое кропляху.

... Старецъ Теофанъ егда входаше въ монастырь и обрѣтши у вратъ нищаго, тогда его съ радостію введѣ въ монастырь и повелѣваетъ накормить и напоить, аще и во время трапезы, егда сестры вкушаютъ, тогда глаголетъ игуменія: „даждь мѣсто Христу, ты сяди на нижнемъ мѣстѣ“; тогда игуменія встаетъ скоро и посаждаетъ нищаго на своемъ мѣстѣ, и по трапезѣ съ честію его отпускаетъ.

... Егда же устроиша все въ трапезѣ, и ту начаша пѣти, тогда отецъ же Корнилій на крылосѣ съ крылошанками самъ поаше, и на литургіи апостольскъ читалъ, и антидоръ самъ раздавалъ, и псаломъ говорилъ: „благословлю Господа“; въ праздники и воскресные дни, послѣ литургіи, поученіе читалъ; многожды и въ простыне дни и по часѣхъ, когда литургіи не бываетъ; на вечерни же каѳисму говорилъ; на повечерни икосы и каноны; егда же квасъ піють, тогда съ клирики стихи воспѣвая; на утрени же ексапсалмы самъ говорилъ и статью читалъ; на Рождество Христово, и въ Великую Субботу, и въ праздники, и въ поіеленіи, пареміи самъ читалъ; и во всю чотыредесятницу по вся дни на утрени и на часѣхъ, на третіемъ, и на девятомъ, и на мѣстѣ своемъ руцѣ воздѣвалъ и чадъ своихъ училъ, наче же на Страстной недѣли, на Святую же Пасху артусъ самъ поаше въ трапезу, и по обѣдѣ пакы приходаше и во святый олтарь поставляше; на Свѣтлой же недѣли самъ отецъ во облаченіи со всѣмъ соборомъ вокругъ обители со кресты хождаше, а клирики предъ ними идутъ и поють канонъ: „Воскресенія день“, и игуменія же съ сестрами за ними послѣдуя, мірстін же народи себѣ стороною идутъ съ благоговѣніемъ, самъ же отецъ чотырежды въ году по келліямъ со крестомъ и со святою водою ходилъ на Свѣтлой недѣли, а клирики поють на происхожденіе честнаго Креста; на Рождество же Христово крылошанки ходили къ нему на дворъ Христа славить, онъ же вземлетъ у казначей рубль денегъ и даетъ имъ за утѣшеніе; и на Святое Богоявленіе и по всѣмъ службамъ въ Господскіе праздники и въ воскресные дни панагія бываетъ, а въ простыне же дни токмо глаголетъ: „вознесу тя, Воже мой“; во святѣй же церкви стояніе тихое и безмолвное, наипаче же во время святыхъ литургій; въ лѣтнее же время

бываетъ литургія въ 4-мъ часу дня, воскресная вечерня за полпята часа до вечера, утренняя за 5 часовъ; въ Господскіе праздникі всенощная за 6 часовъ, въ простые же дни вечерня за 4 часа, утренняя за 3 часа. Въ зимнее же время, въ Господскіе праздникі всенощная за 7-мъ часовъ, въ недѣльные же дни утренняя за 4 и 5 часовъ, въ простые же дни утренняя за 4 часа, вечерня во отдачу часовъ, а литургія въ 2 часа дня. Правило церковное въ 4-мъ часу ночи: два канона Іисусу и Богородицѣ, и Ангелу переменяючи, по прилучаю, и третій канонъ бываетъ въ Господскіе праздникі 6-ть статей, въ воскресныя дни четыре, въ поліелей три, въ простые же дни двѣ. Во святую четыредсятицу по три статьи на утрени, часы съ расходомъ; на 3-мъ часѣ статья и на 9-мъ часѣ. Пастырь же добрый въ Господскіе праздникі и въ воскресныя дни самъ святую литургію служаше, егда же изнеможе, тогда токмо и на Святую Пасху, и на Рождество Христово, и на Успеніе Пресвятыя Богородицы; въ Господскіе же праздникі и въ воскресныя дни народи прихождаху во святую церковь, мужскій полъ вхождаху въ стороннія двери и стояли въ предѣлѣ за завѣсою, а которые честныя и искусныя люди, стояли въ трапезѣ у праваго столба, и отецъ съ ними, или гдѣ изволятъ; женскій же полъ стояли въ трапезѣ у лѣваго столба, а которые честныя и искусныя, стояли за правымъ столбомъ, а во время святыя литургіи, на лѣвой странѣ у церковнаго окошка; а егда богомольцы молебень поють, тогда духовникъ во облаченіи со священники и на сходѣ съ клирики поють, и на Святое же Богоявленіе, и на Происхожденіе честнаго Креста самъ отецъ во облаченіи со всѣмъ соборомъ ходилъ на прудъ, воду святить; а клирики напереди идутъ и поють стихиры: „Гласъ Господень“; назадъ идучи поють: „днесъ тварь просвѣщается“, и емлютъ воды въ дельву и привозятъ на монастырь, и старицы емлютъ по келліямъ на освященіе. А въ Великую Субботу плащаницу самъ пошаше, а послѣ литургіи самъ пастырь добрый благословяше трапезу Богомъ собранному своему стаду; клирицы же достойную честь воздающе пастырю своему, поминающе сіе слово, что яко аще бы и всего міра богатство положить предъ ноги его, но ничтоже суть противу отвѣту его, еже на страшнемъ судѣ, провождающе его до вратъ монастырскихъ, и поклоншеса до земли паки обращахуся на трапезу за свой столъ крылоской. Игуменія же сѣдяще со благоговѣніемъ и со страхомъ Воимъ за трапезою съ схимни-

цами, потомъ же въ среднемъ образѣ и въ маломъ, дѣвицы же за особымъ столомъ сѣдаше; едина же отъ клирикъ жертвенникъ читаше, а вси послушаше со страхомъ Божиимъ; пища же предлагается на трапезѣ: въ воскресные дни по три, по прилучаю же и четвертая бываетъ; въ простые же дни по двѣ пища, по прилучаю и третья бываетъ. Въ Петровъ постъ и въ Филипповъ, во вторникъ и четвертокъ, двѣ трапезы поставляются; въ сыропустные же дни, въ понедѣльникъ, во вторникъ и четвертокъ, по двѣ, въ среду же и пятокъ по единой трапезѣ; егда же бываетъ праздникъ, тогда въ среду и въ пятокъ двѣ трапезы, пища же по уставу. По отъяденіи же игуменія ударяеть въ кандію трижды, келарь же возглашаетъ: „за молитвы Пречистыя“, весь до конца, клирицы: „благословенъ Богъ“, и прочая; за Царя 12 поклоновъ, потомъ же игуменія единогласно возглашаетъ съ клириками: „Богъ да спасеть и помилуеть послужившихъ намъ, и благодаря Бога; отходятъ во своя келліи, и едина отъ нихъ кійждо изъ своей келліи, взявше сосудъ и молитву сотворше, благословляется у келлейной начальницы, и возьметъ красъ отъ погребя; и въ келліяхъ, аще начинаютъ всякое дѣло, съ молитвою и благословіемъ у келлейной начальницы, или куда отходятъ; также аще начальникъ изволяетъ которую старицу превести отъ келліи въ келлію, или отъ службы въ службу, тогда отецъ Корнилій или игуменія приглашаетъ къ собѣ будильницу, она же припадше съ благоговѣніемъ поклоньшеса до земли, враще долу, со страхомъ слушаше словеса начальника, онъ же повелѣваетъ ей кого превести, она же поклоньшеса, отходитъ на дѣло и пришедши до оной сестры, возвѣщаетъ ей отеческое повелѣніе или игуменское, она же отвѣща: буди воля Божія и отеческая, и идетъ со смиреніемъ, куда будильница поведеть: въ службы или во иную келлію; буди воля Божія и отеческая. Егда же собереть своя потребная, тогда начальница келліи посмотритъ у ней въ коробкѣ, будильница же взявше икону ея и ведеть идѣже наставникъ или игуменія повелѣ. Егда же приведетъ и глаголетъ начальницѣ: отецъ приказалъ, чтобы она безъ твоего благословія ничего не дѣлала.

Егда же кто бьетъ челомъ въ монастырь, тогда отецъ не скоро приемиетъ; егда же приимуть, тогда игуменія или казначея все у ней пересмотрити, потребная ей отдадутъ, а лишнее въ казну возмутъ.

Егда же кто и въ монашество бьетъ челомъ, тогда отецъ ея не скоро

востануть, но во всѣхъ службахъ вкучивать, когда же поужина востанетъ, тогда востануть отецъ съ братъ, и велевое время вкучивать къ братъ, сестра же вкучивать вкучивать отца, тиска и въ вѣдѣхъ востануть. Иногда же стоць крѣпкождетъ и въ тай къ управу въ стороне двора, и вѣдѣхъ на свое стало, како за управу сидеть, все ли благодарно, также и во всѣхъ службахъ тайно вкучивать и по вѣдѣхъ вкучивать: егда же увидитъ или услышитъ что не вкучиво, тогда зѣло вкучивать отъ Божественнаго Писанія. Егда же утрѣе время утрѣи, тогда вкучивать вкучивать благодареніе благодаренію и ударять въ коло: будильника же по вкучивать возбуждать на утреннее вѣдѣ; егда же соборуетъ въ управу, тогда она вкучивать сабцу и приходитъ къ востану и вкучивать вкучивать до земли, и принише благодареніе, оскупуивать по крѣпкождетъ и во всей управѣ; егда же кто не обрѣтается, и тогда вопрошать вкучивать начальнику, что сестра не приде на соборное вѣдѣ, и аще за вѣдѣхъ или на общей службѣ, то оставаше: аще ли за глѣбость или за вкучивать дѣломъ, о томъ вкучивать вкучивать. Наставнику же приказавъ, зѣло вкучивать отъ Божественнаго Писанія; иногда же и у управы вкучивать къ, также и за преслушаніе или кто въ чѣхъ прѣвѣннѣся, егда сестры вкучивать, а она вкучивать вкучивать, въ простые дни земные, аще ли за вѣдѣхъ, то вкучивать (поисна), аще ли въ праздникъ, то съ молитвою и съ благодареніемъ стояше. дождеже сестры вкучивать; егда же отъидеть управы, тогда сестра приходитъ ко игуменѣ и получать прощеніе, и вкучивать за управою съ читальниками. Егда же велика вина, тогда послѣ управы въ тенный чуланъ посаждаютъ и нуку съветъ; пища же глѣбъ съ вкучивать, и то по захожденіи солнца. Егда же кто бѣсовскии наважденіемъ украдетъ что, тогда ту вещь повѣсивше на вино, вкучивать также у управы, а послѣ управы поклоняется игуменѣ и сестранъ, сине глагола: „простите на, сестры, яко соблазнихъ васъ“; игуменѣ же съ сестранѣ подавають оѣ прощеніе. На утрѣи же по оксалсаиѣхъ приходитъ келарь ко отцу и поклоняется до земли, и благодаренію приѣмлетъ ницу стронуть на сестры, и вкучивать огонь отъ алтара и отходить съ молитвою во свою службу. Также приходитъ просфиря и приѣмлетъ благодареніе святыхъ просфоры пенци, и отходить во свою службу. Пристави же отецъ и управы старѣйшую старицу, она же со страхомъ Божиимъ свою службу совершаетъ, управы вкучивать, иногда же и вкучивать и глѣбности

чистить, священникамъ и прочимъ страннымъ людямъ двери отворяетъ, и пакы ихъ изъ трапезы провождаетъ; во время же соборнаго пѣнія пастырь добрый непрестанно обзираетъ свое стадо, дабы стояли съ благоговѣніемъ и со страхомъ Божиимъ, и никакой бы молвы не чинили, и повелѣвая будильницѣ сестръ возбуждати, чтобы не дремали и слушали слово Божіе со вниманіемъ; паче же во время святыя литургіи повелѣваетъ старѣйшимъ старицамъ у дверей стоять, дабы никого не выпускали изъ церкви до скончанія святыя литургіи, развѣ кромѣ великія нужды; егда же кто приидеть отъ странныхъ въ домъ Пресвятыя Богородицы помолитися, и на то устроены двѣ старицы, пріемлютъ ихъ въ гостинную келлію и провождаютъ ихъ до церкви, и въ церкви съ ними стоятъ; аще что востребуютъ: свѣщи или ино что у нихъ вопрошаютъ, и никто не подходитъ, кромѣ приставленныхъ старицъ. Аще ли кто во обители сродницу у себѣ имѣетъ или знаемую, то до времени не бесѣдуетъ; егда же приводятъ ихъ въ гостинную келлію и учреждаютъ имъ трапезу, тогда призываютъ сродницу или знаемую и довольно бесѣдуетъ наединѣ, но тутъ и гостинныя старицы сидятъ, отъ иныхъ же никто не входитъ; аще ли кто изволитъ ночевать, тогда сродница или знаемая токмо въ вечеру побесѣдуетъ, и идетъ во свою келлію, токмо остаются съ ними гостинныя старицы. Аще ли кто отъ мужескаго полу отъ нарочитыхъ, тогда отецъ и самъ прихождаше въ гостинную келлію, или на крыльцо, и призываетъ сродницу или знаемую и ту бесѣдуетъ; аще ли кто и отъ меньшихъ издалека ту же въ келліи бесѣдуетъ; а кто съ пути заѣдетъ и молитъ прилежно, что бы видѣть сродницу, аще и во время пѣнія, по нуждѣ, отецъ повелѣваетъ; аще ли кто отъ ближнихъ, то у вратъ бесѣдуютъ и вратница съ ними, мужеска пола мало, женска же пола довольно бесѣдуютъ. Аще ли кто что принесетъ ко вратамъ сродницѣ своей отъ земныхъ плодовъ или ино что, тогда вратница, по благословенію отеческому и игуменіи, возьметъ и отдастъ той старицѣ; она же пріимше, благодаря Бога, вкушаетъ со своими келлейными. Егда же кому епистолия (письмо) приидеть, тогда отецъ возьметъ и прочетши отдастъ кому прислана.

Божіимъ изволеніемъ и молитвами Пресвятыя Богородицы, и Государскимъ жалованьемъ, распространися сія обитель; тогда устроена скотный дворъ, таже и конюшень; у вратъ же монастырскихъ пристави отецъ двѣ вратницы; аще же кому что требъ, дрова или ино что, тогда старицы

приходятъ ко вратницамъ и о томъ глаголютъ, они же исполняютъ имъ все потребное, а сами отнюдь не глаголютъ; егда же прилучится кому свиты пзынвать, тогда съ начальницею ходять, и то кромѣ жъ церковнаго пѣнія. Отець же Корнилій начать маленькія словесныя овечки собирати убогія и сиротки, ово дву лѣтъ, ово же трехъ, иная же пяти лѣтъ, и собрася ихъ числомъ 15-ть, и устрои отецъ школу; и едину отъ клирикъ пристави имъ мастерицу 16-ть лѣтъ и повелѣ ей учить словесному и всякому благочинію; она же учаще ихъ всякому благочинію къ рацеямъ; егда же богомольцы бывають, тогда отецъ съ ними и въ школу прихождаше, и повелѣваетъ имъ рацеи говорить, они же предъ нимъ благоговѣнно глаголютъ, богомольцы же и деньги дають, и тѣ маленькія дѣтки отдають деньги учительницѣ своей, она же повелѣваетъ имъ купити ягодъ или иного чего, и раздаеть имъ. Отець же Корнилій, велию ревность имѣя ко святѣй церкви, дабы е украсити чтеніемъ и пѣніемъ, паче бо всѣхъ красотъ міра сего возлюбивъ благолѣпіе дому Господня, имѣя велие разсужденіе, что сего на семь свѣтъ нѣсть честнѣйши, понеже бо въ ней Духомъ Святымъ породихомся, и дадеся ею животь человекомъ, въ ней бо оставленіе грѣховъ пріемлемъ и причастіе пречистыхъ и животворящихъ таинъ сподобляемся, а по смерти же обрѣтаемъ ею царство небесное; почиташе же и всѣхъ причетниковъ церковныхъ и всякую потребу имъ исполняя, и за то велие поношеніе претерпѣ, даже и до смерти, еще бо въ началѣ общаго жительства отецъ Корнилій, говорилъ Богомъ собранному своему стаду....⁽¹⁾ (*на семь прерывается такъ называемая „Монастырская Лѣтопись“*).

III.

Исторія Успенской женской обители по монастырскимъ актамъ.

а) съ 1651 по 1696 г.

Въ *Лѣтописи* монастыря, нами приведенной выше, очерчено какъ основаніе обители, такъ и духовное устройство ея, при пособіи двухъ незаб-

⁽¹⁾ Преподобный Корнилій скончался 11 августа 1684 года и погребенъ въ устроенной и распространенной имъ Александровской дѣвичей обители подъ алтаремъ Троицкаго собора.

венныхъ старцевъ, ея первоначальниковъ и наставниковъ (въ качествѣ духовниковъ), строителей Лукіановой пустыни, преподоби. отца Лукіана († 8 сентября 1655 г.) и препод. отца Корнелія († 1681 года), словомъ, описана такъ трудно поддающаяся описанію вообще жизнь обители духовная, внутренняя, для которой архивы нашихъ обителей почти не представляютъ матеріала, заключающагося въ сказаніяхъ и описаніяхъ современниковъ. Такова и „Дѣтопись“ Успенскаго дѣвчичья монастыря, къ сожалѣнію не оконченная и очевидно принадлежащая перу одной изъ старицъ этой обители, жившей въ ней въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія и въ молодости своей бывшей очевидно плодотворной для обители дѣятельности отца Корнелія, а объ отцѣ Лукіанѣ слышавшей отъ него или отъ сестеръ.

Теперь перейдемъ къ наложенію *внѣшней* жизни обители, по сохранившимся въ ней документамъ, число которыхъ прежде вѣроятно было больше, чѣмъ нынѣ.

Такъ въ монастырѣ *была* (нынѣ нѣтъ) копія съ похищенной „разбойными людьми“ грамоты царя Алексѣя Михайловича 7162 (1654) года іюня 15 дня, прикащику дворцовой Александровой слободы Ивану Комсину о томъ, что въ 159 (1651) году была послана его же царская грамота въ Александрову слободу прикащику Аванасію Тихонову, по челобитію сей слободы безмѣстныхъ старицъ Марья съ сестрами, объ „основаніи при старой церкви Успенія Пресвятой Богородицы монастыря и построеніи ограды вокругъ нее своимъ коштомъ“.

Все это дѣлалось, какъ уже было сказано, по ходатайству препод. Лукіана, сперва лично отправлявшагося для сего въ Москву къ царю и патриарху, а въ 1654 г. лично же просившаго о семъ патриарха. Къ тому же 1654 году относится и грамота святѣйшаго патриарха Никона (бывшаго въ 1654 г. въ Александровой слободѣ, проѣздомъ черезъ нее въ Переславль-Залѣскій съ царскимъ семействомъ) Успенскаго монастыря

Память объ немъ и доселѣ живетъ въ монастырѣ: ежегодно въ день его кончины, 11 августа, очередной священникъ, служащій въ Троицкомъ соборѣ, послѣ литургіи со всѣми монахинями и бѣлицами идетъ на могилу препод. Корнелія и совершаетъ тамъ панихиду по чиноположенію церковному.

старицѣ Клеонатрѣ съ сестрами (іюня 30 дня 1654 г.), о позволеніи освятить старую каменную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, которую они возобновили и при ней „монастырь строили собою“ (т. е. своимъ коштомъ), по вышепомянутой Государевой грамотѣ (1651 г.), и выдать бы имъ антиминьсъ. По этой челобитной дано позволеніе: церковь освятить и антиминьсъ дать, а о житѣ и о строеніи, прибавилъ патриархъ, быть такъ, какъ указано въ Государевой грамотѣ. Вслѣдствіе чего Успенская церковь и была освящена препод. Лукіаномъ на самый праздникъ Успенія, какъ сказано въ Лѣтописи: „въ тотъ же моровой годъ“ (1654 г.). При семъ въ освященіе для новочреждаемой обители была принесена въ нее изъ Лукьяновой пустыни чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы и, по преданію, препод. Лукіаномъ былъ завѣщанъ ежегодный съ сею иконою крестный ходъ и понынѣ исполняемый въ Успенской обители.

Преподобный Лукіанъ скончался, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, въ слѣдующемъ 1655 году 8-го сентября, слѣдовательно въ самый храмовой праздникъ основанной имъ мужеской пустынной обители. Подвигъ же въ устроеніи Успенской дѣвичей обители продолжалъ его ученикъ и преемникъ по управленію обѣими обителями, старецъ препод. *Корнилій*, утвержденный въ званіи строителя Лукіановой пустыни святѣйшимъ патриархомъ Никономъ въ 1658 году, бывший и до сего духовникомъ братства обѣихъ обителей. Помощникомъ ему въ управленіи Успенскою обители, въ званіи строителя оной, былъ Лукіановской же пустыни монахъ *Феофанъ*, дѣятельность которыхъ къ духовному и вѣшнему устроенію Успенской обители съ достаточною полнотою изложена въ „Лѣтописи монастыря“.

Первой игуменьей обители при препод. отцѣ Лукіанѣ была назначенная имъ старица *Евпраксія*, скончавшаяся векоръ послѣ 1654 мороваго года. Второю игуменьей при немъ же была избрана старица *Евфимія*, вѣроятно по волѣ Государевой, изъ Московскаго Алексѣевскаго монастыря (полагаемъ, что посему и при этой именно игуменьѣ былъ устроенъ при Троицкой церкви придѣлъ во имя Алексія митрополита), управлявшая Успенскою обителию до 1658 года. При ней царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по ея челобитю, отданы монастырю за 13 алтынъ 2 дѣньги оброку и пошлны „безъ перекупки“ дворцовой Александровой слободы сѣнные покосы „около великаго Государева двора во рву и около рву и ямъ, да

садовое мѣсто, что было за садовникомъ Безсонкою Степановымъ“. Черезъ три года послѣ игуменья Евѳиміи, при отцѣ Корнеліи, въ 1658 году, избрана въ игуменья Успенскаго монастыря того же монастыря старица *Лулитта*, которая правила сею обителью до 1662 года. При ней скончался жившій и священнодѣйствовавшій въ сей обители Лукіановской пустыни іеромонахъ Ефремъ.

Въ 1662 году, по грамотѣ управлявшаго въ то время дѣлами патріархіи, Питирима, митрополита Сарскаго и Подонскаго, въ іюнь 1662 года, поставлена въ игуменья Успенскаго монастыря постриженница той же обители келарь-старица *Анисія*, и управляла обителью при отцѣ Корнеліи до 1671 года. При ней то царь Алексѣй Михайловичъ, по ходатайству благоволившаго къ обители добродѣтельнаго боярина Феодора Михайловича Ртищева (21 іюня 1671 г.) и сестры его Анны Михайловны Ртищевой, указалъ препод. Корнелію, „старога монастыря прибавить“, и пожаловалъ инокинямъ на келліи „свои Государевы хоромы“, стоявшія близъ Троицкой церкви, изъ коихъ, съ прибавкою новаго матеріала и съ помощію Государевыхъ дворцовыхъ работниковъ, отецъ Корнелій устроилъ не только келліи для монахинь, но и успѣлъ обнести монастырь каменною оградой, на пространствѣ 452 сажень.

При той же игуменѣ Анисіи въ мартѣ 1664 г. послѣдовала отъ царя Алексѣя Михайловича грамота къ Александровскимъ прикащикамъ Александру Суровцову да Давыду Маркову, чтобы они Успенскій дѣвичь монастырь „оберегали отъ всякихъ обидъ и воровскихъ людей“, а на которыхъ игуменья съ сестрами „учнутъ бить чоломъ“, чтобы они тѣхъ людей сыскивали и чинили (о нихъ) по Государеву указу. А грамотою святѣйшаго патріарха Іоасафа 1667 года ей игуменѣ Анисіи съ сестрами, по ихъ челобитью, дозволено старую каменную церковь Успенскую, по передѣлкахъ въ ней (жертвенникъ и мостъ передѣланы заново) и по устроеніи на старомъ основаніи (на основаніи придѣла Николая Чудотворца) новой придѣльной церкви во имя преподобной Маріи Египетской (въ честь царицы Маріи Ильиничны), — церковь эту (настоящую и придѣльную) освятить и дать антиминсы.

Въ монастырскомъ архивѣ сохранился цѣлый рядъ Государевыхъ грамотъ, относящихся къ настоятельству игуменья Анисіи и свидѣтельству-

шихъ ея заботливость, направляемую совѣтомъ и содѣйствіемъ препод. Корнилія, о нуждахъ и устроеніи вѣренной ей обители.

Такъ 1663 года ноября 30 царь Алексѣй Михайловичъ писалъ къ своимъ Переславскимъ дворцовымъ прикащикамъ Тихону Машкову да Саввѣ Кушникову: „въ Приказѣ Большаго Дворца, въ расходныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ и нынѣшняго 172 г., написано: Успенскаго дѣвичьяго монастыря 25 старицамъ (назначено) нашего жалованья по 1 руб., да хлѣба по чети (четверти) ржи старицѣ, и давано имъ хлѣбъ по памяти въ Переславскихъ нашихъ дворцовыхъ селахъ, а деньги изъ Приказу Большаго Дворца. И нынѣ били челомъ намъ, великому Государю, того монастыря игуменья Анисья съ сестрами: дають де имъ нашего денежнаго и хлѣбнаго жалованья только 25 старицамъ, а ихъ въ томъ монастырѣ 50 старицъ, — чтобы намъ в. г. ихъ пожаловать, велѣти бы имъ наше жалованье, денежное и хлѣбное, давать на 50 старицъ въ Переславскихъ селѣхъ безъ Московскія волокиты“. Велѣно на 172 (1664) годъ денежную и хлѣбную ругу дать и впредь давать въ Переславскихъ селѣхъ, деньги изъ денежныхъ доходовъ, а хлѣбъ — *десятиннаго хлѣба* на всѣ годы безъ Московскія волокиты.

По грамотѣ 1664 году марта 10 дня отъ царя Алексѣя Михайловича къ дворцовымъ Переславскимъ прикащикамъ Александрѣ Суровцову и Давыду Маркову: въ Приказѣ Большаго Дворца въ приходной окладной книгѣ написано: съ сѣнныхъ покосовъ Александровой слободы, что около Государева двора, по рву, около рву и ямъ, да садовое мѣсто, что было за садовникомъ Безсонкомъ Степановымъ, новой Успенской пустыни на игуменѣ де Ефимѣ съ сестрами оброку и пошлннѣ 30 алтынъ 2 деньги, а даны имъ тѣ сѣнные покосы безъ перекупки, и въ нынѣшнемъ 1664 году марта 9-го били челомъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменья Анисья съ сестрами: „пожаловать ихъ, велѣти имъ тою землею, для ихъ скудости, владѣти безоброчно“. Что и исполнено. Того же 1664 года марта 11-го послѣдовала отъ царя грамота къ тѣмъ же Переславскимъ прикащикамъ: били намъ челомъ игуменья Анисья съ сестрами, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ бѣлаго попа нѣтъ⁽¹⁾, а позвать намъ того попа не къ чему,

---

(1) Мы видѣли выше, что службы отправлялъ Лукіановой пустыни іеромонахъ Ефремъ и потому самъ отецъ Корнилій.

потому что де нашего жалованья годовныя руги денегъ и хлѣба въ тотъ монастырь попу и дьякону съ причетники нѣтъ, а церковною де землею владѣеть Александровой слободы протопопъ и платить де оброкъ въ патриаршу казну. И намъ бы в. г. пожаловать ихъ, велѣти въ тотъ монастырь попу съ причетники учинить наше в. г. жалованье годовую денежную и хлѣбную ругу, и дать подъ дворы ихъ мѣста и на дворовое строенье. И мы, в. г., Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменьѣ Анисѣ съ сестрами пожаловали, велѣли учинить ругу двѣмъ попомъ денегъ по 5 рублевъ, хлѣба по 12 четей ржи, овса потому же челоуѣку, дьякону 2 рубли, хлѣба 10 четвертей ржи, овса то же, дьячку 1½ рубли, хлѣба 8 четвертей ржи, овса то же, пономарю и сторожу по 1 рублю, хлѣба по 4 четверти ржи, овса то же, потому же челоуѣку, и то ихъ жалованье давать въ Александровой слободѣ съ тамошнихъ доходовъ, безъ Московскія волокиты, ежегодно съ роспискою*. Всей дачи 15 рублей съ полтиною денегъ, 50 четвертей ржи, овса то же.

Въ 1664 года въ ноябрѣ въ царской грамотѣ тѣмъ же прикащикамъ Суровцову и Маркову писано, что: „нынѣ били намъ челомъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменя Анисія съ сестрами: дають де имъ нашего жалованья годовую ругу, деньги и хлѣбъ, въ Александровой слободѣ по вся годы безъ Московскія волокиты, а соломы и ухоботья отъ того хлѣба не даютъ. И намъ бы в. г. пожаловать: отъ ружнаго ихъ хлѣба солому и ухоботье велѣти давать имъ старицамъ для животиннаго корму“. Велѣно удовлетворить ихъ прошеніе.

Въ 1666 году мая 31-го отъ царя послѣдовала грамота въ г. Александровъ кормоваго Дворца стряпчему Ивану Волконову, что доселѣ давалось въ Успенскій монастырь 25 старицамъ по окладу денегъ по рублю, хлѣба же 50 старицамъ по четверти ржи старицѣ, и великій Государь пожаловалъ ихъ, повелѣлъ давать имъ впредь жалованья годовныя руги 100 старицамъ денегъ по 80 рублевъ, да хлѣба по 100 по 20 четвертей ржи, и овса потому жъ, по 10 четвертей крупъ овсяныхъ, по 5 четвертей крупъ гречневыхъ на годъ, да имъ же по 5 сажень дровъ въ Государеву дворцовую сажень, а давать имъ то жалованье въ Александровой слободѣ, деньги изъ таможенныхъ или кабацкихъ доходовъ, а рожь и овесь изъ Государева десятиннаго хлѣба, а дрова съчъ Переяславскимъ дворцовымъ крестья-

намъ повытно. И такъ, черезъ 18 лѣтъ по основаніи обители (съ 1561 года) число сестеръ въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ съ 12 возросло сперва до 25, потомъ (къ 1663 г.) до 50, а къ 1666 году до 100.

Такая значительная хлѣбная руга требовала средствъ и способовъ для ея размола, а потому игуменья Анисья съ сестрами была челомъ царю о томъ „что хотя по Государеву указу и мелютъ имъ хлѣбъ на пропитанье въ новой же Александровой слободѣ; на Государевыхъ оброчныхъ мельницахъ на рѣкѣ Серѣ подъ деревнею Сноповой, да что въ новой Александровой слободѣ на каменной плотинѣ, безденежно и безлопатчно, и обротчину тѣхъ мельницъ за помолъ того хлѣба зачитаютъ въ платежъ; но в. г. пожаловалъ бы имъ вмѣсто помольныхъ денегъ владѣть безоброчно мельницею въ старой дворцовой Александровой слободѣ на рѣкѣ Серѣ, ниже каменнаго броду. Въ справкѣ въ приходѣ Большаго Дворца въ приходной окладной книгѣ оказалось: въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ Государевой дворцовой старой Александровой слободѣ на рѣкѣ Серѣ ниже каменнаго броду, мельница отдана изъ выдѣлки на 10 лѣтъ (съ 1659 по 1669 г.) новой Александровой слободы посадскому человѣку Петрушкѣ Афанасьеву на оброкъ, коего и пошлны ежегодно платитъ по 1 рублю 16 алтынъ 4 деньга“.—Царь 1667 года 29 іюля повелѣлъ: „отдать ту мельницу въ Успенскій дѣвичь монастырь со всѣмъ переписаннымъ и оцѣненнымъ въ немъ строеніемъ безоброчно, а вмѣсто оброка велѣть молотъ монахинямъ на той мельницѣ для монастырскаго расхода, что онѣ малывали на пныхъ мельницахъ по 100 четвертей ежегодно Александровскія мѣры, а впредь того хлѣба, oprичъ той мельницы, на иныхъ оброчныхъ мельницахъ молотъ и за помолъ обротчикомъ денегъ зачитать не велѣть.

Въ октябрѣ 1666 года игуменья Анисья съ сестрами была челомъ царю Алексѣю Михайловичу, „что по Государеву указу отданы де имъ изъ патріаршаго казеннаго приказу на оброкъ безъ перекупки пустыя церковныя земли въ Переясловской десятинѣ Залѣскаго, что были на оброкъ тоежь Александровой слободы на протопопѣ Матфеѣ: (церквей) Сергія Чудотворца, да великаго Чудотворца Николы, да Живоначальныя Троицы, да Алексѣя митрополита, да Успенія Пресвятыя Богородицы, и оброчныя деньги съ тѣхъ земель на Москвѣ въ патріаршу казну на прошлой 174 годъ и на нынѣшній 175 годъ взяты и отписъ игуменья Анисья съ сестрами

дана, и протопопъ Матвѣй Государеву указу учинился непослушенъ, тѣми пустовыми церковными землями владѣть игуменьѣ съ сестрами не дастъ. По грамотѣ Государя въ Александрову слободу хлѣбному стряпчему Афанасью Нестерову велѣно, чтобы онъ эти „пустыя церковныя земли“ игуменьѣ Анисѣ съ сестрами отвелъ, по старымъ межимъ и границамъ, и велѣлъ имъ тѣми землями владѣть изъ оброку, а протопопу Матвѣю отказалъ и владѣть ему самовольствомъ, безъ Государева указу, не велѣлъ, да на немъ же протопопъ Матвѣй за его ослушанье доправитъ денегъ 2 рубли 4 алтына 1½ деньги, и объ исполненіи всего сего „для вѣдома“ далъ знать великому Государю, и пенные съ протопопа Матвѣя деньги велѣлъ подать на патриаршемъ дворѣ въ казенномъ приказѣ казначею старцу Тихону Обанину да дьяку Перфилю Семенникову.

Въ 1669 году іюля въ 14 день игуменья Анисья съ сестрами была челомъ Царю: по указу де великаго господина святѣйшаго Іоасафа, патриарха Московскаго, и по грамотѣ изъ патриаршаго казеннаго приказу велѣно: старую церковь, которая стоитъ подъ новою Александровою слободою на *пустовой церковной Вдвиженской землѣ*, на старомъ церковномъ мѣстѣ и не освящена многіе годы, — освятить того монастыря попомъ, а тою церковною землею владѣть ей игуменьѣ Анисѣ съ сестрами. А нынѣ той же Александровою слободою деревни Красныя Рощи крестьяне Емелька да Артюшка Дмитріевы съ товарищи, восемь человекъ, тоя церкви освятить не пустятъ, и тою пустовою церковною землею владѣть имъ не дадутъ и претятъ смертнымъ убивствомъ. А та де церковь стоитъ и нынѣ безъ пѣнія и не освящена; да тѣжъ де крестьяне ту пустовую церковную землю отдають страннымъ людямъ на оброкъ, а у нихъ де игуменья Анисья съ сестрами земли нѣтъ, живутъ въ великой нуждѣ и тѣснотѣ! И по тому ихъ челобитью послана на патриаршій дворъ память, а въ памяти изъ патриаршаго казеннаго приказу, за подписью дьяка Перфиля Семенникова, написано: въ нынѣшнемъ въ 177 году мая въ 27 день, по указу великаго господина Іоасафа патриарха и по челобитью игуменья Анисья съ сестрами, велѣно: тоя церковь освятить и тою церковною землею владѣть игуменьѣ Анисѣ съ сестрами, и въ той церкви служить Успенскаго монастыря попомъ, даны съ тоѣ церкви платитъ въ патриаршу казну по рублю по 2 алтына по 2 деньги на годъ, и тѣ деньги на нынѣш-

ній на 177 (1669) годъ у нихъ взять. А Успенскаго дѣвичьяго монастыря строитель Феофанъ въ Приказѣ Большаго Дворца сказалъ, „что деревни Красныя Рощи крестьяне Гришка Тимофѣевъ съ товарищи, 8 человекъ, въ 171 (1663) году по нынѣшней по 177 (1669) годъ, по благословенной грамотѣ преосвященнаго Пятирима митрополита (въ междупатріаршество), владѣли церковною Здвиженскою землею и перевезли изъ Александровыя слободы ветхую церковь, ложно назвавъ то пустовое Здвиженское церковное мѣсто въ своей деревнѣ Красной Рошѣ. А та де церковь стоитъ не у нихъ въ деревнѣ, а на полѣ, и на томъ Здвиженскомъ мѣстѣ, и по сѣ время не освящена, и поповъ и причетниковъ нѣтъ, и около той церкви осѣяно рожью, а съ той де церкви въ патріаршу казну дань платили они, крестьяне, не съ жилаго, за попа ложножъ, а Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменьѣ Анисѣ съ сестрами, противъ патріаршей благословенной грамоты, освятить тое церкви и церковною землею владѣть они, крестьяне, не дали“. Царь велѣлъ церковь со всею утварью, описать, передать игуменьѣ Анисѣ съ сестрами, а поименованнымъ крестьянамъ землею не владѣть по тѣмъ причинамъ, которыя выяснились при повѣркѣ челобитья.

Но симъ дѣло это не кончилось. Изъ втораго челобитья игуменьи Анисии съ сестрами царю, въ 1670 году іюня въ 4 день, видно, что: какъ прикащикъ Михаилъ Ушаковъ да Андрей Головковъ деревни Красныя Рощи крестьянамъ Емелкѣ съ товарищи во владѣнныя церковныя земли отказали, они де въ то время передъ ними ничѣмъ не спорили, а они де игуменьи Анисии съ сестрами съ той церкви и съ земли дань платили въ патріаршу казну. А нынѣ де онѣ жъ Емелка съ товарищи, видя ихъ смиренье, тоя церковныя земли своимъ озорничествомъ пахать не даютъ и похваляются смертнымъ убивствомъ. И (просить) пожаловать ихъ, велѣть о томъ в. г. указъ учинить. Приказано: „церковію и землею владѣть игуменьѣ Анисѣ съ сестрами, а поименованнымъ крестьянамъ по сыску за непослушаніе учинить наказанье“.

Въ томъ же 1670 году 31 октября прислана въ Александрову слободу царская грамота прикащикамъ Михаилу Ушакову да Андрею Головкову, въ которой сказано: въ нынѣшнемъ въ 178 году сентября въ 27 день, по нашему великаго Государя указу, велѣно въ Александровой слободѣ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, сверхъ прежнихъ 100 ста-

рицъ *новоприбылымъ 20 человекамъ старицамъ* дать наше великаго Государя *денежное и хлѣбное жалованье и дрова*, противъ иныхъ сестеръ, по окладу на нынѣшній 178 (1670) годъ, и впредь давать по вся годы; да для монастырской ихъ скудости соломы, мякины, ухоботья отъ молотбы десятиннаго хлѣба *велѣно* дать на нынѣшній же на 178 годъ *и впередь* давать по вся годы *прежнимъ 100 старицамъ*, противъ дачи прошлыхъ лѣтъ, *одное*, да *новоприбылымъ 20 старицамъ*, противъ нынѣшняго окладу, *въ двое же*. И Успенскаго дѣвичьяго монастыря *новоприбылымъ 20 старицамъ* доведетца дать нашего великаго Государя жалованья въ годъ, противъ иныхъ старицъ, по окладу: денегъ 16 рублей, хлѣба: 24 четверти ржи, 12 чети овса, ячменя тожь, да за овсяныя крупы 4 чети овса въ казенную мѣру, дровъ 15 сажень. А солому и ухоботья и мякину, прежніе дачи 100 *человекамъ старицамъ*, отъ 120 четей ржи, отъ 80 четей овса, отъ 60 четей ячменя, а нынѣ *новоприбылымъ 20 старицамъ* отъ 24 четей ржи, отъ 16 четей овса, отъ 12 четей ячменя, обоего и съ *новоприбылою* дачею: отъ 312 четей ржи, овса и ячменя *въ двое*. И какъ съ наша великаго Государя грамота придетъ, и вы бѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря *новоприбылымъ 20 старицамъ* наше великаго Государя жалованье деньги дали и дрова покупали изъ таможенныхъ доходовъ, а хлѣбъ изъ десятиннаго молотбы по окладу, а соломы и мякины и ухоботья отъ десятиннаго жъ всякаго хлѣба отъ 624 четей, на нынѣшній на 178 годъ дали и впередь давали по вся годы по *прежнему* и по сему нашего великаго Государя указу въ Александровѣ слободѣ, безъ Московскія волокиты, и тѣ дачи вписали у себя въ книгахъ“.

... Это была послѣдняя помощь щедраго и милостиваго царя Алексѣя Михайловича Александрову Успенскому монастырю въ игуменство Анисіи, которая скончалась въ слѣдующемъ 1671 году.

... Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1671 года всѣ старицы били челомъ великому Государю, а въ Александровой слободѣ въ приказной избѣ кормоваго дворца стряпчему Григорію Головкину да сытнаго дворца стряпчему Давиду Маркову подалъ отказную челобитную старой Александровой слободы крестьянинъ Якушка Степановъ: „въ прошлыхъ де годѣхъ дана была ему Якушку Степанову *пустошь Копыловка* изъ оброку на 5 лѣтъ, и тѣ оброчные годы у него Якушки вышли во 180 году, и чтобы великій Госу-

дарь пожаловалъ ихъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря стариць, велѣлъ имъ тоя пустошь Копыловку со всеми угоды отдать на оброкъ же“. И кормоваго и сытнаго двorca стряпчіе Григорій Головкинъ да Давидъ Марковъ на отказную челобитную Якушки Степанова о той пустошѣ Копыловкѣ въ торговые дни велѣли бирючу ключъ клеветать, чтобъ о той пустошѣ охочимъ людемъ дать торгъ, и охочихъ людей никого не было, а Успенскаго дѣвичьяго монастыря все старицы сверхъ прежняго оброку надали по 3 алтына по 2 деньги на годъ. И кормоваго двorca стряпчій Григорій Головкинъ да сытнаго двorca стряпчій Давидъ Марковъ тоя пустошь Копыловку отдали на оброкъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря старицамъ, на урочные на 5 лѣтъ, и съ тоя пустоши Копыловки великаго Государя въ казну въ Приказъ Вольшаго Дворца велѣно оброку старому и новому наддаци платить сентября съ 1-го числа 180 года по рублю по 6 алтынъ 2 деньги, да вмѣсто денежнаго оброку по 2 чети съ осьминою ржи, овса потому жъ, на годъ, въ Московскую мѣру, а и впредь на урочные годы на всякій годъ платить безпереводно. Въ томъ имъ всемъ старицамъ на тоя пустошь Копыловку память владѣльную дали, по чемъ имъ денежной оброкъ платить должно. Просьба стариць была удовлетворена и Успенскій монастырь съ генваря 2 числа 1672 г. сталъ владѣть пустошью Копыловкой, изъ денежнаго и хлѣбнаго оброка, безъ перекупки.

Въ 1672 году, по челобитью наместницы старицы *Иринархи* съ сестрами, святѣйшій патриархъ Иосафъ велѣлъ быть въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ игуменью стариць *Макринь* и монастырь на ея имя описать. Патриаршій указъ о семъ данъ 22 января 1672 года, на чинъ строителя Лукіановой пустыни отца Корнилія и строителя Успенской дѣвичей пустыни отца Теофана.

Игуменья Макрина продолжала заботы о *пустошѣ Копыловкѣ*, взятой на оброкъ *старницами* обители въ 1671 году. По ея челобитью царю прикащики Александровой слободы Давидъ Марковъ и Тимофѣй Баранчевъ получили царскую грамоту отъ 1672 г. іюля 13 дня, въ которой сказано: „въ книгѣ окладной приходу нынѣшняго 180 году написано: въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ нашей дворцовой старой Александровой слободѣ пустошь Копыловка, Успенскаго дѣвичьяго монастыря, что на Александровой слободѣ, за игуменью Макриною съ сестрами,

оброку пошлнъ 1 рубль 6 алтынъ 2 деньга, да хлѣба 2 чети съ осьминою ржи, овса тожь, а дана имъ та пустошь въ нынѣшнемъ же 180 году генваря 2 числа безъ перекупки. И нынѣ били челомъ намъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменья Макрина съ сестрами, чтобъ намъ, великому Государю, пожаловать имъ, велѣть, для ихъ монастырской хлѣбной скудости, съ той пустоши Копыловки за оброчный хлѣбъ платить деньгами, и оной пустошью владѣть бы имъ безъ перекупки“. Велѣно отдать имъ пустошь Копыловку на денежный оброкъ сентября съ 1-го числа 181 году на три года безъ перекупки, а оброку платить имъ за 2 чети съ осьминою ржи, за столько же четей овса: за четь ржи по рублю, да четь овса по 20 алтынъ, и того за хлѣбъ по 4 рубли, да прежняго денежнаго оброку по 1 рублю по 6 алтынъ по 2 деньга на годъ, а всего по 5 рублей по 6 алтынъ по 2 деньга на годъ, а будутъ послѣ урочныхъ лѣтъ и иныхъ обротчиковъ на ту пустошь не будетъ, и тою пустошью владѣть имъ же до иныхъ перекупщиковъ. Въ 1674 году іюля 5 дня въ грамотѣ царя къ Александровскимъ прикащикамъ Моисею Литвинову и Тимофею Баранчеву значится: въ Приказѣ Большаго Дворца въ книгѣ окладнаго приходу нынѣшняго 182 (1674) года написано: въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго нашей великаго Государя дворцовой новой Александровой слободы Успенскаго дѣвичьяго монастыря на игуменьѣ съ сестрами оброчныхъ денегъ съ остаточныхъ сѣбныхъ покосовъ, что промежь нашихъ десятиныхъ на низкихъ мѣстахъ, 1 рубль 24 алтына съ деньгою, съ пустоши Копыловки 5 руб. 6 алтынъ 2 деньга, съ пустоши Опцыноровы 3 руб. 3 алтына 3 деньга, всего съ остаточныхъ сѣбныхъ покосовъ и съ пустошей оброку 10 рублей 4 деньга. И нынѣ били челомъ намъ великому Государю той Александровы слободы Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменья Макрина съ сестрами: съ тѣхъ де угодій платятъ они въ нашу казну Большаго Дворца оброку по 10 рублей по 4 деньга на годъ, а наше де великаго Государя жалованье даютъ имъ въ монастырь изъ дворца для церковной службы по 2 пуда воску на годъ по вся годы на Москвѣ, и намъ бы великому Государю пожаловать ихъ, для ихъ скудости, велѣть тѣ угодья отдать имъ въ монастырь, вмѣсто того ружного два пуда воску „безоброчно“. Прошеніе это велѣно исполнить.

Въ 1673 году декабря 18 дня царь въ грамотѣ къ тѣмъ же прика-

щикамъ Александровой слободы писалъ: въ Приказъ Большого Дворца въ книгѣ окладного расхода нынѣшняго 182 году написано: „нашего жалования Переславскаго уѣзду Залѣскаго въ Успенскій дѣвичь монастырь въ Александровой слободѣ игуменья съ сестрами велѣно давать по 80 по 5 сажень дровъ въ годъ, покупая въ Александровѣ слободѣ на дворцовые доходы. И нынѣ били челомъ намъ великому Государю того же Успенскаго дѣвичья монастыря игуменья Макрина съ сестрами: по нашему в. г. указу велѣно имъ давать по 80 по 5 сажень дровъ въ годъ, покупая въ Александровой слободѣ на дворцовые доходы, а въ какую сажень тѣ дрова велѣно покупать и имъ въ монастырь давать, того не указано, и чтобъ намъ великому Государю пожаловать, велѣтъ дрова покупать и имъ въ монастырь давать противъ пріемной дворцовой дровяного двора сажени. А въ Приказъ Большого Дворца, по справкѣ съ книгами и съ цѣловальными покупными росписями, тѣ дрова по 80 по 5 сажень писаны въ покупкѣ и въ Успенскій дѣвичь монастырь въ отдачѣ, а въ какую сажень тѣ дрова покупать не писано“. Велѣно: въ Успенскій дѣвичь монастырь „дрова (85 сажень) давать противъ дворцоваго дровяного двора сажени *безъ дву верхковъ въ четырехъ аршинную сажень*“.

Въ 1655 году ноября 8-го дня въ грамотѣ отъ царя къ прикащикамъ Александровой слободы Федору Ходину да Лузѣ Соколову писано: въ прошломъ во 175 году, по нашему указу, велѣно Успенскаго монастыря игуменья съ сестрами, для колейныхъ топли, покупать въ Александровѣ слободѣ по 85 сажень дровъ въ четырехъ-аршинную сажень безъ дву верхковъ, а деньги на тоя дровяную покупку велѣно имать изъ тамошнихъ доходовъ, и въ прошломъ во 183 году писали вы намъ великому Государю, что въ Успенскій дѣвичь монастырь купили вы дрова по 26 алтынъ по 4 деньги сажень. И нынѣ били челомъ намъ Успенскаго дѣвичья монастыря игуменья Макрина съ сестрами: во Александровой слободѣ покупаютъ имъ изъ таможенныхъ доходовъ по 85 сажень дровъ и тѣ дрова возятъ къ нимъ въ зимнее время поздно, и отъ того бываетъ имъ нужда велика, и чтобъ намъ в. г. пожаловать ихъ, велѣтъ имъ для ихъ скудости за дрова давать деньгами во Александровой слободѣ противъ прежней цѣны съ прибавкою, чтобъ имъ тѣ дрова готовить себѣ въ годъ во время. Велѣно: „давать за дрова для ихъ скудости и съ прежними по

рублю за сажень на годъ на вся годы безъ Московскія волокиты и тоя дачи велѣно писать въ расходныхъ книгахъ имянно“.

Въ томъ же 1675 году іюля въ 3 день послана царская грамота къ писцамъ Тимофѣю Елизарову Маракуневу да подъячему Якову Перфильеву: били челомъ намъ в. г. Успенскаго монастыря игуменья Макрина съ сестрами: по нашему в. г. указу и по грамотѣ изъ Приказу Большаго Дворца велѣно имъ владѣть *остаточными спынными покосами* на низкихъ мѣстахъ промежь слобоцкихъ десятинь, а на сколько тѣхъ сѣнныхъ покосовъ и на которыхъ мѣстехъ, того въ той нашей грамотѣ имянно не написано, и они де владѣютъ тѣми сѣнными покосы на низкихъ мѣстахъ и около лужъ и по вражкамъ, а иными де тѣхъ же сѣнныхъ покосовъ низкими мѣсты, около лужъ и по вражкамъ, въ тѣхъ десятинахъ завладѣли посацкіе люди да крестьяне безъ нашего указу, а имъ де въ писцовыхъ книгахъ и въ описной грамотѣ сѣнныхъ покосовъ въ десятинахъ нигдѣ не написано. Да въ прошлыхъ де годѣхъ, тѣхъ же сѣнныхъ покосовъ около лужъ, многіе низкіе мѣста припаханы у нихъ въ десятины, и чтобъ намъ в. г. пожаловать ихъ, велѣтъ остаточные сѣнные покосы, около лужъ и по вражкамъ, всѣ низкія мѣста, въ Мишуковскихъ и въ зарослыхъ десятинахъ, измѣривъ и описавъ, положить въ копны и написать въ писцовые книги ихъ въ Успенскій дѣвичь монастырь. И по нашему в. г. указу послана вамъ наша в. г. грамота, велѣно тѣхъ остаточныхъ сѣнныхъ покосовъ, что промежь нашихъ десятинь на низкихъ мѣстехъ, около лужъ и по вражкамъ, въ Мишуковскихъ и во всѣхъ полевыхъ и въ зарослыхъ десятинахъ, досмотрѣть и описать сколько по смѣтѣ будетъ десятинь, такъ же по скольку на которомъ лугу въ укосѣ станетъ сѣна мѣрныхъ копень, а осмотра и описавъ всѣ низкія мѣста, пашню измѣривъ въ десятины и сѣнные покосы въ мѣрные копны поровнь, къ намъ в. г. отписать.

Это дѣло ввело монастырь въ тяжбу съ посадскими людьми; пришлось жаловаться на неправильное межеванье, такъ какъ нѣкоторыя мѣста названы были писцами ложными именами въ пользу посадскихъ людей; дѣло это кончилось въ 1680 году; въ то же время за часть покосовъ, которые понадобились „Государевымъ лошадямъ на пастбище“, было повелѣно отмежевать въ Успенскій монастырь тоже количество земли въ пустоши *Микулинской*.

Въ 1672 году, вслѣдствіе челобитья великому Государю Алексан-

дровы слободы соборныя церкви Покрова Пресвятыя Богородицы попа Семіона съ причетники, въ грамотѣ отъ царя прикащикамъ Александровой слободы Григорію Головкову да Давиду Маркову писано: „въ Приказѣ Большаго Дворца, въ рухольной заказной книгѣ нынѣшняго 180 (1672) года написано: нашего в. г. денежнаго жалованья Александровы слободы соборныя церкви Покрова Пресвятыя Богородицы протопопу 11 рублевъ 14 алтынъ 4 деньги, двумъ попамъ по 6 рублевъ по 10 алтынъ по деньги человѣку, дьякону 6 рублевъ съ полтиною, двумъ пономорямъ, тремъ сторожамъ по рублю человѣку, просфорницѣ 25 алтынъ, всего 36 рублевъ 10 алтынъ 4 деньги, а давать имъ то жалованье въ полъ ихъ окладовъ (т. е. выдачу производить по полугодно). Нынѣ били челомъ намъ в. г. Александровы слободы соборныя церкви Покрова Пресвятыя Богородицы попу Семіонъ съ причетниками, чтобъ намъ великому Государю пожаловать, велѣть имъ наше великого Государя годовое денежное жалованье на нынѣшней 180 годъ по окладу выдать и впредь давать въ Александровѣ слободѣ изъ кружечнаго двора безъ Московскіе волокиты“. Велѣно просьбу ихъ исполнить. — Изъ этого видно, что Покровскій соборный храмъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, находясь внутри Успенскаго монастыря, продолжалъ однако же считаться *соборнымъ* для всей Александровой слободы.

Царь Феодоръ Алексѣевичъ (1676 — 1682 г.), на второй годъ по вступленіи на царство, а именно въ 1677 году, посѣтивъ Александрову слободу и въ ней Успенскій дѣвичь монастырь и „видя тоя святыя обители въ нужныхъ потребныхъ оскудство“ пожаловалъ ему *дѣтъ мельницы*: одну въ той же новой Александровой слободѣ на рѣкѣ Серѣ, на каменной плотинѣ, а другую подъ деревнею Сноповниъ, со всякимъ мельничнымъ строеніемъ, безоброчно, на вѣчныя времена. И далъ монастырю на эти двѣ мельницы свою царскую жалованную грамоту, которая уцѣлѣла въ монастырѣ доселѣ. Она писана на большомъ александрійскомъ листѣ, бордюръ съ золотомъ и красками и при грамотѣ государственная красная створчатая печать на шелковыхъ шнурахъ (см. содержаніе ея въ статьѣ о грамотахъ). Мельницы эти отдавались въ оброкъ, и по окладу, противъ откупу 7177 (1669) году, съ тѣхъ мельницъ шло въ казну по 138 рублевъ по 33 алтынъ съ 1/2 деньгою на годъ.

Въ 1678 году іюня 26-го царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ къ столынику Осипу Яковлеву Тухачевскому писалъ: въ Приказѣ Вольшаго Дворца въ писцовыхъ книгахъ Тимофѣя Маркушева да подьячего Якова Перфильева въ прошлыхъ 183 (1675), 184 (1676) и 185 (1677) годѣхъ написано: въ прошломъ въ 175 (1667) году по указу отца нашего, блаженныя памяти великаго Государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго подъ старою Александровою слободою на рѣкѣ Серѣ мельницею велѣно владѣть Успенскаго монастыря игуменѣ Макринѣ съ сестрами безоброчно, вмѣсто оброчныхъ денегъ, что они преже сего малывали на монастырскій обиходъ на Сноповской и на каменной плотинѣ на оброчныхъ мельницахъ, и тоя мельницу они писцы въ писцовые свои книги за Успенскимъ дѣвичьемъ монастыремъ написали, а къ той мельницѣ на выпускъ и на плотинную починку землю отвелили, и подъ дворовое мѣсто отгѣрили, того въ писцовыхъ книгахъ не написано. А въ прошломъ 185 (1677) году, по нашему великаго Государя указу, въ Новоалександровской Слободѣ на рѣкѣ Серѣ на каменной плотинѣ, да повыше деревни Сноповы наши великаго Государя мельницы, для нашего Государскаго многолѣтняго здравія, отданы въ Александровскій Успенскій дѣвичь монастырь игуменѣ съ сестрами, для прокормленія, безоброчно, и на тѣ мельницы наша великаго Государя жалованная грамота дана; а въ писцовыхъ же Тимофѣевыхъ книгахъ Маркушева написано: рыбные ловли въ рѣкѣ Серѣ отъ каменной нижняи плотины внизъ по рѣкѣ Серѣ до межника окольного нашего Андрея Васильевича Бутурлина, на оброкъ Александровой слободы на площадномъ дьячкѣ на Миткѣ Баевѣ, оброку и пошлинѣ 13 алтынъ 2 деньги, да промежъ верхнихъ и нижнихъ каменныхъ плотинъ рыбная-жъ ловля на оброкъ на посацкомъ человекѣ на Васкѣ Осиповѣ, оброка и пошлины 20 алтынъ полчетверти деньги; подъ селомъ Старою Слободою и подъ деревнями Татьяниною въ рѣкѣ Серѣ, отъ Симеоновскаго монастыря вверхъ по межнѣ Новоалександровой Слободы, да въ рѣкѣ Нюнгѣ вверхъ до помѣстной земли Исаи Печова, да подъ селомъ Коринскимъ въ рѣкѣ Печкурѣ и въ поточкахъ рыбная жъ ловля. Новоалександровой приказной избы за подьячимъ Ѳедкою Травинимъ, оброку и пошлинѣ 1 рубль 20 алтынъ, да на рѣкѣ Серѣ пролубное мѣсто на оброкъ за посацкимъ человекомъ за Ромашкою Ѳоимимъ, оброку и пошлинѣ 2 рубля 20

алтынъ 5 денегъ; всего съ тѣхъ рыбныхъ ловель и съ пролубнымъ мѣстомъ оброку и пошлинъ 5 рублевъ 8 алтынъ съ полуденьгою, да въ рѣкѣ жъ Серѣ отъ Красносельскаго мосту до верхней каменной плотины рыбу ловятъ на нашъ великаго Государя обиходъ, а рыба: щуки, лещи, язи. И нынѣ были челомъ намъ, великому Государю, Новоалександровы Слободы Успенскаго дѣвича монастыря игуменья Макарина съ сестрами: въ старой Александровой Слободѣ мельницу на рѣкѣ Серѣ, ниже каменнаго броду, писцы Тимофѣй Маракушевъ да подъячей Яковъ Перфильевъ въ писцовыхъ своихъ книгахъ, по жалованной грамотѣ, за Успенскимъ монастыремъ написали, а на выпускѣ и на плотинную починку земли и двороваго мѣста не отмѣрили и въ книгахъ не написали. Да по той же рѣкѣ Серѣ на каменной плотинѣ въ Новоалександровой Слободѣ, да подъ деревнею Сноповою двѣ мельницы (даны) въ Успенскій дѣвичь монастырь, а пруды тѣхъ мельницъ и воды промежъ ихъ на рѣкѣ Серѣ и по Нюнгѣ и пролубныя мѣста имъ не даны, а владѣютъ тѣми рыбными ловлями и пролубнымъ мѣстомъ обротчики, и тѣ двѣ мельницы за нихъ въ писцовыя книги не написаны. И намъ бы великому Государю пожаловать бы ихъ, велѣть пруды тѣхъ трехъ мельницъ и промежъ ихъ оброчныя воды отъ межника стольника нашего Ивана Вутурлина вверхъ по рѣкѣ Серѣ до Рюминскаго верхняго межника, и по рѣкѣ Нюнгѣ вверхъ до земли Исаи Печова, *отдать имъ въ Успенскій дѣвичь монастырь безоброчно*, чтобъ впредь въ тѣхъ ихъ монастырскихъ мельницахъ тѣхъ водъ отъ обротчиковъ утѣсенія и порухи на тѣхъ водахъ отъ строенія новыхъ мельницъ не было, да и тѣмъ же ихъ мельницамъ на выпускѣ и на плотинную починку и подъ дворы земли отмѣрить и всѣ ихъ монастырскіе старыя и новыя дачи по жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ отмежевать и написать въ книгѣ тебѣ, и съ тѣхъ книгъ дать въ монастырь выписъ, чтобъ у нихъ впредь о томъ намъ, великому Государю, челобитья и никакіе ссоры и спору не было. Это челобитье во всей своей полнотѣ было удовлетворено. Въ томъ же 1678 году сентября 22 дня явлена Успенскому дѣвичью монастырю новая царская милость. Въ указѣ стольнику и воеводѣ Осипу Яковлевичу Тухачевскому (изъ Приказа Большого Дворца) значится: „въ нынѣшнемъ 187 году сентября въ 22 день (1678) великій Государь, царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичъ..... указалъ, по своему великаго Государя указу, *озеро Дичковское да озеро*

Каринское, которые въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ Александровой Слободѣ подѣ селомъ Каринскимъ и подѣ деревнею Дичковою, отдать въ ту же Слободу въ Успенскій дѣвичь монастырь, да мельницу, которая въ верховьѣ рѣки Серн, подѣ пустошью подѣ Горьевою, со всею мельничнымъ заводомъ, отдать въ тотъ же Успенскій дѣвичь монастырь“.

Въ грамотѣ царской того же 1678 года октября 10 дня на имя того же стольника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского (управл. дворцовыми селами въ Переславскомъ уѣздѣ) читаемъ: „въ Приказѣ Большого Дворца въ Переславскихъ писцовыхъ Тимофѣевыхъ книгахъ Моракушева да подьячего Якова Перфильева 184 и 185 годовъ написано: въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ нашихъ государевыхъ дворцовыхъ селахъ: подѣ селомъ Каринскимъ озеро *Каринское*, по мѣрѣ 4 десятины, а въ немъ рыба: щуки, окуни, и плотцы, и караси, отдаю на оброкъ стольника нашего Ивана Андреева сына Бутурлина села Крутца крестьяномъ Тараскѣ да Мишкѣ Ивановымъ мая въ 8-мъ числѣ 184 году вперед на три годы, а оброку и пошлинъ ведѣно имъ платить въ нашу въ государеву казну по 1 рублю по 3 алтыны по полпяты деньги въ годъ, да подѣ деревнею Дичковымъ озеро *Дичково*, а въ немъ рыба: щуки, окуни, плотца, караси, по мѣрѣ того озера 10 десятинь, а по сказкѣ старожиловъ Самошки Иванова съ товарищи тѣмъ озеромъ владѣетъ Артемій Волынский, а по какому нашему великого Государя указу, того имъ, писцомъ нашимъ великого Государя, онъ Артемій не положилъ. Да по справкѣ въ Приказѣ Большого Дворца съ Московскимъ столомъ, которые села отписаны изъ Приказу тайныхъ дѣлъ, въ отписныхъ книгахъ снѣга дворца стряпчего Семена Горянцева 184 года (1676) написано: въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ селѣ Рюминскомъ на пустоши Горьевѣ построена винокурня, да на рѣкѣ Серн мельница со всякимъ заводомъ, изъ Приказа тайныхъ дѣлъ, а въ которомъ году построена, и того въ книгахъ имянно не написано, и вѣща не сидятъ. И въ нынѣшнемъ во 187 году сентября въ 22 день (1678 г.), по нашему великого Государя именному указу, озеро Каринское да озеро Дичково и мельница, которая подѣ пустошью Горьевымъ, со всякимъ мельничнымъ заводомъ отданы въ Успенскій дѣвичь монастырь безоброчно. И въ нынѣшнемъ во 187 году октября во 2-й день писалъ ты къ намъ великому Государю и прислалъ подѣ отпискою своею мельнич-

тому, тутъ же винокуренному заводу, что построено подъ тою же мельницею, роспись..... И нынѣ били челомъ намъ великому Государю Переславскаго уѣзду Залѣскаго Успенскаго дѣвичья монастыря игуменья Макрина съ сестрами: въ нынѣшнемъ де во 187 году, по нашему великого Государя указу, озеро Каринское и озеро Дичково, да мельница, что подъ пустошью Горьевымъ, отданы имъ въ Успенскій дѣвичь монастырь со всякимъ мельничнымъ заводомъ безоброчно, и намъ бы великому Государю пожаловать ихъ, велѣть каменное и монастырское строеніе, что есть на той мельницѣ и винокуреннаго деревяннаго заводу и всякого строения, кромѣ мѣдной и желѣзной посуды, по росписи, и пустой воловной дворъ отдать въ Успенскій дѣвичь монастырь игуменѣ Макринѣ съ сестрами, а къ мельницѣ отобрать на выпускъ земли противъ слободскихъ мельницъ (2 десятины), да тѣ озера и мельницу со всемъ мельничнымъ заводомъ и съ выпускною землею написать въ писцовые книги за Успенскимъ дѣвичьимъ монастыремъ имянно, по чему имъ впредѣ тѣми озерами и мельницею владѣть, и о томъ дать нашу в. г. грамоту“. Что и приказано исполнить.

1679 года марта 21-го Царь, въ грамотѣ тому же стольнику и воеводѣ О. Я. Тухачевскому, указалъ въ дворцовой Новоалександровой слободѣ *гумна и овины, для молотбы государева десятиннаго хлѣба*, построить вновь, на иномъ мѣстѣ, гдѣ пригоже, а старыя овины, нѣкоторыя нынѣ есть, и тѣ овины и гумна и огуменники отдать въ монастырь игуменѣ Макринѣ съ сестрами для монастырской всякой нужды.

Въ 1682 году генваря 5-го дня, въ грамотѣ отъ Царя стольнику и воеводѣ О. Я. Тухачевскому, писано: въ расходной книгѣ прошлаго 189 (1681) году написано нашего великого Государя жалованья годовые хлѣбныя руги по окладу Успенскаго дѣвичьяго монастыря, что въ новой Александровой слободѣ, церкви Успенія Пресвятныя Богородицы, что на нашемъ великого Государя дворѣ, игуменѣ съ сестрами, всего *деумъ стамъ* челоуѣкамъ: 136 четей съ осьминою и съ четверикомъ ржи, овса тожь, *деумъ пономъ* по 7 чети и по 1½ четверика ржи; овса потому жъ челоуѣку, дякову — 6 четей ржи, овса потому жъ, *дьячку* — 5 чет. безъ 1½ четверика ржи, овса потому жъ, *пономарю* да *сторожу* по 2 чети съ осьминою безъ четверика ржи, овса потому жъ челоуѣку. Да соборныя церкви Покрова Пресвятныя Богородицы *протопоу* 6 четей ржи, овса тожь, *деумъ пономъ*

по 4 чети съ осьминою ржи, овса тожь, *просфорницъ* — 2 чети съ полюсьминою ржи, овса тожь; *двумъ пономарямъ* съ тремя сторожами по 3 чети ржи, овса потому жь человѣку; на просфоры 2 чети безъ полуосьмины ржи, Церкви Живоначальныя Троицы *попу* 4 чети съ осьминою ржи, овса тожь, *дьякону* 3 чети съ осьминою и полчетверика ржи, овса тожь; *дьячку да пономарю* по 3 чети ржи, овса потому жь человѣку; *просфорницъ* застряпу 2 чети съ полюсьминою ржи, овса тожь. Всего въ Успенскій дѣвичь монастырь игумень съ сестрами и соборные и Троицкіе церкви протопопу съ братією и попомъ съ причетники и на просвиры по окладу 221 четь съ осьминою безъ четверика ржи, овса 218 чети съ осьминою и четверикомъ овса. И по нашему великого Государа нынѣшному указу, за помѣтою думнаго нашего дьяка Ларіона Иванова, наше великого Государа хлѣбное жалованье Успенскаго дѣвичьяго монастыря игумень Макринъ съ сестрами и соборные церкви протопопу съ братьей, да прихоція церкви попомъ съ причетники на нынѣшней на 190 (1682) годъ, противъ дачи прошлаго 189 (1681) года, рожь и овесъ выдать и впредь по вся годы указали мы давать въ Новой Александровой Слободѣ изъ нашего десятиннаго хлѣба“.

1682 года марта 12 дня въ грамотѣ тому же стольнику и воеводѣ О. Я. Тухачевскому значится: „въ Хлѣбномъ Приказѣ, въ расходной окладной книгѣ нынѣшняго 190 (1682) году написано: нашего великаго Государа жалованья Успенскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Александровой слободѣ, игумень съ сестрами *дѣтъмъ старицамъ* 136 чети съ осьминою и съ четверикомъ ржи, овса тожь, да за овсяныя крупы 14 чети съ осьминою безъ полчетверика, да за гречневья крупы по 4 чети и полтора четверика пшеницы, да пшеницы жь по 20 чети безъ полуосьмины, да по 40 по 3 чети съ осьминою безъ полтора четверика ячмени.... (Далѣе слѣдуетъ указаніе оклада хлѣбнаго жалованья бѣлому духовенству и причту, тоже самое что въ предыдущей грамотѣ). Да велѣно давать скотинѣ на кормъ гуменнаго корму, соломы и мякны и ухоботья отъ десятиннаго хлѣба и отъ 400 отъ 80 чети ячмени. И нынѣ мы в. г. игуменью Макрину съ сестрами и поповъ съ причтомъ пожаловали, годовую хлѣбную ругу на нынѣшній 190 (1682) годъ, рожь и ячмень и пшеницу, а за овесъ за четь по чети ржи, также и гуменной кормъ велѣли выдать и впредь выдавать въ

Переславскихъ нашихъ дворцовыхъ селахъ сполна, безъ Московскіе волокиты^а.

Эти два акта, между прочимъ, показываютъ, что въ царствованіе Феодора Алексѣевича число старицъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря возросло со 120 до 200 человекъ, слѣдовательно прибылыя 80 старицъ получали, по его милости, хлѣбное жалованье наравнѣ съ прежними 120-ю, — это сдѣлано, какъ видно изъ актовъ монастырскихъ, въ томъ же 1682 году.

О денежномъ ружномъ жалованьи Успенскому дѣвичьему монастырю, какъ въ періодъ 1682 — 1686 годовъ, такъ и въ предыдущее царствованіе узнаемъ изъ слѣдующей грамоты отъ царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ Новоалександрову слободу, путному ключнику Федору Гъеву: „въ Приказъ нашей великихъ Государей казны въ ружныхъ книгахъ, каковы въ прошломъ 189 (1681) году присланы изъ Приказу большого дворца, написано: Переславскаго уѣзду Залѣскаго Новоалександровы слободы Успенскаго новодѣвича монастыря 120 старичамъ по окладу по 26 алтынъ по 4 деньги человекъ, и того 96 рублей, да на келей топленіе за 85 сажень дровъ 85 рублей, всего 181 рубль, да того же Успенскаго новодѣвича монастыря духовному черному попу Іоасафу, тоужь слободы Покровскаго протопопа окладъ 11 рублей 14 алтынъ 2 деньги; двумъ попомъ по 6 рублей 10 алтынъ 3 деньги; дьякону 6 рублей 16 алтынъ 4 деньги; дьячку 2 рубли, пономарю да сторожу по 1 рублю человекъ, всего духовнику и попомъ съ причетники 34 рубли 19 алтынъ, да въ соборъ Покрова Пресвятыя Богородицы 2 попомъ по 6 рублей 10 алтынъ 3 деньги человекъ, дьякону 6 рублей 12 алтынъ 4 деньги, двумъ пономарямъ, тремъ сторожамъ по 1 рублю человекъ, просвирницъ 25 алтынъ, да на свѣчи за три пуда воску по 1 рублю 16 алтынъ 4 деньги за пудъ; всего въ соборъ Покрова Пресвятыя Богородицы 28 рублей 16 алтынъ, да церкви Живоначальныя Троицы, что въ осени, попу 6 рублей 10 алтынъ 3 деньги, дьякону 5 рублей, дьячку 2 рубли, пономарю 1 рубль, просвирницъ 25 алтынъ съ деньгою, всего въ церковь Троицы Живоначальныя 20 рублей 2 алтына 2 деньги, и всего по ружной книгѣ по окладу 259 рублей 4 алтына; да въ прошломъ во 190 (1682) году, по указу брата нашего великаго Государя

блаженныя памяти великого Государя, цари и великого князя Феодора Алексѣевича, всея в. и м. и б. Россіи самодержца, въ Успенскій же новодѣвичь монастырь учинено ружнаго жадованья вновь прибылымъ 80 старицамъ по 4 рубли, да на дрова по 56 рублевъ 22 алтына съ деньгою, и всего въ Успенскій новодѣвичь монастырь игуменьѣ съ сестрами и духовнику и попомъ съ причетники и соборныя церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и церкви Живоначальныя Троицы попомъ же съ причетники по ружной книгѣ и съ тѣми, что во 190 году вновь прибыли 80 старицы, руги же и на дрова учинено 379 рублевъ 26 алтынь съ деньгою на годъ. И въ прошломъ во 190 году о дачѣ тѣхъ ружныхъ денегъ на 191 годъ въ Новоалександровой слободѣ изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ ей игуменьѣ съ сестрами и попомъ съ причетники наша великихъ Государей грамота съ прочетомъ изъ Приказа большой казны дана. И генваря въ 14 день писалъ ты къ намъ, великимъ Государемъ, что по нашей великихъ Государей грамотѣ изъ Приказа большой казны къ головѣ къ Якушку Дорофѣеву съ товарищи о дачѣ тѣхъ ружныхъ денегъ на нынѣшній 191 годъ изъ таможенного и кружечнаго двора посылашь ты память, и прошлаго 190 года голова Якушка съ товарищи тѣхъ денегъ, безъ нашего великихъ Государей указу, изъ сбора прошлаго 190 году на нынѣшній 191 годъ не дали, и отомъ бы тебѣ намъ великимъ Государемъ указъ учинить "... Велѣно: выдать изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ и впредь давать съ росписками безъ Московской волокиты.

Въ грамотѣ 1684 года декабря 7 дня царей и великихъ князей Иоанна и Петра Алексѣевичей въ Новоалександрову слободу кормоваго двора страпчому Семену Столѣтову писано: въ нынѣшнемъ во 193 году ноября въ 24 день (1684 г.) указали мы в. государи и сестра наша в. г. благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна Переславскаго уѣзду Залѣскаго въ Новоалександровой слободѣ на кружечные двory хлѣбныя и всякіе запасы на винное куреніе и на пивное варенье съ нынѣшняго со 193 (1684) году молоть на мельницѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря на рѣкѣ на Серѣ, на каменной плотинѣ и на винокурню къ винному куренью и къ пивному варенью изъ той мельничной плотины пропускать воду безъ задержанія, а за меливо тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ и за пропущеніе воды въ новодѣвичь Успенскій монастырь игуменьѣ Макринѣ

съ сестрами давать кружечнаго двора головамъ по 192 рубли на годъ, а мельникамъ на той мельницѣ быть монастырскимъ; а буде той мельницѣ и плотинѣ отъ полои воды или въ иное въ которое время учинится какая поруха, и тоя мельницу и плотину починивать и вновь дѣлать изъ монастыря игуменьѣ съ сестрами, чтобъ кружечнаго двора молотью всякимъ запасомъ и питьевой продажѣ за мельникомъ и за починкою остановки и задержанія никакого не было; а въ которыхъ числѣхъ кружечнаго двора хлѣбнымъ запасомъ мелива не будетъ, и въ тѣ дни на той ихъ мельницѣ молотъ имъ игуменьѣ съ сестрами не возбранено, а на иныхъ стороннихъ мельницахъ кружечнаго двора головамъ хлѣбныхъ запасовъ не молотъ, а буде которые мельницы въ нынѣшнемъ во 192 году кружечнаго двора у головы съ товарищи наняты молотъ хлѣбные запасы, и тѣмъ людямъ за поможь тѣхъ запасовъ деньги противъ договору по расчету по то число, какъ на монастырской мельницѣ молотъ и на винокурню воду пропускать учнуть, и въ монастырь на нынѣшній на 193 годъ дать деньги съ того жъ числа, какъ хлѣбные запасы молотъ и воду пропускать учнуть, по расчету жъ.

1695 г. апрѣля 23 дня отъ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей въ Новоалександрову слободу столповому прикащику Якову Ладогину указъ: въ Приказѣ Большого Дворца въ писцовыхъ книгахъ Тимофѣя Маркушева да подьячего Якова Перфильева 183 и 184 и 185 годовъ написано: въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ нашей дворцовой слободѣ Андреевской волости *пустошь Полтинина*; пашни паханые наѣздомъ средней 2 десятины, да лѣсомъ поросло 24 десятины, сѣна 10 копенъ. И въ прошломъ во 197 году по челобитью.... крестьянина Федосѣйки Бичкова отдано ему на оброкъ со 197 года на 10 лѣтъ изъ расчистки, буде той волости крестьяномъ какова утѣсенія отъ той пустоши не будетъ, а оброку и пошлинѣ велѣно ему платить въ казну по 1 рублю на годъ. И въ прошломъ же во 199 (1691) году били челомъ великимъ Государемъ Успенскаго дѣвичья монастыря игуменья Макрина съ сестрами: въ прошлыхъ де годѣхъ покупали они про монастырскую свою всякую скотину сѣно по 30 и 40 рублевъ на годъ, а въ прошломъ же во 198 (1690) году за дороговью и купити не добыли; сѣкли оржаную солому и обваривали варомъ и посыпали мукою и тѣмъ де лошади и всякую скотину кормили, для того что де сво-

ихъ у нихъ сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а лѣсу де вычистить нѣкогда же, а есть де въ дворцовой слободѣ пустошь Полтинина (отъ которой обротчикъ за обидами помѣщиковъ отказался), пожаловати бѣ ихъ игуменью съ сестрами, велѣть имъ игуменьѣ съ сестрами *тоя пустошь Полтинино отдать впрѣдъ изъ оброку безъ перекупки*, для ихъ скудости, изъ расчистки, для сѣннаго покосу, на прокормленіе монастырской животины. По этому челобитью пустошь Полтинина была имъ отдана *изъ оброку* (оброку и пошлинъ рубль) безъ перекупки. А въ 200 (1692) году ояѣ снова били челомъ великимъ государямъ о той же пустошѣ Полтининою, и въ челобитьи своемъ просили, чтобы послѣ урочныхъ (10) годовъ владѣть имъ тою пустошью впрѣдъ безъ перекупки и оброкъ платить имъ прежній, по рублю на годъ, потому что на той пустоши они лѣсу разчищали много подъ пашню, подъ сѣнокосъ и дворъ и овинъ со всякимъ строеньемъ поставили, и скотину холостую на тоещъ пустошь сгоняють, для того что де у нихъ, игуменьи, въ слободѣ около ихъ монастыря лѣтомъ скотинѣ голодъ бываетъ великой и стада пасутся многіе, а лѣсъ вычищенъ за 5 верстъ.... На это челобитье ихъ послѣдовалъ указъ великихъ государей: владѣть имъ тою *пустошью Полтининою безъ перекупки* впрѣдъ до великихъ Государей указу.

Въ этому же періоду (1682 — 1696 г.) относятся двѣ грамоты въ Успенскій дѣвичь монастырь отъ духовныхъ властей: первая 1688 г. іюля 23 дня отъ великого господина святѣйшаго Іоакима, Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, въ Александрову слободу Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменьѣ Макринѣ съ сестрами: указали имъ святѣйшій патріархъ Переславля Залѣскаго изъ Феодоровскаго монастыря бывшую игуменью Клеопатру перевести на обѣщаніе (значить, что она была изъ постриженицъ Успенскаго монастыря) въ Успенскій дѣвичь монастырь, и о томъ нашъ святѣйшаго патріарха указъ въ Переславль Залѣскій въ Даниловъ монастырь ко архимандриту Варооложью посланъ. И какъ къ вамъ ся наша святѣйшаго патріарха грамота придетъ, и Переславля Залѣскаго Феодоровскаго монастыря бывшая игуменья Клеопатра въ Успенскій дѣвичь монастырь къ вамъ прислана будетъ, и вы бѣ по нашему святѣйшаго патріарха указу тоя бывшую игуменью Клеопатру въ Успенскій дѣвичь монастырь приняли. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7186 іюня въ 23

день.—Вторая грамота 1694 года іюня 5-го отъ великаго господина святѣйшаго кирѣ Адріана, архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, Переславскаго уѣзду Залѣскаго Александровыя слободы Успенскаго дѣвпча монастыря игуменѣ Макринѣ съ сестрами: въ нынѣшнемъ во 202 (1694) году, по нашему святѣйшаго патріарха благословенію, велѣно быти у васъ въ Успенскомъ дѣвничьемъ монастырѣ въ духовникахъ Юрьевца Повольскаго іеромонаху Антонію. И какъ къ вамъ ся наша святѣйшаго патріарха грамота придетъ, и тебѣ игуменѣ съ сестрами и попомъ и дьякономъ и церковнымъ причетникомъ быти ему духовнику іеромонаху Антонію во всемъ послушными и его почитали бы противъ иныхъ такихъ, а кто будетъ непослушенъ, и вы бѣ ихъ смиряли по монастырскому уставу. Писать на Москвѣ, лѣта 7202 іюня въ 5 день.

б) *Съ 1696 по 1725 г.*

Единодержавіе царя Петра Алексѣевича началось, какъ извѣстно, съ 1696 года; въ 1698 году, возвратясь изъ за границы, онъ при раздѣлкѣ съ виновниками послѣдняго стрѣлецкаго бунта, заточилъ свою сестру Марю Алексѣевну, оказавшуюся прикосновенною къ этому дѣлу, въ Александровскій Успенскій монастырь; въ 1699 году она была пострижена съ именемъ Маргариты, и проживши здѣсь до 1707 года, въ этомъ году 19 іюня, скончалась и погребена въ Успенскомъ монастырѣ подъ Срѣтенскою кладбищенскою церковію. Тутъ же завѣщала похоронитъ себя и царевна Феодосія Алексѣевна, скончавшаяся въ 1713 году. Инокня царевна Маргарита Алексѣевна, проживая въ Успенскомъ дѣвничьемъ монастырѣ, старалась сколько могла поддерживать его и въ экономическомъ отношеніи. Это свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія копии съ ея просительныхъ писемъ къ сестрамъ и въ особенности къ любимицѣ грознаго по своему царя Петра, — царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ и къ вліятельнымъ боярамъ Двора Петрова того времени, каковы были: послѣдній князь-кесарь Иванъ Юрьевичъ Ромодановскій (въ послѣдствіи Переславскій помѣщикъ), Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и начальникъ Монастырскаго Приказа (упраздн. въ 1700 г.) И. А. Мусинъ Пушкинъ.

Но съ 1700 до 1708 года положеніе Успенскаго монастыря было

весьма скудное: въ 1700 году, по указу царя Петра Алексѣевича, была прекращена выдача Государева ружнаго хлѣбнаго и денежнаго жалованья старицамъ, и хотя въ замѣнъ этого и были даны нѣмъ крестьяне, т. е. вотчинники: 157 крестьянскихъ дворовъ, но доходъ съ нихъ былъ не вѣренъ, и собираціе его для монахинь, съ поселенія и безъ того обремененнаго поборами въ казну, было сопряжено съ большими затрудненіями. А хотя и велѣно монастырю владѣть по прежнему пожалованными ему въ разное время, при пражныхъ Государяхъ, мельницами, пустошами, сѣвными покосами и рыбными ловлями, но на все это положены высокіе оброки. Такъ напримѣръ мельницы и рыбныя ловли въ томъ же 1700 году отписаны въ казну, и назначено монастырю платить за тѣ мельницы въ Ингерманландскую Канцелярію мельничного сбора по 117 рублей 9 алтынъ 1 деньгъ на годъ, да въ Ингерманландскую Дворцовую Канцелярію по 179 рублей 23 алтына, всего по 296 рублей 32 алтына съ полуденьгомъ на годъ, такъ что въ 1707 г., за отсылкою оброка въ эту Канцелярію (282 р.), изъ дохода съ вотчинныхъ оброчныхъ статей (639 р.) оставалось на содержаніе монастыря всего 357 рублей.

Съ 1708 года монастырскія дѣла, какъ увидимъ ниже, начали перемѣняться къ лучшему, и въ послѣдствіи, когда Успенскій монастырь сталъ состоять „подъ особливимъ призрѣніемъ ея величества императрицы Екатерины Алексѣевны (съ 1708 по 1712 г.), безъ указа которой, хотя бы и изъ монахинь, никого туда опредѣлить было не возможно“, обитель была по прежнему обезпечена въ своемъ содержаніи, и находилась въ состояніи лучшемъ, нежели многія другія, лишенныя всякаго покровительства.

Такъ, въ 1711 году декабря 11 числа велѣно Успенскому монастырю давать Государево ружное жалованье: деньги, хлѣбъ и кормъ для скота по прежнему окладу.

Въ 1708 году постриглась или пострижена здѣсь изъ партіи царевича Алексѣя Петровича Васидиса Ефимовна Козинская, съ именемъ Варсанюфій (см. ея вкладъ).

Въ 1715 году игуменья Макрина скончалась; на ея мѣсто назначена игуменшою въ Успенскій монастырь постриженница онаго монахиня *Евсевія Огарева* (см. вклады ея родныхъ).

Въ томъ же году царевна Наталія Алексѣевна пожаловала Успенской

обители 113 человекъ слугъ мужескаго пола. Въ 1718 году 24 марта, по указу изъ Монастырскаго Приказа, препровождены на житье въ этотъ монастырь изъ Суздальскаго Покровскаго игуменья Марфа со старицею Капетолиною, замѣшанная въ дѣлѣ бывшей царицы-инокини Евдокии Θεодоровны. Изъ актовъ этого періода уцѣлѣли въ обители нѣсколько номеровъ, съ которыми мы и познакомимъ читателя.

Въ 1702 году игуменья Макрина съ сестрами была челомъ царю Петру Алексѣевичу, въ прошломъ де въ 7186 (1678) году, по указу блаженныя памяти царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича, всеа... Россіи самодержца, даны имъ въ тотъ Успенскій дѣвичь монастырь мельничныя пруды и оброчныя воды въ рѣкѣ Серѣ, да въ рѣкѣ Нюнгѣ и въ рѣкѣ Печкурѣ и въ Подточкахъ, да въ рѣкѣ же Серѣ отъ Красносельскаго мосту до верхня каменныя плотины Государскія рыбныя ловли и воды въ дворцовыхъ земляхъ безоброчно, а на тѣхъ вышеписанныхъ рѣкахъ вновь мельницы строить никому не велѣно для того, чтобы монастырскимъ мельницамъ отъ новопостроенныхъ мельницъ порухъ и убытковъ не было, а въ прошломъ въ 207 (1699) году билъ челомъ великому государю новой же Александровой слободы площадной подьячей Степанъ Травинъ, чтобы на той рѣкѣ Нюнгѣ подъ деревнею Новоселкою построить вновь мельницу и по тому его челобитью велѣно ему Степану на той рѣкѣ Нюнгѣ мельницу строить, а оброку платить по рублю на годъ, — пожаловать бы ихъ, велѣтъ то мельничное мѣсто отдать имъ въ Успенскій дѣвичь монастырь на оброкъ, а оброку они станутъ платить великому государю въ казну, въ Приказъ Большого Дворца, стараго и новые подати по рублю по 3 алтына по 2 деньги на годъ, а Степану Травину отъ того мельничнаго мѣста отказать, чтобъ у нихъ рыбной ловли и монастырскимъ ихъ мельницамъ порухъ не было, и дать бы имъ о томъ великаго Государя грамоту.

Просьба эта была исполнена и грамота о томъ въ Александрову слободу сытнаго дворца стряпчему Ивану Волкову послана отъ 18 іюля 1702 года.

Въ 1708 году марта въ 6 день послана въ Успенскій монастырь изъ Монастырскаго Приказа *память* игуменья Макринѣ съ сестрами: „въ Монастырскомъ Приказѣ, въ ружной книгѣ, какова прислана изъ Приказа большой казны, написано: того Успенскаго монастыря тебѣ да два стамъ

старикамъ, духовному отцу, пяти попамъ, тремъ дьяконамъ, двумъ дьячкамъ, четыремъ пономарямъ, четыремъ сторожамъ, двумъ просвирнямъ ружнымъ, вѣсьмъ вообще и на церковной обиходъ: 551 рубль 26 алтынъ съ деньгою, да хлѣбныхъ запасовъ и соли по раскладной цѣнѣ на 339 рублей по 20 алтынъ по 3 деньги, да по поданнымъ росписямъ изъ того монастыря, сверхъ вышеписанной руги, давано изъ сытнаго дворца на окладные и неокладные дачи, по раскладной цѣнѣ, по 711 рублей по 14 алтынъ съ полденьгою, всего по 1602 рубли по 9 алтынъ по полтрети деньги, и въ нынѣшнемъ 1708 году генваря во 2-й день били челомъ въ великому Государю: въ прошлыхъ годѣхъ, по его великого Государя указу, давано вамъ великого Государя ружное, денежное и хлѣбное, жалованье, а въ прошломъ 1700 году, по именному ево великого Государя указу, того ружнаго жалованья давать не велѣно, а вмѣсто того даны вамъ крестьяне (1), а мельницами, пустошами, сѣнными покосы, рыбными ловли велѣно вамъ владѣть по прежнему, и въ прошломъ 1703 году тѣ мельницы и рыбные ловли отписаны на великого Государя, и платежи были съ тѣхъ мельницъ оброку въ Ингерманландскую Канцелярію мельничного сбора по 117 рублей по 9 алтынъ по 1 деньгѣ, въ Дворцовую (Канцелярію) по 179 рублей по 23 алтынъ, всего 296 рублей по 32 алтына съ полденьгою на годъ, и на прошлой 1707 годъ тѣхъ оброчныхъ денегъ на васъ спрашиваютъ, и великій Государь пожаловалъ бы, велѣлъ вышеписанными мельницами и рыбными ловлями вамъ владѣть *безоброчно*; а по справкѣ въ Монастырскомъ Приказѣ вотчины за тѣмъ Успенскимъ монастыремъ 187 дворовъ, доходовъ въ вотчинѣ и оброчныхъ статей 639 рублей, изъ того числа отосланы въ канцелярію 282 рубля, за тѣмъ въ остаткѣ 357 рублей. И въ нынѣшнемъ 1708 году генваря въ 5 день, по именному его великого Государя указу, велѣно вышеписанными мельницами съ вышеписаннаго числа владѣть и сборъ собирать по прежнему вамъ на пропитаніе, для вашей скудости, и о томъ въ Ингерманландскія дворцовую и мельничнаго сбора канцелярію великого Государя указы посланы. И какъ къ вамъ ся

---

(1) Въ Нижегородскомъ уѣздѣ 105 дворовъ, съ которыхъ велѣно получать 207 руб. и во Владимирскомъ уѣздѣ съ 52 дворовъ 80 рублей, да съ нихъ же солоду 15 четвертей, лантей 600 обуей, съ рыбныхъ ловель 20 руб., всего 307 рублей, 15 четвертей солоду да 600 партей лантей.

память придетъ и вы бы о томъ великого Государя именномъ указъ вѣдали. У сей памяти великого Государя печать.“

1710 году ноября въ 18 день игуменья Макрина съ сестрами подали царю Петру Алексѣвичу челобитную, а въ ней написано: въ прошлые де годы было государево жалованье въ церковь Божию всякая церковная утварь: воскъ, ладанъ, вино церковное, а въ прошломъ де 1703 году, по указу великого Государя, давать имъ не велѣно всякія церковныя утвари, а нынѣ они въ томъ имѣютъ нужду великую, для того, взять негдѣ, самое убогое и скудное мѣсто, и сами питаются мірскимъ подаваніемъ, а для собору въ церковь Божию на всякую церковную утварь часовни нигдѣ нѣтъ, и великій Государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ поставить близъ монастыря; противъ святыхъ вратъ, возлѣ большой дороги, часовню для собору въ церковь Божию на всякую церковную утварь, и о томъ дать имъ великого Государя указъ: И по указу великого Государя, царя и великого князя Петра Алексѣвича, всея Россіи самодержца, преосвященный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, между патріаршества, Переславскаго уѣзду Задѣскаго Александровы слободы Успенскаго дѣвicha монастыря игуменю Макрину съ сестрами благословилъ, велѣлъ въ Александровѣ слободѣ близъ монастыря противъ святыхъ вратъ, возлѣ большой дороги, построить часовню деревянную для собору въ церковь Божию на всякую церковную утварь. У сего приказа патріаршаго домова печать приложена.

Г. Тихонравовъ, исчисляя акты Успенскаго монастыря, которые онъ видѣлъ, упоминаетъ „копію съ указа царя Петра Алексѣвича 1711 г. декабря 11 дня, о томъ, чтобы игуменья Макриня съ сестрами давать Государево ружное жалованье, — деньги, хлѣбъ и скотинной кормъ, по прежнему; остались-ли послѣ этого за ними крестьяне, т. е. вотчина имъ данная въ 1700 году, 157 дворовъ, отсюда не видно.

Въ 1712 году декабря въ 12 день, по указу царя Петра Алексѣвича и по приказу ближняго боярина и Московскаго губернатора, его сіятельства князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи, дана въ Успенскій монастырь игуменья Макриня съ сестрами *выпись*; для того, что въ 1712 году августа въ 15 день били онѣ челомъ великому Государю: по указу великого Государя велѣно имъ для ихъ скудости давать его великого Государя жалованье, ихъ монастырской скотинѣ на кормъ въ Новоале-

ксандровой слободѣ изъ его великого Государя конюшенныхъ обиходовъ по 10 копенъ мѣрныхъ сѣна, и его же государевы жалованные указы имъ даны; а приказные Александровой слободы, незнамо для чего, по тѣмъ имъ даннымъ указамъ того сѣна не даютъ, и въ томъ де они имѣютъ многую нужду, а есть въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ дворцовой Рождественской волости межи десятинной пашни около поля и по низкимъ мѣстамъ и по рѣкѣ Курмышу сѣнные покосы, косятца на Александрову конюшню пососными людьми, и чтобъ великій Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ въ той Рождественской волости, между десятинной пашни около поля и на низкихъ мѣстахъ и по вражкамъ, которые косятца пососными людьми, и что есть по рѣкѣ Курмышу, отдать имъ для ихъ скудости, вмѣсто вышепоименованнаго сѣна, 10 копенъ мѣрныхъ, чтобы имъ лошадей и скотину съ голоду не уморить, и о томъ бы дать имъ великого Государя указъ въ Приказѣ Большаго Дворца, и (по справкѣ) велѣно: вмѣсто указнаго 10 копенъ сѣна отдать имъ въ прочное владѣнье вышеписанный Рождественскій покосъ, что по Гасунинскому врагу, по рѣкѣ Курмышу и по Горскому пруду и по вражкамъ и по низкимъ мѣстамъ, а для того владѣнья дать имъ выпись по указу и изъ окладу выложить и косить имъ своими работниками, а не волостными. Дана сія выпись, по вышеписанному царскому указу, и по приказу Московскаго губернатора князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи, изъ Приказа Большаго Дворца, Успенскаго дѣвичьяго монастыря игуменьѣ Макринѣ († 1715 г.) съ сестрами, на вышеписанные сѣнные покосы, и впредь для владѣнія. У сей выписи великого Государя печать.

в) Съ 1727 по 1764 г.

По кончинѣ императрицы Екатерины Алексѣевны I-й, Александрова слобода досталась во владѣніе ея дочери, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ; съ этого же времени и началось ея благодѣтельное покровительство Успенской обители, продолжавшееся и во все время ея царствованія.— Съ 15-го октября 1727 г. по 18 мая 1728 г., при Петрѣ II-мъ, сюда была заточена именитая свояченица опальнаго Князя Меншикова — Варвара Михайловна Арсеньева, несчастная жертва паденія Меншикова, которую навѣщала тамъ цесаревна Елизавета Петровна, равно какъ и жена Ивана

Ивановича Бутурлина, жившаго со времени императрицы Екатерины въ удаленіи отъ Двора въ своемъ Переславскомъ имѣніи—с. Крутецы. Варвара Михайловна Арсеньева была послѣднею изъ извѣстныхъ въ исторіи заточеницъ Александровскаго Успенскаго монастыря.

Хозяйственное состояніе этой обители съ 1727 г. до вступленія на престолъ царственной хозяйки Александровой слободы — цесаревны Елизаветы Петровны видно изъ описи этого монастыря (составленной въ 1727 году 30 мая); въ ней значится: монастырь, обнесенный высокою каменной оградой, мѣрою 100 сажень въ длину и поперекъ, съ 4-мя по угламъ каменными башнями, изъ коихъ три съ деревянными ветхими кровлями, а одна не покрыта вовсе, вмѣщала въ себѣ 6-ть каменныхъ церквей, поддержаніе которыхъ требовало значительныхъ издержекъ, на каковны у монастыря средствъ не было. Подъ церквами, въ обширныхъ каменныхъ подвалахъ, помѣщались хозяйственныя потребности обители; такъ, подъ Успенской была квасная, подъ Покровской трапеза, хлѣббная и поваренная, а подъ Срѣтенской больница для сестеръ, которыя размѣщались по обители въ 50-ти каменныхъ и 10 деревянныхъ, крытыхъ тесомъ, кельяхъ, стоявшихъ глаголемъ, подъ приимѣнъ угломъ, въ двухъ линіяхъ; нѣкоторыя келліи имѣли свое особое назначеніе, напримѣръ: были кельи житныя, строителева, духовникова, игуменская, чернильная (красильня для монастырскихъ одеждъ), келарская; свади ихъ нѣсколько деревянныхъ житницъ и скотный дворъ, на которомъ, въ описываемое время, было: 3 жеребца стоялыхъ, 52 рабочихъ лошадей и мериновъ, 60 кобылъ, подростковъ 22, и того 137 головъ, да рогатого крупнаго и мелкаго скота 86 головъ, овецъ 34, и того 120 головъ. Удобреніе его давало возможность вести кое-какъ сельское хозяйство на пожалованный оному монастырю пашнѣ, коей было и съ пустошью 75 десятинъ „въ полѣ и въ дву потомужъ“; пашня съ воздѣлываніемъ своимъ и уборкою произраставшихъ на ней хлѣбовъ, скудностію своихъ урожаевъ, далеко не удовлетворяла нужды обители.

Перечневая вѣдомость о посѣвѣ и приплодѣ разныхъ хлѣбовъ съ 1721 по 1726 годъ включительно свидѣтельствуетъ, что сѣялось ржи 150 четвертей, овса 248 четвертей, пшеницы 4 четверти, ячменя 18 четвертей, гороху 3 четверти, сѣмя коноплянаго 1 четверть, гречи 1 четверть, и того 425 четвертей, а въ чистомъ приплодѣ въ обильные изъ

этого 5-тигѣтія по урожаю года бывало 214 четвертей, а при неурожаѣ спускалось до 172 четвертей. Кромѣ того имѣлось ружное хлѣбное жалованье, по указу, изъ Вольшого Дворца, откуда и отпускалось ежегодно ржи 1201 четверть, да за пшеницу и за ячмень и коноплю выдавалось рожь, четверть въ четверть, 87 четвертей 4 четверика, да овса 368 четвертей и 4 четверика, всего разнаго хлѣбнаго жалованья 1656 четвертей. Сѣна накашивалось по 209 копенъ; влады примѣрно каждую волоковую копну въ 5 пудъ съ небольшимъ, 1000 пудовъ, употреблявшихся на кормъ содержащихся монастыремъ лошадей, а остаточнаго не бывало. Къ этому производилась наемка сѣнныхъ покосовъ у сосѣднихъ владѣльцевъ, каковыя покосы, равно и принадлежащія монастырю, косились наемными людьми. На остающійся въ прикладѣ скотъ и идущій въ бракъ покупался хлѣбъ въ недородные годы; къ тому же и въ обыкновенный по урожаю благопріятный годъ расходъ хлѣба былъ обширенъ. Кромѣ сестеръ обители, расходовалось: для работниковъ годовыхъ, понедѣльныхъ и поденныхъ на кормъ до 283 четвертей ржи, на церковное обѣтованіе: просфоры, артосы, благословенные хлѣбы пшеницы 8 четвертей. Для сестеръ обители, для священства, живущаго въ обители, на ихъ застольной (дьяконовъ и священниковъ), для монашескаго чина: строителя и духовника, расходовалось въ годъ ржи и всякаго яроваго хлѣба 1427 четвертей и 4 четверика, на кормъ монастырскимъ лошадямъ употреблялось 134 четверти, а всего, какъ видно, расходовалось ежегодно 1852 четверти и 4 четверика: при такомъ расходѣ, разумѣется, въ остаткѣ ничего не имѣлось.

Въ уваженіе исключительнаго своего положенія, подъ покровительствомъ императрицы Екатерины Алексѣевны, обитель, кромѣ хлѣбнаго жалованья, по указу ея императорскаго величества, во время Петра I-го, съ 1711 года, получала изъ Камеръ-Коллегіи опредѣленное денежное жалованье, а равно и за помолъ хлѣба на своихъ мельницахъ для государева въ Александровѣ слободѣ кружечнаго двора, также и за пропускъ воды на тамошнія винокурию и пивоварню, ежегодно 1469 рублей и 10½ коп.; за рыбныя ловли по 2 рубли; за пролубное мѣсто 10 руб., а всего 1481 руб. 10½ коп. Этимъ денежнымъ окладомъ удовлетворялся слѣдующій расходъ: духовнымъ чинамъ на всякую потребу и одежду 43 р. 81 коп., жалованья духовнику 18 рублей, строителю 10 рублей, бѣлымъ

попамъ и дьяконамъ 56 рублей, при чемъ какъ попамъ такъ и дьяконамъ равное, сестрамъ на пищу 244 р. 85 коп., на церковныя потребности 226 руб. 88 коп., на церковныя починки и на монастырское строеніе 77 р. 26¹/₂ коп., на покупку дровъ 298 р. 88 коп., 82 человѣкамъ работниковъ годовыхъ, педѣльныхъ, поденныхъ, жалованья 165 руб. 60 коп., на наемку сѣнокосовъ 100 рублей, и на прочіе монастырскіе всякіе расходы 239 руб. 88 коп. При монастырѣ стряпчаго и слугъ не имѣлось: кромѣ духовника былъ строитель, отправлявшій обязанность стряпчаго, а вмѣсто слугъ было приписано къ монастырю мужеска пола 113 душъ, пожалованныя въ 1716 г. для монастырскихъ нуждъ царевной Наталіей Алексѣвной, сестрой Петра Великаго: они исполняли разныя надворныя обязанности при обители и содержались на застойной отъ монастыря.

Правила обителию съ 1727 года дряхлая игуменья *Евфросинія* съ соборомъ стариць, изъ коихъ извѣстны: казначея старица Евсевія, уставщица Александра, головщица Августа, которыя и учинили сію опись 1727 года. Кромѣ того былъ рядъ стариць, старѣйшихъ рядовыхъ сестеръ, каковыхъ съ крылошанками (монашескаго чина) было по описи 64 человѣка, бѣлицъ свѣцносницъ 4 человѣка, монахинь простыхъ 296 человѣкъ, непостриженныхъ дѣвиць, непостриженныхъ вдовъ—всего 33 человѣка, и того монахинь и бѣлицъ 399 человѣкъ. При обители для нуждъ духовныхъ былъ духовникъ іеромонахъ Памсіій Крапивинъ, а для монастырской экономіи и веденія разныхъ хозяйственныхъ дѣлъ строитель монахъ *Іона Маслово*, оба изъ сосѣдней Лукьяновой пустыни, имѣвшей, въ лицѣ препод. Лукіана, общаго основателя и первоначальника для обѣихъ обителей. Для управленія же церковныхъ службъ состояло при монастырѣ бѣлыхъ поповъ 7 и дьяконовъ 2. Къ Александровской Успенской обители, по памяти отъ царя Петра Алексѣвича 1708 г. марта 6 дня, было приписано въ Нижегородскомъ уѣздѣ 105 крестьянскихъ дворовъ, съ которыхъ велѣно получать ежегодно 207 руб., да во Владимірскомъ уѣздѣ съ 52 дворовъ 80 рублей деньгами, да съ нихъ же: солоду 15 четвертей, лаптей 600 обувай, да съ рыбныхъ ловель 20 рублей.

Для рыбной ловли, въ близости Александровой слободы, принадлежали монастырю озера Дичковское да Каринское, двѣ мельницы, — одна въ самой Слободѣ на каменной плотинѣ, а другая выше деревни Сноповой,

пролубное мѣсто по рѣкѣ Серѣ въ Слободѣ, да разныя земельныя угодья по прежнимъ дачамъ XVII ст.: всѣмъ этия владѣль монастырь безоброчно, пользуясь милостивыми указами царя Θεодора, утвержденными, ради покровительства этой обители Екатерины I, братомъ перваго и супругомъ второй, Петромъ Великимъ.

Съ 1712 года монастырь, по приказу ближняго боярина, московскаго губернатора князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго, сталъ владѣть сѣнными покосами Переславскаго уѣзда въ селѣ Рожественѣ, а въ 1710 году (между патриаршества), по грамотѣ митрополита Рязанскаго Стефана, мѣстоблюстителя патриаршаго престола, дозволено было игуменѣ Успенскаго монастыря Макринѣ, по ея просьбѣ, близъ монастыря, противъ святыхъ воротъ, возлѣ большой дороги, построить деревянную часовню, для сбора церковнаго.

Монастырь, какъ видимъ, былъ обезпеченъ содержаніемъ, и почитатели его святини завѣщали погребать себя подъ его сѣнью. Такъ въ 1713 г. была погребена здѣсь, близъ сестры, царица Θεодосія Алексѣевна, а въ концѣ 1727 г. подъ Троицкимъ его соборомъ погребена казначея царицы Маріи Алексѣевны — дѣвица Евфимія Андреевна Львова, скончавшаяся 1727 г. декабря 12 дня и жившая, какъ надобно полагать, въ обители, усердно одаренной вкладами самой царицы игуменѣ Евфросиніи. Въ 1728 году не стало старицы казначей Евсеви: за старостію лѣтъ, она отказалась, и сестры обители выбрали на мѣсто почившей игуменью монахиню Митрополию, которая и стала игуменьею съ 1729 года.

Любимецъ царя Θεодора Алексѣевича, его постельничій, окольникій Алексѣй Тимофѣевичъ ревностно навѣщаль столь любимую имъ обитель, изъ своей Переславской вотчины, въ которой онъ проживалъ, со времени кончины своего благодѣтеля, въ удаленіи отъ двора, и при жизни своей, съ 1724 г., по ходатайству строителя монаха Ионы Маслова, пожертвовалъ въ нее часть своей библіотеки, а остальные рукописи были сюда же пожертвованы его наслѣдниками, уже послѣ его кончины въ 1729 году, въ настоятельство игуменни Митрополи (см. ихъ описаніе въ особой главѣ). Митрополія, блюдя нужды монастырскія, доносила, куда слѣдуетъ, о ветхости кровель на монастырскихъ церквахъ, кельяхъ и башняхъ, и вотъ комиссія экономіи шлетъ 2,660 руб. при указѣ изъ Синодальнаго правле-

ніа отъ 17 сентября 1731 г. на имя ея и строителя Іоны, указывая перекрыть ихъ въ два теса со скалою, а старое съ сихъ зданій употребить на отопленіе, а за стройкою надзирать строителю. Вслѣдствіе этого указа приступлено было на означенную сумму къ работамъ, выполнить каковыя подрядился ея высочества цесаревны Елизаветы Петровны Переславскаго уѣзда Залѣскаго оброчный крестьянинъ Яковъ Бузовъ по предварительно заключенному съ игуменьей и строителемъ обители договору, взявъ оный подрядъ 28 августа 1831 года „съ публичнаго по Адмиралтейскому Регламенту при горѣніи свѣчи торгу“, именно: „перестроить вновь и покрыть противъ прежняго въ два теса съ скалою своими припасами и работными людьми, да въ чернильной келліи (красильнѣ) бревенчатый потолокъ перестроить своимъ лѣсомъ и учинить конечно (окончить) въ 1731 году за 2,660 рублей“.

Въ 1735 году 26 іюня императрица Анна Іоанновна, въ бытность свою въ лѣтнеиъ царскомъ домѣ Троице-Сергіевой Лавры, повелѣла ея архимандриту, своему духовнику, Варлааму, объявить московскому губернатору графу Семену Андреевичу Салтыкову, чтобы онъ кого пристойно послалъ въ новую Александрову слободу, въ Успенскій дѣвичь монастырь, взять изъ лампады, что есть надъ гробомъ тамъ почивающей государыни цесаревны инокини Маргариты Алексѣевны, своей тетки, деревяннаго масла, которое повседневно горитъ, наливъ бутылку за печатью ея, игуменьи, и прислать къ ея императорскому величеству немедленно. Графъ Салтыковъ, по полученіи письма о семъ отъ архимандрита лавры Варлаама, съ изложеніемъ изустнаго приказанія императрицы, немедленно послалъ въ Александрову слободу, въ Успенскій дѣвичь монастырь къ игуменьѣ за масломъ сержанта Преображенскаго полка Петра Лакостова, который того же года и явился въ монастырь къ игуменьѣ Митрополіи.

Привезя бутылку съ масломъ, Лакостовъ доносилъ графу Салтыкову слѣдующее: „Сего іюля 4-го пріѣхавъ я въ тотъ Успенскій дѣвичь монастырь и того же времени со игуменьей Митрополіею пошли подъ церковь Срѣтенія Господня, гдѣ гробъ блаженныя памяти государыни цесаревны-инокини Маргариты Алексѣевны, и сколько засталъ надъ гробомъ вмѣсто лампады въ хрустальномъ стаканѣ наложеннаго деревяннаго масла, оное вылилъ въ бутылку за печатью ея игуменьи и вашему высокографскому

сіятельству всепокорнѣйше объявляю. А оное масло, какъ я пришелъ подъ реченную церковь, не горѣло, а обрѣтающаяся въ томъ монастырѣ игуменья Митрополія объявила, что масло не всегда горитъ, а зажигаютъ въ каждыя будніе дни въ обѣдню, въ праздники и въ воскресные дни во всюнощную и въ обѣдню, въ памяти Государыни во всѣ сутки, въ родительскія субботы во всѣ же сутки“ (1).

6-го іюля графъ Салтыковъ отправилъ бутылку эту при письмѣ къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ кабинетъ-курьеромъ Мозалевскимъ. Упоминаютъ объ этомъ, какъ объ единственномъ извѣстномъ случаѣ, при которомъ императрица Анна Іоанновна въ свое царствованіе благоволила вспоминать объ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ погребены двѣ ея тетки, но быть въ немъ ей не пришлось.

Государева дворцовая Александрова Слобода, съ приписными своими государевыми волостями и дворцовыми селами, составлявшими „Слободской станъ“ Переславскаго уѣзда, искони принадлежала цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, къ которой перешла по наслѣдству отъ ея матери императрицы Екатерины Алексѣевны († 1727 г.). Цесаревна провела здѣсь многіе радостныя и печальныя дни своей жизни. Посѣщала часто Успенскій дѣвичь монастырь, она привыкла искать себѣ утѣшенія въ уединеніи и молитвѣ въ этой обители. Ея ласковость и доступность осмѣливала жившихъ въ обители относиться къ ней съ своими общими и частными просьбами, которыя, по возможности, были ею удовлетворяемы. А черезъ годъ по вступленіи ея на престолъ Александровскій Успенскій монастырь имѣлъ счастье принимать въ своихъ стѣнахъ Елизавету, какъ Всероссійскую Императрицу. Это случилось такъ: „1744 г. 6 марта, во вторникъ, ея императорское величество, во 2-мъ часу по полудни, изволила изъ Троицкаго монастыря путь воспринять въ Александрову слободу, въ разстояніи 40 верстъ отъ Троицкаго монастыря, при пушечной пальбѣ, въ провожденіи преосвященнаго архіерея Крутицкаго Платона и онаго монастыря архимандрита (Арсенія Могилянскаго) и намѣстника (2) Θεодосія Янковскаго и, прибывъ въ 6 часу по полу-

(1) Изъ переписки Императрицы Анны Іоанновны съ Московскимъ губернаторомъ графомъ Семеновъ Андреевичемъ Салтыковымъ въ Русскомъ Архивѣ 1873 г. № 9, стр. 1651 — 1652.

(2) Въ статьѣ, изъ коей заимствуемъ это свѣдѣніе, вмѣсто «намѣстника» вѣроятно ошибкою поставлено «наслѣдника».

дни въ ту Слободу, изволила кушать во дворцѣ; 7-го числа ея императорское величество соизволила со всею своею свитою изъ дворца шествовать въ имѣющійся при той Слободѣ Успенскій дѣвичь монастырь, гдѣ встрѣчена она игуменьей (Митрополіей) съ прочими монахинями предъ сватыми воротами, изволила быть въ Успенскомъ соборѣ, прикладываться къ иконамъ и слушать литургію въ Троицкомъ соборѣ и послѣ нея жаловала игуменью и монахинь къ рукѣ. Послѣ того изволила ходить въ келью къ игуменьѣ и возвратилась во дворецъ кушать, и послѣ кушанья изволила паки возвратиться въ Троицкій монастырь“ (1). Обитель вновь увидѣла свою благодѣтельницу уже не испущей въ стѣнахъ ея пріюта для утоленія скорби и печали, а со славою грядущей императрицею, принимать которую выпало на долю тѣмъ самымъ лицамъ, которыя часто видали ее въ монастырѣ въ иные дни. Благоволеніе императрицы къ Успенской обители естественно расположило въ ея пользу и близкихъ императрицѣ лицъ. Изъ нихъ баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ почтилъ обитель въ 1753 г. богатыми вкладами, а именно далъ большое Евангеліе въ дскахъ, обложенное сребропозлащеннымъ окладомъ изящной работы. А въ 1754 году послѣдовалъ указъ ея величества изъ ея кабинета, за подписью довѣреннаго министра, кабинетъ-секретаря, барона Ивана Черкасова слѣдующаго содержанія: „Изъ кабинета Ея Императорскаго Величества, Успенскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Александровой слободѣ, игуменьѣ съ сестрами, или кто игуменьино мѣсто содержитъ. Сего мая 13 дня Ея Императорское Величество, при отсутствіи своемъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, пожаловала въ оный монастырь на милостыню вамъ съ сестрами *девять тысячъ рублей*, которыя при семъ и посланы. Того ради, имѣете вы оныя деньги у посланнаго принять съ роспискою. Что же онаго монастыря монахини просили о игуменьѣ, о томъ Ея Императорское Величество указали быть по ихъ прошенію (1737 г. поданному) и выбрать по своему произволенію, и кто выбранъ будетъ о томъ прислать извѣстіе для доложенія Ея Императорскому Величеству“. Обрадованныя симъ позволеніемъ сестры избрали игуменьею излюбленную

---

(1) См. статью Н. С. Стромиллова: «Цесаревна Елисавета Петровна въ Александровой слободѣ, Чтенія Имп. Общества Исторіи и древности, 1874 г. кн. 1.

нии старицу *Есфирь*, которая и была поставлена въ игуменьи епископомъ Переславскимъ Арсеніемъ Могиланскимъ 28 января 1755 года въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія Господня, бывшей на Воскресенскомъ подворьѣ, въ чепъ и выдана ей ставленая грамота; этой грамотой предоставлялось игуменьѣ: „имѣть въ хожденіи въ церковь, въ трапезу и по монастырю, гдѣ приличествуетъ, посохъ игуменскій и стоять во время молитвословія соборнаго, въ отлику и предпочтеніе предъ другими епархіи нашея игуменьями, на ковръ, и тѣмъ довольствоваться“.

Поставленіе Есфири въ игуменьи, — послѣднее событіе, завершающее современную Елизаветѣ хронику Успенскаго монастыря. При императрицѣ Екатеринѣ II, во время учрежденія духовныхъ штатовъ, Александровскій Успенскій монастырь сдѣланъ *первокласснымъ*. О содержаніи сего монастыря въ штатахъ сказано: „А какъ въ томъ монастырѣ, по прежнему обыменованію, всѣ монахини въ пищѣ и въ прочемъ содержаніи имѣютъ общество (т. е. общежитіе), то и нынѣ оставляется на такомъ же порядкѣ, и для того на содержаніе всѣхъ, какъ игуменьи, такъ и монахинь вообще, на покупку хлѣба, рыбы, соли, вина, пива и прочаго, также и на одежду, на дрова, на фуражъ лошадямъ и на другіе всякіе принадлежащія къ содержанію имъ расходы опредѣляется 1498 руб. 50 коп. Буде же въ томъ монастырѣ нынѣ есть сверхъ показаннаго положеннаго монахинямъ числа излишнія, то и онымъ быть на поминутую же суммѣ, раздѣляя оную по числу людей“. Въ монастырѣ положены по штату: игуменьи, 100 монахинь, духовникъ изъ іеромонаховъ, ему жалованья 30 рублей, священниковъ 3, имъ жалованья каждому по 20 рублей, діаконъ 2, жалованья каждому по 15 рублей, пономарей 2, каждому по 10 рублей, подъячій, ему жалованья 15 рублей, бѣльцевъ разныхъ службъ 10, на каждого по 8 рублей, на церковныя потребности 100 просфоръ 100 рублей, на починку монастыря и церквей и на содержаніе ризницы 150 рублей. Кромѣ сего изъ щедротъ императрицы Екатерины II прибавлено Успенской обители изъ суммы коллегіи экономіи 400 рублей.

Въ 1839 году, при переложеніи ассигнацій на серебро, штатъ утвержденъ тотъ же, и нынѣ получается отъ казны и выдается на серебро въ годъ жалованья съ прибавочными: игуменьѣ 57 р. 14½ коп., духовнику 22 р. 85½ коп., троицъ священникамъ каждому по 16 р., двоимъ дяконамъ по 11 р. 61½ коп. каждому, двоимъ пономарямъ по 7 р. 24 коп.,

письмоводителю 9 р. 48 коп., на содержаніе монахинь и на фуражъ 660 р. 91 коп., монастырскимъ служителямъ 10 человѣкамъ 69 р. 56 к., на починку церквей и монастыря и на содержаніе ризницы 100 р., всего на всѣхъ жалованья въ годъ 1034 р. 29 копѣекъ.

Успенскій монастырь имѣеть нынѣ въ г. Александровѣ три деревянныя подворья и одно каменное въ Москвѣ, земли пахатной при немъ находится 6 десятинъ 1,300 сажень и сѣнокосной 55 десятинъ 717 сажень, лѣсу 41 десятина, рыбныхъ ловель два озера: Каринское и Дичковское и одну мукомольную мельницу, называемую Сноповскою.

IV.

Настоятельница монастыря.

1) Первою настоятельницею Александровской Успенской обители при препод. Лукіанѣ была *Евпраксія* съ званіемъ намістницы (по отношенію къ основателю монастыря старцу Лукіану); она скончалась вскорѣ послѣ моровога (1654) года, въ 1655 году.

2) *Евсимія* назначена въ томъ же 1655 году изъ старицъ Московскаго Алексѣевскаго монастыря; въ 1658 году отставлена.

3) *Лулитта*, третья настоятельница, управляла обителию во время преподобнаго о. Корнилія, съ 1658 по 1662 годъ.

4) *Анисія*. Она поставлена въ игуменьи, по выбору о. Корнилія, изъ числа старицъ Успенской обители, Пятириномъ, митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, въ междупатріаршество, въ 1662 году. При ней, въ 1667 году, по благословенію патріарха Іосифа, Успенскій храмъ, послѣ передѣлокъ въ опомъ и устроенія придѣла во имя Маріи Египетской (вмѣсто Николаевскаго), былъ освященъ вторично. Скончалась въ 1673 году.

5) *Макрина*. Ея игуменство, какъ видно изъ монастырскихъ актовъ, было долговременно — съ 1673 по 1715 годъ. Она поставлена во игуменьи по благословенной грамотѣ патріарха Іосифа⁽¹⁾, по че-

---

(1) См. грамоту въ предпоследней главѣ.

любитю намістницы старицы Иринархи съ сестрами. При ней скончался устроитель обители и ея наставникъ пр. о. Корнилій († 1681 г.). При ней же въ Александровской обители скончалась и погребена здѣсь благовѣрная государыня великая княжна Мароа, во инокиняхъ Маргарита Алексѣевна († 1707), и погребена возлѣ нея великая княжна Θεодосія Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ въ 1713 году.

6) *Евсевія* Огарева. Извѣстна съ 1716 года. При ней въ этомъ году великая княжна Наталія Алексѣевна, вѣроятно на поминовеніе сестры, пожаловала Успенской обители въ услуженіе 113 человекъ мужскаго пола. При ней же въ 1718 году марта 18-го, по указу изъ Монастырскаго Приказа, были присланы въ этотъ монастырь на безысходное изъ него житіе бывшая игуменья Суздальскаго Покровскаго монастыря Мароа съ старницею Капетолиною, по извѣстному дѣлу царицы Прасковьи Θεодоровны. Евсевія въ 1724 г. уволена отъ настоятельства за старостію.

7) *Евфросинія*, съ 1725 года. При ней въ 1727 году учинена опись Успенскаго монастыря.

8) *Митрополія*, съ 1729 года. При ней сосѣдь обители поимѣнію, бывшій дядька царевича Алексѣя Алексѣевича и любимецъ царя Θεодора Алексѣевича, окольникій Алексѣй Тимофѣевичъ Лихачевъ, пожертвовалъ въ монастырь всю рукописную бібліотеку. На имя этой игуменьи Коллегія Экономіи двукратно выдавала на починку монастырскихъ ветхостей деньги: первый разъ 2660 руб. въ 1731 г., и 4000 р. въ 1743 году. Митрополія управляла Успенскою обителию до 1754 года.

9) *Есфирь*. Она поставлена игуменьею, по просьбѣ сестеръ и по волѣ императрицы Елисаветы Петровны, 23 января 1755 года Амвросіемъ, епископомъ Переславскимъ и Дмитровскимъ⁽¹⁾.

10) *Евсевія Геева*, съ 1764 по 1773 годъ.

11) *Арсенія*, съ 1773 по 1780 годъ.

12) *Аполлинарія Полибина*. Ея игуменство было кратковременное; посвященная въ игуменни 1780 г. Θεофилактомъ, епископомъ Переславскимъ и Дмитровскимъ, она скончалась того же 1780 г. 4 декабря, что видно изъ надписи на ея гробницѣ.

---

(1) См. грамоту въ предпоследней главѣ.

13) *Агнія*, съ 1780 по 1790 годъ.

14) *Порфирія Ёршова*, съ 1790 по 1797 годъ. Уволена въ 1796 году.

15) *Александра Мочалова*, съ 1797 г. по 1811 годъ. При ней на 15,000 руб., выданные изъ казны, починена монастырская ограда и башни покрыты тесомъ.

16) *Аполлиарія Платонова*, съ 1814 г. по 1819 годъ; при ней монастырь началъ приходить въ значительную ветхость.

17) *Евгенія Иванова*, съ 15 марта 1819 года. Сія настоятельница много потрудилась въ исправленіи монастырскихъ ветхостей; она въ 1822 году вновь покрыла монахинскія келліи и устроила новыя конюшни. Въ 1823 году построила новыя настоятельскія двухэтажныя келліи и на выданныя по ея ходатайству въ 1824 году изъ казны деньги, 18,265 руб., сдѣлала на Троицкомъ соборѣ вмѣсто одной пять главъ, покрыла соборъ вновь желѣзомъ, штукатурку обвалившуюся внутри и снаружи исправила; стѣнное и иконное писаніе возобновила. Въ Покровскомъ соборѣ и Успенской церкви устроила новыя иконостасы и позолотила. При ней и при ея хлопотахъ Александровскіе кунцы М. М. Каленовъ и А. А. Уголковъ слили въ монастырь колоколь вѣсомъ въ 500 пудовъ. Ея стараніемъ устроенъ колодець, изъ котораго посредствомъ механизма вода проведена на весь монастырь и выстроены въ г. Александровѣ три деревянныя подворья. Она скончалась въ 1735 году сентября 16-го.

18) *Аполлиарія Николаева*, съ 2-го марта 1836 г. Она переведена изъ Суздальскаго Ризноположенскаго монастыря и здѣсь 1843 г. мая 29-го за долговременное и постоянно ревностное служеніе Высочайше награждена наперснымъ крестомъ. Въ 1845 году іюня 8 дня по преклонности лѣтъ и слабому здоровью уволена на покой съ пенсіономъ 42 р. 86 к. въ годъ. Скончалась на покой въ семь же монастырѣ 25 апрѣля 1850 года. При ней Феодоровская церковь, что надъ св. воротами, усердіемъ Александровскаго почетнаго гражданина Ивана Феодорова Баранова, исправлена и покрыта желѣзомъ.

19) *Евгенія Глбова* произведена изъ монахини Успенской обители. Изъ дворянъ, вдова надворнаго совѣтника. Ея игуменство было кратковременное, съ 8 іюня до декабря 1845 года.

20) *Елисавета Лаврова*. Переведена изъ Суздальскаго Покровскаго монастыря 1846 г. декабря 21 дня и управляетъ Успенскою обителию доселѣ. Ея стараніемъ и попеченіемъ въ 1847 году устроена общая внизу настоятельскихъ келлій трапеза для монашествующихъ. Монахинскій корпусъ, послѣ случившагося въ монастырѣ пожара, возобновленъ и исправленъ. Всѣ церкви приведены въ порядокъ. Успенская обновлена вся въ 1869 году усердіемъ и иждивеніемъ потомственнаго почетнаго гражданина Дмитрія Михайлова Политаева, а Троицкій соборъ въ 1882 г. усердіемъ и иждивеніемъ почетнаго гражданина г. Первушина. При ней, въ 1850 году 17 августа, Успенскій монастырь посѣтили проѣздомъ изъ Переслава въ Троицкую Лавру Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ и изволили осматривать подробно и внимательно древности обители. Игуменья Елисавета имѣетъ золотой наперсный крестъ и за труды и попеченіе о благоустройствѣ ввѣренной ей обители пользуется справедливымъ вниманіемъ епархіальнаго начальства и уваженіемъ гражданъ г. Александра и всего окрестнаго населенія.

V.

Храмы и другія зданія.

Въ настоящее время Успенскій монастырь имѣетъ въ окружности 452 сажени, обнесенъ каменною оградою съ четырьмя по угламъ башнями: ограда вышиною 3, а въ иныхъ мѣстахъ 4 сажени; строена при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, трудами препод. Корнилія, когда ему указано было „старога монастыря прибавить“⁽¹⁾.

Въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ 6-ть каменныхъ церквей съ 10-ю въ нихъ придѣлами: Покровскій, Успенскій и Троицкій соборы съ отдѣльною для послѣдняго колокольнею; церкви: Срѣтенская — кладбищенская, Θεодора Стратилата — на св. вратахъ и Распятская подъ колокольней.

---

(1) Не смотря на прибавку монастыря, мѣсто, занимаемое имъ нынѣ, все таки менѣе, чѣмъ то, которое было «въ осмы» при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, почти на 100 сажень. Прѣжній валъ съ двухъ сторонъ (сѣверной и западной) и донныи явствуетъ въ монастырскомъ огородѣ.

1) Покровскій соборъ съ шатровою надъ нимъ колокольней и съ древнерусскими на ней церковными часами, счетъ конхъ начинается съ восхожденія и продолжается до захожденія солнца, а потому 1-й часъ дня соотвѣтствуетъ 7-му часу утра, 2-й—8-му, 3-й—9-му, 4-й—10-му, 5-й—11-му, 6-й—12-му, 7-й—1-му пополудни, 8-й—2-му, 9-й—3-му, 10-й—4-му, 11-й—5-му, 12-й—6-му, 1 часъ ночи 7-му вечера, 2-й—8-му, 3-й—9-му, 4-й—10-му, 5-й—11-му, 6-й—12-му часу (полночи), 7-й—1-му часу ночи, 8-й—2-му, 9-й—3-му, 10-й—4-му, 11-й—5-му, 12-й часъ ночи—6-му часу утра.

Шевыревъ, осматривая эти часы въ пребываніе свое въ Александровскомъ монастырѣ въ 1837 году, былъ удивленъ названію этихъ часовъ *русскими*, и явно заявилъ, что ихъ слѣдуетъ называть не русскими, а *итальянскими*, тогда какъ на всемъ православномъ востоѣ и до сихъ поръ ведется тотъ же самый счетъ часовъ (отъ восхожденія до захожденія—дневные, а отъ захожденія до восхожденія—ночные), а въ Константинополѣ употребляются карманные часы съ двумя циферблатами, нарочито для показанія двойнаго счета часовъ: восточнаго и европейскаго; тамошніе жители называютъ этотъ послѣдній счетъ „à la France“.

Покровская каменная церковь построена великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ (1505 † 1533 г.), и освящена въ 1513 году, въ его присутствіи, о чемъ нашлась запись въ одной изъ рукописей Троице-Сергіева монастыря, а именно въ Богослужебномъ сборникѣ № 647, въ числѣ прочихъ записей, касающихся Сергіевой обители, сказано, что въ лѣто 7022 г. декабря 11 (слѣд. 11 декабря 1513 года) освящена бысть церковь *Покровъ св. Богородицы въ новомъ селѣ Александровскомъ*; „тогда, прибавлено, Князь Великій и во дворъ вшолъ⁽¹⁾“. Церковь эта, какъ извѣстно, долго еще и по устроеніи женскаго монастыря „при Успенской церкви въ буграхъ“, считалась соборною церковію для всего Александровскаго посада, а монахини Успенскаго монастыря, до устроенія своей службы, ходили къ службѣ въ эту церковь. Теперь же служить *зимнею* церковью

---

(1) Изъ этой записи мы заключаемъ, что дворъ В. К. Василія Ивановича былъ тамъ, гдѣ нынѣ Успенскій соборъ; дворъ сей, по построеніи новаго, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, былъ обращенъ во храмъ, отъ чего «домовое его расположеніе» замѣтно и доселѣ.

для ежедневныхъ службъ многочисленнымъ обитательницамъ монастыря, будучи по устройству своей обширной трапезы удобною для стоянія въ ней старицъ. Подъ церковью находятся огромные подвалы въ два ряда, для хозяйственныхъ надобностей.

Древностей заслуживающихъ особаго примѣчанія въ этой церкви нѣтъ.

2) Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, теплая съ колокольницею, — зданіе царя Ивана Васильевича. Въ ней два придѣла: одинъ во имя Усѣкновенія главы Иоанна Предтечи, въ честь дня ангела царя Ивана Васильевича, а другой во имя Маріи Египетской, устроенный на мѣсто бывшего тутъ древняго придѣла во имя Св. Николая Чудотворца (храмовой образъ его и понинѣ стоитъ въ трапезѣ), въ память царицы Маріи Ильиничны (урожденной Мирославской), благодѣявшей сей обители. Иконостасъ трехъ-ярусный. Мѣстная древняя икона въ этой церкви, Успенія Пресвятыя Богородицы, почитается *чудотворною*, равно какъ и икона Страстныя Богородицы, находящаяся на столпѣ въ трапезѣ этой церкви (см. сказаніе о сихъ иконахъ въ монастырской ризницѣ). Изъ прочихъ иконъ въ Успенской церкви замѣчательны:

1) Образъ Страстей Господнихъ съ мощами разныхъ святыхъ; въ него вдѣланъ створчатый золотой ковчежець и на немъ вырѣзана слѣдующая надпись: „Сей святыи ковчегъ съ страстьми Христовыми и со святыми мощьми, строеніе и вкладъ въ Распятскій дѣвичь монастырь, что въ градѣ Серпуховѣ, монахини Варсанофій Ефимовны Козинскія“. Вѣроятно, этотъ ковчежець перенесенъ сюда по упраздненіи Распятскаго монастыря въ 1764 году. 2) Образъ св. Апостола Андрея Первозваннаго; на немъ на задней сторонѣ доски находится надпись: „писанъ сей образъ святаго и славнаго и всехвальнаго Апостола Христова Андрея Первозваннаго въ пречестней и величѣй лаврѣ преподобныхъ отцевъ и великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, въ обители ихъ, богораднымъ трудникомъ Іуліаномъ иконописцемъ въ гѣто отъ сотворенія міра 7210, а отъ Рождества по плоти Бога Слова 1702 лѣта, мѣсяца іюлія“.

Въ Успенской церкви была замѣчательная большая изразчатая печь, т. е. обложенная кафлями, на которыхъ выпукло изображены двуглавыя орлы съ коронами надъ головами, покрытыя желтою поливою. Печь эта, по

необходимости, уничтожена во время послѣдней отдѣлки храма въ 1869 году. Сохранились кафельные изразцы по карнизу въ верхнемъ ряду троючастнаго алтаря съ изображеніемъ узоровъ, а въ нижнемъ ряду съ изображеніемъ четвероконечнаго креста въ кругу. Рядомъ съ церковью, съ сѣверной ея стороны, указываютъ молитвенную келью, въ которой, по монастырскому преданію, живалъ и малывался строитель этого храма царь Иванъ Васильевичъ. Рядомъ съ этою кельею есть три другія также со сводами вмѣсто потолковъ и корридоръ съ окнами въ садъ. Всѣ эти келліи со сводами, но древняго ничего въ нихъ уже нѣтъ. Старожилы рассказываютъ, что будто бы изъ подъ этой келліи былъ проведенъ тайникъ къ рѣкѣ Сѣрой. Такой тайникъ изъ монастыря къ рѣкѣ дѣйствительно значится въ описи 1677 г. подъ именемъ „трубы Государевой“, но изъ этого ли именно зданія онъ начинался—этого утвердительно сказать нельзя: такъ какъ Александрова слобода до основанія въ ней монастыря (съ 1650 г.), какъ извѣстно, во время такъ называемаго „Литовскаго нашествія“ двукратно было разорена Сапѣгою и Лисовскимъ, всѣ подобные рассказы о прошломъ, не утверждаемые на подлинныхъ документахъ, должно принимать осмотрительно. Одно лишь достовѣрно, что на мѣстѣ Успенскаго монастыря былъ „дворъ Государевъ“, построенный В. К. Василюмъ Ивановичемъ, дворъ, въ которомъ въ періодъ опричины (съ 1573 по 1582 г. 19 ноября) жилъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, пока не построилъ себѣ (близъ Троицкаго собора) новаго „болѣе обширнаго“ (около 1570 г.), потому что, какъ извѣстно, онъ жилъ въ Александровой слободѣ съ семействомъ: женой и двумя сыновьями. Подъ Успенскою церковію, также какъ и подъ Покровскою, находятся два этажа подваловъ изъ бѣлаго камня съ темными узкими каморами, въ которыя и днемъ нельзя пройти иначе, какъ съ фонаремъ. Пугливое воображеніе населяетъ эти подвалы также жертвами жестокостей Иоанновыхъ, но только во всемъ этомъ болѣе воображенія, чѣмъ правды. Вѣрно лишь то, что замѣчено г. Шевыревымъ. Описывая эту церковь во время посѣщенія Александра Успенскаго монастыря въ 1847 году (Поездка въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь С. Шевырева въ 1847 году, стр. 41—42), онъ говоритъ: „все это зданіе всѣми подробностями своими показываетъ, что первоначально назначено было не для церкви. Окна и двери не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы слѣдовало имъ быть; углубленія въ

стѣнахъ безъ всякой причины. Подобныя я видѣлъ послѣ въ Твери, въ церкви Отроча монастыря, передѣланной изъ колліи св. митрополита Филиппа. Въ трапезѣ большой церкви съ праваго краю и во всемъ придѣлѣ Маріи Египетской вы видите остатки деревяннаго пола, составленнаго изъ сосновыхъ квадратовъ. Это, конечно, полъ прежняго зданія. Вышнія части зданія при церкви, подѣ одною съ ней кровлею, показываютъ также, что оно все вмѣстѣ когда-то составляло одно цѣлое: при передѣлкѣ же его въ церковь съ двумя придѣлами нѣкоторыя части не взошли въ новый планъ — и теперь въ нихъ жилия комнаты. Конечно, опытный въ храмовомъ нашемъ водчествѣ архитекторъ могъ бы окончательно рѣшить вопросъ о первоначальномъ назначеніи этого зданія. Не здѣсь ли былъ монастырь (дворецъ?) Грознаго? Не тутъ-ли калыи его опричниковъ? Священникъ сказывалъ мнѣ, что, по преданіямъ и догадкамъ, тутъ и полагаютъ покои Іоанновы“.

„Еще болѣе убѣждаютъ въ вѣроятности этого предположенія подземныя ходы или подвалы, которые находятся подѣ этимъ зданіемъ и занимаютъ огромное пространство. Тутъ теперь монастырскіе погреба; своды сложены изъ бѣлаго тесанаго камня, точенаго въ большихъ размѣровъ. Кладка, по признакамъ, очень древняя. Въ одномъ мѣстѣ стѣны какъ бы впадина, нарочно сдѣланная, и выдаются какіе то два бруса съ обѣихъ сторонъ: трудно рѣшить, для какой цѣли это устроено? Тѣ, которые предполагаютъ что въ этомъ мѣстѣ была обитель Іоаннова, спрашиваютъ, не для пытки ли какой? Въ самыя нижніе подвалы спускаться довольно трудно по обвалившимся ступенямъ въ глубокой темнотѣ, при свѣтѣ лучины. Здѣсь чуть-чуть просвѣтъ въ самыя узкія отверстія, которыя сдѣланы надѣ землею. Мѣстами на камняхъ сводовъ, я замѣчалъ слѣды буквъ м. р.“ Я согласенъ съ г. Шевыревымъ, что это зданіе первоначально имѣло другое назначеніе, то есть, что тутъ и былъ первоначальный дворецъ, ностроенный при В. К. Василіи Ивановичѣ; одновременно съ Покровскою церковію, въ 1513 г., что онъ могъ быть мѣстопребываніемъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, въ первое время опричины, съ 1563 по 1570 годъ, разумѣется съ добавленіемъ иныхъ зданій деревянныхъ для его дружины или опричниковъ. Въ церковь же зданіе это обращено или по случаю построенія новаго дворца, (послѣ 1570 г.) на сѣверной сторонѣ, противъ Троицкаго собора, или послѣ отъѣзда Іоаннова изъ Александровой слободы въ 1582 году, по

случаю несчастной здѣсь кончины царевича Іоанна Іоанновича (19 ноября). (Первое предположеніе вѣроятнѣе). Для сего къ главному зданію (нынѣшней трапезѣ) пристроено съ востока то что называется собственно церковью, а къ западной — входныя крытыя двери съ колокольницею.

Въ придѣлѣ Усѣвновенія главы Іоанна Предтечи замѣтимъ иѣстную икону *Никитской* Божіей Матери (на правой сторонѣ лежащій крестъ); не названа-ли эта икона такъ потому, что она была „моленіемъ“ боярина и дворецкаго Никиты Ивановича Романова, послѣдняго изъ бояръ Романовыхъ, двоюроднаго дяди царя Алексѣя Михайловича, † 1655 г. декабря 11-го. Въ придѣлѣ Маріи Египетской, построенномъ въ память царицы Маріи Ильиничны, благодѣтельницы монастыря, замѣчательнъ своей иконописью иконостасъ, можетъ быть работы „царскихъ иконописцевъ“ (1).

3) Троицкій соборъ, съ двумя придѣлами, также весь изъ бѣлаго камня съ крытыми вокругъ переходами и двумя палатками для ризницы и книгохранилища. Около сѣверныхъ и южныхъ дверей архивольты и столбики со жгутами; соборныя входныя двери, створчатыя дубовыя, покрыты красною мѣдью, на которой по коричневой краскѣ наведены золотомъ разныя священныя изображенія, и на накладкѣ, между прочимъ, написано: „Въ лѣто 6844 (1836) индикта 4-го написаны двери сіи повелѣніемъ боголюбиваго архіепископа Новгородскаго Василія при князѣ благовѣрномъ Иванѣ Даниловичѣ, при посадничествѣ Ѳеодоровѣ Даниловичѣ, при тысяцкомъ Аврамѣ“. Двери сіи привезены царемъ Іоанномъ Васильевичемъ изъ Новгородскаго Софійскаго храма въ Александрову слободу въ 1570 году (2);

---

(1) Успенская церковь снаружи и внутри обновлена усердіемъ С.-Петербургскаго купца Алексѣя Михайловича Полежаева въ 1869 г., о чемъ сдѣлана на стѣнахъ на южной аркѣ, ведущей изъ трапезы въ церковь, надпись слѣдующаго содержанія: *на правой сторонѣ*: «1869 лѣта, отъ Р. Х. обновися сей св. храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами, въ царствованіе Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, по благословенію в. преосвященнѣйшаго Антонія, архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго, при игуменѣ Елисаветѣ и при казначей молчаннѣ Алевтиѣ». *На лѣвой сторонѣ*: «Обновися сей храмъ, какъ внутри, такъ и снаружи, тщаніемъ и усердіемъ потомственнаго почетнаго гражданина, С. П. Б. 4-й гильдія купца и кавалера Алексѣя Михайловича Полежаева, въ память и о упокоеніи души дѣвицы Анны, скончавшейся 22 дня Іюля 1866 г., день Ангела ея 9-го сентября.

(2) См. ниже особое описаніе этихъ замѣчательныхъ вратъ, заимствованное нами изъ личнаго изъ разсмотрѣнія и изъ статьи о нихъ Н. К. Мурзакевича въ журналѣ М. Н. Пров. 1837 г. мѣсяцъ декабрь.

западныхъ дверей мѣдныя, тоже привезены имъ изъ Твери въ тотъ же походъ. Въ нихъ вдѣлано изображеніе (рѣзное на мѣди) Св. Троицы. Эти двое дверей, въ особенности же первыя, суть главное доказательство того, что царь Ивась Васильевичъ любилъ Александрову слободу (новый градъ Слобода), какъ свое мѣстопробываніе въ теченіе почти 20 лѣтъ. Такъ какъ двери эти перевезены въ Александровъ въ 1570 году, то имѣемъ право заключить, что Троицкій соборъ и отдѣльная при немъ колокольня построены ранѣе этого года. Онъ долгое время былъ съ одною большою главою и съ двумя маленькими на придѣлахъ (нынѣ пятиглавый и двѣ малыхъ на придѣлахъ). „Здѣсь единоглавіе, замѣчаетъ Шевыревъ въ 1847 году, къ счастью не искаженное, представлялось мнѣ во всемъ превосходствѣ касательно внутреннего дѣйствія храма. Свѣтъ падалъ сверху изъ продольныхъ стеколъ всего купола и чудно озарялъ весь иконостасъ: давно не испытывалъ я подобнаго впечатлѣнія. Вся великая тайна Бога Слова, предвѣчно рожденнаго, земное воплощеніе, Царь міра и сонмы небесныя Церкви, склопящіеся съ обѣихъ сторонъ передъ неисповѣдимую тайною Христовой вѣры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, Апостолы, мученики, исповѣдники, протцы, въ лучахъ дневнаго свѣта, являлись мнѣ во всѣхъ подробностяхъ и производили на меня то впечатлѣніе, которое долженъ производить иконостасъ храма, — это видимое таинственное небо нашей Церкви. Здѣсь все мнѣ было ясно, доступно, близко (стр. 38)“.

Въ соборѣ иконостасъ старинный пятирусный, съ тѣлами; въ числѣ иконъ есть нѣкоторыя хорошаго древне-греческаго письма; особенно замѣчательны мѣстныя иконы: Спаса Вседержителя и Владимірской Божіей Матери; на первомъ вѣнецѣ, діадима и заплечи убраны жемчугомъ и драгоценными камнями; оплечье и поля серебряныя, вызолоченныя, съ травами. Икона Владимірскія Божіей Матери, считаемая чудотворною, также богато украшена жемчугомъ и драгоценными камнями. Икона эта стоитъ въ особо устроенномъ кіотѣ, на задней сторонѣ котораго есть слѣдующая надпись: Благоволѣніемъ Бога Отца Вседержителя и содѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа, повелѣніемъ благочестивыхъ царей и великихъ князей: Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныхъ царевны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцевъ, построенъ вновь иконостасъ и принесенъ сей образъ св. Архан-

геловъ и Ангеловъ (т. е. кіотъ съ св. изображеніями) въ церковь пресвятая и славная Владычицы Богородицы и приснодѣвы Маріи, честнаго ея Покрова, въ лѣто 7195 (1687) года мѣсяца сентября въ 20 день. Изъ этой надписи видно, что первоначально икона эта стояла въ иконостасѣ Покровской церкви.

Предъ мѣстными иконами висятъ 6-ть серебряныхъ съ золочеными украшеніями лампадъ и седьмая такая же подъемная; на каждой изъ нихъ вырѣзана слѣдующая надпись: „сію лампаду далъ вкладу великій государь благовѣрный царевичъ и великій князь Алексѣй Петровичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, въ Александрову пустыню въ Успенскую церковь, для поминовенія души бабушки своей великія государни благовѣрной царицы и великой княгини Наталіи Кириловны лѣта 7204 (1696)“. На столігѣ съ лѣвой стороны на иконѣ Возіей Матери находится внизу слѣдующая надпись: „Сей образъ писалъ многогрѣшный иконописецъ Тихонъ Семеновъ Александровой слободы дѣвичьяго Успенскаго монастыря“. Значитъ, въ концѣ XVII вѣка былъ у монастыря свой одинъ или нѣсколько иконописцевъ.

По сторонамъ главнаго алтаря два придѣла: южный во имя Симеона Богопріимца (въ память бывшаго въ XVII ст. близъ Александрова Симеоновскаго монастыря; придѣлъ упраздненъ въ 1858 году) и сѣверный во имя препод. Сергія Радонежскаго; въ семь придѣлѣ въ алтарѣ за престоломъ въ кіотѣ деисусъ искуснаго письма; его писалъ, какъ видно изъ надписи на немъ, въ 1679—1680 годахъ, царскій вографъ Михаилъ Милютинъ.

Иконостасъ Троицкаго собора обновленъ (т. е. вновь позолоченъ) въ 1881 г. купцомъ Первушинымъ.

Подъ алтаремъ Троицкаго собора погребенъ приснопамятный строитель Лукьяновой пустыни и духовникъ Успенской обители преподобный Корнилій. На надгробіи его высѣчена слѣдующая надпись: „лѣта 7189 (1681) августа въ 11 день, на память святаго мученика и архидіакона Евпла, преставился рабъ Возіей Александровой слободы Успенскаго дѣваго монастыря духовникъ схи-іеромонахъ Корнилій“. Въ этомъ же склепѣ погребены тѣла: 1) казначей царевны Маріи Алексѣевны дѣвицы Евфиміи Андреевны Львовой, скончавшейся 1727 г. декабря 12 дня. 2) Генераль-

аншефа лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковника Ивана Ивановича Вутурдина, скончавшагося 1738 г. 31 декабря. 3) Дѣйствительнаго камергера Аркадія Ивановича Вутурдина, скончавшагося 1775 года 28 апрѣля и 4) дочери его дѣвицы Анастасіи, скончавшейся 1807 года 12 декабря.

4) Церковь во имя Срътенія Господня — больничная, построена при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, позади Успенской церкви на кладбищѣ, при построеніи монахиняиъ колій (на мѣстѣ царскихъ хоромъ), препод. отцемъ Корнилиемъ. Подъ сею церковію, въ особо устроенной изъ бѣлаго камня со сводами усыпальницѣ, погребены тѣла благочестивыхъ царевенъ и великихъ княженъ монахини Маргариты (въ мѣрѣ Марен) и царевны Θεодосіи Алексѣевны. Здѣсь на гробницахъ ихъ горятъ неугасимыя лампы и народъ чтитъ память царевенъ панихидами по нихъ. Передъ входомъ у окна — портретъ царевны-инокини Маргариты Алексѣевны, имѣющей большое сходство съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Очеркъ жизни ея см. въ концѣ этого труда, тамъ же приведены и надписи на обѣихъ гробницахъ.

5) Церковь Θεодора Стратилата, что надъ св. воротами, построена при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, что кромѣ названія доказываетъ подпись надъ образомъ Спасителя на иконостасѣ: „Небесный Царю, благовѣрнаго царя нашего и великаго князя Θεодора Алексѣевича укрѣпи, вѣру утверди, миръ умири и святую обитель сію добрѣ сохрани“.

6) Колокольня съ Распятскою подъ нею церковью. Колокольня стоитъ на южной сторонѣ Троицкаго собора въ одной съ нимъ линіи, но отдѣльно отъ него. Это высокое и красивое зданіе въ видѣ башни построено одновременно съ Троицкимъ соборомъ (до 1570 г.) царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Зданіе колокольни 9-тигранное; низъ въ видѣ столпа состоитъ изъ 9-ти соединенныхъ между собою арокъ; надъ нимъ три яруса такъ наз. *бочекъ*; далѣе изъ среды ихъ возстаетъ верхъ шатровый, на немъ устроены боевыя часы⁽¹⁾, и шпиль, увѣнчанный яблокомъ съ крестомъ.

Подъ колокольнею Распятская церковь, устроенная, по преданію, царевной-инокиней Маргаритой Алексѣевной; иконостасъ въ ней окрашенъ

---

(1) Напомнимъ, что первые колокольные часы устроены въ Москвѣ черницею Сербаномъ въ XV столѣтіи.

чернью; иконы итальянскаго письма начала XVIII ст.; изъ этой церкви южная дверь ведетъ въ тотъ каменный корпусъ съ высокою теремною кровлею, въ которомъ жила царевна-инокиня, во время своего пребыванія въ сей обители, съ 1698 по 1707 годъ. Къ нему пристроены деревянныя кельи для прислужницъ.

Изъ прочихъ зданій обители упомянемъ: построенный въ 1823 г. корпусъ настоятельской двуетажный, низъ каменный, а верхъ деревянный, съ общею внизу трапезою и службами; корпусъ сей стоитъ бокомъ къ Покровской церкви противъ алтаря Троицкаго собора. Подъ Покровскою церковью хлѣбня съ духовою печью. Квасная и просфорня подъ Успенскою церковью. Большой каменный корпусъ — на сѣверной сторонѣ монастыря, на мѣстѣ бывшихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ „царскихъ хоромъ“ и изъ нихъ построенный при отцѣ Корнилии, на 164 саженьяхъ, въ коемъ живутъ монахи. Въ „Крестовой палатѣ“ въ рамкѣ свода, въ срединѣ ея, выпукло высѣченъ крестъ и около его въ каймѣ также высѣчена вязью надпись: „Спаси Гди люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному Царю нашему Феодору Алексѣевичу даруй“ и т. д. до конца. Здѣсь прежде жили настоятельница монастыря.

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Орловской ученой архивной Комиссіи въ 1884 г.

Открытие Орловской ученой архивной Комиссіи послѣдовало 11-го іюня 1884 года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялось первое ея засѣданіе, на которое приглашены были находившіяся въ Орлѣ правительственныя лица, и изъ духовнаго и учебнаго вѣдомствъ нѣкоторые лица заявившія себя своими статьями по археологій и статистикѣ губерніи. Въ самомъ началѣ засѣданія прибывшій передъ тѣмъ изъ С.-Петербурга директоръ Археологическаго Института, Н. В. Калачовъ, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью⁽¹⁾.

„Ми. гг.! Открывая въ здѣшней губерніи, на основаніи Высочайше утвержденнаго 13-го апрѣля 1884 года Положенія Комитета Министровъ, ученую архивную Комиссію и имѣющіе образоваться ея трудами Историческій архивъ и Музей, считаю необходимымъ, — чтобы выяснитъ цѣль и значеніе этихъ учрежденій и ту пользу, какой въ правѣ отъ нихъ ожидать наука, въ особенности по изученію и разработкѣ мѣстныхъ древностей — познакомитъ васъ съ тѣми данными, которыми руководствовало высшее правительство, повергая къ стопамъ Государя Императора проектъ объ открытіи въ нѣкоторыхъ, на первый разъ, губерніяхъ упомянутыхъ учрежденій.

„С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, стоящей во главѣ нашей ученой дѣятельности, принадлежать мысль и забота объ объедине-

---

(1) Рѣчь эта приводится здѣсь въ сокращеніи.

ни въ губерніяхъ трудовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для распространенія въ каждой изъ нихъ историческихъ свѣдѣній, особенно мѣстныхъ. Для собранія, описанія и сохраненія въ этомъ отношеніи дѣла и документовъ, находящихся съ одной стороны въ губернскихъ, областныхъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ, признаваемыхъ ими ненужными для справокъ, а съ другой стороны уцѣлѣвшихъ въ губерніи вещественныхъ памятниковъ болѣе или менѣе отдаленной старины, которые могутъ имѣть значеніе для разработки отечественной исторіи, Академія признала лучшимъ средствомъ общія усилія интеллигентныхъ лицъ, связанныхъ между собою единствомъ рожденія, воспитанія, службы или жительства въ одной губерніи, и какъ главнымъ матеріаломъ для историческаго изученія данной мѣстности должны служить относящіеся къ ней документы, дѣла и бумаги, то и остановилась на учрежденіи для этой цѣли губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій. Центральнымъ же складомъ добытыхъ трудами членовъ губернской комиссіи рукописей, книгъ, памятниковъ вещественной старины и ихъ описаній должны служить открываемые въ губернскомъ городѣ историческій архивъ, бібліотека и музей.

„Влагая мысль Академіи Наукъ можетъ однако оказаться плодотворною не иначе какъ съ сильною ея поддержкою со стороны той же Академіи. Мало еще — указать интеллигентнымъ дѣятелямъ губерніи, какую важную службу могутъ они сослужить любимой своей родинѣ, мало еще — сблизить ихъ съ матеріалами, которые они должны собирать, описывать и хранить: имъ необходимо преподавать правила для такой ученой работы, дать въ пособіе не только руководства, но и людей, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, и сверху, живительною рукою бдительнаго наблюденія, наставленія и поощренія, направлять молодыя силы къ возжелѣнной цѣли. И вотъ Академія обращается для того ко мнѣ, какъ къ директору Археологическаго Института, гдѣ готовятся юноши, уже получившіе высшее образованіе, съ спеціальнымъ назначеніемъ — разбирать и пояснять рукописи, описывать вещественные памятники и вообще изучать, приводить въ извѣстность и сохранять древности. И мнѣ-ли, которому такъ дорого все, что касается отечества и его исторіи, было не откликнуться на этотъ призывъ Академіи! Ми. гг., я весь вашъ, всѣ мои стремленія направлены къ той же цѣли, которую указываетъ вамъ Академія Наукъ и которую вы сами излю-

били еще прежде, чѣмъ состоялась Высочайшая воля, не только разрѣшающая намъ приняться общими силами за святое дѣло, но, по любви нашего Государя къ отечественнымъ древностямъ, и благословляющая наше великое начинаніе. И могутъ-ли ваши общія усилія — при такихъ счастливыхъ задаткахъ — не увѣнчаться успѣхомъ? Но еслибы и встрѣтились какія затрудненія, опять-таки Академія, въ лицѣ своего нынѣшняго Президента, который самъ такъ усердно работаетъ для нашей исторіи, не найдеть-ли въ его любви къ наукѣ самую полезную для васъ поддержку? Намнѣ же будетъ лежать постоянная обязанность доводить до свѣдѣнія Академіи Наукъ о вашихъ трудахъ и съ этою цѣлью представлять ей отчеты о дѣятельности ученыхъ архивныхъ Комиссій не позднѣе декабря мѣсяца каждаго года.

„Его Превосходительство, г. Губернаторъ здѣшной губерніи, какъ Непремѣнный Попечитель открываемой нынѣ Комиссій, уже изъявилъ живѣйшее сочувствіе къ ея будущей полезной дѣятельности и готовность помогать ея благимъ начинаніямъ и успѣхамъ. Смѣю надѣяться, что, благодаря его заботамъ о преуспѣяніи во всѣхъ отношеніяхъ здѣшной губерніи, и ваши посильные труды не останутся безплодными для той же цѣли. Вѣдь мѣстная исторія и ея памятники суть магнитъ, притягивающій сердце всякаго, даже жесткаго человѣка, къ его родинѣ, которой они такъ близко и со всѣхъ сторонъ касаются. Мѣстный житель, кто бы онъ ни былъ, слушая рассказы объ отдаленной старинѣ своего края, проникается горячимъ къ нему уваженіемъ и любовью: онъ сочувствуетъ его бѣдствіямъ и радуется его счастью. И вотъ, какъ скоро вы раскроете всѣмъ вашу бібліотеку и рукописи, выставите сокровища вашего музея, будете, хотя бы изрѣдка, давать публикѣ отчетъ о вашихъ работахъ, разрѣшите доступъ, въ воскресные и другіе дни, на ваши чтенія и бесѣды, то, повѣрьте, вы увидите въ числѣ вашихъ посѣтителей и слушателей не только городскихъ жителей разныхъ классовъ, но и помѣщиковъ, и крестьянъ, даже изъ отдаленныхъ окраинъ. Это не мечта: я говорю, какъ очевидецъ тѣхъ массъ народа, которыя наполняютъ музеи не только столичныхъ, но и тѣхъ губернскихъ городовъ, гдѣ такіе музеи и бібліотеки уже существуютъ“...

Первыми для обсужденія вопросами были поставлены вопросъ объ архивныхъ документахъ, подлежащихъ ближайшему разбору и описанію и во-

прось о помѣщеніи для имѣющаго вслѣдъ за симъ открыться и образоваться губернскаго историческаго архива и для засѣданій ученой архивной Комиссіи. По первому изъ нихъ г. предсѣдатель Окружнаго Суда заявилъ, что въ центральномъ архивѣ его вѣдомства уже съ 1878 г. разбираются дѣла и бумаги, перевезенныя сюда изъ архивовъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ въ разныхъ городахъ и уѣздахъ Орловской губ. и древнѣйшія изъ нихъ частію уже отправлены въ Московскій архивъ Министерства Юстиціи, но за тѣмъ, по громадному количеству имѣющихся въ центральномъ архивѣ означенныхъ дѣлъ, еще остаются неразобранными дѣла, поступившія сюда изъ закрытыхъ присутственныхъ мѣстъ въ городахъ: Орлѣ, Сѣвскѣ, Брянскѣ, Трубчевскѣ, Ельцѣ и Малоархангельскѣ съ ихъ уѣздами. По второму вопросу г. предсѣдатель Губернской Земской Управы и бывшіе на лицо ея члены предложили для помѣщенія историческаго архива и будущаго при немъ музея, а также для засѣданій членовъ ученой архивной Комиссіи отъ двухъ до трехъ комнатъ въ занимаемомъ нынѣ Управой, недавно ею приобрѣтенномъ, прекрасномъ и обширномъ домѣ. При столь благопріятныхъ условіяхъ, собранію оставалось приступить къ избранію предсѣдателя и его товарища, и большинствомъ голосовъ были избраны: въ званіе предсѣдателя — г. предсѣдатель Окружнаго Суда, а его товарища — г. предсѣдатель Губернской Земской Управы, который въ то же время указалъ на производителя дѣлъ той же Управы, какъ на весьма способнаго быть и правителемъ дѣлъ Комиссіи. Что касается до членовъ, то такими были призваны изъявившіе на то желаніе и согласіе изъ лицъ присутствовавшихъ въ собраніи. Слѣдовавшія за тѣмъ засѣданія ученой архивной Комиссіи состоялись 23-го септября 1884 г. и 9-го января 1885 г. и имѣли своимъ предметомъ обсужденіе вопросовъ о порядкѣ избранія въ члены Комиссіи, о правилахъ для допущенія ихъ къ занятіямъ въ архивахъ⁽¹⁾, о передачѣ г. предсѣдателемъ Окружнаго Суда въ историческій архивъ тѣхъ дѣлъ изъ архива этого Суда, которыя, по просмотрѣ нихъ, окажутся имѣющими научное значеніе; о приглаше-

(1) По этому предмету было постановлено, чтобы для безпрепятственнаго доступа членовъ Комиссіи въ архивы, имъ выдаваемы были Комиссіею билеты за подписью губернатора, на оборотной сторонѣ которыхъ должно быть напечатано извлеченіе изъ Высочайше утвержденаго положенія Комитета Министровъ 13-го апрѣля 1884 г.

нимъ стороннихъ лицъ сообщать для историческаго архива имѣющіеся у нихъ интересныя документы или хоти указывать на извѣстныя имъ предметы древностей съ ихъ описаніемъ; о сношеніяхъ Комиссіи съ правительственными мѣстами и лицами, въ вѣдѣніи коихъ есть архивы, подлежащіе уничтоженію, съ предложеніемъ допускать предварительно ихъ уничтоженія къ разбору ихъ членовъ Комиссіи. При этомъ было также постановлено: а) отнестись къ его преосвященству, Орловскому и Сѣвскому епископу Симеону, съ просьбою о томъ, чтобы членамъ Комиссіи былъ открытъ доступъ къ дѣламъ и документамъ, хранящимся при монастыряхъ и церквахъ Орловской губ. и чтобы его преосвященство не оставилъ указать лицъ, которыя могли бы содѣйствовать членамъ Комиссіи въ отысканіи документовъ и дѣлъ, имѣющихъ историческое значеніе; б) посредствомъ публикаціи въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, просить духовенство сообщать Комиссіи о всѣхъ древностяхъ, хранящихся при церквахъ, и в) по полученіи просимаго разрѣшенія отъ его преосвященства, приступить къ разбору дѣлъ, хранящихся при монастыряхъ. Его преосвященство принялъ близко къ сердцу просьбу Комиссіи и Орловская Духовная Консисторія сообщила ей, что оо. благочиннымъ Орловской епархіи поручено собрать отъ настоятелей подвѣдомыхъ имъ церквей свѣдѣнія о томъ, находятся-ли въ церковныхъ архивахъ дѣла и документы болѣе или менѣе важныя въ историческомъ отношеніи, и сообщить о томъ Комиссіи, а также поручено настоятелямъ и настоятелямъ монастырей и настоятелямъ церквей допускать членовъ Комиссіи къ просмотру дѣлъ и документовъ, хранящихся при монастыряхъ и церквахъ.

Выслушавъ съ благодарностію такое распоряженіе, Комиссія съ своей стороны просила его преосвященство быть почетнымъ ея членомъ. Вообще же, по выборамъ, происходившимъ въ засѣданіяхъ, въ составъ Комиссіи вошли: въ званіи предсѣдателя ея — предсѣдатель Орловскаго Окружнаго Суда князь Александръ Борисовичъ Сонцевъ-Засѣкинъ, товарища его — предсѣдатель Орловской Губернской Земской Управы Парменъ Петровичъ Шеншинъ, правителя дѣлъ — Сергій Александровичъ Влохинъ, членовъ: Н. П. Римскій-Корсаковъ, Н. П. Варышниковъ, А. А. Потуловъ, В. Н. Телѣгинъ, А. Н. Чудиновъ, А. Г. Пупаревъ, Г. М. Пясецкій, ректоръ Семинаріи А. В. Вогдановъ, Н. Г. Тетера, С. Н. Гавриловъ, М. М. До-

лежелъ, А. О. Леоновичъ, В. М. Козловъ, М. К. Полозовъ, В. В. Шереметьевъ, Д. А. Свербѣевъ, И. С. Барановъ, А. Е. Скобельцинъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, В. А. Шеншинъ, В. Н. Лясковскій, И. И. Дубасовъ (предсѣдатель Тамбовской архивной Коммиссіи), И. О. Токмаковъ (библіотекаръ Московскаго Главнаго архива минист. иностр. дѣлъ), А. Д. Столыпинъ, И. М. Вѣлорусовъ, Н. В. Кочетовъ, В. И. Ломакинъ, Я. А. Лебединскій, Я. И. Горожанскій, В. М. Никольскій, священники: оо. А. Вулгаковъ, Н. Ивановъ, А. Крутиковъ.

На основаніи постановленій Коммиссіи сдѣланы сношенія какъ со многими правительственными мѣстами и лицами, въ завѣдываніи коихъ состоятъ архивы, такъ и съ частными лицами, имѣющими въ своихъ рукахъ документы, старинныя бумаги или другіе предметы древности, и напечатано въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ приглашеніе отъ Коммиссіи, обращенное ко всемъ частнымъ лицамъ, владѣющимъ какими либо интересными въ археологическомъ отношеніи предметами и документами, сообщать таковыя или свѣдѣнія о нихъ архивной Коммиссіи. Вслѣдствіе такихъ сношеній и публикацій, въ исторической архивъ поступило разныхъ изданій 54 названія въ количествѣ 288 книгъ и выпусковъ (отъ Императорской Академіи Наукъ, Археологическаго Института, Н. В. Калачова, А. Г. Пупарева, Г. М. Пясецкаго, В. В. Шереметева, И. О. Токмакова, А. В. Богданова и пермскаго губернскаго земства) и въ музей—найденный въ Ливенскомъ уѣздѣ глиняный небольшой кувшинъ съ 9 серебряными и 16 мѣдными монетами царствъ. Алексія Михайловича (доставлены г. губернаторомъ), 11 мѣдныхъ монетъ разныхъ царствованій прошлаго столѣтія (отъ И. П. Тезавровскаго) и 6 древнихъ мѣдныхъ монетъ, найденныхъ въ Крыму (отъ Е. В. Сипрова).

Къ занятіямъ по разбору и описанію документовъ приступлено членами Коммиссіи въ архивахъ: центральномъ Окружнаго Суда, Семинарскомъ, Консисторскомъ, Губернскаго Правленія и разныхъ монастырей Волховскаго, Брянскаго, Трубчевскаго и Сѣвскаго уѣздовъ. При этомъ оказалось, что въ Орлѣ нѣкоторые архивы не мало потерпѣли отъ бывшихъ въ сороковыхъ годахъ двухъ большихъ пожаровъ; такія утраты должны усугубить приведеніе въ извѣстность и описаніе архивныхъ документовъ.

Заклучимъ нашъ отчетъ о дѣятельности членовъ Коммиссіи перечи-

сленіемъ частію тѣхъ изданій и статей, которыми они уже заявили свою склонность къ археологіи, частію же предпринятыхъ или предполагаемыхъ ими розысканій и описаній. Одинъ изъ старѣйшихъ и опытѣйшихъ по этой части членовъ А. Г. Пупаревъ, секретарь Орловскаго Статистическаго Комитета, уже съ 1872 года занимается разборомъ мѣстныхъ архивовъ, дѣлая извлеченія обо всемъ, что имѣетъ историческое значеніе для его края. Въ разное время пересмотрѣны имъ указы Прав. Сената и генераль-губернаторскія распоряженія съ открытія губерніи по царствованіе Императора Александра I, насколько они сохранились въ архивѣ Губернскаго Правленія послѣ пожара 1841 года; также дѣлалъ онъ извлеченія изъ архивныхъ документовъ въ Волховѣ, Малоархангельскѣ и изъ центральныхъ архивовъ Орловскаго и Елецкаго Окружныхъ Судовъ: въ первомъ пересматривались имъ дѣла произведенія въ царствованіе Павла I, а въ Елецкомъ онъ нашелъ даже производства Елецкой провинціальной канцеляріи и входившихъ въ составъ Елецкой провинціи городовъ; въ бумагахъ его встрѣчается также много интересныхъ свѣдѣній для характеристики быта Воронежской губерніи, въ составъ которой входила Елецкая провинція. Часть собранныхъ свѣдѣній была имъ напечатана въ Орловскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ 1872, 1873 и 1875 г. и особо въ изданныхъ имъ брошюрахъ: „Орловская Старина“, 1872 г., и „Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи“, 1877 г., другія помѣщались имъ въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ и сообщены въ редакцію „Русской Старины“. Со времени вступленія своего въ составъ ученой архивной Комиссіи г. Пупаревъ составилъ изслѣдованіе о гор. Карачевѣ на основаніи переписной книги 1724 года, отысканной въ дѣлахъ Сѣвской провинціальной канцеляріи, обязательно сообщенной членомъ Комиссіи А. Е. Скобелцинымъ изъ Орловскаго централнаго архива упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ; за тѣмъ онъ продолжалъ пересмотръ указовъ Сената въ архивѣ Губернскаго Правленія, и именно за все время царствованія Императора Александра I. Вообще — замѣчаетъ г. Пупаревъ — находящіеся въ Губернскомъ архивѣ указы Сената двухъ родовъ: одни, какъ законодательные, слѣдовали къ руководству, другіе — состоявшіеся по частнымъ дѣламъ. И тотъ и другой родъ указовъ переплетался, погодно, въ особныя книги, достигающія по своему объему отъ 500 даже до 1000 листовъ. Указы перваго рода, по большей части, вошли въ Полное

Собрание Законовъ, но и между ними иногда встрѣчаются не слѣдовавшіе въ законъ, а имѣющіе мѣстный для Орловской губерніи интересъ и потому пересмотромъ этихъ книгъ пренебрегать также нельзя. Во второмъ разрядѣ, между разными указами, не имѣющими въ настоящее время никакого значенія и составляющими оффиціальную переписку, оказались однако нѣкоторыя рѣшенія Сената по доходившимъ до него судебнымъ и административнымъ дѣламъ, нерѣдко докладывавшимся и Государю. Здѣсь встрѣчаются извѣстія о перемѣщеніи, назначеніи, награжденіи чиновниковъ, преданіи ихъ суду, о результатахъ сенаторскихъ ревизій, имѣвшихъ иногда весьма важное значеніе для всего служащаго класса въ губерніи, начиная съ самого губернатора. какъ, напримѣръ, ревизія сенатора Мясоѣдова въ 1816 году, имѣвшая послѣдствіемъ преданіе суду болѣе тысячи человекъ по Тульской, Орловской и Курской губерніямъ; о взятіи въ опеку дворянскихъ имѣній за противозаконное пользованіе помѣщичьими правами; о сужденіи помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крестьянами, когда послѣдствіемъ бывали смертные случаи и т. п.; о неправильной отдачѣ въ рекруты, иногда подложно, подъ чужими именами; о спорахъ по захвату земли помѣщиками у однодворцевъ и наоборотъ и т. п.; объ отношеніяхъ фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго, какъ помѣщика, къ мѣстной администраціи, къ другимъ помѣщикамъ, къ своимъ крестьянамъ, къ собственному сыну и проч. Дѣло объ убійствѣ гр. Каменскаго г. Пупареву нигдѣ не встрѣчалось, но приговоръ суда надъ убійцей отысканъ имъ въ центральномъ архивѣ Окружнаго Суда. Преступнику назначено было, по этому приговору, 200 ударовъ внутомъ, вырѣзаніе ноздрей, наложеніе клеймъ и ссылка въ вѣчную каторгу. Отсюда видно, что архивъ Губернскаго Правленія изслѣдователю старинны можетъ доставить весьма много интересныхъ данныхъ о прошломъ губерніи и, насколько представится въ тому возможность, г. Пупаревъ обѣщается имъ воспользоваться.—Членъ Комиссіи Г. М. Пясецкій сообщилъ, что имъ изданы въ нынѣшнемъ году историческіе очерки г. Брянска до Петра I включительно и что онъ въ настоящее время занимается составленіемъ описанія религіозно-нравственнаго состоянія Орловскаго края до учрежденія въ его предѣлахъ самостоятельной епархіи (въ 1788 г.).—Членъ Комиссіи А. В. Богдановъ сообщилъ, что имъ изданы историческіе очерки Орловской Духовной Семинаріи, касающіеся вѣшняго ея устройства, и

что въ настоящее время онъ занимается разборомъ архива Семинаріи и приступилъ къ описанію внутренняго устройства Семинаріи, т. е. воспитательной части, съ 1817 года до настоящаго времени. — По свидѣтельству г. председателя Комиссіи, членъ ея В. В. Шереметевъ изъявилъ желаніе заняться разборомъ монастырскихъ архивовъ Волховскаго и Трубчевскаго уѣздовъ, а товарищъ председателя П. П. Шеншинъ намѣренъ приступить, совмѣстно съ членами Н. П. Варышниковымъ и Н. П. Римскимъ-Корсаковымъ, къ разбору дѣлъ центральнаго архива Окружнаго Суда. — Членъ Комиссіи А. Е. Скобелцинъ, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи есть не мало достопримѣчательностей въ археологическомъ отношеніи, — такъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ въ имѣніи барона Мейндорфа имѣются постройки временъ Вирона, а въ Дмитровскомъ уѣздѣ постройки Растрелли, — призналъ весьма полезнымъ, чтобы по каждому уѣзду были составлены имъ описанія и съ своей стороны взялся за такое описаніе по Дмитровскому уѣзду. — Членъ Комиссіи В. М. Козловъ заявилъ, что принимаетъ на себя описаніе древностей по Кромскому уѣзду. — Библиотекаръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. О. Токмаковъ изъявилъ готовность сообщать имѣющіяся у него свѣдѣнія для исторіи Орловскаго края. — Членъ Комиссіи Н. Г. Тетера (въ частномъ письмѣ Н. В. Калачову) сообщаетъ, что въ Орловской губерніи несомнѣнно уцѣлѣли нѣкоторые фамиліные архивы: такъ наприм. въ с. Тагилѣ, Орловскаго уѣзда, родовомъ имѣніи гр. Чернышевыхъ, найдется конечно не мало интересныхъ документовъ и бумагъ; онъ же припоминаетъ, что въ одноѣ частномъ имѣніи — Ретажи (Вруевича), Кромскаго уѣзда, бывшемъ когда-то князя Лопухина (массона), есть остатки нѣкоторыхъ со оруженій.

Въ виду обращеннаго такимъ образомъ вниманія членовъ Орловской архивной Комиссіи на древности своей губерніи, считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ ними нѣсколькими данными, почерпнутыми нами изъ имѣющихся у насъ подъ рукою свѣдѣній, не безынтересныхъ для историческаго обследованія и описанія Орловской губерніи. Важнѣйшія изъ такихъ свѣдѣній встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII столѣтій, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книги эти довольно обстоятельно рассмотрѣны и описаны по листамъ въ издаваемомъ означен-

нымъ архивомъ „Описаніи его документовъ и бумагъ“ (см. т. I и II). Въ нихъ селенія, деревни и пустоши перечислены по станамъ, и потому проверка по нимъ прежняго населенія и занимаемыхъ имъ мѣстностей и урочищъ не только можетъ быть удобно сдѣлана, но безъ сомнѣнія послужить и къ болѣе или менѣе интереснымъ выводамъ, почему было бы весьма полезно Орловской ученой Комиссіи застаться копіями со всѣхъ такихъ книгъ. Независимо отъ этого въ Московскомъ Сенатскомъ архивѣ (при томъ же архивѣ Министерства Юстиціи) есть много дѣлъ, имѣющихъ чрезвычайный интересъ для воспроизведенія быта, образа жизни, взаимныхъ между разными сословіями отношеній, численности жителей по ревизіямъ, споровъ о границахъ, преступленіяхъ и судопроизводствѣ въ XVIII столѣтіи. Со всѣхъ такихъ дѣлъ если не окажется надобности въ полныхъ копіяхъ, то было бы далеко не бесполезно имѣть изъ нихъ хорошо составленныя выписки, равно какъ и изъ дѣлъ уже сданныхъ въ тотъ же архивъ Министерства Юстиціи изъ центрального архива Орловскаго Окружнаго Суда съ 1867 г. по 1880 годъ. Далѣе, въ самомъ Археологическомъ Институтѣ есть матеріалъ, нелишенный интереса для Орловской старины, именно разбираемый и описываемый въ настоящее время слушателями Института архивъ князей Куракиныхъ, относящійся главнымъ образомъ ко второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Въ разныхъ книгахъ этого архива встрѣчаются свѣдѣнія касательно обширныхъ владѣній князей Куракиныхъ въ уѣздахъ Малоархангельскомъ и Кромскомъ: они очень ярко обрисовываютъ не только тогдашній бытъ крестьянъ, но и отношенія вотчиннаго правленія къ орловской администраціи и состояніе мѣстной торговли. Наконецъ въ самой библиотекѣ Н. В. Калачова, находящейся при Институтѣ, есть портфель, заключающій въ себѣ сдѣланныя имъ записки и выписки во время его археографической поѣздки въ разныя губерніи по порученію Археографической Комиссіи. Изъ этого портфеля г. Калачовъ уже напечаталъ въ издававшемся имъ въ 1859 г. Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи (кн. 1), рассказы Орловскаго старожилы Васова, бывшаго въ 1852 г., когда онъ ихъ сообщилъ, 70 лѣтъ, передаваемое же имъ онъ слышалъ отъ своего отца, умершаго въ преклонныхъ лѣтахъ и отъ одного старика, которому уже въ 1827 г. было 138 лѣтъ, такимъ образомъ воспоминанія Васова восходили по преданіямъ до конца XVII-го вѣка,

а по памяти современниковъ событій до начала XVIII-го столѣтїа. Разсказы эти касаются основанїа г. Орла и его перваго заселенїа, одежды богатыхъ людей XVIII-го стол., торговыхъ обычаевъ и похоронъ покойниковъ. Впрочемъ многія свѣдѣнїа, собраннїа г. Калачовымъ, еще нигдѣ не напечатаны, но онъ намѣреетъ, какъ мы отъ него слышали, сообщать ихъ въ издаваемомъ нынѣ Вѣстникѣ археологїи и исторїи. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся до генераль-губернаторскаго управленїа губерніями Смоленскою и Орловскою, до тогдашнихъ въ нихъ городовъ и ихъ плановъ, до открытїа въ Орловской губерніи въ 1779 г. намѣстничества, другїя до статистическаго состоянїа губерніи въ 1821 г., въ бытность ея вмѣстѣ съ губерніями Рязанской, Тульской, Воронежской и Тамбовской подъ главнымъ управленїемъ генераль-губернатора А. Д. Балашова, которое поясняютъ также статистическія таблицы, помѣщенныя въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (издававшемся съ 1822-го по 1828 г.). Упоминаемъ здѣсь объ этихъ таблицахъ и журналѣ „Сѣверномъ Архивѣ“ и потому, что къ нему помѣщены въ Историческо-юридическомъ Архивѣ г. Калачова (кн. 1, 2 и 3) равно какъ и къ издававшимся съ 1822 по 1830 г. Свинымъ „Отечественнымъ Запискамъ“, покойнымъ А. Н. Афанасьевымъ въ высшей степени отчетливыя и интересныя указатели, въ которыхъ, между прочимъ, подробно означены какїя именно статьи относятся до Орловской губерніи въ обонхъ упомянутыхъ журналахъ.

Сообщаемыя нами свѣдѣнїа могутъ служить указанїемъ какъ близко Н. В. Калачовъ и Археологическій Институтъ принимаютъ къ сердцу дѣятельность орловской ученой архивной Комиссїи и какъ горячо они желаютъ ея преуспѣянїа, въ чемъ впрочемъ, судя по тѣмъ благоприятнымъ условїямъ, при которыхъ она открылась и при тѣхъ и обширныхъ работахъ, которыя предназначили себѣ ея члены, нельзя и сомнѣваться.

Слушатель Института, кандидатъ правъ П. Мясниковъ.

Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Тамбовской ученой архивной Коммиссіи въ 1884 г.

Циркулярное предложеніе г. Министра Внутреннихъ дѣлъ по открытію губернскаго Историческаго архива и ученой архивной Коммиссіи въ Тамбовѣ было получено Тамбовскимъ губернаторомъ барономъ А. А. Фредериксомъ 6-го мая 1884 года и распубликовано въ Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 16-го іюня того же года (№ 10). Это было первымъ призывомъ мѣстной интеллигенціи къ плодотворной дѣятельности на научной почвѣ для ея губерніи по части археологіи. Но самыя засѣданія архивной Коммиссіи были открыты г. начальникомъ губерніи уже 12-го іюня, причеиъ на первое засѣданіе были приглашены тѣ лица, которыя имѣли уже нѣкоторый опытъ въ архивныхъ занятіяхъ и потому приняли правительственный призывъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Слѣдовавшія за тѣмъ засѣданія Коммиссіи состоялись 13-го іюня, 3-го ноября и 8-го января, 1885 г. Въ первомъ изъ нихъ, 12-го іюня, происходили выборы предсѣдателя, товарища его и правителя дѣлъ и постановлены нѣкоторыя общія основанія относительно помѣщенія, приглашенія къ занятіямъ въ архивахъ и выработки программы этихъ занятій. Во второмъ засѣданіи сенаторъ Калачовъ, въ произнесенной имъ рѣчи, выяснилъ собранію цѣль и значеніе губернскихъ ученыхъ коммиссій и указалъ на то какъ многіе документы, интересные въ научномъ отношеніи и важныя въ практической жизни, уничтожаются, не только случайно, но и по распоряженію губернскихъ властей за неизбѣиномъ мѣста для нихъ храненія, почему впоследствии уже нельзя будетъ ничѣмъ вознаграждать такую утрату. При этомъ г. Калачовъ остановился на необходимости

устроить хорошее помѣщеніе для имѣющихъ выдѣляться членами комиссіи изъ истинныхъ архивовъ научныхъ документовъ съ тою цѣлью, чтобы оставить ихъ на вѣчное храненіе въ Тамбовскомъ Историческомъ архивѣ. Такое помѣщеніе признано удобнымъ устроить въ 3-мъ этажѣ зданія Публичной бібліотеки, прибавивъ къ имѣющемуся въ средній надъ 2-мъ этажемъ залу еще два боковые зала обширныхъ размѣровъ. А какъ при этомъ Н. В. Калачовъ сообщилъ Комиссіи, что Археологическій Институтъ можетъ чрезъ одного изъ своихъ членовъ доставить потребную для означенныхъ устройствъ сумму, то архитекторъ Карапетовъ предложилъ представить свои соображенія по предстоящимъ для того работамъ и ихъ стоимости. Относительно же архивныхъ занятій положено приступить прежде всего къ разбору столбцовъ и бумагъ, находящихся въ архивѣ Тамбовскаго Окружнаго Суда, которые заключаютъ въ себѣ богатые для науки матеріалы бывшаго Шацкого архива; и предсѣдатель суда А. П. Муравьевъ выразилъ на это свое согласіе. Въ засѣданіяхъ 3-го ноября и 8-го ноября уже читались доклады и отчеты о первыхъ занятіяхъ.

Къ концу своего полугодоваго существованія Тамбовская ученая архивная комиссія имѣла слѣдующій составъ: непрѣмный попечитель комиссіи начальникъ губерніи баронъ Александръ Александровичъ Фредериксъ, предсѣдатель комиссіи, директоръ Бекатерининскаго института, Иванъ Ивановичъ Дубасовъ, товарищъ предсѣдателя — предсѣдатель Тамбовскаго окружнаго суда Арсеній Петровичъ Муравьевъ и правитель дѣлъ — преподаватель гимназіи Василій Васильевичъ Соловскій; члены комиссіи: законоучитель реальнаго училища протоіерей Г. В. Хитровъ, управляющій государственными имуществами Тамбовской губерніи А. К. Горецкій, директоръ гимназіи І. Ѳ. Тихій, исправляющій обязанности инспектора гимназіи Г. М. Холодный, преподаватель гимназіи М. П. Григоровскій, помощникъ класснаго наставника гимназіи А. И. Сатинъ, инспекторъ классовъ Александровскаго института благородныхъ дѣвицъ К. Р. Вернандеръ, исправляющій должность директора реальнаго училища В. А. Заринскій, старшій нотаріусъ Окружнаго суда М. Г. Розановъ, бывший городской голова Д. И. Тимофѣевъ, предсѣдатель Тамбовской губернской земской управы Д. В. Вышеславцевъ, исполняющій обязанности инспектора Тамбовской духовной семинаріи Д. Н. Астровъ, завѣдующій 4-мъ

приходскимъ училищемъ Н. В. Быстровъ, архитекторъ А. И. Карапетовъ, врачъ Н. А. Покровский, священникъ Крестовоздвиженской церкви въ г. Козловъ А. Л. Лебедевъ, бывшій преподаватель гимназіи Ѡ. П. Пацюковъ, бывшій штатный смотритель Козловскаго уѣзднаго училища П. И. Пискаревъ, землевладѣлецъ изъ Елатвы Л. С. Снитко, кандидатъ правъ А. И. Мирославскій, помѣщикъ Н. В. Елагинъ, преподаватель Екатерининскаго института П. А. Дьяконовъ, директоръ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи Д. В. Ильченко, бібліотекаръ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ И. Ѡ. Токмаковъ и начальникъ 1-го и 2-го отдѣленій архива министерства юстиціи тамъ же И. Н. Николевъ. Изъ этихъ членовъ нѣкоторые успѣли уже пріобрѣсти извѣстность по разработкѣ мѣстной исторіи. Такъ, не приводя здѣсь трудовъ г.г. Токмакова и Николаева, такъ много и усердно работающихъ въ своихъ архивахъ, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующія изданія и статьи мѣстныхъ дѣятелей: предсѣдатель комиссіи И. И. Дубасовъ издалъ „Очерки Тамбовскаго края“ (3 выпуска) и кромѣ того помѣстилъ много замѣтокъ и статей въ Русскомъ Архивѣ, Русской Старинѣ и въ Историческомъ Вѣстникѣ; Г. М. Холодный напечаталъ въ Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ: „Матеріалы для исторіи Тамбовской гимназіи“; „Тамбовское главное народное училище съ 1786 г. по 1825 г.“ и „Тамбовскій край въ концѣ XVIII ст.“; М. Г. Розановъ въ той же газетѣ помѣстилъ: „Переписку по поводу открытія Тамбовской губерніи“; „Число питейныхъ заведеній въ Тамбовской губерніи сто лѣтъ назадъ“; „Дѣло о покушеніи на поджогъ города“ и „Матеріалы Тамбовской губернской ученой архивной комиссіи“; онъ же кромѣ того приготавливаетъ статью изъ исторіи Тамбовскаго края первой половины XVIII ст.; Г. В. Хитровъ напечаталъ въ 1861 г. „Историко-статистическое описаніе Тамбовской епархіи“; въ 1876 г. въ памятной книжкѣ Тамбовскаго статистическаго комитета — статью о замѣчательныхъ храмахъ въ Тамбовской епархіи, и въ 1883 г. по консисторскому архиву написалъ „Краткое изслѣдованіе о движеніи, характерѣ и числѣ сектантовъ въ Тамбовской губерніи“.

Для устраненія недоразумѣній, могущихъ возникнуть при архивныхъ розысканіяхъ, всѣ члены ученой Комиссіи получили открытые листы на право посѣщенія и занятій во всѣхъ архивахъ въ губерніи, и кромѣ того разосланы по уѣздамъ приглашенія къ разнымъ лицамъ быть корреспондентами Комис-

сін, которыхъ также снабдили открытыми листами. Не довольствуясь этимъ, Комиссія впоследствии на страницахъ мѣстнаго органа печати и въ отдѣльныхъ экземплярахъ сдѣлала слѣдующую публикацію съ цѣлью того же расширения своей дѣятельности: „Высочайше учрежденная Тамбовская ученая архивная Комиссія обращается ко всѣмъ любителямъ родной старины съ покорнѣйшею просьбою подѣлиться съ нею своими семейными документами, архивами, учеными и другими коллекціями, которые могли бы быть помѣщены на храненіе въ имѣющихъ быть открытыми въ Тамбовѣ Историческомъ Архивѣ и Музеѣ. Въ случаѣ несогласія на это, Комиссія будетъ признательна, если по крайней мѣрѣ ей позволятъ снять копін документовъ, сдѣлать описанія и снимки съ этихъ предметовъ древности“. Такое воззваніе было весьма цѣлесообразно и принесло свои плоды, какъ увидимъ ниже.

Выборъ архива „бывшей провинціальной канцеляріи“ въ г. Шацкѣ для первой, такъ сказать, пробной дѣятельности Комиссіи оказался весьма удачнымъ. Не вынося документовъ изъ помѣщеній Окружнаго суда, члены Комиссіи, съ разрѣшенія г. Предсѣдателя суда, приступили въ отведенныхъ для нихъ двухъ залахъ къ занятіямъ 14-го іюня, т. е. на третій день открытія Комиссіи или на другой день послѣ перваго общаго собранія, и, руководимые опытнымъ въ архивномъ дѣлѣ предсѣдателемъ комиссіи И. И. Дубасовымъ, энергично продолжали ихъ до 20-го сентября, когда въ неотопляемыхъ комнатахъ стало невозможно заниматься. За это время ими просмотрѣны были дѣла съ 1502 г. по 1797 г. включительно и изъ нихъ отобрано для храненія 369. Содержаніе этихъ дѣлъ на столько богато, что и нельзя было не предаться этому новому для большинства членовъ труду съ увлеченіемъ. Преобладающее число оставленныхъ документовъ касается постепеннаго заселенія этого края русскимъ элементомъ и раздачи свободныхъ земель разнымъ лицамъ, главнымъ образомъ изъ мордвы и татаръ, и въ такихъ документахъ, кромѣ того, заключаются богатѣйшія данныя для географіи края. На основаніи этого архива имѣется возможность прослѣдить въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію обрусѣнія здѣшней мѣстности и вообще наши отношенія къ инородческому населенію, представляющія нѣкоторыя особенности: тутъ, напримѣръ, упоминается „что попъ или протопопъ“ креститъ насильно цѣлую мордовскую деревню, или какой-нибудь солдатъ придирается къ поселянамъ, замѣтивъ у нихъ языческіе обряды; тамъ двѣ

новокрещенныя деревни дерутся между собою, а еще въ другомъ селеніи крестьянъ обирають и притѣсняють мѣстные чиновники, или же и сами они насильно завладѣвають землею и разными угодами своихъ же соплеменниковъ. Довольно обширный отдѣлъ документовъ относится къ переписи и ревизіи крестьянъ, ихъ дворовъ и земель, къ сборамъ съ нихъ деньгами или натурой, и къ оброчнымъ статьямъ. Много свѣдѣній о мѣстной промышленности: заводахъ, разведеніи табаку, выдѣлкѣ потапа, о пчеловодствѣ и проч., также объ урожаѣ хлѣба и цѣнахъ на него, о ярмаркахъ, путяхъ сообщенія, о положеніи крестьянъ, ихъ бунтахъ и бѣгствахъ. Есть много характерныхъ указаній на нравственный міръ мѣстнаго населенія: нерѣдко встрѣчаются жалобы цѣлаго поселенія, даже цѣлаго уѣзда, на невозможность жить отъ взяточничества и грабежей чиновныхъ людей; тамъ засѣли въ большомъ числѣ разбойники и совершаютъ систематическіе грабежи съ убійствами по селамъ и дорогамъ, а рядомъ между мирными обитателями идутъ поджоги, убійства, насилия и воровства: послѣднее доходило до такихъ удивительныхъ размѣровъ, что разъ, напр., въ одной деревнѣ были сняты и увезены всѣ колокола съ колокольни. Мѣстное начальство въ лицѣ своихъ представителей простираетъ свои заботы о сохраненіи лѣсовъ, о пресѣченіи распространенія прилипчивыхъ болѣзней и тутъ же оно преслѣдуетъ купцовъ „за неимѣніе чистоты“, т. е. „за ношеніе бороды и неуказаннаго платья.“ Однажды появилась здѣсь (въ 1766 г.) „высокая персона“ — бѣглый солдатъ, развѣзжавшій по разнымъ мѣстамъ и общавшій свободу отъ подушныхъ податей и рекрутчины на двѣнадцать лѣтъ. Погуляли по этому краю и Пугачевцы, оставивъ послѣ себя надолго слѣды пепла и крови; а затѣмъ идутъ страшно разорительныя для населенія розыски по этому дѣлу, тянувшіеся часто на много лѣтъ. Къ нашему перечню прибавимъ еще слѣдующее вѣрное замѣчаніе В. В. Соловскаго: „во многихъ бумагахъ, говорятъ онъ, не только яркими красками изображается общественная и семейная жизнь прежнихъ обитателей нашего края и его дѣятелей, но весьма часто упоминаются извѣстныя фамиліи, имѣющія и въ настоящее время своихъ представителей. Много разсѣяно свѣдѣній о состояніи торговли и промышленности въ Тамбовскомъ краѣ и есть драгоценныя указанія на поземельныя владѣнія; словомъ, отобранныя дѣла имѣютъ важное значеніе, заключаая въ себѣ свѣдѣнія въ бытовомъ, обще-

ственнымъ и юридическомъ отношеніяхъ“. Кажется, этихъ данныхъ изъ оставленныхъ на вѣчное храненіе дѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ томъ, какіе интересные и важные матеріалы хранятся въ лежавшихъ доселѣ нетронутыми архивахъ, а съ другой, — что выборка документовъ изъ архивной массы сдѣлана съ полнымъ пониманіемъ научнаго интереса и внѣ всякаго односторонняго увлеченія, къ несчастію довольно обычнаго въ этой области. Сверхъ того членомъ комиссіи П. И. Пискаревымъ снято 11 копій съ болѣе или менѣе интересныхъ бумагъ изъ Шацкаго же архива, которыя, въ силу своей важности, должны появиться на страницахъ мѣстнаго органа печати.

Казалось бы, что такая колоссальная работа всецѣло займетъ только что возникшую Комиссію: не легко, въ самомъ дѣлѣ, бороться съ трудностями чтенія разныхъ почерковъ, а тѣмъ болѣе разныхъ столѣтій, и при этомъ вникать въ содержаніе документа, часто сразу неудовимое. Къ величайшему удивленію, эта работа совершена была, какъ мы сказали, только въ два мѣсяца, и оставлена за неизмѣнимъ теплаго помѣщенія. Что касается до другихъ архивовъ, правитель дѣлъ В. В. Соловскій предложилъ членамъ Комиссіи раздѣлить между собою просмотръ описей документовъ и дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію въ уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ, въ томъ вниманіи, чтобы ни одно болѣе или менѣе интересное дѣло или документъ не были уничтожены. Этотъ трудъ взяли на себя: по Тамбовскому уѣзду Н. А. Покровскій, по Шацкому Д. Н. Астровъ, по Козловскому В. А. Заринскій, по Темниковскому М. П. Григоровскій, по Усманскому Н. В. Быстровъ. Къ какимъ результатамъ приводитъ работа въ этомъ направленіи, видно изъ сообщенія М. Г. Розанова о просмотрѣ имъ описей архивовъ губернскаго правленія и Кирсановскаго уѣзднаго полицейскаго управленія. Изъ 3691 дѣла перваго архива, съ 1864 по 1870 г. включительно, предназначенныхъ къ уничтоженію, М. Г. Розановъ отмѣтилъ по описи для передачи въ вѣдѣніе архивной комиссіи до 100 дѣлъ, а изъ второй описи, въ коей значится 2300 дѣлъ, онъ полагаетъ сохранить 193. Изъ этихъ дѣлъ нѣкоторыя имѣютъ первостепенную важность по своему содержанію: одни сообщаютъ о сектантахъ, другія о волненіяхъ между крестьянами по разнымъ поводамъ, о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, о благоустройствѣ города Тамбова и проч. Нѣсколько тюковъ съ

отмѣченными М. Г. Розановымъ въ храненію дѣлами высланы были въ Тамбовъ на имя предсѣдателя комиссіи изъ Кирсановскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, и тотъ же М. Г. Розановъ вмѣстѣ съ В. А. Заринскимъ, Н. В. Быстровымъ и П. А. Дьяконовымъ тотчасъ приступили къ разсмотрѣнію и описи ихъ. Просмотромъ описи подлежащимъ уничтоженію производствамъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія занимался Н. В. Быстровъ; но на его долю выпали главнымъ образомъ отпуски должностнымъ лицамъ, посредникамъ, волостнымъ старшинамъ и проч., переписка о выдачѣ жалованья или по поводу какихъ-либо недоразумѣній при введеніи въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ и т. д., вслѣдствіе чего онъ не указалъ ни одного дѣла, которое бы заслуживало вниманія архивной Комиссіи. Не можемъ однако при этомъ не замѣтить, что производства по недоразумѣніямъ, возникавшимъ при введеніи въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ не должны быть уничтожаемы безъ весьма строгаго разбора: въ нихъ нерѣдко попадаются данныя, рисующія отношенія между помѣщиками и крестьянами, а также тогдашнее положеніе тѣхъ и другихъ, на которыхъ и въ то уже время правительство не признало возможнымъ не остановиться и которыя по этому самому имѣютъ большее или меньшее значеніе въ исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Кромѣ поименованныхъ архивовъ существуетъ въ Тамбовѣ и уѣздныхъ городахъ этой губерніи много другихъ архивовъ, которые также ожидаютъ своихъ дѣателей. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны архивы Духовной Консисторіи, Окружнаго суда, Губернскаго правленія, Нотариальныя, Управъ Губернской земской и Городской, Губернской гимназій, Духовной семинаріи, въ Козловѣ — архивъ бывшаго Духовнаго правленія и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ — архивы Городскихъ и Уѣздныхъ земскихъ управъ.

За казенными архивами, безъ сомнѣнія, должна тоже обращать на себя вниманіе крупная серія архивовъ и отдѣльныхъ документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ уже есть прямыя данныя. Такъ Г. М. Холодный заявилъ Комиссіи о существованіи богатаго стариннаго архива у дѣйствительнаго статскаго совѣтника К. А. Болдырева, въ селѣ Воронцовкѣ, Тамбовскаго уѣзда. Вслѣдствіе этого Комиссія постановила „просить владѣльца этого архива подѣлиться своимъ

богатством съ Тамбовской архивной комиссіей или позволить кому либо изъ ея членовъ ознакомиться съ его архивомъ и составить подробную опись его бумагъ“. Въ іюлѣ 1884 г. М. Г. Розанову пришлось пересмотрѣть фамильный архивъ графини Сухтеленъ, находящійся въ ея имѣніи, селѣ Вольшомъ Шереметевъ, Моршанскаго уѣзда. Архивъ этотъ состоитъ главнымъ образомъ изъ бумагъ графовъ Петра Корниловича (генераль-инженеръ при Императорѣ Александрѣ I-мъ) и Константина Петровича Сухтеленъ: здѣсь дѣловыя и частныя переписки, дневники, мемуары, проекты, записки о разныхъ предметахъ, преимущественно по инженерному дѣлу, чертежи и карты. Не меньшій интересъ представляетъ ихъ прекрасное собраніе автографовъ XVIII и начала XIX столѣтій. Пользуясь любезностію владѣльцы, М. Г. Розановъ отобралъ изъ этого архива небольшую часть бумагъ и передалъ въ распоряженіе Комиссіи. Стараніями тогоже М. Г. Розанова открыто существованіе цѣлаго шкапа съ старинными бумагами у члена комиссіи Н. В. Елагина, который и обѣщалъ доставить ихъ сполна будущимъ лѣтомъ въ Тамбовскій историческій архивъ. Другой членъ, Р. П. Ситовскій, принесъ въ даръ для того же архива дорожную 1825 г. и письмо Императрицы Екаторины II-й къ Станиславу Августу о рожденіи великаго князя Константина Павловича.

Сверхъ старинны документальной, хранящейся въ архивахъ правительственныхъ и частныхъ лицъ, члены Комиссіи простерли свои заботы и на другаго рода древности. Такъ въ послѣднихъ числахъ іюля доставлены были въ Тамбовъ Мельгуновскимъ волостнымъ правленіемъ два камня, съ изображеніемъ на одномъ изъ нихъ фигуры человѣка. Они выпаяны были плугомъ изъ кургана, имѣвшаго до $1\frac{1}{2}$ арш. вышины и до 10 саж. въ окружности, въ имѣніи Саратовскаго вице-губернатора, г. Куровскаго, въ 2 верстахъ отъ села Политова и въ верстѣ отъ рѣчки Витюка. Каменная баба, по свидѣтельству крестьянъ, находилась въ стоячемъ положеніи, а другой камень служилъ ей подставкой. Мѣстный приставъ произвелъ раскопку этого кургана на глубинѣ болѣе 4 аршинъ, но ничего особеннаго что бы объяснило выпаянные изъ земли камни, не нашелъ. Изъ собранныхъ же отъ крестьянъ преданій оказалось, что въ этой мѣстности никогда не находили подобныхъ камней, ни другихъ какихъ либо вещей, что назадъ тому лѣтъ 200 или болѣе тутъ была глухая степь, въ которой обитали

кочевые народы, преданные идолопоклонству и баба эта была ихъ кумиромъ, который они зарыли въ землю по случаю какого либо поспѣшнаго отсюда бѣгства. Первымъ колонизаторомъ этихъ мѣстъ былъ помѣщикъ села Большой Талинки Политовъ, который лѣтъ 100 назадъ перевелъ сюда крестьянъ и образовалъ такимъ образомъ поселеніе Политово, переименованное впоследствии въ село. Оба эти камня въ настоящее время находятся въ Тамбовскомъ полицейскомъ управленіи и будутъ впоследствии перенесены въ музей. Здѣсь прилагается фотографическое изображеніе верхняго изъ нихъ, съ вырѣзанными въ камнѣ очертаніями лица и рукой.

Можно быть увѣреннымъ, что это не послѣдняя находка въ своемъ родѣ и преданія съ нею далеко не исчерпаны. А сколько въ Тамбовскомъ краѣ, когда-то населенномъ Скифами, Сарматами, Мордвою, Мещерою и другими частію забытыми, частію невѣдомыми племенами, существуетъ такихъ памятниковъ глубокой старины, какъ городища, кладовня горы, курганы, древнія урочища и могилы и рядомъ съ ними слышатся опять живныя, часто весьма правдивыя преданія? и все это, повторимъ снова, также ждетъ своихъ изслѣдователей... Одно изъ городищъ въ Спасскомъ уѣздѣ, около села Ширингушь, было очень недавно тщательно осмотрѣно И. И. Дубасовымъ. Окруженное двумя рядами рововъ, оно по внѣшнему виду представляется высокою площадью въ формѣ неправильнаго круга сажень 80 длины и сажень 60 ширины. Въ серединѣ его находится воронкообразное углубленіе, а съ двухъ сторонъ два глубокихъ оврага, которые сходятся на югозападѣ подъ угломъ, съ восточной же стороны прорытъ искусственный оврагъ. Относительно этого городища существуютъ разныя преданія у живущей по близости мордвы. По одному изъ нихъ, тутъ жилъ король Зильбей Васильевичъ съ 17 тысячами воиновъ: беспощадными грабежами окрестныхъ городовъ, селъ и даже монастырей онъ нажилъ себѣ огромное состояніе, такъ что одного золота у него было 40 бочекъ. Побѣжденный царскимъ войскомъ, онъ былъ отведенъ въ Казань, гдѣ, вѣроятно, былъ преданъ смертной казни. По разсказу другаго мордвина, Зильбей жилъ гдѣ-то дальше, а тутъ было жилище послѣдняго мордовскаго князя Тюштана, который обладалъ чудесною трубою и заклиалъ лягушекъ въ сосѣднемъ озерѣ Шатровѣ, получившемъ названіе отъ мѣста его стоянки. Онъ оборотился въ сороку и улетѣлъ; но оставляя своихъ мордви-

новъ, подарилъ имъ свою трубу, которая издаваемыми ею звуками, при посредствѣ вѣтра, должна напоминать имъ, что его духъ еще живетъ между ними. Третье преданіе говоритъ о семи братьяхъ Кудеярахъ, которые хотя и жили разбойнымъ промысломъ, но любили бѣдныхъ и помогали имъ; ихъ богатство въ золотѣ все лежитъ теперь въ соседней кладовой горѣ, закладное, и потому никому не дается. Когда чрезъ недѣлю И. И. Дубасовъ завернулъ сюда въ другой разъ, то крестьяне, какъ старые знакомые, приняли дѣятельное участіе въ розысканіи того мѣста, гдѣ, по ихъ словамъ, были „королевскія хоромы.“ Тогда же они ему сообщили, что на этомъ городищѣ находили разныя вещи: мѣдную посуду, разное оружіе, каменные молотки, топоры и деньги. Однажды нашли даже кувшины и горшки, а въ нихъ были маленькіе пироги съ капустой; „только какъ притронулись къ этимъ самымъ пирогамъ, они и рассыпались.“ Отъ этихъ добродушныхъ крестьянъ И. И. Дубасовъ получилъ найденный здѣсь небольшой каменный молотокъ, желѣзный топоръ продолговатой и узкой формы съ круглымъ отверстіемъ для топорнища, копье и пряжку съ мѣдными и серебряными украшеніями. — Въ прошлое лѣто Коммиссія получила свѣдѣніе чрезъ губернатора барона А. А. Фредерикса, — оказывающаго постоянное содѣйствіе Коммиссіи своимъ вліяніемъ и средствами, — отъ жителя Добринской волости, Лебединскаго уѣзда, М. И. Штейна, что на берегу рѣки Матеры въ землѣ, на глубинѣ трехъ аршинъ, нашли хорошо сохранившійся срубъ жилой избы. Не входя въ подробное изслѣдованіе этой находки, Коммиссія постановила просить г. Штейна собрать мѣстныя преданія объ открытомъ срубѣ, составить подробное описаніе мѣстности и общаго вида постройки и, если можно, сдѣлать съ него снимокъ. Съ своей стороны, членъ Коммиссіи (врачъ) Н. А. Покровскій сообщилъ членамъ о двухъ, бывшихъ въ томъ краѣ, ужасныхъ преступленіяхъ — убійствѣ семейства Петровыхъ Рябушкиными и убійствѣ семейства Жемарина гимназистомъ Горскимъ. „Прошло почти два десятка лѣтъ съ того времени, заявлялъ г. Покровскій, и однако я обращаю вниманіе архивной коммиссіи на то, чтобы сохранить слѣды этихъ выдающихся дѣлъ; я полагаю бы 1) вытребовать дѣло Горскаго для храненія въ нашемъ архивѣ и 2) разрѣшить вырыть три скелета убійцъ семейства Петровыхъ, растрѣянныхъ и зарытыхъ въ Инвалидной. Приобрѣтеніе скелетовъ необходимо и для научныхъ цѣлей: точное измѣреніе че-

реповъ могло бы подтвердить или опровергнуть связь, доказываемую новыми психіатрами (наприм. Lombroso) между величиной мозга, строеніемъ черепа и преступленіемъ“. По поводу этого заявленія постановлено: обратиться къ директору Археологическаго Института съ просьбою исходатайствовать у г. министра внутреннихъ дѣлъ позволеніе произвести раскопку могилы; а производство обонхъ дѣлъ просить предсѣдателя Окружнаго Суда передать на храненіе въ историческій архивъ.

Коммиссія не ограничивается впрочемъ въ своей дѣятельности тѣмъ, что находится въ предѣлахъ Тамбовской губерніи: для пополненія своихъ свѣдѣній она завела сношенія съ таковыми же коммиссіями въ Твери, Орлѣ и Рязани, разославъ имъ краткія сообщенія объ отобранныхъ ею дѣлахъ и получая отъ нихъ свѣдѣнія объ ихъ занятіяхъ. Не закрыты для этихъ дѣлателей и такіе драгоценные источники для исторической науки, какъ центральные архивы въ Москвѣ: они могутъ отсюда получать въ копіяхъ дѣла, относящіяся до Тамбовской старины, при посредствѣ избранныхъ ими, какъ упомянуто выше, въ свои сочлены: бібліотекаря главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ И. О. Токмакова и начальника отдѣленія архива министерства юстиціи въ Москвѣ И. Н. Николаева. Для той же цѣли ѣздилъ въ Москву въ январѣ мѣсяцѣ И. И. Дубасовъ, который нашелъ въ тамошнемъ архивѣ министерства юстиціи отписки первыхъ Тамбовскихъ воеводъ въ длиннѣйшихъ столбцахъ, въ архивѣ иностр. дѣлъ — статистическіе списки, составленные разными мѣстными властями, а въ Румянцевскомъ музеѣ нѣсколько документовъ относительно крещенія мордвы при извѣстномъ архипастырѣ Мисаилѣ, убитомъ Мордвою въ окрестностяхъ села Конобѣва. Кроме того для будущаго историческаго архива приобрѣтаются рѣдкіе экземпляры старинныхъ печатныхъ книгъ; ихъ собраніе теперь еще не велико, но и оно уже въ извѣстной мѣрѣ можетъ заинтересовать любителей старой письменности. Таковы между прочимъ найденные г. Дубасовымъ въ бібліотекѣ минеральныхъ водъ въ Липецкѣ: „Atlas des enfans“, амстердамское изд. 1760 г. и „Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старня и новня географіи Ягана Гибнера, переведенное съ нѣмецкаго языка на русскій въ 1719 г.“ Обѣ эти книжки въ свое время пользовались извѣстностію, хотя заключающіяся въ нихъ географическія свѣдѣнія о Россіи полны поразительнаго невѣжества. — Членъ Д. В. Ильченко принесть

въ даръ академической атласъ Россійской имперіи за 1745 г., а Ю. А. Ознобишинъ — двѣ книги извѣстнаго типографа, переводчика и писателя времени Екатерины II — И. Г. Рахманинова. Про сего послѣдняго г. Ознобишинъ сообщаетъ, что у него была, въ Петербургѣ, типографія, которому онъ перевезъ въ свое имѣніе — село Казинку, Козловскаго уѣзда; но, по злонамѣренному доносу, ее опечатали вмѣстѣ съ найденными въ ней 5,205 экземплярами разныхъ сочиненій; въ 1797 г. она и всѣ бывшія въ ней книги сгорѣли. Наконецъ для того же архива сенаторъ Н. В. Калачовъ прислалъ въ даръ, въ количествѣ 77 книгъ, нѣкоторыя изъ своихъ изданій и изъ изданій Археологическаго Института и Академіи Наукъ.

Тамбовскій музей, хотя еще и не имѣющій постояннаго помѣщенія, тѣмъ не менѣе растетъ, благодаря заботамъ членовъ ученой Комиссіи. Кроме вышеуказанной каменной бабы, сюда за послѣднее время поступило много другихъ предметовъ, такъ что уже образовались слѣдующіе отдѣлы будущаго музея: рукописный, отдѣлъ живописи, музизматическій, палеонтологическій; готовится еще отдѣлъ по этнографіи и минералогіи.

Важнымъ пособіемъ для научныхъ занятій молодаго общества археологовъ служитъ мѣстная Публичная бібліотека, состоящая изъ 3989 названій книгъ и находящаяся въ вѣдѣніи особаго комитета. Она помѣщается въ отдѣльномъ зданіи, которое носитъ ея имя, но такъ, что бібліотека занимаетъ въ немъ второй этажъ, а первый этажъ и подвалъ отданы въ арендное содержаніе коннозаводскому собранію ⁽¹⁾. Въ этотъ-то зданіи, въ третьемъ этажѣ, дѣлаются къ существующему въ серединѣ надъ вторымъ этажемъ залу пристройки съ обѣихъ сторонъ для помѣщенія во всемъ надстроенномъ этажѣ Историческаго архива съ бібліотекою и музеемъ и для

⁽¹⁾ Считаемо полезнымъ познакомить читателей съ интереснымъ въ своемъ родѣ началомъ Тамбовской Публичной Библіотеки: она возникла по соглашенію нѣсколькихъ любителей просвѣщенія, которые, составивъ «Компанію на акціяхъ», построили каменный для бібліотеки домъ и приобрѣли потребныя книги для чтенія, не только легкаго, но и серьезнаго, съ тѣмъ, чтобы на получаемыя отъ читателей деньги покрывать расходы по дому и бібліотекѣ, когда же такой доходъ оказался крайне недостаточнымъ, то стали отдавать для той же цѣли въ постоянный наемъ нижній этажъ зданія, и подъ временныя концерты и собранія также второй этажъ. Впрочемъ домъ и бібліотека существуютъ уже нѣсколько десятилѣтій и въ настоящее время почти всѣ акціонеры, кромѣ двухъ или трехъ, неизвестны и не заявляютъ своихъ правъ, почему бібліотека находится, какъ сказано выше, въ вѣдѣніи особаго Городскаго комитета.

засѣданій Комиссіи; новый этажъ еще не готовъ, но усердный членъ Археологическаго Института М. В. Соловьевъ, жертвующій значительныя средства на скорѣйшую отстройку и приспособленіе новыхъ залъ для научныхъ занятій, предполагаетъ съ ранней весны продолжать работу и уже осенью нынѣшняго года Комиссія должна совсѣмъ устрониться въ своемъ новомъ помѣщеніи.

Не можемъ въ заключеніе не замѣтить, что совершенная необеспеченность Тамбовской ученой Комиссіи значительно тормозитъ усилія ея членовъ: нѣтъ у нихъ средствъ не только на поѣздки съ научною цѣлью, на раскопки, на перевозку разныхъ предметовъ древности, но даже на снимки копій въ достаточномъ количествѣ въ мѣстныхъ и центральныхъ архивахъ и на изготовленіе описей и ихъ дубликатовъ, нѣбующихъ храниться въ Археологическомъ Институтѣ; на этомъ учрежденіи и лежитъ поэтому обязанность ближайшаго содѣйствія Тамбовской архивной Комиссіи.

Слушатель Института, кандидатъ историческихъ наукъ Н. Ильиновій.

НОВОСТИ И ВѢСТИ.

Адресъ Археологическаго Института Археографической Комиссіи по случаю ея пятидесятилѣтія и отзывъ Комиссіи (1).

Въ день празднованія Археографическою Комиссіею пятидесятилѣтія со времени ея учрежденія, Археологическій Институтъ, преподающій въ своихъ стѣнахъ основы палеографіи и другихъ свѣдѣній о русскихъ древностяхъ, радостно привѣтствуетъ своего старшаго собрата, уже обогатившаго науку важными по этой части изданіями, съ горячимъ ему пожеланіемъ такой же славной дѣятельности и на будущее время. Въ ознаменованіе же своего духовнаго единенія съ Комиссіею, Совѣтъ Института 2-го января сего 1885 года избралъ въ почетные его члены, за оказанныя наукѣ заслуги: предсѣдателя Комиссіи Владиміра Павловича Титова и членовъ ея: Ариста Аристовича Куника, Николая Ивановича Костомарова, Аскалона Николаевича Труворова, Василія Григорьевича Васильевского и Алексѣя Степановича Павлова.

Подписали: Директоръ Института Николай Калачовъ.

Члены совѣта: А. Вычковъ, И. Андреевскій, П. Саввантовъ, И. В. Ягичъ,
А. Д. Галаховъ, Н. Султановъ, Д. Проворовскій.

Секретарь Совѣта, профессоръ Института Н. Покровский.

Секретарь Института А. Яценскій.

---

(1) Празднованіе пятидесятилѣтія Археографической Комиссіи происходило 8-го января 1885-го года, въ который исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени ея перваго засѣданія въ 1835-мъ году. Главнымъ дѣятелемъ по снаряженію сначала Археографической Экспедиціи а впоследствии душою и двигателемъ Комиссіи былъ, какъ извѣстно, долгое время незабвенный президентъ Академіи Наукъ графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ.

На этот адрес Археографическая Коммиссія, препровождая Институту отчетъ о ея торжественномъ публичномъ собраніи 8-го января, почтила его слѣдующимъ отзывомъ своей признательности:

Археографическая Коммиссія съ особеннымъ удовольствіемъ приняла поздравленіе по случаю своего пятидесятилѣтія, присланное ей Археологическимъ Институтомъ. Она признаетъ себя счастливою, что трудами своими содѣйствовала успѣшному развитію археологическихъ знаній въ нашемъ отечествѣ и видя въ этомъ свою связь съ Археологическимъ Институтомъ, считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ высказать ему свою глубокую признательность за выраженное ей сочувствіе.

Предсѣдатель В. Титовъ.

Сверхъ того В. П. Титовъ отнесся къ Н. В. Калачову съ особымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ благодаритъ за „отмѣнно лестный“ для него выборъ въ почетные члены Археологическаго Института и выражаетъ въ лицѣ его, какъ директора, „всему Институту вполне заслуженную признательность, въ добавокъ неизмѣннаго, сочувственнаго уваженія къ полезнымъ трудамъ и благому примѣру, которые заявляютъ Институтъ постоянно продолжаетъ подъ его руководствомъ“.

Старинныя монеты, принесенныя въ даръ Музею Института почетными его членами М. В. Соловьевымъ (№№ 1 — 18 и 24) и Ф. К. Глумовымъ (№№ 19 — 22)⁽¹⁾.

№ 1. Диргеи Саманидскаго эмира Исмаила бенъ Ахмеда, битый въ Шашѣ въ 294 г. гиджры при аббасидскомъ халифѣ Аль Моктефи Виллахъ. R.

№ 2. Диргеи Саманидскаго эмира Ахмеда бенъ Исмаила, битый въ Шашѣ въ 294 году гиджры старымъ реверснымъ штемпелемъ при аббасидскомъ халифѣ Аль Моктадеръ Виллахъ. R.

⁽¹⁾ Для лицъ мало знакомыхъ съ условными знаками, употребляемыми при описаніи монетъ, считаемъ нужнымъ пояснить, что монеты серебряныя означены знакомъ R, а золотыя знакомъ N.

- № 3. Дирге́мъ того же эмира, битый въ Самаркандѣ въ 299 г. гиджры при томъ же халифѣ. Ж.
- № 4. Дирге́мъ того же эмира, битый въ Шашѣ въ 300 г. при томъ же халифѣ.
- № 5. Монета Сефидскаго шаха Тагмаспа II, битая въ 1141 г. гид. въ Мешгедѣ. Ж.
- № 6. Монета того же шаха, битая въ 1147 году тамъ же. Ж.
- № 7. Монета Мангитскаго эмира Хайдера, битая въ Бухарѣ послѣ его смерти въ 1248 г. гиджры. Ж.
- № 8. Монета Джучидскаго хана Золотой Орды Джанибека I, битая въ Гюлистанѣ. Годъ чеканки обрѣзанъ бортомъ. Ж.
- № 9. Монета того же хана, битая въ Новомъ Сараѣ въ 736 г. Ж.
- № 10. Монета того же хана, битая въ Сараѣ въ 74...г. Ж.
- № 11. Монета того же хана, битая въ Сараѣ. Годъ не видѣнъ. Ж.
- № 12. Другой экземпляръ той же монеты. Ж.
- № 13. Монета Джучидскаго хана Золотой Орды Узбека. Мѣсто чеканки и годъ стерты. Ж.
- № 14. Таже монета. Мѣсто чеканки и годъ стерты. Ж.
- № 15. Таже монета, битая въ Сараѣ въ 722 г. Ж.
- № 16. Монета Джучидскаго хана Золотой Орды Кулна, битая въ Новомъ Сараѣ въ 760 году. Ж.
- № 17. Монета Джучидскаго хана Золотой Орды Махмуда Хисръ Хана, битая въ Новомъ Сараѣ въ 761 г. Ж.
- № 18. Тенга Мингскаго хана Кокана Сенда Мухаммеда Худейра, битая въ Коканѣ въ 1269 г. Ж.
- № 19. Монета Афганскаго султана Индїи Аль Мостекфи Биллаха Сулеймана, битая въ Дели въ 744 г. гиджры (*ръдкая*). Ж.
- № 20. Квинарій Констанса II, битый въ Константинополѣ. Ж.
- № 21. Монета послѣдняго Венеціанскаго дожа Альвизо Мочениго. Ж.

№ 22. Второй экземпляр той же монеты.

А.

№ 23. Тимуридская монета, на которой имя султана, мѣсто чеканки и годъ стерлись.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

Восточныя монеты, принесенныя въ даръ Музею Археологическаго Института почетнымъ ея членомъ А. О. Розенбаумомъ.

Спѣшимъ сообщить, что музей Института обогатился значительнымъ количествомъ монетъ — серебряныхъ и мѣдныхъ — найденныхъ во время Скобелевскаго похода на текинцевъ, въ могилахъ около древнихъ кургановъ Ниссау, вблизи селенія Батыръ, въ 15 верстахъ къ западу отъ Асхабадъ. Монеты сохранились чрезвычайно хорошо и даютъ возможность передать весьма отчетливо содержаніе оттиснутыхъ на нихъ словъ и изображеній. При нихъ нашлись и два штемпеля, которыми монеты отчеканивались. Изъ этихъ монетъ три — двѣ троянскія и одна аббасидская — оказались неизданными. Ихъ рисунки и объясненіе будутъ даны въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ „Вѣстника“ вмѣстѣ со спискомъ всѣхъ монетъ, доставленныхъ г. Розенбаумомъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

При изученіи сравнительной археологіи⁽¹⁾ по предмету орудій каменнаго вѣка прекраснымъ пособіемъ можетъ служить недавно вышедшій въ свѣтъ сборникъ рисунковъ каменныхъ орудій, найденныхъ исключительно въ Казанскомъ уѣздѣ, подъ заглавіемъ: „Древнія каменные орудія, собранныя въ предѣлахъ Казанской губерніи В. И. Заусайловымъ“. Вып. I. Казань. 1884 г.

⁽¹⁾ См. I. Р. Аспелина: «О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ», въ Трудахъ IV Археологическаго съѣзда въ Россіи, въ 1877 г. Томъ I, Казань, 1884.

Одинъ бѣглый взглядъ на это собраніе и другія подобныя, какъ то Олонецкое⁽¹⁾, Тверское (изъ Вышневолоцкаго уѣзда, Подольской волости Млевскій Боръ) и Новгородское (изъ Валдайскаго уѣзда, Медвѣдицкой волости)⁽²⁾, а также и на собранія иностранныя, напр. Шведское⁽³⁾, даетъ понятіе о родствѣ типовъ, о степени развитія мѣстнаго производства и о различіи формъ однихъ и тѣхъ же орудій въ разныхъ мѣстахъ. Конечно издаваемое г. Заусайловымъ собраніе не будетъ заключать въ себѣ всѣхъ таковыхъ орудій Казанской губерніи, уже извѣстныхъ и разсѣянныхъ въ другихъ музеяхъ⁽⁴⁾, но оно само по себѣ, по богатству экземпляровъ и по достовѣрности мѣстонахожденія ихъ, для науки драгоцѣнно.

Одни изъ орудій упоминаемыхъ въ сборникѣ остались неопредѣленными, другія же, повидимому, невѣрно названными. Не имѣя самыхъ предметовъ въ рукахъ, ни даже подробнаго ихъ описанія, мы все же рѣшаемся, судя по рисункамъ, произнести свои догадки о нихъ.

№ 36 табл. V должно быть круглой формы тѣрка, въ дополненіе которой легко могла бы служить плита или точило изъ тальковаго кварцита, подобно изображенной на таблицѣ I, № 3 Олонецкихъ каменныхъ орудій.

№ 39 табл. VI можетъ быть клиномъ, ножомъ или скребницею для кожъ.

№ 56 табл. IX валѣкъ дѣйствительно неопредѣленнаго назначенія, можетъ быть цилиндръ, подготовленный для производства долота.

Орудія же подъ №№ 35 табл. V и 51 табл. VIII по всей вѣроятности должны быть не клинья а такъ называемые *нуклеусы*, т. е. конической формы небольшія глыбы кремня, отъ которыхъ извѣстною споровкою отбивались кремневые ножи.

---

(1) См. этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-востокъ Олонецкой губерніи. Слѣды каменнаго вѣка гл. III, въ Записк. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣлу Этнографіи. Т. III. Спб. 1873 г.

(2) Фотографическіе снимки съ каменныхъ орудій, найденныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ гг. К. А. Шапошиковымъ, кн. П. А. Путятинымъ и Е. М. Тимаевымъ.

(3) Os. Montellus. Om lifvet i Sverige under hednatiden. Stockholm. 1873 г.

(4) Опись предметамъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ музей Археологическаго Института, составленная Е. М. Тимаевымъ и П. С. Яковлевымъ въ изданіи: Собраніе предметовъ древностей въ Археологическомъ Институтѣ. Вып. I, С.-Петербургъ, 1880 г.

Въ заключеніе выскажемъ нѣкоторыя наши пожеланія.

Любители доисторической древности были бы очень благодарны, если бы рисунки были иллюминированы красками, соответствующими цвѣту каменныхъ орудій.

При опредѣленіи названій орудій необходимо прибавлять къ нѣкоторымъ изъ нихъ, именно съ гладкими поверхностями, полированы ли они или же частію полированы.

Полезно было бы при наименованіи орудія обозначать мѣру его длины, ширины и высоты въ сантиметрахъ и миллиметрахъ.

Въ случаѣ, если благопріятныя обстоятельства позволятъ издать карту распредѣленія каменныхъ орудій по Казанской губерніи, мы не можемъ не предложить, при изданіи ея, воспользоваться положеніями, изложенными въ запискѣ Д. Анучина: „Къ вопросу о составленіи легенды для Археологической карты Россіи“ (по доисторической археологіи), изд. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ (1).

При будущихъ личныхъ раскопкахъ и нахожденіи крупныхъ каменныхъ орудій необходимо разнскивать, по близости ихъ, и мелкія орудія, какъ то кремневые ножи, пилочки, скребницы а также и фигурные кремни, съ очертаніями профилей человѣческаго лица или фигуръ животныхъ (2).

При раскопкахъ кургановъ, желательно, чтобы было обращено вниманіе на присутствіе или отсутствіе обивныхъ камней на самой вершинѣ кургана, тотчасъ подъ растительнымъ слоемъ и замѣчено въ какомъ они положеніи. Подобные камни въ числѣ трехъ были найдены, стоймя поставленные, въ среднѣй вершинѣ кургановъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ мѣстности называемой „Млевскій Боръ“. Они величиною въ 3, 4, 5 вершковъ, одинъ призматической формы, другой формы возрастающаго полулунія

---

(1) По нашему мнѣнію, находки орудій каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ, подъ буквами К. Б. Ж., могутъ быть все вмѣстѣ нанесены на одну карту; находки же монетъ восточныхъ и западныхъ разныхъ династій подъ литерами В. З., необходимо должны быть нанесены на отдѣльную карту.

(2) См. статью Новыя открытія въ области доисторической археологіи, дополненную извлеченіями изъ рѣчи г. Шапошникова, читанной въ Археологическомъ Институтѣ, въ журн. «Мысль», май, 1881 г. Также *Neue Funde auf dem Gebiete Vorhistorischer Archaeologie*, Russ. Revue, Band XVIII, S.-Petersburg, 1881.

Вып. 1-я.

съ одной плоской и съ другой выпуклой сторонами, третій конусообразный. Всѣ они нѣгли на ребрахъ своихъ подобіе профилей человѣческихъ лицъ. У конусообразнаго камня были даже два подобія лицевыхъ профилей, на противоположныхъ сторонахъ, въ родѣ изображенія Януса.

Дѣйствительный членъ Е. Тимаевъ.

Памятникъ усопшихъ членовъ Археологическаго Института.

1885-й годъ лишь начался, а для Археологическаго Института это начало было крайне тяжелымъ! Почти одновременно онъ лишился трехъ почетныхъ своихъ членовъ, которые посвящали, не скажу только свои труды, но безъ сомнѣнія и свою жизнь предметамъ, коихъ изученіе и разработка входятъ въ кругъ важнѣйшихъ занятій нашего учрежденія. Первымъ изъ нихъ скончался графъ *Алексій Сергѣевичъ Уваровъ*, такъ много потрудившійся для археологіи и какъ учредитель археологическихъ съѣздовъ (онъ еще руководилъ, хотя уже больной, и одесскимъ съѣздомъ), которыхъ былъ двигателемъ и душою, и какъ предсѣдатель сначала Петербургскаго, потомъ Московскаго Археологическихъ Обществъ и наконецъ какъ авторъ и издатель вѣсколькихъ въ высшей степени цѣнныхъ трудовъ, въ особенности по части раскопокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, причемъ, однако, успѣлъ издать преимущественно только свои изысканія, относящіяся къ каменному вѣку и къ крымскимъ древностямъ. Можетъ ли скоро кто-либо замѣнить его, и вообще когда еще появится у насъ такой великій научный дѣятель по части археологіи — вопросъ далеко не праздный, ибо отстроенный вчеря и только что начавшій наполняться при его горячемъ содѣйствіи „Историческій Музей“ въ Москвѣ громко взываетъ о необходимости и правительству и частнымъ лицамъ оказать самое живое и самое заботливое участіе къ этому такъ много общающему сооруженію⁽¹⁾. Да

---

(1) Послѣ того, какъ написаны были эти строки, мы видѣлись въ Москвѣ съ супругой покойнаго — графиней П. С. Уваровой и получили отъ нея самыя отрадныя свѣдѣнія какъ о мѣтрахъ, принятыхъ Правительствомъ въ продолженіи археологическихъ и строительныхъ работъ по Историческому Музею, такъ и о личныхъ ея распоряженіяхъ по описанію рукописной бібліотеки графа и къ окончанію и изданію начатыхъ имъ сочиненій: въ этомъ послѣднемъ трудѣ приглашены графиней

будетъ поэтому память графа Алексѣя Сергѣевича и по смерти его постояннымъ двигателемъ нашихъ ученыхъ и практическихъ работъ и да освѣщаютъ его труды наши первые, еще слабые шаги на возлюбленномъ имъ поприщѣ!

Другой труженникъ, стоявшій на болѣе скромной чредѣ дѣятельности, но относившійся столь же сочувственно къ своему дѣлу — *Платонъ Ивановичъ Барановъ* — переноситъ насъ въ маленькій кабинетъ канцеляріи С.-Петербургскаго Сенатскаго архива, которымъ архивомъ онъ завѣдывалъ въ теченіи многихъ лѣтъ и гдѣ неутомимо работалъ надъ Описью Высочайшихъ указовъ и повелѣній, хранящихся въ С.-Петерб. Сенатскомъ архивѣ. Три изданные имъ тома этой Описи (съ 1704 по 1762 г.) должны быть настольною книгою каждаго русскаго историка и юриста; но трудъ этотъ еще не конченъ, и мы можемъ только радоваться тому, что Министерство юстиціи обратило на него должное вниманіе и принимаетъ мѣры къ его продолженію. Но еще другой важный, до сихъ поръ однако почти вовсе неизвѣстный трудъ составлялъ постоянную заботу покойнаго — біографіи всѣхъ Сенаторовъ, начиная съ назначенныхъ въ это званіе Петромъ I до послѣдняго времени, изъ коихъ однако Платонъ Ивановичъ успѣлъ при своей жизни издать только біографію сенатора *М. А. Балузьянскаго*. И этотъ трудъ, къ счастью, не останется безъ продолженія, такъ какъ покойный поручилъ его одному изъ своихъ племянниковъ, которому передалъ и всѣ собранные имъ матеріалы. Ему слѣдовательно принадлежитъ первый починъ въ обоихъ трудахъ и мы считаемъ себя обязанными почтить его память добрымъ словомъ.

Третій почетный членъ Археологическаго Института, котораго уже достойно оцѣнили наши криминалисты — *Александръ Федоровичъ Кистяковскій* — заслуживаетъ благодарнаго о немъ воспоминанія не только какъ знаменитый ученый по этой части, но и какъ бывшій предсѣдатель Кіевскаго Юридическаго Общества, гдѣ онъ высоко держалъ знамя науки и особенно знамя *русской народности*, не различая народность великорусскую отъ

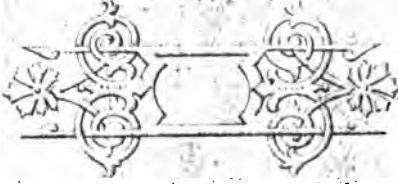
къ участію, сколько намъ помнится, гг. Забланинъ, Буслевъ, архимандритъ Леонидъ, Лебедевъ и другіе. Съ своей стороны, желая сохранить въ памяти нашихъ читателей дорогое имя и личность графа Алексѣя Сергѣевича, мы помѣщаемъ въ самомъ началѣ настоящаго изданія одинъ изъ лучшихъ его кабинетныхъ портретовъ.

малорусской. Сколько разъ въ протоколахъ и рефератахъ ученыхъ, собиравшихся вокругъ почтеннаго профессора въ Кіевѣ — этой матери городовъ русскихъ, раздавалось правдивое и вѣское слово, что не изучая, и слѣдовательно не зная, русскаго быта, русской жизни, русскихъ обычаевъ и нравовъ въ центральныхъ губерніяхъ и на окраинахъ русскаго государства, нельзя быть русскимъ юристомъ, нельзя, по указанію однихъ теоретическихъ началъ, требовать упраздненія или замѣны нѣкоторыхъ началъ, обиходныхъ въ русской практикѣ, въ особенности разныхъ семейныхъ и имущественныхъ сдѣлокъ и другихъ юридическихъ приемовъ, о которыхъ не вѣдаетъ и которыхъ даже не можетъ предвидѣть или предугадывать западная наука. Да не поникнетъ и со смертію Кистяковскаго это жизненное для Россіи знамя и да собираются вокругъ него всѣ тѣ кто жаждетъ привести насущную пользу столь дорогому всѣмъ намъ отечеству!

Н. К.

ЦѢНА ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
СЪ АЛЬБОМОМЪ РИСУНКОВЪ И
ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

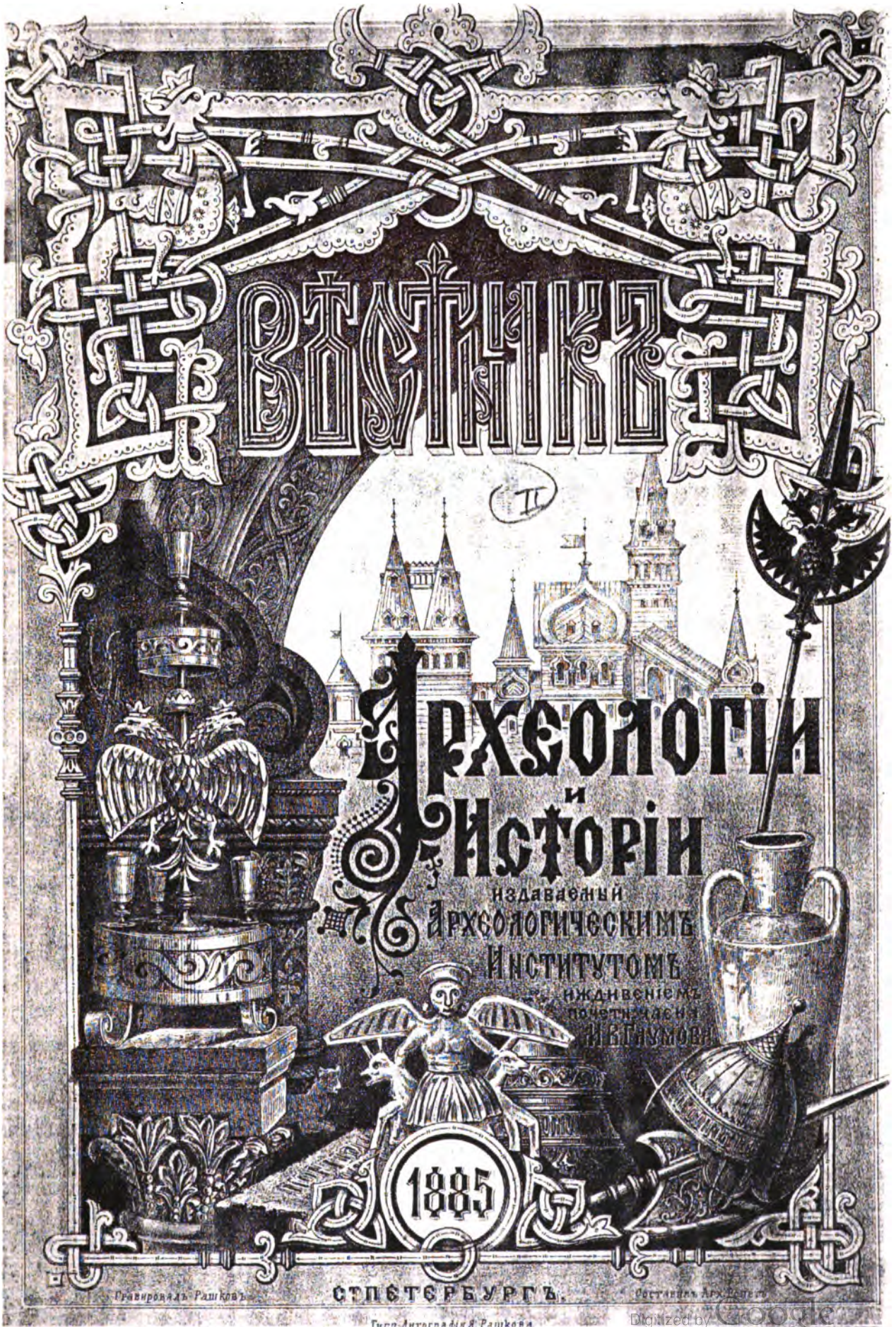
Редакція „ВѢСТНИКА“ на Вас. остр., по 12
линіи, д. № 19, въ бібліотекѣ Археологическаго
Института.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Петерб. стор.
Большой пр. д. № 45.

1
T

Дравирондъ Рашковъ

СПЕТЕРБУРГЪ.

Востанскъ Арх. Рашковъ

Типо. Литографія Рашкова

Digitized by Google

PRINTED IN RUSSIA.

ВѢСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ИЗДАНІЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1885 г.

ВЫПУСКЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лп., № 12.)

1885.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Калачовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ 2-ГО ВЫПУСКА.

	стр.
1. Историческое и археологическое описаніе первокласнаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ (Владимірской губ.). Статья 2-я. Почетнаго члена Института А. Л.....	1—52
2. Мысли объ устройствѣ историческаго архива при Харьковскомъ Университетѣ—Д. И. Багалъя	53—68
3. Отчетъ объ открытіи и дѣятельности Рязанской ученой архивной Комиссiи въ 1884 году. Слушателя Института В. М. Изергина.....	69—82

БИБЛИОГРАФІЯ:

4. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россiи. Изданы Археологическою Комиссiею подъ редакціею члена Комиссiи Николая Калачова, т. III. Отзывъ М. Г—а..... 83—84
5. Розыскныя дѣла о Федорѣ Шапловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археологической Комиссiи подъ редакціею члена Комиссiи А. Н. Труворова. Томы I и II. Отзывъ Н. В. Калачова..... 84—87
6. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ актовъ и грамотъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной библіотекѣ. Изданіе Виленской Археологической Комиссiи. Выпускъ I (1482—1548). Отзывъ Почетнаго члена Д. И. Презоровскаго..... 87—89

Къ этому выпуску прилагается снимокъ съ образа чудотворца Николая, находящагося въ соборной церкви города Зарайска.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ПЕРВОКЛАСНАГО УСПЕНСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ
ВЪ ГОРОДѢ АЛЕКСАНДРОВѢ.**

(Владимірской губ.).

(Продолженіе.)

VI.

Новгородскія Васильевскія и Тверскія мѣдныя двери въ Троицкомъ соборѣ Успенской обители.

(См. 1-й альб. табл. IV и V, рис.)

Къ числу драгоценныхъ художественныхъ произведеній нашихъ предковъ могутъ быть отнесены мѣдныя створчатыя двери, находящіяся нынѣ въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Двери эти поставлены, по распоряженію вывезшаго ихъ изъ опальнаго Новгорода, въ 1570 году, царя Ивана Васильевича Грознаго, въ южномъ входѣ въ соборную монастырскую церковь Святыя Живоначальныя Троицы⁽¹⁾. При отличной сохранности, онѣ представляютъ важнѣйшій памятникъ, какъ въ живописномъ, такъ и въ палеографическомъ отношеніи.

Васильевскія двери (назовемъ ихъ такъ въ честь строителя, Новгородскаго архіепископа Василія, въ 1336 г.) состоятъ изъ двухъ створовъ или деревянныхъ половинокъ, обложенныхъ сверху мѣдными листами, которые исписаны по коричневому полю золотыми рисунками. Створы обѣихъ половинокъ прикрыты столбиками (накладкою), прикрѣпленными къ лѣвой

⁽¹⁾ Въ стѣнѣ, отдѣляющей внутренность храма отъ окружающей его (съ трехъ сторонъ) папорти.

половинѣ и также обложенными мѣдными листами съ изображеніемъ на нихъ ликовъ святыхъ. Такъ какъ мѣдные листы, по большей части, разной величины (каждый, примѣрно положить, въ высоту до 8-ми, а въ ширину до 6 вершковъ), то мѣста, гдѣ они соединены, прикрыты выпуклыми кругами, имѣющими въ діаметрѣ около 2½ вершковъ, и также съ узорчатыми оконечностями. Въ верхнихъ рядахъ на нихъ нарисованы лики святыхъ, а въ нижнихъ звѣзды. Высота дверей по столбику или накладкѣ доходитъ до 4½ аршинъ; ширина обѣихъ половинокъ около 14 вершковъ, а столбики до 4 вершковъ. Накладные листы всѣ изъ хорошей красной мѣди, болшему частію коричневаго цвѣта, и въ немногихъ (болѣе потертыхъ руками) краснобагроваго. Каждая створа или половинка дверей состоитъ изъ семи рядовъ изображеній, а каждый рядъ передѣленъ на двѣ половины такъ, что какъ одна, такъ и другая створка состоитъ изъ 14 квадратовъ, въ которыхъ на лѣвой сторонѣ 13, а на правой 12 изображенныхъ картинъ, а всего 25 картинъ. Изъ нихъ двѣ самыя верхнія, приходящіяся къ концу дверной дуги, имѣютъ округленные крайніе концы, въ видѣ сегментовъ.

Изображенія на дверяхъ, по 4 въ каждомъ ряду, размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ — при чемъ въ первомъ ряду изображенія надобно считать съ права на лѣво, а со втораго ряда и до конца съ лѣва на право:

4) Моленіе Анны.	3) Введеніе во храмъ.	2) Рождество Богородицы.	1) Моленіе Іоанна.
5) Благовѣщеніе.	6) Благовѣщеніе.	7) Рождество Христово.	8) Срътеніе Господне.
9) Крещеніе Гнѣ.	10) Распятіе Гнѣ.	11) Снятіе со креста.	12) Воскресеніе Христово (Сшествіе во адъ).
13) Лазарево Воскресеніе.	14) Входъ во Іерусалимъ.	15) Преображеніе Гнѣ.	16) Вознесеніе Гнѣ.
17) Успеніе Пр. Богородицы.	18) Гробъ Господень.	19) Сшествіе Св. Духа.	20) Троица Святая (въ видѣ Ангеловъ у дуба Маврійскаго).

21) Давидъ „ска- каше играя“, предъ свя- тымъ киво- томъ.	22) Судъ душъ.	23) Единоборство Давида съ Голиафомъ.	24) Китоврасъ «меце» бра- томъ своимъ, обѣтованную землю зр.....
25) „Сладость міра сего“.	Арабески.	Арабески.	Арабески.

Это размѣщеніе изображеній на Васильевскихъ дверяхъ показываетъ, что мнѣніе Н. Н. Мурзакевича (см. его описаніе сихъ дверей въ ст. Ж. М. Н. Просв. 1837 г., т. XVI, стр. 600—622) о томъ, что будто „при постановкѣ этихъ дверей на теперешнее мѣсто, отъ познанія или небреженія мастеровъ, изображенія размѣщены какъ попало“, справедливо лишь отчасти. Можно замѣтить, что правильность размѣщенія требуетъ: 1) чтобы изображенія Рождества Пресв. Богородицы и моленіе Іоакима стояли на мѣстѣ изображеній: Моленіе Анны и Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы и 2) чтобы три первыхъ изображенія 4-го отдѣла или ряда стояли выше трехъ послѣднихъ изображеній 3-го ряда; сказать же, что всѣ изображенія размѣщены „какъ попало“, не совсѣмъ вѣрно, что справедливо замѣтилъ ему г. Шевыревъ въ своемъ сочиненіи „поѣздка въ Кирилловъ Вѣлосерскій монастырь“, въ 1847 г., ч. 1, стр. 40.

ОПИСАНІЕ ИЗОБРАЖЕНІЙ.

а) рядъ первый (съ права на лѣво).

1) Удалившійся въ пустыню Богоотецъ *Іоакимъ*, сидя подъ дровомъ, скорбитъ о неплодіи супруги своей Анны. Явившійся Ангелъ Господень возвѣщаетъ ему, что Богъ, услышавъ молитву его, благословляетъ его рожденіемъ Дѣвы Маріи; надпись: „моленіе іоакима“.

2) Праведная Анна, дочь Матеонова, возлежитъ на одрѣ въ Назаретской храминѣ, одна часть ея рабынь прислуживаетъ ей, другая омываетъ въ купели новорожденную Пречистую Дѣву Марію. Въ другомъ отдѣленіи храминны Богоотцы *Іоакимъ* и *Анна* съ родительскою вѣжностію держатъ на

колѣнахъ мр ѿу (Матерь Возію). Надпись на изображеніи: рождество (Бѣдѣ).

3) Первосвященникъ *Захарія* принимаетъ трохлѣтнюю Пречистую Дѣву Марію во „Святая Святыхъ“ Іерусалимскаго храма. За Дѣвою стоятъ родители ея *Іакимъ* и *Анна* и нѣсколько дѣвиць, посвященныхъ на служеніе храму Господню. Во внутреннемъ отдѣленіи Святая Святыхъ, сидящая Пресвятая Богородица бесѣдуетъ съ Ангеломъ. Надпись: „Бѣдѣніе во цѣрковѣ свѣта Бѣдѣ“.

4) Архангелъ Гавріилъ является Преподобной Аннѣ, молящейся подъ лавровымъ деревомъ, и возвѣщаетъ ей, что Господь, услышавъ ея скорби и молитву, разрѣшаетъ ея неплодіе. Надпись: моленіе анно в'саду.

б) рядъ второй (съ лѣва на право).

5) Посланный Господомъ габ(риилъ) о арх(ангелъ), со знаменіемъ креста въ рукѣ, возвѣщаетъ смущенной его пришествіемъ Пречистой Дѣвѣ, что она зачнетъ и родитъ Сына Возію. Надпись: „Благословеніе“.

6) Обрученица Іосифова, Пречистая Дѣва Марія, во время появленія Архангела, сидя на возвышенномъ стулѣ, прядетъ нити для сотканія завѣсы, обѣщанной ею въ храмъ Господень (безъ надписи).

7) Ангелы, ликующіе надъ Вифлеемскимъ вертепомъ, славославятъ новорожденнаго Богочеловѣка, къ Которому, равно какъ и къ возлежащей близъ него Богоматери, приходятъ на поклоненіе: справа пастыри, а съ лѣва восточные мудрецы: гаспаръ, волтасаръ и третій непоименованный. Внизу этого изображенія, въ одномъ отдѣленіи: омовеніе въ купели новорожденнаго младенца Іисуса; въ другомъ: стоящій о агнос еси(фъ) и размышляющій о совершившемся вочеловѣченіи Мессіи. Надпись: рождество х'бо.

8) Праведный и благочестивый Семсонъ, по обѣтованію Возію, наконецъ видитъ младенца іс х'с, Котораго, въ исполненіе закона Моисеева, принесли въ Іерусалимскій храмъ мр ѿу и Іосифъ. Надпись: оусстреченіе га нашего іс. х'с.

в) рядъ третій.

9) Пришедши изъ Галилейской страны, іс х'с принимаетъ крещеніе отъ мо(анна) въ рѣкѣ Іорданѣ, въ которой рыбы и люди плаваютъ среди

воды. Святому таинству присутствуютъ ангелы; изъ нихъ мн(хангъ) готовится покрыть Господа тканію, когда Онъ выступаетъ изъ воды. Надпись: крещеніе.

10) Осужденный Иудейскимъ судилищемъ іс хс распятъ на крестѣ. Вольной страсти Господа соболъзнуютъ предстоящіе мр ѿу, Иванъ Бого-словъ и Марія Клеопова. Надпись: расплатіе.

11) Праведный Иосифъ Аримаеванинъ, испросивъ у Пилата позволеніе погребсти тѣло Иисусово, снимаетъ Его со креста, въ присутствіи скорбящихъ: Матери Божіей, Иоанна, Маріи Магдалины, Маріи Іосіевои матери и Іаковлевои. Сидящій у подножія креста *Никодимъ* вынимаетъ клещами гвоздь изъ ноги распятаго Господа. Надпись: осифъ снимаетъ гдѣ.

12) іс хс, воскресшій отъ гроба и съ знаменіемъ побѣды надъ смертію снишедшій въ преисподняя земли, освобождаетъ узниковъ смерти, праотца Адама и другихъ. За Господомъ стоятъ нѣкоторые святыя мужи. Надпись: вскрѣшеніе гдѣ.

г) рядъ четвертый.

13) За шесть дней до іудейской Пасхи, іс хс, пришедшій въ Виванію, по зову двухъ сестеръ Лазаревыхъ, для исцѣленія болящаго ихъ брата, приходитъ въ сопровожденіи Апостоловъ ко гробу уже умершаго Лазаря и всемогуществомъ слова Своего воззываетъ къ жизни четверодневнаго мертвеца. Марѳа и Марія, сестры воскресшаго, пораженныя ужасомъ чуда и радостію, припадаютъ къ стопамъ Источника воскресенія, а слуга снимаетъ съ него иелены. Надпись: Лазарова възкрѣшеніе. *Примѣч.* Эта надпись, прямо Сербская, даетъ право полагать не былъ-ли и художникъ, расписывавшій сіи врата, Сербъ по происхожденію? Вліяніе на Сербовъ итальянскаго искусства при крѣпяхъ извѣстно; тогда легко объясняется и происхожденіе изображеній: снятіе со креста и гробъ Господень, — которыми нѣтъ особнхъ праздниковъ въ святцахъ. Но вѣрнѣе будетъ предположить, что Русскій художникъ пользовался Сербскими *подлинниками*, составленными подъ вліяніемъ западнаго искусства.

14) іс хс, окруженный шествующими за нимъ Апостолами изъ Виваніи, на однолѣтнемъ жребяти, торжественно въѣзжаетъ во Іерусалимъ; нѣ-

которые изъ народа, вышедшаго на встрѣчу Господу, устилаютъ путь тканями. Надпись: вхoдъ въ крѣпкѣ.

15) Апостолы: Пѣ(тръ), Іа(ковъ) и Іо(аннъ), пораженные ужасомъ Преображенія Господня и небснаго къ Нему гласа, лежатъ внизу горы Фавора, на вершинѣ которой Іс̄ х̄с̄ бесѣдуетъ съ ветхозавѣтными пророками: Моиси(емъ) и Илию. Надпись: прескращеніе гласѣ.

16) Вознесшійся въ окруженіи Ангеловъ на небо, Господь Іс̄ х̄с̄ благословляетъ стоящихъ внизу Матерь Божию и Апостоловъ, которые со вниманіемъ взираютъ на отходящаго отъ нихъ Учителя. Ангелъ Господень, находящійся среди Апостоловъ, утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что Господь вторично снидеть на землю. Надпись (Възнесеніе Гдѣ) не видно: она закрыта рамочнымъ узоромъ.

д) пятый рядъ.

17) Собранные въ Геесиманіи Апостолы и нѣкоторые святители совершаютъ надгробное пѣніе надъ преставленною Пресвятою Богородицею; святая душа Ея уже покоится въ объятіяхъ Господа Іс̄ х̄с̄. А выше, и самое тѣло Пресвятой, съ вѣтвію въ рукахъ (вравіе), возносится Ангелами на небо. Надпись: оуспение стѣла Бца.

18) Благочестивныя *мироносицы*: Марія Магдалина, Марія Іаковлева и Саломія, пришедшія ко гробу помазать благоуханіями тѣло Господа Іисуса, извѣщаются Архангеломъ *Михаиломъ*, что Іисусъ воскресъ отъ гроба. Внизу сего послѣдняго приставленные Іудейскіе стражи лежатъ на земли пораженные страхомъ. Надпись: Грoкъ Гнѣ.

19) По велѣнію Ангелову, сидящіе во Іерусалимской хранилѣ Апостолы: Пѣ(тръ), Па(велъ), Ма(твей), Іо(аннъ), лу(ка), ма(рко), Іак(овъ), ан(дрей), си(монъ), ка(рѣоломей), Фo(ма), Фи(липпъ), ждуть обѣтованнаго Духа Утѣшителя. Надпись: сшестыи стѣ дх̄а.

20) Господь, въ видѣ трехъ Ангеловъ, вкушаетъ пищу у праотца Авраама, который съ благоговѣніемъ прислуживаетъ за столомъ. Надпись: Троица ст.

е) шестой рядъ.

21) Ковчегъ завѣта, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ находившійся въ домѣ благочестиваго Аведдара Геесанина, перевозится на двухъ тель-

цахъ въ Сионскую крѣпость. Самъ о аг(іосъ) царь и пророкъ дѣдъ, сопровождаемый хоромъ пѣвцовъ и музыкантовъ, скачетъ предъ ковчегомъ и играетъ на гусляхъ. Мелхола (дочь царя Саула) изъ окна смотритъ съ неудовольствіемъ на непристойный (по ея мнѣнію) поступокъ Давида. Надпись: дѣдъ цѣра предъ стѣннѣма шобразомъ скакаше и играа Бѣиже людае стѣни шобразомъ свѣтѣга зраца веселимъса бжестванѣ.

22) Совлекшійся всего мірскаго человѣкъ предстоитъ на судилищѣ. Въ одной изъ чашъ, висящихъ на цѣпи вѣсовъ, находятся прѣкѣтѣ (добрый дѣла) судимаго, въ другой грѣхѣи. Человѣконенавистникъ діаволъ, надъ конемъ слѣдующія слова: Ѡ княрма не шотану дѣрхъ ївн..., видя, что добрый дѣла судимаго перевѣшиваютъ его грѣхи, зацѣпивъ крюкомъ чашу со грѣхами, старается перетянуть ихъ на свою сторону, чтобы получить въ свою власть душу человѣка. Душа устрѣщается власти діавола; но Ангель-хранитель съ негодованіемъ противопоставляетъ діаволу копье со слѣдующими словами: „аще та шкона ражи то убидиши совѣтѣ“. Надпись: судъ душъ.

23) Юный Давидъ, одѣтый въ пастушеское платье, выходитъ на единоборство съ Голиафомъ. Исполня весь покрытъ иждною броней и вооруженъ огромнымъ мечемъ и копьемъ. Давидъ снабженъ „тобольцемъ“ (явшкомъ), съ пятью камнями и пращею. Царь Саулъ и другіе смотрятъ со стѣны городской. Надпись: дакзи^а порази ге(ліаоа).

24) Увлѣчпный коропою *Китовросъ* держитъ на правой рукѣ человѣка (брата своего), тоже коронованнаго, а лѣвую простираетъ къ царю (Соломону) „на обѣтованную землю зря“. Надпись: „Китоврасъ мѣце (мечеть) братомъ своимъ на окѣтчанъи землю зр.“ Повѣсть о Китовросѣ см. въ Хронографѣ, писанномъ въ 1494 г. (Опис. рук. Рум. музея, л. 725 об.). Нач. „Тогда же убо бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасѣ „осочиша жъ ѿ, гдѣ живеть въ пустыцѣ далней“... По поводу сей *повѣсти* Востоковъ дѣлаетъ слѣд. замѣчаніе: „сей Китовросъ (Полканъ), былъ какое-то чудесное существо, исполненное мудрости и предвѣдѣнія, и между тѣмъ родъ дикаго человѣка, подобнаго отчасти простотою и грубостію Калибану Шекспирову. При всей мудрости своей онъ даетъ себя обмануть посланнымъ отъ Соломона для приведенія его, которые наливъ виномъ и медомъ колодцу, изъ коихъ Китовросъ обыкновенно пилъ воду, упояли

его и соннаго заключили въ оковы. Соломону понадобился этотъ мудрецъ для совѣту, какъ тесать камни безъ помощи желѣза на строеніе храма и проч.:

ж) рядъ седьмой.

25) Изображеніе съ надписью: „въ сладость сегъ мира“, заимствовано изъ статьи, которая въ Измарагдахъ (древнѣйшій Рум. музея перг. XIV вѣка) надписана такъ: Слово о богатныхъ притча *U боларскихъ* книгъ. Нач. Члкъ нѣкій хожаше на полѣ чиста, и не бѣ на полѣ тамъ ні дѣбри, ни лѣса.....

Содержаніе притчи слѣдующее: „нѣкоторый человекъ, ходя по чистому полю, увидѣлъ идущихъ на него льва и верблюда, отъ которыхъ онъ бросился въ глубокую пропасть и при паденіи въ нее ухватился за вѣтви растущаго въ немъ серебрянаго древа. Пока онъ находился тамъ, прилѣтали къ колодцу горлица, плакавшая о немъ и воронъ. Замѣтивъ, что корень серебрянаго древа грызутъ двѣ мыши, одна бѣлая, а другая черная, человекъ тотъ поспѣшно рветъ серебряные листья, кладетъ ихъ „въ недра своя“, и рѣшается спуститься на ниже растущее золотое дерево, но падаетъ на дно пропасти, гдѣ страшный змій, дышущій огнемъ, оглушаетъ его своимъ свистомъ — и такъ безумный „злѣ погибе“.

Толкованіе притчи: поле означаетъ міръ сей, верблюдъ немощь человеческую, а левъ — смерть. Глубокая пропасть — это сѣтъ „многоимѣнія хотѣніе, в нихже мнози человекъцы погибають“; серебряное дерево — богатство, бѣлая и черная мышь — день и ночь, горлица — ангелъ, а воронъ — дѣволъ. Желаніе спуститься на золотое дерево, означаетъ ненасытимость богатства, а страшный змій служитъ образомъ вѣчной муки, къ которой приводитъ человекъ ненасытная алчность къ богатству.

Вторая часть дверныхъ украшеній состоитъ изъ накладки.

Столбикъ или накладка содержитъ слѣдующія изображенія. Въ верхней части, на выгнутой заголовкѣ столбика, начертано „отечество“, т. е. возсѣдающіе Бгъ сакаоѣ и іс хъ, а надъ Ними парящій въ видѣ голуба Духъ Святый. Непосредственно за симъ начертана надпись, объясняющая время сооруженія описываемыхъ дверей. Надпись, писанная, какъ и все упомянутое, золотыми буквами, содержитъ въ себѣ слѣдующее:

В лѣто 6844 (1336) индикт лѣт д.....
исписавъсѣ двѣри сиа повелѣ (ше).
ма Бѣлмеиваго архіепіпа мо (вгор)
одаского ... Василла

Возлѣ нея изображенъ Господь Иисусъ, сидящій на престолѣ, правая десница благословляющая, лѣвая держитъ Евангеліе, разгнутое на словахъ: „азъ есма двѣра, аще кто внидетъ спасетсѣ“ (Іоан. X, 9). Съ лѣвой стороны внизу, у ногъ Спасителя, изображенъ въ моленіи Новгородскій архіепископъ Василій. Онъ изображенъ въ куколѣ, фелони и омофорѣ. Обѣ его руки въ нарукавникахъ (поручахъ) благоговѣнно подняты къ изображенію Господа Иисуса. Молитвенное обращеніе Василія ко Господу объясняетъ слѣдующая мелкая надпись, помѣщенная сверху святителя: „(мо)литъ архіпъ Василан“. (1)

Потомъ опять слѣдуетъ продолженіе прежней подписи такимъ образомъ:

при князи калгоктрнѣ
Иванѣ Даниловиѣ
При посадничествѣ Ѳеодо
рокѣ Даниловиѣ при тѣи
сацаскомѣ аврамѣ

Подъ изложенною надписью представлена Пресвятая Дѣва, стоящая съ воздѣтыми руками и предстательствующая у Господа о всемъ мірѣ. Благочестивый Василій изобразилъ подѣ святымъ ликомъ Ея слѣдующую, вѣроятно имъ самимъ сочиненную, молитву:

Прѣгала гже дѣо блдуче Бѣе всако кѣ(з)
лагаа надежю на Тѣ и оупованіе на (Тѣ ход)
атанцю Тѣ имѣла кѣ снѣу твоєму и бѣу свѣ(ро)
ю притекала въ вжестѣбаніи храмѣ Твои чєс(тннѣ)
надежю дарованіе приемлетѣ гѣма и азъ смѣ(рѣннѣ)

(1) Новгородскій архіепископъ Василій хиротонисавъ въ 1331 году; Новгородская (первая) лѣтопись, согласно съ надписью оныхъ дверей, свидѣтельствуетъ, что архіеп. Василій сдѣлалъ въ Софійскую церковь мѣдныя вызолоченыя двѣри въ 1336 году: «въ лѣто 6844 (1336) Боголюбивый Архіепископъ Василій у святыхъ Софіи двѣри мѣдныя золочены устроѣ» (Собр. русск. лѣтописей т. 3, стр. 75 — 77).

грѣшнѣи рабѣ твои архієпіпа Басили все оупован(вом)
 ое възложихъ на Тя гдѣ прѣгаи к тебѣ приѣган и (при)
 падан грѣшную главу свою преклонан и рѹцѣ недо-
 стоинѣ простиран прикасаюся прѣгымъ твоимъ сто-
 памъ. Ѡ лица Твоего не Ѡверзи ма да не Ѡпаду чага(ні)
 га моего убоги азъ а же на церковь твою вст(уп)
 итѣ тѣхъ влѣчице лица посрами и крѣтомъ сна (своего по)
 губи ихъ и людемъ вѣрнымъ даже радости(и)
 е съблудантѣ достоиннѣ дома Твоего.

Ниже этой надписи изображенъ Ѡ аг(іосъ) Іоанъ Прѣте(ча) такъ,
 какъ его описываетъ Евангелистъ Матѣей, т. е. въ одѣяніи изъ верблюжьей
 шерсти, подпоясаннымъ кожанымъ поясомъ, съ большою тростью въ рѹкѣ.
 Подъ Предтечю начертаны трое святыхъ. Только на одномъ изъ нихъ
 уцѣлѣла объяснительная надпись: Ѡ аг(іосъ) Самонъ; надъ прочими же
 святыми стерлась; остались только одни неясственные лики угодниковъ
 Возіихъ. Впрочемъ, легко угадать, что это изображенія св. мучениковъ
 Гурія и Авива. Этими изображеніями на дверяхъ Рождества Богородицы
 и св. мучениковъ Гурія, Самона и Авива указывается и самое мѣсто, какое
 занимали эти двери въ Новгородскомъ Софійскомъ храмѣ, именно съ южной
 стороны, гдѣ и понынѣ существуетъ придѣлъ во имя оныхъ мучениковъ.
 Рядъ исповѣдниковъ заключенъ каймою, составленною изъ арабесковъ.

Третью часть украшенія дверей составляютъ: переплетъ изъ рамочекъ,
 покрытыхъ узорчатыми каймами, съ разнообразными на нихъ цвѣтами и
 выпуклые круги съ изображеніями ликовъ разныхъ святыхъ. Первый рядъ
 круговъ, на правой половинѣ двери, изображаетъ такъ называемый „ден-
 сусъ“, т. е. лики Господа Іисуса, Матери Божіей и Іоанна Предтечи
 (іоанъ). На лѣвой половинѣ двери новый рядъ круговъ составляютъ три
 шестокрылатыхъ Серафима. Второй рядъ круговъ: на правой половинѣ
 дверей: Евангелистъ Іоаннъ Ѡмѣлгъ (Ѡеологъ) и святые: Басили великій
 и іоанъ Златоустъ. На лѣвой половинѣ: Ѡ аг(іосъ) лѣка, маѣи и маркъ
 агіосъ. Третій рядъ составляютъ на правой половинѣ священномученикъ
 Климантосъ, папа Римскій, чудотворецъ Николае и святой капати
 (Ипатій?). На лѣвой половинѣ: о аг(іосъ) козма, епископъ Маіумскій,

Григорій Бѣгос(ловъ) и святій елпатіи⁽¹⁾. Четвертый рядъ первой половины: крайнее изображеніе святаго, по причинѣ изгладившейся надписи, неизвѣстно. Средину этого ряда занимаетъ мѣдная ручка для этой половины. Литойный мастеръ ручку изобразилъ въ видѣ человѣческой головы, во рту которой находилось кольцо, давно затерянное. Крайнее изображеніе — святаго Прокопи(я)⁽²⁾. На лѣвой половинѣ изображенъ великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій. Соответствующая правой половинѣ мѣдная человѣческая голова и здѣсь имѣлась, но теперь ея нѣтъ; далѣе изображеніе архидіакона и мученика Лаврентія. Пятый и шестой обоихъ половинокъ ряды круговъ имѣютъ, вмѣсто священныхъ изображеній, звѣзды.

Васильевскія двери, какъ справедливо замѣтилъ первый описатель ихъ П. Н. Мурзакевичъ, въ общемъ сходныя съ южными дверями Успенскаго и сѣверными Благовѣщенскаго Московскаго соборовъ, превосходятъ ихъ далеко въ частности. Мурзакевичъ полагаетъ, что ихъ дѣлали два мастера: Грекъ и Русскій, но Шовыревъ не раздѣляетъ его мнѣнія, а полагаетъ, что художникъ былъ одинъ и притомъ *Русскій*. Такія сложныя изображенія, какъ: „Святіе со креста“, и „Гробъ Господень“ (Ангель, жены мироносицы и іудейская стража, ницъ падшая), — событій, коимъ особыхъ празднованій нѣтъ въ святцахъ, доказываютъ знакомство живописца съ западными образцами, кои легче могли увлечь Русскаго, и вообще Славянина, чѣмъ Грека, не терпѣвшаго преступить преданія въ области церковнаго искусства, во избѣжаніе подражанія Латинянамъ.

Двери эти представляютъ намъ древнѣйшій образецъ того, какъ иконописцы Новгородской школы писали господскіе и богородичные праздники въ началѣ XIV вѣка, и можемъ надѣяться, что изслѣдователи Рус-

---

(1) Два изображенія *св. Елпатія* (свм. Елпатія, Ипатія?) даютъ поводъ думать, что эти святые помѣщены здѣсь изъ уваженія къ Новгородской церкви во имя свм. Ипатія, находившейся въ улицѣ Рогатицѣ. Мастеръ ихъ былъ, можетъ быть, причожникомъ сей церкви и самъ носилъ имя Ипатія, въ честь преподобнаго сего. Св. Елпатій, Елпатій — см. священномученикъ Ипатій, епископъ Гаттскій, память коего праздновалась 16-го ноября, а нынѣ празднуется 31-го марта, вмѣстѣ съ другимъ преподобн. Ипатіемъ, игуменомъ въ Руфшанахъ.

(2) *Прокопій* Христа ради юродивый *Устюжскій* († 1303 г.). И самый мастеръ, который наводилъ золотомъ украшенія на сіи двери, вѣроятно былъ родомъ изъ Устюга Великаго, издавна славившагося черневою работой, почему и дано преимущество изображенію святаго Устюжскаго предъ Новгородскими.

ской иконографіи не преминуть воспользоваться этимъ прекрасно сохранившимся памятникомъ Русской иконографіи, для восстановления Новгородскаго подлинника.

Повторимъ вкратцѣ наши соображенія о сихъ дверяхъ: они дѣланы не Новгородцемъ, а жителемъ *Устюга Великого*, который на кругахъ, въ числѣ святыхъ Греческой церкви, помѣстилъ своего роднаго святого (или его Ангела въ честь его), *Прокопія Христа ради юродиваго Устюжскаго* († 1303 г.), коему вѣроятно былъ современникомъ, тогда какъ въ числѣ святыхъ не помѣстилъ ни одного Новгородскаго святого. Двукратное изображеніе въ тѣхъ же кругахъ св. *Ипатія* (св. *Ипатіевъ* два: священномученикъ и преподобный) даютъ право полагать, что этотъ святой былъ ангелъ нашего художника, котораго посему и назовемъ *Ипатіемъ Устюжанинъ*. Искусство *наводки* золотомъ изображеній замѣчательно и удивительно: протекло болѣе 500 лѣтъ со времени созданія этихъ дверей, а изображенія на нихъ еще свѣжи и ясны, чему, впрочемъ, много способствовало помѣщеніе ихъ во внутренней галлерей, сберегая наводку отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Вліяніе западнаго искусства на тотъ *подлинникъ*, съ котораго мастеръ бралъ свои изображенія, по нашему мнѣнію, очевидно, на томъ основаніи, что въ числѣ изображеній есть *два* такихъ, которыхъ по Русскимъ святцамъ не находится среди господскихъ праздниковъ, а именно: *Снятіе со креста*, и *Гробъ Господень* съ Архангеломъ и женами мученицами, и падшею ницъ кустодіею (безъ Воскресшаго). Замѣтимъ, что Устюгъ Великій и до сихъ поръ славится своимъ металлическимъ такъ называемымъ „черневымъ производствомъ“, къ сожалѣнію мало поддерживаемымъ.

Другія входныя западныя двери въ Троицкой соборной церкви состоятъ изъ шѣдныхъ листовъ, покрывающихъ деревянныя двери и кромѣ рѣзныхъ рельефовъ по филекамъ и наличнику не имѣютъ никакихъ украшеній; отличаются простотою и величіемъ древняго Греческаго искусства. На одной половинкѣ оныхъ, въ верхнемъ переплетѣ, вставленъ рѣзной образъ Св. Троицы подъ Маврійскимъ дубомъ съ надписью надъ ликами: „*αγια Τριάς*“; на другой половинѣ нѣтъ никакого соответствующаго оному изображенія. И этотъ памятникъ, должно думать, вывезенъ царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, какъ полагаютъ, изъ Твери, гдѣ, какъ извѣстно, онъ жилъ нѣкоторое время предъ разгромомъ Новгорода въ 1569 году.

VII.

Ризница и достопримѣчательныя въ ней вещи.

Ризница Успенскаго монастыря заключаетъ въ себѣ много достопримѣчательныхъ вкладовъ царскихъ и другихъ лицъ XVII и XVIII столѣтій. Перечислимъ здѣсь тѣ, на которыхъ имѣются надписи, или объ коихъ извѣстно изъ монастырскихъ описей, когда и кѣмъ они приложены.

XVII вѣка.

1) *Евангеліе* на престольное окладное, на полуалександрійской бумагѣ, печатано въ 1657 году въ Москвѣ, повелѣніемъ царя и великаго князя Алексія Михайловича, при святѣйшемъ Никонѣ патриархѣ.

2 и 3) *Два Евангелія* на престольныя, окладныя, печатаны въ Москвѣ въ 1688 году при Московскомъ патриархѣ кирь Іоакимѣ.

4) *Евангеліе* большое на престольное, обложено серебряными вызолоченными дсками, печатано на александрійской бумагѣ, при святѣйшемъ патриархѣ кирь Іоакимѣ, въ 1689 году, и дано вкладу онаго монастыря монахиню Варсанофію Козинскою ⁽¹⁾ (пострижена въ 1708 году).

⁽¹⁾ Варсанофія, въ мѣрѣ Василисы Ефимовна Козинская — принадлежала до вступленія своего въ монастырь къ партіи царевича Алексѣя Петровича. Онъ не разъ упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ въ Москву къ своему духовнику о. Якову Игнатьеву. Такъ въ письмѣ 1707 года марта 11 дня изъ Жолквы, въ числѣ гостей, которыхъ рекомендовалось пригласить на пиръ, въ день Поклалы Богородицы, значится и «Василиса Ефимовна». «Пожалуйста, писалъ царевичъ, справь праздникъ, какъ и при мнѣ бываеъ. . . . Пожалуйста, повеселитесь духовнѣи и тѣлеснѣи и ко мнѣ отпшите. . . .» Василиса Ефимовна по возвращеніи царевича въ Москву (въ октябрь 1707 г.) за что то разошлась съ нимъ и пострижена въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ въ 1708 году. Въ Петербургѣ дошелъ изъ Москвы слухъ, что она постриглась-де по царскому указу. Царевичъ Алексѣй Петровичъ спѣшилъ «опровергнуть» этотъ слухъ письмомъ къ Екатериѣ Алексеевнѣ (будущей Царицѣ) отъ 29 ноября 1708 года: «Катерина Алексѣевна. Здравствуй на множество лѣтъ! За писаніе твое зѣло благодарствую и впредь сего желаю. Пожалуй, отпishi ко мнѣ, откуда сіе пронеслося, что Василиса Ефимовна пострижена батюшковымъ указомъ, чего здѣсь не было. А для чего она пострижена, и о томъ изволишь извѣститься изъ письма къ Государю батюшкѣ» (Устряловъ VI, 309). Въ письмѣ «къ батюшкѣ-Царю Петру (16 ноября 1708 г.)», царевичъ дѣйствительно извѣщаетъ его объ отправленіи Василисы Козинской, которая жила при бабушкѣ (т. е. царицѣ Натальѣ Кириловнѣ), въ Александрову Слободу и какой былъ «великій приходъ» туда на постриженіе; но причины онаго и изъ этого письма по видны. Какъ бы ни было,

5) *Евангеліе*, печатанное въ Москвѣ въ 1694 году.

6) *Крестъ* напрестольный съ мощами святыхъ, серебряный вызолоченный, украшенъ жемчугомъ, изумрудомъ и лапидами, на немъ надпись: „въ лѣто 7185 ноября въ 20 день (1676 г.) повелѣніемъ великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, сей святыи крестъ Господень построенъ въ Успенскій дѣвичь монастырь, что въ Александровѣ Слободѣ“.

7) *Крестъ* напрестольный серебряный, рѣзной, съ чернью, на немъ подпись: „въ лѣто 7187 (1679) февраля въ 20 день повелѣніемъ великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, построенъ сей святыи и животворящій крестъ Господень въ церковь Іоанна Бѣлградскаго, что у Него, великого Государя, вверху.“

8) *Крестъ* напрестольный съ мощами святыхъ, серебряный вызолоченный и обложенный вокругъ крупнымъ жемчугомъ, на немъ Распятіе Господне съ предстоящими, на финифти, вѣнчики и залоны золотые, украшены яхонтами, изумрудами и алмазами; на рукояти слѣдующая надпись: „Сей животворящій крестъ Господень великая государыня благовѣрная царица и великая княгиня Наталія Кириловна изволила, по своему обѣщанію, построить во Успенскій дѣвичь монастырь, зовомый Александрова пустынь, для своего многолѣтнаго здравія, сына своего великія государыни, великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и для многолѣтнаго здравія внука

по извѣстію, что Варсонофія пережила царевича Алексія Петровича по крайней мѣрѣ до 1737 года, въ коемъ имя ея фигурируетъ съ невыгодной стороны («была сестеръ клякою») въ прошеніи монахинь этой обители къ своей покровительницѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ (См. Архивъ Кнзя Воронцова кн. 1, стр. 59 и 62). Ковчежець съ мощами и надписью на ономъ, что оны пожертвованъ монахиней Варсонофіею Козинскою въ Серпуховскій дѣвичій монастырь (упраздненъ въ 1764 г.) даетъ намъ право догадываться: не была ли монахиня Варсонофія вынужденною удалиться отсюда въ Серпуховскій Рождественскій монастырь, гдѣ и умерла, а по упраздненіи сего монастыря въ 1764 г. святыня эта поступила въ Александровскій Успенскій монастырь на память о его ностриженецѣ. Есть признаки, что В. Козинская была въ родствѣ съ *Бутурлиными*, и самое имя (монахиня) *Варсонофіи* получила въ честь современной ей игуменьи Московскаго Вознесенскаго монастыря Варсонофіи Бутурлиной. Имя же «Варсонофія» было въ почетѣ вообще потому, что такъ именовалась въ монастырѣ мать митрополита Филиппа Колычева.

своего, великія государыни, великого государя, благовѣрнаго царевича и великого князя Алексія Петровича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи нынѣшняго лѣта 7202 (1694 г.)“.

9) *Потиръ* серебряный вызолоченный, на немъ въ рѣпяхъ вычеканено: „Сіи сосуды въ Александрову слободу, въ соборную церковь къ Покрову Пресвятыя Богородицы въ лѣто 7153 (1645)“, и на поддонѣ: „повелѣніемъ великого государя, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, и его благовѣрной царицы и великой княгини Евдокіи Лукьяновны и ихъ благородныхъ чадъ сдѣланы“.

10) *Блюдо* серебряное, внизу вырѣзано: „Каз. вес. еун. 6 зол. Гдарю челом ударі Галанскіе торго. нѣмцы Давыдъ Микула стоварищи. 156 Ѳев. 17-го (1648 года).“

11) *Блюдо* серебряное большое, на немъ въ четырехъ клеймахъ вырѣзана надпись: „Лѣта 7195 (1687) генваря въ 1 день приложили сіе блюдо въ Успенскій дѣвичь монастырь думнаго дворянина Пимина Григорьевича Огарева дщери ево: Ѳеодора, Евдокія, Ксенія Георгіевны“. Внизу по краямъ вырѣзано: „вѣсу въ немъ 2 фунта“.

12) *Блюдо* серебряное, на немъ по краямъ въ трехъ каймахъ вырѣзано: „далъ владу въ Александрову пустыню въ Успенскую церковь для поминовенія души бабушки своей, великой государыни царицы и великой княгини Наталіи Кирилловны, великій государь благородный царевичъ и великій князь Алексій Петровичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“ (въ 1696 г., какъ показ. надпись на 7 серебряныхъ лампадахъ, что нынѣ въ Троицкомъ соборѣ).

Примѣчаніе. Царица Наталія Кирилловна скончалась въ 1694 году.

13) *Братина* серебряная, густо вызолоченая, на ней надпись: „Государыни царицы и великія княгини Маріи Ильиничны“.

14) *Ковшичекъ* серебряный, на немъ по краямъ въ глубь вырѣзано: „сей ковшъ отданъ въ Александрову пустыню въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы по душѣ священноіеромонаха Давида“. На клеймѣ означень 7201 (1693) годъ.

15) *Чарка* серебряная, на ней надпись: „сію чарку далъ владу в Александрову слободу въ Успенскій дѣвичь монастырь в церковную по-

требу Ворисъ Янъ, прамое имя Ивагъ. Вѣсу 42 золотника съ полузолотникомъ.“

XVIII вѣкъ.

14, 15 и 16) *Три Евангелія* напрестольныя, окладныя; печатаны между патріаршествомъ въ 1701, 1711 и 1716 годахъ.

17) *Евангеліе* напрестольное, окладное; печатано между патріаршествомъ въ 1716 г. и дано вкладомъ полковникомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ.

18) *Евангеліе* напрестольное, окладное, на полуалександрійской бумагѣ; печатано въ 1753 году и дано вкладомъ барономъ Александромъ Строговымъ.

19) *Евангеліе* напрестольное, окладное, на полуалександрійской бумагѣ, съ надписью: „сіе святое Евангеліе сдѣлано собственнымъ иждивеніемъ его преосвященства, Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена, преосвященнѣйшаго Серапіона, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, священно-архимандрита Кіевопечерскія лавры и кавалера, и дано вкладу въ Успенскій дѣвичь монастырь, что въ городѣ Александровѣ, для вѣчнаго поминовенія его родителя священно-іерея Сергія Логиновича въ обителѣ сей, 1799 года декабря « » погребеннаго и въ священнослуженіи при сей самой обители болѣе 30 лѣтъ усердно и благочестиво потрудившагося; серебра на семь Евангеліи 7 фун. 60 зол. 1809 года декабря 22 дня“.

20) *Потиръ* серебряный вызолоченный; на немъ вырѣзано: „1707 года мѣсяца сентября во 2 день отданы сіи сосуды въ церковь пр. Сергія.“

Примѣч. Вѣроятно въ память монахини царевны Маргариты Алексѣевны † 1707 г. іюня въ 19 день.

На дискосѣ надпись: „1715 года іюля въ « » день построень сей дискосъ со звѣздою и лжицею тщаніемъ благородной государыни царевны и великія княжны Маріи Алексѣевны въ обитель Успенія Пресвятя Богородицы въ Александрову, вѣсу 2 фун. 40 золотниковъ,“.

21) *Потиръ, дискосъ, звѣзда и лжица* — золотныя, украшены мѣстами драгоценными камнями; на рукояти потира слѣдующая надпись: „1712 года мѣсяца декемврія въ « » день построень сей потиръ въ обитель Успенія Пресвятя Богородицы въ Александрову слободу, въ церковь Пре-

святыя Троицы, въ вѣчное поминовение благовѣрныхъ царевенъ: Евдокіи Алексіевны, монахини Маргариты, схимонахини Софіи, тѣцаніемъ сестры благовѣрной царевны Маріи Алексіевны“. Дискосъ золотой, а поддонъ серебряный съ надписью: „1712 года построенъ сей дискосъ золотой въ обитель Успенія Богородицы въ Александрову слободу въ дѣвичь монастырь въ церковь Пресвятыя Троицы въ вѣчное поминовение благовѣрнаго царевича Алексія Алексіевича, тѣцаніемъ благовѣрной царевны Маріи Алексіевны“. Звѣзда золотая, лжица золотая жъ; два блюда серебряныя позолоченныя; копіе серебряное. Въ сихъ сосудахъ и съ камнями вѣсу 10 фун. 54 зол. На звѣздѣ вверху на аломъ камнѣ вырѣзанъ вглубь двуглавый орелъ пластаный (изъ перстня).

22) *Потиръ* среброзолоченный, на немъ надпись: „Въ лѣто 1712 г. февраля въ « » день при державѣ благочестиваго царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея Русіи самодержца, тѣцаніемъ благородной царевны и великія княжны Маріи Алексіевны, построенъ сей потиръ въ Александрову слободу въ обитель Успенія Пресвятыя Богородицы, въ церковь Распятія Господня, вѣсу 2 фунта 42 золотника“.

23) *Потиръ* и *дискосъ* среброзолоченные, на дискосѣ надпись: „1715 лѣта генваря въ « » день потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица состроены въ Александрову слободу, въ обитель Успенія Пресвятыя Богородицы, въ церковь Іоанна Предтечи, тѣцаніемъ благородныя царевны и великія княжны Маріи Алексіевны, вѣсу въ потирѣ 2 фун. 28 зол., въ дискосѣ 1 фунт. 7 золотников“.

24) *Блюдо* серебряное съ гербомъ, на немъ монограмма Н. Н., внизу въ позднѣйшее время вырѣзано И. И. В. (Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ).

25) *Ложка* серебряная съ вырѣзаннымъ двуглавымъ пластанымъ орломъ внутри, на оборотѣ монограмма Ц. С. А. (царевны Софіи Алексіевны).

26) *Ложка* съ гербомъ и монограммою W., и другая же серебряная вызолоченая, на ней вырѣзано: М. А. А. Р. S.

27) *Ложка* серебряная, на ней съ наружной стороны пунктиромъ слѣдующая надпись: Werner Muller Nat A. 1629, 17 Aprilis. Denat. A. 1708 g. Octob.

28) *Подсвѣчники* серебряные вызолоченные, одинъ большой, а два

поменьше, на нихъ въ клеймахъ вычеканено: Ц. С. А. (Царевна Софія Алексѣевна).

29) *Подстѣпникъ* серебряный вызолоченный съ вырѣзанною надписью: „1710 года въ мартѣ, дано отъ благородной царевны и великой княжны Маріи Алексѣевны въ церковь Распятію Господню въ Успенскій дѣвичь монастырь, что въ Слободѣ Александровой“. Сверхъ сего хранятся въ ризницѣ же еще разныя вещи, оставшіяся по смерти великихъ княженъ монахини Маргариты Алексѣевны и Θεодосіи Алексѣевны, какъ то: ложка, вилка и ножикъ, ложка корольковая, рюмка хрустальная съ серебрянымъ вызолоченнымъ поддономъ, два опахала, одно изъ павлиньихъ перьевъ и въ серебряной оправѣ, а другое изъ страусонихъ перьевъ, и оловянные блюда съ надписью по краямъ имянъ благовѣрныхъ государныхъ царевенъ и великихъ княженъ: Θεодосіи Алексѣевны, Софіи Алексѣевны (на нѣкоторыхъ Сусанны Алексѣевны) и Татіаны Михайловны.

Изъ облаченій замѣчательна особо одна риза золототканой парчи съ травами и цвѣтами, оплечье коей богато убрано жемчугомъ и драгоценными камнями, которое такъ хорошо сохранилось, какъ бы оно сей часъ только вышло изъ мастерской. Это вѣроятно даръ царскаго дома, скорѣе всего одной изъ царевенъ—Маргариты или Маріи Алексѣевны.

VIII.

Синодики Успенской обители.

1) *Синодикъ* второй половины XVII вѣка, въ четверть листа, писанъ полууставомъ, на 155 л. (безъ начала):

л. 1—10—на первыхъ 10-ти листахъ обычное предисловіе.

л. 11. Помяни Гдѣ души преставльшихся святыхъ вселенскихъ патриарховъ: Якова, Іоны, Исаака, Германа, Тарасія, Никифора, Мееодія, Анфиногена, Софронія Іерусалимскаго и первопрестольника Іова Московскаго, Гермогена, Филарета, Іоасафа, Питирима, Никона († 1681 г.).

л. 12. Помяни Гдѣ души благовѣрныхъ и христіолюбивыхъ великихъ царей Московскихъ и всея Россіи: благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна, въ иноцѣхъ Іону, благовѣрнаго царевича великаго князя Іоанна, благовѣрнаго князя Дмитрія, благовѣрнаго царя и великаго князя Тео-

дора Иоанновича..... благовѣрнаго царя и великого князя Алексѣя Михайловича († 1676 г.).

л. 14. Помяни Гдѣ души благовѣрныхъ царицъ Московскихъ и всея Россіи: царицы и великія княгини Анастасіи, царицы и великія княгини Маріи, царицы и великія княгини Марѣи..... царицы и великія княгини Агафіи († 1681 г.).

л. 16. Общее: помяни Гдѣ души рабъ своихъ всѣхъ православныхъ христіанъ.

л. 17 обор. Имена духовниковъ св. обители сей: іеромонаха Лукіана, іеромонаха Ефрема, іеромонаха Корнилія († 1681 г.), іеромонаха Иоасафа, инока Теофана (строителя, † 1673 г.).

л. 18 Имена первоначальныхъ старицъ св. обители сей: схимонахини Іулиты, Наталіи, Доросеи, Антониды, Марѣи, Евпраксіи, Мавры, Пелагіи, Анисіи...

л. 21. Родъ іеромонаха Корнилія, іеромонаха Тихона, іеромонаха Ефрема.

л. 22. Родъ игуменіи Анисіи, да старицы Евпраксіи.

л. 24. Родъ старицы Пелагіи, родъ старицы Евфиміи, родъ старицы Минодоры, родъ старицы Варвары Чертковы, родъ старицы Марѣи.

л. 59. Родъ старца Ефрема Чудова монастыря чашника..... роды старицъ.....

л. 78 обор. Родъ монаха Іоны иконописца, родъ архимандрита Павла Чудова монастыря.

л. 79 обор. Родъ игумена Θεодосіа Вуйнырева монастыря.

л. 80. Родъ игумена Іоны Анастасова монастыря, родъ попа Григоріа Марьинскаго.

л. 80 обор. Родъ попа Симеона.

л. 81. Родъ попа Дмитрія.

л. 81 обор. Родъ попа Никифора благовѣщенскаго, родъ старца Θεодосіа пустыннаго.

л. 82. Родъ старца Игнатія, родъ старца Ипполита, родъ старца Исихія, родъ старца Филарета, родъ старца Кесарія.

л. 84. Родъ боярина Θεодора Михайловича Ртищева, родъ боярина Бориса Иоанновича Морозова, родъ боярина Богдана Михайловича Хитрово,

родъ князя Василя Одуевского, родъ боярина князя Иоанна Симеоновича Прозоровскаго, родъ околыничаго князя Никиты Яковлевича Львова, родъ околыничаго Феодора Козмича Елизарова, родъ Прокопія Козмича Елизарова, родъ Михаила Петровича Волынскаго, родъ Артемія Стефановича Волынскаго, родъ Алексія да Михаила Тимофѣевичей Лихачевыхъ, родъ Петра Ивановича Потемкина, родъ Стефана да Иоанна Анничковныхъ, родъ Афанасія Дмитріевича Зиновьева, родъ Алексея Суровцова, родъ думнаго дьяка Иларіона Иоаннова, родъ Иоанна Иоанновича Замыцкаго, родъ Агафін Романовны княгини Хвостовы, родъ стольника Иоанна Тимофѣича Елизарова, родъ стольника Феодора Мартьяновича Бредихина, родъ Василя Семеновича Борина, родъ Афанасія Феодосѣева, родъ Кирила да Митрофана, лекарей государевыхъ, родъ Иоакима Феодоровича Потемкина, родъ Симеона Феодорова Кудрявцева иконнаго ряда, родъ садовнаго Мелетія Стефанова, родъ Иоанна Вонфантіева, родъ Василя Феодорова, родъ Андрея Григорьевича Вочіна шапошника, родъ Артемія Васильева, родъ Ильи Прокофьева.

112 л. Лѣта 189 (1681) мѣсяца августа въ 11 день преставися отецъ *Корчмій* и осталося книгъ послѣ него: книга Евангеліе недѣльное, книга Труба, псалтырь толковой, да двѣ со слѣдованіемъ, книга Иоасафа царевича, книга библія, книга Афанасія великаго, книга службникъ, книга часословъ, книга символъ.

л. 113. Роспись книжная Успенія Пресвятыя Богородицы дѣвчья монастыря: шесть книгъ евангелій на престольныхъ, три апостоловъ, три евангелія воскресныхъ, два октава новыхъ, шестодневъ, двѣ псалтыри со слѣдованіемъ, двѣ учебныхъ, псалтырь толковая, книга Иоасафа царевича, 12-ть миней мѣсячныхъ, книга Маргарить, два годы, Прологовъ два, Ефрема, Евангеліе толковое повседневное, двѣ книги евангельскихъ бесѣдъ, книга бесѣды апостольскіе, Миръ съ Богомъ, книга Иоанна лѣствичника, 12-ть миней мѣсячныхъ новаго выходу, книга Уставъ старой, Уставъ новой, книга Обѣдъ духовный, книга Вечера, книга Соборникъ, книга Увѣтъ, двѣ книги миней общихъ, тріодъ постная, да двѣ цвѣтныхъ, три часослова малыхъ, два каноника, четыре ермологія печатныхъ, шесть службниковъ, два потребника, книга патерикъ Савинской, книга зеркало мірозрительное, книга мечъ духовный, 7 миней мѣсячныхъ, книга Никиты столпника, книга синодикъ, книга трефолой, книга покровская, евангеліе за престольное, Апо-

столь, двѣ тріоди, постная да цвѣтная, 12 миней мѣсячныхъ, минея общая, три трефоля, Ефремъ, два октая, псалтырь слѣдованная, да другая малая, евангеліе недѣльное, соборникъ письменной, двѣ минеи, житія святыхъ.

л. 114 обор. Въ лѣто 7207 (1699) г. мѣсяца іюліа въ 25 день на память преподобнаго Макарія Унженскаго врученъ бысть кругъ церковный С. Т., сіе число книгамъ церковнымъ.....

л. 116 обор. Роспись поминовенія душамъ государскимъ:

Патріархъ Филаретъ Никитичъ: тезоименитство его апрѣля 21 числа, преставленіе его октября 1-го..... Преставися благородная царица Маргарита Алексѣевна (1707 г.) мѣсяца іунія въ 19 день. Царевны Евдокіи Алексѣевны: тезоименитство марта 1-го дня, преставися..... Въ лѣто 7189 (1681) году мѣсяца іюліа въ 14 день преставися благовѣрная царица Агафія Семеновна... Царевичъ Ілія Ѳеодоровичъ послѣ матушки на 8 день преставися.

Въ лѣто 7189 (1681) мѣсяца августа въ 11 день преставися *отецъ Корнилій* (игуменъ Лукьяновой пустыни и устроитель Александровскаго Успенскаго дѣвничьяго монастыря послѣ о. Лукьяна). Память о. Корнилія мѣсяца поемврія въ 1 день.

Въ то же лѣто мѣсяца августа въ 20 день (въ 17) преставися патріархъ Никонъ.

Въ лѣто 7190 (1682) преставися благовѣрный царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, мѣсяца апрѣля въ 27 день.

Память мѣсяца іунія въ 8 день.

Въ лѣто 7187 (1679) марта въ 3 день преставися благовѣрная царица Марья Ильинишна, а память апрѣля въ 1 день.

Въ лѣто 7179 (1671) мѣсяца іаннуаріа въ 10 день преставися благовѣрный царевичъ Алексій Алексѣевичъ, память..... февраля въ 12 день.

Въ лѣто 184 (1676 г.) іаннуаріа въ 29 преставися благовѣрный царь Алексій Михайловичъ.

Въ лѣто 7187 (1679) мѣсяца февруарія въ 8 день преставися благовѣрная царица Ирина Михайловна..... мѣсяца мая въ 5 день.

Въ лѣто 7188 (мѣсяца декаврія въ 3 день) (1679) преставися монахъ *Ѳеофанъ*.

Въ лѣто 7201 (октоврія въ 27 день) (1692) преставися благовѣрная царица схимонахиня Анфіса.

Въ лѣто 7202 (1694) преставися благовѣрная царица Наталія Кирилловна.

Въ лѣто 7203 (1695) апрѣля въ 11 день преставися іеромонахъ Давидъ.

Въ лѣто 7204 (1696) мѣсяца іаннуарія въ 29 преставися благовѣрный царь Іоаннъ Алексѣевичъ.

Въ лѣто 7213 (1705). Роспись новымъ книгамъ,—л. 132 что переѣчены въ Приказѣ, а нынѣ и новыя куплены..... А старыхъ книгъ..... и всѣхъ книгъ 141, печатныя.

л. 155. Роспись книгамъ двѣмъ... государыни царевны Екатерины Алексіевны 33 (sic) книги зеленыхъ: 11 Рожества Христова, 12 Воскресенія Христова, 11 Успенія Богородицы (нѣкоторыя цѣлы и доселѣ). Отъ тѣхъ же книгъ у царевны государыни Маргариты Алексѣевны...

2) Синодикъ первой половины XVIII столѣтія, въ листъ, на 107 тетрадахъ (по 8 л. въ каждой); записи писаны полууставомъ.

Предисловіе, въ коемъ заключаются различныя сказанія о загробной жизни, о необходимости и пользѣ поминовенія усопшихъ, съ гравированными и раскрашенными изображеніями.

По надписи въ началѣ книги, синодикъ сей устроенъ „во славу Пресвятыи Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, въ лѣто отъ созданія міра 7214 (1706) мѣсяца августа въ 13 день. Написана сія книга, глаголемая *сенодикъ*, въ двѣдцѣмъ Успенскомъ монастырѣ, по обѣщанію монахини Таисы (установщицы) въ вѣчное поминовеніе души своей“. Все это заглавіе въ фигурной, искусно нарисованной и раскрашенной рамкѣ, въ кругу. На слѣдующей страницѣ изображено Успеніе Божіей Матери, также въ кругообразной рамкѣ. Всѣхъ изображеній 30, изъ коихъ 19 гравированныхъ и 11 рисованныхъ и всѣ раскрашены разными красками. На гравюрѣ 24-й замѣчательно изображеніе деревяннаго храма.

Тетр. 35. Въ рисованной раскрашенной рамкѣ, киноварью: „Помяни, Господи, души усопшихъ святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ, Московскихъ и всея Россіи. Вселенскихъ 8 именъ, всероссійскихъ 10 патріарховъ (отъ Іова до Адріана).

Тетр. 36. Помяни, Гди, благовѣрныхъ царей и вел. князей: а) скончавшихся въ монашествѣ; б) царя и в. к. монаха *Іоанна*, царя и в. к.

монаха *Богомла*, царя и в. к. монаха Варлаама... На полях означены день преставленія и день тезоименитства.

Тетр. 37. Помяни, Гдѣ... царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича. Во второй записи: Петра Великого, императора и самодержца всероссійскаго (28 января), Петра II Алексѣевича (генваря 18).

Тетр. 38. Царицы и В. К. Анастасія... Прасковья Ѳеодоровны (октября 13). Во второй записи: Императрицы Екатерины Алексѣевны (дек. 31), Елисаветы Петровны (дек. 25).

Тетр. 39. Благовѣрныхъ царевичей и великихъ князей..... Во второй записи—Петра Петровича.

Тетр. 40. Царевенъ и великихъ княженъ..... во второй записи—Екатерины Ивановны (іун. 14).

Тетр. 41. Родъ благовѣрнаго царя Арчила Мелетійскаго (sic).

Тетр. 42. Сей родъ благородной государыни царевны великой княгини Маргариты Алексѣевны: Помяни, Гдѣ, усопшихъ рабъ и рабынь: святѣйшаго патріарха Никона, святѣйшаго патріарха Филарета, бл. государей царей и В. К. Михаила, Ѳеодора, б. царя и в. к. Алексѣя Михайловича, царя и в. к. Ѳеодора Алексѣевича, б. царя и в. к. Іоанна Алексѣевича, благочестивыхъ царицъ и в. к. Евдовіи Лукьяновны, царицы Маріи Ильиничны, царицы и в. к. Наталіи Кириловны, царицы и в. к. Агафіи Семеновны, царевича и в. к. Алексія Алексѣевича, царевича и в. к. Симеона Алексѣевича, благовѣрнаго царевича младенца Дмитрія, царевича младенца Александра, царевича младенца Илію, царевны младенца Анны, бояръ: Илію, Илію, боярина Іоанна, Матвѣя, Александра, Алексія, Василія. Боярынь: Екатерины, княгини Іуліаніи, княгини Ѳеодосіи, боярыни Анны.

Благовѣрныхъ царевенъ и великихъ княженъ: монахини Апфисы Михайловны, схимонахини Софіи Алексѣевны, великой монахини Марѣи, монахини *Варсанофьи*, монахини Афанасіи.

Тетр. 43. Родъ боярина Льва Кирилловича Нарышкина.

- „ боярина Ѳеодора Петровича Салтыкова.
- „ боярина Алексія Ивановича Нарышкина.
- „ князя Василія Ѳеодоровича Одуевскаго.
- „ боярина Князя Ивана Семеновича Прозоровскаго.

Родъ окольнічаго князя Никиты Яковлева Львова.

„ болярина князя Іоанна Григорьевича Куракина.

„ болярина Іоанна Михайловича Милославскаго.

Тетр. 44. „ болярина Богдана Михайловича Хитрово.

„ Іоанна Лукича Чепелева.

„ болярина Θεодора Михайловича Ртищева.

„ болярина Василя Іоанновича Стрѣшнева.

„ Стефана Романовича Карцева.

Второй записи: дьяка Іоанна Васильевича Макарова. Окольнічаго Князя Тимофѣя Щербатова. Родъ Алексія да Михайла Тимофѣичей Лихачевыхъ. Р. Стефана Окорокова. Р. стольника Іоанна Тимофѣича Елизарова.

Тетр. 45 (второй записи): Родъ монахини Варсанофїи Козинской, архіерея Досноея (сіе имя написано по подскобленному), Евфимїи, Марїи, Пелагїи 2-ды, Василя 2-ды, Михайла, Петра, Наталїи, Евсевїи, Софонїи, Іустины, Татїаны, Параскевы 2-ды, Θεодора 2-ды, Сергїя, Домники, Евдокїи, Θεодосїи, монахини *Варсанофїи*, Дарїи, Θεодосїи, Анны 2-ды, Симеона, Пелагїи 2-ды, Екатерины, Владимїра. Родъ Іоанна Петровича Петровыхъ, р. боярь Вориса и Петра Шереметевыхъ, р. гостини Марїи Яковлевны Строгановой, схимонаха Зосимы, Якова, Марїи, р. Симеона Григорьевича Нарышкина, р. Николая Григорьевича бароновъ Строгоновыхъ, р. Василя Соленикова, р. Катерины Васильевны Турицкой, р. болярини монахини Аполлиарїи Полибиной (въ послѣдствїи игуменья Усп. мон.), р. Несвицкихъ.

Тетр. 48. Помяни Гди . . . духовниковъ св. обители сей: іеромонаха Лукиллїана (Лукїана), Корниля, Ефрема, Романа, Θεодосїя. Второй записи: Давида, игумена Іоасафа, Анастасїя, Меодїя, архимандрита Паисїя, Пафнугїя, Серапїона, игумена Аарона, Макарія, Митрофана.

Тетр. 49. Схимонахинь (и монахинь настоятельница) св. обители сей: игуменїи сх. Анисїи, сх. игуменїи Гулитты. Второй записи: сх. игуменїи Мавры, монахини игуменїи Макрины, м. Евсевїи, сх. Екатерины (?), Митрополи, Есфири, княжны Евдокїи (Львовыхъ?), схимонахинь: Марѣи, Θεодоры, Пелагїи, Ирїнархи, Наталїи, Евдокїи, Варвары, Дороеи, Екате-

рины, Марен, Евпраксії 2-ды, Пелагіи, Іринархи. Второй записи: Варсанофін, Ксенофонты...

Тетр. 54. Сія книга монахинь св. обители сея: Макрины, Деворы, Антонида, Анны, Ірины, Меланіи...

Родъ игуменіи Анисіи, р. игуменіи Макрины, р. игуменіи Іулитты, р. старицы Евпраксії, р. старицы Пелагіи. Родъ монахини Варсанофії и Таисіи Антетовыхъ. Родъ старицы Марен Шереметевой: боярыня Василия, б. Петра, схим. Іоны, схим. Марен, ... бояръ: Петра, Василия, Іоанна, Наталіи. Р. 3-хъ сестеръ монахинь: Теоکتисты, Евсевіи, Ксенофонты Огаревыхъ. Родъ старицы Евфиміи Киселевой; далѣ роды стариць съ одними именами, безъ фамилій.

Тетр. 88. Сіи роды духовниковъ св. обители сея: р. іеромонаха Лукіяна, р. іеромонаха Корнилія, р. Никитскаго монастыря игумена Романа, р. игумена Θεодосія Вуйнырова (близъ Суздаля) монастыря, р. іеромонаха Давида, р. іеромонаха Антонія Властинина, р. іеромонаха Меѳодія, р. игумена Гурія, р. іеромонаха Паисія († 1714 г.).

Тетр. 89. Сіи роды строителей обители сея: р. монаха Феофана, р. монаха Зосимы, р. монаха Сергія, р. монаха Игнатія, родъ строителя монаха Геронтія. Второй записи: Родъ монаха Іоны (Маслова, ум. 1724 и 1729 г.), р. духовника іеромонаха Пафнутія.

Тетр. 90. Сія родители вкладчиковъ мірскихъ людей: іеромонаха Корнилія, Діонисія, Домники, Марен, Анастасіи.

Тетр. 94. Святѣйшаго митрополита Павла. Родъ іерея Дмитрія, р. іерея Дмитрія, р. іерея Никифора Благовѣщенскаго, р. іерея Іоанна Іевлева Никитскаго монастыря, р. іерея Тимофея, р. іерея Іоанна, р. іерея Иродіона.

Тетр. 96. Родъ архимандрита Павла Чудова монастыря, р. архимандрита Пахомія, р. игумена Іоны Анастасова монастыря (Одоевскаго), р. іеромонаха Іоны иконописца, р. монаха Θεодосія пустыннаго, р. монаха Филарета, р. монаха Кесарія, р. монаха Исхія, р. іеродіакона монаха Пимина, р. монаха Корнилія, Фролова Лукьяновы пустыни, родъ уставщика монаха Иннокентія, р. монаха Павла Кочюкова, р. монаха Ефрема Антоновыхъ, р. монаха Евфимія оконшника. Родъ гостя Оомы Гурьева, р. Симеона Фамелѣва, р. подъячаго Саввы Ведрина, р. думнаго дьяка Митрофана

Тугарина, р. Іоанна Филипова Молявкина, р. Алексія Иванова Шулькина, р. стряпчаго Венедикта Васильева сына Аристова, р. Іоанна Іоанновича Замшцаго, р. Ѳедора да Филиппа Мокоевыхъ, р. Михаила Гуляева, р. Ѳедора Григорьевича Горяева, р. бояръ Ульяновскихъ Василія да Григорія, р. стольника Ѳедора Мартемьяновича Вредихина, р. боярина Александра Боркова, р. боярина Іоанна Ладыгина, р. Прокопія Козмина Елеазарова, р. Андрея Васильевича Везобразова, р. Михаила Петровича Волинскаго, р. Антонія Стефановича Волинскаго, р. Симеона Тимофѣевича Рямарева, р. стольника Стефана, р. Андрея Григорьевича Бочина (шалошника), р. Артемія Васильева, р. Іоанна Денисова Коротая, р. садовника Василія Фалелѣва, р. подъячаго Василія Злобина хлѣбниного двorca, р. Павла Пряслова изъ Сурожскаго ряда, р. Аверкія Стефанова, р. Михаила Рыбкина, р. Владиміра Чанчикова, р. Василія Щученко, р. Максима Макарьевыхъ садовниковъ, р. гостиной сотни Тихона Парфентьева, р. Ильи Прокофьева, р. Павла Мардашева. Р. игуменіи Варсанофіи Бутурлиной (Моск. Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря), монахини Варсанофіи⁽¹⁾, схимонаха Іонны. . . р. Анны Иларіоновой жены Игнатъевой, р. княгини Евдокіи Великогагиной, р. Матроны Волковой, р. жены подъячаго Анны Сызловской, р. жены Анисіи деревни Сорокиной. Во второй записи: р. генерала князя Григорія Юсуповыхъ, р. княгини Анастасіи Михайловны Дашковой, р. Іоанна Іоанновича Бутурлина († 1738 г.), р. княгини Даріи Голицыной, р. управителя Строгановыхъ Дмитрія Завьялова, Новодѣвичья монастыря намѣстницы Маргариты Юрьевны Прозоровской.

Тетр. 108. Сія имена служебниковъ обители сія.

IX.

Рукописи Александровскаго Успенскаго женскаго монастыря.

I. Церковно-юридическаго содержанія.

1) № 16. *Стоглавъ и Номоканонъ* — въ четверть, скорописью, конца XVI вѣка, на 362 листахъ. На переплетѣ верхней дски со внутренней

⁽¹⁾ «Монахиня Варсанофія», упоминаемая въ трехъ родахъ: у царевны Маргариты Алексеевны, — послѣ великой инокини Марфы Іоанновны, у монахини Варсанофіи Козинской и у игуменьи Варсанофіи Бутурлиной, есть мать св. митрополита Филиппа Колычева, скончавшаея въ иноческомъ чинѣ и въ древнихъ святцахъ записанная въ числѣ святыхъ русской земли.

стороны надпись: „сия книга Царские вопросы“ Успенскаго дѣвеча монастыря въ Александрове слободѣ, дана вкладу послѣ господина Алексѣя Тимофѣевича Лихачева при игуменіи Митрополіи і сестрахъ и духовнике іеромонахе Пахоміе Кранивинѣ, ходатайствомъ строителя монаха Іоны Маслова, лѣта Господня 7238, отъ Рождества Господня 1729 году“. На первомъ бѣловомъ листѣ тропарь и кондакъ Алексія челоуѣка Вожія⁽¹⁾.

л. 1. Сказаніе главамъ въ настоящей сей книзе: Царскія вопросы и соборные отвѣты о многообразныхъ церковныхъ чинѣхъ. Гл. 1.....

л. 7. Лѣта 7059 (1551) июня въ 15 день гл. 100.

л. 8. Гл. 1. Въ лѣто 7059 (1551) мѣсяца февруаря въ 23 день быша сіи вопросы и отвѣты мнози о различныхъ церковныхъ чинѣхъ.

л. 258. А совершена бысть сия книга Црѣское уложение сирѣчь *Стоглавникъ* въ пресловуемъ граде Пскове въ пречистой и великой обители ꙗ Пречистые Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ, снисканиемъ и благословениемъ тояжъ честныя обители игумена киръ Иакима, въ лѣто 731^о декабря во кѣ день (1595), на память преподобнаго отца нашего Спиридона, чудотворца Тримифиньскаго, въ... лѣто государства царя и великаго князя Феодора Ивановича, всея Русіи самодержца, і въ первое лѣто епископа Псковскаго и Изборскаго Геннадія труды многогрѣшнаго клирика старца Іоны“.

л. 261. Предисловіе на *Номоканонъ*.

л. 361 об. „А списыванъ сіи Номоканонъ, сирѣчь законоправильникъ съ Московскаго і печатнаго Потребника, которые печатаны въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто осьмыя тысящи 159 ноября въ 29 день (1650) на память святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба“.

Замѣтимъ, что настоящій списокъ *Стоглава* есть лучший изъ всѣхъ, какіе находятся въ нашихъ книгохранилищахъ, и имѣеть нѣкоторыя особенности.

II. Богослужебныя.

2) № 28. *Каноникъ*, въ четверть, полууставомъ XVIII вѣка:

а) всеобщное бдѣніе о усопшемъ, б) страстемъ Христовымъ, в) Успенію Богородицы, г) Покрову Богородицы, д) Срѣтенію Христову.

⁽¹⁾ См. о семъ Стоглавѣ статью Владимір. Губ. Вѣд. ч. неоф. 1854 г. № 8.

Въ началѣ по листамъ надпись: „книга сія монахини Евсеѣи Огаревыхъ“.

3) № 27. *Служба* блаженнаго Василя, Христа ради юродиваго, чудотворца (мѣсяца августа во 2 день), въ четверть, полууставомъ XVII вѣка. Мѣсяца августа во 2-й день слово похвальное (и чудеса) св. праведному Христа ради юродивому блаженному Василю, новому чудотворцу Московскому (чудесь 21).

На внутренней сторонѣ переплета: „Писано житіе въ лѣто 7199 (1691) году мѣсяца іюлія въ « » день на Москвѣ въ Знаменскомъ монастырѣ“.

III. Богословнаго и духовно-нравственнаго содержанія.

4) № 20. *Сборникъ*, въ четверть, полууставомъ XVII вѣка, на 150 листахъ:

а) Алфавитъ покаятельный (1—22 л.); б) слово о дивныхъ свойствахъ души человѣческой (24—79 л.), переводъ съ греческаго; в) Судопреніе иже быше между Савеліемъ и Фотиномъ и Аріемъ презвитеромъ, древними еретиками, и благочестивымъ Афанасіемъ, повелѣніемъ благочестиваго царя Греческаго Константина Константія о Гдѣ нашемъ Исѣ Христѣ въ лѣтѣ святныя Троицы, правосудію сушу. Произнесся на латинскомъ языкѣ творцемъ Вигиліемъ, епископомъ Градентійскимъ. Нынѣ же переведся съ латинскаго языка на славено-росскій языкъ изъ книги богослова Григорія Ксандра въ лѣто отъ сотворенія міра 7196, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1687 индикта 11, мѣсяца мая“.

5) № 25. *Сборникъ* богословскаго содержанія, въ четверть, полууставомъ XVII вѣка, на 223 л.: о безначальномъ, превѣчномъ и Воже-ственномъ живоначальнѣмъ существѣ пребезначальнаго Бога Отца и пребезначальнаго и едиnorodнаго Слова Сына Вожія, и присносущнаго, пресвятаго и животворящаго Духа, о Троицествѣ и о единствѣ, вѣрующимъ оубо и почитающимъ ко исправленію истиннѣ, а невѣрующимъ же и непослушающимъ къ погибельному осужденію.

Нач. Богъ есть пребезначаленъ, сый прежде вѣкъ, существомъ же безплотенъ, пресвѣтелъ, неизречененъ.....

л. 83. Молитва ко Господу Богу Пресвятѣй пребезначальнѣй Троицѣ.....

Сія молитва на 100 стиховъ, глаголи на кійждо стихъ по поклону, а аще волиши и по три.

Нач. О всесвятая и всесильная Троице единице Воже.....

л. 113. Слово разсужденіе любви и правдѣ, побѣжденіе вражды и лжи.

Нач. Всякому держащемуся благовѣстія оудобно есть внимати и благодворенія благодаренія.....

л. 139. Слово къ вѣрнымъ, иже Христіане нарицаются, Богови же противятся коварствы, и всѣмъ на ся грѣха не возглаголють.

Нач. Святаго Духа силою сочиненная словеса, написанная отъ древнихъ святыхъ Богоносныхъ Отоцѣ.....

л. 157. Отъ старчества, о иже не презирати иноку своего уставленнаго ему правила..... и о прочихъ, иже подобно есть.

л. 174. Мѣсяца марта въ 17 день преподобнаго отца нашего Алексія челоуѣка Божія (служба ему).

л. 197. Мѣсяца марта въ 17 день, житіе и жизнь челоуѣка Божія Алексія.

6) № 22. *Церковносоставникъ*, въ четверть, полууставъ XVI вѣка, на 48 листахъ.

Огл. Книга, глаголемая Церковносоставникъ или церковной изъяснитель. Напреди изложено изъясненіе краткое, яко подобаетъ всѣмъ христіаномъ, паче же священникомъ, служителямъ церковнымъ, тѣло и кровь Господа нашего Исуса Христа въ святыхъ таинствахъ всеусердно почитати всякимъ благоговѣнствомъ.

л. 5. Дванадцать статей, иже увѣрають сомнящихся или невѣрство стяжавшихъ челоуѣковъ о пресуществленіи хлѣба въ тѣло и вина въ кровь Господа нашего Исуса Христа многія образы покланяюща.

л. 9 об. Къ читателю сея книги Церковнотолковника или церковноизъяснителя.

..... тѣхъ св. учителей церковныхъ имена, отъ которыхъ сіе сказаніе избрано: св. Симеона Селунскаго, св. Іоанна Златоустаго, св. Германа патріарха Царяграда, св. Іоанна Дамаскина, св. Нила Кавасиды, св. Амвросія.

Оглавленіе книги сѣя:

- 1) о церкви святой, что называется церковью, статей 26.
- 2) о одеждѣ священнической, статей 10.
- 3) о проскомидіи, статей 13.
- 4) о службѣ Вожіей, статей 8.
- 5) о вечерни и всенощной, статей 31.

л. 49 (49—131 об.). Литургія, си есть жертвоприношеніе, како пріяты начало совершити служеніе Богу и како до сего времени сіе содержатъ святія Греческія церкви и Римскіе костелы, извѣстнаго ради вѣденія православныхъ, како святая Греческая вѣра и служеніе сущихъ въ ней православныхъ христіанъ освящается Господу Богу, и како схизматиковъ раньше отщетившихся въ различныхъ вѣрахъ и служеніе ихъ, каковыми разноглаголаніи и раздорами изъвляются, въ православіи сіяющимъ предложенны, явѣ несогласныя.....

Преведеса съ латинскаго языка на славено-россійскій, изложенное изъ книгъ Богослова Григорія Кассандра, юже собра отъ различныхъ спасателей. Написана въ преславнѣйшемъ и преименитомъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія мира 7197, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1688 мѣсяца мая въ 1 день, индикта 11.

На оборотѣ бѣлыхъ листовъ надпись: „199 (1691) августа въ 12 день продалъ сію книгу окольникему Алексѣю Тимофѣевичу Лихачеву безмѣстной дьяконъ Павелъ Ивановъ сынъ Вологжанинъ, что служилъ у Спаса у Обыденнаго на Вологдѣ, а взялъ за сію книгу рубль денегъ и подписалъ своею рукою“.

Выписка изъ послѣдней (25-ой) главы книги „Литургія“: Символь Апостольскій и провѣщаніе отъ св. Апостоловъ, по принтіи въ день пятикостіи св. Духа, составленъ, егда хотяху ити во вселенную проповѣданія ради, да во всѣхъ концѣхъ земли едино всѣхъ вѣрныхъ исповѣданіе будетъ; составлено же сице: кійждо единъ отъ 12 апостоловъ единый положи составъ вѣры, яко вѣдци нещуютъ.

Верховнѣйшій убо всѣхъ лика св. Апостоль Петръ святой, первый, составъ св. Символа сложити сице рече:

- 1) Вѣрую въ Бога Отца всемогущаго, Творца неба и земли.

Вторый Апостоль, святой Андрей Первозванный, сице провѣща:

2) Во Иисуса Христа Сына Его Единого, Господа нашего.

Третий, св. Апостоль Иоаннъ Богословъ, сице проглагола:

3) Зачатаго отъ Духа Свята, рожденнаго изъ Маріи Дѣвы.

Четвертый, Іаковъ Зеведеовъ, сице рече:

4) Страдавшаго при Понтійстѣмъ Пилатѣ, распятаго и умершаго и погребеннаго.

Пятый, Ѳома Апостоль святой, сице прорекъ:

5) Низшедшаго во адъ, въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ.

Шестый, Апостоль Іаковъ Алеевъ, сице провозгласи:

6) И возшедшаго на небеса, сѣдящаго одесную Бога Отца, всемогущаго.

Седьмый, св. Апостоль Филиппъ, сице рекъ тако:

7) Оттуда грядущаго судити живымъ и мертвымъ.

Осьмый Апостоль, св. Варооломей, сице рече:

8) Вѣрую въ Духа святаго.

Девятый, св. Апостоль Матеей Евангелистъ, сице провѣща:

9) Святую церковь католическую нарекъ.

Десятый, св. Апостоль Симонъ, сице проглагола:

10) Святыхъ общеніе, оставленіе грѣховъ.

Первый надесять Апостоль, Иоуда Іаковль, сице рече:

11) Плоти воскресеніе.

Вторинадесять Апостоль, Матеей, сице глагола:

12) И жизнь вѣчную, аминь.

Сей св. символъ святыне отцы, въ первомъ Никейскомъ и во второмъ Цареградскомъ соборѣхъ, пространнѣе истолковаша, утвердили, иже вседневно вѣрными во святѣй Церкви и въ коемждо молитвословіи домовномъ изглаголется, и яко знамя царское присно хранится.

7) № 11. *Книга Григорія Омиритакаго*, въ листъ, полуставомъ XVII вѣка, на 136 л. Надпись на бѣломъ листѣ: „сія книга господина Алексѣя Тимофѣевича Лихачева дана вкладомъ въ Александровскую Успенскую дѣвичью пустынь ..... 1729 года“.

А сія книга Преніе преподобнаго Григорія, архієпископа Омирит-

скаго, съ Ервономъ жидовиноу о православной вѣрѣ, а подписалъ азъ многогрѣшный іеромонахъ Пансіи своею рукою....

8) № 9. *Книга на еретики* (Просвѣтитель), грѣшнаго инока Іосифа, сказаніе о нововоленной ереси Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ Алексѣя протопопа и Дениса попа и Θεодора Курицина и инѣхъ (15 словъ), въ листъ, полууставомъ XVII вѣка, на 187 листахъ.

9) № 18. *Тропникъ*, твореніе св. Иннокентія, папы Римскаго, переводъ съ польскаго, въ четверть, на 146 листахъ, скорописью XVII вѣка.

На первомъ бѣломъ листѣ надпись: „207 (1693) году генваря въ .... день куплена сія книга послѣ думнаго дьяка Василея Семенова“.

л. 1. Главы въ настоящей книжицѣ, глаголемой Тропникъ (гл. 87).

л. 146. „Перевелъ сію книжицу съ польскаго языка на русскій въ царствующемъ городѣ Москвѣ 7117 (1609) лѣта 11 іюня мѣсяца.... Θεодоръ Косьяновъ сынъ Говвинскій греческихъ словесъ и польскихъ переводчикъ“.

10) № 6. *Дизидерій* или стезя къ любви Божіей и къ совершенному житію христіанскаго, съ польскаго языка на славянскій.... въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ Чюда Архистратига Михаила, въ лѣто отъ мірозданія 7194, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1688-го мѣсяца нояврія, въ листъ, на 197 листахъ, полууставомъ XVII вѣка, въ 25 главахъ. Переводъ Чудовскаго іеродіакона и бібліотекаря Θεофана.

11) № 13. *Вънецъ въри каеолическія* (въ родѣ катихизиса), соч. іеромонаха Симеона Полоцкаго, въ листъ, полууставомъ XVII вѣка, переходящимъ въ скоропись, на 208 листахъ.

На первомъ бѣломъ лѣстѣ: „сія книга Алексія Тимофѣича Лихачева“. Полное заглавіе книги: Вънецъ вѣри каеолическія, на основаніи символа св. Апостолъ изъ различныхъ цвѣтовъ богословескихъ и прочихъ соплетенный и душамъ вѣрныхъ, яко дѣвамъ жениха небснаго во украшеніе и въ вою благоуханія духовнаго сооруженный трудолюбіемъ многогрѣшнаго іеромонаха Симеона Петровскаго Ситняковича въ лѣто отъ созданія міра 7188 и отъ Рождества еже по плоти Господа Іисуса Христа 1670, мѣсяца іюна въ 9 день. Вся яже писахъ подлагаю подъ разсужденіе Святыхъ Соборныхъ Апостольскія Церкви, ей же никогда противенъ хошу быти.

Примѣч. Патріархъ Іоакимъ называлъ это сочиненіе: „вѣнецъ изъ терніа на западѣ прозябшаго соплетенный“.

12) № 7. *Зерцало* или *Діонтра*, въ листъ, скорописью XVII вѣка: а) Діонтра напишъ же словенскимъ языкомъ нарицаема есть зерцало.... въ 5 словахъ (препирательство души съ тѣломъ), на 137 листахъ; б) о *образкахъ*, въ 12 словахъ, съ 137 об. — 179 об.

На первомъ бѣломъ листѣ: „сія книга *Зерцало* околыничаго Алексія Тимофѣича Лихачева, далъ вкладомъ въ Александровской Успенской дѣвичь монастырь.... 1729 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ“.

13) № 1. *Зерцало великое* (*Speculum majus*) (переводъ съ польскаго, 1671 г.), въ листъ, полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, XVII вѣка, на 765 листахъ.

Книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, расположенной по главамъ (на 224 л.), 158 главъ: 1) о непостижимости Святыя Троицы, 2) о милосердіи Божіи Троичною благодатію, 3) о величествѣ славы имене Святыя Троицы, 4) о двухъ кулларахъ, како единъ другаго спасе....

Вторая часть (съ 225 л. до 765) расположена по алфавиту. Ей предшествуютъ оглавленіе воцевъ, обрѣтающихся въ книгѣ сей, глаголемой *Великое зерцало* различныхъ прилоговъ (примѣровъ), собранныхъ по алфавиту.

14) № 24. *Сборникъ казаній* (проповѣдей), неизвѣстнаго автора, конца XVII вѣка или начала XVIII-го, на южно-русскомъ нарѣчїи, въ четверть, на 317 листахъ, скорописью (листы въ переплетѣ перемѣшаны).

л. 1—3. Правила разныя по алфавиту.

л. 3—9. Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго на псаломъ 133-й .... Нач. Дивуючися мовить св. Евангелистъ, Пророкъ не молился абы былъ вызволенъ отъ бѣсовъ, альбо львовъ, але отъ чловѣка злаго....

Сборникъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) собственно *казаній* на праздники господскіе, богородичныя, воскресныя и святыхъ и 2) изъ толкованій на разныя Евангельскія изрѣченія, расположенныя по алфавиту, такъ напримѣръ: о *милостыни*: „грѣхи твои милостынями искупи, и неправды твои щедротами пицихъ“. Кому именно принадлежатъ эти ка-

зая, по неизвѣннѣ историческихъ данныхъ въ Сборникѣ, опредѣлить съ точностію нельзя, но несомнѣнно одному изъ современныхъ Кіевскихъ ученыхъ нашихъ архипастырей или архимандритовъ начала XVIII вѣка, современниковъ Стефана Яворскаго и св. Димитрія Ростовскаго. Написаны языкомъ простымъ для пониманія.

15) № 31. *Сборникъ*, въ $\frac{1}{8}$ ч. листа, написанъ полууставомъ XVII столѣтія. Содержаніе:

1) Чинъ благовѣсту Успенскаго большаго собора во весь годъ.

2) Церковномъ стояніи и молчаніи.

3) Указъ о поклонѣхъ, когда бывають въ церкви и въ келліяхъ, и въ домѣхъ, приходные и исходные поклоны, и когда не бывають.

4) Правило келлейное (кое) должно есть всякому монаху держати со опасеніемъ.

5) Помяникъ, ого же должно есть иноку или мірянину всякъ день, до скончанія своего, келейно исправляти, со всякимъ умиленіемъ и усердіемъ чести.

6) Молитва на брань блуда. Иная малая.

7) Молитва ко Пресвятѣй Богородицѣ.

8) Молитва о ненавидящихъ и обидящихъ.

9) Исповѣданіе монаху по вси дни къ самому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

10) Св. Максима исповѣдника сказаніе извѣстно къ любящимъ Бога всѣмъ сердцемъ и многоболѣзнуюющимъ инокамъ и къ трудолюбствующимъ во еже спастися.

11) Предисловіе предъ канономъ за единоумершаго.

12) Послѣдованіе исходное монахомъ.

13) Чинъ бываемый на одѣяніе рясы и камлавки.

14) Послѣдованіе малаго образа, еже есть мантия.

15) Послѣдованіе въ одѣяніе рясы и камлавки.

16) Послѣдованіе малой схимы сирѣчь мандей.

17) Послѣдованіе великаго образа (схимы).

18) Чюдеса Пресвятныя Богородицы (выписки изъ книги „Звѣзды“ и изъ книги „Новаго неба“).

19) Чинъ божественной литургіи преждеосвященныхъ.

20) Молитвы собраны отъ божественнаго писанія, множайшіи же отъ Ефрема, хотящимъ ополчитися на свое еже къ страстемъ и сластемъ належашее произволеніе (пр. Кирилла Туровскаго).

21) Св. Геннадіи, патріарха Константинопольскаго, о вѣрѣ, еже убо православную вѣру имѣти основаніе добрыхъ дѣлъ есть (Геннад. стоглавъ).

22) Книга, глаголемая Космографія, сложена отъ древнихъ философовъ, преведена съ римскаго языка на русскій языкъ (выписки).

23) Перваго индикта царство Исмаилово, нареченнаго Магмета, бысть, во еже побѣдити родъ Палеологовъ, седмехолмихъ одержати и внутрь ево царствовать. Народы всемножественные разбѣютъ, и острова опустошютъ, даже до Черныя пучины, і подунайскихъ сосѣдовъ низложитъ.

Осмаго индикта, Пелопоникъ уираднить. Девятаго индикта, на сѣверныя страны имать воевати. Десятаго индикта, Далматы побѣдитъ, паки возвращая. И еще время Далматовъ войну воздвигнутъ великую, часто стерши, и множество пѣсы (?) соберутъ, и вечерніи по морю и по суху войну составятъ, но исчадіе его царствуетъ тонко и кратко. И родъ русыхъ мѣнитъ быти Евронію, сущиимъ во Аостовъ части. Народъ русскій, вкупѣ съ причастныи, всего Измаила побѣдитъ, седмехолмихъ возмутъ съ прибытками. Тогда же войну воздвигнутъ между собою ярящуюся, даже до пятаго часа. И гласъ возглаголетъ трижды: стойте со страхомъ і посиѣшитесе многотцательяѣ на десную страну, ту же обрящите прирожденнаго, чуднаго и сильнаго, того имѣйте имркъ, любимче бо мой есть і его поймите, той волю вашу исполнить.

Сіе же подписаніе истолкова премудрѣйшій Геннадій, патріархъ Цареградскій, бывшій во время Іоанна Палеолога, царя Греческаго. Преведе же з' греческаго діалекта на словенскій пресвященнѣйшій Гавріиль, архієпископъ Вожія жилища Назарета и ексархъ всеа Галилея, бывшій въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7159 (1651) году, мѣсяца марта въ 1 день. Написаніе нареченное отъ нѣкихъ святыхъ отецъ прозорливыхъ, воображенное геллинскаго художества знаменемъ и положено на камени исконаномъ надъ гробомъ святаго Константина, перваго царя христіанскаго, во градѣ Никомидійстѣмъ.

16) № 19. *Уставъ инопческаго житіи* по духовной грамотѣ пр.

осифа Волоцкаго съ добавочными статьями, въ четверть, на 199 листахъ, полууставомъ и скорописью XVII столѣтія.

л. 1. Извѣщеніе о главахъ, иже написаны суть здѣ (всѣхъ главъ 23, изъ нихъ 13 принадлежатъ собственно къ уставу, остальные 10 добавочныя).

л. 3. Великаго Василя посланіе къ Григорію Богослову о монашескомъ строеніи.

л. 12. Мнишескаго житія завѣты юнымъ черницамъ въ кѣлехъ.

л. 15 об. Совѣты св. Василя попомъ и черицѣмъ.

л. 22. Списано съ духовныя грамоты игумена Иосифа, о еже како подобаетъ имѣти поученіе настоятелю и всей братіи о церковномъ благочиніи и о соборной молитвѣ.

л. 135 об. гл. 14. Поученіе св. Отца Стефана Фивейскаго, огда востати иноку отъ сна завтра на всякъ день и о заповѣдехъ 12-тихъ того же Стефана.

л. 138 гл. 15. Поученіе Кирила мниха, вельми зѣло полезно.

л. 140 об. гл. 16. Отъ старчества, зѣло полезно.

л. 142 гл. 17. Иже во святыхъ отца нашего Анастасія горы Синайскія о неизглаголаныхъ помыслахъ хульныхъ.

л. 151 гл. 18. Отъ учительства отца Аммона хотящимъ спастися.

л. 162 об. гл. 19. Св. отца нашего Нила о осми помыслѣхъ. Того же о воздержаніи. Того же о чревобѣсѣи, отъ лѣствицы и о иныхъ страстехъ. Того же св. Нила словеса наказательна.

л. 183, гл. 20. Слово полезно о иноческомъ житіи.

л. 185, гл. 21. Слово великаго Аѳанасія Александрійскаго къ Аммону монаху о блажнящихся во снѣ.

л. 186 гл. 22. Св. великаго Василя уставы общежительнаго житія.

л. 196 об. гл. 23. Правило игуменомъ 63.

17. № 5. *Киновионъ*, соч. Гавріила Домецкаго, архимандрита Симонскаго, въ листъ, скорописью XVII ст., 31 листъ. Полное заглавіе:

„Киновионъ или изображеніе Евангельскаго иноческаго общаго житія, отъ св. отецъ вкратцѣ собрано трудомъ Гавріила Домецкаго, недостойнаго архимандрита пречистыя св. великія обители Пречистыя Богородицы обще-

жительнаго Симоновскаго монастыря, отъ сотворенія міра 7191, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1683 г. индикта 11, мѣсяца августа*.

л. 9 об. Описаніе божественной плоти и крови Господа нашего Іисуса Христа.

л. 10 об. Описаніе образа и нрава преблагословенной Маріи Дѣвы Богородицы.

IV. Историческія.

18) № 34. *Лѣтописецъ монастырскій* XVII вѣка (1649—1681 г.), въ четверть, на 25 л., скорописью XVIII ст.

19) безъ №. *Синодикъ монастырскій* второй половины XVII вѣка, въ четверть, на 155 л., полууставомъ и скорописью (безъ начала).

20. № 2. *Церковная Лѣтопись Баронія*, съ VI по XIII вѣкъ (съ 500 по 1200), въ листъ, на 464 л., писана скорописью XVII вѣка, разными почерками (до 226 л. въ два столбца), переводъ съ польскаго. На обор. послѣдняго листа значится: „переведена сія книга с польскаго языка на словенскій со друкованныя книги въ Краковѣ, по благословенію преосвященнѣйшаго Іосифа, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, въ лѣто отъ сотворенія міра 7187 годъ, а отъ Рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1678 года.“

Преводивый сію книгу имя его седмолитерно, троесложно, въ немъ же убо четыре гласныхъ и три согласныхъ, начало приѣмлетъ отъ перваго гласнаго, число же его суть (не дописано.... Іоасафъ?).

На обор. перваго бѣлаго листа: „при благополучной Богомъ и Богородицею и всѣми святыми хранимой державѣ благочестиваго и самодержавнаго великаго государя нашего Императора. Втораго Петра Алексѣевича всея Россіи, дана сія книга вкладу въ Переславскій уѣздъ, что въ Александровой слободѣ, во Успенскій дѣвичь монастырь, при игуменіи Митрополитъ съ сестрами и при духовникѣ іеромонахѣ Пансіи Брагининѣ, на поминовеніе души господина Алексія Тимофѣевича Лихачева, ходатайствомъ того же монастыря строителя монаха Іоны Маслова, лѣта отъ сотворенія міра 7238, а отъ Р. Х. 1729 въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

21) № 14. *Хронографъ* большой, въ коемъ описываются всемірныя

событія отъ начала міра до 1630 г., въ листъ, на 726 л., скорописью XVII вѣка. Со 131 гл. начинается сказаніе о Россіи, со 159 гл. и до конца исключительно событія русской исторіи. Въ оглавленіи главъ 171 (цар. Θεодора Алексѣевича), а въ подлинникѣ разсказъ прерывается 169-ю главою (царств. Михаила Θεодоровича). Последнее событіе, записанное въ 1630 г., рожденіе у царя Михаила Θεодоровича дочери великой княгини Анны Михайловны.

22) № 3. *Хроника Литовская, Матвѣя Стрыйковскаго*, въ листъ, на 402 л., скорописью XVII стол. *Примѣч.* Матвѣй Стрыйковскій, польскій историкъ XVI вѣка, родился въ 1547 году, умеръ въ концѣ того же столѣтія, неизвѣстно гдѣ. Важнѣйшее изъ его сочиненій— *Хроника Польско-Литовская, Жмудская и всей Россіи и т. д.* Первое изданіе, Крелевецъ, 1582 г. Второе изданіе, Варшава, 1766 г., 3 тома. Третье изданіе 1844—1846 г., въ двухъ томахъ. Въ последнемъ находится его жизнеописаніе, составленное М. Малиновскимъ.

На 1-мъ бѣломъ листѣ: „сей лѣтописецъ Литовскій Матвѣя Стриковскаго доведенъ до 1335 года (надпись Владимірскаго епископа Паревніа)“.

На 2-мъ бѣломъ листѣ надпись начала XVIII ст.: „Сія книга хроники Литовской господина Алексѣя Тимофѣевича Лихачева дана въ Успенскій дѣвичь монастырь въ Переславскій уѣздъ въ Александровѣ Слободѣ при игуменіи того монастыря Митрополіи, свидѣтельствовавъ того же монастыря духовникъ іеромонахъ Пансіей Крапивинъ, а дана сія книга ходатайствомъ того же монастыря строителя монаха Іоны Маслова, лѣта Господня 7228, а отъ Рождества по плоти Бога Слова 1718 въ ноябрѣ мѣсяцѣ“.

л. 1. Матвѣя Стриковскаго Осетовича Кроникъ Литовскій книга I, гл. I.

л. 9, гл. 2-я, л. 25 об. (въ концѣ 2-й главы): Матвѣя Стриковскаго Осетовича, каноника Жмодцаго, Кроникъ Литовскія книга II гл. 1 (но ея нѣтъ).

л. 26. Начало: съ Богомъ святымъ, книгъ II-хъ, въ нихъ же описаніе о Литовскихъ, Русскихъ и Жмодцкихъ народахъ отъ русскихъ лѣто-

писателем и литовскихъ свидѣтельствъ о приходѣ Влоховъ съ Палемономъ княземъ въ тѣ страны, гл. 1, л. 31; гл. 2.

л. 36, гл. 3-я, о Готахъ и Епидахъ, предкахъ Словенскихъ, и Литвахъ.

л. 44, гл. 4, о Веденулѣ царѣ первомъ Прусскомъ изъ Литалинъ избранномъ, и Литвинѣ и Самогѣ, сыновьяхъ его.

л. 50. Разсужденіе Длугошова и Кромерово о Литвѣ.

л. 52, гл. 6; л. 58, гл. 7-я.

л. 61, гл. 129. Первая вина пришествія Итальянъ въ тѣ страны суши (сухости) ради.

л. 67, кн. III, гл. 1, съ посвященіемъ: ясновельможному господину Николаю Радзивилу князю и прочая, воеводѣ Виленскому, гетману великому войскъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ.

л. 85. Начало съ Богомъ книгъ IX-хъ: кроника или лѣтописаніе царствъ, княжествъ и славныхъ мѣстъ *земли Московской, Россійской, Кіевской* и прочихъ къ нимъ прилежащихъ, съ великимъ прилѣжаніемъ сыскано и пространно отъ старыхъ лѣтописцевъ Еллинска, Греческа, Латинскихъ написано лѣта отъ Р. Х. 1668.

л. 94 об. О извожденіи славнаго рода Россійскаго, Славенскаго, Сармацкаго и чего ради назвали Славенами. Гл. 2-я.

л. 111. О бѣлой и черной Руси, восточныхъ, полуночныхъ и полуденныхъ народахъ, древле живущихъ, о ихъ князехъ, ижъ Велико-Новгородскихъ, Изборскихъ, Псковскихъ, Вѣловерскихъ, Кіевскихъ, Луцкихъ, Володимирскихъ, Волинскихъ, Галицкихъ, Подѣгорскихъ, Подольскихъ и о прочихъ. Гл. 3-я.

л. 140, гл. 4-я, съ посвященіемъ: къ ясновельможному *Яну Кишику* Щехановцѣ, старостѣ, генералу земли Жмоидцкіе, подчашему въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и прочая.

л. 157 об. О раздѣленіи 12-ти сыновъ Владимировыхъ и о біеніихъ ихъ общихъ по умертїи отеческомъ. Кн. V, гл. 1-я.

л. 165. Гл. 2-я. Ярославъ Владиміровичъ, самодержецъ всей Россіи.

л. 166. О частыхъ бранехъ съ Русскими князьями Половцевъ и Печенѣговъ и побратимовъ Литовскихъ и о первомъ извожденіи ихъ народа, гл. 5-я.

л. 167 об. О внутренних бранехъ Русскихъ князей и о убіеніи Бориса, — Изяслава Кіевскаго.

л. 169 об. О мятежахъ Русскихъ князей о Кіевскомъ престолѣ и о убіеніи Ерополка Изяславича, князя Литовскаго и Владимірскаго, отъ дворянина.

л. 171 об. О разореніи Польши отъ Русскихъ князей съ Литвою и пораженіи ихъ.

л. 171 об. О пораженіи князей Русскихъ отъ Половцовъ, гл. 6-я.

л. 174. О великихъ и частыхъ внутреннихъ войнахъ и мятежахъ вредильныхъ князей Русскихъ.

л. 178. О славныхъ и щасливыхъ многихъ побѣдахъ Русскихъ князей надъ Половцы и о пришествіи Литвы съ Пруссы въ русскія страны въ лѣто отъ Христа Господа 1103-е, гл. 8-я.

л. 181. О пораженіи Ятвезовъ, побратимовъ литовскихъ, отъ Руси и о истребленіи ихъ отъ Поляковъ и каковы быста оныя Ятвезы, гл. 9-я.

л. 184. О разореніи Польши отъ Володара и о восхищеніяхъ его (лѣта 1118), гл. 10-я.

л. 188. О низверженіи отъ Русскихъ князей ига польскаго (лѣта 1134), гл. 11.

л. 190 об., гл. 12. Повѣсть о замыслахъ Русскихъ князей, когда донеслась Болеславу Кривоустому ся жъ третья съ Русскими князи велика тревога, а знатно большая дошла.

л. 192. Отданіе хитрости хитростію отъ Ерополка Болеславу.

л. 193 об. О хитромъ пораженіи Болеслава Кривоустаго отъ Русскихъ князей подъ Галичемъ въ лѣто 1139-е, гл. 13.

л. 196. Книга VI, гл. 1, съ посвященіемъ ясновельможному господину Монвиду Олехновичу Дорогостанскому, полоцкому, воеводѣ волговискому и прочая, старость державцу гонинскому и проч.

л. 202 об. О брани подъ Галичемъ съ князи Русскими и о пораженіяхъ отъ Поляковъ, гл. 2-я.

л. 205 об. О разореніи Кіева и о пораженіи князя Рязанскаго, гл. 3-я.

л. 208 об. О пораженіи Половцевъ и грабленіи Кіева и проч., гл. 4 лѣта 1194).

л. 209 об. О провозженіи отъ Поляковъ Романа Владимірскаго на Галицкое княжество.

л. 210. О мучительствѣ Романа Владимірскаго и Галицкаго князя, монарха Русскаго, и о посланіи его въ Польшу, гл. 5.

л. 213. О брани подъ Завихвостомъ со княземъ Романомъ Володимерскимъ и Галицкимъ и о убіеніи его, лѣта 1205.

л. 214 об. О разореніи Русскихъ княжествъ отъ Литвы и Жьмонди и ихъ первомъ изъясненомъ имени въ лѣто 1025, гл. 6-я.

л. 218, гл. 7-я. О Литовскихъ князьяхъ.

л. 221 об. О коронованіи на королевство Галицкое и Владимерское Коломана, сына Андрея, короля Угорскаго, 1208 г., и о изганіи его и о пораженіи Угровъ и Поляковъ отъ Руси. Гл. 8-я съ посвященіемъ ясно-освѣченому князю и господину Янушу Константиновичу, князю Острожскому и прочая, граби на Торновѣ и прочая.

л. 226. О пораженіи Русскихъ князей отъ Поляковъ, лѣта 1211.

л. 226 об. О первомъ пришествіи Сунтовъ или Татаръ и въ тѣ поля, идѣже пшнѣ сѣдоша, изгнаша Половцовъ и выбивъ сими убо и Русскихъ князей поразиста и понудиста, въ лѣто 1211, гл. 9-я.

л. 230 об. О посылкѣ литовской въ русскіе княженія и о пораженіи ихъ отъ Русскихъ, лѣта 1216, гл. 10-я.

л. 235. О пораженіи Кайдана, царя Заволгскаго, воеводы Батнева или Ванѣева, отъ Эрдивила, подъ рѣкою Днѣпромъ, идѣже въ него Перенечь впадаетъ, гл. 11-я.

л. 236 об. Мингаило Эрдиволовичъ, князь Литовскій, на Новогродѣ 11, а на Полоцкѣ 1, гл. 12-я.

л. 239. О брани и побѣдѣ Скирмунтовъ надъ княземъ Луцкимъ лѣта 1220, гл. 13-я.

л. 243. О пораженіи Балаклая, царя Заволгскаго, отъ Скирмунты, лѣта 1220, гл. 14.

л. 245 об. (продолженіе о литовскихъ князьяхъ).

л. 248. Книга VII, гл. I, съ посвященіемъ: къ пречестному о Христѣ господину Микалаю Пацу, Вожією милостію епископу киевскому и прочая, и господину Станиславу Пацу, воеводѣ витебскому... и Павлу Пацу, воеводѣ истиславскому... гл. 1.

л. 253. О войнѣ литовской въ Курляндіи противъ гисторіи Петра Дусбурха и о жестокомъ боѣ крыжаковъ, лѣта 1260, гл. 2-я.

л. 257. О войнѣ литовской, которую противу ихъ Прусы или Лифляндцы и крыжаки вели всегда чрезъ 200 и 10 лѣтъ, гл. 3-я.

л. 266. Водиной бой литавовъ съ крыжаками лѣта 1316, гл. 5.

л. 269 об. О пораженіи крыжаковъ и мѣдникъ и о жертвѣ литовской.

л. 276 об. (безъ заглавія) О Даниилѣ Романовичѣ галицкомъ.

л. 278 об. О коронаціи Мендоговой на королевство литовское, жмондское, курляндское и новгородское, лѣта 1252, гл. 11.

л. 280 об. О коронованіи повторенномъ на королевство русское Даниила Романовича литовскаго, галицкаго, владимирскаго, друцкаго и прочія княжества, лѣта 1246, а по семъ 1253 г., (кн. VIII) гл. 3-я.

л. 282 об. Яко ста Мендогъ, король литовскій.

л. 287. О разореніи сугубомъ Мазовіи чрезъ Литву и Русь лѣта 1262 и усѣченіи Семовита князя, гл. 4-я.

л. 291. Войшелъкъ или Волстинникъ, сынъ Мендога короля, будучи перво инокомъ закономъ русскаго монастыря, яко Казиміръ Первый польскій, на великомъ княжествѣ литовскомъ и жмондскомъ, избранъ и возвышенъ лѣта 1264, гл. 5.

л. 294. О пораженіи на голову Ятвяговъ, побратимовъ литовскихъ, чрезъ Поляки подъ Подлѣсью, лѣта 1264.

л. 296. О нашествіи Сварковомъ съ Русью въ Польшу и пораженіи его чрезъ Поляковъ лѣта 1265, гл. 6-я.

л. 298. О убіеніи Войшелка Мендоговича королевича и великаго князя литовскаго чрезъ Льва Даниловича, королевича русскаго, лѣта 1269 г.

л. 300 об. Святорогъ Утенковичъ Згербу Китаурусъ, на великомъ княжествѣ литовскомъ, избранный лѣта 1268, гл. 7-я.

л. 303. Гермонтъ Святороговичъ, великій князь литовскій, рускій и жмондскій, лѣта 1271.

л. 307. Гилигичъ или Рологинъ литовскій, новгородскій, трибусъ жмондскій, князи Гермонтовичи, лѣта 1275, гл. 8.

л. 310. Романтъ или Ромунтъ Гилигичовичъ, великій князь литовскій.

л. 313. Наримунтъ, Довмонтъ... Тройданъ Ромунтовичи, братія князя литовскаго... кн. IX, гл. 1.

- л. 318. О поражении Русин, Литвы, Татаръ отъ Поляковъ, гл. 2.
- л. 322. О отражении Литвы и Ятвяговъ отъ Поляковъ, лѣта 1282.
- л. 323. О убиении Тройдена князя и Довмонта, и о смерти Гонща, подруга князей литовскихъ, лѣта 1282, гл. 4.
- л. 328. Витень... на великомъ княжествѣ литовскомъ... согласно избранъ и возвышенъ, лѣта 1283, кн. X, гл. 1.
- л. 331. О взятіи Гостинника, Сохачева и Плоцька и Добрина отъ Литвы, яко паки Пелюса Литвинъ съ крыжаками господъ литовскихъ на брани погромилъ, гл. 2.
- л. 333. О частыхъ нашествіяхъ и кунныхъ войнахъ литовскихъ и жмондскихъ съ крыжаками и рускими, лѣта 1289 и прочихъ противу кроникъ прускихъ, лифляндскихъ, Длугоша, Вановскаго, Мѣховея и Кромера, гл. 3.
- л. 341 об. О разореніи добринской земли отъ Литвы и частыхъ наѣздахъ между ими и крыжаки, лѣта 1300, гл. 5.
- л. 335. Кн. XI, гл. 1. Гедеминъ Витеновичъ, великій князь литовскій, жмондскій и прочихъ, лѣта 1315.
- л. 357 об. О благополучіи литовскомъ, о побѣжденіи крыжаковъ, отъятіи Жмонди изъ нѣмецкія работы и о ихъ праздникѣ жмондскомъ. Гл. 2.
- л. 361 об. О побѣжденіи и овладѣніи владимерскаго, луцкаго, кіевскаго княжествъ и о побіеніи князей русскихъ чрезъ побѣдителя Гедемина, лѣта 1319, гл. 3.
- л. 370 об. О основаніи Тороковъ старыхъ и основаніи Вильны чрезъ Гедемина, лѣта 1321, гл. 4.
- л. 377 об. О воеваніи литовскихъ и жмондскихъ земель чрезъ князи Рѣшскіе и чрезъ крыжаки и о разореніи Лифлянска земли, даже до Ревря и до Дериту чрезъ Литву отъ Митавы и разоренія Мазовецка и Добрина, лѣта 1322, гл. 5.
- л. 380 об., гл. 6-я. О племянничествѣ Литвы съ Поляки и панъ Владиславъ Локотокъ, кроль польскій, сына своего Казимера въ 16 лѣтахъ вженилъ на княжнѣ Гедеминовой, лѣта Господня 1326.
- л. 393. Книга XII-я, гл. 1. Явнута Гедеминовъ, великій князь литовскій и роскій и прочая, и Кейстуть, княжичъ жмондскій, братія, лѣта 1322.

л. 139 об. — 408. Ольгердъ, великій князь литовскій (и его отноше-
ніе къ русскимъ князьямъ) и описаніе междоусобія русскихъ князей.
Княженіе Дмитрія Ивановича Московскаго и война Русскихъ съ Литвою
(до 1334 г.).

23) № 8. *Скитскій патерикъ*, въ листъ, полууставомъ XVI вѣка,
на 360 листахъ.

л. 1. Заставка простая. Подъ ней: „списаніе отъ поученій, отъ
житій, и отъ повѣстей преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ. По-
вѣсть отца Давіила объ Евлогіи каменосѣчцы. Гл. 1.

24) № 17. *Лимонарь* или *Цвѣтникъ*, въ четверть, на 431 листѣ,
полууставомъ XVI вѣка.

На бѣломъ листѣ надпись: „Сия книга Лимонарь или Цвѣтникъ
духовный господина Алексѣя Тимофѣича Лихачева... 1729 г. въ сентя-
брѣ мѣсяцѣ“.

л. 1. Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ, премудрыми курь Іоанномъ, Со-
фроніемъ и иными различными преподобными отцы сочиненъ, гл. 1 (219
словъ), оканчивается на 277 листѣ.

л. 278—407. Мѣсяца іюля въ 8 день, житіе и чудеса святаго,
праведнаго, блаженнаго Проконія, иже Христа ради оуродиваго, Оустюж-
скаго чудотворца (скоронисью XVII вѣка).

Нач.: Якоже бо исперва глаголетъ о блаженныхъ оуродивыхъ и при-
снопамятныхъ святыхъ мужей.

л. 406 об. О чудесахъ Египетскихъ, писано изъ Гранографа.

л. 408—431 об. Мѣсяца мая въ 29 день, житіе святаго праведнаго
Іоанна, Христа ради оуродиваго, Оустюжскаго чудотворца.

Нач.: Жизнь благородну и житіе непорочно мужа сего добронрава,
возлюбленнїи, хотящу ми повѣсть дивну написати...

Примѣч. Оба житія писаны во второй половинѣ XVI вѣка (послѣ
1554 г.).

25) № 12. „*Григорія св. и равноапостолнаго, папы стараго
Рима, къ Петру архидіакоу, вопросы и отвѣты о житіи св. отецъ,
иже въ Италиі*“, въ листъ, на 143 листахъ, полууставомъ XVII в.

На дскѣ съ внутренней стороны надпись: „при благополучномъ Богомъ
и Богородицею и всѣми святыми хранимей державѣ благочестивѣйшаго

самодержца, великого государя нашего, императора Петра Алексѣевича всея Россіи, дана сія книга „вопросы и отвѣты“ въ Переславскій уѣздъ въ Успенскій дѣвичь монастырь по смерти окольниковъ Алексія Тимофѣича Лихачева въ вѣчное поминовеніе, при игуменіи Митрополіи съ сестрами, при духовникѣ Паисіи Крапивинѣ, ходатайствомъ строителя Іоны Маслова, 1727 году.

26) № 30. *Гуно орошннное* или повѣсть о чудесахъ отъ иконы Черниговской Божіей Матери, сочиненіе св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго (въ бытность его іеромонахомъ), въ четверть, полууставомъ, начала XVIII столѣтія.

27) № 29. Чудеса отъ св. монастырскихъ иконъ: Успенія св. Богородицы, Владимірской, Казанской и Страстной. Всего описано 40 чудесъ, въ четверть, на 18 л., полууставомъ начала XVIII вѣка.

Чудо 14. Объ исцѣленіи бѣсноватой жены вельможи Михаила Тимофѣича Лихачева, по немногомъ времени бытія ихъ во св. обители исцѣли ю Пресвятая Богородица.

..... абіе отъидоша въ домъ свой радующеся и веселящеся, славяще Бога и безмездную цѣлительницу свою, и отъ того времени онѣи вельможа велію вѣру и любовь стяжа ко обители Пресвятыя Богородицы Успенія и къ великому Государю Алексію Михайловичу ходатайствовати... Чудо 36. Въ лѣто 7171 (1663) града Юрьева-Польскаго бысть нѣкто старѣйшина разбойниковъ именовъ *Ифремъ*, услыша про св. обитель Успенія Пресвятыя Богородицы, яко Государь ее жалуетъ и старицы яко бы вельми богаты, той же разбойникъ, вражннѣ наводженіемъ, умысли обитель разорити и имѣніе ихъ разграбити, приде въ монастырь съ дружиною своею въ першомъ часу ночи, назывался, яко нѣкій великій вельможа отъ царь града Москвы. Игуменія же съ сестрами срѣте его съ великою честію и смиреніемъ, и введоша его въ св. церковь. Онъ же не нѣвъ молюбна, изыде изъ церкви. Игуменія же поднеса ему хлѣбъ, и начаша его молити, дабы позъ его умяти, по обычаю монастырскому. Онъ же не даде ногъ своихъ умыти и хлѣба не пріяты: нападе на него страхъ и трепеть и отъиде бездѣленъ съ дружиною своею. Приѣхавъ же во свой градъ и повѣда свое злое произволеніе, и како приде на него страхъ и трепеть, и съ клятвою сказа, что во истину Богъ и Пресвятая Богородица хранитъ свой домъ, молитвами

отца Корнилія, и ко всѣмъ во градѣ сказываше. Едина же отъ инокинь обители Пресвятыя Богородицы изыде изъ монастыря, не терпя унынія, и иде во градъ Юрьевъ къ сродникамъ своимъ. Они же повѣдаша ей про старѣйшину разбойниковъ, какъ въ вашу обитель приходилъ, мы бо прямо отъ него слышахомъ сіе чудо, во многихъ бесѣдахъ намъ и многимъ повѣдалъ, како хотяше разорити обитель и имѣніе разграбити. Монахиня же слыша сіе паки возвратися во св. обитель и повѣда сіе чудо. Они же слышавше, прославиша Бога и Его Пречистую Матерь о такомъ милосердомъ заступленіи.

На об. 15 страницы. Сказаніе о чудотвореніи иконы Пресвятыя Богородицы, нарицаемыя Казанскія.

Подъ градомъ Переславлемъ есть церковь св. Николая Чудотворца древняя, нынѣ же обитель благовѣрнаго Князя Андрея Смоленскаго. Въ древнія времена въ церкви св. Николая стояше икона Пресвятыя Богородицы Казанскія. Божіимъ попущеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, згорѣ онаи церковь. Чудотворная же икона обрѣтесе въ пепелу ничѣмъ невредима. Сіе повторися до трехъ разъ и въ послѣдній обрѣтесе сія икона въ разстояніи полпоприща отъ церкви, подлѣ озера Клещина, стояще на кочкѣ, и внесена торжественно въ новосозданную церковь, и поставлена на своемъ мѣстѣ, — приходскихъ людей бысть сей образъ *Бурдыкинскъ* (нынѣ въ Успенскомъ монастырѣ, когда и по какому случаю перенесенъ сей образъ — неизвѣстно. Стоить у св. вратъ, въ часовнѣ).

28) № 10, I. Сказаніе Прохора о Іоаннѣ Богословѣ: о ученіи, о хожденіи и о преставленіи его (23 главы), въ листѣ, полууставомъ XVII вѣка (изъ четь-миней), на 67 листахъ. II. Толковный Апокалипсисъ съ лицевыми изображеніями, въ 72 главахъ (отъ 70—188 л.). III. Изъ книги „Миръ съ Богомъ“, скорописью, въ листѣ (180—190).

Внизу по листамъ киноварью: „книга князя Василія Григорьева меншова Ромодоновсково Стародубсково“. На послѣднемъ листѣ (187 об.), внизу, написано: въ лѣто 7133 ноября въ 16 день (1624).

Всѣхъ лицевыхъ изображеній 74, изъ коихъ большая часть во всю страницу, нѣкоторыя въ полстраницы, сдѣланы перомъ и разрисованы красками. Замѣчательны по своему замышленію.

29) *Книга святаго и блаженнаго Андрея, иже Христа ради уродиваго*, въ четверть, на 261 л., скорописью XVII столѣтія. Состоитъ изъ 54 словъ и 4-хъ молитвъ.

Л. 5. Изображеніе св. Андрея уродиваго; разрисовано красками.

Л. 6. Заставка; надписанію: житіе св. и блаженнаго Андрея, иже Христа ради уродиваго, писано Никифоромъ бывшаго Константинограда великія церкви Софій премудрости Божіей іереомъ (киноварью).

На оборотѣ послѣдняго 261 листа надпись: „199 (1691) году августа въ 17 день продалъ сію книгу Андрея блаженнаго окольнічему Алексѣю Тимофѣичу Лихачеву безмѣстной дьяконъ Павелъ Ивановъ сынъ Вологды града, что служилъ у всемилостиваго Спаса единоплевнаго строенія и подписалъ я дьяконъ своею рукою“.

На 217 страницѣ рисунокъ красками Покрова Пресвятыя Богородицы предъ словомъ 43-мъ „о видѣніи Пресвятыя Богородицы во Влахернѣ“.

30) № 26. *Житіе пр. Кирилла Новоезерскаго*, въ четверть, на 81 л., полууставомъ XVII вѣка.

Мѣсяца февруарія въ 4 день, житіе пр. отца нашего Кирилла новаго чудотворца, иже пречестенъ монастырь составившаго во области града Вельозера, иже есть на Новомъ озерѣ, на Красномъ островѣ.

Нач. Единородный Сынъ, Слово Божіе, собезначальный и соприисущный Отцу.....

Чудо 20-е, въ лѣто 7128 (1620).

Чудо 21-е и послѣднее, о явленіи царю Ивану Васильевичу († 1584).

Нач. Въ лѣта благочестиваго царя и великаго князя Михаила Теодоровича....., гдѣ повѣствуется о посѣщеніи Новоезерскаго монастыря бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ въ 1648 г. О построеніи каменной церкви и открытіи мощей пр. Кирилла въ 1648 г. ноября въ 7 день, и о перенесеніи мощей въ новосозданную соборную церковь Воскресенія Христова въ 1652 г. августа въ 22 день при игуменѣ той же обители Амфилохіѣ.

31) № 4. *Путешествіе и похождение въ землю святую*, пресвѣтло сияющаго господина его милости господина *Николая Христова Радвила*, князя на Олыцѣ и Пѣвсвеже, графа на Шадловцѣ и Мирѣ, воеводы вилен-

скаго, савенскаго и проч... старосты... (въ 1582—1584 г.), переводъ съ польскаго, въ листъ, на 164 л., скорописью XVII ст.

На бѣломъ листѣ надпись: „сія книга Алексѣя Тимофѣича Лихачева, далѣ вкладу въ Успенскій дѣвичь монастырь..... ходатайствомъ строителя монаха Ионы Маслова 1729 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

32) № 21. *Путешествіе* въ Іерусалимъ священника Андрея Игнатьева съ братомъ 1707 года (напечатано въ Чтеніяхъ О. ист. и древн. російскихъ 1873 г., кн. 3), въ четверть, на 48 листахъ, скорописью.

33) № 33. *Списокъ бояръ, околничихъ и боярскихъ дѣтей, лутчихъ слугъ*“, получившихъ *помѣстья* въ Московскомъ уѣздѣ и отъ Москвы верстъ за 60 и за 70 въ Московскомъ уѣздѣ, да въ Звенигородскомъ, да въ Числянѣхъ и въ Ордынцѣхъ и въ перевѣсныхъ деревняхъ и въ тетеревицахъ и въ оброчныхъ деревняхъ: бояре по 200 четвертей, а дѣти боярскіе въ первой статьѣ по 200 четвертей, въ другой статьѣ по 150 четвертей, а въ третьей по 100 четвертей,—въ четверть, 41 листъ, скорописью XVII стол.

34) № 32. *Тетрадь дворовая*, а въ ней писеть: Бояре и дѣтки, да князи и дѣти боярскіе, дворовныя Московскія земли и приказные люди (лѣта 7045—1537), въ четверть, на 60 листахъ, скорописью XVII столѣтія.

V. Смѣсь.

35) № 15. *Книга лѣкарская* (изъ предисловія: „Глаголемая сия книга лѣкарская *травникъ* здѣшнихъ и тамошнихъ зеленъ полскаго языка а латинскими словы, отъ римскихъ мастеровъ, переведена пану Станиславу, воеводѣ троцкому Гаштовтову („списана въ Краковѣ въ лѣто отъ нароженья Божиа лѣта 1423“). Переведена съ польскаго на славянскій языкъ повелѣніемъ воеводы Оомы Афанасьевича Бутурлина въ Богоспасаемомъ градѣ Серпуховѣ, а переводилъ ее панъ Станиславъ Станческій, на честь и похвалу Господу Богу и на поученіе русскимъ людемъ и на службу пану воеводѣ Оомѣ Афанасьевичу Бутурлину въ лѣто 7096 (1588) году“. Въ 841 главѣ, писана въ листъ, скорописью, на 81 тетради (по 14 листовъ въ каждой).

На внутренней сторонѣ переплетной дски: „сія книга *лѣкарскихъ* гос-

подяна Алексѣя Тимофѣевича Лихачева, дана въ Успенскій дѣвичь мона-
стырь..... лѣта Господня 1724 въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Гл. 1—259 о травахъ и о животныхъ.

„ 260—370 о водкахъ лѣкарственныхъ и разныхъ травъ.

„ 371—372 какъ дѣлать разные лѣкарственные масла.

„ 373—452 начинается о заморскихъ зеляхъ и дрѣвѣхъ заморскихъ и
сѣмянъ разныхъ, которые въ лѣкарству прикладываютца, а растутъ за
моремъ, и у насъ.

Съ гл. 452, о металахъ.

„ „ 474, о звѣрятахъ и о скотинахъ, которые пригожаютца въ лѣкарству.

„ „ 509, о птицахъ.

„ „ 561, о прироженіи рыбномъ, о знаемыхъ и незнаемыхъ и о ихъ мочахъ.

„ „ 587, о слимакахъ морскихъ и черепахахъ.

„ „ 598, о иныхъ рыбахъ морскихъ.

„ „ 612, о каменіяхъ добрыхъ, которые по многимъ лѣкарствомъ при-
гожаютца.

„ „ 658, о акушерствѣ.

„ „ 662, о наукѣ какъ лечить и беречи и кормити дѣтей малыхъ.

„ „ 668, о наукѣ, какъ подобаетъ моровому повѣтрію.....

„ „ 669, о лѣкарствахъ добрыхъ, которые отъ докторовъ и отъ бабъ
досвятчены (изобрѣтены).

Гл. 747, о наукѣ байберской (цирульной) на всякія немочи.

„ 748, о наукѣ аптекарской.

Гл. 749, лѣкарства о болячкахъ и немочахъ разныхъ.

„ 750, часы на собраніе зелей и цвѣтовъ и корней и сѣменъ (и) овощей
на всякое дѣло.

Съ гл. 751 и до конца: „выборы съ рускова обычая изъ всѣхъ травъ и
зелей и дрѣвѣхъ и звѣрей и птицъ и рыбъ и каменей на разные болѣзни“.
Здѣсь заключается сводъ указаній въ какихъ именно главахъ лѣчебника
искать лѣкарства отъ болѣзни того или другаго рода.

Х.

Крестные ходы.

Въ 6-ое воскресенье по Пасхѣ ежегодно совершается изъ Лукіановой пустыни крестный ходъ съ чудотворною иконою Рождества Пресвятыя Богородицы въ Александровскій Успенскій дѣвичь монастырь.

Учредителемъ онаго хода былъ пр. Лукіанъ, основатель сихъ обонхъ монастырей; начало его послѣдовало съ принесенія иконы Рождества Богородицы пр. Лукіаномъ изъ своей пустыни въ Александрову Слободу въ моровой годъ, а именно въ 1654 году, на освященіе 15-го августа пр. Лукіаномъ Успенской церкви учрежденной имъ въ Слободѣ женской иноческой обители, что свидѣтельствуется лѣтопись оной; ходъ этотъ, завѣщанный обѣимъ обителямъ ихъ основателямъ, ежегодно исполнялся его преемникомъ и духовникомъ женской обители пр. Корнилиемъ. Послѣ него время освятило этотъ благочестивый обычай, и крестный ходъ неизмѣнно ежегодно совершается въ шестой воскресный день считая отъ перваго дня Пасхи. Почему именно въ этотъ день, — точныхъ свѣдѣній не имѣется, но старожилы свидѣлствуютъ, что въ 1771 году въ этотъ день въ Слободѣ Александровой прекратилось губительное дѣйствіе чумы.

Чинъ крестнаго хода слѣдующій: въ субботу пятой седмицы по Пасхѣ игуменья Успенской обители чрезъ посланную казначею или благочинную просить настоятеля Лукіановой пустыни отпустить икону Рождества Пресвятыя Богородицы для посѣщенія Александровскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря; со стороны строителя той пустыни всегда бываетъ на это согласіе. Къ сему извѣстному всѣмъ празднику бываетъ большое стеченіе народа изъ окрестныхъ селъ и деревень, верстъ за 50 и болѣе, и даже изъ сосѣднихъ городовъ, Переслава Залѣскаго и Тронце-Сергіева посада. Часть усердствующихъ богомольцевъ слушаетъ въ Успенской обители всенощную, а другіе идутъ въ Лукіанову пустыню поклониться иконѣ Рождества Богородицы и тамъ въ субботу слушаютъ всенощную, а въ воскресенье раннюю обѣдню, послѣ которой, въ сопровожденіи настоятеля и богомольцевъ, начинается шествіе изъ Лукіановой пустыни въ г. Александровъ. На пути въ Александровъ въ селѣ Вакшеевъ и двухъ деревняхъ бывають той

чудотворной иконѣ молебныя пѣнія съ водоосвященіемъ; четвертое молебное пѣніе совершается въ самомъ городѣ, въ Слободѣ такъ называемой Садовой, куда выходитъ на срътеніе, также съ крестнымъ ходомъ, духовенство Александровскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря и градской Преображенской церкви. По совершеніи сего съ водоосвященіемъ молебна, икона священнослужителями монастыря вносится въ Успенскую женскую обитель, гдѣ въ Троицкомъ ея соборѣ съ пришедшими изъ Лукіановой пустыни священниками отправляется соборнѣ Божественная литургія. Послѣ обѣдни, въ сопровожденіи многочисленныхъ богомольцевъ, продолжается тѣмъ же духовенствомъ обѣихъ обителей и Преображенской церкви ходъ большою улицю города, среди коего выходитъ на срътеніе духовенство Христорожественскаго собора, и отиѣвъ тутъ молебенъ съ подосвятіемъ, сошедшее духовенство, при увеличивающейся толпѣ молящагося народа, направляется за городъ по Троицкой дорогѣ къ часовнѣ Всемиловитоваго Спаса, принадлежащей Лукіановой пустыни⁽¹⁾, гдѣ совершается опять молебное пѣніе съ водоосвященіемъ.

По совершеніи сего, икону съ принесеннымъ съ нею изъ пустыни образомъ Спасителя, Богородицы Одигитріи и Воскресеніемъ Христовымъ относятъ въ Успенскую обитель; изъ сопутствующихъ ходу иные остаются тутъ при часовнѣ для отдыха, а другіе идутъ съ ходомъ въ Успенскій монастырь, гдѣ въ соборной церкви бываетъ совершенный отпустъ; всѣ пришедшіе въ обитель прикладываются къ животворящему кресту и къ чудотворной иконѣ Богородицы и окропляются святою водою. Икона Богоматери остается въ Успенскомъ монастырѣ до дня Вознесенія Господня; въ это время ее обносятъ по всѣмъ жительствовавшимъ въ монастырѣ, начиная съ настоятельницы; въ келліяхъ череднымъ іеромонахомъ Лукіановой пустыни совершается молебное пѣніе съ водоосвященіемъ. Въ день Вознесенія Господня, а иногда въ отданіе Пасхи, послѣ полудни, часу въ четвертомъ, провожается икона изъ Успенской обители въ Христорожественскій соборъ, принимается за-

---

(1) Она находится въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города по старой Троицкой (въ Сергіевъ посадѣ) дорогѣ. Построеніе ея приписывается отшельнику Лукіановой пустыни схимонаху Павлу; среди густаго вѣковаго лѣса въ безмолвіи подвизался рабъ Божій Павелъ въ теченіе 40 лѣтъ, и, какъ повѣствуетъ преданіе, тутъ же и скончался въ началѣ XVIII вѣка и погребенъ близъ воздвигнутой имъ часовни (См. опис. Лукіановой пустыни Н. С. Стромиллова, въ журн. «Странникъ» 1877 года).

тѣмъ обывателями города въ ихъ дома для молебствія и переносится въ городскую приходскую Преображенскую церковь. Предъ выходомъ изъ города икона опять вносится въ соборную церковь Успенской обители, откуда при молебномъ пѣннн всѣмъ духовенствомъ города Александрова и гражданами ее окончательно провожаютъ за городъ по дорогѣ въ Лукіанову пустынь, а по случаю принятія иконы для богомолья въ селеніяхъ на пути, и около него, и въ прочія въ уѣздѣ, и даже за предѣлы онаго, — возвращается она въ пустынь только къ годовому празднику обители, къ 8-му сентября.

Другой крестный ходъ бываетъ вокругъ стѣны монастыря въ пятницу на святой недѣлѣ — ежегодно.

(Окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ.)

Мысли объ устройствѣ историческаго архива при Харьковскомъ Университетѣ.

Не смотря на то, что исторія Малороссіи внушала глубокій интересъ многимъ изслѣдователямъ и даже просто любителямъ, судьба ея памятниковъ — и письменныхъ и вещественныхъ — была очень печальна. Мы не будемъ здѣсь касаться этого вопроса, потому что онъ требуетъ самостоятельнаго изслѣдованія, а приведемъ только нѣкоторыя выдержки изъ своей неоконченной работы „южнорусскіе архивы“, необходимыя для его уясненія.

Можно смѣло утверждать, что къ намъ дошла самая незначительная часть документовъ, характеризующихъ политическую, религіозную, общественную и домашнюю жизнь малорусскаго народа. Для XIV и XV в. мы вовсе почти не имѣемъ никакихъ памятниковъ; это, конечно, не значитъ, чтобы ихъ никогда не было; наоборотъ, сохранившіяся отрывочныя данныя приводятъ къ заключенію, что южная Русь въ это время далеко не была такъ дика и пустынна, какъ думали нѣкоторые; виновникомъ этого истребленія былъ религіозный фанатизмъ и прозелитизмъ, находившій себѣ иногда, къ несчастію, мѣсто въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой; благодаря ему погибла масса „схизматическихъ“ рукописей на русскомъ языкѣ богословскаго, историческаго и литературнаго содержанія. Къ этому нужно присоединить еще одинъ бичъ — постоянныя гражданскія войны внутри государства съ одной стороны и нашествія татаръ и турокъ съ другой. Даже монастыри, которыя въ Великой Россіи были надежными хранителями письменныхъ памятниковъ, у насъ на югѣ испытывали такую же судьбу, какъ и отдѣльныя лица. Нужно

впрочемъ сознаться, что былъ такой видъ памятниковъ, который приняло подъ свою охрану само польское правительство — я говорю объ официальныхъ актахъ — судебныхъ бумагахъ, для храненія которыхъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ. Еще въ XV вѣкѣ (1496 г.) было постановлено, чтобы акты хранились за тремя ключами, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ находиться у воеводы, другой — у судьи, третій — у писаря; для храненія актовыхъ книгъ строили особыя безопасныя помѣщенія на счетъ правительства или частныхъ лицъ.

Такъ же заботливо отнеслось къ этимъ актамъ и русское правительство съ присоединеніемъ юго-западнаго края къ Россіи. Такая заботливость обоихъ правительствъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что акты эти имѣли громадное официальное значеніе: на нихъ зиждились права цѣлаго сословія (дворянскаго), игравшаго первенствующую роль въ краѣ. Воспользовавшись разбросанностью актовыхъ книгъ по архивамъ разныхъ судебныхъ учрежденій, многіе поляки составили подложные документы и получили такимъ образомъ дворянское званіе. Это побудило мѣстную русскую администрацію избрать сначала одну, а потомъ другую комиссію для провѣрки книгъ и принятія мѣръ предосторожности противъ фальсификаціи на будущее время. Но все это ни къ чему не приводило до тѣхъ поръ пока въ 1852 г. не былъ открытъ въ Кіевѣ центральный архивъ. Мысль объ устройствѣ этого архива принадлежитъ покойному проф. Иванішеву, бывшему тогда членомъ Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевскій центральный архивъ помѣщается въ университетскомъ зданіи и состоитъ въ завѣдываніи Университета. Дѣятельность архива носитъ двойной характеръ—административный и научный: архивъ выдаетъ засвидѣтельствованныя копіи документовъ и составляетъ краткія описи къ своимъ актамъ; для этой цѣли положенъ опредѣленный штатъ чиновниковъ. Что касается до изданія памятниковъ, то этимъ дѣломъ занимается самостоятельное учрежденіе — Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ, учрежденная при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генерал-губернаторѣ. Издательская дѣятельность комиссіи была довольно успѣшна: она издала 4 тома памятниковъ, нѣсколько козацкихъ лѣтописей, а главное — цѣлый рядъ томовъ „Архива Юго-Западной Россіи“. Всѣ эти изданія являются незамѣннымъ вкладомъ въ южнорусскую, а слѣдовательно вообще

въ русскую исторію. Благодаря только комиссіи могли явиться въ свѣтъ извѣстныя работы Иванішева, Антоновича, Новицкаго, Терновскаго и Лебединцева, составляющія введенія къ разнымъ томамъ „Архива Юго-Западной Россіи“. Эти матеріалы и работы, можно сказать, впервые представили намъ въ истинномъ, не тенденціозномъ видѣ, судьбы Юго-Западной Россіи въ польскій періодъ ея исторіи.

Такова въ общихъ чертахъ судьба архивныхъ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Правобережной Украйны до самаго конца XVIII вѣка. Несравненно печальнѣе была судьба документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или иначе Лѣвобережной Украйны со времени воссоединенія ея съ Великой Россіей, т. е. со второй половины XVII вѣка. Никто не позаботился собрать воедино акты упраздненныхъ судебныхъ и административныхъ учреждений Малороссіи, какъ это было сдѣлано по отношенію къ документамъ Юго-Западнаго края; скажу болѣе — сгорѣло, сгнило, было съѣдено мышами, растаскано по рукамъ въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ даже то, что было собрано, о чемъ заботились въ XVIII вѣкѣ. Правда, громадное количество дѣлъ для исторіи гетманской Малороссіи (со времени Богдана Хмельницкаго) хранится теперь въ надежномъ мѣстѣ — въ Москвѣ въ архивахъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи. Но не слѣдуетъ забывать, что это, собственно говоря, документы не малороссійскихъ, а московскихъ учреждений (иностранной коллегіи и др.). Что же касается официальныхъ бумагъ малороссійскихъ административныхъ и судебныхъ учреждений, то онѣ до самаго послѣдняго времени продолжали пребывать въ качествѣ обременительнаго хлама въ подвалахъ или чердакахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Расскажу вкратцѣ судьбу этихъ документовъ на основаніи своего личнаго опыта и нѣкоторыхъ указаній, найденныхъ мною въ тѣхъ же матеріалахъ.

Въ гетманской Малороссіи было множество административныхъ и судебныхъ учреждений; одни изъ нихъ выросли на почвѣ литовскаго и польскаго права, другія были введены центральнымъ русскимъ правительствомъ. Каждое изъ этихъ учреждений писало извѣстныя официальные бумаги, которыя съ теченіемъ времени обратились въ архивы этихъ учреждений. Такъ мы знаемъ генеральный войсковой судъ, полковые магистратскіе

суды, градскіе, земскіе, подкоморскіе, малороссійскую коллегію, генеральную войсковую канцелярію, министерскаго правленія, щетныя комиссіи, скарбовую канцелярію, намѣстническія правленія и т. д.

Гдѣ же теперь архивы всѣхъ этихъ учрежденій? Отъ нихъ въ настоящее время сохранились только жалкіе остатки, разбросанные въ разныхъ городахъ. Между тѣмъ извѣстный Румянцовъ-Задунайскій, назначенный правителемъ Малороссіи послѣ уничтоженія гетманства, собралъ въ Черниговѣ, „какъ въ среднѣхъ Малороссіи мѣстѣ“, старыя дѣла малороссійскихъ учреждений и устроилъ такимъ образомъ черниговскій губернскій архивъ. Въ немъ было:

1) Имяныхъ повелѣній	21
2) Грамотъ	2204
3) Печатныхъ экземпляровъ указовъ . . .	224
4) Книгъ съ копіями грамотъ, указовъ и гетманскихъ ордеровъ	32
5) Книгъ подлинныхъ гетманскихъ ордеровъ	15
6) Книгъ Генеральнаго Слѣдствія	7
7) Сенатскихъ указовъ, предписаній, журн. опредѣленій, реестровъ входящихъ и выходящихъ бумагъ	2194
8) Брѣвостныхъ книгъ	44
9) Ревизій	149
10) Дѣлъ разнаго рода	784,457

Въ числѣ ихъ на долю Малороссійской коллегіи приходилось 218,984 (съ 1672—1787 г.), Черниговскаго Намѣстническаго Правленія 290,125 (съ 1782—1799), Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстническаго Правленія—158,949. И такъ, въ концѣ прошлаго вѣка въ Черниговѣ существовалъ центральный архивъ, только, конечно, не для цѣлей науки; но наука могла бы имъ воспользоваться (для своихъ цѣлей) если бы онъ по крайней мѣрѣ сохранился въ прежнемъ видѣ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Въ теченіе настоящаго столѣтія Черниговскій губернскій архивъ постоянно таялъ и подвергался всѣмъ случайностямъ. Особенно пострадала та часть его, которая хранилась въ такъ называемомъ мазепинномъ дворцѣ (въ Черниговѣ). „Это

зданіе, по словамъ г. Ефименко, совершенно приспособлено для разложенія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Оно состоитъ изъ трехъ этажей, въ которыхъ въ лѣтнее время обнаруживается три различныхъ климата. Въ нижнемъ подвальному этажу — холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ умеренный и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, очень жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени пропиталось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду. Если же дѣла оттуда переносились для просушки въ верхній этажъ, то они вскорѣ засыхали и принимали видъ бурныхъ плитокъ, совершенно похожихъ на плитки татарскаго чаю. Говорятъ, что въ прежнее время въ нижнемъ этажу хранились именно старыя дѣла (разумеется, невозвратно погибшія); въ мое же время—говоритъ г. Ефименко—тамъ находились лишь дѣла недавно упраздненныхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ“. Остальная часть архива хранилась при Губернскомъ Правленіи и была помѣщена гораздо удобнѣе; но и она не сохранилась въ цѣлости и неприкосновенности. Къ удивленію своему, я нашелъ нѣсколько дѣлъ изъ Черниговскаго Губернскаго архива въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки „Кіевской Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ“.

Дѣла эти, очевидно, были выхвачены совершенно случайно и будучи взяты отдѣльно не могли имѣть особеннаго значенія. Такъ имѣ встрѣтились: десять козацкихъ компутовъ разныхъ полковъ и разныхъ годовъ (съ 1713 по 1735 г.), одна книга приказовъ Разумовскаго, нѣсколько книгъ предложеній гр. Румянцова-Задунайскаго и нѣк. др. Очевидно, что Судіенко, извлеки дѣла эти изъ Черниговскаго архива, не былъ увѣренъ въ томъ, что цѣлость ихъ совершенно гарантирована и потому передалъ ихъ въ Кіевскую Комиссію. Изъ одного документа (1) я узналъ что оттуда же громадное количество *военныхъ* дѣлъ (Румянцова-Задунайскаго) было взято въ Петербургъ, для чего спеціально пріѣзжалъ офицеръ отъ военнаго министерства. Черпали изъ этого архива и частные изслѣдователи, занимавшіеся судьбами Лѣвобережной Украйны. Всякій, по всей вѣроятности, думалъ, что унося какой нибудь документъ, онъ спасаетъ его для потомства — и всѣ, пожалуй, были правы, исключая знаменитаго г. Горж-

(1) Дѣло Кіевской Временной Комиссіи объ архивѣ Черниговскаго губ. правленія.

ковскаго, снявшаго особенно богатую жатву въ Лѣвобережѣ. Такъ дѣло продолжалось до 1879 года, когда, по предложенію г. Ефименко, Историко-Филологическое общество, состоящее при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, рѣшилось принять въ свое завѣдываніе архивъ Малороссійской коллегіи и перевезти его въ Харьковъ. Дѣло перевозки принялъ на себя тотъ же г. Ефименко. Перевезена была только часть бывшаго Черниговскаго Губернскаго архива, — именно дѣла архива Малороссійской коллегіи зашитыя въ 82 тюка, отъ 5 до 12 пудовъ каждый, — всего пудовъ 500. Но тутъ начинаются мытарства архива въ Харьковѣ. Историко-Филологическое общество, въ завѣдываніе котораго поступилъ архивъ, не имѣло въ своемъ распоряженіи подходящаго помѣщенія. Университетъ съ своей стороны, какъ извѣстно, страдалъ и страдаетъ отъ тѣсноты и разбросанности аудиторій. И вотъ архивъ долженъ былъ пролежать въ тюкахъ на хорахъ актовой залы и библиотечнаго корридора съ 1879 по 1883 годъ; пользоваться имъ въ это время не было никакой возможности. Между тѣмъ горячій цѣнитель архивныхъ документовъ, сенаторъ и академикъ Н. В. Калачовъ, обратилъ свое просвѣщенное вниманіе и на новорожденный архивъ въ Харьковѣ. Для того чтобы привести въ извѣстность его содержимое, онъ командировалъ слушателя своего Института г. Рагозина, который два лѣтніе мѣсяца посвящалъ этому дѣлу и составилъ краткій указатель къ архиву. Конечно за такое короткое время разобрать *весь* архивъ не было никакой возможности; тѣмъ не менѣе даже изъ указателя, составленнаго г. Рагозинымъ, можно было убѣдиться, что архивъ этотъ имѣетъ большое научное значеніе, потому что заключаетъ дѣла, касающіяся судьбы цѣлой области — бывшей гетманской Малороссіи.

Между тѣмъ пользоваться архивомъ и послѣ составленія г. Рагозинымъ каталога было невозможно, ибо онъ попрежнему не имѣлъ помѣщенія и лежалъ въ тюкахъ. Пришлось примириться съ необходимостью и воспользоваться тѣмъ помѣщеніемъ, которое могъ предложить Университетъ — это были двѣ небольшія, но высокія комнаты и часть актовой залы за портретомъ Государя. Для разборки архива и составленія къ нему каталога образовалась коммиссія добровольцевъ. Въ составъ этой коммиссіи вошло 8 человекъ: два профессора: гг. Дитятинъ и Лобедевъ, три доцента: гг. Куплеваскій, Сумцовъ и я, два степендіата для приготовленія къ

профессорскому званію: гг. Эварницкій и Горбъ-Ромашкевичъ и секретарь статистическаго комитета г. Ефименко.

Прежде всего нужно было принять мѣры для храненія архива; съ этою цѣлью избрали меня хранителемъ архива. Затѣмъ выработали планъ разборки архива. Рѣшено было составить краткій каталогъ всего архива, т. е. внести въ каталогъ краткое содержаніе каждаго дѣла, проставить на немъ номеръ и поставить его подъ этимъ номеромъ на полку. Принимая такой планъ, мы руководствовались слѣдующими соображеніями: 1) такой каталогъ даетъ возможность познакомиться въ общихъ чертахъ со всѣмъ содержаніемъ архива и вмѣстѣ съ тѣмъ найти любое отдѣльное дѣло или цѣлую серію дѣлъ; 2) составленіе его требуетъ сравнительно небольшого количества времени и денегъ⁽¹⁾.

Нечего и говорить, что членамъ комиссіи пришлось взять на себя весьма неблагоприятный и тяжелый черныи трудъ; 4 члена комиссіи не сочли для себя вовсе возможнымъ заниматься разборкой; остальные три могли затратить на это сравнительно немного времени. Разборка архива могла затянуться на цѣлые годы, если бы къ намъ не присталъ посторонній человекъ — ветеринарный врачъ С. П. Дуброва, который предался новому для него дѣлу съ замѣчательной выдержкой, энергіей и любовью. Интересуясь судьбою своей родины и желая заняться ея исторіей С. П. Дуброва рѣшился затратить все свое свободное время на приведеніе въ порядокъ архивныхъ матеріаловъ. Въ то время какъ большинство изъ насъ могло затрачивать одинъ, максимумъ два раза въ недѣлю, С. П. Дуброва ходилъ ежедневно и занимался отъ 10 до 2 часовъ. Неудивительно что онъ скоро преодолѣлъ внѣшнія затрудненія (неразборчивость почерка и др.), такъ что работа у него пошла быстро и успѣшно. Для облегченія лицъ, незнакомныхъ съ старинными почерками, мною была составлена азбука и образцы почерковъ нашего архива. Работа стала быстро подвигаться впередъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ были вскрыты всѣ 82 тюка и занесено въ каталогъ болѣе

---

(1) На составленіе каталога мы въ теченіе почти цѣлаго года истратили изъ суммъ Историко-Филологическаго общества не болѣе 100—150 рублей, изъ коихъ 50 р. пошло на наемъ писца (эту роскошь мы могли позволить себѣ всего на два мѣсяца), а остальными на жалованье сторожу и другіе мелкіе расходы; полки были устроены на деньги, присланныя Н. В. Калачовымъ).

4000 номеровъ, при чемъ подъ однимъ номеромъ часто помѣщалось нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ совершенно однородныхъ документовъ. Дѣла сложены во всѣхъ трехъ комнатахъ и занимаютъ три громадныя полки. Осталась неразобранною куча мелкихъ, не представляющихъ почти никакого интереса дѣлъ, и довольно значительное количество неполныхъ (безъ начала или конца), и поточныхъ; эти послѣднія заключаютъ въ себѣ самые разнообразныя документы и было бы интересно описать каждый изъ нихъ въ отдѣльности или по крайней мѣрѣ наиболѣе важныя.

Каковы же результаты разборки? Какіе документы хранятся въ архивѣ? Каково ихъ научное значеніе?

По формѣ весь архивный матеріалъ можно раздѣлить на двѣ части: а) книги и б) отдѣльныя дѣла. Количество книгъ сравнительно съ дѣлами не особенно значительно — 150 — 200; но въ числѣ ихъ очень много ревізій и компутовъ о козакахъ и посполитыхъ, заключающихъ по 1000 и даже болѣе листовъ, а также окладныхъ книгъ, протокольныхъ и т. д.

Общее число дѣлъ очень велико; не смотря на то, что у насъ совершенно сходныя дѣла фигурируютъ подъ однимъ номеромъ и множество мелкихъ дѣлъ (отъ 1 до 10 листовъ) еще не разобрано, число номеровъ въ каталогъ превысило уже цифру 4000. Для того чтобы нагляднѣе познакомить читателя съ содержаніемъ документовъ, я распредѣлю ихъ по юридическимъ рубрикамъ.

А. Уголовное право. Сюда относятся масса дѣлъ о преступленіяхъ противъ личности и собственности: воровство, поборъ, убійства, „гвалтовныя“ нападенія козацкой старшины на свою же братью, на простыхъ козаковъ и посполитыхъ, наѣзды разбойниковъ и гайдамакъ, притѣсенія воинскихъ командъ, нарушенія семейнаго союза (прелюбодѣяніе), вѣры и нравственности.

В. Гражданское право. По количеству эта категорія еще обшириѣе предыдущей; къ ней причисляются: 1) гражданскія несудебныя дѣла, царскія грамоты, гетманскіе и полковничьи универсалы на имѣнія и грунты⁽¹⁾, купчія вѣрности, раздѣльныя акты, мировыя записи; 2) судебныя —

---

(1) Отдѣльную группу составляютъ дѣла о пожалованіи крупныхъ имѣній такимъ лицамъ какъ Наумовъ, Разуменовскій, Воронцовъ, Румянцева и др.

споры о грунтах козаковъ, посполитыхъ, шляхты и монастырей; здѣсь обращаютъ на себя особенное вниманіе дѣла знатнѣйшихъ малороссійскихъ фамилій — Милорадовичей, Мокрѣвичей, Себестьяновичей, Максимовичей, Шашкевича, Миклашевскихъ, Марковича, Турковскихъ, Ширяева, Галагана, Заруцкаго, Врублевскихъ, Шрамченка, Юркевичей, Вѣлича, Валькевича, Величковского, Корецькихъ, Ворозды, Лазаревича, Чернулуцкаго, Журмана, Внановича, Войцеховича и т. д. и т. д.; въ третьихъ, межевныя — размежеваніе Малороссіи съ Польшей, Великороссіей, Слободскою Украиной, Запорожьемъ, внутреннее административное межеваніе въ предѣлахъ самой Малороссіи (полковъ, сотень, намѣстничествъ).

С. *Сословія*. Компуты, ревизіи, послужные списки и цѣлый рядъ другихъ документовъ, характеризующихъ юридическое положеніе и бытовую обстановку козацкой старшины, козаковъ посполитыхъ (свободныхъ, владѣльческихъ и монастырскихъ), и подсуевдковъ (монастырскихъ, владѣльческихъ, козацкихъ и посполитскихъ); жалованныя грамоты малороссійскимъ городамъ съ первой половины XVII вѣка — Чернигову, Нѣжину, Стародубу, Погару, Печену, Полтавѣ, заключающія въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ и малорусскаго мѣщанства.

Д. *Дѣла военнаго управленія*. Къ этой категоріи относится множество документовъ, касающихся набора и комплектованія, обмундированія, вооруженія и снабженія войскъ волами и повозками, воинской дисциплины, воинской службы — пограничной сторожевой, внутренней гарнизонной и заграничной; очень важное значеніе имѣютъ здѣсь документы, повѣствующие о командированіи козаковъ на Украинскую линію, Ладожскій каналъ, Донъ, въ Царицынъ, Оренбургъ, Очаковъ и Голштинію.

Е. *Дѣла финансоваго управленія*. Сюда относятся какъ отдѣльные документы, такъ въ особенности книги, содержащія въ себѣ данныя о всякаго рода денежныхъ сборахъ (государственныхъ, войсковыхъ, общественныхъ) и натуральныхъ повинностяхъ; особый отдѣлъ составляютъ дѣла по управленію государственными имуществами — свободными и ранговыми маестностями и конскими заводами.

Г. *Внутренняя администрація*. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія объ урожаяхъ, винокуреніи, добываніи соли, шелководствѣ, рыболовствѣ, звѣроловствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, торговлѣ и торговыхъ цѣ-

нах, неурожаяхъ, мѣрахъ противъ эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, пожаровъ, общественномъ призрѣнн (шпиталяхъ и братствахъ), народномъ образованн, дорогахъ, мостахъ, почтахъ.

Н. *Церковныя дѣла*. Въ этомъ отдѣлѣ попадаются нѣкоторыя свѣдѣнн объ особенностяхъ малорусской церкви — ея соборномъ характерѣ, выборѣ прихожанами священниковъ и т. д.

Ж. *Разныя дѣла*. Отношенн къ Крыму и Польшѣ, Запорожье, Слободская Украина, иностранные колонисты въ Малороссн (греки, евреи, цыгане, сербы, грузины); раскольниковы великороссійскн слободы.

Таково научное значенн Харьковскаго архива. Онъ является едва ли не единственнымъ цѣльнымъ собраннемъ матеріаловъ для исторн Лѣво-бережной Украины XVIII в. Но было-бы крайне полезно присоединить сюда и часть старыхъ дѣлъ архива Полтавскаго Губернск. Правленн (1), заключающую въ себѣ также дѣла Малороссійской коллегн, относящнся къ территорн Полтавской губ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ документы эти не будутъ имѣть такого значенн, какъ въ Харьковскомъ архивѣ Малороссійской коллегн. Впослѣдствн можно было-бы еще позаботиться о присоединенн нѣкоторыхъ остатковъ старыхъ дѣлъ Кіевского губернск. Правленн. Тамъ, какъ мнѣ извѣстно, тоже хранится часть дѣлъ Малороссійской коллегн и наместническаго правленн. Только дѣла эти представляютъ изъ себя сорную кучу, въ которой многое уже погнбло безвозвратно. Тѣмъ не менѣе почтенному Ал. А. Андріевскому удалось найти здѣсь много любопытныхъ документовъ, напечатанныхъ имъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ а потомъ и отдѣльными оттисками.

Но если Харьковъ прннтилъ у себя документы, относящнся къ Лѣво-бережной Украинѣ, т. е. Черниговской и Полтавской губ., то тѣмъ больше основанн спасти ему матеріалы, которые относятся непосредственно къ его территорн, т. е. документы б. Слободской Украины. Судьба этихъ послѣднихъ по истинѣ плачевна. Значительная часть наиболѣе древнихъ матеріаловъ, которыми пользовался епископъ Филаретъ, кажется умерла вмѣстѣ съ нимъ для науки; по крайней мѣрѣ она не была сдана обратно въ архивъ

---

(1) Объ этихъ документахъ мною былъ прочитанъ рефератъ на 6-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ г. Одессѣ.

ни при жизни, ни послѣ смерти его (1). Многие уѣздные суды Харьковской губ. вовсе не прислали въ Харьковскій центральный архивъ при Окружномъ Судѣ старыхъ дѣлъ XVII и XV вв. Тѣже дѣла, которыя были присланы, отправлены въ Москву въ архивъ Министерства Юстиціи. Такая же отсылка продолжается и теперь, и еще недавно мнѣ удалось просмотрѣть чрезвычайно интересныя дѣла Ахтырской полковой канцеляріи.

Изъ сохранившихся архивовъ на первомъ планѣ нужно поставить архивъ Харьковского Губернскаго Правленія, гдѣ сосредоточены дѣла разныхъ административныхъ лицъ и учреждений Харьковской губ. Помѣщается онъ надъ самою рѣкою въ сыромъ домѣ и документы подвергаются порчѣ. Хотя опись и существуетъ, но находить по ней дѣла нѣтъ никакой возможности, иныхъ вовсе не оказывается, другихъ нѣтъ на мѣстѣ. Между тѣмъ по содержанію своему архивъ этотъ весьма интересенъ. Здѣсь мы находимъ такіе-же матеріалы для внутренней бытовой исторіи *Слободской Украины* XVII и XVIII вв., какъ въ архивѣ Малороссійской коллегіи для исторіи Лѣвобережной. Большая часть дѣлъ касается козачества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; здѣсь мы найдемъ документы о повинностяхъ козаковъ, о притѣсненіяхъ старшины, о выходѣ козаковъ на новыя мѣста, объ отправленіи ихъ на форпостную службу на линію въ Бахмутъ, Изюмъ и др. мѣста, о производствѣ въ чины; на ряду съ козаками выступаютъ ихъ подсуздки и подпомощники; много документовъ относится къ исторіи землевладѣнія; здѣсь напр. было найдено громадное дѣло о всѣхъ постороннихъ землевладѣльцахъ Харьковскаго полка, поселившихся на окружающихъ козачьихъ земляхъ и овладѣвшихъ ими по документамъ или же просто по захвату; кромѣ того сюда относятся дѣла о разграниченіи земель Слободской Украины отъ ея сосѣдей и нѣкоторыя другія, еще больше дѣла административныхъ, касающихся мѣръ предосторожности противъ пожаровъ, опасной болѣзни, саранчи, цѣлый рядъ вѣдомостей о цѣнахъ провіанта и фуража, о всѣхъ селеніяхъ и хуторахъ Харьковскаго полка и т. д. Всѣ эти документы имѣютъ несомнѣнно и общій интересъ. Но ихъ цѣн-

---

(1) Въ Историко-Филологическомъ Обществѣ было заявлено, что эта «Чугуевская переписка» хранится въ архивѣ Министерства Юстиціи; въ бытность свою въ Москвѣ я наводилъ справки, пересматривалъ указатели, но ее не нашелъ.

ность увеличивается тѣмъ, что они являются *едва-ли не единственнымъ мѣстнымъ* собраніемъ матеріаловъ для исторіи Слободской Украины, столь мало разработанной. Много матеріаловъ хранится въ Москвѣ въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба, заключающимъ дѣла бывшей военной коллегіи, въ вѣдомствѣ которой находились Слободскіе полки. Но пользоваться ими въ особенности мѣстнымъ изслѣдователямъ и любителямъ Харьковской старины конечно весьма затруднительно, чтобы не сказать невозможно. Только одни присяжные повѣренные, ведущіе старозаимочныя дѣла, въ последнее время проникли туда и извлекли нѣсколько интересныхъ жалованныхъ грамотъ и др. документовъ.

И вотъ чтобы спасти старыя дѣла Харьковскаго Губернскаго Правленія для науки, Историко-Филологическое Общество, по предложенію своего дѣйств. члена П. С. Ефименко, рѣшило ходатайствовать передъ надлежащимъ начальствомъ о присоединеніи ихъ къ существующему архиву Малороссійской коллегіи. Дѣлу уже данъ надлежащій ходъ, и вскорости, по всей вѣроятности, совершится самый актъ передачи. Значеніе Харьковскаго архива отъ этого конечно увеличится, ибо онъ сдѣлается центральнымъ хранилищемъ документовъ трехъ смежныхъ губерній — Харьковской, Черниговской и Полтавской.

Рѣшившись принять въ свое завѣдываніе архивъ Харьковскаго Губернскаго Правленія, Историко-Филологическое Общество виѣсть съ тѣмъ, по моему предложенію, обратилось въ Харьковскій Статистическій Комитетъ съ просьбою запросить разныя учрежденія о хранящихся въ нихъ старыхъ дѣлахъ. Результатъ получился слѣдующій. Въ сосредоточенномъ архивѣ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Харьковской губ. имѣются старыя дѣла: 1) Валковскаго уѣзднаго суда (съ 1742 г.), 2) Ахтырскаго (съ 1700 г.), 3) Изюмскаго (съ 1764 г.). Въ архивѣ Губернскаго Правленія: 1) Слободско-Украинской полковой канцеляріи (съ 1713 г.), 2) Слободско-Украинской губернской канцеляріи (съ 1765 г.), 3) Губернскаго Прокурора (съ 1765 г.), 4) Командировъ Слоб. полковъ (съ 1762 г.), 5) Слободск. гусарскихъ полковъ (съ 1765 г.), 6) Харьковскаго Слободскаго баталіона (съ 1770 г.), 7) Совѣстнаго суда (съ 1770 г.). Въ Харьковской Казенной Палатѣ — Ревизскія сказки жителей съ 1722 г. Въ Харьковской духовной Консисторіи: 1) дѣла консисторскія (съ 1726 г.), 2) духовныхъ

правленій Харьковской епархіи (съ 1720 г.). Въ окружномъ архивѣ штаба войскъ Харьковского военнаго округа: 7 упраздненныхъ округовъ бывшихъ военныхъ поселеній (съ 1770 по 1859 г.). Въ Городской Управѣ: дѣла прежней городской думы (съ 1786 г.). Кромя того по частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ хранятся два замѣчательныхъ статистическихъ памятника — Перепись Хруцова (1732 г.) и Коммиссарскія вѣдомости (семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка). Въ особенности замѣчательны послѣднія, такъ какъ заключаютъ въ себѣ точную перепись населенія всей Харьковской губ. по уѣздамъ съ опредѣленіемъ количества подушной подати, всѣхъ платежей и земельныхъ, сѣнокошныхъ и лѣсныхъ угодій, принадлежащихъ каждому лицу. Не одинъ только мѣстный интересъ имѣютъ также документы штабнаго архива, заключающіе въ себѣ богатныя данныя для исторіи военныхъ поселеній въ предѣлахъ Харьковской губ. Но воспользоваться всѣми этими документами, понятное дѣло, можно будетъ только тогда, когда нынѣшній архивъ въ Харьковѣ завоюетъ себѣ болѣе твердую позицію и получитъ хотя малую денежную субсидію.

Приведенные мною факты, мнѣ кажется, лучше всякихъ общихъ соображеній доказываютъ необходимость устройства въ Харьковѣ правильно организованнаго и обеспеченнаго съ матеріальной стороны архива. Такой архивъ былъ-бы очень полезенъ для Университета и наоборотъ Университетъ служилъ бы ручательствомъ, что историко-юридическіе матеріалы сохранятся для будущихъ поколѣній и что для разработки ихъ всегда найдутся *научныя* силы. Въ этомъ отношеніи Харьковъ, какъ университетскій городъ, имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ Вильно и Витебскомъ. Пришрѣмъ важнаго вліянія университетовъ на судьбу архивовъ можетъ служить Кіевскій университетъ, питомцы котораго такъ много потрудились и для описанія его, и для изданія его памятниковъ. Съ другой стороны студенты историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ нашли бы здѣсь матеріалъ для практическаго ознакомленія съ археографіей. Тогда бы университетъ могъ выпускать лицъ, для которыхъ искусство читать древнія рукописи не представлялось бы столь труднымъ, какъ теперь. Для профессоровъ русской исторіи, русскаго права и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ подобный архивъ у себя дома, на мѣстѣ, имѣлъ бы громадное значе-

ніе, давая матеріалы для изслѣдованій и монографій. Историческая и юридическая наука въ настоящее время настолько подвинулась впередъ, что врядъ ли могутъ обойтись безъ архивныхъ матеріаловъ, въ особенности по отношенію къ болѣе близкой для насъ эпохѣ XVII и XVIII вв. Но не одни только университетскіе преподаватели заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, а и многіе изъ тѣхъ, которые занимаются педагогическою дѣятельностью въ качествѣ преподавателей исторіи и географіи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Наконецъ, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Харьковъ, всегда найдется нѣсколько человѣкъ любителей, которые охотно будутъ извлекать интересные для нихъ архивные матеріалы. Такимъ образомъ, много такихъ лицъ могутъ направить свою дѣятельность на изученіе прошлаго своего края, которыя безъ того этимъ не занялись бы. А въ настоящее время собрано такъ много матеріаловъ, что разработать ихъ научныя силы центровъ безъ содѣйствія безпритязательныхъ провинціальныхъ труженниковъ не въ состояніи. Эти послѣдніе въ особенности могутъ быть полезны въ сферѣ разработки мѣстной исторіи. Нечего доказывать здѣсь значеніе областного элемента въ разработкѣ русской исторіи.

Много въ одно время спорили объ отношеніи провинціи къ центрамъ. Но когда идетъ вопросъ о подъемѣ научнаго духа и изслѣдованій въ провинціи, то никакихъ споровъ быть не можетъ. Въ данномъ случаѣ вовсе нѣтъ мѣста вопросу, поставленному на одномъ изъ прежнихъ археологическихъ съѣздовъ: чтѣ полезнѣе — централизація ли документовъ, или ихъ децентрализація. Петербургъ и Москва по прежнему останутся хранителями наиболѣе цѣнныхъ и важныхъ документовъ не только по Русской исторіи вообще, но и по исторіи Малороссіи (Слободской Украины въ частности). Такой сокровищницы матеріаловъ для исторіи Малороссіи, какъ архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, архивъ Министерства Юстиціи и Румянцевскій музей съ его богатой коллекціей документовъ историка Маркевича, въ провинціи никогда не будетъ. Вопросъ идетъ только о томъ, на сколько полезно будетъ кромѣ того устроить еще архивъ въ Харьковѣ для тѣхъ матеріаловъ, которымъ уже нѣтъ мѣста въ Москвѣ и которые все-таки имѣютъ серьезное научное значеніе.

И такъ, Историко-Филологическое Общество въ настоящее время обладаетъ богатымъ собраніемъ историческихъ матеріаловъ; но организо-

вать и прочно основать свой архивъ оно не можетъ, потому что располагаетъ ничтожными средствами (100 рублей министерской субсидіи и на такую же сумму членскихъ взносовъ). Для организаціи архива необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Необходимо архивариусъ для описанія оставшихся неравобранными мелкихъ дѣлъ архива малороссійской коллегіи и для выдачи документовъ; въ настоящее время не можетъ быть правильныхъ занятій въ архивѣ, потому что нѣтъ лица, которое бы несло эти обязанности, въ особенности послѣднюю; кромѣ того на обязанности архивариуса лежала бы обязанность выдавать справки отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ виду какихъ нибудь практическихъ цѣлей; за такими справками теперь уже обращалось нѣсколько лицъ.

2) Теперешнее помѣщеніе архива для него совершенно недостаточно и крайне неудобно, такъ что часть дѣлъ помѣщается по необходимости въ темной холодной комнатѣ. Для тѣхъ дѣлъ, которыя поступаютъ въ распоряженіе Историко-Филологическаго Общества изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія, вовсе нѣтъ мѣста; отдѣльной комнаты для занятій также нѣтъ. Между тѣмъ вполне достаточно было бы двухъ или трехъ комнатъ, которыя могли бы опростаться при переходѣ въ распоряженіе университета дома, пожертвованнаго г. Харитоненко.

3) Весьма важно было бы имѣть опредѣленную, хотя и небольшую, сумму на изданіе архивныхъ матеріаловъ.

Не будучи въ состояніи выполнить всѣхъ этихъ мѣръ, столь необходимыхъ для прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая всю важность этого ученаго предпріятія, Историко-Филологическое Общество рѣшило войти съ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю Харьковскаго учебнаго округа, *чтобы архивъ Общества былъ принятъ въ непосредственное заведываніе университета и для него была ассигнована штатная сумма на подобіе музея изящныхъ искусствъ и нумизматическаго кабинета.* Размѣръ этой ежегодной ассигновки можетъ быть ограниченъ 1,000 руб.

Будемъ надѣяться, что ходатайство это увѣнчается успѣхомъ. Не даромъ наше правительство относится сочувственно къ устройству провин-

ціальнихъ архивовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе несомнѣнно факты, какъ устройство центральныхъ архивовъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витобскѣ; но мы имѣемъ еще болѣе вѣскія основанія такъ думать: 13-го апрѣля 1884 года опубликовано Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской ученыхъ архивныхъ Комиссій и историческихъ архивовъ. Подобная Комиссія можетъ быть устроена и въ Харьковѣ, и въ немъ безъ сомнѣнія найдутся лица, которыя посвятятъ свой досугъ архивнымъ изысканіямъ.

Дн. Вагалѣв.

Харьковъ, 1884 года ноября 15.

Отчетъ объ открытіи и дѣятельности Рязанской ученой архивной Коммиссіи въ 1884 году.

Первое засѣданіе Рязанской губернской ученой архивной Коммиссіи происходило 15 го іюня и состояло изъ лицъ, предварительно къ тому приглашенныхъ, которыя по своему служебному положенію или своимъ занятіямъ могли наиболѣе содѣйствовать ея цѣли. Оно было открыто Рязанскимъ губернаторомъ, княземъ Константиномъ Дмитриевичемъ Гагариннымъ, какъ непремѣннымъ попечителемъ Коммиссіи, который прочелъ сообщеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи по Высочайшему повелѣнію въ Рязанской губерніи означенной Коммиссіи и историческаго архива, послѣ чего директоръ Археологическаго Института сенаторъ Н. В. Калачовъ указалъ на то важное значеніе, какое имѣеть для археологіи Рязанская губернія, въ которой такъ много городовъ, селеній, монастырей и урочищъ напоминають о Рязанскомъ княжествѣ, занимавшемъ столь видное мѣсто среди удѣльныхъ княжествъ древней Руси, и въ тоже время такъ много городищъ, кургановъ, валовъ и другихъ насыпей, а также названій разныхъ мѣстностей, рѣкъ и озеръ даютъ возможность углубляться еще далѣе въ историческую судьбу этого края. Признавая вслѣдствіе сего необходимыми археологическія изысканія, и въ томъ числѣ мѣстныхъ раскопки, г. Калачовъ остановился на важномъ значеніи такихъ изслѣдованій не только для исторической географіи и этнографіи, но и для развитія въ разныхъ слояхъ общества образованія и вкуса и въ особенности любви къ своей родинѣ. Наконецъ, упомянувъ о томъ живомъ участіи, какое принимаютъ въ этомъ дѣлѣ Императорская Академія Наукъ и Археологиче-

скій Институтъ, Николай Васильевичъ высказалъ, что онъ будетъ всегда охотно содѣйствовать Комиссiи во всѣхъ ея благихъ начинанiяхъ и на первый разъ обѣщалъ помочь составленiю библіотеки, необходимой для научныхъ цѣлей Комиссiи, посредствомъ бесплатнаго доставленiя различныхъ справочныхъ и другихъ научныхъ изданiй.

Первый предметъ, на который собраніе обратило свое вниманіе былъ вопросъ о помѣщенiи будущаго историческаго архива съ музеемъ. Согласно предложенiю князя К. Д. Гагарина положено устроить его въ зданiи присутственныхъ мѣстъ, въ томъ самомъ помѣщенiи, которое предположено приспособить для губернскаго статистическаго Комитета и Н. В. Калачовъ заявилъ, что онъ постарается доставить Комиссiи до 400 рублей на устройство въ этомъ помѣщенiи означеннаго архива⁽¹⁾. На этомъ же засѣданiи было сдѣлано первое пожертвованіе полковникомъ А. А. Маринимъ, который въ память открытiя Комиссiи поднесъ въ даръ ея музею икону древней живописи св. мучениковъ Флора и Лавра.

Затѣмъ, по обсужденiи порядка выборовъ въ члены, значительнымъ большинствомъ голосовъ избраны: предѣвателемъ Комиссiи — г. предѣватель окружнаго суда Георгій Владиміровичъ Кастриото-Скандербекъ, товарищемъ его — архимандритъ Троицкаго монастыря о. Владиміръ и правителемъ дѣлъ — секретарь статистическаго Комитета Алексій Васильевичъ Селивановъ. Что касается до членовъ, то кромѣ приглашенныхъ къ участiю въ первомъ засѣданiи были имъ произведены выборы въ засѣданiи 28-го октября; вслѣдствіе сего по декабрь 1884 г. въ званiи членовъ значатся: преосвященный Θεоктистъ, епископъ Рязанскій и Зарайскій, М. Д. Демидовъ, князь Л. Н. Гагаринъ, М. М. Латышевъ, П. Н. Фату-ровскій, И. К. Смирновъ, А. А. Маринъ, Е. А. Фроловъ, И. М. Титовъ, А. В. Антоновъ, И. В. Добролюбовъ, В. А. Самаряновъ, В. И. Лашевскій, В. И. Ермаковъ, А. Д. Нечаевъ, Р. Р. Минцловъ, А. П. Доброклонскій, С. Д. Яхонтовъ, А. Ф. Стерлиговъ, Л. С. Кульчицкій, С. А. Чучкинъ,

---

(1) Изъ обѣщанной суммы Археологическимъ Институтомъ уже отправлено въ распоряженіе Рязанской ученой архивной Комиссiи *десяти* руб.; остальные *десяти* будутъ высланы въ іюль сего же года. *Н. Калачовъ.*

Х. И. Романскій, Ф. Н. Китаевъ, П. И. Бѣляевъ, Д. П. Лебедевъ, И. Н. Николаевъ, И. Ф. Токмаковъ.

Обращаясь къ результатамъ дѣятельности ученой Рязанской Комиссіи въ короткое время ея существованія, нельзя не отдать полной справедливости той энергіи и успѣхамъ, которыми она уже заявила себя съ самой лучшей стороны. Во первыхъ, директоръ Археологическаго Института получилъ увѣдомленіе, что помѣщеніе для историческаго архива, еще къ осени 1884 г., было уже устроено; оно состоитъ изъ одной комнаты длиною въ 23 аршина и шириною въ 11 аршинъ, притомъ значительной высоты, такъ что на первое время совершенно достаточно и вполнѣ удобно какъ для храненія дѣлъ, такъ и для научныхъ занятій въ немъ членовъ Комиссіи. Здѣсь же помѣщается библіотека, начало которой положено присланными Н. В. Ксалачовымъ изданіями, какъ его собственными, такъ и Археологическаго Института (всего 78 книгъ), но въ особенности пожертвованными Императорской Академіи Наукъ въ числѣ 187 томовъ. Библіотека сверхъ того пополнена и пополняется постоянно пожертвованіями членовъ Комиссіи и другихъ лицъ.

Съ самаго открытія своихъ занятій Рязанская ученая архивная Комиссія принялась за разборъ и описаніе архивовъ, изъ числа коихъ въ Рязани наиболѣе значительны: 1) Архивъ Губернскаго Правленія, 2) Окружнаго суда, 3) Казенной Палаты, 4) Духовной Консисторіи и 5) Дворянскаго Депутатскаго собранія. „Что касается — скажемъ словами представленнаго Комиссіею отчета — увѣданныхъ городовъ, то въ нихъ только немногіе изъ архивовъ полицейскаго управленія и городскихъ управъ могутъ представлять интересъ; въ большинствѣ же случаевъ эти архивы подвергались неоднократнымъ пожарамъ и сохранились въ очень плохомъ видѣ. Изъ архивовъ монастырей и церквей нѣкоторые заслуживаютъ особеннаго вниманія; такъ напримѣръ въ Солотчинскомъ монастырѣ сохранилось значительное количество столбцовъ XVII вѣка, относящихся до монастырскаго суда. Эти документы, нѣсколько образчиковъ которыхъ доставлены для разсмотрѣнія въ архивную Комиссію, представляютъ собою богатый матеріалъ для изученія монастырскаго судопроизводства и вообще для ознакомленія съ бытовою стороною жизни нашихъ предковъ. Члены Комиссіи не сомнѣваются также въ существованіи въ Рязанской губерніи фамилъ-

ныхъ архивовъ, которые конечно представляютъ также не малый матеріалъ для изученія исторіи дворянскихъ родовъ и ихъ быта“.

Чтобы дать возможность членамъ Комиссіи легче ознакомиться съ архивами разныхъ вѣдомствъ, Рязанскимъ губернаторомъ были разсланы во всѣ присутственныя мѣста губ. увѣдомленія объ учрежденіи по Высочайшему повелѣнію ученой Комиссіи съ просьбою о допущеніи членовъ Комиссіи для занятій въ архивахъ, подвѣдомственныхъ этимъ мѣстамъ, о передачѣ старыхъ дѣлъ, которыя будутъ признаны Комиссіею важными въ историческомъ отношеніи, для вѣчнаго храненія, въ мѣстный историческій архивъ, и, наконецъ, о томъ, чтобы на будущее время завѣдующія архивами учрежденія и лица не приступали къ уничтоженію дѣлъ, признанныхъ неподлежащими дальнѣйшему храненію, безъ согласенія въ этихъ случаяхъ съ архивною Комиссіею.

По разбору архивныхъ документовъ, Комиссіи остановилась прежде всего на архивѣ Губернскаго Правленія, какъ наиболѣе интересномъ. Въ короткій промежутокъ времени съ 15-го іюня 1884 года по декабрь включительно просмотрѣно до 5000 дѣлъ, изъ которыхъ 1332 дѣла, какъ имѣющія историческое значеніе, поступили на храненіе въ учрежденный вновь мѣстный историческій архивъ. Всѣмъ этимъ дѣламъ, сданнымъ въ архивъ, составлена подробная опись, одинъ экземпляръ которой отосланъ Комиссіею въ Археологическій Институтъ. Опись составлена подробно и внимательно. Дѣла раздѣлены на разряды съ оглавленіемъ въ концѣ, что чрезвычайно облегчаетъ пользованіе этою описью.

Трудъ разбора дѣлъ и ихъ описанія раздѣлили между собой: товарищъ предсѣдателя архимандритъ Владиміръ, члены: священникъ И. В. Добролюбовъ, В. И. Лашевскій, правитель дѣлъ Комиссіи А. В. Селивановъ и И. Ф. Микулинъ.

О. архимандритъ Владиміръ взялъ на себя разборъ дѣлъ, относящихся преимущественно до раскольниковъ. По декабрь имъ описаны 134 дѣла собственно раскольническія а также и другія дѣла, которыя оказались въ однихъ связкахъ съ дѣлами по расколу. Объ этихъ дѣлахъ данъ вмѣстѣ съ описью очень подробный отчетъ и даже сдѣлано изъ нихъ много выписокъ, что позволяетъ надѣяться на изданіе о. архимандритомъ Владиміромъ отдѣльнаго труда по этому предмету. Опись, присланная въ Археоло-

гическій Институтъ ясно показываетъ, насколько интересны эти дѣла и какой богатый матеріалъ даютъ онѣ для исторіи раскола. Изъ одного дѣла (№ 4—1825)⁽¹⁾ видно, что раскольниковъ въ Рязанской губерніи въ 1825 г. было 5411 человекъ обоого пола. Здѣсь мы встрѣчаемъ молотканъ и духоборцевъ (муж. 241, жен. 247), субботниковъ и неидѣствующихъ (муж. 110, ж. 152), безпоповцевъ (м. 1223, ж. 1297), пріемлющихъ священство (м. 440, ж. 449) и непріемлющихъ (м. 538, ж. 431), наконецъ скопцовъ (м. 117, ж. 166). Кромѣ того упоминаются хлысты (№ 1). Въ 1826 году раскольники имѣли извѣстныя правительству молебни въ числѣ 21 какъ въ городахъ (въ губ. 1, въ уѣздныхъ — 4), такъ и въ уѣздахъ (16) (дѣло № 14). Описанныя о. Владиміромъ дѣла даютъ возможность слѣдить, какъ боролось правительство съ расколомъ съ 1823 г. по 1856 г., какія мѣры принимались имъ и какъ относились къ нимъ сектанты. Въ числѣ такихъ мѣръ заслуживаетъ вниманія учрежденіе въ 1836 г., подъ надзоромъ благочинныхъ, въ раскольниковыхъ приходахъ школъ, въ которыхъ было дозволено учить дѣтей раскольниковъ по стариннымъ книгамъ (дѣло № 21). Далѣе идутъ узаконенія, постепенно стѣсняющія расколъ и имѣвшія цѣлью искорененіе сектантовъ и возвращеніе ихъ въ лоно православной церкви; строго преслѣдовались вредныя секты, какъ напр. скопческія; для другихъ употреблялись увѣщанія. Мѣры эти иногда дѣйствительно приводили къ тому, что раскольники присоединялись къ православію (д. № 49), но встрѣчаются также соvrрашенія въ расколъ (№№ 45, 46, 48 и др.), а равно и возвращеніе въ расколъ присоединившихся къ церкви (№ 116). Стѣснительныя мѣры и даже увѣщанія вызывали побѣги сектантовъ (№№ 31, 34, 60, 61—67, 70). Не смотря на постоянныя запрещенія пропаганды (д.д. №№ 39, 57, 80 и мног. друг.), проповѣдники раскола не прекращались, и нѣкоторыя, особенно изъ секты скопческой, отличались особенною ревностію и успѣхомъ (№№ 121 и 124), какъ напр. солдатъ Андрей Никоновъ (д. № 78). Самооскопленіе и оскопленіе другихъ постоянно вызывали новыя дѣла (№№ 9, 10, 17, 85, 108, 118, также изъ дѣлъ ген. губ. Балашова X, 1). Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ изло-

---

⁽¹⁾ Номера дѣлъ указаны по описи, присланной Рязанской Комиссіей въ Археологическій Институтъ.

жено ученіе и обряды сектантовъ, такъ напр. въ дѣлѣ № 129 ученіе молоканъ, въ дѣлѣ № 1 описаны собранія хлыстовъ и обрядъ вступленія ихъ въ секту, въ д. № 126 — обряды у молоканъ таинства брака и нареченія имени. Наконецъ къ 1851—1852 г. относится любопытное дѣло о похищеніи раскольниками православнаго ребенка (д. № 106).

Священникомъ о. И. В. Добролюбовымъ приводятся въ порядокъ дѣла воеводской и провинціальной канцеляріи XVII и XVIII в. По отчету имъ описано уже 211 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ богатый историко-географическій матеріалъ и повтому всѣ они безъ исключенія будутъ переданы въ мѣстный историческій архивъ. Сюда вошли между прочимъ дѣла, совпавшія по времени съ построеніемъ Петербурга, и на нихъ можно видѣть, какъ отражалось построеніе новой столицы на внутреннихъ губерніяхъ, какъ шли требованія въ Петербургъ людей не только простаго званія, но и шляхетства (д. № 20 и др.), какъ собирались между прочимъ суммы для „постройки дворовъ на Невѣ“ (№ 42). Интересенъ также указъ изъ Московской Губернской Канцеляріи отъ 20 іюня 1718 г. о томъ, „чтобы насильно не крестить и не женить шведскихъ плѣнниковъ.“

По мѣрѣ приведенія въ порядокъ означенныхъ дѣлъ, къ нимъ составляются алфавитные указатели — именной и географическій. Эту работу принялъ на себя И. Ф. Микулинъ, которымъ составлены уже указатели къ 80 отказнымъ книгамъ и грамотамъ.

В. И. Лашевскимъ рассмотрѣно изъ Канцеляріи Рязанскаго губернатора до 300 дѣлъ за 1828 г., и многія изъ нихъ поступаютъ въ историческій архивъ, — всѣ они состоятъ изъ Высочайшихъ рескриптовъ на имя Рязанскихъ губернаторовъ, начиная съ 1795 г. по 1858 г.

Огромное количество дѣлъ было рассмотрѣно правителемъ дѣлъ архивной Коммиссіи А. В. Селивановымъ, который привелъ въ порядокъ и описалъ всѣ дѣла, относящіяся къ генераль-губернаторству Валашова. Всего пересмотрѣно 3184 дѣла, изъ которыхъ 935 поступили въ историческій архивъ. Дѣла эти обвиняютъ собою время съ 1820 г., когда были основаны генераль-губернаторскіе округа, до 1827 г., когда округа эти были уничтожены. Въ составъ 12-го округа, центромъ котораго была избрана Рязань, входило пять губерній: Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская и Тамбовская. Слѣдовательно дѣла эти интересны еще и

тѣмъ, что обнимаютъ не одну только губернію, а цѣлый край и при этомъ заключаютъ въ себѣ довольно цѣнный матеріалъ для историко-статистическаго изученія эпохи 20-хъ годовъ, т. е. конца царствованія Александра I и начало царствованія Николая. Къ сожалѣнію есть основаніе думать, что не всѣ дѣла генераль-губернаторской Канцеляріи сохранились въ губернскомъ архивѣ. Оказавшіеся пробѣлы въ годахъ по нѣкоторымъ дѣламъ указываютъ на то, что значительная часть ихъ утрачена. Съ другой стороны многія изъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ не имѣютъ достаточной полноты и представляютъ собою только нѣкоторые отдѣльные моменты производства, по большей части начало. Тѣмъ не менѣе, даже и такого рода дѣла имѣютъ извѣстное значеніе въ томъ смыслѣ, что могутъ дать возможность отыскать все дѣло въ какомъ либо другомъ, если встрѣтится въ этомъ надобность. Къ такимъ дѣламъ, главнымъ образомъ, принадлежатъ уголовныя и гражданскія. Но наибольшее значеніе имѣютъ дѣла, заключающія въ себѣ статистическій матеріалъ. Сюда относятся различныя свѣдѣнія: о состояніи городовъ, разныхъ происшествіяхъ, пожарахъ, заразительныхъ болѣзняхъ, о приходахъ и расходахъ городскихъ суммъ и т. п. Прекрасная, систематическая опись этихъ дѣлъ, составленная А. В. Селивановымъ, даетъ точное понятіе о томъ, какъ они интересны и важны не только для статистики входившихъ въ генераль-губернаторство губерній, но и для изученія ихъ бытовой стороны въ 20-хъ годахъ. Между прочимъ въ это время, въ означенныхъ губерніяхъ, распространялось привитіе предохранительной оспы, почему въ 1825 году въ Рязанской губ. производилась выборка крестьянъ „для обученія прививать оспу“ (VIII, 28)⁽¹⁾, но пока не было подготовленныхъ для привитія оспы людей, за это взялись священники и конечно много помогали дѣлу личнымъ вліяніемъ на крестьянъ (I, 25, VIII, 18). Вѣстѣ съ тѣмъ собирались точныя свѣдѣнія о количествѣ дѣтей, которымъ привита оспа (V, 30), а также о количествѣ больныхъ, о родѣ болѣзней и объ эпидеміяхъ (VIII, 7, 24, 26, 30, 34, 35—37, 39, 41, 42, 45, 46); въ числѣ послѣднихъ упоминаются: болѣзнь,

---

(1) Дѣла ген.-губ. Балашова раздѣлены А. В. Селивановымъ по отдѣламъ: римская цифра означаетъ, по доставленной имъ описи, отдѣлъ, къ которому дѣло принадлежитъ, а арабская — номеръ дѣла.

произшедшая отъ дѣланія мерлушекъ (VIII, 17), „холера морбусъ“ въ Воронежской губ. (VIII, 23—1824 г.) и судорожная болѣзнь (VIII, 25). Собирались также свѣдѣнія о скотскихъ падежахъ (VIII, 3, 6, 16, 21, 31—33, 38, 43, 44): для противодѣйствія этому злу открывались больницы (VIII, 14 и 15) и аптеки (VIII, 2, 10, 47). Рядомъ съ заботами о народномъ здоровіи шли также заботы о народномъ образованіи, о призрѣніи бѣдныхъ, открывались богоугодныя и учебныя заведенія (отд. IX) и Мценское городское общество въ Орловской губерніи пожертвовало для училища особый домъ (IX, 4). Эти же дѣла знакомятъ насъ съ тогдашними отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ и наоборотъ: ихъ цѣлая масса и они даютъ наглядное понятіе о томъ, какъ къ концу первой четверти XIX вѣка уже назрѣли вопросы, касавшіеся съ одной стороны облегченія участи крестьянъ, а съ другой — огражденія помѣщиковъ отъ самовольныхъ расправъ, буйства и бѣгства крѣпостныхъ. Изъ другихъ дѣлъ заслуживаетъ вниманія дѣло по рапорту иностранца Опица о найденныхъ имъ, въ 1825 г., въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи близъ села Вельможки, старинныхъ монетахъ, медаляхъ и проч. Правителемъ же дѣлъ Комиссіи А. В. Селивановымъ просмотрѣна опись дѣламъ Сапожковскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, подлежащимъ уничтоженію. По рассмотрѣніи этой описи оказалось, что изъ числа всѣхъ значившихся въ ней 767 дѣлъ (относящихся къ годамъ 1835 по 1850) заслуживаютъ храненія 34 дѣла, которыя и были переданы въ историческій архивъ и имъ составлена А. В. Селивановымъ подробная опись. Наконецъ имъ же рассмотрѣно и описано еще 180 отказныхъ книгъ и грамотъ съ 1682 по 1687 г., которыя также поступили въ историческій архивъ.

Не можемъ, въ заключеніе, не указать на напечатанныя въ приложеніяхъ къ журналу засѣданія 28 октября 1884 г.: 1) переписку, найденную А. В. Селивановымъ, поэта и государственнаго дѣятеля Г. Р. Державина, во время управленія его Тамбовскимъ намѣстничествомъ, съ правителемъ Рязанскаго намѣстничества А. А. Волковымъ по поводу открытаго въ Рязани „училища для юношей немущихъ благородныхъ дворянъ“ съ учрежденнымъ при немъ „редутомъ“ какъ для увеселенія „благородной публики,“ такъ и на расходы означеннаго училища. Державинъ думалъ устроить такое же „училище съ редутомъ“ въ Тамбовѣ, но удалось ли

ему — неизвестно. 2) Письмо И. В. Скобелева къ сыну своему — впоследствии столь известному Д. И. Скобелеву (доставленное въ Комиссію членомъ ея И. В. Добролюбовымъ), крайне интересное по тѣмъ наставленіямъ, какія даетъ молодому Скобелеву любившій его нѣжно родитель. Вотъ заключительныя слова этого замѣчательнаго письма, которымъ свято слѣдовалъ до конца своей жизни герой Скобелевъ: „для моднаго свѣта учишь ты чему хочешь и говори, если можно, съ заморскими птицами, но для меня исключительно будь *русскимъ, честнымъ и чистымъ* человекомъ“. За неисполненіе такого наставленія отецъ грозить „своими спасительными, великороссійскими, полновѣсными, гренадерскими фухтелями“, но за тѣмъ прибавляетъ: „Прощай, братъ Миша, Христось съ тобою, ты знаешь, что я тебѣ не лгу, и безъ сомнѣнія вѣришь, что все мое счастье, всѣ отрады, всѣ награды и всѣ радости вмѣщаются въ твоей жизни и въ твоёмъ поведеніи. Вѣрный другъ и отецъ твой Иванъ Скобелевъ.“ Въ томъ же приложеніи напечатано доставленное въ Комиссію, членомъ П. Н. Фатуровскимъ, письмо Императрицы Екатерины II Рязанскому епископу Симону, о содѣйствіи генераль-поручику Бречетникову при открытіи имъ правленія въ Рязанскомъ наѣстничествѣ.

Собирая въ свой архивъ рукописныя сокровища, Рязанская ученая Комиссія позаботилась и о своемъ будущемъ музеѣ. Съ тою цѣлью, чтобы и ему положить начало, члены А. А. Маринъ и В. И. Добролюбовъ, правитель дѣлъ А. В. Селивановъ, шѣстный землевладѣлецъ Ф. Н. Китаевъ и братъ его Н. Н. Китаевъ предприняли рядъ систематическихъ раскопокъ, но на первый разъ ограничились раскопкою лишь четырехъ кургановъ изъ числа 53-хъ, находящихся на древнемъ курганномъ кладбищѣ въ 15 верстахъ отъ г. Зарайска, переѣхавъ с. Клишино, близъ деревни Смедовки, и именно на берегу р. Оки, при впаденіи въ нее рѣчки Смедвы (на границѣ Рязанской губерніи съ губерніями Московскою и Тульскою). Давая Комиссіи отчетъ объ этой раскопкѣ, А. В. Селивановъ представилъ небольшую, но очень хорошо поясняющую результаты раскопки всѣхъ четырехъ кургановъ таблицу, которая, по нашему мнѣнію, могла бы служить образцомъ для подобнаго рода отчетовъ, особенно съ поясненіемъ (какъ это и сдѣлалъ г. Селивановъ) означенныхъ въ таблицѣ данныхъ нѣкоторыми относящимися къ нимъ примѣчаніями.

№	Курганъ.		К о с т я к ъ.				В з я т о.
	Попе- речи.	Вы- сота.	Глубина запеча- тѣнїа.	Направ- леніе ногъ.	Лицо обрац.	Погъ.	
	Метры.						
1.	8,6	1,8	0,8	В.	вверхъ.	Ж.	Вещи, черепъ и остатки волосъ.
2.	9	2,2	—	В. С. В.	влѣво.	М.	Черепъ.
3.	6,5	1,1	—	В. С. В.	вправо.	Ж.	Черепъ, маленькій горшечекъ, 3 бронзовыхъ привѣска и нѣ- сколько бусинокъ, съ руки бра- слетъ и кольца.
4.	9,5	1,9	—	В.	влѣво.	М.	Остатокъ ножа или кинжала. Бронзовая привѣска (вѣроятно наконечникъ ремешка) и то- чильный брусокъ. Черепъ.

Выслушавъ отчетъ, Комиссія постановила: раскопку кургановъ близъ с. Клишина продолжать, при чемъ принято во вниманіе добыть изъ одного курганнаго кладбища возможно большее число череповъ, чтобы опредѣлить антропологическіе признаки того племени, которому принадлежали курганы.

Получены для будущаго музея и старинныя монеты и въ числѣ ихъ 67, относящихся къ князѣнямъ Василья Васильевича Темнаго, Ивана Васильевича III, Василя Ивановича и Ивана Васильевича IV. Но при находкѣ въ Спасскомъ уѣздѣ монетъ времени царствованія Михаила Ѳеодоровича, которыя подлежали бы также доставленію въ историческій музей, мѣстный уѣздный исправникъ встрѣтилъ сомнѣніе передавать ихъ въ вѣдѣніе архивной Комиссіи на томъ основаніи, что „въ правилахъ о находкахъ, изложенныхъ въ ст. 359 Св. Зак. т. III, ч. I, § 16⁽¹⁾ значится что „монеты ностышаго времени, начиная съ XIII столѣтія, какъ несоставляющія рѣдкости, не могутъ подходить подъ указанныя правила о находкахъ“. Такъ какъ очевидно, что въ означенномъ § Свода Законовъ цифра XIII должна быть замѣнена цифрою XVIII, до такого же исправленія ея въ законодательномъ порядкѣ весьма возможны случаи, подобныя настоящему, къ ущербу научнаго интереса, то Комиссія сообщила о подавшемъ къ нему поводъ недоразумѣнію директору Археологическаго Института.

(1) Приведенныя здѣсь ссылки на томъ, часть и статью Св. Зак. неѣтримы: должно читать: прилож. къ примѣч. 2-му ст. 539, т. X, ч. 1, § 16. Н. Калачогъ.

Но вотъ еще цѣнныя, поступившія въ Рязанскій музей пожертвованія, на которыя мы также не можемъ не обратить вниманіе: 1) въ донъ открытія въ Рязани архивной Коммисіи и историческаго архива, полковникъ А. А. Маринъ принесъ въ даръ, какъ мы уже упоминали, имѣющему образоваться музею, принадлежавшую ему древней живописи икону св. мучениковъ Флора и Лавра. На этой иконѣ, кромѣ означенныхъ мучениковъ, изображены ангелъ Господень, держащій на поводу двухъ коней, а внизу Сисей, Елисаеъ и Егласиенъ, сидящіе на коняхъ. По словамъ А. А. Марина настоящая икона перешла къ нему вмѣстѣ съ имѣніемъ, находящимся въ Могилевской губ. Горницкаго уѣзда въ дер. Яковлевичахъ, которое принадлежало нѣкогда князьямъ Огинскимъ, за тѣмъ Зоричу и графу Цукатову, у котораго и было куплено А. А. Маринымъ въ 1866 году. 2) Отъ него же поступило три старинныхъ головныхъ убора и мѣдный складень. 3) Отъ А. В. Селиванова: акварельный портретъ преосвященнаго Гавріила, древній рѣзной образъ Николая чудотворца, паникадило XIII вѣка изъ мѣдныхъ пиленныхъ досокъ, шесть древнихъ крестовъ (3 серебряныхъ и 3 мѣдныхъ), 2 пары старинныхъ серебряныхъ серегъ (изъ коихъ однѣ съ жемчугомъ), золотой татарскій амулетъ, мѣдная съ цвѣтными камнями бляха, старинный фаянсовый кувшинъ, старинный перстень съ печатью и шейная рогатка, употреблявшаяся на одной изъ фабрикъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ.

Свои архивныя работы члены Коммисіи приводятъ въ тѣсную связь съ изготовляемыми ими къ выпуску въ свѣтъ изданіями. Такъ И. В. Добролюбовъ издалъ 1-й томъ историко-статистическаго описанія церквей и монастырей Рязанской епархіи, въ высшей степени любопытный по имѣющимся въ немъ матеріаламъ и въ настоящее время готовить къ печати 2-й томъ. Въ связи съ этой работой находится и поступившая въ Институтъ брошюра того же Добролюбова: „Солотчинскій монастырь. Историко-статистическій очеркъ“. Матеріалы, которыми пользовался авторъ при составленіи этого очерка, свидѣтельствуютъ объ основательномъ знакомствѣ его съ литературой и изданіями по занимающему его предмету, изъ рукописныхъ же источниковъ имъ помѣщены въ приложеніи: 1) Сотная на монастырь и на монастырскую вотчину, 1598 г. дек. 23 и 2) грамота, данная Лжедмитріемъ архимандриту того же монастыря Адриану (безъ означ.

числа). — А. В. Селивановъ посвящаетъ свободное отъ другихъ занятій время составленію карты Рязанскаго края въ XVII-мъ столѣтіи. — Членъ Комиссіи А. А. Маринъ издалъ хромофотографированное, исполненное въ Москвѣ, изображеніе образа Св. Николая Чудотворца Зарайскаго. Прилагая къ настоящему выпуску этотъ замѣчательный по исполненію снимокъ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми данными, относящимися къ его подлиннику. Образъ святителя находится въ Зарайской соборной церкви Св. Николая, построенной на мѣстѣ древняго храма въ 1681 г. и былъ „принесенъ сюда изъ древняго Херсонеса въ 1224 г., изъ той самой церкви, въ которой въ 988 г. св. Владиміръ принялъ крещеніе“⁽¹⁾. Въ 1608 г., повелѣніемъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, онъ облеченъ въ золотую ризу, украшенную дорогими каменьями. На поляхъ этой ризы изображены: 1) Василій Великій, вѣроятно во имя царскаго ангела; 2) Великомученикъ Дмитрій — во имя ангела Дмитрія Михайловича Пожарскаго; 3) Архангелъ Михаилъ, — во имя ангела архистратига русскихъ силъ, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; 4) Преподобный Дмитрій Прилуцкій — во имя поборника русскаго престола, Зарайскаго протопопа Дмитрія, просьбою и моленіемъ котораго совершенъ окладъ; 5) Царевичъ Дмитрій, чудотворецъ, въ то время только что прославленный русскою церковью. Въ 1610 г. царь Василій Іоанновичъ приложилъ къ образу золотую дщицу, вѣсомъ въ 1½ золотника. На ней изображена чернью слѣдующая надпись: „Лѣта 7118 (1610) генваря въ 27 день государь царь и великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи приложилъ къ чудотворному образу великаго Чудотворца Николы Зарайскаго, какъ Богъ освободилъ городъ его отъ воровскихъ людей его чудотворцевскою молитвою и добили челомъ государю“. Особенно примѣчательна на этомъ образѣ золотая медаль, вѣсомъ въ 9½ золотниковъ. Съ лицевой стороны изображенъ на ней крестъ, съ латинскою надписью кругомъ: „смиѣ побѣждаѣ“, на обратной же сторонѣ гербъ португальскій, съ круговою латинскою же над-

---

(1) Всѣ помѣщаемыя здѣсь подробности и описанія образа заимствованы нами изъ статьи г. Дитела: «старина въ городѣ Зарайскѣ и его уѣздѣ». Здѣсь же приведенъ разсказъ, сохранный Русскимъ Временникомъ о перенесеніи образа. См. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Н. В. Калачова, 1859 г., кн. 2.

писью: „Еммануилъ Великій, Король Португальскій“. Еммануилъ Великій, здѣсь упоминаемый, есть тотъ самый король Португальскій, при которомъ Васко-де-Гама открылъ путь въ Восточную Индію, слѣдовательно медалъ относится къ концу XV вѣка. — Членъ В. А. Самаряновъ представилъ Комиссіи подробную выписку изъ находящагося въ Рязанской Консисторіи дѣла о построеніи часовни или храма надъ открытыми въ маѣ 1836 г. купеческимъ сыномъ Тихомировымъ на мѣстѣ бывшаго города Старой - Рязани остатками древняго каменнаго храма съ 8 каменными гробами, заключающими въ себѣ человѣческія кости и остатки одеждъ и украшеній. Эти гроба были признаны свѣдущими людьми гробницами князей и княгинь Рязанскихъ, убиенныхъ Батыемъ въ 1237 г. и погребенныхъ, по словамъ лѣтописи; въ соборномъ храмѣ. Послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстно это открытіе, Рязанскій архіепископъ Гавріилъ возъимѣлъ мысль соорудить на мѣстѣ найденнаго древняго храма часовню, о чемъ и ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ, но Св. Синодъ нашелъ болѣе приличнымъ построить въ Старой - Рязани каменный храмъ и поручилъ своему архитектору составить планъ. Послѣ разныхъ передѣлокъ планъ былъ представленъ на усмотрѣніе Государя Императора Николая Павловича, которымъ и былъ утвержденъ 22 марта 1845 года; при чемъ сдѣлано было и распоряженіе о сохраненіи найденныхъ остатковъ древняго храма. То и другое не было однако приведено въ исполненіе: постройка храма за недостаткомъ на сооруженіе его денежныхъ средствъ, коихъ добровольными пожертвованіями было собрано лишь съ небольшимъ 3,000 рублей, находящіяся нынѣ на храненіи въ Рязанскомъ отдѣленіи Государственнаго Банка; что же касается до охраненія остатковъ древней церкви и гробовъ, то распоряженіе о томъ осталось безъ всякихъ послѣдствій, такъ что въ настоящее время слѣды ихъ все болѣе и болѣе исчезаютъ.

Заключимъ нашъ отчетъ сообщеніемъ, что докладъ г. Самарянова возбудилъ живѣйшее сочувствіе въ членахъ архивной Комиссіи къ сохраненію открытыхъ г. Тихомировымъ остатковъ храма и гробницъ и они положили: смотрѣть ихъ въ подробности и просить г. Начальника губерніи принять зависящія отъ него мѣры къ огражденію ихъ отъ дальнѣйшей порчи.

Таковы результаты, которыхъ достигла вновь учрежденная Рязанская
Вмн. 2-й.

архивная Комиссія за шесть мѣсяцевъ своего существованія. Изъ этого обзорѣнія ясно видно, съ какою энергіею, съ какою любовію къ древностямъ и съ какою тщательностію она начала свою работу. Богатые результаты, достигнутые ею въ столь короткое время, покажутся еще болѣе значительными, если обратить вниманіе на полное почти отсутствіе у нея денежныхъ средствъ: за исключеніемъ взносовъ, дѣлаемыхъ членами Комиссіи (по 5 рублей въ годъ), они всю работу, даже черновую, исполняютъ сами, но тѣмъ не менѣе нашли возможнымъ представить въ Археологическій Институтъ упомянутую выше опись (засвидѣтельствованную г. Селивановымъ) документамъ, находящимся въ Рязанскомъ Историческомъ архивѣ. Съ этой то описи и съ описей, доставленныхъ, какъ намъ извѣстно, Н. В. Калачову, Тамбовскою и Тверскою архивными Комиссіями, начнется въ Археологическомъ Институтѣ *центральное собраніе описей документовъ и дѣлаамъ, поступающимъ въ губернскіе историческіе архивы* (а можно ли сомнѣваться, что число такихъ архивовъ будетъ постоянно увеличиваться?), — *собраніе, которое должно со временемъ получить огромное научное значеніе.*

Слушатель Института, кандидатъ филологіи В. Извергинъ.

БИБЛОГРАФІЯ.

Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи.
даны Археологическою Коммиссіею, подъ редакціею члена Комми-
Николая Калачова, Т. III, СПб. 1884 г. (стр. VIII, столб. 522).

Это третій и послѣдній томъ изданія, которое, по первоначал-
своей программѣ, должно было представить самостоятельную группу д-
ментовъ, выясняющихъ домашній и общественный бытъ нашихъ предк-
Чтобы расположить такіе акты въ какой либо системѣ, редакторъ при-
алфавитный порядокъ, въ которомъ и размѣстилъ разныя названія доку-
товъ. Отсюда очевидно, что какъ-бы ни были удачно сгруппированы
этой системѣ помѣщенные въ настоящемъ изданіи акты и какъ-бы ни
они хорошо выбраны изъ огромной массы принадлежащихъ сюда столб-
и отдѣльныхъ документовъ по ихъ содержанію, они все-таки состав-
лишь подготовительный матеріалъ для начертанія картины домашня-
общественнаго быта разныхъ классовъ древней Россіи *въ научной сист.*
Такъ смотрѣлъ на нихъ и самъ редакторъ и потому въ предисловіи
третьему тому упомянулъ, что въ заключеніе настоящаго изданія намъ)
на основаніи ихъ, составитъ очеркъ до-Петровскаго быта разныхъ сосл-
и лицъ, а также работъ, исполнявшихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ
распоряженію Правительства, относительно устройства городовъ и уѣз-
и охраненія границъ государства и частныхъ владѣній — трудъ, кото-
предполагается значительно пополнить изданныя доселѣ немногія изсл-

по этимъ предметамъ. Совершенно будетъ соответствовать такому историческому изложенію всего содержанія изданныхъ актовъ общаеиый редакторомъ „указатель предметамъ“, въ которомъ онъ намѣренъ положить всѣ техническіе и народные термины юридическаго быта древней Руси. Такой указатель дѣйствительно крайне нуженъ и исследователи будутъ, безъ сомнѣнія, ожидать его съ нетерпѣніемъ. Не можемъ также не упомянуть объ общаеиомъ г. Калачовымъ новомъ изданіи собранныхъ имъ документовъ, которое, повидимому, буде несравненно обширнѣе настоящаго и которое предположено печатать подъ вѣдѣніемъ Императорской Академіи Наукъ: на сколько мы знаемъ объ этомъ собраніи, оно будетъ главнымъ образомъ посвящено докладамъ и приговорамъ, состоявшимся въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ древней Россіи и слѣдовательно будутъ обнимать распоряженія и производства, которыми направлялась и движалась общественная и частію домашняя жизнь нашихъ предковъ. Въ такомъ случаѣ настоящее изданіе „юридическихъ актовъ“ будетъ служить историческою иллюстраціей имѣющимъ издаваться Академіей Наукъ официальнымъ документамъ, оба же изданія ввѣстѣ составятъ для нашихъ историковъ не только необходимое, но и самое надежное пособіе въ ихъ изслѣдованіяхъ.

К. Г.—ъ.

Розыскныя дѣла о Федорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе Археографической Коммиссіи. Томъ первый, СПб., 1884 г., стр. 1280; томъ второй, СПб., 1885 г., ст. 846.

Имя Шакловитаго, какъ и имена нѣкоторыхъ его сообщниковъ въ ихъ, направленныхъ противъ юнаго Петра за пристрастіе его къ иноземнымъ обычаямъ, хорошо извѣстны всѣмъ, даже поверхностно занимающимся русской исторіей. О самомъ дѣлѣ, относящемся къ Шакловитому и участникамъ, уже съ полстолѣтія тому назадъ не только проникали слухи и печать, но и было извѣстно, что оно готовится къ изданію по Высшему повелѣнію. Имъ несомнѣнно были крайне заинтересованы глубоководные знатоки нашихъ историческихъ памятниковъ — графъ Д. Н. Влудовъ и старшій народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, который и передалъ въ означенную цѣль въ Археографическую Коммиссію. Тѣмъ не менѣе,

лишь въ 1883 г. Комиссія опредѣлила: печатаніе дѣла о злоумышленничего Шакловитаго и его сообщниковъ поручить (члену Комиссіи) А. Н. Труворову. Замедленіе въ изданіи произошло едва ли не главнымъ образомъ отъ представлявшейся всякому, кто принимался за столбцы и дѣльные разбитые листки этого дѣла, необходимости посвятить себя съ кропотливому ихъ разбору и свѣркѣ сходныхъ между собою, но отнесенныхъ къ разнымъ преступникамъ розысковъ, докладовъ, статейныхъ актовъ и приговоровъ. Но и по выполненіи этого труда редактору представлялась далеко не легкая задача начертать полную программу изданія, которое должно было явиться въ свѣтъ не въ видѣ одного дѣла о Шакловитомъ, а нѣсколькихъ дѣлъ, относящихся къ разнымъ лицамъ, такъ чтобы слѣдовательное искусное ихъ развѣщеніе составляло цѣлостную крайнюю и любопытную картину нашего стариннаго дѣлопроизводства. Трудное изученіе столбцовъ и отдѣльныхъ листовъ настоящаго дѣла, разборъ, свѣрку и наконецъ начертаніе программы и самое выполненіе ея въ изданіи исполнилъ самымъ блестящимъ образомъ г. Труворовъ. Онъ раздѣлялъ изданіе на семь дѣлъ розыскныхъ и на два дѣла административныя такъ образомъ: 1-е дѣло — о Федорѣ Шакловитомъ и единомышленникахъ его Олимпіи Петровѣ, Кузьмѣ Черномъ и о сыскѣ Семена Резанова съ товарищами; 2-е — о Никитѣ Гладкомъ, Сильвестрѣ Медвѣдовѣ и о сыскѣ въ бѣгъ Степана Евдокимова съ товарищами; 3-е — о подьячихъ Шошинѣ, дѣвяти, Ворисовѣ и объ истопникѣ Осиповѣ; 4-е — о подьячемъ Сергѣи; 5-е — объ околическѣ Василѣ Нарбековѣ; 6-е — о стольникѣ Андрѣе зоборовѣ; 7-е — о стольникѣ Петрѣ, братѣ его Афанасѣ Неплюевѣ, Владимірѣ Воробинѣ; дѣла же административныя относятся къ сыскѣ, розыска и суда, боярина Леонтія Неплюева и князей Василя и Алея Голицыныхъ. Въ изданномъ нынѣ первомъ томѣ помѣщены только первыя пять дѣлъ; но къ нимъ присоединены дѣло объ отдачѣ челобитчикамъ дѣловъ, полулавки и мельницъ измѣнниковъ и дѣло о стрѣльцѣ Стрижовѣ. Концы тома напечатанъ списокъ казненныхъ, сосланныхъ и освобожденныхъ по розыскному дѣлу о Шакловитомъ съ товарищами. Въ томѣ второмъ помѣщены два послѣднія розыскныя дѣла и административное дѣло о сыскѣ боярина Леонтія Неплюева.

Богатыя матеріалы этихъ томовъ нѣтъ конечно никакой возможно

дать здѣсь хотя бы и въ самомъ сжатомъ очеркѣ; поэтому мы приведемъ, включеніе нашего отчета, выводъ, который сдѣлалъ самъ редакторъ въ своемъ любопытнаго предисловія, о значеніи настоящаго изданія для насъ. „Обращаясь, говоритъ онъ, къ его содержанию, нельзя оставить безъ вниманія ту научную важность, какую представляютъ тѣсно связанные между собою по одному и тому же политическому дѣлу разнородные по формѣ производству документы, проливающие впервые полный свѣтъ на наше истинное слѣдствіе и судопроизводство. Связь эта заключается въ юридическомъ единствѣ нѣсколькихъ группъ, состоящихъ каждая изъ Розыска съ допросами, очными ставками и пыточными рѣчами, Докладной выписки, Постановленія о каждомъ подсудимомъ списка, Приговора и Сказки осужденнаго у казни или у наказанья; въ отдѣльности же каждое розыскное дѣло посвящено о тѣхъ лицахъ, къ которымъ оно непосредственно относится. Исторически, разнородные документы, имѣвшіе каждый въ древней русской практикѣ свое техническое, а иногда и народное названіе и потому представляющіе въ своей цѣлости какъ бы общую картину тогдашняго дѣлопроизводства, но въ сущности дробящіеся на отдѣльные образцы, представляются намъ здѣсь направленными къ одной цѣли и потому тѣсно между собою связанными, а отсюда полными живаго интереса. Въ то же время въ насъ преобладаетъ и другая сторона современнаго имъ быта: это, во 1-хъ, домашняя обстановка, преимущественно видимая въ дѣлѣ стольника Антона Безобразова, которая связываетъ политическихъ дѣятелей, подлежащихъ розыску и суду, съ окружающими ихъ семейными и близкими лицами, людьми подначальными и служилыми, даже съ юродивыми, ворожеями и хвастами; а во 2-хъ, то безъисходное положеніе сосланныхъ въ дальніе города или въ ихъ деревни, какое видно изъ дѣлъ князей Голицыныхъ, боярина Неплюева и окольного чина Нарбекова, и откуда, чрезъ посредство надзирателей надъ ними приставовъ, посылались имъ челобитныя и письма о помилованіи или о смягченіи постигшей ихъ участи. Читая эти завѣтные документы, о которыхъ писавшіе ихъ вовсе не думали, что онѣ предадутся гласности, мы невольно переносимся въ тогдашнее общество, видя воочию его нравы, обычай и потребности, и такимъ образомъ картина слѣдствія и суда является обставленною всѣми принадлежностями тогдашней жизни“.

Ограничиваясь этою выпискою, мы не можемъ однако не упомянуть о

приложенномъ въ роспросу Медвѣдова (столб. 595 — 598) портретъ Царевны Софіи Алексѣевны, снятомъ гелиографически съ портрета гравированнаго въ Амстердамѣ Блотелингомъ по заказу бургомистра Витсена, которому Шакловитый передалъ съ этою цѣлью, чрезъ дьяка Виніуса, оригиналь, гравированный Тарасевичемъ въ Москвѣ.

Н. Калачовъ.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ актовъ и грамотъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной библиотекѣ. Изданіе Виленской Археографической Коммиссіи. Вып. I-ый, 1432—1548 г. Вильна, 1884, въ листъ, 45 стр. и XXX табл. снимковъ.

Славяно - русская палеографія, по памятникамъ XI—XIV в., разрабатывается весьма успѣшно. Труды Калайдовича, Строева, Востокова, Погодина, Срезневскаго, Иванова, Вулава, Напѣрскаго, преосв. Саввы и другихъ служатъ путеводными свѣтилами въ этой области археологій. Имъ изслѣдовано не малое число важныхъ памятниковъ древней письменности и не мало также издано палеографическихъ снимковъ съ рукописей. Излишне было бы перечислять всѣ подобныя изданія, хорошо извѣстныя изслѣдователямъ русскихъ древностей; довольно будетъ указать на плодотворную дѣятельность недавно возникшаго Общества любителей древней письменности, заявленную такими палеографическими изданіями, въ которыхъ давно чувствовалась нужда и которыя частному человѣку были бы не подъ силу. Разумѣется, примѣръ тому подала Археографическая Коммиссія министерства народнаго просвѣщенія, издавшая палеографически нѣсколько лѣтописей. Но во всемъ этомъ преимущество имѣетъ палеографія уставнаго письма; палеографія же письма полууставнаго, и въ особенности палеографія скорописи занимаютъ въ средѣ означенныхъ изданій скромное мѣсто, будучи представляемы меньшимъ числомъ снимковъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, и нѣкоторыми выпусками Общества любителей древней письменности. Между тѣмъ полууставъ и скоропись, выродившіяся изъ устава путемъ измѣненія формъ и пріемовъ письма, суть явле-

ніа, любопытныя не менѣе самого устава, и особенно скоропись, выработанная русскими дьяками и подьячими. Изученіе скорописи необходимо потому, что ею писаны всѣ акты съ XVI вѣка и что читать ее безъ особой подготовки или навыка бываетъ крайне затруднительно.

Съ XV вѣка, въ дѣловомъ мірѣ, полуустановъ началъ переходить въ скоропись, исполнѣе установившуюся въ XVI вѣкѣ. Замѣчательно, что одновременно выработались два вида скорописи: московскій, сдѣлавшійся общимъ въ русскомъ государствѣ, и литовскій, получившій отличный отъ московскаго характеръ. До сихъ поръ не было у насъ коллективнаго изданія снимковъ съ памятниковъ этого вида письма, изданія, которое могло бы служить руководствомъ для палеографическихъ розысканій о развитіи литовско-русскаго полуустава и переходѣ его въ своеобразную скоропись. По этой части имѣется немного данныхъ, и едвали не главнымъ образомъ въ палеографическомъ сборникѣ Иванова. Теперь недостатокъ этотъ пополняетъ своимъ изданіемъ Виленская Археографическая Комиссія, и пополняетъ въ значительной степени: въ настоящемъ первомъ выпускѣ этого изданія помѣщены, на 30 листахъ, снимки съ 59 актовъ. Первые два акта писаны полуустановомъ въ 1482 году; слѣдующій актъ, XV вѣка, представляетъ полуустановъ, близкій къ скорописи, которою писаны остальные акты. Въ этомъ письмѣ особенно выставляются буквы: а, в, е, заглавное К, м, ѿ, ч, изображенныя такъ: *с*, *В* и *В*, *Л*, *Ф*, *М*, *W*, *V*. Смотра вообще на письмо, нельзя не приѣтнуть, что литовская скоропись образовалась подъ вліяніемъ готическаго письма, характеръ котораго наиболѣе выдержанъ въ актахъ, тщательно писанныхъ. Всякій, кто будетъ пользоваться сборникомъ Виленской Комиссіи, отъ души поблагодаритъ ее за ту старательность, съ какою изготовлены ею снимки. вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія даетъ поучительный примѣръ другимъ издателямъ подобныхъ памятниковъ, и именно вотъ чѣмъ: она не имѣла столько средствъ, чтобы можно было изготовить полныя снимки съ обширныхъ актовъ, почему и ограничилась снятіемъ только на одинъ камень нѣсколькихъ строкъ начала и конца такихъ актовъ, что достаточно удовлетворяетъ требованія изучающихъ собственно почерки или вообще письмо; но такъ какъ акты эти въ ихъ цѣломъ видѣ составляютъ важный матеріалъ для историка и филолога, то Комиссія, напечатавъ въ особомъ сводѣ или, по ея выраженію, „въ объяснительномъ

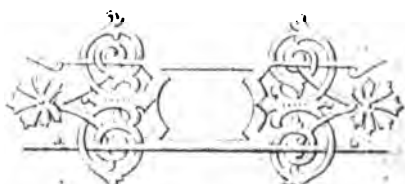
текстъ", всю коллекцію снимковъ, распорядилась такъ, чтобы обширные неизвѣстные доселѣ акты изданы были теперь вполне, причемъ часть ихъ, съ которой сдѣланы снимки, напечатана крупнымъ, а остальная часть мелкимъ шрифтомъ, акты же этого разряда уже изданные снабдилъ указаніями ихъ содержанія, чрезъ что сводъ этотъ получаетъ значеніе археографическаго изданія актовъ, относящихся къ извѣстному періоду. Правда, не всѣ снимки представляютъ видъ подлинныхъ актовъ, и Комиссія оговаривается, что она „вынуждена была отступить отъ формата нѣкоторыхъ пергаменныхъ рукописей, не соответствовавшихъ размѣрамъ ея изданія“; но форматъ подлинника едвали столько же важенъ для палеографіи, сколько важно самое письмо: палеографія ничего не теряетъ, если длинная строка будетъ въ снимкѣ раздѣлена на двѣ или на три строки съ сохраненіемъ вида подлиннаго письма; для занимающихся же дипломатикою достаточно описанія внѣшняго вида памятниковъ, которое Комиссія помѣстила при каждомъ актѣ. Изданіе снабжено обстоятельнымъ предисловіемъ, въ которомъ выяснено историческое значеніе напечатанныхъ актовъ, а также оглавленіемъ и азбучными указателями: а) личныхъ именъ; б) географическихъ названій; в) предметовъ и малоупотребительныхъ словъ. Остается пожелать, чтобы и слѣдующіе выпуски настоящаго изданія исполнялись столь же успѣшно.

Почетный членъ Д. Прозоровскій.

ЦѢНА ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
СЪ АЛЬБОМОМЪ РИСУНКОВЪ И
ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Редакція „ВѢСТНИКА“ на Вас. остр., по 12
линии, д. № 19, въ библіотекѣ Археологическаго
Института.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Петерб. стор.
Большой пр. д. № 45.

ВѢСТНИКЪ

Археологическаго и Историческаго Института

Издаваемый
Археологическимъ
Институтомъ
при Императорскомъ
Университетѣ
С.-Петербургскомъ

1885

Главный редакторъ Рашковъ

СПЕТЕРБУРГЪ.

Составилъ Арх. Ренетъ

ВѢСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ПРЕДВѢЩАЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1885 г.

ВЫПУСКЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Калачовъ*.

СОДЕРЖАНИЕ 3-ГО ВЫПУСКА.

	стръ
1. О финансовых затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія. Статья Профессора И. Е. Андреевскаго.....	1— 16
2. Историческое и археологическое описаніе первокласнаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ (Владимірской губ.). Статья 3-я. (Окончаніе). Почетнаго члена Института А. Л.	17— 43
3. Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Тверской ученой архивной Коммисіи въ 1884 году. Слушателя Института П. А. Шафранова.....	44— 53
4. Возобновленіе зданій древняго Кремля въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, и учрежденіе музея мѣстныхъ древностей. Статья почетнаго члена Института Н. Н. Селифонтова.....	54— 62
5. Татарскій шлемъ, найденный на Куликовомъ полѣ, принесенный въ даръ Музею Института И. А. Ивнскимъ. Статья дѣйствительнаго члена А. Н. Маркова.....	63— 66
6. Царскія врата церкви села Монастырщины близъ Куликова поля. Записка почетнаго члена Н. В. Султанова.....	67— 68
7. Литовскія язычскія божества. Статья П. Л. Кречинскаго, доставленная почетнымъ членомъ В. А. Ляднымъ.....	69— 80
8. О монетахъ, поступившихъ въ Музей Института отъ почетнаго члена Э. О. Розенбаума. Статья дѣйствительнаго члена А. Н. Маркова.....	81— 84

БИБЛЮГРАФІЯ:

9. Матеріалы для исторіи, археологін и статистики города Москвы, собранные и изданные руководствомъ и трудами Н. Е. Забѣлина, ч. 1-я. Отзывъ Н. В. Калачова.....	85—101
10. Н. Н. Срезневскій. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. — Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 1865—1880 г. Отзывъ профессора И. В. Ягича.....	101—106

Къ этому выпуску приложены: 1) въ альбомѣ къ вып. 1—4 портретъ царевны-инокини Марфы-Мargarиты Алексѣевны; 2) двѣ неизданныя доселѣ царевнскія монеты царя Орода I (см. вып. 3-й, стр. 83).

О финансовых затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія.

Финансовыя затрудненія государствъ часты и разнообразны. И новыя, такъ называемыя культурныя государства въ финансовыхъ дѣлахъ затрудняются весьма нерѣдко. Безпрестайныя нападенія на финансовую администрацію и въ новѣйшее время весьма часто вызываются справедливыми мотивами и обставляются неумолимыми данными. Но финансовая администрація новѣйшаго времени владѣетъ такимъ аппаратомъ, который даетъ ей возможность и отбивать нападенія и выходить изъ затрудненій. Этотъ аппаратъ заключаетъ въ себѣ государственную сѣтку, государственный кредитъ и государственное счетоводство. Последнее, будучи продуктомъ постепенно создавашагося искусства, освѣщаетъ и оберегаетъ двѣ первыя части этого аппарата, и заключаетъ въ себѣ дѣйствительно мощныя средства въ точности знать всѣ финансовыя операціи и вести постоянный контроль и наблюденіе. Чѣмъ лучше дѣйствуетъ этотъ аппаратъ въ государствѣ, тѣмъ удобнѣе можетъ получиться правильная централизація въ финансовыхъ и счетныхъ дѣлахъ, и тѣмъ блестящее могутъ порождаться смѣлыя финансовыя операціи.

Это дѣло, какъ чисто техническое, требуетъ знаній. Отсутствіе знаній въ этой области проявляется рѣзче, чѣмъ въ какой либо другой области. При отсутствіи правильнаго счетоводства, финансовая администрація можетъ собирать съ народа весьма много, а получать въ свое казначейство мало, а это влечетъ за собою причины, порождающія обѣдненіе народа.

Въ началѣ XVIII ст. только начали создаваться практическимъ путемъ элементы, изъ которыхъ постепенно возникъ этотъ могучій финансо-

вый аппарат современнаго культурнаго государства. И самые эти элементы, уже возможные для наблюденія въ началѣ XVIII столѣтія, слагались постепенно и притомъ въ различныхъ государствахъ различно, но удачно создававшееся въ одномъ дѣлалось скоро предметомъ изученія въ другихъ и вызывало подражанія. Быстро развивавшіяся государственныя потребности требовали и финансовыхъ предпріятій.

Геніальный преобразователь Россіи, Великій Петръ, задумавшій не только забрать въ Россію государственную мудрость западно-европейскихъ государствъ, но и рискнувшій помѣриться силами съ Европейскими войсками, принужденъ былъ выступать на широкія финансовыя предпріятія, вовсе не владѣя элементами создававшагося въ западныхъ государствахъ финансоваго аппарата, а имѣя въ своихъ рукахъ старый аппаратъ Московскаго царства. Делѣя горячія мечты создать и у себя все по Европейскому, и въ частности по Шведскому образцу, и надѣясь пустить въ ходъ новый механизмъ въ 1720 году (что, какъ извѣстно, не удалось), онъ до тѣхъ поръ, по необходимости, долженъ былъ не брезгать старыми Московскими средствами. Другихъ средствъ въ его рукахъ не было, эти средства ему не нравились, онъ пытался поправлять ихъ отдѣльными заплатами, и потому этотъ довольно долгій періодъ того, какъ бился Петръ въ финансовыхъ предпріятіяхъ, и какъ отъ этого бѣднѣлъ народъ, представляетъ много поучительнаго и въ научномъ отношеніи интереснаго. У насъ въ нѣкоторыхъ областяхъ литературы трубнымъ гласомъ возвѣщается положеніе о великихъ силахъ Русскаго народа, для котораго будто-бы была ни по чемъ въ разные періоды проявлявшаяся неразумная администрація, что вынесъ народъ всё эти неразумія на своихъ богатырскихъ плечахъ. Но при этихъ фразахъ, на которыя стремятся положить печать благонадежности и патріотизма, совсѣмъ упускается изъ виду анализъ, какъ отъ этихъ печальныхъ періодовъ періодически бѣднѣлъ народъ и какъ слабо двигалась его культура. Великій преобразователь и думалъ искать помощи въ западныхъ образцахъ, а до полученія ихъ тѣжко томился въ оковахъ московскихъ порядковъ. Издаваемые теперь акты первыхъ годовъ дѣятельности Правительствующаго Сената освѣщаютъ это томленіе великаго бойца за государственный складъ жизни Россіи. Остановимся только на одномъ вопросѣ, составляющемъ потребность самую элементарную въ государственномъ хо-

зайствѣ, — знать, сколько нужно произвести расходовъ и на какіе можно рассчитывать доходы, — то, что теперь составляетъ такой простой пріемъ ежегодной финансовой смѣты, было величайшимъ финансовымъ затрудненіемъ для Петра въ началѣ XVIII столѣтія.

I.

Не имѣя дѣйствительной централизаціи финансоваго управленія въ Московскихъ Приказахъ финансовыхъ, вѣдавшихъ отдѣльныя порученія, и махнувъ рукою на Приказъ счетныхъ дѣлъ, переставшій и дѣйствовать, Петръ, еще до учрежденія Сената, думалъ прежде всего привести въ извѣстность свои собственныя распоряженія о приходахъ, которые вновь создавалъ и о расходахъ, которые широко приходилось указывать, пока безъ точнаго сопоставленія ихъ съ доходами, и для этого повелѣлъ созданной имъ *Ближней Канцеляріи* завести особую книгу, въ которую вносить все его указы, и эту книгу *держатъ за печатью* (1). Онъ думалъ, что этимъ образуется, по крайней мѣрѣ, центральное бюро, въ которомъ можно получить вѣрную справку о законныхъ основаніяхъ новыхъ приходовъ и расходовъ. Затѣмъ изъ всехъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя поступаютъ доходы, онъ повелѣлъ присылать въ Ближнюю Канцелярію по третямъ года и по прошествіи года перечневныя вѣдомости о поступающихъ доходахъ и о сдѣланныхъ расходахъ (2). Это собственно старый пріемъ Московской, и у Московскаго правительства не находилось средствъ достигнуть дѣйствительнаго выполненія такого приказа и узнать, вѣрны ли эти вѣдомости. Петръ справедливо мотивируетъ важность этихъ вѣдомостей: „понеже тѣ вѣдомости надобны для вѣденія о приходѣ и о расходѣ и объ остаткахъ по вся годы (3)“.

По открытіи Сената, довольно скоро сознали необходимость перевѣрки этихъ вѣдомостей, открылся спросъ на ревизію счетовъ. Какимъ образомъ создать эту ревизію. По старымъ Московскимъ порядкамъ были въ ходу два слѣдующія средства: 1) въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ бывалъ приходъ и расходъ, ставился *особный дьякъ съ старымъ подѣ-*

(1) 4-е Полн. Собр. Зак. № 2022.

(2) Ibid. № 2270.

(3) Ibid. № 2319.

ячимъ, которыхъ по истеченіи года другіе дѣлки должны были считать, и неподучившаго счета ни къ какимъ другимъ дѣламъ не опредѣлять; 2) ежегодно въ Приказъ счетныхъ дѣлъ должны были вызываться изъ каждаго учрежденія эти дѣлки съ вѣдомостями и сосчитаться. Средства, несомнѣнно, обдуманна, но обдуманна дѣлками, и въ итогъ получалась вѣрность, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенная неизвѣстность итоговъ. Какъ началъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи вновь созданный Петромъ Сенатъ?

Съ первыхъ дней дѣятельности этого новаго учрежденія, исполненнаго энергическаго духа Петра, обнаружилось, что старинный Московскій аппаратъ работаетъ плохо. Опубликованный архивъ Сената представляетъ цѣлый рядъ любопытныхъ дѣлъ, обнаружившихъ несостоятельность старыхъ приемовъ, но чѣмъ замѣнить ихъ? Посмотримъ на нѣкоторые изъ этихъ дѣлъ.

Натурально, главною потребительницею большей части доходовъ была на новыхъ началахъ сформированная армія. Изъ Ближней Канцеляріи была сдѣлана роспись, сколько изъ какой губерніи высылать на какую часть арміи денегъ и провіанта натурою. Губерніи, сообразно съ этимъ, стали посылать въ Канцелярію вѣдомости по старому Московскому порядку, и по тому же порядку, вѣдомости, несогласныя съ дѣйствительностію. Какъ только открылся Правительствующій Сенатъ, Военскій Приказъ и доноситъ, что ему изъ губерній Казанской, Смоленской и Архангелогородской за 1710 и 1711 годъ не доставили тѣхъ денегъ, которыя показаны въ вѣдомостяхъ Ближней Канцеляріи — цѣлый громаднй счетъ⁽¹⁾, а изъ Смоленска въ Ригу провіантъ, для провоза котораго повелѣно было суда построить, не доставленъ, да и судовъ еще не строили. Сенатъ вотъ какимъ образомъ распорядился немедленно: въ каждую изъ этихъ неисправныхъ губерній послать нарочныхъ изъ царедворцевъ, *которымъ и брать кормъ у тѣхъ губернаторовъ, чѣмъ бы мочно быть имъ сытымъ*. Именно, въ Смоленскую губ. послать Михаила Желябужскаго, въ Казанскую Ивана Вережникова, въ Архангелогородскую Якова Силыгина. Они каждому изъ этихъ губернаторовъ должны сказать, чтобъ они въ отпускѣ той денежной казны не медлили, и быть имъ при тѣхъ губернаторахъ неотлучно,

---

(1) См. Доклад. и пригов. Прав. Сената, т. 1, № 34.

пока денегъ не отправить, а если тѣ послѣшать не будутъ и начнутъ чѣмъ либо отговариваться и время продолжать, то объявить имъ, что они губернаторы будутъ подвергнуты истязаніямъ, какъ о томъ Правительствующему Сенату его Царскаго Величества указъ повелѣваетъ. Посланные начали дѣйствовать энергично, какъ видно изъ обширнаго дѣла, производившагося въ Сенатѣ въ 1712 г. и помѣщеннаго во 2-мъ томѣ его „Докладовъ и Приговоровъ“. Но при энергіи посланныхъ оказалось чрезвычайно труднымъ свести счеты, сколько отъ какой губерніи не поставлено, и кто виновные. По заведенному тогда порядку каждый изъ губернаторовъ, собравъ съ крестьянскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 7186 года (1678) все количество положеннаго разнаго хлѣба и соотвѣтствующую денежную дачу для перевозки, долженъ былъ заключить договоръ съ подрядчикомъ о доставленіи этихъ грузовъ въ Смоленску, гдѣ губернаторъ долженъ былъ черезъ другихъ подрядчиковъ и постройку струговъ доставить весь хлѣбъ въ Ригу (на прокормъ 10 тысячъ войскъ). За неисполненіе этого съ губернаторовъ назначался штрафъ по 2 р. за каждую недоставленную четверть, съ строгимъ воспрещеніемъ выжимать этотъ штрафъ съ крестьянъ — „а крестьянскихъ дворовъ съ двороваго числа того провіанта не собирать подъ жестокимъ штрафомъ“. Когда сенатскіе комиссары стали давить на губернаторовъ, отъ нихъ стали поступать донесенія оправдательныя, представлявшія, во-первыхъ, совѣтъ другой счетъ отправленнаго сравнительно съ тѣмъ, что писали военнаго начальства, а, во-вторыхъ, слагавшія всю отвѣтственность на неисправныхъ подрядчиковъ. Сенатъ, на основаніи этихъ донесеній и получивъ отъ военнаго начальства увѣдомленіе, что вслѣдствіе несвоевременнаго доставленія хлѣба, оно купило въ Ригѣ хлѣба на 20 тысячъ рублей, каковыя по особымъ счетамъ Московской и Петербургской губерніи отпущены съ денежныхъ дворовъ, опредѣлилъ взыскать эти 20 тысячъ съ неисправныхъ подрядчиковъ. Тогда поступили отъ нихъ разъясненія, доказывавшія, что и указанія губернаторовъ и военнаго начальства несправедливы, и что счетъ выходитъ совѣтъ другой. Между прочимъ доказывали: во-первыхъ, что выполнить въ точности подряда было нельзя за неврученіемъ губернаторами и вообще правительствомъ надлежащихъ пропускныхъ листовъ и за разбитіемъ многихъ струговъ, потонувшихъ съ хлѣбомъ; во-вторыхъ, что подрядчики сами купили въ Ригѣ не мало хлѣба

въ замѣнѣ потонувшаго, и что цѣны другія, чѣмъ показываетъ военное начальство, и въ третьихъ, что счетъ хлѣба, доставленнаго въ Ригу, совсѣмъ иной, чѣмъ показываетъ военное начальство, такъ какъ оно его оптомъ не принимаетъ, а беретъ по мѣсяцамъ въ розницу. Правительствующій Сенатъ совершенно растерялся, въ виду столь разнорѣчивыхъ показаній, и 30-го іюля 1712 г. приговорилъ послать въ Ригу нарочнаго кого пригоже добраго по наказу по почтѣ наскоро, чтобы всѣ эти счета распутать и привести все въ ясность. И такимъ курьеромъ посланъ былъ *Василій Леоновъ*, который и доставилъ Сенату интереснѣйшія справки о порядкахъ интендантства и счетной части. Но послѣдствіемъ всѣхъ этихъ справокъ было то, что вновь платить пришлось все-таки крестьянамъ. Приговоръ Сената былъ выраженъ такъ: прежнее постановленіе о взыскаііи съ губернаторовъ Сибирскаго, Архангелогородскаго и Московскаго отмѣнить, такъ какъ оказалось, что подрядчики оныхъ губерній провіантъ поставили сполна, а Казанской не доставилъ въ указное число муки 114 четвертей 7 четвериковъ и крупъ 120 четвертей 6 четвериковъ, и за тотъ недоставленный провіантъ взять на Казанскомъ губернаторѣ на самомъ за муку по 2 рубля, а за крупу по 3 рубля за четверть безъ всякаго отлагательства, а съ крестьянъ за тотъ провіантъ денегъ и провіанту не собирать подъ жестокимъ штрафомъ. Что же касается платы за отправленный съ Смоленской губерній провіантъ за 5,021 четв. 6 четвериковъ, по 2 рубля за четверть, итого 10,043 рубля 16 алт. 4 деньги, также и деньги, на которыя купилъ полковникъ Вельяминовъ-Зерновъ въ Ригѣ провіантъ, 10 тысячъ рублей, всего 20,043 рубля 16 алт. 4 деньги, взять со всѣхъ губерній, росписавъ съ долей двороваго числа крестьянъ по переписнымъ книгамъ 1678 года⁽¹⁾. Правительствующій Сенатъ воздержался отъ какаго либо мотива вѣрности такого рѣшенія. И надобно отдать ему справедливость: онъ все дѣлалъ, чтобы разобрать эти счета, но старій финансовый Московскій аппаратъ оказался Московскимъ, и крестьянамъ пришлось платить второй разъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать справедливости Правительствующему Сенату, что онъ уже въ 1712 г. пытался отыскать средства къ

---

(1) Доклады и пригов. Сената, т. II, кн. 2, № 953.

тому, чтобы привести въ ясность и извѣстность все доходы и расходы по всемъ губерніямъ. Онъ схватился прежде всего за то, что придумала, по указанію Петра, Ближняя Канцелярія въ 1710 г.: она послала въ 1710 г. табель всемъ приходамъ и расходамъ, но общую, необработанную. Сенатъ въ 1712 г. съ тою цѣлю, чтобы имѣть возможность разобрать, какія изъ старыхъ статей расхода удержались, и какія прибавились вновь, а равно и какіе доходы, повелѣлъ изъ всехъ губерній за 1710 г. и 1711 г. доставить въ Канцелярію Сената въ Москву всеиъ старымъ и новымъ окладнымъ и неокладнымъ сборамъ приходныя и расходныя книги за руками самихъ сборщиковъ, и изъ нихъ подлинныя и перечневныя вѣдомости за руками ландрихтеровъ, и для общей ихъ ревизіи поставилъ при канцеляріи Сената оберъ-коммиссара князя Михаила Вадбольскаго, которому и далъ инструкцію. Изъ нея видно, что Сенатъ надѣялся, что этимъ путемъ можно будетъ составить общую для всего государства вѣдомость, т. е. смѣту доходовъ и расходовъ. Виѣстъ съ тѣмъ онъ справедливо разсуждалъ, что безъ точной провѣрки такихъ книгъ и вѣдомостей невозможно освидѣтельствовать подлинно, „сколько въ коемъ городѣ и уѣздѣ посланные изъ дворянъ и изъ приказныхъ и изъ служилыхъ людей при производствѣ поборовъ и дѣлъ и въ городѣхъ въ приказныхъ и въ земскихъ избахъ собою деньгами и инымъ чѣмъ на себя брали и грабили, отъ чего градскимъ и уѣзднымъ жителямъ воздѣ чинится многое раззореніе“⁽¹⁾. Эта желанная цѣль не могла быть достигнута работами оберъ-коммиссара по цѣлому множеству причинъ, и между прочимъ и потому, что новыя потребности въ Петербургѣ вызывали все именныя указы о высылкѣ изъ губерній на каждую потребность, что превышало финансовыя средства губерній и подрѣзывало централизацію расходовъ. Уже въ 1712 г. до Петра доходятъ извѣстія, что губернаторы, для удовлетворенія требованій Петербурга, увеличиваютъ сборы съ народа, и Петръ 27-го февраля пишетъ пунктъ: „Губернаторамъ не накладывать на народъ никакихъ податей безъ вѣдома Сената“, который распубликовываетъ Сенатъ въ своемъ указѣ, присоединяя такое указаніе: „а буде случитца нужда вновь что наложить или собрать и о томъ объ

(¹) Ibid. т. II, кн. I, № 134.

указъ имъ писать въ Канцелярію Правительствующаго Сената“⁽¹⁾. Предположивъ, что кромѣ губернаторовъ, не на кого возложить въ губерніи надзора и отвѣтственности за все счетоводство, Сенатъ далъ имъ образецъ вѣдомостей, по которымъ они обязаны были доставлять свѣдѣнія, и съ такою притомъ поспѣшностію, что въ 1712 г. опредѣлили послать курьеровъ къ каждому изъ губернаторовъ, требуя такой вѣдомости за 1710 и 1711 г. съ точнымъ показаніемъ остатковъ, „и прислать тѣ вѣдѣнія не отговариваясь ничѣмъ, для того, что къ нимъ, губернаторамъ, о присылкѣ такихъ вѣдомостей, по третямъ, посланы многіе указы“; взявъ такія вѣдомости отъ губернаторовъ, курьеры должны ѣхать къ Москвѣ *безъ мотчанія*; „а буде они, губернаторы, такой вѣдомости съ тѣми посланными въ недѣлю не отправятъ, и тѣмъ посланнымъ ѣхать къ Москвѣ, и не взявъ тѣхъ вѣдомостей, и за то на нихъ, губернаторахъ, взято будетъ штрафа по 2,000 рублей на человѣка и для правезу тѣхъ штрафныхъ денегъ присланы будутъ нарочные“⁽²⁾. Можно ли представить себѣ распоряженія болѣе энергичнаго, и, по видимому, разумнаго. Но тѣмъ не менѣе, ни въ 1712 г., ни въ слѣдующей Сенатъ свѣдѣній не получилъ. И когда въ Сенатъ стали поступать жалобы отъ частныхъ лицъ, что съ нихъ сборы берутъ не по табелѣ, а самоуправно, у него не оказывалось никакихъ справокъ, чтобы порѣшить дѣло, и онъ вынужденъ былъ посылать только строгіе указы тѣмъ губернаторамъ, на которыхъ жаловались. Такъ въ архивѣ Сената за 1712 г. сохранились жалобы обывателей Азовской губерніи — Ломовцевъ, Сапожковцовъ, Шатчанъ и Рязанъ на подобное самоуправство мѣстнаго губернатора. Ломовцы жалуются, что въ прежніе годы дѣды и отцы ихъ и онъ служили полковую службу, а дѣти ихъ и братья служатъ въ драгунскихъ и въ пѣхотныхъ полкахъ; съ нихъ и съ дѣтей ихъ провіанта и денегъ никогда не полагалось собирать; а теперь прислали ландрихтера Азовской губерніи Кикина, который собираетъ съ нихъ рекрутъ съ 50 дворовъ „да съ 25 дворовъ по человѣку, да со 100 дворовъ по человѣку въ плотники, да съ 5 дворовъ по лопатнику съ денежною подмогою и съ кормовыми запасами; да съ нихъ же взято по рублю, а съ дѣтей ихъ по полтинѣ съ че-

(1) Докл. и приг. Сената, II, № 191.

(2) Ibid. № 403.

ловѣка, да на драгунскихъ лошадей по гривнѣ, муки по осьминѣ, а за пустыя двory и за бездворныхъ и нищихъ доправлено съ нихъ же, и тотъ провіантъ отвезли на Осередь, и въ платежѣ того провіанта отписей имъ не дано; также спрашиваютъ на 711 годъ за провіантъ по 1 рублю 23 алтына 2 деньги съ двора великимъ жестокимъ правожемъ, и отъ того правежа всякую свою скотину и хлѣбъ и двory свои распродали и дѣтей своихъ поваложили; да съ нихъ же взято съ 5 дворовъ по лошади, да на нихъ же правятъ по 23 алтына 2 деньги съ человекѣка, у кого сколько во дворѣ есть; и тѣхъ податей имъ за скудостію и многими долгами платитъ нечѣмъ и продать и заложить нечего. Съ нихъ же побираютъ рекрутъ съ 18 дворовъ по человекѣку съ мундиромъ и провіантомъ а денежною подмогою, да съ 48 дворовъ мерина а деньгами по 10 рублей, и стоятъ они и жены и дѣти ихъ, у которыхъ мужья на службахъ, на правожѣ и отъ того жестокаго правежа многіе ихъ братья, покинувъ двory, разбрелись врознь. Подобныя же горькія жалобы принесли и Ряшане и Сапожковцы и Шатчане. Не могъ не ужаснуться такихъ картинъ Правительствующій Сенатъ, но собственное его положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что онъ совершенно не зналъ, какъ ему поступить. По представленной его канцелярію справкѣ оказалось, что по закону всѣ сборы должны быть собираемы съ долей крестьянскаго двороваго числа; въ Азовской губерніи написано $7\frac{1}{2}$ долей, а въ долѣ по 5,536 дворовъ, и того 41,502 двора, а тѣ доли положены по переписнымъ книгамъ 1678 года; а по табели, которая доставлена изъ Азовской губерніи 28-го апрѣля, написано въ этой губерніи драгунскихъ и солдатскихъ дворовъ въ Ряжскѣ 662 двора, въ Нижнемъ Ломовѣ 1,811 дворовъ, въ Сапожѣ 900 дворовъ, въ Верхнемъ Ломовѣ 606 дворовъ, въ Шацкѣ 291; но должны ли брать съ нихъ подати, и если должны, то по какому указу, *того въ Канцеляріи Правительствующаго Сената невидомо*, а въ переписныхъ книгахъ 1678 г. ихъ не написано и въ доляхъ не положено. Отчаянная справка для присутствія Сената, должствующаго возстановлять правду. 6-го марта Сенатъ послалъ указъ Азовскому губернатору немедленно доставить точное объясненіе. *Но по тому указу изъ той губерніи не отвѣтствовано*. И 2-го іюня Сенатъ принужденъ былъ постановить такой скромный и конечно печальный для него приговоръ: „объявить челобитчикамъ, что они о складкѣ сборовъ должны

бить челомъ Азовскому губернатору, адмиралу, генералу и кавалеру Федору Матвѣвичу Апраксину для того, что тѣ города Азовской губерніи“ (1). Не видя никакого пути отъ своихъ энергичныхъ распоряженій, скоро охладѣваетъ Правительствующій Сенатъ къ этому дѣлу упорядоченія счетоводства, и въ 1714 г. обязанность провѣрить счетоводство за всѣ четыре года, съ 1710 г., снова возлагается на *Ближнюю Канцелярію*, и притомъ старыми методами, практиковавшимися въ Московскомъ царствѣ (2). Для этого изъ всѣхъ губерній и изъ всѣхъ канцелярій и присутствій должны были быть посланы дьяки и подьячіе съ приходорасходными книгами подъ угрозой за неявку строгаго наказанія: „дворы и животы и помѣстья и вотчины ихъ отписаны будутъ на Великаго Государа и отданы въ раздачу безповоротно“. И чтоже? Явились только изъ четырехъ канцелярій — Посольской, Военной, Адмиралтейской и С.-Петербургской, а изъ прочихъ Канцелярій и изъ Приказовъ и изъ губерній (какъ видно изъ указа 1716 г.) *ни откуда не прислано* (3). Очевидно, затрудненіе финансовое было ужаснымъ; нельзя было свести счетовъ приходовъ и расходовъ: финансовый аппаратъ Московскаго царства былъ совершенно непригоденъ, а новымъ манеромъ, по выраженію Петра, еще не управились.

II.

Не имѣя никакихъ точныхъ приспособленій для общей ревизіи и счетоводства, правительство не могло дать и руководительныхъ началъ для своихъ мѣстныхъ администраторовъ въ самыхъ элементарныхъ приемахъ счетоводства, какъ сосчитать собираемыя на мѣстахъ суммы и какъ ихъ отправить туда, въ тотъ пунктъ, куда таковыя назначены. Архивъ Св. Синода заключаетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія данныя о методахъ мѣстныхъ финансовыхъ администраторовъ даже въ 1722 году, когда уже полная административная реформа была готова. Тутъ имѣются данныя, что поставленные для сбора денегъ въ губерніяхъ рентмейстеры считали своимъ пра-

---

(1) Докл. и пригов. Сената, II, № 459.

(2) 4-е Полн. Собр. Зак. № 2763.

(3) Ibid. № 2995.

вомъ возлагать на крестьянъ въ видѣ повинности, какъ считать собранную казну, такъ и отвозить ее, подъ своею отвѣтственностію, въ указываемые пункты. Такъ какъ такой повинности законъ не устанавливалъ, то въ случаяхъ, когда рентмейстеры забирали монастырскихъ крестьянъ въ счетчики денежной казны, монастырскія власти и особенно монастырскіе стряпчіе являлись защитниками крестьянъ. По поводу такой защиты и производились дѣла въ Св. Синодѣ, сохранившіяся въ его архивѣ, дѣла, свидѣтельствующія о порядкахъ счетоводства и пересылки денежныхъ суммъ въ губерніяхъ. Такъ Костромскій рентмейстеръ *Лука Каблуковъ* захватываетъ крестьянъ подмонастырской Богословской слободы въ счетчики денежной казны, собранной съ шляхетскихъ крестьянъ; тѣ стали отпираться, говоря, что это его дѣло, а не ихъ, и онъ для принужденія ихъ, „сажаетъ ихъ на чень, держитъ въ жолѣзахъ за карауломъ, обираетъ у нихъ одежду и деньги“, и за всякое сопротивленіе „бьетъ батошьемъ безъ пощады и на смерть изъ своихъ рукъ“. По окончаніи приема и счета денегъ, Каблуковъ заставляетъ ихъ везти денежные суммы и сдать въ Петербургъ и Новую Ладогу, и притомъ не только тѣ, которыя ни сосчитаны, но и тѣ, которыя считаны другими счетчиками и его подьячими, при чемъ впоследствии при приемѣ оказалось, что въ мѣшкахъ, считанныхъ подьячими, оказался недочетъ, противъ цифры, выставленной на ярлыкахъ. Одинъ изъ крестьянъ принесъ жалобу и просьбу о защитѣ монастырскому начальству, а стряпчій Ипатскаго монастыря послалъ къ Каблукову своего подьячаго съ письмомъ, требуя освобожденія взятыхъ имъ монастырскихъ крестьянъ, какъ подвѣдомыхъ одному Синоду. И что же? Каблуковъ его подьячаго у себя въ хоромахъ дралъ за полосу и бранилъ нехорошими словами и въ зашей самъ толкалъ, говоря, что онъ синодальнаго де суда неопасенъ и не слушаетъ, и плевалъ и ему подьячему говорилъ; „я де велю тебя распятать“, — невѣдомо про что... (1). И мѣстные финансовыя администраторы находились въ чрезвычайномъ затрудненіи, какиимъ способомъ пересылать деньги. Почта была только въ зародышѣ. Правда Петръ, ознакомившись съ порядками заграничными, облюбовалъ практиковавшееся тамъ и весьма удобное средство — переводъ денегъ посредствомъ векселей. Но при общей финансовой

---

(1) См. Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, II, № 44.

неурядиць и это средство оказалось трудно приложимымъ, и уже въ 1711 году, въ одномъ изъ пунктовъ Сенату, Петръ повелѣваетъ: „вексели исправити и держать въ одномъ мѣстѣ“⁽¹⁾. Вслѣдствіе чего Сенатъ даетъ всѣмъ прис. мѣстамъ указъ доставити вѣдѣнія, сколько въ которомъ мѣстѣ на вексели денегъ или иного чего въ дачѣ и кому именно и въ которыхъ годахъ, ... а впередъ на векселя денегъ и ничего отнюдь никому не давать, безъ особаго разрѣшенія Сената⁽²⁾. Въ изданныхъ Докладахъ и Приговорахъ Сената за 1711 г. находимъ разъясненія этихъ новыхъ финансовыхъ затрудненій, породившихся отъ вексельныхъ переводовъ. Именно затрудненіе, во первыхъ, встрѣчалось въ опредѣленіи курса векселя, т. е. въ опредѣленіи, сколько именно по векселю платить. Встрѣчаемъ указъ Сената, требующій отъ вице-губернатора вѣдѣнія: „вексель нынѣ у города почему ходитъ; также и впередъ тотъ вексель, въ которое время подышатца или умалятца будетъ, о томъ, по тому жъ, по вся почты писать“⁽³⁾. Здѣсь разумѣлся двойкій курсъ векселей, тревожившій Прав. Сенатъ: курсъ золотой иностранной монеты сравнительно съ русскими ефимками при выдачѣ векселей иностранцамъ и курсъ монеты по отношенію къ цѣнѣ отпущеннаго казеннаго товара. Во вторыхъ, на большія суммы оказывалось труднымъ пользоваться векселями, за отсутствіемъ капиталистовъ — купцовъ, которые бы могли выдать подъ вексель требуемыя суммы. Даже и наоборотъ, при переводѣ казенныхъ денегъ за границу встрѣчались затрудненія въ недостаткѣ богатыхъ иноземцовъ. Въ послѣднемъ томѣ Докладовъ и Приговоровъ Сената помѣщено дѣло о способахъ вексельнаго перевода денегъ въ 1711 г. въ Померанію, для покупки и строенія тамъ мундировъ для нашихъ войскъ: по указу Петра, Сенатъ для этой цѣли долженъ былъ занять въ Помѣстномъ Приказѣ изъ соляныхъ денегъ 70 тысячъ рублей и безъ всякаго замедленія выдать кому либо изъ иноземцевъ и взятый вексель переслать къ свѣтлѣйшему князю. Но Сенатъ доноситъ, что сдѣлать этого нельзя, потому что иноземцовъ „на такое немалое число денегъ никого не сыскалось, обязуются только перевести 10,000 рублей“...

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 2330, п. 5.

(2) Полн. Собр. Зак. № 2407.

(3) Докл. и пригов. Сената, т. I, № 355.

Между тѣмъ свѣтлѣйшій князь находился въ Помераніи, вслѣдствіе такого замедленія перевода, въ отчаянномъ положеніи. Онъ пишетъ отъ 14-го авг. 1712 г.: „О строеніи мундира хотя онъ всемѣрное стараніе имѣлъ и имѣеть, видя, по прибытіи его туда, войска его царскаго величества въ такомъ худомъ и бѣдномъ состояніи, что не токмо платья и обуви, но ниже рубахъ на многихъ не обрѣталось; но въ тѣхъ краяхъ, не имѣя денегъ, сей бѣдности вспомочь весьма трудно, однакожь при себѣ сколько денегъ имѣлъ, и на оныя на одинъ драгунскій лейбъ-регіментъ мундиръ отчасти построилъ, и къ тому возможное еще подражать потщится; токмо безъ задатковъ ставить ничего тамъ не будутъ, а имъ задатковъ чинить не изъ чего, денегъ при немъ, почитаетъ, ни единой копѣйки не обрѣтается, и для того старается сыскивать такую особу, чрезъ которую бѣ данные 70 тысячъ рублей туда перевести, и, благодарить Бога, одного такого купца сыскалъ, что хочетъ тамъ имъ нѣкоторую сумму червонцевъ дать, а на Москвѣ по ихъ векселямъ деньги принимать, о чемъ нынѣ договоръ чинятъ . . .“⁽¹⁾ Въ третьихъ, являлись нерѣдко затрудненія во взисканіи денегъ по векселямъ не только въ самомъ началѣ ихъ допущенія, но и позже. Въ архивѣ Св. Синода есть дѣло о переводѣ преосвященнымъ Варнавою собранныхъ въ Холмогорской епархіи въ періодъ времени съ 1721—1725 г. пошлинъ съ браковъ на лазареты — *отъ нечмыхъ лазаретныхъ денегъ*. Эти пошлины, какъ извѣстно, установлены были съ каждаго брака 4 алт., съ двоеженовъ 8 алт. 2 д., съ троеженовъ 13 алт. 2 деньги. Такихъ денегъ въ этотъ періодъ собрано было 820 р. 8 алтынъ 2 деньги. Преосвященный переслалъ эти деньги въ Св. Синодъ въ видѣ векселя, даннаго на иноземца Франса фан-Дорта. Сысканный въ Петербургѣ синодальнымъ солдатомъ Фанъ-Дортъ явился въ Синодальную Канцелярію и сказалъ, что этихъ денегъ ему не прислано, только писалъ ему объ этомъ живущій въ Архангельскѣ иноземецъ Вѣкинъ, но денегъ не прислалъ, почему онъ векселя не акцептируетъ; еслибъ преосвященный выдалъ въ Архангельскѣ эти деньги его зятю, иноземцу Ивану Водиско, то потому векселю онъ бы заплатилъ. Началась перениска и запросы, и дѣло кончилось тѣмъ, что по этому векселю заплатили иноземцы Ворштъ и Метценъ, но

⁽¹⁾ Докл. и приг. Свята, т. 11, кн. 2, № 720.

съ промедленіемъ и хлопотами⁽¹⁾. Этимъ можно объяснить, что и въ регламентъ Штатсъ-Конторъ Коллегіи, которая уже должна была дѣйствовать по новому, Петръ указываетъ переводить деньги по векселямъ, но дѣлать это съ великою осторожностію:

„Ежели Штатсъ-Конторъ-Коллегія въ чужія страны или въ дальніе города государства нѣкоторыя деньги на вексель перевести принуждена, то надлежитъ оное чрезъ вѣрныхъ людей исправлять и въ выдачѣ и въ надлежащемъ вексельномъ порядкѣ и цѣнѣ около Его Царскаго Величества интересъ накрѣпко въ осмотрѣніе имѣть, и не подобаетъ никакому служителю Штатсъ-Конторъ-Коллегіи въ такомъ вексельномъ дѣлѣ ничего дѣлать и заключать“⁽²⁾.

III.

Такія затрудненія въ пересылкѣ денегъ и устройствѣ счетоводства естественно вели къ новымъ затрудненіямъ, къ тому печальному явленію, что многіе, коиъ назначены отъ правительства выдачи денегъ, не могли такихъ получать во время, нѣкоторые оставались по цѣлымъ годамъ безъ жалованья. Съ открытіемъ Прав. Сената къ нему стали обращаться съ челобитными и жалобами. Онъ дѣлается регуляторомъ въ этой финансовой области, почему въ его архивѣ цѣлая масса дѣлъ о финансовыхъ затрудненіяхъ этого рода. Въ изданныхъ до сихъ поръ трехъ томахъ его докладовъ и приговоровъ, обнимающихъ 1711 и 1712 годы, немало помѣщено его приговоровъ чрезвычайной важности. Остановимся для примѣра только на нѣкоторыхъ.

1) Понятно, что особая забота правительства были направлены къ обезпеченію кормомъ и жалованьемъ войска. Не смотря на то многіимъ защитникамъ государства приходилось голодать отъ неурядиць финансовыхъ. Въ 1711 г. четыре полка Московскаго гарнизона остались на май мѣсяцъ безъ жалованья и безъ провіанту⁽³⁾; Каргопольскій пѣхотный полкъ за весь 1710 годъ не получалъ жалованья по той причинѣ, что онъ былъ вѣдомъ не въ Воинскомъ Приказѣ, а въ Земскомъ, который хотя и предста-

(1) Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, т. VI, № 107, стр. 185.

(2) П. 22 Регламента, 13-го февраля 1719 г. Полн. Собр. Зак. № 3303.

(3) Докл. и пригов. I, № 109.

виль въ Ближнюю Канцелярію на какія деньги его содержать, и въ Ближней Канцеляріи состоялся консилиумъ министровъ, порѣшившій на полугодное содержаніе потребовать изъ Земскаго Приказа изъ *сбора рекрутныхъ денегъ*, а относительно источниковъ на слѣдующее затѣмъ время испросить указъ, — на томъ дѣло и остановилось, и полкъ остался безъ содержанія. Сенатъ разсудилъ такъ: предписать Воинскому Приказу выдать этому полку за прошедшій годъ слѣдовавшіе ему 14,754 р., а впредь тѣ деньги на тотъ полкъ откуль давать, о томъ выписать въ докладъ⁽¹⁾.

52 солдата Вельяминова - Зернова полка бьютъ челомъ Прав. Сенату, что вотъ уже „другой годъ, какъ они посланы со стольникомъ и полковникомъ *Козловымъ* для сыску воровъ на Волокъ Ламскій, а денежнаго жалованья дано имъ только по полтора рубля на человѣка, да провіанта на 5 мѣсяцовъ, и что они, будучи въ той посылкѣ безъ жалованья, платьиномъ и обувью обносились и стали многіе нагими и помирають голодною смертію“. . . . . Имъ произведенъ допросъ, на которомъ они показали, что пришли съ Волоколамска безъ вѣдома и отпуска полковника Козина, который въ выдачѣ жалованья имъ отказалъ, ссылаясь неимѣніемъ на этотъ предметъ денегъ. Сенатъ потребовалъ изъ Московской губерніи справку, въ которой изложено, что въ мартѣ 1710 г. послано съ Москвы на Волокъ Ламскій и Можайскъ, для поимки воровъ, изъ Московскаго гарнизона 110 человекъ; жалованья имъ дано изъ Сибирскаго Приказа по 10 алтынѣ, да изъ Провіантскаго Приказа провіанта по полуосминѣ, а на Волокъ Ламскомъ изъ наличнаго по декабрь 710 года, а послѣ того провіантъ велѣно давать въ Версѣ изъ сборнаго рекрутскаго провіанта по 1½ четверика на мѣсяць; и что въ прошеніи солдатъ, поданномъ у Губернскихъ дѣлъ, всего ихъ на лицо 90 человекъ, изъ числа которыхъ, по доношенію Козина, бѣжало съ голоду 21 человекъ, затѣмъ въ остаткѣ 69 человекъ. Сенатъ удовлетворилъ просителей⁽²⁾. Не смотря на то, имъ денегъ не выдали, потому что явилось новое челобитье, по которому послѣдовалъ и новый указъ⁽³⁾.

Подполковникъ Вибиковъ жалуется въ 1711 г. Сенату, что послан-

(1) Докл. и пригов. Сенату, I, № 123.

(2) Ibid. № 129.

(3) Ibid. № 299.

ные съ нимъ 13 офицеровъ для отвода рекрутъ въ Ригу жалованья мно-
гіе мѣсяцы не получали⁽¹⁾.

Генераль кригсъ-цалмейстеръ Бестужевъ докладываетъ въ 1711 г.
Сенату, что денегъ на расходы минувшаго года въ присылкѣ не было, а
потому и чины кавалеріи не удовлетворены жалованьемъ слишкомъ за
годъ⁽²⁾.

2) Множество подобныхъ случаевъ, заявленныхъ Сенату относительно
неудовлетворенія лицъ военныхъ, можетъ легко объяснить возможность не-
выдать своевременнаго содержанія лицамъ меньшей важности.

Такъ много хлопотъ доставляли Прав. Сенату жалобами, что не вы-
даютъ кормовъ и положеннаго содержанія, ученики инженерной науки, учи-
теля Славяно-Латинской школы, различные мастера. Игуменья Казанскія
Вогородицы Рыльского дѣвичьяго монастыря, не получившая положеннаго
за 3 года, энергически мотивируетъ необходимость выдачи. А игуменья
Никитскаго дѣвичьяго монастыря слезно жалуется, что не смотря на резо-
люцію, положенную на первой ея челобитной, повелѣвавшую выдать ей за-
кономъ назначенную дачу, не выдаютъ ничего. „А мы, богомольцы твои,
волю Божию погорѣли, и отъ того пожарнаго раззоренія раззорились въ ко-
нецъ безъ остатку и помираемъ безъ твоего государева жалованья голод-
ною смертію“⁽³⁾.

Тяжело было, конечно, Прав. Сенату разбирать и удовлетворять всю
эту громадную массу совершенно справедливыхъ челобитенъ. Но не менѣе
тяжело было и челобитчикамъ ждать голодной смерти отъ плохого счето-
водства и неурядной финансовой администраціи.

Несомнѣнно, старый финансовый аппаратъ Московскаго царства не
годился уже при смѣлыхъ финансовыхъ предпріятіяхъ Петра. Великому ре-
форматору уже представлялся аппаратъ финансовый новый, аппаратъ Евро-
пейскій, но представлялся еще вдали и въ очеркахъ, крайне туманныхъ.

Профессоръ И. Андреевскій.

---

(1) Докл. в приг. Сената, I, № 151.

(2) Ibid. № 261.

(3) Ibid., т. I, № 383, 543, т. II, кн. 1, № 22, 144, 422, 565.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ПЕРВОКЛАСНАГО УСПЕНСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ
ВЪ ГОРОДЪ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

(Владимірской губ.).

(Окончаніе.)

XІ.

Царская жалованная и патріаршія грамоты.

1. Жалованная грамота царя и великаго князя Теодора Алексѣевича, 1667 г.

Божією милостію мы великій государь, царь и великій князь Теодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ. По нашему царского величества обѣщанію, изволили наше государское шествіе сотворить, Владычицы нашея Пресвятыя Богородицы и присно дѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Успенія, въ дѣвичь монастырь что въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ нашей великаго государя дворцовой новой Александровой слободѣ, и нашимъ царскимъ-благоразсмотрѣніемъ видя тоя святныя обители въ нужныхъ потребахъ скудство, для милости всемогущаго въ Троицѣ славнаго всѣхъ питателя Бога, пожаловали мы, великій государь, въ той Успенія Пречистныя Богородицы дѣвичь монастырь игуменьѣ Макринѣ съ сестрами, и кто по нихъ иные игуменьи и сестры въ той святой обители будутъ, для общаго и нескходнаго ихъ изъ того монастыря жительства, по благоупотребленію доволства, въ той же нашей великаго государя дворцовой новой Александровой слободѣ двѣ мельницы на рѣкѣ на Сѣрѣ, одна на каменной плотинѣ, а другая подъ деревнею Сноповымъ, со всякимъ мельничнымъ строеніемъ, безоброчно, нынѣ и впредь на вѣчныя времена донележе Вседержитель Огъ вся окормляяй Богъ видимый сей міръ въ цѣлости блюсти

изволить; а въ Приказе большого двора въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Князя Михаила Волконского, да подьячего Василья Толмачева рлз (7187) году написано въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣского въ нашей великого государя дворцовой Александровой слободѣ на рѣкѣ на Сѣрѣ ниже середніе старыя мельницы выше деревни Сноповы мельница на двои жерновы. А въ приходныхъ окладныхъ книгахъ прошлыхъ лѣтъ и нынѣшняго рлс^о (7185) году написано: въ нашей новой Александровѣ слободѣ, на рѣкѣ на Сѣрѣ, мельница ниже старыя мельницы, выше деревни Сноповы, да мельница жъ на каменной плотинѣ, а помолные денги собираютъ на насъ великого государя на вѣрѣ вѣрные головы и цѣловальники; а по окладу противъ откупну рлз^о (7177) году съ тѣхъ мельницъ по сту по тридцети по осми рублевъ по тридцети по три алтына съ полуденьгою на годъ и тѣ денги изъ приходной окладной книги съ тѣхъ мельницъ изъ окладу сложены, и того вышеимянованного монастыря игуменѣ съ сестрами, и будущимъ въ той же святой обители по нихъ за насъ великого государя и за нашу царского величества державу сущихъ въ ней всѣхъ православныхъ христіанъ Бога молить. А тѣмъ нашимъ государскимъ жалованьемъ, мельницами со всякимъ мельничнымъ строеніемъ и съ дворами и съ конскими выпуски, которые выpusкѣ къ тѣмъ мельницамъ для пріѣзду помольщиковъ изстари, по сей нашей великого государя жалованной грамотѣ, владѣть ныне и впредь и никакихъ оброчковъ не платить. А для лучшаго нашей государственной милости объявленія и тѣхъ мельницъ за оную святою обителью утверженія, дана сія наша великого государя жалованная грамота по нашему великого государя, царя и великого князя Θεодора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, имянному указу, за нашею государственною красною отворчетою печатью. Писана въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 5146 (7185) генваря кѣз (27) дня. Подпись: діакъ Федоръ Тютчевъ.

Примѣчаніе. Грамота на большомъ листѣ, въ фигурной рамкѣ съ бордюромъ, разрисованнымъ золотомъ, серебромъ и красками; заставка фигурная.

Заглавныя буквы и первая двѣ строки писаны золотомъ творенымъ.

Внизу, на вырѣзкѣ золотой парчи, прикрѣплена, на среброзолоченомъ шнурѣ, въ тафтяной обшивкѣ, вислая госуд. печать краснаго воску.

Двѣ покрышки тафтяныхъ, обѣ малиновыя — одна тафты гладкой, другая, на малиновомъ полѣ, золотныя и шелковыя цвѣты.

2. Грамота патриарха Никона.

Божією милостію се азъ смиренный великій государь святѣйшій Николъ, патриархъ московскій и всеа Русіи. Вили намъ челомъ Переславскаго уѣзду Залѣскаго Ново-Александровы Слободы пустыни Успенскаго дѣвicha монастыря старица Клеопатра съ сестрами, а въ челобитной ихъ написано: въ той де ихъ пустынь церковь Успеніе Пресвятны Богородицы, каменная, пугъветъ многіе годы и не освящена, а монастырь они строили собою по Государевѣ грамотѣ, и намъ бы ихъ пожаловать, велѣтъ тое старую, каменную церковь Успенія Пресвятны Богородицы освятить и антиминсъ дать. И азъ смиренный и великій государь святѣйшій Никонъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи, пустыни Успенскаго дѣвicha монастыря старицу Клеопатру съ сестрами пожаловалъ, велѣлъ тое каменную церковь Успенія Пресвятны Богородицы освятить попу со діакономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и антиминсъ дать, а о житьѣ и о строеніи того монастыря быть такъ какъ указано въ государевой грамоте. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7162 (1652) іюня въ л (30) день.

У подлинника была приложена сургучная красная печать; выше мѣста, гдѣ она была, написано: „Печатные взяты“.

На другой сторонѣ грамоты подпись: „Діакъ Лукьянъ Голоосовъ“.

3. Грамота правившаго патриаршими дѣлами митрополита Питирима.

Божією милостію смиренный Питиримъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, по благодати, дару и власти отъ Пресвятаго и Животворящаго Духа даннѣй смиренію нашему отъ великаго архіерея Господа Бога и Спаса нашего Іса Хрѣта и по государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, указу, межъ патриаршества, благословилъ есми Переславльскаго уѣзду Залѣскаго Пречистые Богородицы Успенскаго дѣвicha монастыря, что въ городѣ въ осыпи, постриженницу старицу Анисію на духовную власть въ той же дѣвичь монастырь во игуменін, и сія убо игуменія Анисія на семь стадѣ словесныхъ овецъ, еже Христосъ поручилъ ей нашимъ смиреніемъ, должна есть быти такова: боголюбива и человекѣлюбива, кротка и смиренна, трезвительна и цѣломудренна, говѣйна и страннолюбива, учительна, не піяница, не свар-

лива, не ишеломница, смотрѣлива, не завислива, не сребролюбица и добре предстательствующе и опасну стражу имѣти и радѣти о сущихъ подѣ нею. Тоже обители собравше священники, и дьякони, и инокини и всѣ православно христiane, живущи въ той во святѣй обители, примете тоѣ игуменю Анисію радостно о Господѣ и повинутесь предѣ нею отъ всея души, и сего ради дана бысть ей игуменіи Анисіи сія настольная грамота. Писана въ царствующемъ и въ преименитомъ, великомъ граде Москвѣ, въ величѣй церкви Успенія Пречистыя Богородицы и великихъ святителей Петра и Алексѣя, и Іоны и Филиппа, Московскихъ чудотворцовъ, въ патриаршемъ дому, въ лѣто отъ сотворенія свѣта 7170-го, а отъ воплощенія Бога Слова 1662-го (1662), іюня въ « » день.

Подѣ сего грамотою четкимъ полууставомъ написано: Смиранный Пятиримъ, Вожею милостію митрополитъ Сарскій и Подовскій.

Внизу грамоты на шелковомъ шнурѣ повѣшена краснаго сургучу печать митрополита Пятирима, съ изображеніями: съ одной стороны Пресв. Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а съ другой благословляющей руки и имянной и. Пятирима надписи вокругъ.

4. Грамота царя Алексѣя Михайловича.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Вѣлыя Росіи самодержца, Переславскаго уѣзду Загѣскаго въ нашу великаго государя дворцовую Александрову слободу прикащикомъ Александру Суровцову да Давыду Маркову. Какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, и вы бѣ Александровы слободы Успенской дѣвичь монастырь отъ всякихъ обидъ и отъ воровскихъ людей во всемъ оберегали и чтобъ озорники и пьяные въ тотъ монастырь не приходили и озорничества никакова не чинили, а буде того монастыря игуменья съ сестрами въ какомъ дѣлѣ учнутъ на кого битъ челомъ намъ великому государю, и вы бѣ тѣхъ людей сыскывая чинили по нашѣму великаго государя указу до чего доведетца, а прочитавъ сее нашу великаго государя грамоту и списавъ съ нее слово въ слово списокъ, оставили у себя, а сее нашу подлинную грамоту отдали Успенскаго дѣвича монастыря игуменѣ Анисѣ съ сестрами впредѣ для иныхъ нашихъ приказныхъ дѣлъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7174-го (1664) марта въ « . » день.

На другой былой странице грамоты написано, однимъ почеркомъ: „Приказникамъ Александру Суровцеву да Давиду Маркову“ и ниже другимъ почеркомъ: „Справиль Андрюшко Ключаревъ“.

5. Грамота патриарха Іоасафа.

Божією милостію се азъ смиренный великій господинъ, святѣйшій Іоасаеъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи. Въ нынѣшнемъ во роє-жь (1667) году, били намъ челомъ Переяславскаго уѣзду Залѣскаго Александровы слободы Успенскаго дѣвича монастыря игуменья Анисья съ сестрами, а въ челобитной ихъ написано: по указу великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ монастырѣ де у нихъ церковь каменная, старая, во имя Успенія пречистые Богородицы, починена, своды въ олтарѣ и въ церкви сдѣланы новыя, престоль и жертвенникъ и мость передѣланы на ново, да по сторонѣ де тоѣ церкви здѣлана у нихъ другая церковь предѣльная, каменная, во имя преподобныя Маріи Египетскіе, на старомъ основаніи, вся новая, и та де церковь и предѣлъ не освящены и по се число, и намъ бы ихъ пожаловать благословить, велѣти имъ тоѣ церковь и предѣлъ освятить и антимисы дать. И азъ смиренный великій господинъ, святѣйшій Іоасаеъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи, Переяславскаго уѣзду Залѣскаго Александровы Слободы Успенскаго дѣвича монастыря игуменью Анисію съ сестрами пожаловалъ благословилъ, велѣлъ имъ тоѣ старую церковь Успенія Пречистые Богородицы новому престолу посвященіе сотворить; начало службы: вечерня, утренняя, пѣти обновленію храма и предъ литургією на престоль одѣяніе и препоясаніе и срачицу и индитію положить по прежнему, какъ было, и молитву говорить о поколебаніи трапезы и водою не кропить и стѣнамъ помазаніе не творить, точію однѣ олтарныя стѣны, едино крещеніе и освященіе, а въ другіе церковь не святить, а новой престоль во имя преподобныя Маріи Египетскіе освятить попу со діакономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, а старой церкви антимисы велѣтъ задѣлать въ новомъ престолѣ въ десной стѣнѣ отъ восточной страны вытесавъ ящикомъ и накрыть доскою. Писано на Москвѣ, лѣта 7175, роє (1667), августа въ 7 день.

Подъ грамотою была печать, а нынѣ оторвана, только знать ея мѣсто. На оборотѣ на бѣлой страницѣ надпись: „Діакъ Перфілей Сѣменниковъ“; тамъ же, внизу: „Справилъ Іевка Ветошкинъ“.

6. Грамота патриарха Іоасафа.

Отъ великого господина святѣйшаго Іоасафа, патриарха Московского и всеа Русіи, Переславскаго уѣзду Залѣскаго Лукьяновы пустыни строителю старцу Корнилию да Успенскаго дѣвicha монастыря строителю старцу Θεодану. По нашему, святѣйшаго патриарха, указу, а по челобитью Успенскаго дѣвicha монастыря намѣстницѣ старицѣ Ирinarхи съ сестрами, велѣно въ томъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ игуменьей бытъ того монастыря старицѣ Макринѣ и монастырь на еѣ имя описать. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы въ томъ Успенскомъ дѣвичѣ монастырѣ взяли въ монастырской казнѣ прежніе описныя книги, какъ тотъ монастырь описанъ былъ прежнею игуменьей Анисією, да по тѣмъ книгамъ пересмотрѣли и переписали все на лицо имянно: церкви Возжіи и въ церквахъ двери царскія и мѣстные образы и деисусы и праздники и пророки и правотцы и пядницы и у тѣхъ образовъ приклады, вѣнцы, и цаты, и каменье, и жемчугъ и въ привѣсяхъ рясы и золотыя, и пелены, и книги, и ризы, и стихари, и патрахили, и улары, и поручи, и сосуды служебныя и кадила, и паникадила и всякую церковную утварь, и на колокольницѣ колокола, и въ казнѣ великаго государя жаловальныя грамоты и монастырскія крѣпости, и деньги, и всякую монастырскую казну и хлѣбъ, и монастырское строеніе, и въ монастырѣ сестры и слугъ и служебниковъ, и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей, и на конюшенномъ и на воловьѣ дворѣхъ лошади и коровы и всякій скотъ, а переписавъ велѣли написать въ двои книги, имянно въ однѣ книги за своими и вмѣстѣ игуменіи Макрины съ сестрами за руками при-
слали и о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку и книги велѣли подать въ нашемъ разрядѣ боярину нашему Микифору Михайловичю Беклемишеву да дьякомъ нашимъ Ивану Калитину да Борису Остолопову, а другіе книги таковыжъ слово въ слово за руками жѣ оставили въ томъ Успенскомъ дѣвичѣ монастырѣ въ монастырской казнѣ впредь для спору и приказали ей игуменіи Макринѣ въ томъ монастырѣ въ игуменьяхъ бытъ и сестрамъ и служкамъ и служебникомъ и вотчиннымъ крестьяномъ и бобы-

лемъ велѣли еѣ игуменію Макрину слушать и почитать, какъ и въ прочихъ монастырехъ властей слушаютъ и почитаютъ. А прочеть сю нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставили у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдали ей игуменѣ Макринѣ, по чему ей въ томъ монастырѣ въ игуменяхъ быть. Писано на Москвѣ, лѣта зрѣи-го (7180 = 1672) года января въ ѿв (22) день.

На оборотѣ грамоты надпись: „Въ Переславскій уѣздъ Лукьяновы пустыни строителю старцу Корнилию, да Успенскаго дѣвчья монастыря строителю старцу Теофану“. *Тамъ же, внизу:* „Справилъ Гришео Ковалевъ“.

7. Копія съ грамоты митрополита Стефана Яворскаго.

Лѣта 447 (1710) года ноября въ ѿї (18) день, великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, били челомъ Переславскаго уѣзду Залѣскаго Александровой слободы Успенскаго дѣвчя монастыря игуменья Макрина съ сестрами, а въ челобитьи ихъ написано: въ прошлые, де, годы было государево жалованье въ церковь Божію: всякая церковная утварь, воскъ, ладонъ, вино церковное, а въ прошломъ де 447-мъ (703) году, по указу великого государя, давать имъ не велѣно всякіе церковные утвари, а нынѣ они въ томъ имѣютъ нужду великую для того что взять негдѣ,—самое убогое и скудное мѣсто, а сами питаются мірскими подаваніемъ а для сбора въ церковь Божію на всякую церковную утварь часовни нигдѣ нѣтъ, и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ поставить близъ монастыря противъ святыхъ воротъ, возлѣ большой дороги, часовню для сбора въ церковь Божію на всякую церковную утварь, и о томъ дать имъ великого государя указъ. И по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, преосвященный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, между патріаршества, Переславскаго уѣзду Залѣскаго Александровы Слободы Успенскаго дѣвчя монастыря игуменію Макрину съ сестрами благословилъ, велѣлъ въ Александровѣ Слободѣ близъ монастыря противъ святыхъ воротъ, возлѣ большой дороги, построить часовню деревянную для сбора въ церковь Божію на всякую церковную утварь.

У сего указа патриарша дошовая печать приложена. Казначей монахъ Іосифъ Вурцовъ. Справиль Алексій Титовъ.

Писана на гербовомъ листъ; печать оторвана, имается лишь призмакъ краснаго сурьма.

8. Грамота епископа Переславскаго Амвросіа.

Амвросій, Божію милостію смиренній епископъ Переславскій и Дмитровскій и архимандритъ Воскресенскій Новоіерусалимскій.

По благодати, дару и власти всесвятаго и живоначальнаго Духа, дангій намъ отъ самаго великаго архіереа Господа нашего Іиса Христа чрезъ святыхъ и священныхъ его Апостолы и ихъ намѣстники и преемники, благословили ны избранную и утвержденную въ силу имяннаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго указа, объявленнаго намъ чрезъ дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера Василія Ивановича Чулкова, епархіа нашего Александровскаго Успенскаго дѣвicha монастыря монахиню Есепрь во оный же дѣвичь монастырь во игуменію, въ которой игуменства чинъ имамъ она монахиня Есепрь маія 13 дня 1754-го года въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ церквѣ Воскресенія Христова на подворьѣ нашемъ, что словеть ставропигіальнаго Воскресенскаго Новгій Іерусалимъ именуемаго монастыря, и произведена. Сего ради, не забывая нимало положеннаго себѣ дѣла, но нампаче повседневиѣ силу званія своего разсуждая, должна она, игуменія Есепрь, тщалива быти и трудолюбива во всемъ на неже звана бысть, и пасти врученное ей чрезъ насъ стадо словесныхъ овецъ со всякимъ прилежаніемъ, какъ святыхъ отецъ правила и монашескія уставы и преданія являютъ, подобаетъ убо еще ей игуменіи Есепри быти боголюбивой, сестролюбивой, нищелюбной, смиренной, кроткой, трезвой, цѣломудренной, благоговѣнной, страннолюбивой, учительной, не пѣяницѣ, не сварливой, не издомницѣ, смотрѣливой, независтливой, не сребролюбивой, и церковному и монастырскому исправленію бесплатно прилежащей и опасну стражу имущей, и радѣтельной о сущихъ подъ нею, яко истинной матери и наставницѣ, съ бодрымъ всегда и неусыпнымъ врученной ей обители надзираніемъ, еже есть невѣдущія наставляти, претыкающіяся же исправляти, и добръ подвизающіяся утверждати, мысленныя же волки и развратители отъ врученнаго ей Христова стада отгоняти испытнымъ и внимательнымъ прочитаніемъ и сказываніемъ

Вожественныхъ, Пророческихъ и Апостольскихъ словесъ и отеческихъ преданій, и не токмо таковымъ наставленіемъ, но и самымъ дѣломъ, самымъ благочестнаго по Бозѣ житія своего образомъ свѣтъ проявляти, подчиненнымъ себѣ по словеси Господню: вы есте свѣтъ міра, и да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ. Нанпаче же да не мечтають монашествующія сестры иное нѣчто о чинѣ своемъ, паче надлежащаго имъ должности, подобаетъ ей истинно извѣстно самой вѣдать и подчиненнымъ по часту внушать, что иноческаго житія сила вся состоитъ въ непрестающемъ подвижѣ, еже есть како бы день отъ дне умерщвляти въ себѣ душевредныя страсти, и день отъ дне возрастати въ Богоугодныхъ трудахъ и добродѣтеляхъ и того ради, внимая себѣ и своему стаду, содержать оное въ присномъ покаяніи, Богомыслии, и въ молитвахъ, и яже къ тѣмъ паче всего способствуютъ въ трезвости, въ пощеніи и трудолюбіи, отнюдь не допуская ихъ до объяденія и пїянства, и что всякому злу виновно есть къ празности и лѣности, и понеже къ такому душеполезному подвигу дѣйствительное могущество подается человѣку свыше Богомъ и Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ: того ради должна монашеская настоятельница увѣщивать сестры своя, да вседѣтельной себѣ благодати отъ Бога непрестанно и всежелательно просятъ, и подаваемую себѣ благодать небреженіемъ и лѣностію своею да не тшу и безплодну творять; аще же кая и исправна въ такомъ подвижѣ пребудетъ или покажется, то и таковой накрѣпко внушать, дабы о исправленіи своемъ не превозносилася, и отъ сея фарисейскія льсти да хранилабъ себе всячески, бѣгая оныя яко крайне губельныя отравы; при таковыхъ же наставленіяхъ еще монашеская настоятельница долженствуетъ подчиненныхъ себѣ сестръ научать какъ они должны правильнымъ надъ собою властямъ, а паче всѣхъ властямъ предержавшимъ и высочайшимъ природнымъ государямъ своимъ повиновеніе и честь отдавать, не за гнѣвъ только ихъ, яко сильныхъ, но и за совѣтъ свою предъ Богомъ, со всякою вѣрностію и по крайней силѣ своей, и какъ о здравіи, такъ и о многолѣтномъ утвержденіи державы ихъ со всякимъ усердіемъ молити Вышняго, аще бо сіе и вси подданныи, но монашествующіи паче всѣхъ государямъ своимъ должны, понеже и пропитаніе и пребываніе по собственной ихъ милости имутъ, да и сама настоятельница по собственному своему одол-

женію и по преподаваемому образу сестрамъ своимъ должна всячески Ея Императорскому Величеству, Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, и Ея Императорскаго Величества высокому законному наслѣднику, Его Императорскому Высочеству благовѣрному Государю Великому Князю Петру Оедоровичу и супругѣ его благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ и Его Императорскому Высочеству благовѣрному Государю Великому Князю Павлу Петровичу, вѣрнымъ послушаніемъ и крайнимъ чести храненіемъ служить непремѣнно, исполняя силу присяги, каковою къ Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству обязаны суть вси подданныи безъ всякаго изъятія и противомудрованія и тако, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества власти, еще же и по крайнемъ духовномъ правительствѣ Святѣйшемъ Синодѣ, и къ нашему смиренію, яко законному своему пастырю, послушлива быть должна, въ чемъ она, какъ врученныя себѣ овцы по вышереченному наставлятъ, такъ и сама, по неотложной Павла Святаго, паче же самаго Духа Святаго проповѣди, си есть: всяка душа властемъ предержажимъ да повируется, нѣсть бо власть еще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляяся власти, Божію повелѣнію противляется, ко исполненію сего обязана пребывать одождается. И еще тако словомъ и дѣломъ и самнимъ себе образомъ исправлять паству свою монашескія стадоначальницы подщатся, то да имѣють надежду услышати отъ Бога Владыки Господа нашего Иисуса Христа божественный и сладкій оный гласъ, глаголющъ: благій рабе и вѣрный, вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю, вниди въ радость Господа своего. Еще же буди игуменіи Есеири извѣстно, что по чину чести ея во обрядовыхъ употребленіяхъ опредѣляется, что же и запрещается, а имянно: имѣть и носить ей мандіи просто монашескія, а въ хожденіи въ церковь, въ трапезу и по монастырю, гдѣ приличествуетъ, имѣть посохъ игуменскій, и стоять во время молитвословія соборнаго во отлику и предпочтеніе передъ другими епархіи нашея игуменіями на коврѣ, и тѣмъ довольствоватся, а ино сверхъ сего ничтоже дѣяти и протчаго по званію своему неприличнаго отнюдь не творити, но поступать во всемъ со благоговѣніемъ, благопристойно и умѣренно, такъ какъ духовный регламентъ непремѣнно исполнять повелѣваетъ, церковная же вся управлять

по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ и по нашему благословенію, а въ недоумѣваемыхъ нашего архіерейскаго разсужденія и повелѣнія ожидать должна. Жительствующія же во оной обители монахини и всѣ тому монастырю послушницы подчиненія, да пріемлютъ ю Есеирь, игуменію, яко матеръ свою и предводительницу, съ подобающею честію и преддостоинствомъ, и да повинуются ей яко намѣстное въ пасеніи ихъ приставничество отъ Самаго Господа чрезъ мѣрность нашу пріемшей, да предпочитаютъ же ея и слушаютъ во всемъ, яко не оной сего хотящей, но Христу рекшу ко Апостоламъ: слушай васъ, Мене слушаетъ и отиѣтается васъ, Мене отиѣтается, а отиѣтается Мене, отиѣтается пославшаго Мя. Сего ради и сущіи въ подчиненіи оной игуменьѣ да не будутъ отиѣтницы, но яко Самому Христу въ лицѣ ея повинующися послушницы, отъ Него же да обратятъ милость въ день судный; извѣстнаго же ради свидѣтельства, яко чинно и правильно сія настоятельница на степень игуменства сего нами произведена, вручися ей сія наша настольная грамота, рукою нашею написанная и печатію запечатанная въ ставропигіальномъ Воскресенскомъ Новомъ Іерусалимъ именуемомъ монастырѣ, лѣта мірозданія 7263, воплощенія же Вожія Слова 1755, мѣсяца генваря 23 дня индикта 3.

ХІІ.

Благовѣрная царевна великая княжна Марѳа Алексѣевна.

(Род. 26 августа 1652 г.; сослана въ Успенскій дѣвичій монастырь, что въ Александровской слободѣ, въ 1698 г.; пострижена въ монашество съ именемъ Маргариты 29 мая 1699 г.; скончалась іюня 19 дня 1707. года и погребена тамъ-же).

Въ 1698 году, т. е. восемь лѣтъ послѣ того какъ бывшая правительница Московскаго государства, царевна и великая княжна Софія Алексѣевна заключена была въ Новодѣвичій монастырь, въ Кремлевскомъ царскомъ теремѣ жило шесть царевенъ: престарѣлая и богомольная царевна Татьяна Михайловна († 1706 г. августа 24-го) и пять ея племянницъ, дочерей царя Алексѣя Михайловича отъ брака его съ Марією Ильиничной Милославской (*). Между ними выдавалась по своему значенію и вліянію въ

(*) Дочерей царя Алексѣя Михайловича было шесть:

1) Евдокія Алексѣевна, род. 1650 г. февраля 10 † 1712 г. мая 10.

теремъ царевна и великая княжна Марѳа Алексѣевна. Царь Петръ Алексѣевичъ былъ за границу и готовился изъ Вѣны проѣхать въ Венецію, когда получилъ извѣстіе отъ князя-кесаря Ромодановскаго, что стрѣльцы опять взбунтовались и идутъ изъ окраинъ, гдѣ были на сторожевой службѣ, къ Москвѣ. Петръ отвѣчалъ Ромодановскому: „Пишетъ ваша милость, что сѣми Ивана Михайловича (Милославскаго) ростеть, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не можно“. За крѣпкимъ словомъ не замедлило послѣдовать также и дѣло: 26 августа 1698 г. Москва узнала, что царь наканунѣ прибылъ въ свою столицу и уѣхалъ ночевать въ Преображенское, гдѣ вскорѣ и начались допросы, розыски и казни.

Петръ самъ допросилъ обѣихъ сестеръ, замѣшанныхъ въ дѣло: Марѳу и Софію. Марѳа волей-неволей призналась, что говорила Софьѣ о приходѣ на Москву стрѣльцовъ, объ ихъ желаніи видѣть ее Софью на царствѣ, но заявила, что никакого письма она не передавала стрѣльчихѣ. Софья, спрошенная про письмо, переданное стрѣльцамъ отъ ея имени, отвѣчала: „Такова письма, которое къ розыску явилось, отъ нея въ стрѣлецкіе полки не послывано. А что они стрѣльцы говорятъ, что, пришедъ было имъ къ Москвѣ, звать ее царевну по прежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она съ 190 (1682 по 1689 г.) была въ правительствѣ“.

Послѣ допроса, Софья, хотя и была оставлена на жительствѣ въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ ста солдатъ, но чтобы впредь никто не могъ желать ея на правительство, была пострижена въ монашество подъ именемъ Сусанны 21 октября того же 1698 года. А царевну Марѳу, которая сама призналась, что сообщила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и желаніи ихъ видѣть ее, Софью, правительницею (ея по-

---

2) Марѳа, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

3) Софія (въ монашествѣ Сусанна, въ смирѣ опять Софія) Алексѣевна, род. 1657 г. сентября 17, пострижена 1689 г. октября 21 † 1704 июля 3.

4) Елатерина Алексѣевна, род. 1658 г. ноября 26 † 1718 г. мая 1.

5) Марія Алексѣевна, род. 1660 г. января 18 † 1723 г. марта 9.

6) Феодосія Алексѣевна, род. 1662 г. мая 28 † 1713 г. декабря 14, погребена, какъ и сестра ея Марѳа, въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Остальныя сестры покоятся въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

стельница сверхъ того оговорила ее, что царевна Мароа будто-бы получила челобитную отъ стрѣльцовъ, и отъ нея шло письмо къ Тулѣ), отправили на жительство (въ октябрѣ же 1698 г.) въ Успенскій дѣвичій монастырь, что въ Переяславскомъ уѣздѣ въ Александровой слободѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время опричины (1565—1582 г.) жилъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Тамъ царевна также была пострижена въ монашество съ именемъ Маргариты 29 мая 1699 года.

Инокня Маргарита Алексѣевна прожила въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 8 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 22 дня въ подвигахъ покаянія и смиренія. „Для нея только и радости было, что церковь Божія“. Она скончалась мирно и тихо 19 іюня 1707 года, на 56 году отъ рожденія. Погребена она въ монастырской усыпальницѣ, что подъ Срѣтенскою кладбищенскою церковію. Рядомъ съ ней пожелала быть погребенною и любимая сестра ея, младшая изъ нихъ, царевна Θεодосія Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 1713 г. декабря 14 дня.

На гробницѣ царевны Маргариты слѣдующая надпись: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 7215 года, въ лѣто же отъ воплощенія Спаса Христа Господа нашего 1707 года іюня мѣсяца въ 19 день, на память св. Апостола Іуды, брата Господня по плоти, въ 12 часу дни преставися отъ маловременнаго житія сего къ безконечной жизни раба Божія, великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, дщерь его, великая государыня, благородная царевна и великая княжна монахиня Маргарита Алексѣевна, жившая въ сей обители въ монашескомъ образѣ 8 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 22 дни, а отъ рожденія всего житія ея 55 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 11 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествіи, не восхотѣ, якоже достойтъ ей, въ церкви особливо положиться, но изволи и заповѣда съ любовію, смиренія ради своего, въ сей усыпальницѣ со убогими монахини во общей гробницѣ почивати до дне страшнаго пришествія Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенія. По изволенію сестеръ ея благовѣрныхъ государынь царевенъ Маріи Алексѣевны и Θεодосіи Алексѣевны перенесены мощи благовѣрныхъ государыни царевны монахини Маргариты Алексѣевны подъ церковь Срѣтенія Господня“.

На гробницѣ царевны Θεодосіи Алексѣевны слѣдующая надпись: „Въ лѣто отъ сотворенія свѣта и отъ созданія міра 7221 году, отъ воплощенія

же Вога Слова 1713 году, мѣсяца декабря въ 14 день, на память св. мученикъ Опрса и Левкiа въ 13 часу ноци въ послѣдней четверти, представися отъ маловременнаго житiя сего къ безконечной жизни раба Божiа великаго государя царя и великаго князя Алексiа Михайловича, всея Великiа и Малыя и Бѣлыя Россiи самодержца, дочь, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Феодосiа Алексiевна, отъ рожденiя житiя ея 51 годъ, 7 мѣсяцевъ и 15 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествiи не восхотѣ, якоже достоятъ ей, въ церкви въ Москвѣ положитися, но изволи и заповѣда съ любовiю, смиренiя ради своего и малости, во убогую пустыню сiю. По изволенiю же ея, сестра благовѣрная государыня царевна и великая княжна Марiа Алексiевна изволила привезти тѣло государыни царевны Феодосiи Алексiевны и положи подъ церковь Срѣтенiя Господня, у сестры ихъ благовѣрныхъ государыни царевны и великiа княжны монахини Маргариты Алексiевны въ общей гробницѣ почивати до дне страшнаго и втораго пришествiя Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенiя“.

Въ ризницѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря, кромѣ разныхъ келейныхъ вещей, принадлежавшихъ обѣимъ царевнамъ, Марѣ и Феодосiи, сохранились противни (т. е. копiи) съ подлинныхъ писемъ царевны инокини Маргариты Алексѣевны, писанныхъ ею изъ Успенскаго дѣвичьяго монастыря съ 1699 по 1707 г. въ Москву къ теткѣ Татьянѣ Михайловнѣ, къ сестрамъ царевнамъ Наталiи, Марiи и Феодосiи Алексѣевнамъ и къ нѣкоторымъ изъ влiятельныхъ въ правительствѣ лицъ, какъ-то къ Д. К. Нарышкину, къ князю П. И. Прозоровскому, Ѳ. Ю. Ромодановскому, графу А. И. Мушину-Пушкину. Письма эти (по содержанию своему „просительныя“) сохранились худо. Первоначально они были наклеены на картонъ, потомъ сняты съ него такъ неискусно, что почти всѣ по мѣстамъ прорваны, притомъ у однихъ недостаетъ начала, у другихъ конца, у нѣкоторыхъ боковыхъ писанныхъ полосъ. Приводя ихъ въ порядокъ, мы сдѣлали, что можно было сдѣлать для сохраненiя ихъ въ пользу исторiи: ибо, не смотря на ихъ одностороннее по видимому содержанiе, все-таки письма эти составляютъ единственный матерiалъ для характеристики царевны Мары Алексѣевны, неосторожной соучастницы въ замыслахъ самой честолюбивой, но и самой даровитой и умной изъ пяти сестеръ, которыхъ царь Петръ въ

праведномъ гнѣвѣ своемъ на ихъ теремные проски называлъ „злымъ сѣменемъ Милославскаго“, прибавляя, что „окромѣ какъ крѣпостию, ничѣмъ сей огонь угасить не можно“. Противная сторона, негодуя на эту „крѣпость“ (т. е. строгость), не столько жалуется на самое наказаніе (заключеніе въ монастырѣ и насильственное постриженіе), молчаливо признавая его заслуженнымъ, сколько на ненужное уже за тѣмъ стѣсненіе, съ забвеніемъ правъ по родству и человѣчеству. Это негодованіе высказано, и довольно ясно, царевною инокинею Маргаритою Алексѣвною въ одномъ изъ ея писемъ (№ 7) къ единокровной сестрѣ царевнѣ Наталіи Алексѣвнѣ, которая пользовалась, какъ извѣстно, полнымъ расположеніемъ своего единокровнаго и одноутробнаго брата царя Петра Алексѣевича: „Вѣдь я того же отца дочь, такая же Алексѣевна!“ восклицаетъ больная царевна, жалуясь на невниманіе къ ея усиленнымъ просьбамъ о присылкѣ ей въ монастырѣ доктора; и это не вопль отчаянія, а живой голосъ лица, измученнаго разными мелкими уколами, но не потерявшаго сознанія своего царственнаго достоинства. Если и при одномъ чтеніи этотъ протестъ способенъ возбудить состраданіе къ безцѣльному (послѣ заточенія и постриженія) стѣсненію царевны, то понятно, что онъ не могъ остаться безъ вниманія со стороны ея современниковъ.

Слѣды этого вниманія и сочувствія къ судьбѣ царевны-инокини остались въ нашей древней письменности. Такъ въ книгѣ глаголемой „Описаніе російскихъ святыхъ“ (въ бывшемъ древне-хранилищѣ М. П. Погодина), въ числѣ русскихъ неканонизованныхъ церковію святыхъ упоминается и „благовѣрная царевна великая княжна Маргарита Алексѣевна, дщерь царя и великаго князя Алексѣя Михайловича“. Мѣстно (въ Александровскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ) память ея и понынѣ читается служеніемъ панихидъ на ея гробницѣ. Извѣстно также, что родная ея племянница, императрица Анна Іоанновна, въ бытность свою въ Москвѣ, послала нарочнаго въ Александровскій Успенскій дѣвичій монастырѣ достать ей масла отъ неугасимой лампы, теплящейся въ монастырской усыпальницѣ надъ гробомъ царевны-инокини Маргариты Алексѣевны. Масло было доставлено ея величеству за кабинетскою печатью.

Письма царицы Мары Алексѣвны.

А. О присылкѣ ей въ монастырь доктора по случаю ея болѣзни.

1.

Свѣту моей милостивой матушкѣ, сестрицѣ родной, царевнѣ великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля и челомъ бью: многолѣтствуй, мой свѣтъ сестрица, о Господѣ Богѣ на многія лѣта. Милости у тебя, свѣтъ мой сестрица, прошу: пожалуй, радость моя, умилосердись, Господа ради, изволь отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья⁽¹⁾, ради моей великой болѣзни. А я, свѣтъ мой сестрица, отъ болѣзни зѣло изнемогаю, насилу отъ болѣзни нужды ради. . . хожу, и ѣсть ротъ не даетъ, и нѣбо все напухло, и зубы напухли, всѣ такъ напухли, что всѣхъ насилу знать, что зубы, и часъ отъ часу прибываетъ, и я того опасаясь, чтобы нѣбо не прогнило. И языкъ говорить не даетъ, зѣло косятъ. И животъ весь боленъ, что и дохнуть не даетъ; а ноги обѣ по колѣно въ рождѣ, и такъ распухли, что насилу переступаю, нужды ради. И ты, свѣтъ мой сестрица, будь такова милостива ко мнѣ, какова мать твоя милостива ко мнѣ была, Наталія Кириловна. . .⁽²⁾. Помилуй, въ таковыхъ болѣзняхъ не дай напрасною смертію умереть, аще и дохтуръ не хочеть ѣхать въ нынѣшней. . . и ты его принудь, чтобы онъ поѣхалъ. Пожалѣй и учини милость надо мною, пришли дохтура по своей милости, а онъ не хочеть меня лечить и ко мнѣ ѣздить. За симъ, свѣтъ мой, здравствуй о Господѣ Возѣ на многія лѣта.

2.

Свѣту моей милостивой сестрицѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля,

---

(1) Здѣсь рѣчь идетъ о сынѣ того доктора «Лаврентія Рунеберга» который упоминается въ сказаніи Адольфа Лизека о посольствѣ въ Россію отъ римскаго цесаря Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 г. По сказанію Лизека этотъ докторъ, бывшій до того уже два раза въ Москвѣ, при возвращеніи посольства въ Вѣну въ 1676 г., остался навсегда въ Москвѣ и состоялъ переводчикомъ при царѣ. Сынъ его наследовалъ профессию своего отца, и въ отличіе отъ него указывался въ письмахъ царицы «Лаврентіемъ молодымъ», т.-е. младшимъ.

(2) Царица Наталія Кириловна скончалась въ 1694 г. января 25 дня.

челомъ бью: здравствуй, свѣтъ мой сестрица, о Господѣ Возѣ на многія лѣта. Милости у тебя, свѣтъ мой сестра, прошу: пожалуй, Господа ради, умиласердися, не презри моего прошенія, изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца, а мнѣ прежня болѣзнь. Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, не учини забвенія, о чемъ я у тебя милости прошу: изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья не помѣшкавъ; а будетъ, сестрица свѣтъ мой, изволить дохтура Лаврентья держать тетушка царевна Татіана Михайловна, своей ради болѣзни, и ты, свѣтъ мой, изволь ей побить челомъ, чтобы она изволила ко мнѣ отпустить дохтура Лаврентья молодова. . . .

3.

Государинѣ моей матушкѣ и тетушкѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Татіанѣ Михайловнѣ (1) я, племянница твоя, монахиня Маргарита, Бога моля, челомъ бью. Здравствуй, государыня тетушка, о Возѣ на многія лѣта. Милости у тебя, радость моя, государыня тетушка, прошу: пожалуй, Господа ради, умиласердися, не презри моего прошенія, изволь пожаловать приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца. Я нынѣ немогу, старая болѣзнь поднялася. Пожалуй, государыня тетушка, не учини въ забвеніи, о чемъ у тебя милости прошу: изволь приказать отпустить ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова, не помѣшкавъ, на два мѣсяца, того ради, что моя болѣзнь такая тяжка, и скорымъ временемъ излѣчить невозможно.

4.

Примѣчаніе. Отъ письма къ царевнамъ Марьѣ и Федосьѣ Алексѣевнамъ уцѣлѣлъ лишь конецъ. Подъ этимъ письмомъ слѣдуетъ письмо съ просьбой о томъ же самомъ къ боярину Федору Юрьевичу Ромодановскому „ . . . . лѣчиться у другога. . . . а я того ради о немъ вѣтъ бью челомъ, что онъ къ моей болѣзни признался, и чтобъ ему у меня пожить больше, да меня полѣчить хорошенько, того ради, что моя болѣзнь такая тяжкая и скорымъ временемъ излѣчить невозможно“.

Отъ благородныя государыни царевны и великія княжны монахини

(1) Царевна Татіана Михайловна скончалась въ 1706 г. августа 24 дня.
Рим. 3-я.

Маргариты Алексѣевны князь Феодору Юрьевичу⁽¹⁾. Князь Феодоръ Юрьевичъ, отпусти ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова на два мѣсяца не помѣшкавъ; у меня старая болѣзнь поднялася. Пожалуй, Бога ради, отпусти тотчасъ, не помѣшкавъ, ко мнѣ дохтура Лаврентья молодова, не ослушайся меня, а я зѣло немогу. Да еще я къ тебѣ пишу, князь Феодоръ Юрьевичъ, прикажи отпустить ко мнѣ дохтура на ямскихъ лошадахъ, а намъ по него прислать не на чемъ: лошадей нѣтъ; да и лѣкарства прикажи съ нимъ отпустить побольше, чего онъ станетъ просить.

5.

Письмо царевны къ доктору Лаврентію Ринцбергу младшему.

Пожалуй, Лаврентій Лаврентьевичъ, не учини того, что тебѣ ко мнѣ не быть и лѣчить(ся мнѣ у друго)ва: у меня пуще стало, и всю болѣзнь растрогалъ. Пожалуй, не помѣшкавъ пріѣзжай, аще отпустить, и я письмо послала къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ о тебѣ.

Примѣчаніе. Эти письма (подъ №№ 4 и 5) были отправлены съ строителемъ Успенскаго дѣвничья монастыря старцемъ Геронтіемъ, которому было притомъ поручено и лично просить царевенъ, чтобы просьба Маргариты Алексѣевны была удовлетворенъ. Сохранилась его отписка царевнѣ, слѣдующаго содержанія:

„Государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ монахинѣ Маргаритѣ Алексѣевнѣ строитель старецъ Геронтіи челомъ бьетъ. Подалъ государынямъ царевнамъ Марьѣ Алексѣевнѣ, и Феодосѣ Алексѣевнѣ, Наталѣ Алексѣевнѣ, о дохтурѣ билъ челомъ. Царевна Наталья Алексѣевна изволила сказать: отпускъ. . . . дохтуру, послѣ походу, изволить итти. . . . (до Пути)вли⁽²⁾. Царевны Марья Алексѣевна и Феодосья Алексѣевна сами говорили ей. . . . изволила имъ сказать: отпущу (какъ вернусь) изъ походу. Царевны

---

(1) Известный князь-кесарь Феодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, специально вѣданный страшный «Преображенскій Приказъ», а въ отсутствіи Петра I за границу управлявшій цѣлымъ государствомъ.

(2) Если наша догадка вѣрна, что слѣдуетъ читать: «до Путивли», то письмо это и прочія слѣдуетъ отнести къ маю мѣсяцу 1705 г., въ которомъ великая княжна Наталья Алексѣевна провожала до Путилы брата своего царя Петра Алексѣевича, отправившагося въ семь году къ войскамъ въ Полоцкъ. Русскій Архивъ 1882 г., т. III, 3.

Марья Алексѣевна и Ѳедосья Алексѣевна изволили сказать. . . . дасть Богъ здоровья, мы и сами въ великомъ посту побываемъ, . . . у дохтура“ . . . .

Примѣчаніе. Такое увѣдомленіе, какъ видно, глубоко огорчило больную. Послѣдовалъ новый рядъ писемъ: къ сестрамъ Марьѣ и Ѳедосьѣ Алексѣевнамъ, къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому и къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, въ которыхъ, рядомъ съ повтореніемъ просьбы, есть и укоры, на „забвеніе и оставленіе“.

6.

Свѣты мои, матушки сестрицы, умилосердитесь Господа ради, побейте челомъ сестрѣ царевнѣ Наталіи, чтобы она отпустила дохтура, хотя бы онъ моей болѣзни посмотрѣлъ, да лѣкарства далъ. А жить не надобно, когда вашей милости не стало до меня, и я вамъ не надобна. А у меня такія болѣзни, что невозможно. . . . сказать: ноги не дадутъ и ступить, въ рожѣ; и въ животѣ рожа, а нѣбо все опухло; и цынга одолѣла, и ниже зубовъ опустилось, и языкъ становится косень, а сукровица безпрестанно изо рта идетъ, и я боюсь тово, чтобы. . . .

7.

Свѣтъ моя сестрица матушка царевна Наталія Алексѣевна, за что ты такова ко мнѣ немилостива явилася? Развѣ за то, что я отъ вашей милости ушла, и я тѣмъ не виновата: хотя бы я невѣдомо гдѣ, да и я тово же отца дочь, такая же Алексѣевна. Ты изволишь сказывать: царевна не домогаетъ Евдокія (1); воистину мнѣ и самой ея жаль, и я его (дохтура) не прошу, чтобы ему у меня жить, хотя бы только пріѣхалъ, посмотрѣлъ моей болѣзни. . . .

8.

Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому.

. . . . Приказала (просить) государыни царевна монахиня Маргарита Алексѣевна: пожалуй, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, умилосердитесь. . . . отпу-

---

(1) Царевна Евдокія Алексѣевна скончалась 1712 г., на 63-мъ году отъ рожденія.

стите ко мнѣ дохтура, Христа ради, что отъ болѣзни изнемогаю, что чуть духъ мой держится, ноги и ступитъ не дадутъ, всё въ рожѣ, и въ животѣ рожа, и жаръ во всей, нѣбо опухло, и цынга одолѣла, и ниже зубовъ спустилось, и сукровица безпрестанно идетъ, и языкъ косенъ становится, и я того опасася, что станеть во рту. Пожалуй умилосердись, отпусти ко мнѣ дохтура, хотя бы посмотрѣлъ мою болѣзнь и лѣкарства бы далъ, чѣмъ пользоваться. И сказывааете, будто за тѣмъ его не пускаете, что сестра (больна) царевна Евдокія, и я его не задержу, только бы мнѣ онъ лѣкарства (далъ) и отъ рожи, и отъ цынги. Пожалуй, не (учини) забвенно. . . .

Примѣчаніе. Усиленные просьбы царевны взяли свое: докторъ былъ къ ней отпущенъ, по ходатайству боярина Льва Кириловича Нарышкина, какъ это видно изъ приписки царевны въ одномъ изъ писемъ къ нему (см. ниже).

Было (какъ указалъ К. Н. Тихонравовъ) благодарное письмо къ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ за присылку доктора и съ просьбою объ отпускѣ полтрети тысячи изъ столоваго запаса одновременно (а не по частямъ).

Б. Письма съ жалобами на несвоевременное доставленіе запасовъ и денегъ, и на худое качество доставляемыхъ столовыхъ запасовъ.

9.

Къ царевнѣ великой княжнѣ Наталѣ Алексѣевнѣ.

. . . Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, изволь приказать въ тѣ монастыри послать, чтобы везли ко мнѣ деньги не мѣшкавъ, или изволишь приказать мнѣ отъ себя къ нимъ кого послать, что мнѣ великая нужда: ни запасу, ни денегъ; а когда и привозили мнѣ съ Москвы запасы, и все гнилое, да вонючее. И я, свѣтъ мой сестрица, какъ пришла съ Москвы, щучины и стерлядины и въ ротъ не бирала: все привозили вонючую. И окуней тоже въ ротъ не бирала: зимою привозили промерзлые, а лѣтомъ протухлые. Масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, что ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлые. Бражки и кислыхъ штей сдѣлають, испить нельзя: все безъ питья животъ свой мучу. Да и то, сестрица, привозили все гнило, да худо, и то все во всемъ недовозы. И я къ вамъ писала, что мнѣ было ни до чево, только самой до себя; только я

вамъ била челомъ болѣзни своей ради, про дохтура, а къ ключникамъ многожды писала, а они и не глядятъ. А нынѣ, свѣтъ мой сестрица, прикажи ко мнѣ деньги отпустить не мѣшкавъ, что мнѣ великая нужда нынѣ, свѣтъ мой сестрица. И ангелъ мой былъ, Богъ вѣсть, каково мнѣ печально, да скудно было. Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, не презри моего прошенія: изволь приказать ко мнѣ отпустить деньги не помѣшкавъ, чтобы мнѣ въ скудости не быть. За симъ многолѣтствуй, радость моя, государыня сестрица, о Господѣ Возѣ на многія лѣта.

10.

Отъ благородныя государыни царевны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳедору Юрьевичу почтеніе.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ. Доложи Государю, чтобы пожаловалъ изволилъ приказать послать въ тѣ монастыри грамоты, чтобы мнѣ отпустили деньги за столовые запасы полтретью тысячи на годъ, да чтобы мнѣ все вдругъ привозили съ году на годъ. А нынѣ мнѣ прислана грамота, съ какихъ мнѣ монастырей брать деньги, и срокъ поставленъ, какъ деньги привозить, и срокъ давно вышелъ, а денегъ ко мнѣ еще не приваживали по се время ни деньги. И мнѣ нынѣ великая нужда въ кушаньѣ, того ради что ни денегъ, ни запасовъ. А когда мнѣ и съ Москвы привозили запасы, и то все гнилое, да вонючее. И я какъ и пришла съ Москвы, щучины и стерлядины въ ротъ не бирала, окуней также въ ротъ не бирала, того ради что зимою привозили промерзлые, а лѣтомъ протухлые, масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлые: бражки и кислыхъ штей, какъ сдѣлаютъ, испить нельзя, все безъ нитя животь свой мучу; да и то привозили все гнилое, да худое, и во всемъ недовозы, и я къ вамъ не писала, все терпѣла Бога ради, а къ ключникамъ многожды писала, а они не глядятъ...

Пожалуй, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, Бога ради, умилосердися, въ честь тебѣ бью челомъ: доложи Государю, и самъ порадѣй, чтобы мнѣ не быть во великой нуждѣ; прикажите мнѣ деньги привезть всѣ вдругъ полтретью тысячи, что за столовые запасы. Ей, великая нужда мнѣ нынѣ въ кушаньѣ.

11.

Такого же содержания письмо послано царевною къ боярину Льву Кириловичу Нарышкину († 1705 г.), съ припискою: „Да спасеть Богъ тебя, Левъ Кириловичъ, что отпустилъ ко мнѣ дохтура; мнѣ нынѣ тебѣ за твои труды воздать нечѣмъ, только я должна за тебя Бога молить вѣчно, и Богъ тебѣ воздастъ вся благая. За симъ здравствуй о Христѣ на вѣки“.

В. Изъ царевнамъ Татьянѣ Михайловнѣ и Маріи Алексѣевнѣ съ просьбою о ссудѣ денегъ въ займы.

12.

Свѣту моей любезной сестрицѣ благородной царевнѣ и великой княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ. Сестра твоя монахиня Маргарита, Бога моля, и челомъ бью: многолѣтствуй, свѣтъ мой сестрица, о Господѣ на многія лѣта. Пожалуй, Господа ради, умилосердися, одолжи, пожалуй, мнѣ въ займы до Семена дни пятьсотъ рублевъ денегъ: я тебѣ, ей, сестрица заплачу: на Семень день вею, и къ себѣ не возя, къ тебѣ взнести то что намъ выдаютъ на Семень день пятьсотъ рублевъ. Пожалуй, радость моя сестрица, ссуди меня, Господа ради, для того, что мнѣ великая нужда. А будетъ у тебя сестрица пятисотъ нѣтъ, а ты... побей челомъ тетущкѣ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, хотя пожалуйте по половинѣ меня ссудите, по полу-третьясту. Пожалуй, радость сестрица, не презри моего прошенія, ссудите меня въ сіе нужное время. У меня только и вся надежда, что на Господа Бога и на Святую Богородицу, да на ваше милосердіе. Пожалуй, радость сестрица, хотя меня симъ утѣшите въ такомъ дальнемъ разстояніи, и такъ я у васъ оставлена отъ единыхъ. За симъ, свѣтъ мой сестрица, многолѣтствуй о Христѣ на вѣки.

Примѣчаніе. Одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ (Владим. губ.) покойный К. Н. Тихонравовъ въ статьѣ своей объ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ (см. Владимірскій сборникъ, Москва, 1857 г.) передаетъ содержаніе видѣннаго имъ письма царевны Маргариты Алексѣевны къ теткѣ ея в. княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ. „Маргарита Алексѣевна, говоритъ она, пишетъ о томъ, что она въ печаляхъ своихъ и болѣзняхъ чуть жива и

просить умилосердиться пождать у нея своихъ денегъ 250 рублей до Васильева вечера; о томъ же просить и сестру свою в. к. Марію Алексѣевну, о подожданіи долга на ней Татьяны Михайловны, да просить ее доставлять деньги вдругъ полтретья тысячи на годъ за столовый запасъ, и жалуются на недостатокъ запасовъ, а именно на несвѣжую рыбу и масло порченное, солодъ и муку затхлые“.

13.

Государынѣ моей милостивой матушкѣ, благородной царевнѣ и великой княжнѣ Татьянѣ Михайловнѣ племянница твоя монахиня Маргарита Алексѣевна челомъ бью: многолѣтствуй, мой свѣтъ, государыня тетушка. Прошу, пожалуй, государыня, умилосердися, Господа ради, одолжи меня, пожалуй мнѣ въ займы до Семена дни пятьсотъ рублей денегъ, а тебѣ заплачу. За сию, радость моя, государыня милостивая тетушка, многолѣтствуй о Христѣ на многія лѣта.

Г. Письмо царевны Маргариты Алексѣевны къ брату царю Петру Алексѣевичу просительное и къ князю В. Ю. Ромодановскому о томъ же.

14.

... Татьянѣ Михайловнѣ, вмѣсто кушанья дворцовыхъ запасовъ, давали деньги изъ Приказу большой казны. А мнѣ, Государь, по твоему же великаго государя указу, вмѣсто кушанья дворцовыхъ запасовъ, деньги даютъ изъ Монастырскаго Приказа...

Прошу твоего величества, прикажи, Государь, послѣ тетушки государыни царевны Татьяны Михайловны деньги давать изъ Приказу большой казны; а въ тѣхъ, которыя мнѣ давали изъ Монастырскаго Приказа, какъ ты, великій государь, изволишь, для того, что они собираются съ монастырскихъ вотчинъ и присылаются ко мнѣ медленно и недружно. Вашего величества сестра царевна монахиня Маргарита Алексѣевна сентября въ.... 1706 года.

Примѣчаніе. К. Н. Тихонравовъ въ упомянутой выше статьѣ также говоритъ о письмѣ царевны Петру и приводитъ его содержаніе: „Письмо ц.

М. А. къ брату царю Петру Алексѣевичу, гдѣ просить, чтобы удостоиться видѣть пресвѣтлыя очи его и сына его царевича Алексѣя Петровича; просить также за столовныя запасы противъ сестеръ выдавать и ей изъ Большой казны деньги блаженной памяти тетушкины, а то назначенныя ей изъ Монастырскаго Приказа деньги привозать, когда 500 рублей, когда 100, къ Семенову дню несвоевременно, когда всякіе запасы дороги, и тѣ деньги присылать ей съ старцемъ Геронтіемъ. На другой сторонѣ того же отрывка письмо къ сестрѣ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ, гдѣ просить о томъ же, о чемъ и брата своего царя Петра Алексѣевича“ (нынѣ этихъ писемъ нѣтъ).

15.

Отъ благородныя государыни царевны и великія княжны Маргариты Алексѣевны. Пожалуй; князь Федоръ Юрьевичъ, послала я къ тебѣ письмо, пошли его къ Государю не мѣшкая черезъ почту; тебѣ вѣстно о чемъ къ нему Государю была челомъ, и то вѣдомо и царевнѣ.... Еще была челомъ, чтобъ мнѣ пожаловалъ деньги столовныя блаженныя памяти тетушки нашей Татьяны Михайловны изъ Большой казны Петра⁽¹⁾, а мнѣ за столовой запасъ денегъ (назначено) изъ Монастырскаго Приказа, и мнѣ медленно и убыточно деньги возять по пятьсотъ, а когда и сто на весь годъ, на силу къ Семенову дню; запасъ продають, а денегъ нѣтъ, а когда деньги есть, то запасовъ въ продажѣ нѣтъ.

Д. Просительныя письма къ боярамъ Алексію Ивановичу Мусину-Пушкину и князю Федору Юрьевичу Ромодановскому и къ царевнѣ Наталіѣ Алексѣевнѣ.

16.

Отъ благородной царевны и великой княжны монахини Маргариты Алексѣевны боярину Ивану Алексѣевичу⁽²⁾.

Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ, прикажи прислать въ Успенскій дѣвичь монастырь мастера, которой на церквахъ кресты ставить, потому что на

⁽¹⁾ Бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровской управлялъ въ то время Приказомъ Большаго Дворца.

⁽²⁾ Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ завѣдывалъ съ 1701 года Монастырскимъ Приказомъ, который былъ возобновленъ при Петрѣ.

соборную церковь крестъ сдѣланъ новой, а нынѣ за мастеромъ остановка учинилась, а подѣ твою областію такой мастеръ есть, что на церквахъ кресты ставить. И ты, бояринъ Иванъ Алексѣевичъ, вышеписаннаго мастера прикажи послать не замѣшкавъ, потому что за тѣмъ остановка...

17.

Отъ благородныя государыни царевны и великой княжны монахини Маргариты Алексѣевны князь Ѳедору Юрьевичу.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, зѣло ты меня опечалилъ, что писанія моего не послушалъ. Я пекуся о церкви Божіей, того ради, что у меня только и радости, что церковь Божія, а ты мнѣ въ семъ дѣлѣ не способствовалъ, что не посвятили ни священника, ни дьякона. Я видѣть не могу что церковь Божія многожды безъ службъ бываетъ, какъ ты меня въ семъ не послушалъ, что сихъ двухъ человекъ не посвятили: дьякона Логина во священника, и дьячка Іакова въ дьяконы. Пожалуй, послушай меня, самъ сходи къ архіерею, да возвѣсти ему, чтобы онъ благословилъ посвятить сего человека Никиту во священника въ ту церковь, что я хожу, къ чудотворцу Сергію; а сей человекъ Никита смиренный и добрый и взросъ въ обители. Пожалуй, князь Ѳедоръ, послушай меня въ семъ дѣлѣ, чтобы сего человека Никиту посвятили во священника. А ты, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, о семъ не раздумывай, что будетъ изъяну священникамъ: я и всѣхъ священниковъ жалованьемъ жалую, того ради, что въ монастырѣ никакова государева жалованья не даютъ, только пожалуй.....

18.

Государыниъ моеи милостивой сестрицѣ царевнѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ сестра ваша монахиня Маргарита... и челомъ бью: здравствуй, свѣтъ мой, о Господѣ Вовѣ на многія лѣта. Милости, моя сестрица, прошу: пожалуй изволь сказать князь Ѳедору, чтобы велѣлъ сего человека Никиту во священника посвятить къ церкви къ чудотворцу Сергію, что я хожу, зѣло печально, что у моеи церкви нѣтъ священника. Пожалуй, свѣтъ мой, умилосердися, не презри моего прошенія посвятить во священника сего Никиту; человекъ онъ добрый и смиренный, взросъ въ обители. За сямъ, свѣтъ мой сестрица, здравствуй на многія лѣта.

Е. Изъ домашней переписки царевны монахини Маргариты Алексѣевны съ исполнителемъ ея порученій по хозяйству стронтелемъ Успенскаго дѣвичья монастыря старцемъ Геронтіемъ.

19.

... Монахини Маргариты Алексѣевны стронтелю старцу Геронтію.

Послала я къ тебѣ.... для покупки, и ты пригласи къ себѣ (стряпчаго) Кочугова⁽¹⁾, что онъ знаетъ, какъ покупать, чтобы купить: 10 бѣлугъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, непотрошенныхъ, 30 осетровъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ.... лососей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, стерлядей мерзлыхъ по аршину съ четвертью.... мѣры и по аршину, самыхъ добрыхъ.... а бѣлуги и осетры и стерляди чтобы.... янны, яловны; 20 лещей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, 20 стерлядей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, чтобы были колотыя; щукъ мерзлыхъ двѣстѣ, мѣрою по аршину; 3 пуда семги соленой, 3 пуда икры самой доброй зернистой, прѣсной, 300 пучковъ визиги бѣлужьихъ, двѣ четверти снятковъ сухихъ Псковскихъ, самыхъ добрыхъ, окуней 500 ушныхъ и одноблюдныхъ, 300 язей хорошихъ, 200 карасей одноблюдныхъ и ушныхъ, 2 пуда воску, 2 пуда меду... бѣлаго, хорошаго, да 30 тѣщъ двойныхъ, самыхъ хорошихъ, жирныхъ; 50... А послано денегъ 30 рублей. А будетъ денегъ не будетъ, и ты изъ тѣхъ денегъ прибавь, что на заказы послано; а чего не будетъ, и ты на всѣ купи, что писаны покупки. И ты все искупи вскорѣ и пришли, а въ кой часъ пріѣдетъ почта, и ты въ тотъ часъ не мѣшкаявъ сходи къ доктору Лаврентію молодому, и ты навѣдайся подлинно, за чѣмъ не ѣдетъ, отпущенъ ли или нѣтъ. Провѣдавъ подлинно и отписавъ, про все пиши мнѣ не мѣшкаявъ; да пожалуй poradъи, сходи къ Федору Юрьевичу, чтобы пожаловалъ отпустилъ дохтура...

20.

Благородной государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ монахинѣ Маргаритѣ Алексѣевнѣ стронтель старецъ Геронтіи челомъ бью.

⁽¹⁾ Петръ Лукьяновичъ Кочуговъ—стряпчій Кормоваго Дворца. Его влады въ Лукьяновскую пустынь по надписи относятся къ 1693 году.

Казанскаго митрополита рыба послана твоей государской милости: бѣлужка, осетръ, сазань, а коробокъ за печатью отдаде боярину Ивану Алексѣевичу, хотѣлъ и часть то дѣло управить Вожею милостію.

Вояринъ приказалъ деньги готовить дьяку и подъячимъ. Изволь, государыня, приказать, чтобы прислали ко мнѣ Алексѣя подъячаго..... съ кѣмъ тѣ деньги считать и принять, да Гаврюху Лукьянова для сбереженія денегъ, да Семена Климова, въ выгѣшномъ числѣ не медливши.

21.

Государю моему любовному племяннику, благородному царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу тетка твоя Маргарита, Бога моля, челомъ бю. Здравствуй о Господѣ Божѣ на многія лѣта и со своимъ батюш-комъ.

Отчетъ объ открытіи и занятіяхъ Тверской ученой архивной Комиссіи въ 1884 г.

По разосланнымъ начальникомъ Тверской губерніи, А. Н. Сомовымъ, пригласительнымъ повѣткамъ, 22 іюня, въ 11 часовъ утра, собрались у него въ саду, для предстоявшаго открытія ученой архивной комиссіи, нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, уже извѣстныхъ своею дѣятельностію по разработкѣ мѣстныхъ древностей и статистики. Засѣданіе началось чтеніемъ циркулярнаго предложенія г. управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, коимъ сообщалось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи на основаніи преподанныхъ для того правилъ ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій⁽¹⁾, послѣ чего директоръ Археологическаго Института сенаторъ Н. В. Калачовъ выяснилъ собранію значеніе таковыхъ комиссій и имѣющихъ образоваться ихъ трудами губернскихъ историческихъ архивовъ и музеевъ. „Изъ четырехъ губерній, въ которыхъ должны первоначально открыться эти учрежденія, Тверская губернія — сказалъ онъ — занимаетъ безспорно первое мѣсто не только какъ губернія, усѣянная древностями разнаго рода, но и обладающая уже нѣсколькими выдающимися дѣятелями по приведенію ихъ въ извѣстность, описанію и собиранію“. Слова эти прямо относились къ учредителю богатаго уже своими разнородными предметами старины Тверскаго музея — управляющему Тверской Казенной Палаты А. К. Жизневскому. „Такія стремленія — продолжалъ г. Кала-

(1) См. официальные документы по учрежденію ученыхъ архивныхъ комиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ въ 1-мъ выпускѣ «Вѣстника».

човъ — Правительство съ своей стороны не только готово поощрять, но и подаетъ имъ руку помощи съ тою цѣлью, чтобы труды частныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ получили значеніе общественное и чтобы обезпечить ихъ результаты принятіемъ ихъ подъ свою зашитю и охрану. Здѣшній музей, какъ музей мѣстный, можно назвать по истинѣ драгоцѣннымъ; но что ручается, что онъ со временемъ не погибнетъ, не растратится, не расхитится какъ погибли у насъ многіе частныя музеи, коллекціи, библіотеки, архивы? У этого музея нѣтъ дѣйствительно прочнаго, опредѣленнаго, такъ сказать, своего помѣщенія, а для собранія архивныхъ матеріаловъ и для ученой при нихъ библіотеки, необходимой для занимающихся ими посѣтителей, вовсе нѣтъ мѣста. Между тѣмъ Императорская Академія Наукъ, заботливо слѣдящая за развитіемъ въ нашемъ отечествѣ изученія древностей и готовая снабжать своими изданіями и указаніями дѣятелей по этой части, признала необходимымъ сохранять въ учреждаемыхъ въ губерніяхъ историческихъ архивахъ тѣ, заключающіе въ себѣ научныя данныя, документы, которые часто гибнутъ въ нашихъ губерніяхъ цѣлыми тысячами дѣлъ и бумагъ, оказывающихся ненужными для текущаго дѣлопроизводства или для справокъ присутственныхъ мѣстъ. За эту задачу, не смотря на вашу дѣятельность, — вы, им. г.г., еще не принимались, да и не могли приняться, потому что для этого требовалось разрѣшеніе и содѣйствіе правительства. Теперь же оно не только указываетъ вамъ на эту новую область вашихъ собираній и изысканій старины, но и поручаетъ г. Начальнику губерніи быть непремѣннымъ попечителемъ составленной изъ всѣхъ интересующихся мѣстными древностями ученой Комиссіи и оказывать ей свое содѣйствіе. При такихъ условіяхъ нельзя сомнѣваться, что труды ваши будутъ успѣшны, и слѣдовательно цѣль, предположенная правительствомъ, будетъ достигнута“.

За тѣмъ, присутствовавшіе въ собраніи приступили къ избранію предсѣдателя, правителя дѣлъ и первыхъ членовъ ученой архивной Комиссіи: въ званіе перваго избранъ единогласно, уже такъ много потрудившійся надъ собираніемъ Тверскихъ древностей — членъ Московскаго Археологическаго Общества Августъ Казиміровичъ Жизневскій, въ должность правителя дѣлъ секретарь Тверскаго статистическаго комитета — Василій Ивановичъ Покровскій, а въ члены — всѣ присутствовавшіе въ собраніи. Званіе жо помощника предсѣдателя осталось незанятымъ за отказомъ бывшихъ

въ засѣданіи членовъ балотироваться на эту должность. Избраніе въ члены ученой архивной Комиссіи дополнено еще въ засѣданіи 18 іюля однимъ членомъ и къ началу 1885 г. полный составъ ихъ былъ слѣдующій: Высокопреосвященный Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій; Преосвященный Антонинъ, епископъ Старицкій, викарій Тверской епархіи; протоіерей В. О. Владиславлевъ; священникъ В. П. Успенскій; Предсѣдатель Тверскаго Окружнаго Суда И. И. Вязковъ; директоръ Тверской классической гимназіи П. Ф. Сисюковъ; старшій совѣтникъ Губернскаго Правленія В. А. Плетневъ; Предсѣдатель Тверской Губернской Земской Управы С. Д. Квашининъ-Самаринъ; Зубцовскій землевладѣлецъ Н. Д. Квашининъ-Самаринъ; Правитель канцеляріи Тверскаго Губернатора В. И. Плетневъ и бібліотекаръ Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. О. Токмаковъ.

Вышеозначенные члены архивной Комиссіи, не касаясь здѣсь ученой дѣятельности высокопреосвященнаго Саввы, знаменитаго своими палеографическими и другими трудами, еще до ея открытія заявили себя не только какъ любители мѣстной старины, но и какъ изслѣдователи древностей Тверской губерніи. Такъ предсѣдатель А. К. Жизневскій, еще въ 1876 году, напечаталъ въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства „Письма о Тверскихъ древностяхъ“; съ 1877 г. помѣщаетъ въ „Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества“ — „Описаніе Тверскаго Музея“ и тамъ же напечаталъ статьи: „Соло Пречистая Каменка, Новоторжскаго уѣзда“ и „Древній архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря“; а въ послѣднее время разсмотрѣлъ и описалъ поступившія въ Тверской Музей въ 1884 году рукописи и заготовилъ отчетъ о поступившихъ въ томъ же году въ музей археологическихъ предметахъ. — Правитель дѣлъ В. И. Покровскій въ 1879 г. составилъ „Краткій историческій очеркъ Тверской губерніи“, вошедшій въ составъ 1-го тома историко-статистическаго ея описанія. Кромѣ того г. Покровскій принялъ на себя редактированіе и приготовленіе къ печати сдѣланнаго кн. С. В. Мещерской перевода хранящихся въ Тверскомъ музеѣ писемъ Великой Княгини Екатерины Павловны, во время пребыванія ея въ Твери, къ исторіографу Карамзину и къ князю В. П. Оболенскому. — Дѣйств. членъ протоіерей Владиславлевъ напечаталъ въ мѣстныхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ рядъ ста-

тей по исторіи церквей и монастырей Тверской епархіи подъ заглавіемъ: „Историческое описаніе церквей и монастырей г. Твери“ и „Историческое описаніе церквей Тверскаго уѣзда“ и издалъ брошюру „о 1812 г. въ Тверской губерніи“ по матеріаламъ Консисторскаго архива; кромѣ того, имъ приготовляются для „Епархіальныхъ вѣдомостей“ статьи: 1) „Тверская Епархія въ 1831 году“ (холера и дѣятельность духовенства); 2) Село Городень, гдѣ прежде былъ городъ Вертязинъ или Верзинъ; 3) „Село Саватьево“, гдѣ прежде былъ значительный Саввинъ Тверской монастырь и 4) „Сказаніе объ угодникахъ Вожихъ, ночивающихъ въ Тверской Епархіи“. — Членъ Коммиссіи священникъ В. П. Успенскій, начиная съ 60-хъ годовъ, помѣстилъ въ разныхъ повременныхъ мѣстныхъ изданіяхъ рядъ описаній монастырей Тверской епархіи и, кромѣ того, въ 1884 году, доставилъ въ Коммиссію три статьи: 1) „Описаніе архивовъ Ниловой пустыни и Житеннаго монастыря“, 2) „Описаніе синодика, писаннаго Нектаріемъ, архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, съ рисунками“ и 3) „Краткій очеркъ жизни, скончавшагося въ Ниловой пустыни, преосвященнаго Аарона Еропкина, епископа Корельскаго и Ладожскаго“. — Членъ Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ помѣстилъ старинную „роспись о плодахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ“ въ „Запискахъ Московскаго Общества любителей естествознанія“; въ настоящее время занятъ составленіемъ „Очерка исторіи Ржевскаго княжества“. — Членъ В. А. Плетневъ печатаетъ въ Тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ описаніе кургановъ и городищъ, а также древнихъ кладбищъ и находокъ орудій каменнаго вѣка въ уѣздахъ: Новоторжскомъ, Бѣжецкомъ и частью Весьегонскомъ. — Членъ П. Ф. Симсонъ предполагаетъ заняться составленіемъ исторической записки о столѣтіи Тверской гимназіи (1786—1886), считая началомъ этого столѣтія открытіе въ Твери народнаго училища, преобразованнаго впоследствии въ гимназію. — Членъ И. О. Токмаковъ посвящаетъ свои труды на собраніе матеріаловъ для историческаго и археологическаго описанія Тверскаго края и его достопамятностей; часть этихъ матеріаловъ уже была имъ помѣщена въ Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1883 годъ.

Давая директору Археологическаго Института отчетъ объ ученыхъ трудахъ своихъ членовъ, архивная Коммиссія сообщаетъ и о принятыхъ ею мѣрахъ, на основаніи протоколовъ ея засѣданій 18-го іюля и особенно

18-го декабря 1884 г.: 1) по приведенію въ извѣстность и описанію архивовъ Тверской губерніи и 2) по собранію свѣдѣній о древностяхъ въ губерніи и по приобрѣтенію ихъ для Историческаго архива и Музея. По первому предмету Комиссія обратилась циркулярно ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи, съ просьбою увѣдомить ее: а) съ какого времени хранятся дѣла въ архивахъ, состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи; б) не бывали ли отъ нихъ дѣла передаваемы, и въ такомъ случаѣ кому именно и куда? и в) въ какомъ положеніи находятся эти архивы? Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія просила означенныя учрежденія и лица не уничтожать никакихъ дѣлъ безъ предварительнаго ея увѣдомленія. На основаніи доставленныхъ по этимъ требованіямъ свѣдѣній Комиссія составила и приобщила къ отчету вѣдомость объ архивахъ, находящихся въ Тверской губерніи и о состояніи ихъ. Архивы эти слѣдующіе: Духовной Консисторіи, Вышневолоцкаго Округа Путей Сообщенія, Губернскаго Правленія, 13-ти полицейскихъ Управленій, Дворянскаго Депутатскаго Собранія, Казенной Палаты и 12 Казначействъ, городскихъ Думъ и городскихъ Управъ; архивы Окружныхъ Судовъ (2-хъ) и упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ; архивы монастырскіе, соборныхъ и приходскихъ церквей, Духовной Семинаріи и Духовныхъ Училищъ. Хранящіеся въ большей части архивовъ дѣла находятся въ порядкѣ; но по времени лишь въ немногихъ архивахъ встрѣчаются документы ранѣе XVIII столѣтія. Изъ числа означенныхъ архивовъ, одинъ уже описанъ и къ описанію еще трехъ — приступлено. Именно: предсѣдатель А. К. Жызневскій, при участіи Вл. П. Успенскаго, описалъ древній архивъ Краснохолмскаго Никольско-Антоніева монастыря и рукописи Тверскаго Музея въ числѣ 2,144 номеровъ. В. А. Плетневъ принялъ на себя трудъ разработать, при участіи особой комиссіи, архивъ Тверскаго Губернскаго Правленія: въ 1884 г. ими уже разобрано 4,328 дѣлъ, изъ коихъ предназначено къ храненію 1,670 дѣлъ и 2,568 къ уничтоженію. Протоіерей Владиславлевъ разработалъ хранящіеся въ архивѣ Казенной Палаты книги и документы, касающіеся монастырскихъ вотчинъ въ Тверской губерніи съ первой четверти XVI-го до конца XVII вѣка и результаты своего изслѣдованія изложилъ въ особой запискѣ, представленной имъ въ Комиссію. Изъ числа дѣлъ Казенной же Палаты,

И. Ф. Сиссонъ разсмотрѣлъ 80 дѣлъ и призналъ ихъ имѣющими историческое значеніе.

Что касается втораго пункта — собранія свѣдѣній о древностяхъ въ губерніи, хранящихся у частныхъ лицъ и пріобрѣтенія ихъ для Архива и Музея, то Комиссія помѣстила о томъ публикацію въ январѣ 1885 года въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Кромя того, Тверской Музей, печатая ежегодно отчеты о своихъ пріобрѣтеніяхъ, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы приглашать просвѣщенныхъ любителей старины къ пожертвованіямъ въ Музей тѣхъ или другихъ рукописей или документовъ, а также къ сообщенію о нихъ свѣдѣній. Къ тому же особо приглашены были приходскіе священники, волостныя начальства и мѣстная полиція. Съ особою просьбою позаботиться о сохраненіи семейныхъ дворянскихъ архивовъ отъ уничтоженія, предсѣдатель Комиссіи обращался къ гг. предводителямъ дворянства и двое изъ нихъ: Кашиинскій — В. П. Кисловской и Калязинскій — Н. Н. Стромилловъ — доставили: первый 211 столбцовъ изъ фамильныхъ бумагъ Кафтыревыхъ и Григорьевыхъ (бумаги эти пожертвованы Н. А. Кафтыревымъ въ собственность Тверскому Музею), а второй 8 столбцовъ изъ фамильныхъ бумагъ Тулубьевыхъ (пожертвованныхъ также въ собственность музею С. А. Шатиловымъ). Эти бумаги относятся къ XVI и XVII вѣку и описаны г. Жизневскимъ. Есть при нихъ нѣсколько весьма интересныхъ документовъ: таковы, наприимѣръ: грамота (въ копіи) царя Ивана Васильевича 1580 г. іюня 19 въ Торопецъ „о сыскѣ про воровство ямчужныхъ цѣловальниковъ“; списокъ съ грамоты царя Владислава въ Торопецъ отъ 17 декабря 1610 г. воеводѣ Чеглокову о убіеніи въ Калугѣ самозванца и о томъ, что многіе города бьютъ ему, Владиславу, челомя съ повинною; дневникъ Крымскаго похода, совершеннаго бояриномъ и воеводою Алексѣемъ Семеновичемъ Шеннымъ съ Новгородскимъ полкомъ при царѣ Иоаннѣ Алексѣевичѣ; а изъ фамильныхъ бумагъ Тулубьевыхъ „Наказъ 1654 г., данный по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича дворянину Максиму Тулубьеву, о приведеніи къ вѣрѣ городовъ Переяславскаго полка, по случаю принятія въ русское подданство Малороссіи“. Далѣе, особеннаго вниманія заслуживаетъ составленное, по просьбѣ А. К. Жизневскаго, намѣстникомъ Калязинскаго монастыря описаніе хранящейся въ монастырѣ лицевой псалтыри, пожертвованной царскимъ конюшимъ Иваномъ Годуновымъ въ 1602 году 29 авгу-

ста; псалтырь эта замѣчательна по своимъ изящнымъ, художественнымъ миниатюрамъ. Нельзя не упомянуть и объ интересныхъ материалахъ относящихся къ исторіи Тверской губерніи, сообщенныхъ И. О. Токмаковымъ (въ числѣ 21 номеровъ) въ копіяхъ при его докладѣ архивной Комиссіи; здѣсь есть акты XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій; „краткое описаніе Тверской губерніи“, списанное съ рукописи Г. Ф. Миллера, на нѣмецкомъ языкѣ, имъ же составленное „Родословіе князей Тверскихъ съ половины XIII вѣка до конца XV“; „Историческія свѣдѣнія о г. Твери съ 1486 г.“ и планы, карты и чертежи разныхъ мѣстностей.

Не довольствуясь всѣми означенными приобрѣтеніями для Тверскаго Историческаго архива, А. К. Жизневскій задался еще прекрасною мыслію образовать при этомъ архивѣ отдѣлъ писцовыхъ книгъ Тверской губерніи. Основаніемъ послужили хранящіеся въ Тверскомъ Музеѣ писцовыя книги, какихъ, сколько извѣстно, нѣтъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, а именно: списки съ писцовой книги волости Удомельской (Вышневолоцкаго уѣзда) и съ писцовой книги (1583 г.) Вѣжецкой пятины волости Лукинской и Микифоровской Хиѣлева, Егорьевскаго погоста; сотная съ писцовыхъ книгъ г. Вѣжеца (1625 г.); подлинная переписная книга Вѣжецкаго уѣзда (1709 г.) и города Вѣжецкаго - Верха (1710 г.); наконецъ подлинная выпись 1628 — 29 г. съ писцовыхъ книгъ с. Веси-Егонской съ деревнями. Къ этимъ книгамъ А. К. Жизневскій предложилъ архивной Комиссіи присоединить переписанныя подъ его наблюденіемъ копіи со списковъ писцовыхъ книгъ г. Твери 1625 — 1626 г. и 1685 — 1686 г., объ копіи съ алфавитнымъ указателемъ, составленнымъ С. И. Колосовымъ.

Весьма важнымъ пособіемъ для занятій рукописями образовавшагося такимъ образомъ писцоваго архива служатъ, имѣющіеся въ Твери — Публичная Библіотека и мѣстный Музей. Библіотека существуетъ здѣсь съ 1860 года, состоитъ въ вѣдѣніи города и поддерживается городскими средствами. Помѣщеніе ея очень удобно, какъ для книгъ, такъ и для читающей публики. По ея каталогамъ (коихъ два) до 1877 г. въ ней значатся 4,720 названій книгъ, не считая массы періодическихъ изданій. По каждой отрасли науки и особенно по исторіи и археологіи здѣсь можно найти много капитальныхъ сочиненій и притомъ большею частію новѣи-

нихъ. Но уже и при самомъ Историческомъ архивѣ возникла библіотека, необходимая для будущихъ въ неѣ занятій. Началомъ ея послужили присланныя ей въ даръ изданія директора Археологическаго Института Н. В. Калачова, изданія самого Института и нѣкоторыя изданія Императорской Академіи Наукъ. Комиссія обратилась, кромѣ того, и въ другія историческія и археологическія общества а также въ Комиссію Археологическую и Археографическую съ просьбою оказать ей содѣйствіе снабженіемъ ея, для ученыхъ ея работъ, своими изданіями. Что касается до мѣстнаго Музея, то онъ состоитъ при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, но помѣщается въ зданіи губернской гимназіи. Онъ существуетъ съ 1866 года и предназначенъ для храненія въ неѣ образцовъ земледѣльческой, фабричной, заводской и ремесленной производительности Тверской губерніи; далѣе образцовъ естественныхъ произведеній царствъ—минеральнаго, растительнаго и животнаго, а также предметовъ и матеріаловъ относящихся до этнографіи и археологіи Тверской губерніи. По части археологіи музей сталъ обогащаться лишь съ 1872 г., но тѣмъ не менѣе въ неѣ уже имѣются 2,144 рукописи и 2,450 предмета, изъ числа коихъ въ одномъ 1884 году поступило 245 рукописей и 433 предмета. Изъ числа такихъ древностей нѣкоторыя имѣютъ весьма важное значеніе, какъ напр. большой каменный крестъ, найденный въ 1879 году въ Осташковскомъ уѣздѣ, съ слѣдующею надписью, относящеюся къ 1133 году: „(Лѣт)о 6641 (т. е. 1133) мѣся июля 14 днь почяхъ рыти рѣк(у) сю язъ Иванко Павловиць і крестъ съ поставихъ“. Это второй по древности намятникъ съ обозначеніемъ года и надписью послѣ Тмутараканскаго камня (1068 г.). См. его описаніе, сдѣланное г. Жизневскимъ въ „Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества“, т. VIII, стр. 179 — 183. Впрочемъ археологическія богатства Тверской губерніи, на которыя могутъ рассчитывать члены архивной Комиссіи, какъ скоро они примутся за описаніе мѣстныхъ древностей и за самостоятельныя раскопки сохранившихся въ губерніи кургановъ, указаны весьма удовлетворительно въ сочиненіяхъ и статьяхъ г. Борзаконскаго, графа Уварова, Европеуса и Плетнева⁽¹⁾. Съ предме-

(1) Борзаконскаго: «Исторія Тверскаго Княжества»; графа Уварова: «Меряне и ихъ бытъ»; Европеуса: «О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецкаго, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ»; Плетнева: «Описаніе кургановъ, городищъ и древнихъ кладбищъ Тверской губ.».

товъ же находящихся въ церквахъ и монастыряхъ Тверской губерніи, которые не могутъ поступить въ Музей, дѣлаются фотографическіе снимки и А. Б. Жизневскій уже составилъ обширный альбомъ такихъ снимковъ. Между прочимъ въ декабрѣ прошлаго года присланы г. Жизневскимъ въ Археологическій Институтъ на имя Н. В. Калачова фотографическіе снимки съ 3-хъ листовъ Евангелія, хранящагося въ Тверскомъ кафедральномъ соборѣ; оно писано въ Твери въ 1417 году при Тверскомъ В. К. Иванѣ Михайловичѣ, какъ значится на послѣднемъ его листѣ, съ котораго и присланъ фотографическій снимокъ: „Сіе Евангеліе списано бысть въ богоспасаемѣи и преславнѣи градѣ Тѣери въ дому великаго Спаса при благовѣрномъ и благочестивомъ и христолюбивомъ великомъ князи Иванѣ Михайловичѣ повелѣніемъ гдна преосвященнаго Еппа Антонія Тѣфрѣскаго написана рукою многогрѣшнаго раба божія дьяка Иліи. Въ лѣто 6925 (1417) г. индикта 1 мца мая въ 31..... на память святаго Апостола Андроника. Слава всевидцю Свершителю Богу совершающему всяко начинаніе. Аминь“. Эта рукопись, помимо своей древности, замѣчательна также красивыми заставками и заглавными буквами. На сколько Тверской Музей возбуждаетъ интересъ въ обществѣ, показываетъ число его посѣтителей, которое въ 1884 году простиралось до 9624 человекъ; при этомъ большой процентъ падаетъ на крестьянъ, которые въ воскресные дни (отъ 12 до 2 час.) сотнями приходятъ осматривать Музей.

Останавливаясь на этихъ данныхъ, такъ много говорящихъ въ пользу результатовъ, какихъ можно ожидать отъ дѣятельности Тверской ученой архивной Комиссіи, мы не можемъ обойти невольно представляющагося вопроса: гдѣ же будутъ помѣщаться эти такъ быстро накапливающіяся богатства Тверскаго Историческаго архива и при немъ Музея? Увы, этотъ вопросъ составляетъ настоящее *riim desiderium* не только членовъ самой Комиссіи, но и Археологическаго Института. Съ самаго открытія своихъ засѣданій, которыя происходятъ пока въ квартирѣ г. Жизневскаго, члены архивной Комиссіи не перестаютъ интересоваться своимъ будущимъ помѣщеніемъ. Обративъ вниманіе на небольшое зданіе бывшаго мѣстнаго рабочаго дома, Комиссія стала ходатайствовать въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ объ уступкѣ ей этого зданія. Министерство удовлетворило такое ходатайство, но затѣмъ возникло новое затрудненіе: зданіе ра-

бочаго дома въ настоящемъ своемъ видѣ не только недостаточно для помѣщенія въ немъ Историческаго архива съ Музеемъ, но уже тотчасъ требуетъ ремонта и необходимыхъ приспособленій; почему члены Комиссіи обратились въ Археологическій Институтъ съ просьбою объ исходатайствованіи имъ на этотъ предметъ 400 рублей. По мнѣнію же г. Калачова, испрашиваемая сумма (которую онъ вполне надѣется добыть для Комиссіи)⁽¹⁾ если и удовлетворитъ самой настоятельной потребности, но все еще будетъ далеко недостаточна для надлежащаго устройства Историческаго архива; необходимо еще нѣсколько тысячъ для увеличенія настоящаго одноэтажнаго зданія и для возведенія впоследствии втораго надъ нимъ этажа, и вотъ почетнымъ членамъ Археологическаго Института, такъ горячо сочувствующимъ сохраненію въ отечествѣ древностей и устройству его архивовъ, предстоитъ благодарная задача принять на себя такой расходъ. Приятно думать, что какъ всѣ бывшія до сихъ поръ предпріятія Археологическаго Института на общественную пользу ему удавались, такъ и это воззваніе не будетъ тщетно....

Слушатель, кандидатъ Историко-

Филологическаго Института П. Шафрановъ.

⁽¹⁾ Въ счетъ ея Археологическимъ Институтомъ уже отправлено въ Тверскую архивную Комиссію двѣсти рублей. П. Калачовъ.

Возобновленіе зданій древняго Кремля въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, и учрежденіе музея мѣстныхъ древностей.

Въ рядъ событій, какъ знаменательныхъ для любителей и почитателей отечественной старины, такъ и существенно полезныхъ для археологій, мы смѣло можемъ занести на страницы настоящаго изданія 28-е октября 1883 г. и 28-е же октября 1884 г. Въ эти дни совершились въ г. Ростовѣ (Ярослав. губ.) торжественныя освященіе и открытіе вновь возстановленныхъ и реставрированныхъ кремлевскихъ зданій: „*Бѣлой Палаты*“, церкви Григорьевскаго монастыря — „*Затвора*“ и „*Княжскихъ Теремовъ*“.

Помянутыя зданія принадлежатъ къ XVII в. Они возобновлены вполне изначо, и, по указаніямъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, по возможности, въ прежнемъ ихъ видѣ. Въ „*Бѣлой Палатѣ*“, кромѣ того, открытъ для публки съ 28 октября 1883 года музей мѣстныхъ церковныхъ и другихъ древностей съ библіотекою.

Открытая въ 1883 году „*Бѣлая Палата*“ находится въ Ростовскомъ Кремлѣ между бывшимъ архіерейскимъ домомъ, отремонтированнымъ въ 1880 г. подъ духовное училище, и теремами Ростовскихъ удѣльныхъ князей. Постройка зданія „*Бѣлой Палаты*“, а быть можетъ только перестройка онаго, относится ко второй половинѣ XVII вѣка и принадлежитъ бывшему Ростовскому митрополиту Іонѣ Сысоевичу⁽¹⁾. Палата служила трапезною для монашествующей и прочей служащей братіи митрополичьяго дома. Съ перенесеніемъ въ 1787 г. архіерейской кафедрѣ изъ Ростова въ

---

(1) Посвященъ въ Ростовскіе митрополиты патриархомъ Никономъ въ лѣто 7160-е.

Ярославль зданіе „*Бѣлой Палаты*“ было заброшено и въ теченіи сталѣтъ пришло въ разрушеніе. Въ настоящее время возобновленный второй этажъ зданія Палаты вмѣщаетъ въ себѣ двѣ залы: одну, средней величины, примыкающую къ Спасской, что на Сѣвѣхъ, церкви, по прежнему названію „*Отдаточная Палата*“, и другую, бывшую трапезной, подѣ названіемъ „*Бѣлой Палаты*“. Последняя имѣетъ 72 кв. сажени и поражаетъ своею обширностью, а въ особенности высотой; по архитектурѣ она напоминаетъ Московскую Грановитую Палату и не менѣе ея величественна.

Церковь бывшего Григорьевскаго монастыря „*Замора*“, переходы отъ церкви въ „*Бѣлую Палату*“ и „*Княжіе Терема*“, возобновленные къ 28 октября 1884 года, — раздѣляли за послѣдніе сто лѣтъ ту же участь, что и зданіе „*Бѣлой Палаты*“, т. е. подверглись почти полному разрушенію.

Картина этого бывшего запустѣнія и разрушенія Ростовскаго Кремля столь печальна, что тяжело о ней распространяться. Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ тѣмъ, что представлялъ Ростовскій Кремль до 1861 и даже до 1883 года, и что онъ такое теперь, рекомендуемъ прочесть двѣ очень обстоятельныя и подробныя статьи г. *Орлова*, помѣщенныя въ неофициальной части Ярославскихъ губ. вѣдомостей за 1884 годъ, въ № 66, подѣ заглавіемъ „*Бѣлая Палата въ городѣ Ростовѣ, Ярославской губерніи*“ и въ № 84 — „*О возобновленіи древнихъ зданій Ростовскаго Кремля*“, а также два печатные протокола бывшихъ въ Ростовѣ 28 октября 1883 и 1884 годовъ торжественныхъ собраній, по случаю освященія возобновленныхъ зданій.

Мы же ограничимся краткимъ указаніемъ на важность возобновленныхъ храма и теремовъ по отношенію къ соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ и преданіямъ.

Церковь бывшего Григорьевскаго монастыря — „*Замора*“ была первоначально построена еще въ XIV в. Ростовскимъ епископомъ Игнатіемъ ⁽¹⁾ въ бывшей обители Св. Григорія Богослова. Обитель эта была разсадникомъ церковныхъ учителей и знатоковъ греческаго языка; въ ней былъ

---

(1) Поставленъ на Ростовскую епископскую кафедру св. Алексѣемъ митрополитомъ въ 6864-е лѣто.

послушникомъ знаменитый просвѣтитель Пермской Земли Св. Стефанъ; въ ней переводилъ онъ священныя книги на Пермскій языкъ; въ ней же получилъ онъ и санъ іеродіакона.

Древній соборный храмъ обители былъ деревянный и слѣдовъ его, какъ пишетъ въ своей статьѣ г. Орловъ, не осталось. Каменный храмъ, нынѣ возстановленный и изящно реставрированный, постройки позднѣйшей, а именно онъ построенъ тѣмъ же митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Въ „*Княжихъ - Теремахъ*“ при святителѣ Дмитріѣ Ростовскомъ помѣщалось трехклассное духовное училище, о которомъ, какъ извѣстно, митрополитъ особенно радѣлъ. Время основанія „*Княжихъ - теремовъ*“, по замѣчанію г. Орлова, неизвѣстно; по характеру же и особенностямъ постройки зданіе это представляется весьма древнимъ и быть можетъ современно Ростовскимъ удѣльнымъ князьямъ.

Терема соединяются съ „*Отдаточною Палатою*“ глухою каменною галлереею и размѣщены въ двухъ-этажномъ домѣ. Въ верхнемъ этажѣ 4 комнаты и одна небольшая свѣтлая зала надъ воротами кремлевской стѣны.

Возобновленіе описанныхъ зданій съ устройствомъ музея совершилось въ какихъ нибудь полтора года, совершилось по почину частныхъ лицъ съ благословенія мѣстнаго архипастыря высокопреосвященнаго архіепископа Іоаннаана и при просвѣщенномъ содѣйствіи мѣстнаго губернатора Владимира Дмитріевича Левшина, и, что самое знаменательное, — исключительно на средства частныхъ благотворителей и преимущественно изъ мѣстныхъ крестьянъ, горожанъ, купцовъ и дворянъ. Ревность и быстрота, по истинѣ, изумительныя, которыя мы можемъ объяснить только горячею любовью и искреннимъ уваженіемъ мѣстныхъ нашихъ земляковъ къ ихъ родной старинѣ и къ широкому, какъ вполнѣ вѣрно выразился одинъ изъ ораторовъ на бывшихъ въ Ростовѣ торжествахъ, пониманію со стороны руководителей мѣстныхъ горожанъ *духовныхъ потребностей нашего времени*.

При этомъ невольно воспоминается рѣчь Е. В. Барсова, привѣтствовавшего 28 октября 1884 г. ревнителей настоящаго благаго дѣла отъ имени Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. „Вы, милостивые государи“, сказалъ, между прочимъ, Е. В. Барсовъ, — „вправѣ ждать отъ насъ, прежде всего, слова бла-

годарности за совершенный вами подвигъ по возстановленію дорогихъ для всего отечества святынь Ростова. Въ одинъ годъ — и сдѣлать такъ много и при томъ на жертвы частныхъ лицъ, безъ поддержки государственной казны, были въ силахъ только *историческое пониманіе, любовь и энергія*. Не забудутъ вашихъ трудовъ и вашихъ жертвъ грядущія поколѣнія Ростовской земли, когда научатся они понимать самихъ себя. Не забудетъ васъ Русское общество, когда оно выростетъ до потребности историческаго самопознанія. Не забудетъ васъ никогда историческая наука, потому что она живетъ и дышетъ свидѣтельствами исторіи, и чѣмъ они драгоцѣннѣе, тѣмъ выше ея благодарность“!

Кого же благодарить? Чей починъ, чья жертва, кто трудился, кто руководилъ? Вотъ вопросы, которые сами напрашиваются и отвѣчать на которые мы считаемъ для себя пріятною задачею.

Изъ всего, что было до сихъ поръ въ печати заявлено о ходѣ возобновленія Ростовскаго Кремля, изъ личнаго осмотра работъ въ самое время разгара ихъ и изъ личныхъ бесѣдъ съ свидѣтелями трудовъ и заботъ ревнителей о Ростовской старинѣ для насъ несомнѣнно слѣдующее.

Самый энергическій и по послѣдствіямъ своимъ самый плодотворный толчекъ благому дѣлу былъ данъ въ 1880 году. Вотъ что по этому предмету сообщилъ въ своей рѣчи, произнесенной 28 октября 1883 г., дѣйствительный членъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ членъ и секретарь Комиссіи по возобновленію „*Бѣлой Палаты*“ А. А. Титовъ. 28 октября 1880 г., при открытіи въ Ростовѣ Дмитріевскаго духовнаго училища, г. Титовъ, въ качествѣ предсѣдателя мѣстной земской управы, сопровождалъ губернатора Вл. Дл. Левшина при обзорѣнн развалинъ Ростовскаго кремля. Жалкую картину разрушенія представляла тогда „*Бѣлая Палата*“. Въ нее было трудно войти, вездѣ былъ мусоръ; въ „*Отдѣлочной Палатѣ*“ оба свода, и верхній и нижній, почти совсѣмъ провалились. Во время этого осмотра, губернаторъ, узнавъ отъ г. Титова, что уроженцы г. Ростова, томскіе потомственные почетные граждане братья Евграфъ и Всеволодъ Ивановичи *Королевы* пожертвовали три тысячи рублей на отстройку земской больницы, предложилъ г. Титову снестись съ жертвователями, на тотъ конецъ, не пожелаютъ ли они возстановить зданіе „*Бѣлой Палаты*“. Королевы выразили полную

готовность и съ ихъ пожертвованія свыше шести тысячъ рублей дѣло о возобновленіи Палаты пошло въ ходъ и столь быстро и успѣшно, что съ начала 1883 г. уже приступлено было къ работамъ. Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо думать, что вплоть до 1880 года Ростовскіе горожане оставались вполне равнодушными къ постепенному разрушенію мѣстнаго древняго Кремля и въ особенности къ запустѣнію святыхъ кремлевскихъ храмовъ. Еще въ 60-хъ годахъ Ростовскій купеческій сынъ Иванъ Ивановичъ *Храниловъ*, при помощи Д. М. *Плещанова* и М. А. *Хлебникова* возстановили въ Кремлѣ четыре церкви: Воскресенья Христова, Смоленской Божіей Матери Одигитріи, Всемилостиваго Спаса, что на Свѣтѣхъ, и Апостола Іоанна Богослова. Затѣмъ Ив. Ив. *Храниловъ*, сдѣланный ктиторомъ возстановленныхъ церквей, имѣлъ намѣреніе реставрировать и прочія Кремлевскія здапія, и, въ видахъ предохраненія ихъ отъ дальнѣйшей порчи, позаботился покрыть нѣкоторые изъ нихъ крышами и оштукатурить часть ихъ наружныхъ стѣнъ. Смерть однако помѣшала *Хранилову* привести въ исполненіе задуманное имъ намѣреніе. Затѣмъ въ 1880 г., при денежномъ участіи города Ростова, возстановленъ архіерейскій домъ, въ которомъ жилъ нѣкогда Святитель Димитрій. Домъ этотъ былъ приспособленъ къ помѣщенію въ немъ духовнаго училища. Кромѣ того, еще гораздо ранѣе, а именно въ 1848 г., обнаружился порывъ Ростовскихъ горожанъ къ возстановленію „*Княжихъ - Теремовъ*“. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ данныхъ, чтобы ярче выставить условія, при которыхъ выразился этотъ порывъ. Намъ извѣстно только, что для возобновленія теремовъ была открыта подписка, по которой и было собрано 2,110 руб. Деньги эти хранились безъ употребленія сначала въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, а потомъ въ Государственномъ Банкѣ и съ наросшими процентами возрасли до суммы 4,900 руб. Обнаруженіе этой суммы и ея истребованіе опять не обошлось безъ энергической дѣятельности мѣстнаго губернатора В. Д. *Левшина*.

Возстановленіе Ростовскихъ кремлевскихъ здапій и образованіе мѣстнаго музея древностей обошлось около 20 тысячъ рублей, не считая пожертвованій вещами и уступокъ подрядчиковъ, принявшихъ на себя каменные, штукатурныя, столярныя и малярныя работы.

Первыми и по суммамъ наиболѣе важными жертвователями мы должны

поставить вышеупомянутых братьевъ Евграфа и Всеволода Ивановичей *Королевыхъ*, Всеволода и Капитона Александровичей *Мамлиныхъ*, Алексѣя Леонтьевича *Кекина*, крестьянина Ростовскаго уѣзда Звѣринцевской волости Ивана Алексѣевича *Рулсва*, почетную гражданку Елисавету Дмитриевну *Мамлину* и *А. А. Соловьева*. О музеѣ наиболѣе порадили Ростовскій уѣздный предводитель дворянства Дмитрій Александровичъ *Булатовъ*, купцы *Корзинкины* и братья *Королевы*. Въ спискахъ жертвователей мы встрѣчаемъ также: *А. П. Селиванова*, *Н. А. Ксенева*, Московскихъ гражданъ: *А. М. Попова*, *В. Д. Кошкина*, *И. С. Титова* и *А. И. Лыжина*, Ростовскаго купца *П. А. Галанина* и другихъ.

Работами по возстановленію и реставрированію зданій занималась особая Коммиссія подъ предсѣдательствомъ губернатора. Въ составъ Коммиссіи въ разное время входили: Иванъ Александровичъ *Вахрамеевъ*, Дмитрій Александровичъ *Булатовъ*, Иванъ Александровичъ *Шляковъ*, бывшій Ростовскій городскій голова *Е. Н. Хомяковъ*, *А. А. Титовъ*, *Н. О. Орловъ*, *А. П. Селивановъ* и священникъ отецъ *Василій Мансветовъ*. Высокопреосвященный Иоаннаанъ состоялъ все время почетнымъ членомъ Коммиссіи.

Со стороны Императорскаго Московскаго археологическаго общества руководителями и пособниками были: покойный графъ *А. С. Уваровъ*, вице-предсѣдатель общества *В. Е. Румянцовъ*, архитекторы: *А. П. Поповъ*, *В. И. Сизовъ* и *Иосифъ Ивановичъ*. Не мало пользы было оказано Коммиссіи и Ярославскимъ губернскимъ архитекторомъ *И. Ф. Яровицкимъ*.

Благодаря перечисленнымъ выше начинателямъ дѣла, жертвователямъ, распорядителямъ и руководителямъ, мы, въ настоящее время, имѣемъ нѣсколько новыхъ памятниковъ гражданскаго и церковнаго зодчества второй половины XVII вѣка и мѣстный музей церковныхъ древностей съ собраніемъ древнихъ рукописей и книгъ, касающихся исторіи Ростово - Суздальской земли.

Это-ли не существенный вкладъ въ науку отечественнаго бытописанія и археологіи? Не менѣе важно и то, что благому примѣру гор. Ростова, быть можетъ, послѣдуютъ и другіе мѣстные историческіе центры нашего сложнаго и обширнаго, но по духу народному единаго православнаго отечества. Какъ бы ни были сравнительно богаты историческими данными наши центральные склады Москвы и С.-Петербурга, они уже только потому, что

центральные на всю Россію, а слѣдовательно и общіе, — не могутъ вызывать того горячаго сочувствія и заботъ, которыми пользуются мѣстные склады или музеи отъ мѣстныхъ собственно жителей. Въ такомъ однако сочувствіи и въ такихъ заботахъ лежатъ залогъ полноты и цѣлесобразности историческихъ музеевъ. По глубокому нашему убѣжденію, всякій историческій памятникъ долженъ прежде всего послужить къ освѣщенію данныхъ болѣе конкретныхъ, касающихся извѣстнаго лица, извѣстной семьи, рода, мѣстности, народа и эпохи, а затѣмъ уже такой памятникъ, сливаясь съ однородными ему по содержанію, формѣ или времени, вступаетъ въ роль матеріальной единицы или одного изъ показателей для разрѣшенія вопросовъ уже болѣе общихъ, касающихся исторіи цѣлой страны, ея народа и государства. Отсюда не только полезны, но существенно необходимы мѣстные музеи. Появленіе такого новаго музея мы и привѣтствуемъ.

Новый этотъ мѣстный историческій музей намъ удалось посѣтить въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1884 г., и уже тогда по описи значилось въ немъ не много менѣе 1000 нумеровъ, причеиъ нерѣдко за однимъ нумеромъ были показаны цѣлыя коллекціи. Основу предметнаго музея составляютъ коллекціи, пожертвованныя въ него Ростовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства г. *Булатовымъ*, и церковная утварь, доставленная изъ церковей Ярославской епархіи по распоряженію мѣстнаго владыки, разрушившаго всѣ древніе церковные предметы, не употребляемые уже болѣе въ богослуженіи, хранить не при церквахъ, а доставлять ихъ въ музей «*Бѣлой Палаты*».

Музей имѣетъ три отдѣла: церковныхъ предметовъ, рукописей и книгъ и нумизматики.

Въ первомъ отдѣлѣ мы видѣли не мало древнихъ антиминсовъ, ковчеговъ, дарохранилищъ деревянныхъ и металлическихъ, крестовъ, лампадъ, подсвѣчниковъ, хоругвей, вѣнцовъ, священническихъ фелоній древняго покроя изъ самыхъ простыхъ тканей, иконъ древняго греческаго письма и т. п.

Въ археографическомъ отдѣлѣ, по даннымъ упоминаемыхъ выше статей г. Орлова, заслуживаютъ особаго вниманія: древле - славянская псалтырь Симоновская 1280 г.; евангеліе на престольное 1575 г.; требникъ 1646 г.; книга дѣяній Апостольскихъ 1653 г.; Уложеніе царя Алексѣя

Михайловича, въ рукописи XVII в. и келейный лѣтописецъ святителя Дмитрія XVIII вѣка.

Музей посѣщается публикою весьма усердно: съ 1-го по 20-е февраля сего года, какъ видно изъ № 4 Ярославскихъ губ. вѣдомостей за текущей 1885 г. — музей посѣтили 4144 человекъ, или среднимъ числомъ по 200 въ день. Наибольшее число посѣтителей пало на 17-е февраля — воскресенье; ихъ было 1100 человекъ. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что періодъ времени съ 1 — 20 февраля совпалъ съ ежегодно бываемою въ Ростовѣ ярмаркою.

Быстрое возникновеніе музея, вызванный имъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ и преподаваніе сему музею Святѣйшимъ Синодомъ особаго Устава — даютъ намъ право предполагать, что дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе Ростовскаго музея болѣе или менѣе упрочены. Уставъ музея при семъ прилагается.

Заканчивая настоящій краткій очеркъ, мы позволяемъ себя выразить наше желаніе, чтобы Ростовскій историческій музей, все болѣе и болѣе обогащаясь предметами, не забывалъ-бы при посредствѣ періодически печатаемыхъ систематическихъ каталоговъ или описей знакомить публику съ хранящимися въ немъ историческими данными и матеріалами.

Уроженецъ г. Ярославля Н. Н. Селифонтовъ.

24-го марта 1885 г.

Утвержденъ Св. Синодомъ 9-го января и 8-го февраля 1885 г.

УСТАВЪ

Ростовскаго музея церковныхъ древностей.

1. Ростовскій музей церковныхъ древностей, помѣщающійся въ Бѣлой Палатѣ и Княжихъ Термахъ Кремля, состоитъ подъ покровительствомъ Пресвященнаго Ярославскаго.

Примѣчаніе. Потомственные почетные граждане Всеволодъ и Евграфъ Ивановичи Королевы состоятъ пожизненно почетными попечителями музея.

2. Музей собираетъ и хранитъ предметы древне-русскаго церковнаго зодчества и служитъ цѣлямъ Братства Св. Дмитрія Ростовскаго, наложеннымъ въ Уставѣ Братства.

3. Музей состоитъ подъ наблюденіемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

4. Непосредственное управленіе музеемъ поручается Комитету, подъ предсѣдательствомъ Ярославскаго губернатора, изъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, проживающихъ въ гг. Ростовѣ и Ярославлѣ.

5. Комитетъ приглашаетъ къ участію въ своихъ трудахъ и другихъ лицъ, съ званіемъ членовъ почетныхъ и членовъ сотрудниковъ, выбираетъ изъ среды своей товарища предсѣдателя, секретаря, казначея и хранителя музея на общихъ основаніяхъ.

6. Комитетъ можетъ, съ разрѣшенія преосвященнаго и губернатора, устроить публичныя засѣданія и научныя чтенія о мѣстныхъ церковныхъ и гражданскихъ древностяхъ.

Татарскій шлемъ, найденный на Куликовомъ полѣ, принесенный въ даръ Музею Археологическаго Института Н. А. Ивнскимъ.

Давно уже Куликово поле служитъ неизсякаемымъ рудникомъ древностей, конечно почти исключительно принадлежащихъ къ предметамъ военнаго вооруженія древней Россіи и тѣхъ народовъ которые подъ начальствомъ „темника“ (1) Мамаи принимали участіе въ знаменитой битвѣ 8 сентября 1380 года. Тѣмъ не менѣе предметовъ древности, найденныхъ на Куликовомъ полѣ весьма не много въ нашихъ музеяхъ. Этотъ, странный съ перваго взгляда, фактъ объясняется тѣмъ, что изъ оружія, найденнаго на мѣстѣ Куликовской битвы крестьянами близлежащихъ деревень только очень малая часть поступаетъ въ руки археологовъ, большая же часть его или теряется, переходя отъ одного невѣжественнаго владѣльца къ другому, или же передѣлывается крестьянами въ предметы домашней утвари и, слѣдовательно, также погибаетъ для науки. Тѣмъ болѣе поэтому для насъ должны быть драгоценны тѣ немногія древности Куликова поля, которыя, часто обязанныя своимъ сохраненіемъ только счастливому случаю, достигаютъ наконецъ древлехранилища государственнаго или частнаго, гдѣ ихъ существованіе не подвергается опасности и гдѣ онѣ могутъ историкъ и археологу доставить матеріалъ для изученія. Такимъ, счастливо уцѣлѣвшимъ отъ истребленія, памятникомъ „Мамаева побоища“ является въ настоящемъ случаѣ прекрасно сохранившійся, кромѣ, впрочемъ, надписей, татарскій шлемъ, отысканный на Куликовомъ полѣ и пожертвованный И. А. Ивнскимъ въ нашъ Институтъ. По формѣ своей онъ принадлежитъ къ „мисюркамъ“ или мисюрскимъ шапкамъ, роду шлемовъ, состоящихъ изъ желѣзнаго блюдечка, болѣе или менѣе плоскаго, покрывающаго верхъ головы, у котораго вокругъ краевъ привѣшена кольчуга,

(1) Русское слово темникъ есть испорченное татарское выраженіе **تومان باشلی** начальникъ десяти тысячъ воиновъ.

спускающаяся на лобъ и на шею, для закрытія ихъ отъ ударовъ. Предполагаютъ, что шлемы эти перешли въ Россію изъ Египта, называющагося у арабовъ *эль мисръ* *المصر* и что отъ этого слова произошло самое названіе мисурки. Кольчуга мисурки называлась *бармицей*, уменьшительнымъ отъ *бармы*. Происхожденіе послѣдняго слова такъ же не вполне выяснено. Оленинъ⁽¹⁾ производитъ его отъ греческаго *πάρμη*⁽²⁾ (лат. *parma*) — щитъ, или отъ персидскаго *برم* *берме* — защита. Другіе производятъ сл. *барма* отъ греч. *βάρμηα*⁽³⁾ — тяжесть, вѣсъ. Но такъ какъ большая часть названій предметовъ вооруженія и одежды въ древней Руси была взята изъ арабскаго языка (частью черезъ посредство татаръ во время ихъ ига, а частью прямо отъ арабовъ во времена торговли съ ними волжскихъ славянъ) то мы вправѣ и въ этомъ случаѣ предполагать арабскій этимонъ для слова *бармы*. Такой этимонъ можно видѣть въ араб. реченіи *برام* *барамъ* = „*pars materiae quae torquetur in funem*“⁽⁴⁾.

Бармица на нашей мисуркѣ склепана „на гвоздь“ по техническому выраженію старинныхъ описей оружія, то есть каждое кольцо свернуто изъ короткой проволоки, съ однимъ расплюснутымъ концемъ, имѣющимъ дырочку, въ которую пропущенъ другой конецъ ея, заостренный и загнутый подъ прямымъ угломъ, а затѣмъ, чтобы предупредить возможность разрыва кольца, заклепанный въ дырчѣ. Иногда встрѣчаются старинныя русскія кольчуги склепанныя на два гвоздя, но это бываетъ только на очень тяжелыхъ бронеяхъ съ большими кольцами. Наша бармица, какъ многія ей подобныя, имѣетъ самую толстую кольчугу на томъ мѣстѣ, гдѣ приходился затылокъ воина ее носившаго.

Тѣмъ не менѣе, на этой части ея замѣтны двѣ дыры, одна въ полвершка, другая въ четверть вершка въ діаметрѣ, повидимому, сдѣланныя

(1) Рязанскіе древности, стр. 18.

(2) См. объ этомъ родѣ щитовъ соч. Н. Dodwell'я: *De parma equestri Woodwardiana dissertatio*. Oxonii, 1743. 8°.

(3) *√* *bar*, *ber*, выражающій идею тяжести, давшій въ санскр. *bhārgan* — ноша, тяжесть, въ зенд. *bageman* (съ эпенет. *e*), въ слав. *Бремлѣ*.

(4) *Freitag: Lexic. arab. -lat. ed. mai. T. I* стр. 114 кол. 2. Существительныя разнаго рода, происшедшія отъ глагола *برم* (крутить, свертывать) всѣ обозначаютъ въ арабск. яз. предметы, сдѣланные изъ чего либо свернутого, носимые на различныхъ частяхъ тѣла въ видѣ ободка. Такъ напр. *بريم* *баримъ* 1) веревочка, которую женщины носятъ на рукѣ или въ видѣ пояса, 2) амулетъ для дѣтей противъ глазной болѣзни. 3) Кольцо у алжирцевъ (*Dozy: Suppl. aux dict. arabes t. I* стр. 78 кол. 1). Глаголъ *برم* встрѣчается, какъ заимствованный изъ арабскаго языка, и въ еврейскомъ языкѣ *בְּרַמַּ*

острымъ колющимъ оружіемъ въ родѣ чекана или зирра-бука, употреблявшагося для ломанія колець лансырей. Около обѣихъ дыръ кольчуга заржавѣла, можетъ быть отъ крови, если воинъ былъ убитъ или раненъ черезъ эти два отверстія. Самую тонкую броню представляютъ концы бармицы, запахивавшіеся на груди сверхъ латы или кольчуги и потому не дѣлавшіеся изъ толстыхъ колець.

Діаметръ мисюрки $3\frac{5}{8}$ верш., длина бармицы $9\frac{1}{4}$ верш., съ боковъ и сзади, и $2\frac{1}{8}$ верш. на лбу. На этомъ мѣстѣ она „пушена мѣдью“ параллельными вертикальными полосами; привязана она къ мисюркѣ латунной проволокой, очевидно уже послѣ того какъ найдена была на Куликовомъ полѣ.

Съ паружной стороны мисюрка параллельными кругами, наведенными золотомъ, раздѣлена на два полса, въ которыхъ золотомъ же, хотя нѣсколько бѣловатаго цвѣта, указывающаго на серебряную лигатуру, вписаны легенды. Шрифтъ ихъ арабскій—*несхи*—довольно правильный и красивый, на сколько это можно заключить изъ тѣхъ, вполнину уничтоженныхъ ржавчиною буквъ, которыя еще можно видѣть въ верхней строкѣ, окружавшей репей съ еловцемъ или кольцо, вырваннаго изъ мисюрки, вѣроятно во время сраженія и оставившія небольшую дыру. Верхняя строка почему то сохранилась нѣсколько лучше нижней, поэтому я и началъ съ нея дешифровку.

Такъ какъ надписи, находящіяся на восточномъ оружіи обыкновенно заключаютъ стихи изъ корана, то я старался примѣнить для прочтенія ихъ тотъ способъ, который часто въ эпиграфій и въ нумизматикѣ даетъ прекрасные результаты, а именно, способъ чтенія а ргіогі, состоящій въ предварительномъ предположеніи, на основаніи разныхъ умозаключеній, о содержащемся въ надписи раньше ея прочтенія и, затѣмъ уже, въ провѣркѣ своего предположеннаго чтенія посредствомъ дешифровки самой надписи.

Предположительно разобравъ одно какое либо слово въ верхней надписи мисюрки, какъ болѣе явственно видной чѣмъ нижняя, я старался подыскать въ коранѣ фразу, которой оно принадлежало бы, если бы надпись составляла цитату изъ этой книги ⁽¹⁾. Но, не смотря ни на какія усилія,

(1) Для этого я пользовался литографированнымъ трудомъ Мирзы Каземъ Бека «Полный кодексъ корана», содержащій весь арабскій текстъ его, въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ употребленныхъ въ немъ словъ.

старанія мои остались тщетны, можетъ быть потому, что надписи на мисюркѣ, въ противность обыкновенію, не взяты изъ корана, а можетъ быть и вслѣдствіе того, что онѣ, весьма мало сохранившіяся вообще, по отсутствію, такъ называемыхъ, дѣкретическихъ точекъ, а также и по нарушенной ржавчиною связи между ними, не могли быть вѣрно мною прочтены.

Все что можно заключить изъ надписей нашей мисюрки, это то, что языкъ ихъ арабскій, на что указываютъ оканчивающія фразу въ верхней строкѣ слова *كمل له*. Нижняя строка, раздѣленная тремя арабесковыми украшеніями на три части и еще гораздо хуже сохранившаяся чѣмъ верхняя, представляетъ однако же слѣды вокализации, которой, повидимому, совсѣмъ не было въ верхней надписи. Единственное слово, не представляющее сомнѣнія въ чтеніи на нижней строкѣ это *جلل*, но о значеніи его трудно что либо сказать положительнаго по отсутствію самой фразы, къ которой это слово принадлежитъ. По всей вѣроятности, это, написанное съ довольно часто встрѣчающимся на эниграфическихъ памятникахъ опущеніемъ *эмифа* — удлинненія, собственное имя Джелалъ ед-динъ *جلال الدين*.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

Царскія врата церкви села Монастырщины близъ Куликова поля.

Помѣстивъ въ предыдущей статьѣ описаніе шлема, найденнаго на Куликовомъ полѣ, Редакторъ Археологическаго Вѣстника считаетъ вполне умѣстнымъ познакомить его читателей съ другою, священною притомъ, древностью, уцѣлѣвшею не только въ мѣстности близъ Куликова поля, но, по преданію, даже присланною для церкви находящагося близъ него села Монастырщины великому князю Дмитрію Донскому Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Эта древность — Царскія врата означенной церкви, найденныя случайно графомъ А. В. Олсуфьевымъ и доставленныя имъ зимою прошлаго года въ Петербургъ, чтобы придѣлать къ нимъ соответствующій иконостасъ. Послѣдній исполненъ нынѣ, въ древнемъ стилѣ, гражданскимъ инженеромъ Н. В. Султановымъ и Государю Императору благоугодно было пожертвовать его въ упомянутую церковь.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя сообщаетъ пока г. Султановъ какъ о дверяхъ, имъ реставрированныхъ, такъ и объ изготовленномъ по его проекту иконостасѣ съ соответствующими имъ иконами. „Двери — говоритъ онъ — представляютъ собою гладкую, мелкую, по липовому дереву, византійскаго характера рѣзьбу, которая, по своей тонкости и древности, превосходитъ все, что сохранилось въ нашихъ музеяхъ по этой части. Самый иконостасъ, въ виду небольшихъ размѣровъ придѣла, для котораго онъ предназначенъ (всего 5 арш. въ ширину), а также простоты, свойственной иконостасамъ той эпохи, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: а) по срединѣ — древнія Царскія врата съ аркой или такъ называемымъ „тѣломъ“ и карнизомъ („коруной“) на верху; направо — копія съ образа Спасителя, кото-

рымъ, по преданію, Св. Сергій благословилъ Дмитрія на битву съ Мамаемъ; налѣво — копія съ иконы Донской Божіей Матери; надъ иконою Спасителя — главная праздничная икона — Рождество Богородицы; надъ иконою Богоматери — копія съ иконы Св. Сергія, которая находится въ Троицкой Лаврѣ и представляетъ древнѣйшее изображеніе этого угодника; направо и налѣво отъ мѣстныхъ иконъ — сѣверныя и южныя двери съ изображеніями архангеловъ Михаила и Гавріила. На царскихъ вратахъ въ кіотцахъ — Евангелисты и Благовѣщеніе; надъ ними — Св. Троица, причащеніе подъ обоими видами и Денеусъ. Изображеніе Евангелистовъ и Иисуса Христа въ Денеусъ — копія съ миниатюръ рукописнаго Евангелія XIV — XV вѣка Императорской Публичной бібліотеки; всѣ остальные — копія съ древнихъ иконъ христіанскаго музея Академіи Художествъ⁴.

Литовскія языческія божества.

Помѣщаемая ниже легенда записана по моей просьбѣ въ Волковышскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи тамошнимъ приходскимъ учителемъ *Н. Л. Кречинскимъ* и любезно доставлена мнѣ. Почтенный г. Кречинскій, издавна мнѣ извѣстный — русскій человекъ по происхожденію, прожилъ всю свою 60-ти лѣтнюю жизнь среди Литовцевъ, основательно изучилъ ихъ языкъ и напечаталъ въ Вильнѣ, въ различныхъ изданіяхъ Виленскаго Учебнаго Округа, нѣсколько любопытныхъ сказаній и извѣстій, касающихся Литовскаго племени.

Сообщаемая легенда, интересная по своему содержанію, важна для насъ и въ томъ отношеніи, что сохраняется до сихъ поръ въ народной памяти *здѣшнихъ* (Сувалкскихъ) Литовцевъ, почти совсѣмъ позабывшихъ свои народныя преданія и легенды, свою старину, въ печальную противоположность своимъ единоплеменнымъ собратіямъ, Жмудинамъ. Проживая въ 60-ти годахъ въ центрѣ Святой Жмуди въ г. Тельшахъ, Ковенской губерніи, я имѣлъ возможность убѣдиться, что среди тамошняго населенія рѣзко сохранились слѣды прежней его жизни, не утратилась память о прошломъ: тамъ безъ большаго труда можно было собрать нѣсколько любопытныхъ легендъ и народныхъ пѣсенъ, подмѣтить много чисто мѣстныхъ обычаевъ, бытовыхъ и юридическихъ. Совсѣмъ не то представляетъ здѣшнее литовское населеніе. Не говоря уже о Литовцахъ, попавшихъ въ Пруссію и насквозь опѣмеченныхъ, даже и здѣсь, въ губерніи Сувалкской, гдѣ, не смотря на многолѣтнее давленіе со стороны Польши, литовскій народъ говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, все-таки онъ почти совсѣмъ утратилъ все

старинное, литовское, позабылъ свои народныя обычаи и преданія, не поетъ болѣе своихъ народныхъ пѣсенъ. Исключенія составляютъ только не совсѣмъ еще забытыя здѣсь позднѣйшія „кантычки“ — пѣсни религіознаго содержанія, — здѣсь рѣдко, весьма рѣдко удается — и то по какой нибудь счастливой случайности — услышать и записать какую нибудь народную пѣсню или преданіе, подмѣтить какой нибудь народный обычай, здѣсь скудна добыча для археолога и этнографа. Тѣмъ болѣе благодарны мы почтенному старинному сослуживцу нашему г. Кречинскому за доставленіе этой легенды.

Поч. членъ В. Лялинъ.

Суваляки.

I.

Лаумесъ, Лаздона, Крумыне, Лайма.

Слѣдующіе рассказы удалось мнѣ собрать объ этихъ божествахъ. Это были молодыя дѣвушки, обитательницы лѣсовъ, а чаще кустарниковъ, откуда назывались *Лаздона*, *Крумыне* (отъ слова *лаздинасъ* — орѣховый кустъ и *крумасъ* — густой кустарникъ) — шалуньи и плутовки предосудительнаго поведенія, относившіяся недружелюбно къ человѣческому роду. Онѣ обыкновенно подкарауливали въ лѣсу молодыхъ мужчинъ и соблазнили ихъ; тѣ, не имѣя возможности противостоять ихъ прелестямъ, предавались съ ними чувственнымъ удовольствіямъ, послѣ чего эти лѣсныя камеліи хватили за руки и за ноги блѣднаго и истощеннаго ихъ сладострастіемъ юношу (*яумыкисъ бернайтисъ*), качали его въ воздухъ и щекотали нерѣдко до смерти, если же онъ, послѣ этого удовольствія, оставался въ живыхъ, отпускали его домой. Иногда пробирались онѣ въ хаты деревенскихъ жителей черезъ отверстія въ дверяхъ, особенно черезъ дыру, оставшуюся послѣ выпавшаго сука, отыскивали прялки и пряжу (*верталасъ*), пряли на нихъ и портили нитки, предаваясь своимъ шалостямъ, или садились за станокъ — *стаклесъ*, и путали приготовленныя для тканья на немъ нити. Если этотъ шумъ будилъ хозяина или хозяйку, которые начинали честить ненужныхъ посѣтительницъ ругательствами и проклятіями, онѣ уничтожали и пряжу и то, что было приготовлено на станкѣ и убирались во свояси. Су-

щества эти, по своимъ дѣйствию, сходны съ *Аудромъ*, о которомъ будетъ сказано ниже. Случалось иногда осмотрительному земледѣльцу поймать одну, двѣ, или нѣсколько такихъ лѣсныхъ дѣвущекъ. Для достиженія этого онъ поступалъ такимъ образомъ. Ожидая посѣщенія ихъ, онъ дѣлалъ гвоздь изъ ольховаго дерева, прятался въ сѣняхъ — *премыне* — и ожидалъ ихъ прихода; лишь только являлись онѣ, онъ впускалъ ихъ черезъ отверстіе въ дверяхъ въ избу и потомъ затыкалъ это отверстіе крѣпко-накрѣпко приготовленнымъ гвоздемъ; если не находили дыры въ окошкѣ, пойманныя, такимъ образомъ, *лаумесъ* или наказывались за всѣ свои предъидущія шалости и безобразія ударами рябиновой вѣтки, или, что случалось чаще, задабривались просьбами и подарками дабы напередъ не вредили. Слѣды того мнѣнія между Литовцами, что Лаумесъ, имѣя мужей или любовниковъ, похищенныхъ изъ числа прохожихъ по лѣсной дорогѣ, имѣли иногда дѣтей, которыхъ сейчасъ же послѣ рожденія давили или бросали въ огонь, проявляются въ особенной пляскѣ, сопровождаемой пѣніемъ, которую удалось мнѣ видѣть на крестьянскихъ свадьбахъ. Отрывокъ изъ словъ пѣсни привожу здѣсь. Пляска эта совершается слѣдующимъ образомъ: толпа дѣвущекъ взявшись за руки устраиваетъ хороводъ и весело кружится подъ подходящую музыку; одна изъ дѣвущекъ, одѣтая въ платье стараго покроя замужней женщины, съ полузавязанными глазами, въ мужской бараньей шапкѣ⁽¹⁾ и съ бѣлымъ полотнянымъ платкомъ (*райштисъ*) въ рукѣ, въ раздумьи пертится внутри круга. Всѣ дѣвушки, составляющія кругъ, начинаютъ съ акомпаниментомъ скрипокъ пѣть вѣстѣ слѣдующія слова:

Лауме! Лауме! Куръ надѣйя вироњъ?
Лауме! Лауме! Куръ надѣйя вироњъ?

Въ то время когда начинается эта пѣсня, находящаяся въ кругу дѣвушка останавливается, снимаетъ шапку, преклоняется къ землѣ, громко плачетъ (*рауда*) и стряхиваетъ слезы въ шапку, послѣ чего начинаетъ ходить кругомъ, пока не прекратится пѣніе, затѣмъ, не пережѣвля положенія, отвѣчаетъ жалобно затягивая:

Вироњъ маріой нускондынау.
Буръ каладѣ ужритынау. (2 раза).

---

(1) Шапка съ широкимъ сѣрымъ бараньимъ околышемъ, съ большою на веру кистью.

Дѣвушки хоромъ продолжаютъ:

Скенскъ иръ пати драугѣ.

Скенскъ иръ пати драугѣ!

Вслѣдъ затѣмъ *Лаума* гордо приподнимается, отдергиваетъ повязку съ глазъ, надѣваетъ шапку и, подбоченясь, съ насмѣшливымъ видомъ пляшетъ и поетъ:

Ашъ пати не скенсю̀

Сава бродинъ лейсю. (2 раза).

Дѣв. Лауме, Лауме, куръ падѣй вайкусь?

Лау. Вайкусь сава пагавау,

Ыръ по печяусъ пашавау.

Дѣв. Линскъ иръ пати драугѣ. (2 раза).

Лау. Ашъ пати не линсю̀,

Сава сесеринъ лейсю!

Вотъ почти подстрочный переводъ этихъ пѣсенъ:

Дѣв. Лауме, Лауме, куда упрятала ты мужа?

Лауме. Въ волнахъ моря погрузила,

Тяжкимъ камнемъ придавила.

Дѣв. Утопай съ нимъ вмѣстѣ.

Лауме. Утонать не хочу,

А лучше брата пошлю.

Д. Лауме, Лауме, куда ты спрятала дѣтей?

Л. Я дѣтей собрала⁽¹⁾

И въ огнѣ ихъ сожгла⁽²⁾

Д. Ступай⁽³⁾ же вмѣстѣ туда

Л. Съ ними вмѣстѣ не пойду,

Но сестру свою сведу,⁽⁴⁾ и т. д.

Литовскія понятія объ этихъ лѣсныхъ дѣвахъ имѣютъ много общаго

---

(1) Ближайшій переводъ: сватила.

(2) Въ печь бросила

(3) Полезай.

(4) Пошлю.

съ Русскими и Малороссійскими представленіями о русалкахъ. Иногда *Лаумы* являлись, согласно нѣкоторымъ Литовскимъ рассказамъ, въ видѣ дикихъ козъ (*стырна*), которыя похищали у матерей грудныхъ младенцевъ мужскаго пола, уносили ихъ въ лѣса и питали тамъ молокомъ собственныхъ сосцевъ. Поэтому нѣкоторыя окаменѣлости, находящіяся на берегахъ рѣкъ въ пескѣ, извѣстныя въ естественной исторіи подъ названіемъ *белемитовъ*, которыя по формѣ походятъ на козьи сосцы, на Литовскомъ языкѣ носятъ названіе — *Лаумесъ папай* ⁽¹⁾. Въ духѣ тѣхъ же понятій Лаумы мучили ѣздой лошадей, поэтому если находятъ утромъ измученную лошадь, говорятъ: *Лаумѣ іонъ, рейкѣ шарконъ арклининке пакабинты* (пакарты) — Лауме ѣздитъ, слѣдуетъ повѣсить въ конюшнѣ сороку. Причина же этого обстоятельства очевидна — дурной присмотръ или болѣзнь лошади, а иногда ночныя шалости батраковъ. Одно насѣкомое изъ семейства перепончатокрылыхъ — *Libellula depressa* носитъ слѣдующее названіе на Литовскомъ языкѣ — *Лаумесъ жиргасъ* (жиргасъ — верховая лошадь).

Извѣстная конская болѣзнь, въ которой лошадь сильно потѣетъ и дрожитъ, приписывается на Жмуди Лаумѣ, а на Литвѣ прямо чорту, которые въ ночное время ѣздить на ней верхомъ. Для излеченія этой болѣзни поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ конюшнѣ съ вечера зажигаютъ восковую свѣчу, освященную въ день Срѣтенія (Громницы), 2 февраля, и опрокидываютъ надъ нею новый глиняной горшекъ. Хозяинъ лошади съ вечера спрятавшись сидитъ въ конюшнѣ вблизи горшка, подъ которымъ горитъ свѣча, вооружившись рябиною палкою. Какъ только лошадь станетъ топтать ногами, онъ поднимаетъ горшекъ и на лошади является какое-то существо: не то котъ, не то медвѣдь, не то пѣтухъ, что то неопредѣленное, какъ и слѣдуетъ быть сыну тьмы и врагу рода человѣческаго. И тутъ начинается расправа съ чортомъ за даровую ѣзду. Черта бьютъ рябиною палкою, считая за каждый ударомъ — разъ, разъ, разъ... Но если бьющій, забывши, скажетъ два, то чортъ въ одинъ моментъ исчезаетъ, оставляя сильный запахъ сѣры.

Слѣды божества Лауме остаісь на Жмуди до настоящаго времени.

---

(1) Сосцы Лаумы.

Въ Тельшевскомъ уѣздѣ, въ Сядскомъ приходѣ, вблизи исторической горы — *Лука Кална* ⁽¹⁾, есть мѣстность называемая Лауме. Нѣкто Урбановичъ, владѣлецъ участка земли въ этой мѣстности, рассказывалъ мнѣ, что у него захворала лошадь и онъ замѣтилъ, что лошадь ночью страшно потѣла. Не смотря на всѣ употребляемыя имъ средства, лошадь не выздоравливала. Онъ, по совѣту сосѣдей, повѣсилъ въ конюшнѣ убитую сороку, но это средство только облегчило болѣзнь, а лошадь все-таки потѣла и тощала. Наконецъ, какой то нищій носовѣтовалъ ему поискать въ конюшнѣ, нѣтъ ли тамъ въ стѣнѣ или потолокѣ бревна, съ котораго въ лѣсу еще на пнѣ содрана была кора. Урбановичъ дѣйствительно нашелъ такое бревно и выбросилъ, и лошадь выздоровѣла ⁽²⁾. Все вышесказанное убѣждаетъ насъ, что *Лауме* не есть названіе передѣланное изъ *Лайма*, какъ думали Крашевскій и Нарбутъ. *Лайма*—слово употребляемое и до сихъ поръ въ Литовской рѣчи, въ переводѣ означаетъ счастье, прибыль, судьбу, поэтому говорятъ: *Лаймею жасеіоклее* — повозло мнѣ въ рыбной ловлѣ. Быть можетъ *Лайма* было божество счастья, впрочемъ не случилось мнѣ замѣтить никакого преданія объ этомъ, кромя пословицы, находящейся въ общемъ употребленіи на Жмуди: *Тейнъ лайме леме* — такъ судилъ рокъ (такъ хотѣла судьба).

II.

Жальтисъ ⁽³⁾, Гивайтосъ ⁽⁴⁾, Раупеме ⁽⁵⁾.

Лѣтописцы ошибочно называютъ *Гивайтосъ* почитаемыхъ когда-то въ Литвѣ ужей; *Гивате*, напротивъ, означаетъ ядовитыхъ змѣй (*Coluber*, *Berus*, *Vipera*), которыхъ, принимая въ расчетъ ихъ ядовитыя свойства, всегда ненавидѣли, хотя въ настоящее время ихъ, въ сушеномъ видѣ, употребляютъ какъ испытанное лекарство при воспалительной опухоли, которой страдаютъ лошади и рогатый скотъ. На западной сторонѣ Европы почти нѣтъ настоящихъ ужей, между тѣмъ какъ ядовитыхъ змѣй чрезвычайно большое количество. Мнѣ извѣстно нѣсколько разновидностей:

(1) Есть преданіе, что на этой горѣ былъ городъ, о чемъ собраны мною свидѣнія.

(2) Быть можетъ въ этомъ бревнѣ гнѣздились наѣкомы, которыми, забившись въ шерсть лошади, мучили ее.

(3) Ужъ. — (4) Змѣя. — (5) Жаба.

небольшая кирпичнаго цвѣта, серебристая, желто-сѣрая и бархатисто-черная, при томъ разсказываютъ еще о совершенно бѣлой небольшой тонкой змѣѣ, которую чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить и которая водится въ скотныхъ сараяхъ, въ конюшняхъ. Я припоминаю, что подобную змѣю мнѣ случилось видѣть въ Вилейскомъ уѣздѣ въ виѣннѣ Храпачовѣ, бывшемъ когда-то старосты Лопацинскаго, а въ настоящее время принадлежащемъ Ржевускимъ: змѣя была непельнаго цвѣта и убита въ конюшнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы, на Полѣсьѣ и въ Малороссіи неприкосновенно сохраняютъ водяныхъ ужей (*Coluber natris*), которые водятся въ плотинахъ и старыхъ строеніяхъ. На Жмуди о домашнихъ ужахъ я слышалъ слѣдующій разсказъ: это были уродливыеужи, похожіе на ящерицы: они имѣли большую голову, неуклюжее, бородавчатое грязно-зеленое туловище съ четырьмя когтистыми ногами и длиннымъ хвостомъ. Они до того свыкались со своими хозяевами, что безопасно валялись на столахъ и ѣли молоко вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми. Вмѣстѣ съ ними водворялось счастье въ домѣ⁽¹⁾, почему бить или убивать ихъ значило накликать бѣду и даже внезапную смерть обитателямъ дома. Подобное представленіе вида этихъ домашнихъ гадовъ произошло, по всей вѣроятности, по поводу большаго количества ящерицъ, пресмыкающихся вблизи домовъ, въ особенности построенныхъ недалеко отъ лѣса. А можетъ быть съ ящерицами на Жмуди случилось тоже, что съ Василискомъ (*Lucerta Basiliscus*) и Дракономъ (*Lucerta draco*), мирными обитателями Азіи и Африки: необузданная фантазія поэтовъ создала изъ нихъ чудовищныя существа съ равно чудовищными свойствами. Не благопріятствовалъ ли въ доисторическія времена климатъ на Жмуди размноженію крокодиловъ, которые впоследствии при другихъ климатическихъ условіяхъ и усиленномъ народонаселеніи перевелись, равно какъ бобры, слѣды которыхъ остались въ названіи рѣки *Бабрума*; послѣдній бобръ, по разсказамъ старожиловъ, лѣтъ тому назадъ 80, убитъ въ рѣкѣ Вырвѣтѣ, при впаденіи оной въ рѣку Вѣнту. Впрочемъ нельзя сглаго отвергать существованія въ то отдаленное доисторическое время оставшихся въ преданіи четвероногихъ ужей, въ подтвержденіе чего присовокуплю, что въ 1871 г. въ г. Тельшахъ, на берегу озера Мастисъ, вблизи бани мѣ-

---

(1) Ужи не терпятъ шума—въ которомъ домѣ постоянныя ссоры и драки, отсюда они уходятъ.

щанина Мончинскаго, вода выбросила еще живаго четвероногого ужа грязно-зеленаго цвѣта; былъ-ли онъ прямой потомокъ обожаемыхъ языческою Жмудью ужей или только игра природы, — трудно рѣшить. Нужно прибавить, что мѣстность по ту сторону озера отъ г. Тельши состоитъ изъ кочковатой болотистой трясины, совершенно удобной къ размноженію всякаго рода гадовъ.

Рупуже. Стоятъ жабы подъ стѣною и поломъ, особенно передъ дождемъ, послужилъ, многимъ легковѣрнымъ, средствомъ многихъ таинственныхъ, часто бессмысленныхъ предсказаній. Ее ненавидятъ и питаютъ къ ней отвращеніе, впрочемъ также какъ и вышеозначенную ядовитую змѣю высушенную употребляютъ какъ лекарство противъ тѣхъ же болѣзней, а въ особенности противъ паршей на головѣ⁽¹⁾.

О почитаніи божества *Рупуже* Нарбутъ позаимствовалъ свѣдѣнія изъ одной хроникѣ. Трудно рѣшить чѣмъ могло столь безобразное, отвратительное, безвредное, всѣми ненавидимое и неприносившее въ то время никакой пользы⁽²⁾ животное заслужить божескія почести.

III.

Гардеольдіисъ, Пэргрубасъ, Курхо, Пэрдоите, Пэрдоитусъ, Юдиме, Эжеринисъ.

Для изображенія божества водъ литовскіе мифологи придумали различныя названія. По Ласицкому литовское божество водъ называлось *Гардозлесъ*, по Нарбуту: *Гардеольдіисъ*, *Пэрдоитэ*, *Пэрдоитусъ*, *Юдиме*, *Атримпосъ*, *Атимпэ*, *Андрасъ* (*Аудрасъ*), *Патримпасъ*, *Атропасъ*, *Эжеринисъ* и проч. По тому же писателю, жрецами божества водъ были языческіе духовные *симоноты*⁽³⁾. Ни одно изъ упомянутыхъ наименованій не относится къ названію божества водъ. Если же у жмудиновъ было

⁽¹⁾ Безобразіе жабы послужило Жмудинамъ ругательнымъ эпитетомъ. Нельзя ничѣмъ такъ оскорбить Жмудина, какъ назвать его *рупуже* — жабой.

⁽²⁾ Хотя въ настоящее время и признава польза доставляемая жабой, но врядъ-ли были между язычниками-литвинами занимавшіеся изслѣдованіемъ природы.

⁽³⁾ Языкъ жмудскій чуждъ слова *симоноты*; если было въ іерархіи жмудское духовное лицо равнозвучное слову *симоноты*, то это было не *симоноты*, а *жмивуасъ* (отъ глагола *жмивити*, *жмивити* — шагати) — ходокъ, скороходъ, путешествующій духовный.

божество водъ, то оно называлось *Граудушисъ*, потому что и въ настоящее время жмудины, особенно живущіе на берегу Балтійскаго моря, вспоминаютъ о какомъ то таинственномъ существѣ, называемомъ *Граудушисъ*; божество это, если можно его такъ назвать, извѣстно также подъ названіями *Марю понсъ* — господинъ, владыка морей; *Маріунъ Каралюсъ* — король морей, *Эжерунъ понсъ*, *Эжерунъ Каралюсъ* — владыка, король озеръ. Полангенскіе рыболовы пояснили мнѣ, что *Граудушисъ*, независимо распоряжаясь моремъ, живетъ на днѣ неизмѣримой глубины водъ въ янтарныхъ чертогахъ, на янтарномъ тронѣ. Жмудины, если кто нибудь утонетъ, обыкновенно говорятъ: *Граудушисъ нускондыно*, *Граудушисъ интрауке вонденингъ*, *паромздыно Граудушисъ* — Граудушисъ утопилъ, втащилъ въ воду, погрузилъ Граудушисъ. Рыболовы рассказываютъ, что передъ наступленіемъ бури, во время лова рыбы, замѣчали поднимающагося изъ воды *Граудушиса* въ видѣ чудовищнаго человѣка; вслѣдъ за этимъ явленіемъ поднимается столбъ воды и разыгрывается буря, появленіе которой они приписываютъ дѣйствию *Граудушиса*, который, поднимался съ своего трона, волнуетъ воду⁽¹⁾. Во время бури на Балтійскомъ морѣ мнѣ самому случилось видѣть играющихъ тюленей, которые, высовываясь до половины изъ воды, показываютъ свою тонкую старообразую морду, которая при сильномъ колебаніи воды и при вечернемъ слабомъ освѣщеніи горизонтально падающими лучами солнца, издали напоминаетъ старообразное лицо женщины. Не лишнимъ считаю прибавить, что слово *граудусъ* означаетъ закаленный, ломкій, хрупкій. По повѣрію жмудиновъ, обитающихъ въ окрестностяхъ Полангена на берегу Балтійскаго моря, *Граудушисъ* жилъ въ то отдаленное время, когда еще черти жили по сосѣдству съ людьми на землѣ. Къ одному изъ чертей *Граудушисъ* поступилъ въ услуженіе, съ условіемъ, что если онъ не исполнитъ въ точности приказанія хозяина, то послѣдній сниметъ съ него девять полосъ кожи. Чортъ же съ своей стороны въ награду за службу обѣщалъ дать *Граудушису* 9 сѣкъ⁽²⁾ денегъ. Однажды

---

(1) Дѣйствительно случается, что на морѣ, во время штала, когда вода представляетъ подвижную металлическо-блестящую массу, вдругъ съ быстротою молніи выскакиваетъ изъ воды высокій столбъ и тутъ же разыгрывается буря.

(2) Мѣра, равняющаяся четвертику.

чортъ послалъ *Граудушиса* пахать землю, и, по окончаніи работы, велѣлъ пашенныхъ воловъ пустить на болотѣ въ окрестностяхъ Полаигена. *Граудушисъ*, окончивъ работу, погналъ воловъ въ г. Мемель и тамъ продалъ. Возвратясь домой, сказалъ чорту, что онъ землю вспахалъ, а воловъ пустилъ кормиться на указанномъ болотѣ, но, къ несчастію, воли провалились въ болото и только хвосты видны. Чортъ возразилъ: „Это еще не бѣда, у меня есть дѣдушка, который и сотню воловъ вытащить изъ болота“. Вотъ они втроемъ отправились на то мѣсто, гдѣ паслись и провалились воли. Пришедши туда, и, ухвативши чортъ за одинъ хвостъ, а дѣдушка чортовъ за другой, дружно рванули; но тутъ со всего размаху упали навзничь съ хвостами въ рукахъ. Полагая, что хвосты оторвались, а воли погрузились въ болотѣ, отправились домой, не подозрѣвая продѣлки *Граудушиса* въ этомъ дѣлѣ. На другой день чортъ послалъ *Граудушиса* въ лѣсъ за дровами. *Граудушисъ*, не зная мѣстности, спросилъ у чорта куда ему ѣхать; чортъ указавъ на собачку, сказалъ: „поѣзжай въ слѣдъ за нею“. *Граудушисъ*, запрягши лошадь, сталъ слѣдить куда направится собака. Собака побѣжала по двору, проскользнула между частоколомъ; *Граудушисъ* направился за нею и, не думая долго, разрубивъ на части какъ лошадь, такъ и телѣгу, просунулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролезла собака между частоколомъ. Такое буквальное исполненіе приказанія, хотя и разсердило чорта, но онъ притворился спокойнымъ. На третій день чортъ, выходя къ сосѣду въ гости, приказалъ *Граудушису* вымыть дѣтей и стеречь двери у амбара, дабы кто нибудь, залезши въ оныя, не обокралъ. Послѣ ухода чорта, *Граудушисъ*, вскипятивъ котелъ воды, подбрасывалъ туда чертенятъ и, обваривъ ихъ въ кипяткѣ, вынулъ, вымазалъ смѣтаной и поставилъ въ комнатѣ на окошкѣ. Послѣ, вынувъ двери изъ амбара, отправился туда гдѣ гулялъ его хозяинъ. Пришедши туда, сталъ на дворѣ противъ окошекъ; прислуга, пировавшая по примѣру своего хозяина, замѣтивъ *Граудушиса*, стала приглашать въ избу попить съ ними, но онъ отказался говоря, что хозяинъ велѣлъ ему караулить двери и что онъ не смѣетъ ихъ оставлять ни на минуту. Между тѣмъ, чортъ, примѣтивъ *Граудушиса*, спросилъ его, какъ онъ смѣлъ оставить безъ присмотра амбаръ? *Граудушисъ* пояснилъ, что чортъ приказалъ ему смотрѣть за дверями и что онъ принесъ таковыя съ собою и не отступалъ отъ нихъ ни на шагъ. Вернувшись домой и, нашедши дѣтей мертвыми,

чортъ сталъ бранить Граудушиса, который, въ свою очередь, спросилъ чорта не сердится ли онъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что сердится и недоволенъ имъ, Граудушисъ сталъ требовать уговоренныхъ денегъ. Чортъ медлилъ и придумывалъ какъ бы увернуться отъ уплаты. Граудушисъ, зная гдѣ стояли въ мѣшкахъ деньги, зарылся въ одною изъ нихъ. Чортъ, не догадавшись куда дѣвался Граудушисъ, взвалилъ на плечи тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ Граудушисъ и давай удирать съ нимъ въ лѣсъ. Наконецъ, таща мѣшокъ, усталъ и, желая отдохнуть, бросилъ его на землю. Граудушисъ, ударившись о землю, крикнулъ, а чортъ, услыхавъ голосъ Граудушиса, испугался и убѣжалъ куда глаза глядятъ. Граудушисъ, посмѣявшись надъ чертомъ, взялъ мѣшокъ съ деньгами и построилъ на нихъ корабль, на которомъ и по настоящее время развѣзжаетъ по Балтійскому морю, въ особенности у береговъ Полангена.

Теперь постараюсь объяснить другія названія, приписываемыя лѣтописцами божеству водъ: *Гардоэтэсъ*, *Гардэольдисъ*, *Гардоайтисъ*. По всему вѣроятію слова эти перековерканы изъ составнаго слова *гардасъ* — ясли, *эльдыя* — древнее названіе рыбацкѣй лодки, по большей части большаго размѣра⁽¹⁾. На зиму рыболовы свои лодки, преимущественно небольшаго размѣра, ставятъ въ скотскія хлѣва и конюшни и въ нихъ кладутъ кормъ для скота и лошадей, такимъ образомъ лодка *эльдыя* преобразовывается въ ясли — *гардасъ*. Съ наступленіемъ весны эти импровизованныя ясли вытаскиваютъ на берега водъ. Мѣсто въ конюшнѣ, на которомъ стоятъ такія лодки, называется *гардаете*; по всему вѣроятію, изъ этого слова произошли исковерканныя выраженія — *гардунитисъ*, *гардоитисъ* и т. д. Если же эти импровизованныя ясли были маленькаго размѣра и помѣщались въ овчарнѣ, то таковыя назывались *гардагелда*, т. е. корытцо для кормленія овецъ⁽²⁾. Жмудины въ хлѣвахъ для кормленія скота ставятъ иногда большія плетенныя изъ прутьевъ корзины, называемыя *гурбасъ* (до-

---

(1) Въ настоящее время рыбацкя лодка называется *валытисъ*.

(2) Слово *гардасъ* означаетъ отгороженное мѣсто, по большей части безъ крыши, куда въ старину загоняли овецъ. Слѣды употребленія этого слова можно только найти въ книгахъ, печатанныхъ въ XVI вѣкѣ. Въ настоящее время овчарня по латовски *авине*, *авиниче*, по жмудски *авиникисъ*.

класъ), мѣсто же подъ корзиною называется *паурбисъ* отъ слова *турбисъ*, *паурбисъ*; названія эти отнесены лѣтописцами къ числу жмудскихъ божествъ, подъ названіемъ *Пэртрубе*, *Пэртрубя*. По Нарбуту божеству *Пэртрубію* были ввѣрены сады и цвѣтники; послѣдній говоритъ, что божество *Пэртрубе* было еще извѣстно подъ названіемъ *Грубите* отъ слова *губіасъ* — садъ, цвѣтникъ; тутъ какъ и вездѣ видно незнаніе Нарбутомъ литовскаго языка, вслѣдствіе чего перековеркались слова. *Губіасъ* слово, какъ по окончанію, такъ и по значенію, не литовское; садъ, по жмудски — *соднасъ*, цвѣтникъ — *руту даржелисъ* или прямо *даржелисъ*. Слова: *Атримнасъ*, *Атимпсъ*, *Патримнасъ*, *Атропасъ* и *Андрасъ* (Аудрасъ) объяснены выше.

Остается еще объяснить слова: *Пэрдоите*, *Пэрдоитусъ*, *Юдима* и *Ежеренисъ*. Первые два не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія. Вѣроятно кто нибудь, зная страсть Нарбута всякія неизвѣстныя слова помѣщать въ число литовскихъ божествъ и, желая поднудить надъ его незнаніемъ литовскаго языка, продиктовалъ ихъ. Объяснять эти слова въ печати неудобно — можно только прибавить, что онѣ получили начало отъ греческаго глагола *περδομαι*. *Юдима* слово не жмудское; есть слово *іоудимасъ* — чернота и *юдимасъ* — движеніе, наприм. водъ, но эти нарицательныя существительныя не были никогда божествами, какъ равно и *ежеренисъ* — озерный, напр. *ежеринасъ вежысъ* — озерный ракъ.

Кромѣ описанныхъ божествъ, ксендзь Юцевичъ, въ своемъ описаніи Литвы (*Litwa*), упоминаетъ о богиняхъ *Челтичи*, *Ундыны* и божествѣ *Дзиссвитсъ* (*Dziwswits*). Въ настоящее время не осталось никакихъ воспоминаній о подобныхъ существахъ; изобрѣтеніе ихъ можно приписать воображенію ксендза Юцевича.

О монетахъ, поступившихъ въ Музей Археологическаго Института отъ Э. О. Розенбаума.

Согласно сказанному въ № 1 нашего „Вѣстника“, даемъ въ настоящемъ выпускѣ его болѣе подробное описаніе монетъ, найденныхъ, какъ уже было оповѣщено, во время экспедиціи генерала Скобелева противъ Текинцевъ, въ могилахъ древнихъ кургановъ Нислу, вблизи селенія Батыръ, въ 15 верстахъ къ западу отъ Асхабадъ.

Всѣхъ монетъ въ Институтъ доставлено г. Розенбаумомъ 55. Это собраніе представляетъ любопытный образчикъ почти всѣхъ тѣхъ древнихъ монетныхъ серій, которыя встрѣчаются обыкновенно въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, какъ при раскопкахъ, такъ и при случайныхъ открытіяхъ кладовъ туземцами.

Самая древняя монета этой находки драхма Филиппа II Македонскаго, котораго монеты, какъ извѣстно, биты въ очень большомъ количествѣ и весьма хорошаго серебра, были распространены во всемъ древнемъ мірѣ, а потому находятся теперь весьма часто.

Еще большее распространеніе и извѣстность имѣли въ древности монеты его сына Александра Великаго, такъ какъ были биты на громадномъ пространствѣ его имперіи во всѣхъ нѣсколько значительныхъ городахъ, продолжавшихъ ихъ выпускать въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже послѣ его смерти. Рѣдкая находка монетъ въ средней Азіи, поэтому, не заключаетъ одной или нѣсколькихъ, обыкновенно, серебряныхъ монетъ великаго завоевателя. Нашъ кладъ заключаетъ только одну его полудрахму, не представляющую ничего замѣчательнаго.

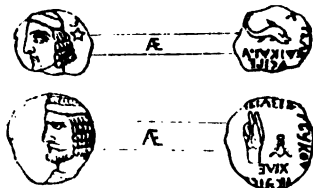
Ближайшимъ къ средней Азій діадохомъ изъ четырехъ его преемниковъ былъ Селевкъ I, давшій имя свое династїи Селевкидовъ. Его монеты также часто попадаются въ Туркестанѣ и въ собраніи Розенбаума представлены однимъ діоболомъ, изъ серебра, пятью полухальками, халькомъ и тремя лептами. Монетъ послѣдующихъ царей его династїи всего три а именно: одна, почти совсѣмъ стершаяся, тетрадрахма Антиоха II Θεοσα и два полухалька, также въ плохомъ видѣ, Антиоха IV. Но спеціально свойственными средней Азїи являются всетаки, представляющія высокій интересъ не только для археолога, но и для историка, монеты Бактріи, освободившейся отъ власти Селевкидовъ при Антиохѣ II и начавшей бить свою монету при Діодотѣ, бывшемъ губернаторомъ селевкидовъ въ бактрійской провинціи, но отложившимся отъ нихъ и принявшимъ титулъ царя. Только въ самое послѣднее время обнаружена была цѣлая серія бактрійскихъ монетъ, воплѣвшихъ бывшихъ неизвѣстными старымъ нумизматамъ временъ Экеля. Въ находкѣ нашей только одна бактрійская монета — тетрадрахма Геліокла, соправителя, а впоследствии преемника Евкратида, царствовавшего въ Бактріи въ первой половинѣ втораго вѣка. Геліоклъ на ней изображенъ въ діадемѣ съ короткими волосами, безъ бороды и усовъ, обращенный вправо. На оборотѣ Зевсъ Κεραύνιος и надпись Βασιλέως Ηλιοκλέους (1). Еще въ самое недавнее время монеты этого царя считались крайне рѣдкии, но теперь многія находки ихъ значительно умѣньшили рѣдкость и цѣну ихъ. Вместе съ бактрійскими въ Туркестанѣ встрѣчаются еще монеты другого нѣкогда могущественнаго народа Азїи — парянъ, образовавшихъ отдѣльное государство, освободившихся почти въ одно время съ Бактріею отъ власти Селевкидовъ. Монетъ, первыхъ Арсакидовъ, Арсака I и его брата Тиридата а также сыновей послѣдняго Артабана и Фраапата, въ находкѣ Розенбаума не заключается, но болѣе половины всѣхъ послѣдующихъ царей Парей въ ней представлены. По царствованіямъ онѣ располагаются слѣдующимъ образомъ:

---

(1) Подобная монета издана Саллетомъ въ его сочиненіи *die Nachfolger Alexanders d. gross*, стр. 103.

Фраатъ I	1 драхма
Митрадатъ I	2 мѣдн. мон.
Митрадатъ II	2 мѣдн. —
Фраатъ III	1 драхма
Митрадатъ III	1 драхма
Ородъ I	8 мѣдн. мон.
Фраатъ IV	5 мѣдн. —
Готерзесъ	1 тетродр. и 1 мѣдн. мон.
Пакоръ II	1 мѣдн. мон.
Митрадатъ IV	2 мѣдн. —
Вологезъ III	2 мѣдн. —
Вологезъ IV	1 мѣдн. —
Вологезъ V	1 мѣдн. —
Вологезъ VI	1 мѣдн. —
Артабанъ V	1 мѣдн. —
Артаваздъ	1 мѣдн. —
Хосрой	1 мѣдн. —

Среди этихъ монетъ двѣ мѣдныя монеты Орода I оказались неизданными. Вотъ ихъ рисунки и описаніе.

№ 1. Л. Голова царя съ короткою бородою и усами влѣво въ діадемѣ. Волоса длинныя, завитыя рядами.

О. Кисть правой руки, обращенная ладонью съ прижатимъ къ ней большимъ пальцемъ. Въ полѣ монограмма Α, вокругъ расположенная четвероугольникомъ легенда:

ΒΑΣΙΛΕΥΣ (ΒΑΣΙΛΕΩΝ) (Α)ΡΣΑΚΟΥ (Δ)ΙΚΑΙ(ΟΥ) †ΙΛΕ
(ΛΗΝΟΣ)

№ 2. Л. Тоже изображеніе, но нѣсколько меньшее. Сзади головы полумѣсяцъ и подъ нимъ звѣзда.

О. Дельфинъ, плывущій вправо. Вокругъ ..... (ΒΑΣΙ)Λ
(ΕΩΝ) (Α)ΡΣΑΚ(ΟΥ) (Ε)Υ ΕΙΓΕ (ΤΟΥ) ΔΙΚΑΙΟΥ.

6*

Въ легендахъ первой монеты замѣчательно употребленіе пельвійскаго ω вмѣсто греческой альфы при совершенной правильности начертанія прочихъ буквъ. Такая погрѣшность пельвійскаго и греческаго алфавитовъ уже намъ извѣстна, но только на монетахъ послѣднихъ арсакидовъ, на которыхъ иногда появляются и чисто пельвійскія надписи.

Преимниковъ Арсакидской династіи Сассанидовъ въ нашей находкѣ только три серебряныя монеты Сапора II, Пируза и Хосроя, уже извѣстныя по изданію Бартоломея.

Но самую интересную и рѣдкую монету собранія г. Розенбаума составляетъ большая тетрадрахма скинскаго народа Саковъ, жившаго на мѣстѣ теперешнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Она имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе головы Аэинки въ шлемѣ, обращенной вправо, на оборотѣ же ея изображенъ священный индійскій быкъ зебу, опустившійся на колѣна, также обращенный вправо. Надъ нимъ короткая легенда, которую графъ Прокешъ-Остенъ, первый издавшій подобную нашей монету⁽¹⁾, читаетъ САК, и относитъ поэтому эти тетрадрахмы къ Сакамъ. Голова Аэинки здѣсь очевидно скопирована съ аэинскихъ тетрадрахмъ, типы которыхъ, какъ извѣстно, часто принимались для своихъ монетъ варварскими народами, такъ какъ аэинскія деньги, имѣвшія большое распространеніе среди азіатскихъ народовъ, весьма охотно принимались торговцами на рынкахъ за чистоту и полновѣстность ихъ металла. Арханчскій стиль въ изображеніи головы Паллады, свойственный монетамъ Аэинъ переданъ на нашей монетѣ граверомъ вполне удачно, не смотря на всю грубость исполненія.

Кромѣ перечисленныхъ монетъ въ древнему чекану относятся въ приношеніи г. Розенбаума только двѣ монеты—малая имперіальная греческая бронза Гордіона Пія со стершимся мѣстомъ чеканки и весьма маленькая аэпиграфическая монета изъ серебра, обыкновенно относимая къ городу Херсонесу Бритскому. Остальныя четыре монеты мусульманскія. Одна изъ нихъ шаха Сефи II, битая въ Ховейзѣ, двѣ другія Худейра хана Коканскаго и, наконецъ, четвертая нынѣ царствующаго хана Сеида Мухаммеда Рахима Хивинскаго.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

⁽¹⁾ Denkschr. d. K. Acad. d. Wissensch. Philos.-hist. Cl. IX t. (Wien) 1858, стр. 331, таб. II, рис. 24.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы. По опредѣленію Московской Городской Думы собранные и изданные руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина. Часть первая. Изданіе Московской Городской Думы. Москва, Московская Городская типографія, 1884 г.

Одно уже заглавіе новаго обширнаго изданія, предпринятаго Московской Городской Думой и знаменитое имя археолога, которому поручено его составленіе, должны возбудить не только въ каждомъ Москвичѣ, но и въ каждомъ Русскомъ самыя радостныя чувства по поводу великаго дѣла, задуманнаго и уже приводимаго въ исполненіе нашей первопрестольной столицей. Да, по истинѣ великое дѣло — дать ясное и точное, неподлежащее никакому возраженію понятіе о Москвѣ, о ея значеніи и судьбѣ, какъ историческаго города, какъ центра Государства, вмѣщавшаго въ себѣ нѣкогда все его величіе и силу, а теперь — что бы ни говорили о правительственной власти нашей сѣверной столицы — всетаки составляющей сердце Россіи, котораго біеніе, радость и страданія чутко отдаются на всемъ ея необъятномъ протяженіи, во всѣхъ ея концахъ и окраинахъ. Намъ-ли однако говорить болѣе на эту тему, когда передъ читателемъ раскрыто драгоценное предисловіе ко всему труду, предисловіе, рисующее съ неподкупною правдою все бывшее Москвы, не только отражающееся въ

внѣшней ея новизнѣ, но безъ сомнѣнія предрѣшающее и далекое будущее русскаго государства. Пусть однако выяснятъ читателю эту мысль не наши слова, а глубокія какъ черты рѣзца выводы автора на вѣковѣчномъ мраморѣ исторіи Москвы.

„Москва-городъ“ — такъ начинается свое предисловіе г. Забѣлинъ — въ русской исторіи и въ русской народной жизни достигъ своей всенародной, а затѣмъ и всемірной славы великимъ подвигомъ и трудомъ, какъ неутомимый, дальновидный и заботливый хозяинъ-строитель русскаго государства, которое въ первыя два столѣтія прямо такъ и называлось *Московскимъ Государствомъ* и въ этомъ имени распространило по свѣту давнюю, но тогда уже забытую славу древняго русскаго имени. То могущественное бытіе русскаго народа, которое въ X и XI столѣтіяхъ именовалось *Русью*, съ рожденіемъ Государевыи Москвы стало именоваться *Москвою*, и въ европейскихъ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, съ XVI столѣтія, не знали другаго имени для указанія русской земли и русскаго народа. Отсталыя народности и племена, на востокъ и на западъ, живущія преданіями и исторією XVI и XVII столѣтій, и до сихъ еще поръ прозываютъ русское государство — *Москвою*. Здѣсь и сохраняется достойнѣйшая похвала и слава исторической Москвѣ, какъ возстановительницѣ древней русской силы и славы, собравшей разсыпанную Русь въ единую державу, привлекая ея къ единому сердцу, дабы единствомъ жизни и мысли сильнѣе и прямѣе идти къ независимому политическому національному существованію, за которымъ необходимо слѣдовалъ и прямой *просторный* и свободный путь къ общечеловѣческому совершенствованію или прогрессу“.

„Со славою начавши свое дѣло, Москва достопамятно и закончила свою исторію, породивши русскому народу и государству новаго руководителя, знаменитаго, нигдѣ неслыханнаго и нигдѣ невиданнаго плотника Петра, вмѣстившаго въ своемъ одномъ лицѣ всѣ лучшія прогрессивныя мысли, идеалы и стремленія прежнихъ *Московскихъ* государей и всѣхъ прежнихъ *Московскихъ* людей, тѣхъ передовыхъ людей, которые существовали и въ допетровской Руси и также горячо желали лучшаго устройства и лучшаго порядка для русской жизни“.

„Исторически достопамятный городъ, не менѣе и до сихъ поръ славенъ своими внутренними, всенародными силами промышленной и торговой жизни,

служя основнымъ средоточіемъ русскаго промышленнаго и работающаго движенія во всѣхъ видахъ и родахъ“.

„Исторія такого города, конечно, крайне любопытна и во многомъ должна быть поучительна не для однихъ Москвичей, но и для всѣхъ просвѣщенныхъ людей, знающихъ цѣну историческимъ міровымъ явленіямъ, изъ числа которыхъ невозможно теперь исключить Русскую Народность и ея Государство, созданное прежде всего тою же Москвою. Здѣсь чувствуется присутствіе какой-то особой необычайной и, можно сказать, стихійной народной силы, которая не только возродила городъ на своемъ мѣстѣ, по природному положенію не особенно значительномъ, но въ продолженіи столѣтій, не смотря ни на какія погубительныя невзгоды, сохраняла этотъ городъ и не одинъ разъ изъ пепла и праха снова воссоздавала его въ новой красотѣ и жизненности“.

„Откуда, изъ какихъ историческихъ, мѣстныхъ географическихъ и бытовыхъ началъ происходила и собиралась эта сила и сколько способствовала и дѣйствительно ли способствовала самый городъ развитію и укрѣпленію этой силы, своимъ нравомъ и обычаями или особымъ, ему только свойственнымъ складомъ жизни, и не былъ ли самый городъ только новымъ выразителемъ болѣе древнихъ старозавѣтныхъ русскихъ стремленій создать себѣ государственное, всенародное могущество“?

„Все это вопросы, достойные особаго вниманія и съ общенсторической точки зрѣнія, а для Москвы они выражаютъ самое существо ея исторіи“.

И вотъ авторъ изображаетъ намъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ постепенное строеніе Москвы. Городской составъ ея, замѣчаетъ онъ, весь сложенъ изъ памятниковъ ея исторіи. «Ея Кремлевская святыня, ея круговыя стѣны, каждое ея урочище, каждый храмъ, каждая улица и площадь хранятъ въ себѣ цѣлыя повѣсти о радостяхъ и печаляхъ города, о его тревогахъ въ дни бѣды и общаго горя, о его торжествѣ въ славные дни одолѣнія враговъ или избавленія отъ наступавшей гибели». — «Нѣ сожалѣнію», прибавляетъ онъ, «эти повѣсти мало намъ извѣстны, да и самую исторію Москвы мы знаемъ только съ одной, такъ сказать, завоевательной ея стороны, которую въ добавокъ представляемъ не въ рыцарскомъ благородномъ, какъ обыкновенно и односторонне изображаютъ свою исторію европейцы, но въ печальномъ и грубомъ видѣ всяческихъ Московскихъ

насилій и волокять, какъ будто только это одно и осталось для нашей памяти».

Воскресить однако это прошлое съ надлежащею полнотою можетъ только глубокое изученіе Москвы по означеннымъ памятникамъ. Пока она, какъ государство, дѣлала свое дѣло, трудно было писать ея исторію, и лишь съ того времени, какъ заслонилъ ее Петербургъ своимъ значеніемъ и властью, она стала интересовать спеціалистовъ по русской исторіи своей исторической судьбой, и тутъ впрочемъ она должна была уступить пальму первенства сѣверной столицѣ, такъ что первое ея, собственно историческое описаніе было издано въ 1774 году, стихотворцемъ А. Сумароковымъ, подъ заглавіемъ: Краткая Московская лѣтопись. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно начинается рядъ историческихъ изданій, какъ общихъ для всей Москвы, такъ и специальныхъ для отдѣльных ея частей и памятниковъ. На нихъ останавливается и г. Забѣлинъ съ особеннымъ вниманіемъ, признавая нѣкоторыя изъ нихъ имѣющими важное значеніе и въ настоящее время, въ особенности трудъ И. М. Снегирева, изданный въ типографіи Семена, съ роскошными хромо-литографическими рисунками, которые печатались въ Парижѣ съ оригиналовъ, исполненныхъ художникомъ-археологомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, подъ заглавіемъ: „Памятники Московской древности.“ Трудъ этотъ издавался выпусками и впоследствии замѣненъ новымъ ихъ изданіемъ, сначала при содѣйствіи г. Снегиреву архитектора А. А. Мартынова, а затѣмъ однимъ послѣднимъ, подъ заглавіемъ: „Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города“, 2 т. Всѣ эти изданія представляютъ однако лишь начатки того огромнаго труда, который предстоитъ г. Забѣлину по составленію полнаго описанія Московской старины и ея памятниковъ. Но добросовѣстный авторъ самъ называетъ намъ главнаго виновника порученнаго ему великаго дѣла.

Честь указанія на необходимость новаго подробнаго и полнаго описанія Москвы принадлежитъ гласному Московской Городской Думы Н. А. Найденову, который выяснилъ важное значеніе этого труда въ засѣданіи 25 мая 1877 года. Указаніе это было поддержано полнымъ сочувствіемъ тогдашняго городского головы С. М. Третьякова. Послѣ разныхъ происходившихъ по такому необычайному для Думы, какъ чисто научному, предмету соображеній и преній, Дума приняла для предстоящаго изданія про-

грамму, составленную г. Забѣлинымъ, которому я поручила руководство всѣмъ дѣломъ. Основываясь на этой программѣ и въ полной увѣренности, что она будетъ строго выполняться подъ вѣдѣніемъ такого знатока Московской старины какъ г. Забѣлинъ, считаю долгомъ познакомить читателей съ краткимъ ея очеркомъ.

«Общая задача этого труда — говорить г. Забѣлинъ — обнимаетъ подробную исторію и статистику города Москвы, то есть ходъ его историческаго развитія съ первыхъ временъ и обзоръ его состоянія въ послѣдовательные періоды его жизни во всемъ объемѣ его бытія и быта, политическаго и религіознаго, умственнаго и нравственнаго, общественнаго и домашняго, торговаго и промышленнаго, ремесленнаго и художественнаго, экономическаго или хозяйственнаго и матеріальнаго или строительнаго (столб. 30)».

«Эта общая задача въ раскрытіи, распредѣленіи и обработкѣ ея подробностей можетъ быть выполнена въ двухъ видахъ:

I. Подъ видомъ *историческаго повѣствованія*, въ которомъ будутъ представлены полныя и подробныя, но *общія* обзорныя исторіи города и его состоянія въ послѣдовательные періоды этой исторіи, съ присовокупленіемъ историко-археологическаго описанія существующихъ памятниковъ и замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей.

II. Подъ видомъ *собранія* въ одно цѣлое разнородныхъ матеріаловъ, касающихся исторіи, археологій, топографіи и исторіи города Москвы» (ст. 31).

Оба эти отдѣла будутъ имѣть въ виду слѣдующія *задачи*:

«Москва-городъ прежде всего есть мѣсто и жилище, стѣны и дома; поэтому первая изъ частныхъ задачъ предполагаемаго труда заключается въ исторіи постепеннаго топографическаго распространенія города, начиная съ его первосельцевъ, аборигеновъ этой мѣстности».

«Сюда входятъ всѣ дробныя исторіи каждаго городского мѣста-урочища, каждаго храма, въ смыслѣ основы поселенія, каждой площади, улицы, переулка, по возможности каждаго сколько нибудь замѣчательнаго двора и дома, съ показаніемъ происходившихъ перемѣнъ въ расположеніи и устройствѣ заселеннаго пространства».

«Сюда входятъ: исторія и способы постройки городскихъ стѣнъ, во-

ротъ и башенъ; способы постройки домовъ, устройства дворовъ, садовъ, прудовъ, огородовъ, способы мощенія улицъ, способы ихъ освѣщенія въ ночное время; способы уборки нечистотъ; способы предупрежденія и тушенія пожаровъ; способы водоснабженія и вообще исторія и статистика всѣхъ статей и порядковъ, служившихъ внѣшнему строительному городскому благоустройству.»

«Съ другой стороны, общая задача разсматриваетъ Москву какъ совокупность людскаго общежитія. Это городъ — люди съ ихъ занятіями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами; съ устройствомъ и уставомъ ихъ городского быта и управленія во всѣхъ его видахъ и потребностяхъ.»

Историческій и статистическій обзоръ этихъ подробностей самъ собою распределяется на многіе *отдѣлы* и особныя статьи.

Впередѣ другихъ здѣсь должна стоять исторія городского правительства и управленія или исторія городской власти, земской, посадской и государственной. Затѣмъ ближайшее мѣсто назначается въ программѣ составу населенія и его статистикѣ въ связи съ землевладѣніемъ, посадами, слободами, сотнями, братскими сѣзскими дворами, иноземными и военными поселеніями и строеніями. Далѣе исторія церковныхъ приходовъ, существующихъ и упраздненныхъ, въ связи съ церковною землею, приходскимъ населеніемъ, общежитіемъ, приходскимъ призрѣніемъ бѣдныхъ, приходскими кладбищами, и съ такими же подробностями исторія московскихъ монастырей, существующихъ и упраздненныхъ. Пять отдѣловъ предполагаетъ авторъ посвятить особо исторіи и статистикѣ Московской благотворительности и попечительству о призрѣніи бѣдныхъ и нищихъ, четыре — исторіи врачебнаго искусства въ Москвѣ, тринадцать — исторіи и статистикѣ Московскаго торговаго, торговымъ нравамъ и обычаямъ, исторіи капиталовъ, исторіи биржи и наконецъ исторіи цѣнъ на товары и всякаго рода припасы и матеріалы съ древняго и до позднѣйшаго времени. Четырнадцать отдѣловъ назначается для исторіи и статистики городскихъ промысловъ: здѣсь, между прочимъ, сообщатся данныя по источникамъ о Московскомъ садоводствѣ и огородничествѣ, объ охотахъ соловьиной и голубиной, о пѣтушьихъ и гусиныхъ бояхъ, о разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и издѣліяхъ. Девять отдѣловъ будутъ посвящены исторіи художествъ въ ихъ Московскомъ развитіи и характерѣ, именно зодчеству, иконописи и живописи, гравированію, художественнымъ школамъ и училищамъ, картиннымъ гал-

лереймъ и музеямъ, антикварнымъ лавкамъ. Двадцать три отдѣла совмѣстятъ въ себѣ крайне интересныя и новыя свѣдѣнія о грамотности, училищахъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ, о книжной торговлѣ, литературѣ „въ Московскомъ обликѣ“, о Московскихъ литературныхъ приходахъ или кружкахъ, о Московскомъ масонствѣ, лубочныхъ изданіяхъ, о бібліотекахъ и собраніяхъ книгъ и рукописей. Четыре отдѣла будутъ заняты московской исторіей старообрядства и исторіей разнороднаго сектаторства. Шестнадцать отдѣловъ представляютъ хронику общественной жизни въ Москвѣ, въ которую войдутъ народныя гулянья и разныя увеселенія, въ особенности балаганныя представленія, театры, артисты, балы, маскарады, концерты, клубы, сады, бульвары, загородныя дачи и проч. Шесть отдѣловъ ознакомятъ читателя съ полицейскими въ Москвѣ въ разное время порядками и въ томъ числѣ съ старинными уличными и воротными рѣшетками, которыхъ слѣды и названія сохранились и донынѣ. Въ заключеніе четыре отдѣла назначаются для хроники воровства, мошенничества, грабежей, разбоевъ и всякихъ уголовныхъ дѣлъ, для хроники разныхъ бѣдствій города: пожаровъ, бурей, новоденій, моровыхъ язвъ, голода, нашествія непріятелей, наконецъ для хроники воздушныхъ и вообще метеорологическихъ явленій.

Для составленія и начертанія такой исторіи московскихъ разныхъ учреждений, памятниковъ и предметовъ авторъ предназначаетъ такимъ образомъ сто тридцать семь рубрикъ или отдѣловъ, помимо имѣющихъ войти въ каждый изъ нихъ отдѣльныхъ статей, которые дѣйствительно будутъ обнимать всю жизнь и дѣятельность Москвы, начиная съ ея основанія до послѣдняго времени. Весьма естественно, что для всего этого требуется громадный матеріалъ и притомъ большею частію письменный, сохранившійся, главнымъ образомъ, въ современныхъ обзорѣваемыхъ эпохамъ и годамъ документахъ, описаніяхъ, официальныхъ донесеніяхъ и частныхъ письмахъ, и г. Забѣлинъ понятно останавливается прежде всего на драгоценныхъ складахъ, хранящихся въ Московскихъ и другихъ *архивахъ*.

«Для разработки—говоритъ онъ—всѣхъ поименованныхъ и могущихъ еще войти въ этотъ краткій списокъ разнородныхъ задачъ, статей и предметовъ, касающихся исторіи и статистики города Москвы, прежде всего необходимо собрать не только печатный, но главнымъ образомъ *архивный*, еще не изданный и вовсе еще не извѣстный матеріалъ».

«Собрание архивнаго матеріала и поставляется передовою, начальною задачею предпринимаемаго труда».

Это собраніе должно заключать въ себѣ:

I. Акты, документы, дѣловыя описанія, записки и другія бумаги въ ихъ подлинномъ видѣ.

II. Извлеченія изъ архивныхъ бумагъ подлинными словами съ документальною точностію простыхъ *выписокъ* по всеѣмъ предметамъ исторіи, археологіи и статистики Москвы. Собранныя въ извѣстной полнотѣ и расположенныя по предметамъ въ хронологическомъ порядкѣ, такія *выписки* представляютъ своего рода лѣтописи или хроніки по каждому особому предмету предположенныхъ работъ и будутъ служить, какъ свѣдѣнія документальныя, твердымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

III. Извлеченія изъ архивныхъ дѣлъ и книгъ ихъ *содержанія* по преимуществу подлинными же словами въ образѣ докладной записки, съ цѣлью *сокращенія* болѣе или менѣе обширнаго производства, всегда наполненнаго излишними повтореніями. Главное условіе этой работы заключается въ обстоятельности и полнотѣ сокращенія дѣловаго производства.

IV. Сводныя выборки изъ архивныхъ дѣлъ и бумагъ однородныхъ свѣдѣній по избранному предмету подлинными словами въ хронологическомъ порядкѣ.

V. Обработку архивнаго матеріала въ образѣ изслѣдованія какой либо частной спеціальной задачи общаго труда, неизменно въ *строгомъ характерѣ дѣловаго изложенія*, такъ какъ литературно-фельетонное изложеніе всегда можетъ найти себѣ мѣсто въ литературныхъ-же повременныхъ изданіяхъ.

Само собою разумѣется, что во всеѣхъ видахъ обработки архивнаго матеріала неизменно должны быть въ точности указываемы источники, то есть заглавія, номера и страницы архивныхъ дѣлъ и книгъ съ годами и мѣсячными числами производства.

Собранныя на этихъ основаніяхъ матеріалы для исторіи и статистики Москвы составятъ особый отдѣлъ при издаваемыхъ „Извѣстіяхъ Московской Городской Думы“.

Программа, представленная г. Забѣлинымъ, возбуждала новыя пренія

въ Думѣ въ виду того, что собраніе архивнаго матеріала не можетъ быть ограничено ни опредѣленною суммой, ни опредѣленными временемъ; но тѣмъ не менѣе необходимость изготовить прежде всего нужныя для описанія Москвы данныя заставила наконецъ Думу большинствомъ ея гласныхъ признать и рѣшить, что предполагаемые ежегодно на такой трудъ *семь тысячъ* рублей потребуются по крайней мѣрѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ и что слѣдовательно для безостановочнаго его выполненія должно быть ассигновано не менѣе *двадцати восьми тысячъ*. Съ своей стороны г. Забѣлинъ предложилъ, имѣя въ запасѣ такую сумму, выдавать изъ нея—сверхъ назначеннаго ему гонорара въ 3000 р., за изготовляемыя въ архивахъ выписки вознагражденіе лишь постепенно, *по мѣрѣ исполненія* этого труда. Но для того, чтобы тѣмъ не менѣе собираемый матеріалъ не оставался на неопредѣленное время въ неизвѣстности, г. Забѣлинъ приступилъ немедленно къ его изданію, и плодомъ этой добросовѣстности и заботливости есть выпущенная въ свѣтъ первая книга, которой посвященъ нашъ настоящій отчетъ, причѣмъ г. Забѣлинъ сообщаетъ, что разнороднаго матеріала сверхъ того уже собрано по крайней мѣрѣ еще на три такія же книги. Да не подумаютъ однако читатели, что матеріалъ, выходящій нынѣ въ свѣтъ, представляетъ вовсе необработанную массу документовъ, лишь болѣе или менѣе отвѣчающихъ на предложенные выше вопросы по четырнадцати различнымъ группамъ. Нѣтъ, какъ выборъ этой массы матеріаловъ, такъ и расположеніе ихъ и редакція обусловлены такъ сказать *идеями*, которая даетъ имъ жизнь, олицетворяетъ *факты* дѣйствительнаго, а не мнимаго или фантастическаго быта Москвы. Съ этой точки зрѣнія самъ г. Забѣлинъ поясняетъ намъ свою систему изданія собраннаго имъ матеріала, и это объясненіе или, лучше сказать, указаніе на то, какъ онъ не только излагаетъ, но и возводитъ свой матеріалъ въ драгоценную сокровищницу достовѣрныхъ фактовъ, на столько поучительны, что мы не можемъ оставить безъ вниманія его взглядъ на свою задачу.

«Отъ историческаго повѣствованія и отъ всякаго историческаго описанія — говоритъ онъ — обыкновенно всегда требуютъ *жизнь* красокъ, занимательности и такъ сказать любопытности въ изложеніи и изображеніи всего историческаго. Требованіе очень справедливое. Но вѣдь надо понять, что историкъ-авторъ вонервыхъ не долженъ *сочинять* эти краски, какъ

говорится, изъ своей головы; не долженъ брать ихъ съ вѣтру, чего не дозволяютъ себѣ и писатели-художники, вольные въ своемъ творествѣ повѣствователи и романисты. И они, воссоздавая извѣстную бытовую среду, употребляютъ всѣ мѣры, чтобы подробно изучать и узнать эту среду, не только съ нравственной, но и съ вещественной, матеріальной ея стороны. Оттого и получаются картины художественно-правдивыя, которыя потомъ и забыть нельзя, и которыя въ сущности составляютъ живые типы лицъ и бытовыхъ, жизненныхъ обстоятельствъ, то есть образы и образцы жизни, хорошіе или дурные, положительные или отрицательные, это все равно, потому что и тѣ и другіе въ разныхъ отношеніяхъ всегда бываютъ назидательны именно своею жизненною правдою. Для изображенія такихъ типовъ краски готовы; онѣ розсыпаны обильно въ современной жизни: стоитъ только внимательно присматриваться ко всему окружающему и умѣть видѣть и слышать, умѣть наблюдать».

«Но какими путемъ и какими мѣрами мы можемъ наблюдать, видѣть и слышать уже навсегда исчезнувшую жизнь? Какими средствами мы узнаемъ, напр., какъ проходила Московская жизнь за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ до нашихъ дней? Каковъ былъ городъ, каковы были его улицы, дома и дворы; каковы были люди, какъ они одѣвались, что кушали и пили, что покупали и чѣмъ торговали; какъ молились Богу и воспитывали дѣтей; какъ ходили другъ къ другу въ гости, какъ веселились, какъ учились грамотѣ и наукамъ и какія книжки читали; какъ вели себя въ *общество*, или въ *сѣть* и дома, въ домашнихъ своихъ потьмахъ; какъ заботились и заботились ли объ общихъ дѣлахъ всяя Руся? и т. д. Какими способами теперь мы узнаемъ все это, исчезнувшее, все то, что именуется жизнью города».

«Въ настоящую пору съ этою жизнью каждый день хорошо могутъ насъ знакомить газеты или повседневныя *вѣдомости*, какъ по русски разумѣли наши предки изданіе газеты».

«Для ушедшаго, исчезнушаго времени подобный газетному матеріалъ мы можемъ черпать только въ сохранившихся архивахъ, въ грудахъ мало по малу глѣбющей писаной бумаги, иногда уже и совсѣмъ истлѣвшей. Отсюда и должны добываться всѣ свѣдѣнія и свидетельства объ исчезнувшей жизни и всѣ *краски* для ея воссозданія и изображенія, и съ матеріальной,

вещественной, и съ духовной или нравственной и умственной стороны: для изображенія стѣнъ и домовъ и всякаго рода строеній, какими матеріалами и способами и искусствомъ и по какой цѣнѣ все строилось и устроивалось; и для изображенія обычаевъ и нравовъ каждаго сословнаго разряда городскихъ обывателей, какими стремленіями, желаніями, побужденіями они двигались въ своемъ общежитіи, въ своемъ поведеніи на улицахъ и въ домашнемъ быту, что особенно любили и чего не могли выносить въ своей жизни, чего стыдились, чѣмъ оскорблялись и что почитали святынею въ своемъ поведеніи, именно въ своихъ обычаяхъ и нравахъ».

«Для такихъ изображеній историкъ и собираетъ архивныя краски, т. е. всякія мелкія, на видъ ничтожныя и какъ бы совсѣмъ излишнія и ненужныя свидѣтельства и свѣдѣнія, которыя однако, собранныя въ достаточной полнотѣ, въ своей совокупности становятся всегда очень важными показаніями объ устройствѣ и порядкахъ стараго быта, становятся *фактами*. Они-то потому и составляютъ тѣ малозамѣтныя мелкія черты и черточки въ общей картинѣ, безъ коихъ невозможно исполнить, начертить какое бы ни было изображеніе-описаніе, ни въ живописномъ или другомъ какомъ обыкновенномъ рисункѣ, ни въ разсказѣ или въ повѣсти, а тѣмъ болѣе въ исторической повѣсти о старомъ бытѣ Матушки-Москвы. Никакой картины нельзя написать и правдиво описать, не собравши надобныхъ красокъ, различныхъ и многихъ, не претворивши ихъ въ однородныя послунныя для работы массы».

«Предлежащая книга собранныхъ матеріаловъ въ общемъ характерѣ, кромѣ свѣдѣній прямо историческихъ, топографическихъ, статистическихъ, представляетъ опытъ заготовленія такихъ красокъ, или всякаго рода мелкихъ и мелочныхъ свѣдѣній и свидѣтельствъ, которыя впоследствии займутъ свое мѣсто въ разнородныхъ Исторіяхъ и Описаніяхъ по различнымъ вопросамъ предложенной программы для историко-археологическаго и статистическаго описанія города Москвы, и которыхъ если будетъ собрано недостаточно, то и разработывать такія Исторіи и Описанія будетъ весьма затруднительно, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно».

Высказавъ эту мысль и систему приведенія ея въ исполненіе, г. Забѣлинъ однако неволью спрашиваетъ: „для чего все это нужно?“ «Оста-

внмъ мертвымъ хоронитъ мертвыхъ! — выражаются“ — прибавляетъ онъ съ горечью — „и такіа мнѣнія“.

„Что за сорокъ лѣтъ дѣлалось, то и вчерась дѣлалось, нечего то и памятовать! такъ говаривали Москвичи первой половины XVII стол. знаменитому ключарю Успенскаго собора Ивану Насѣдкѣ, о которомъ есть свѣдѣнія и въ подлежащей книгѣ (стр. 23, 63 и др.) и который выслушивалъ такіа рѣчи по случаю своихъ укоровъ и сокрушеній о томъ, что равнодушные не хранятъ важныхъ документовъ и бумагъ, неоцѣнимыхъ для исторіи отечества. Повторяемыя и теперь, въ наше просвѣщенное время, подобныя мнѣнія совсѣмъ забываютъ или вовсе не разумѣютъ, что въ историческомъ развитіи народа умершіе предки всегда живутъ въ своихъ живыхъ потомкахъ, почему для правильнаго пониманія и познанія жизни живущаго племени крайне потребно и необходимо изученіе жизни его умершихъ, а тѣмъ болѣе совсѣмъ вымершихъ предковъ, не только отцовъ и дѣдовъ, но и прадѣдовъ“.

„Въ этомъ заключается прикладное, то есть практически-полезное значеніе исторіи, какъ науки. Чтобы въ точности понять современнаго человѣка, узнать его добродѣтели и пороки, первыя узнать для ихъ утвержденія и распространенія, вторые для ихъ устраненія и искорененія, для этого необходимо именно въ подробности изучить умершій міръ.“

„Такъ, напр., хорошо извѣстные наши общественные порядки нижнихъ слоевъ населенія, нищенство (какъ промыслъ) и пьянство, пожалуй, могутъ быть приписаны особымъ весьма некрасивымъ природнымъ свойствамъ Русской народности. Между тѣмъ это не болѣе, какъ простые остатки, въ родѣ археологическихъ памятниковъ, нашей древней общественности, простые остатки ея обычаевъ и нравовъ, и живые корни этихъ пороковъ скрываются именно въ умершемъ мірѣ.“

„Предлагаемыя въ этой книгѣ матеріалы объясняютъ, что въ древней Москвѣ нищій всегда былъ не только жданнымъ, но въ извѣстное время и очень желаннымъ гостемъ въ каждомъ сколько нибудь зажиточномъ домѣ, а тѣмъ болѣе во время богомолья при дверяхъ церкви и на улицахъ при выходѣ изъ церкви. Повсюду въ самомъ городѣ онъ былъ если не почетнымъ, то весьма почтеннымъ горожаниномъ, присутствіемъ

котораго тогдашняа общественность во многих случаях очень дорожила и почитала невозможнымъ оставаться безъ этого желаннаго гостя.“

„Москва въ этомъ случаѣ вполне сохраняла и твердо держала только древне-русскій завѣтъ и отъ древнихъ временъ постоянное ученіе самой церкви о дѣлахъ милосердіа, въ числѣ которыхъ милостыня и особенно въ русскомъ быту представлялась важнѣйшимъ и наиболѣе душеполезнымъ дѣломъ. Нищему подать значило самому Христу подать. Таково и теперешнее убѣжденіе народа“.

„Такимъ образомъ, обѣ стороны, и подающій, и принимающій, крѣпко держались корней и строго исполняли завѣты древняго церковнаго поученія, и только развитіе городской жизни довело эту человѣколюбивую христіанскую заповѣдь до тѣхъ крайностей, съ которыми тотъ же городъ къ концу XVII ст. и особенно въ Петровское время началъ бороться всѣми мѣрами. Ниже мы приведемъ свидѣтельства, въ какой степени древняя Москва способствовала распространенію и укорененію нищенства, сдѣлавшагося затѣмъ тяжелымъ бременемъ для правильнаго устройства городского быта.“

„Корни нищенства, какъ общественнаго порока, лежатъ въ старыхъ русскихъ обычаяхъ, во многомъ уже совсѣмъ исчезнувшихъ, но оставившихъ и намъ свое наслѣдство, и потому успѣшная борьба съ этимъ порокомъ вполне зависитъ отъ выясненія, въ какихъ именно археологическихъ бытовыхъ глубинахъ должно отыскивать эти корни.“

„Тоже должно сказать и объ общественномъ порокѣ пьянства. Оно въ сущности не болѣе, какъ древній обычай, доставшійся намъ по наслѣдству отъ предковъ, и составляющій памятникъ древне-русскаго и особенно древне-Московского широкаго гостепріимства, „образъ дружескаго обхожденія и угощенія, и отнюдь не единственное напѣреніе пьянства,“ вообще памятникъ древняго русскаго завѣта о добрыхъ порядкахъ общежитія. Это общежитіе исчезло, исчезли веселые пиры и славные меды, исчезла вещественность, но духовное, то есть особня, именно старозавѣтныя понятія о дружескомъ обхожденіи, объ угощеніи, о пирѣ и весельи, сохранились, и хорошо угостить гостей и доселѣ значить напоить ихъ пьяными, какъ это дѣлывалъ и добрый и мудрый царь Алексѣй Михайловичъ, исполняя только завѣтный уставъ своего государева дворца. Въ этой книгѣ мы увидимъ,

что такимъ же старозавѣтнымъ гостепріимствомъ отличался и домъ святѣйшаго патріарха, поставлявшій праздничныя трапезы и чаши служителямъ церкви, особенно соборянамъ и особенно своимъ пѣвчимъ.“

„Вслѣдствіе такихъ завѣтовъ старинны, еще донныя живущихъ, и борьба съ современнымъ общественнымъ порокомъ пьянства должна начинаться съ искорененія или съ перестановки остающихся древнихъ понятій о празднованіи праздника съ ихъ слишкомъ вещественной почвы на почву болѣе возвышенную, или въ прямомъ смыслѣ духовную, для чего въ настоящее время существуетъ множество средствъ, о которыхъ въ древнее время и мудрецамъ не снилось.“

„Вообще не надо въ этомъ случаѣ ошибаться и думать, что мы совсѣмъ уже стали иные люди, чѣмъ были наши предки, и что новое наше образованіе, новые порядки и моды въ одеждѣ и въ мысляхъ, совсѣмъ отдѣлили насъ отъ добродушной, искренней, а потому во многомъ грубой и невѣжественной, а иногда на наши глаза и смѣшной древности. Нигдѣ, какъ въ Москвѣ, древне-русскіе завѣты жизни не обнаруживаютъ себя такъ явственно, хотя и въ иной, новой, вполне современной, какъ бы очень переработанной на иноземной ладъ одеждѣ.“

„Дабы возможно было добраться до бытовыхъ корней, изъ которыхъ неизбежно произрастаютъ очень многія и современныя намъ условія жизни, необходимо собрать и разработать не одинъ крупный по своему значенію, но и мелочной архивный матеріалъ, въ которомъ крупное всегда получаетъ и болѣе правильное освѣщеніе, ясность, и болѣе точную истину своего бытоваго или историческаго значенія.“

Познакомивъ читателей со взглядомъ и системой изданія матеріаловъ для другаго — будущаго изданія подъ рубрикою „Описанія Москвы“, мы познакомимъ его теперь въ краткихъ словахъ съ тѣмъ матеріаломъ, который помѣщенъ въ первой вышедшей нынѣ книгѣ, при чемъ естественно выяснится намъ и достоинство самаго выполненія начертанной себѣ авторомъ системы изданія.

Переходя къ содержанію этого матеріала, добросовѣстный редакторъ считаетъ себя обязаннымъ отдать въ самомъ началѣ должную честь В. И. и Г. И. Холмогоровымъ (изъ нихъ первый состоитъ начальникомъ отдѣленія въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи), которые уже давно

занимаются розысканіями по собранію матеріаловъ для составленія церковныхъ лѣтописей Московской старини (1), собирая въ то же время свѣдѣнія и о Московскихъ церквахъ. Въ трудъ г. Забѣлина гг. Холмогоровы внесли свое собраніе свѣдѣній исключительно о Московскихъ церквахъ. „Ихъ общій трудъ, здѣсь напечатанный—говоритъ г. Забѣлинъ—въ началѣ ограничивался изысканіями только о церквахъ и о приходскомъ духовенствѣ и впослѣдствіи, по нашему предложенію и по нашимъ указаніямъ, дополненъ цѣлымъ отдѣломъ свѣдѣній подъ заглавіемъ: *Домъ свят. Патриарха*, гдѣ кромѣ достаточнаго количества свидѣтельствъ, относящихся и къ исторіи церквей, собраны свѣдѣнія вообще о бытовой сторонѣ патриаршаго дома, столько важной и знаменательной въ прежнее время для церковной и общественной жизни всего города.“

Знакомый до послѣднихъ мелочей съ этимъ крайне цѣннымъ матеріаломъ, г. Забѣлинъ воспользовался имъ съ такимъ умѣньемъ и опытностію, что не только расположилъ его по указаннымъ выше отдѣламъ, но и на основаніи его нарисовалъ въ своемъ предисловіи но истиннѣ художественною кистью цѣлую картину старинной русской жизни—духовной и свѣтской. Вотъ, на примѣръ, соборныя дѣйства—обряды: *Пещное, Дѣйство цѣтконосія* въ Вербную недѣлю, *Дѣйство умовенія ногъ*, устройство мироваренія. Вотъ данныя объ обычаяхъ *славленія* въ праздникъ Рождества Христова. Вотъ новыя подробности о существовавшихъ въ Закономъ и Богоявленскомъ монастыряхъ школахъ, о школахъ книгъ Печатнаго Двора. Затѣмъ сообщаются свидѣтельства памятниковъ „о хоромномъ и дворовомъ строеніи патриаршаго дома“, о комнатномъ его садѣ, о хоромномъ нарядѣ (обояхъ и убранствѣ), кельѣ и ризной казѣ, о патриаршихъ расходахъ, его благословеніи иконами. Отдѣлъ „нищія и богадѣльни“ заключаетъ свѣдѣнія объ устройствѣ патриархомъ этой важной статьи городского быта, которое въ то время вполне зависѣло только отъ патриаршаго

---

(1) Свои труды гг. Холмогоровы печатали въ журналѣ «Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія» за 1880 г., откуда ихъ статья была издана потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ: Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской Епархіи. Выпускъ 1-й: Русская десятина, М. 1881 г.; затѣмъ вышелъ выпускъ 2-й: Звенигородская десятина, М. 1882 г.

дома, потому что по древнему правилу нищие были люди церковные и питались только у церкви. Здѣсь г. Забѣлинъ сообщаетъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о московскихъ нищихъ, которые имѣли свои *артели* при церквахъ, пѣли Лазаря и иные стихи, имѣли свои кибитки (въ которыхъ лежали калѣки) и свои избушки, въ которыхъ жили, и продолжая за тѣмъ свой отчетъ о патриаршемъ бытѣ, знакомитъ насъ съ его домовнымъ и столовымъ обиходомъ, съ расходомъ въ его домѣ питей, съ конюшеннымъ его дворомъ, съ дворовымъ его чиномъ и тиунской его избой или тиунской палатой.

Другой большой отдѣлъ изданныхъ въ настоящей книгѣ матеріаловъ относится къ Государеву Двору, каковы, наприм., матеріалы о полотнахъ, выходившихъ въ Царскомъ Дворѣ съ 1583—1587 г., о царскихъ смотрахъ ратныхъ людей зимою 1663—1664 г. въ Семеновскомъ и на Дѣвичьемъ полѣ; описи настѣнныхъ изображеній (притчей) въ Золотой и въ Грановитой палатахъ, составленныя въ 1672 г., наконецъ описанія Кремлевскаго дворца въ 1713, 1722 и 1769 г. Последняя опись, замѣчаетъ г. Забѣлинъ, примѣчательна тѣмъ, что знакомитъ съ состояніемъ Кремлевскаго дворца во время собранія въ 1767 г. выборныхъ депутатовъ со всей Россіи въ „Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, засѣданія которой происходили въ Грановитой палатѣ“. Далѣе „изъ этихъ записокъ узнаемъ, что къ засѣданіямъ были устроены для помѣщенія депутатовъ особыя лавки или скамьи, обитыя краснымъ сукномъ, съ откосами, на подобіе наоя, длиною въ 525 аршин. (число засѣдавшихъ иногда бывало по 450 челов. и болѣе); для балотированія выточено 1000 шариковъ; устроено было и *секретное* мѣсто, по всему вѣроятію, для присутствованія самой императрицы, и проч.“

Въ заключеніе г. Забѣлинъ сообщаетъ, что подробный указатель къ изданнымъ въ разсмотрѣнной книгѣ матеріаламъ, главнымъ образомъ предметный, будетъ составленъ совокупно и ко второй части изданія, которая уже печатается и содержаніе которой тоже будетъ заключать въ себѣ по преимуществу матеріалы для исторіи Московскихъ церквей.

Оканчивая нашъ отчетъ о новомъ трудѣ почтеннаго Московскаго археолога, мы не можемъ не сознаться, что употребили во зло вниманіе читателей „Вѣстника“, но если они вынесутъ даже изъ одного бѣглаго про-

смотря сдѣланныхъ нами выписокъ убѣжденіе какъ важны съ одной стороны для исторіи разработки матеріаловъ о древней Россіи сообщаемыя г. Забѣлинымъ соображенія и данныя, а съ другой стороны какой неистощимый научный кладъ составитъ полное изданіе предпринятаго имъ „Описанія Москвы“, то не желаемъ ничего болѣе.

Н. Калачовъ.

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 1855—1880 г. С. Петербургъ, 1855 г., 8 д., VIII, 261.

Кто знакомъ съ ходомъ славянской филологіи въ Россіи и за границею, тотъ согласится со мною въ томъ, что эта наука до послѣдняго времени у насъ преимущественно вращалась въ области бібліографіи и археологіи, на западѣ же въ области грамматикки и критики. Нужды нѣтъ спрашивать, чтѣ лучше, потому что то и другое полезно и необходимо. Несомнѣнно однакожь то, что удобнѣе и легче описывать и изучать славянскія рукописи тамъ, гдѣ онѣ по близости находятся въ большомъ количествѣ. Въ началѣ нашего столѣтія Добровскій говорилъ, что славянскою палеографіею заниматься можно только въ Россіи. Онъ хотѣлъ этимъ высказать, какъ мало письменныхъ памятниковъ славянской старины сохранилось во всѣхъ прочихъ странахъ славянства въ сравненіи съ Россіею. Съ тѣхъ поръ, правда, приобрѣли кое-что и южные славяне: не только въ Вѣнѣ или Прагѣ, но и въ Бѣлградѣ, Загребѣ, Люблянѣ имѣются собранія славянскихъ рукописей, но эти средства въ сравненіи съ русскими довольно ничтожны, да они отчасти не приведены еще въ извѣстность. Поэтому нельзя конечно удивляться, что именно въ русской литературѣ, какъ предсказывалъ уже Добровскій, появилось недавно сочиненіе, посвященное систематическому обзорѣнню славяно-русской палеографіи, т. е. систематическому итогу всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ наблюденій письма древнеславянскихъ и древнерусскихъ памятниковъ, которыя дѣлались въ русской литературѣ въ теченіе столѣтія въ извѣстныхъ трудахъ Востокова, Калайдовича, Строева, Кеппена, Горскаго, Невоструева, Буслаева и другихъ, и тѣхъ изданій, въ которыхъ наглядно, посредствомъ механическаго воспроизведенія сним-

ковъ, представлялся ходъ древняго письма со столѣтія въ столѣтіе, — Погодина, Иванова, Сахарова, Саввы, Анфилохія и другихъ.

Опираясь на эту немаловажную дѣятельность предшественниковъ, главнымъ же образомъ на продолжительныя собственные занятія, покойный Измаиль Ивановичъ Срезневскій составилъ обширный трудъ по русской палеографіи, который послѣ его смерти остался въ рукописи и теперь изданъ неподписавшимися членами семьи. Сочиненіе это печаталось по частямъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отдѣльною же книгою вышло на дняхъ подъ упомянутымъ выше заглавіемъ. „Издатели“ говорятъ объ этомъ трудѣ, что онъ „произведеніе многихъ лѣтъ, постоянно разроставшееся подъ вліяніемъ новыхъ изслѣдованій“. Они не считаютъ его окончательно пересмотрѣннымъ и обработаннымъ, полагаютъ даже, что онъ недокопченъ. „Можно думать, что Измаиль Ивановичъ имѣлъ въ виду продолжать этотъ трудъ: описаніе памятниковъ доведено въ немъ только до конца XIV вѣка, между тѣмъ и памятники XV вѣка постоянно входили въ кругъ его изслѣдованій и наблюденій, что доказываетъ между прочимъ и собранная имъ огромная коллекція палеографическихъ снимковъ, гдѣ памятники XV столѣтія также приведены въ полный систематическій порядокъ“.

Мы должны, конечно, прежде всего выразить искреннюю признательность „издателямъ“ за тщательное исполненіе предпринятой задачи. Этимъ они не только почтили память дорогого имъ покойника, но и славянской наукѣ подарили трудъ драгоценный и важный, именно изъ той части славянскихъ древностей, которая всегда привлекала къ себѣ особое вниманіе покойнаго Измаила Ивановича. Жалѣть можно только объ одномъ: почему они остановились на концѣ XIV вѣка, если и „памятники XV столѣтія также приведены въ полный систематическій порядокъ“? Что въ бумагахъ не нашлось подробнаго описанія памятниковъ XV вѣка, это еще не бѣда, для палеографіи это не имѣетъ большого значенія; намъ по крайней мѣрѣ это обстоятельство нисколько не мѣшало бы воспользоваться тѣмъ, что для палеографіи самое главное, т. е. „приведенными въ полный систематическій порядокъ снимками.“ И такъ будемъ надѣяться, что та же нѣжная рука, которая съ умиленнымъ благоговѣніемъ приготовила для печати пер-

вую, изданную часть труда, въ скоромъ времени обрадуетъ насъ и продолженіемъ его.

Что палеографическое обозрѣніе древнерусскихъ памятниковъ въ настоящемъ изданіи прекращается на концѣ XIV столѣтія, я это не считаю простою случайностью. Въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ извѣстно, составленъ также историко-библіографическій обзоръ „древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка“, изданный вторымъ изданіемъ подъ редакцію А. Ѳ. Вычкова (въ 1882 году). Исмаилъ Ивановичъ, собирая свѣдѣнія о памятникахъ XI по XIV вѣкѣ, дѣлалъ повидимому извлеченія не только по содержанию, но и по характеру письма, онъ изучалъ эти памятники не только для исторіи литературы, но и для палеографіи. Между обоими сочиненіями существуетъ внутренняя связь, вызывающая на сравненіе. Оказывается, что несмотря на нѣкоторую общность содержанія, въ нихъ нѣтъ лишняго повторенія. Авторъ, какъ можно было предвидѣть, не упустилъ изъ виду, что каждое изъ этихъ двухъ сочиненій преслѣдуетъ свою особую цѣль. Гдѣ дѣло касалось палеографическаго изученія памятниковъ, онъ поступилъ очень осторожно, ограничившись пока, для пріобрѣтенія прочнаго основанія, памятниками съ опредѣленными годами; на нихъ построена эта славянорусская палеографія, но при этомъ излагается содержаніе многихъ изъ нихъ съ большою подробностью, гораздо подробнѣе даже, чѣмъ въ „древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка“. Такимъ образомъ это изданіе является даже въ историко-библіографическомъ отношеніи хорошимъ дополненіемъ нѣкоторыхъ частей „древнихъ памятниковъ“. Воздержность автора въ употребленіи только тѣхъ памятниковъ для палеографіи, которые обозначены годами, достойна большой похвалы. Этимъ способомъ мы въ состояніи мало по малу дойти до желаемой точности, замѣнить простой навыкъ опытнаго глаза въ опредѣленіи времени точными признаками палеографическими. Пока ихъ подобрано очень немного, даже въ почтенномъ трудѣ покойнаго Исмаила Ивановича гораздо меньше, чѣмъ бы мы ожидали. Въ томъ-то и заключается главный недостатокъ славянорусской палеографіи. Палеографическіе приемы въ ней мало разработаны. Это сочиненіе въ высокой степени драгоценно, но въ немъ нѣче ожиданія преобладаютъ элементы бібліографическіе и грамматическіе надъ строго палеографическими.

У автора сложился такой исключительный и односторонній взглядъ

на палеографію, что онъ считалъ главною своею обязанностию вынуть изъ разбираемаго памятника образецъ письма въ видѣ алфавитнаго перечня буквъ; иногда этимъ дѣло и кончено. Все же остальное предоставляется замѣткамъ библиографическимъ и грамматическимъ. Я конечно не отрицаю большой важности послѣднихъ; въ особенности, если рѣчь идетъ о хронологическомъ опредѣленіи памятниковъ безъ годовъ, необходимо къ палеографическимъ примѣтамъ присоединить еще доказательства, почерпаемыя изъ характера содержанія и языка. Но въ палеографіи, гдѣ дѣло идетъ о первомъ систематическомъ изложеніи ея, такъ сказать объ образцѣ для всѣхъ будущихъ изслѣдованій подобнаго рода, главная роль должна все-таки принадлежать не постороннимъ, изъ содержанія или изъ грамматическихъ особенностей заимствуемымъ средствамъ объясненія, а настоящимъ даннымъ палеографическимъ.

Гдѣ же ихъ искать? Вотъ вопросъ, на который И. И. Срезневскій отвѣтилъ по своему, цѣлымъ своимъ сочиненіемъ; и же позволю себѣ сказать, что мы теперь уже не можемъ довольствоваться предложенными имъ палеографическими приѣмами, они не исчерпываютъ предмета. Это только начало дѣла, правда очень почтенное начало, о которомъ говорится: *dimidium facti qui coepit habet*, но мы не должны на немъ остановиться.

Скажу прежде всего, что я вообще считаю трудно исполнимою задачею вынуть изъ какой либо рукописи алфавитъ ея такимъ образомъ, чтобы онъ могъ дать понятіе о палеографическомъ характерѣ памятника. Измаиль Ивановичъ сознавалъ и самъ неудовлетворительность этого приѣма, онъ старался лучше обставить его тѣмъ, что приводилъ для иныхъ буквъ рядомъ по нѣсколько образцовъ. Но и эти прибавки безъ оговорокъ, безъ точныхъ указаній, гдѣ и когда пишется то, гдѣ и когда другое начертаніе буквы, помогаютъ очень мало. Внимательное палеографическое изученіе памятниковъ доказываетъ, что различныя начертанія одной буквы въ томъ же памятникѣ почти всегда стоятъ въ зависимости отъ особыхъ условій; не указать ихъ, а нарисовать только всѣ различныя почерки—это еще не значитъ объяснить, въ чемъ дѣло. Алфавитные образчики представляютъ кромѣ того еще одно существенное неудобство: они не обнаруживаютъ нѣкоторыхъ въ палеографическомъ отношеніи важныхъ обстоятельствъ, такъ напр. не выясняютъ взаимнаго разстоянія буквъ, одной отъ другой, въ

строкъ, не даютъ понятія о соразмѣрности между величиною буквъ и страницы или столбца, устраниаютъ знаки препинанія и знаки подстрочные, исключаютъ изъ разсужденія столь важныя приемы сокращенія словъ.

Консерватизмъ, чтобы не сказать неподвижность, славянорусской графики до конца XIV вѣка, т. е. до поры появленія бумажныхъ рукописей, до возобновленія южнославянскаго вліянія — замѣчательнъ; почеркъ буквъ, взятыхъ отдѣльно, измѣняется очень не много, онъ, правда, мало по малу грубѣетъ, правильность очертаній незамѣтно уступаетъ произвольнымъ неточностямъ. Но если опытный палеографъ въ состояніи сразу отличить почеркъ рукописи XIII — XIV вѣка отъ почерка, хотя бы очень некрасиваго, XI — XII вѣка, надо однако сказать правду: сущность признаковъ, которыми руководится его глазъ, не состоитъ главнымъ образомъ въ начертаніяхъ отдѣльныхъ буквъ — хотя въ иныхъ изъ нихъ разница выступаетъ довольно рѣзко — она скорѣе слагается изъ множества мелочей, уловимыхъ только при очень внимательномъ изученіи и наблюденіи памятника, не трогая размѣщенія буквъ его по строкамъ, съ полною обстановкою сокращеній, знаковъ надстрочныхъ, знаковъ препинанія и т. д. Выньте буквы изъ этого положенія, и вы легко потеряете большую часть средствъ для палеографическаго опредѣленія памятника. Доказательство на лицо. Измаиль Ивановичъ представилъ въ своей палеографіи замѣчательное количество алфавитовъ, обыкновенно, правда, неполныхъ: изъ памятниковъ XI вѣка вы найдете пять алфавитныхъ образцовъ, изъ XII вѣка девять, изъ XIII вѣка двадцать пять, изъ XIV вѣка больше тридцати. Какъ бы ни внимательно вы всматривались въ эти образцы, вы все-таки не будете въ состояніи составить себѣ опредѣленное понятіе о ходѣ славянорусской графики съ XI по XIV вѣкъ, не сумѣете сказать, въ чемъ собственно суть палеографическихъ признаковъ XI, XII, XIII вѣковъ! Измаиль Ивановичъ постарался облегчить намъ трудъ сравнительнаго изученія, къ памятникамъ XI и XII вѣковъ онъ прибавилъ въ концѣ маленькіе „своды данныхъ“ (на стр. 124. 159) — для XIII и XIV вѣка къ сожалѣнію такихъ „сводовъ“ нѣтъ. Мы готовы съ признательностью воспользоваться и этимъ пособіемъ, но къ сожалѣнію вскорѣ должны будемъ убѣдиться, что и это средство недостаточно.

Виновать въ этомъ конечно не авторъ „славяно-русской палеогра-

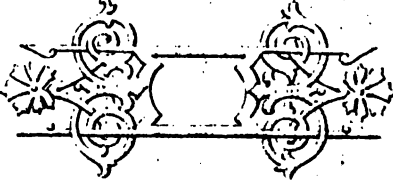
фіи", а природа предмета и неудовлетворительность пригнанных здѣсь приѣмовъ палеографическаго изслѣдованія. Одними алфавитами, хотя бы полными и даже съ множествомъ дублетовъ, ничего не подѣлаешь; они служатъ хорошииъ украшеніемъ изданія—своего рода иллюстраціею палеографіи — но палеографическихъ изслѣдованій не двигаютъ впередъ, если не прибавить къ нимъ очень обстоятельныхъ поясненій. И такъ суть дѣла не въ алфавитныхъ образцахъ, а въ точныхъ указаніяхъ, какъ буквы этихъ образцовъ употребляются, гдѣ одно начертаніе ихъ можетъ быть замѣнено другимъ, въ какихъ словахъ или въ какихъ положеніяхъ въ строкѣ? гдѣ и какіе знаки стоятъ и на какихъ буквахъ? какія слова сокращаются и въ какомъ видѣ? какія буквы поднимаются надъ обыкновенный уровень строки и въ какихъ случаяхъ это бываетъ (напр. не въ концѣ ли строки)? Важную роль играютъ также заглавныя буквы и помимо тѣхъ, въ которыхъ видѣется особый орнаментъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ извѣстно, киновари еще совсѣмъ нѣтъ, а есть иногда краски: и объ этомъ конечно должна быть рѣчь въ палеографіи. Изъ многихъ замѣчаній покойнаго Измаила Ивановича, разсѣянныхъ по различнымъ изслѣдованіямъ его, легко составить себѣ убѣжденіе, что онъ обращалъ должное вниманіе на всѣ эти моменты. Вѣроятно и бывшіе его слушатели могли бы это подтвердить. Въ настоящемъ сочиненіи однакожь всѣ эти важные вопросы оставлены въ сторонѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Поражаетъ также отсутствіе всякихъ указаній на зависимость русской графики отъ южнославянской, послѣдней же отъ современной греческой. Только не разрывая этой естественной связи, можно уяснить себѣ характеръ древнерусской графики. Измаилъ Ивановичъ видѣлъ и зналъ это отлично. Извѣстная его статья „Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма“ (въ XV томѣ Сборника) свидѣтельствуетъ о его занятіяхъ и по этому вопросу. Но это были только греческія надписи. Не осталось слѣдовъ его занятій греческими рукописями VIII — X вѣка, унциальнаго и минускульнаго письма, въ которыхъ кроются источники славянской письменности и первообразы почти всѣхъ палеографическихъ приѣмовъ нашей древнѣйшей письменности.

Профессоръ И. В. Ягичъ.

ЦѢНА ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
СЪ АЛЬБОМОМЪ РИСУНКОВЪ И
ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Редація „ВѢСТНИКА“ на Вас. остр., по 12
линіи, д. № 19, въ бібліотекѣ Археологическаго
Института.

Печатано въ Типо-Литографіи Я С РАШКОВА, Петерб. стор.
Большой пр. д. № 45.

ДВУВІСНИКЪ

Археологическія и Историческія

издаваемый
Археологическимъ
Институтомъ
въ Санктъ-Петербургѣ
въ 1885 году
В. П. Голубовичемъ

1885

Главный редакторъ Г. Рашковъ.

СПЕКТЕРЪ.

Составилъ В. П. Голубовичъ.

Типо-Литографія Я. Рашкова.

Digitized by Google

PRINTED IN RUSSIA

ВѢСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ИЗДАНЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1885 г.

ВЫПУСКЪ IV.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

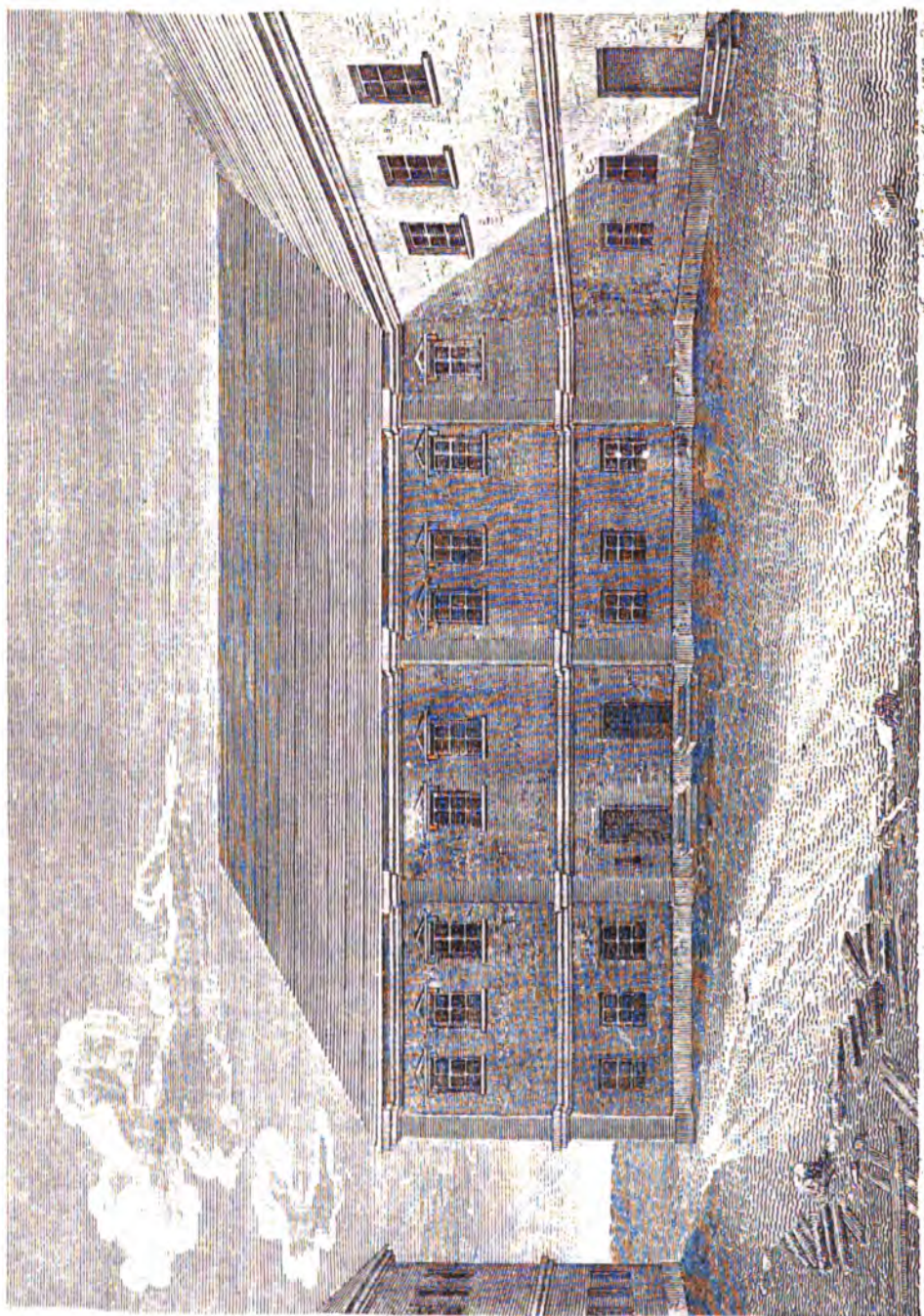
Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Калачовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ 4-ГО ВЫПУСКА.

	стр.
1. Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря. Статья профессора Н. В. Покровскаго	1 — 34
2. Лирицизмъ пѣсни. Статья слушателя Института И. Ф. Тюменова, съ предисловіемъ дѣйствительнаго члена Н. П. Рагозина	35 — 52
3. Объ одномъ Загерійскомъ диргемѣ Мамелюкскаго султана Бибарса I. Статья дѣйствительнаго члена А. Н. Марнова	53 — 62
4. Памятники художественной археологіи на академической выставкѣ 1885 г.	63 — 72
5. Появникъ покойныхъ почетныхъ членовъ Института (князя I. А. Мещерскаго и Н. И. Костомарова)	73 — 77

Къ этому выпуску приложены: 1) Дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромѣ до его реставраціи; 2) снимки: лирика Бегазюка и лиры или бандуры; 3) диргемъ султана Бибарса I. Сверхъ того въ альбомѣ къ выпускамъ 1—4 помѣщено VIII таблицъ снимковъ съ разныхъ памятниковъ древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря (см. перечень ихъ подъ статью г. Покровскаго, вып. 4-й, стр. 34).

КЕ.ІІІ, ВЪ КОШЕЪ ЖИЛІУ ЦАРЬ МИХАИЛЪ ФЕОДОРОВИЧЪ.

ДРЕВНОСТИ

КОСТРОМСКАГО ИПАТЬЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Ипатьевская обитель замѣчательна какъ своею исторіею, вызывающею воспоминанія о крупныхъ отечественныхъ событіяхъ и дѣятеляхъ, такъ и богатствомъ уцѣлѣвшихъ доселѣ вещественныхъ памятниковъ, обрисовывающихъ предъ нами ея историческое прошлое. Но интересъ этихъ послѣднихъ памятниковъ не есть интересъ исключительно мѣстный: многіе изъ нихъ вышли непосредственно изъ Москвы, какъ центра русскаго просвѣщенія и искусства, и потому освѣщаютъ намъ многія стороны быта древне-русскаго человѣка вообще, свидѣтельствуютъ о древне-русскихъ нравахъ и обычаяхъ, о жизни монастырей, объ отношеніи къ нимъ народа и представителей власти и интеллигенціи, наконецъ дополняютъ собою количество наличныхъ данныхъ, на которыхъ совидается исторія русскаго искусства. Трудями русскихъ ученыхъ⁽¹⁾ уже достаточно разъяснены историческія

---

(1) Нѣкоторые свѣдѣнія объ Ипатьевскомъ монастырѣ сообщены были въ Исторіи Россійской Іерархіи (ч. II, стр. 632 etc); болѣе подробное изслѣдованіе о немъ помѣщено въ Отеч. зап. 1819 г. П. II. Славинина; въ 1832 году составлено довольно подробное описаніе его костромскими епископомъ Павломъ Подлипискимъ, заслуживающее вниманія по точности сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній и графическихъ рисунковъ монастырскихъ зданій, въ числѣ которыхъ находится дворецъ Михаила Федоровича въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до исправленія его въ 60-хъ годахъ. Въ 1858 г. явилось новое описаніе Ипатьевского монастыря, составленное знатокомъ мѣстной старины протоіереемъ М. Девыиъ. Въ 1870 г. вышелъ трудъ проф. П. Ф. Островскаго „Историко-Статистическое описаніе костромскаго первокласснаго каедральнаго Ипатьевского монастыря“, — обширный по объему, но не отличающійся точностію въ передачѣ свѣдѣній о памятникахъ древности. Частныя свѣдѣнія о вкладкахъ царей и князей въ Ипатьевскій монастырь, а также о монастырскихъ колоколахъ сообщены Преосв. Макаріемъ въ извѣстіяхъ Спб. Археол. Общества (т. III, 1861 г.). Наконецъ, очень краткое описаніе нѣкоторыхъ Ипатьевскихъ древностей находится въ Памятникахъ Общества любителей древней письменности 1878—1879 г., подъ заглавіемъ: «Фотографическіе снимки съ вещей Ипатьевского монастыря».

судьбы Ипатьевского монастыря; но его археологическіе памятники не получили еще полной и всесторонней оцѣнки. Не имѣя возможности въ настоящее время представить такую оцѣнку, по причинѣ многочисленности и богатаго разнообразія памятниковъ, изученіе и изданіе которыхъ потребовало бы многолѣтняго труда и значительныхъ матеріальныхъ средствъ, мы желаемъ напомнить еще разъ объ этомъ предметѣ и, придерживаясь археологической точки зрѣнія, во 1-хъ, указать важнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ, во 2-хъ, выяснитъ ихъ археологическое значеніе и въ 3-хъ, сообщить наглядное понятіе о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ фототипическихъ снимкахъ.

Преданіе сообщаетъ, что Ипатьевскій монастырь основанъ былъ татарскимъ мурзою Четомъ, предкомъ Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ и Годуновыхъ, въ первой половинѣ XIV столѣтія. Отправляясь на службу въ Москву ко двору Іоанна Даниловича Калиты и остановившись въ пути для отдыха близъ Костромы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Ипатьевскій монастырь, Четъ удостоенъ былъ здѣсь видѣнія Богоматери, Ап. Филиппа и священноученика Ипатія, и это видѣніе побудило его обратиться въ православіе и увѣковѣчить память о чудесномъ событіи построеніемъ особой обители. Такъ начинается богатая событіями исторія Ипатьевского монастыря. По всей вѣроятности, первоначальныя сооруженія монастыря были деревянныя; но уже въ XVI вѣкѣ письменные источники отмѣчаютъ сооруженія каменныя, какъ-то: Соборъ Живоначальной Троицы, трапезную палату, церковь Рождества Богородицы, церковь Феодора Стратилата, колокольницу, келліи и каменную ограду вокругъ монастыря. Каковы были эти каменныя сооруженія со стороны ихъ архитектурныхъ формъ, съ точностію неизвѣстно; можно лишь, на основаніи отрывочныхъ извѣстій, догадываться, что главное зданіе монастыря, Троицкій Соборъ, построено было въ обычной архитектурной формѣ пятиглавыхъ московскихъ храмовъ XVI в., съ крытыми галлереями. Въ XVII столѣтіи произведены капитальныя перестройки и дополненія почти во всѣхъ монастырскихъ зданіяхъ. Соборъ построенъ вновь (1650 г.) по образцу Ярославскаго собора, какъ это видно изъ хранящейся въ монастырѣ копіи храмозданной грамоты; а колокольня по образцу соборной колокольни Ростова. Это обновленіе монастыря въ XVI—XVII вв. совпадаетъ со временемъ его наибольшей славы и процвѣтанія, которыя въ свою очередь объясняются тѣмъ, что именно въ это

время потоми Чета достигли высшаго положенія въ Россіи и, обладая богатыми средствами, не забывали своими щедротами основанную предкомъ обитель. Съ другой стороны великое событіе избранія на русскій престолъ жившаго въ этой обители Михаила Ѳеодоровича Романова также въ значительной мѣрѣ содѣйствовало ея возвышенію. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ вниманія къ Ипатьевскому монастырю со стороны русскихъ царей и вельможъ служить доселѣ книга вкладовъ въ монастырь, къ сожалѣнію не только непзданная, на что она имѣетъ несомнѣнное право, но даже мало кому изъ цѣнителей древности извѣстная. Уцѣлѣла она здѣсь не въ одномъ экземплярѣ; но изъ нихъ лучшая переписана въ 1728 году іеродіакономъ Антоніемъ Москвитиннымъ, съ старинныхъ образцовъ. Въ ней, наряду съ именами русскихъ князей и царей Василя Васильевича, Івана Васильевича, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, встрѣчаются имена знатныхъ русскихъ бояръ и князей Палецкихъ, Гундоровыхъ, Ромодановскихъ, Годуновыхъ, Голицыныхъ и проч. Всѣ эти лица настолько возвысили благосостояніе монастыря, что при учрежденіи монастырскихъ штатовъ, въ 1764 году, считалось за Ипатьевскимъ монастыремъ однихъ душъ мужескаго пола до 12,000, 28 сель, множество деревень въ губерніяхъ — костромской, владимірской, ярославской, казанской и симбирской; нѣсколько подворьевъ въ разныхъ городахъ, лѣсныя дачи и уголья, рыбныя ловли по рѣкамъ Волгѣ и Костромѣ и озерамъ. Тѣже самыя лица не мало содѣйствовали обогащенію монастырской ризницы цѣнными вкладами, изъ которыхъ многіе остались цѣлы доселѣ и служатъ лучшими памятниками какъ славы монастыря, такъ и стариннаго русскаго искусства въ его примѣненіи къ цѣлямъ религіознымъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ жалованныхъ грамотъ и вкладовъ, какъ они записаны въ нашей вкладной книгѣ: 1) жалованная грамота великаго князя Василя Васильевича 6951 (1443) г., которою предоставляется Ипатьевскому монастырю право перевоза чрезъ рѣку Кострому, подъ монастыремъ; 2) грамота царя Ивана Васильевича IV-го 7045 (1537) г. о земляномъ дѣлѣ села Костенева; 3) того же царя грамота 7073 (1565) г., подтверждающая права монастыря на вышѣозначенный перевозъ; 4) царя Ѳеодора Ивановича 7094 г. о рыбныхъ ловляхъ за Ипатьевскимъ монастыремъ; 5) того же царя и того

же года грамота о владѣннй вотчиною селѣ Никольскаго, Варана, Корабанова, до волости Еснемѣ села Вакорина, да въ Мерскомъ стану деревнею Святнмъ озеромъ съ деревнями; 6) того же царя 7100 г. о владѣннй пустошами Тепру, Квашино, Казанка; 7) его же 7102 г. еще грамота на вотчины Карбаново, Никольское, Варанъ; 8) его же грамота 7103 г. о владѣннй рыбными ловлями на Волгѣ; 9) его же грамота того же года о владѣннй селомъ Солониковымъ съ деревнями, селомъ Сарафановымъ съ деревнями Глебцовою и Косодайловою; 10) грамота царя Михаила Ѳеодоровича 7131 г. о владѣннй подмосковными и костромскими вотчинами; 11) его же грамота 7134 г. о владѣннй мельницею на рѣкѣ Борбѣ; 12) его же грамота 7122 г. о томъ, что слугамъ Ипатьевскаго монастыря самимъ въ судѣ креста не цѣловать; 13) его же грамота 7153 г. о владѣннй вотчиною села Семеновскаго; 14) грамота Иоанна и Петра Алексѣевичей 7191 г. о владѣннй волгскими рыбными ловлями въ Мискомъ стану. Всѣ эти грамоты еще недавно хранились въ монастырѣ на лицо; а въ настоящее время имѣется лишь самое незначительное количество снимковъ съ нихъ; гдѣ находятся оригиналы — остается неизвѣстнымъ. Но мы перейдемъ къ вкладамъ, которые занимаютъ въ нашей книгѣ наиболѣе обширное мѣсто. Въ числѣ этихъ вкладовъ встрѣчаются вклады — книгъ, церковныхъ сосудовъ и одеждъ съ драгоценными украшеніями, иконъ въ окладахъ съ драгоценными украшеніями и прочихъ церковныхъ вещей, также денегъ, драгоценной столовой посуды, хлѣба, соли, скота и проч. Приведемъ нѣсколько таковыхъ примѣровъ. Въ 7107 г. царь Борисъ Ѳеодоровичъ пожертвовалъ 100 рублей, да 100 пудовъ меду; въ 7094 году — 200 р. на каменное дѣло въ ограду, да виноходецъ голубой; Дмитрій Ив. Годуновъ въ 7095 г. пожертвовалъ лампаду серебрянную въ 60 р. да денегъ 200 р., которыя и были издержаны на ограду; ризы бархатныя, а оплечье бархатное на золотѣ, стихарь бархатный багровый, а оплечье бархатъ червчатый на золотѣ; да уларь бархатъ червчатый, да поручи бархатъ на золотѣ; двои ризы близинные, оплечье бархатъ цвѣтной червчатый..... Да ризы атласныя золотыя, сажены жемчугомъ; да ризы камчатныя, да стихарь подризный; да поручи сажены жемчугомъ; да патрахиль сажена жемчугомъ, кисти золотыя, ворворки сажены жемчугомъ..... Евангеліе сажено жемчугомъ, обложено чеканомъ и украшено камнемъ и жемчугомъ.... Отъ него же сосуды серебряныя: чаша серебряная

подписана золотомъ, вѣсу въ ней 2 гривеньки 7 золотниковъ; яндовка серебряная, подписана золотомъ, вѣсу въ ней 3 гривеньки 39 золотниковъ; стопа серебряная съ покрывкою, вѣсу въ ней гривенка 13 зол.; судки столовые, укусуница, перечница, солонка серебряныя, вѣсу въ нихъ 3 гривеньки 45 зол. Кубокъ серебр. золоченный, вѣсу 2 гривеньки; чарка серебряная, вѣсу 30 зол.; чарка подписанная золотомъ серебряная, вѣсу гривенка 47 зол.; въ 7103 г. — престолъ серебряный чеканный, да индитю къ престолу бархатну сажену жемчугомъ; кадило серебряное позолоченное чеканное со святыми; двѣ чары серебряныя для водоосвященія праздничную и всенедельную, вѣсу въ нихъ 100 рублей. Лѣта 7095 далъ государевъ бояринъ и конюшій Борисъ Феодоровичъ въ Ипатскій монастырь камку голубую, да 1½ арш. бархату золотого для ризъ.... Лѣта 7098 онъ же далъ иноходець гнѣдъ, да 42 кобылицы.... Лѣта 7100—панькадило, а подъ нимъ яйцо струкамилово, съ каменьемъ, обложено серебромъ, золочено, кисти съ золотомъ и серебромъ (см. ниже).... 7103 г. далъ домъ въ Китаѣ городѣ (въ Москвѣ) съ палатою каменною и съ погребомъ и хоромы.... Лѣта 7106 Стефанъ Вас. Годуновъ далъ 20,000 пудъ соли на сумму 1500 р. да атласъ червчатый золотной, да бархатъ золотной же, да кубокъ. Все это мы привели для того, чтобы подтвердить фактъ благосостоянія монастыря и объяснить его изъ покровительственнаго отношенія къ нему царей и знатныхъ бояръ. Но этимъ не исчерпывается еще сполна значеніе вкладной книги; для насъ она важна и со стороны собственно археологической. Отсюда мы знакомимся съ древними церковными одеждами, — съ ихъ матеріаломъ, украшеніями и отчасти формою; узнаемъ древнюю терминологію для обозначенія цвѣтовъ, матерій, а эта терминологія для опытнаго языковѣда и археолога откроетъ многое какъ относительно происхожденія самыхъ предметовъ, такъ и ихъ сущности. Отсюда мы узнаемъ, далѣе, объ единицахъ древней мѣры и вѣса и, что особенно важно, получаемъ возможность точнаго опредѣленія отношеній древнихъ единицъ вѣса къ нашимъ современнымъ единицамъ, такъ какъ нѣкоторые изъ предметовъ, отмѣченныхъ въ вкладной книгѣ, сохранились въ монастырѣ доселѣ и слѣд. названнаго отношенія требуютъ лишь повѣрки вѣса этихъ предметовъ на нашихъ вѣсахъ. Изъ того же источника мы узнаемъ о существовавшихъ въ XVI — XVII столѣтіяхъ цѣнахъ на жив-

ненные припасы и скоть, на серебро, на произведения искусства, так как составитель вкладной книги нередко вѣсть съ наименованіемъ вклада отпѣчает и его цѣнность. Для примѣра укажемъ на то, что 20,000 пудовъ соли по приблизительному тогдашнему расчету стоили около 1,500 р. ассигнаціями, слѣд. каждый отдѣльный пудъ въ гуртовой продажѣ стоялъ около 15 денегъ. Вообще необходимо признать, что рассматриваемая книга очень богата художественными и бытовыми данными и если она до сихъ поръ не сдѣлалась общезвѣстною чрезъ напечатаніе, то причина этого во всякомъ случаѣ заключается не въ ней. Остатки прежняго величія монастыря довольно значительны еще и въ настоящее время: какъ древнія монастырскія сооруженія, такъ особенно богатая древними памятниками ризница представляютъ высокій археологическій интересъ.

Въ ряду зданій первое мѣсто принадлежитъ Троицкому Собору (табл. I). По своимъ основнымъ архитектурнымъ формамъ онъ примыкаетъ къ обычному типу старинныхъ московскихъ храмовъ: форма нѣсколько удлиненнаго четырехугольника въ планѣ, съ тремя апсидами на восточной сторонѣ, съ столбами, соединенными вверху арками, надъ которыми возвышаются трибуны и куполы, — все это черты общезвѣстныя не только въ старинной русской, но даже и въ византійской архитектурѣ. Снаружи — это пятиглавое зданіе, съ фасадными формами въ видѣ трехъ закругленныхъ сверху и снабженныхъ живописями фасъ на сѣверной и южной стѣнахъ. Съ западной стороны его глухая паперть, къ которой съ сѣверной стороны ведетъ крытое крыльцо, въ видѣ портика, поддерживаемаго колоннами, раздутыми въ видѣ яйца (табл. III, рис. 1). Крыльцо и паперти этого рода представляютъ нередкое явленіе въ старинной русской архитектурѣ; достаточно здѣсь вспомнить московскій Благовѣщенскій соборъ. Всѣ внутреннія поверхности собора покрыты живописью, исполненною въ первый разъ въ XVII в. костромскими иконописцами и потомъ неоднократно поновленною. Не отличаясь какими либо стилистическими особенностями, живопись эта весьма богата своимъ внутреннимъ содержаніемъ: здѣсь находятся и историческія изображенія лицъ и событій ветхаго и новаго завѣта, и аллегоріи изъ книги пѣснь пѣсней, поучительные сюжеты, какъ напр. лѣствица духовная, апокалиптическія видѣнія, и яркая картина страшнаго суда (на паперти) съ разнообразными подробностями драматическаго характера. Въ общемъ при-

емъ распредѣленія этихъ живописей по различнымъ частямъ храма встрѣчается не мало особенностей, по сравненію съ обычными древне-византійскими и русскими приѣмами, что объясняется довольно позднимъ уже происхожденіемъ этихъ стѣнописей. Въ ряду другихъ изображеній здѣсь находятся, между прочимъ, изображенія царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича на юго-восточномъ столбѣ храма подлѣ царскаго мѣста: оба царя представлены во весь ростъ, въ царскихъ одеждахъ, съ атрибутами царской власти—скипетрами въ рукахъ. Изображенія эти отличаются достаточною свѣжестью (лицо Михаила Ѳеодоровича повреждено) и художественностію исполненія; а ихъ индивидуальныя особенности и точное воспроизведеніе подробностей костюмовъ даютъ основаніе считать ихъ не произвольнымъ вымысломъ художника, но произведеніемъ портретнымъ, хотя бы въ смыслѣ условномъ—иконописномъ. Появленіе здѣсь изображеній этихъ царей объясняется изъ воспоминанія о томъ крупномъ событіи въ фамиліи Романовыхъ, свидѣтелемъ котораго былъ Троицкій Соборъ, т. е. объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство. Что царя эти представлены въ храмѣ, мѣстѣ общаго богослуженія, наряду съ изображеніями Возжества и Святыхъ, это не должно удивлять насъ. Подобныя примѣры изображеній царей и епитимовъ встрѣчаются въ старинныхъ храмахъ византійскихъ, равно какъ и въ храмахъ Кіева, Новгорода и Москвы: они не имѣютъ здѣсь того значенія, какое усвоится изображеніямъ Святыхъ, но служатъ лишь напоминаніемъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, подобно тому, какъ и изображенія лицъ несвятыихъ на нѣкоторыхъ многоличныхъ иконахъ, напр. воздвиженія честнаго креста, „прійдите людіе, тріипостасному Божеству поклонимся“ и др. Объ этомъ предметѣ поставленъ былъ, между прочимъ, царемъ Иваномъ Грознымъ вопросъ на Стоглавомъ Соборѣ и рѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ: изображенія этого рода допущены на основаніи древняго преданія, что вполне согласуется съ уцѣлѣвшими доселѣ вещественными памятниками христіанской древности.—Иконостасъ и столбы собора украшены многими древними иконами лучшихъ писемъ; изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія четыре иконы Св. Троицы, пожертвованныя Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1586 и 1593 г. г., снабженныя надписями, указывающими на имя ихъ жертвователя и времяпожертвованія; иконы—Іоанна Предтечи, Іоанна Бо-

гослова, великомученика Дмитрія Солунскаго, икона Богоматери Тихвинской, икона „Воплощеніе“ и двѣ шитыя золотомъ и шелкомъ хоругви. Въ придѣлѣ Св. Михаила Маленна—икона успенія Богоматери, здѣсь же находится и тотъ образъ Θεодоровской Богоматери, которымъ по преданію, неподтверждаемому впрочемъ монастырскими документами, царица Марѳа благословила сына своего — Михаила Θεодоровича на царство. — Три внутреннія двери собора — съ западной, сѣверной и южной сторонъ замѣчательны какъ по своей древности, такъ и по художественности исполненія и по богатству иконографическаго содержанія ихъ украшеній. Всѣ онѣ сдѣланы въ XVI в. издѣвіемъ Дмитрія Ивановича Годунова. Въ виду особенной важности ихъ, предложимъ сначала описаніе ихъ внѣшняго вида, а потомъ представимъ необходимыя разясненія. Названныя двери сдѣланы изъ желѣза и обиты мѣдью; ихъ лицевыя стороны раздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ рамъ, въ которыхъ размѣщены сдѣланныя сусальнымъ золотомъ изображенія. На западныхъ дверяхъ (табл. II, рис. 2) въ двухъ верхнихъ рамахъ представлено благовѣщеніе: въ одной рамѣ благовѣстующій архангелъ, въ другой Богоматерь; ниже — съ одной стороны пророкъ Исаія, которому принадлежитъ пророчесственное изреченіе о зачатіи Спасителя отъ Дѣвы, съ другой — пророкъ Езекииль, изрекшій пророчество о затворенныхъ вратахъ. Относящіяся сюда пояснительныя надписи гласятъ: се дѣва во чревѣ пріиметь и родить сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ. Ангелъ Господень вдаетъ пророку Исаіи уголь во уста, его же возьмъ клещами отъ алтаря⁽¹⁾. Врата сія затворена будутъ и не отверзутся и никтоже пройдетъ сквозѣ, токмо Господь Богъ израилевъ. Еще ниже въ слѣдующей рамѣ съ одной стороны лѣствица Іакова и Богоматерь съ надписью: видѣ Іаковъ, и се лѣствица утверждена на земли, глава же ея досязаше до небеси, и Ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней, Господь же утверждашеса на ней; — съ другой стороны купина Моисея съ надписью: пасе Моисей стадо тестя своего Рагуила, и приде до горы хоривскія и видѣ купину огнемъ горящую, и его воззва Господь изъ купины глаголаше. . . . Моисей, Моисей, изуй ногу отъ сапогъ твоихъ, мѣсто бо есть свято, на немъ же ты стоиши, земля свята есть. Еще ниже — философъ Фродитіанъ съ над-

(1) Орфографію текста приводимъ въ исправленномъ видѣ.

писью: Богу родитися отъ дѣвицы чистыя Маріи, въ него и азъ вѣрую; философъ Ермій съ надписью: Бога убо разумѣти неудобно, сказать же невозможно, есть бо трисоставенъ и не сказаненъ существомъ и естество немущее въ человѣцехъ уподобленія. Въ послѣднихъ двухъ нижнихъ рамахъ: Омпросъ съ надписью: свѣтло земнымъ возсіяетъ въ языцѣхъ христосъ ходити начнетъ странно и совокупитъ земная съ небесными; — Менандръ съ надписью: неизслѣдованно и неизреченно и неразрушительно Божество въ три лица составляемо, отъ человѣкъ вземлемо и прославляемо. Всѣ эти изображенія, какъ видно, имѣютъ между собою внутреннюю связь и выражаютъ мысль о явленіи Божества во плоти: къ этой мысли приводитъ какъ изображеніе благовѣщенія, такъ и изображенія лицъ ветхаго завета съ ихъ прообразованіями, и языческихъ философовъ съ ихъ предсказаніями о Христѣ. — На сѣверныхъ дверяхъ, въ такихъ же рамахъ, находятся нѣкоторыя изображенія. Вверху — изображенія Св. Троицы и пророка Аввакума съ его пророчествомъ: Богъ отъ юга придетъ и Святый отъ горы пріосѣненныя чащи дѣвича; — рядомъ — Рождество Пресв. Богородицы и Гедеонъ съ пророчествомъ: азъ, рече, руно пронарекохъ ты отроковице прежде, отъ него же искапа роса. Ниже — пророкъ Ілія съ надписью: Ілія ревнуя поревновахъ по Господѣ Вседержителѣ, — рядомъ прор. Елисей съ надписью: живъ Богъ и жива душа твоя. Еще ниже: Еврипидъ съ надписью: азъ чаю неприкосновенному родитися отъ Дѣвы и воскресити мертвыя и пакы судити имъ; — Сивилла: отъ безневѣстныя и всечистыя Дѣвы Богу явится имъ и во адѣ сущимъ, его же трепещутъ ангельстии и человѣчестии мысли. — На третьихъ южныхъ дверяхъ (табл. II, рис. 1) вверху въ двухъ рамахъ изображено дважды благовѣщеніе въ различныхъ переводахъ, съ надписями — при одномъ: Архангелъ... посланъ бысть съ небесъ рещи Богородицѣ «радуйся, обрадованная, Господь съ тобою»; при другомъ: посланъ бысть отъ солнца праведнаго Архангелъ Гавріиль во градъ галилейскій Назаретъ ко дѣвѣ Маріи, обрученной древодѣлю Іосифу, або дѣлатель всея твари Дѣву сію на спасеніе человѣкомъ обручи... Ниже прозябшій жезлъ Аароновъ, на которомъ изображено знаменіе Богоматери, Ааронъ и Даніиль съ ихъ пророчествами; подлѣ Аарона написано: двѣтуще ты прежде моего жезла, отроковице, прозвахъ жезлъ, проявляя твою благодать; подлѣ Даніила: азъ ты рекохъ гору дѣвственную, отъ нея же отсѣчеса ка-

мень и порази тѣло златое. Еще ниже Платонъ и Аполлонъ предъ костью, лежащимъ въ гробѣ, съ надписью: Аполлонъ не Богъ, но жрецъ; но есть Богъ на небеси и Ему сняти на землю и воплотиться отъ Дѣвы чистя, въ Него же азъ вѣрую; а по моей смерти сняти Ему на землю. . . . рядомъ Валаамъ съ надписью: добрыя домове твои Иакове и селенія израилю, яко страны осѣняюще яко сады при водахъ, возсіяетъ звѣзда отъ Иакова и востанетъ человекъ отъ израиля и сотретъ князи Моавитстїи и плѣнитъ вся сифовы, израиля сотвори крѣпость. Въ нижнемъ ряду въ трехъ рамахъ изображены Сивиллы съ надписями: 1) Царица южская приде видѣти премудрость Соломона, и се болю Соломона зрѣ. . . о треблаженное древо, на немъ же распяся; 2) Единъ премудръ и страшень зѣло сѣдѣя на престолю своемъ Господь Богъ, яко премудрость отъ свята и съ нимъ есть во вѣкъ; 3) судъ знамя земли, потомъ. . . отъ небеси царь придетъ во вѣкъ будущій Исусъ Сираховъ⁽¹⁾. Таково содержаніе изображеній на нашихъ дверяхъ. Ни со стороны технической, ни со стороны иконографіи двери эти не представляютъ собою явленія единственнаго: такія же двери находятся въ московскихъ соборахъ Успенскомъ и Влаговѣщенскомъ. Всѣ онѣ устроены одинаковымъ техническимъ способомъ и всѣ вышли, вѣроятно, изъ московскихъ мастерскихъ XVI в. Различіе ихъ состоитъ въ объемѣ и неодинаковомъ размѣщеніи изображеній; другія двери, уцѣлѣвшія доселѣ въ разныхъ мѣстахъ—въ Александровской слободѣ влад. губ. (1836 г.), въ суздальской церкви Рождества Богородицы, т. н. курсунскія въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ уже представляютъ значительныя отличія отъ разсматриваемыхъ дверей какъ по технике, такъ и по характеру изображеній; но всѣ онѣ стоятъ въ генетической зависимости отъ Византіи. Металлическое производство стояло въ Византіи на высокой ступени развитія, и въ частности производство металлическихъ дверей доставило византійскимъ мастерамъ громкую извѣстность не только въ Византію, но и за предѣлами ея. До сихъ поръ сохранились бронзовыя двери Св. Софіи Константинопольской, украшенныя крестомъ и виноградными лозами. Въ X в., по распоряженію Константина Порфиророднаго, устроены были для хризотрикліи въ императорскомъ дворцѣ серебряныя двери съ изображеніями Спаси-

(1) Надписи заимствуются нами изъ описанія прот. Островскаго стр. 181—183.

теля и Богоматери. Въ XI в. цѣлый рядъ металлическихъ дверей сдѣланъ былъ византійцами для Италіи. Итальянскіе города, напр. Венеція, Амальфи находились въ то время въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византією—торговыхъ и политическихъ. Одинъ изъ знатныхъ гражданъ Амальфи, жившій перѣдко въ Константинополѣ, по имени Панталеонъ, пожертвовалъ въ соборъ своего отечественнаго города бронзовыя двери, устроенныя въ Константинополѣ: на нихъ изображены были Спаситель, Богоматерь, Апостолы—Петръ и Андрей. Двери эти удостоились благосклоннаго вниманія аббата монтекассинскаго монастыря Льва, и Панталеонъ прислалъ изъ Константинополя другія двери въ Монте-Кассино. Въ 1076 г. тѣмъ же лицомъ пожертвованы двери въ церковь Св. Ангела на горѣ Гаргано. Сынъ Панталеона устроилъ въ 1087 г. двери для церкви Спасителя въ Атрани; Робертъ Гюискаръ—для Салерно. Около того же времени (1070 г.) устроены знаменитыя врата для церкви Св. Павла за стѣнами Рима: исполнены онѣ въ Константинополѣ художникомъ Ставракіемъ, по заказу аббата Гильдебранда, впоследствии папы Григорія VII; на нихъ въ 54-хъ рамахъ представлены событія изъ жизни Спасителя, картины мученичества, изображенія пророковъ и святыхъ. Помимо разнообразія изображеній врата Ставракія замѣчательны и своею техникою: онѣ сдѣланы изъ бронзовыхъ пластинъ; на поверхности этихъ пластинъ впрѣзаны вглубь очертанія лицъ, складки одеждъ, и въ эти углубленія вставлены пластинки или нити изъ золота и серебра. Головы святыхъ, руки и ноги сдѣланы эмалевыя. Такимъ же характеромъ отличаются и двери въ храмъ Св. Марка въ Венеціи, устроенныя около 1085 г. или непосредственно византійскими художниками, или итальянскими подражателями византійцевъ: во всякомъ случаѣ ихъ византійская техника и стиль не подлежатъ сомнѣнію; тоже самое нужно сказать о дверяхъ въ Равелло, Трани, Монреале, Пизѣ и Луккѣ⁽¹⁾. Повидѣе, въ эпоху готики и ренессанса, сооруженіе цѣнныхъ дверей на западѣ не прекращалось, и плоскій рельефъ въ ихъ орнаментикѣ сталъ господствующимъ. Наоборотъ въ Россіи, если оставить въ сторонѣ памятники западнаго происхожденія, принять былъ способъ украшенія дверей близко сходный съ византійскою инкрустацією. Роль сусального золота въ разсма-

---

(1) C. Beyel, *L'art byzantin* p. 202—203.

триваючихъ шпательскихъ дверяхъ соотвѣтствуетъ подобной же роли золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ въ византийской инкрустаціи; это есть подражаніе, безъ сомнѣнія, далеко отстоящее по достоинству отъ своего прототипа.

Представляя немаловажный интересъ для исторіи художественной техники, шпательскія двери замѣчательны также и со стороны помѣщенныхъ на нихъ изображеній. Здѣсь являются предъ нами разнообразныя иконографическіе сюжеты, введенныя сюда съ цѣлію выраженія идеи объ явленіи Бога на землѣ. Къ этой цѣли направлены изображенія пророковъ съ ихъ пророчествами о явленіи Мессіи отъ Дѣвы, равно какъ и отдѣльные эпизоды изъ ветхозавѣтной исторіи, имѣющіе прообразовательный смыслъ, и языческіе философы и сивиллы. Это явленіе находитъ свое объясненіе еще въ древнехристіанской литературѣ. Древніе христіане, вдохновленные идеєю искупленія, находили немаловажный интересъ въ возможномъ сопоставленіи совершившихся событій новозавѣтныхъ съ ветхозавѣтными, тѣмъ болѣе, что примѣры такого сопоставленія ветхозавѣтныхъ пророчествъ и ихъ исполненій даны были уже въ книгахъ новаго завѣта. Руно Гедеона, купина Моисея, жертвоприношеніе Авраама, мѣдныи змѣи, Самсонъ, уносящій ворота города Газы, Иона поглощаемый и извергаемый морскими звѣремъ — суть прообразы новозавѣтныхъ событій — приснодѣвства Богоматери, принесенія І. Христомъ самого себя въ жертву за людей, креста спасающаго людей отъ вѣчной смерти, Христа сокрушающаго врата ада, Его смерти и воскресенія. Мысль эта проходитъ какъ въ древней литературѣ, такъ и искусствѣ. Языческая литература и исторія не могли также ускользнуть изъ вниманія представителей христіанской образованности. Воспитанные на началахъ классическаго образованія, знакомые съ языческою литературою, философією, искусствомъ представители христіанства не могли не обратиться и къ этой области съ цѣлію найти въ ней указанія на христіанство; и ихъ попытки не остались вполнѣ безуспѣшными. Греческіе философы Сократъ, Платонъ и др. съ ихъ возвышенными идеальными понятіями о верховномъ существѣ доставляли благодарную почву, на которой могло произойти, если не соглашеніе между христіанствомъ и основами естественной религіи, то по крайней мѣрѣ уясненіе тѣхъ предчувствій о наступленіи новой эпохи, которыя возникали среди лучшихъ людей языческой эпохи, хотя и смутно сознавались ими. Христіане нахо-

дили въ мысляхъ и изреченіяхъ язычниковъ нѣкоторыя указанія на христіанство, и въ этомъ заключается основаніе—почему нѣкоторые изъ языческихъ философовъ ставились въ рядъ пророковъ. Христіанское искусство довольно долго не вводило языческихъ философовъ въ сферу иконографіи; по крайней мѣрѣ ни въ древне-христіанскихъ, ни византійскихъ живописяхъ до XVI в. мы не знаемъ ни одного примѣра. Изъ XVII — XVIII в. одинъ примѣръ указанъ Дидрономъ въ монастырѣ Ивиронѣ на Аеонской горѣ: здѣсь во внѣшнемъ нарѣжкѣ церкви Богоматери (*Παναγία πορταϊτίσσα*) помѣщены изображенія философовъ Плутарха, Фукидида, Софокла, Платона, Аристотеля, Хилона и Солона со свитками въ рукахъ. Фукидидъ въ надписи названъ прямо философомъ (*ὁ φιλόσοφος*), Софоклъ мудрецомъ (*ὁ σοφός*), Солонъ — афиняниномъ (*ὁ Ἀθηναῖος*), Хилонъ — филологомъ (*ὁ φιλόλογος*), остальные не имѣютъ надписей. Надписи, заключающіяся въ ихъ свиткахъ не составляютъ точныхъ изреченій этихъ лицъ, но лишь выражаютъ общій смыслъ ихъ ученій. Что изображенія эти въ XVII — XVIII в. не были рѣдкими, но принадлежали къ числу болѣе или менѣе обыкновенныхъ, это видно уже изъ того, что о нихъ говорятъ греческій иконописный подлинникъ: особая глава подлинника посвящена описанію этихъ изображеній; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Аполлоній старъ, борода раздвоенная, на головѣ повязка, а въ свиткѣ написано: исповѣдую единого Бога въ троицѣ, царствующаго надъ всѣмъ міромъ; Его непорочное слово зачнется во чревѣ юной дѣвы... Платонъ старъ; большая широкая борода; въ свиткѣ его написано: древнее есть новое и новое есть древнее; отецъ въ сынѣ и сынъ во отцѣ, единство раздѣлено на три, и троица соединена въ единствѣ. Кромѣ Аполлонія и Платона греческій подлинникъ описываетъ способы изображеній Солона, Фукидида, Плутарха, Аристотеля, Филона филолога, Софокла, Тулуса египетскаго царя и Валаама ⁽¹⁾. Надписи въ ихъ свиткахъ, за исключеніемъ Валаама, формулированы уже христіанами примѣнительно къ сущности ученій названныхъ лицъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти описанія изображеній философовъ, какъ составная часть иконописнаго подлинника, были важны для иконописцевъ въ ихъ практикѣ, — иначе они и

(1) Didron, Manuel d'iconogr. chr. p. 148—150.

не вошли бы въ подлинникъ; слѣдовательно изображенія языческихъ философовъ не составляли рѣдкаго явленія въ практической дѣятельности иконописцевъ. Косвенное подтвержденіе этого находимъ у знатока аэонской живописи еп. Порфирія (1). По тѣмъ же самымъ основаніямъ, языческіе философы занесены и въ нашу русскую иконографію. Примѣры такихъ изображеній: въ Николаевской церкви Отенскаго монастыря подъ храмовою иконою св. Николая въ иконостасѣ изображенъ Омирозъ въ вѣнкѣ со свиткомъ: свѣтило на земли возсіяетъ во языцѣхъ, христосъ ходити начнетъ. Въ важицкомъ монастырѣ подъ иконою Іоанна Богослова въ иконостасѣ Платонъ со свиткомъ: Аполлонъ не есть Богъ, но есть Богъ на небесахъ, ему же снѣти на землю и воплотитися, и Елеусъ со свиткомъ: Единъ есть премудръ и страшенъ зѣло, сѣдай на престолѣ своемъ Господь вся премудрость; — подъ Спасителемъ, сѣдящимъ на престолѣ, Ерміи и Еврипидъ (2). Подобныя же изображенія философовъ со свитками находятся внизу иконостаса праваго придѣла во псковскомъ Троицкомъ соборѣ; въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ (Аристотель) на стѣнѣ надъ сѣбно сѣверныхъ дверей (3) и на московскихъ вышеупомянутыхъ дверяхъ. Въ русскихъ подлинникахъ XVII—XVIII в. встрѣчаются особныя статьи „о еллинскихъ мудрецахъ, иже отчасти пророчествоваху о превышнемъ Божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ пречистыя Богородицы“; таковы напр. подлинники Клиновской и Строгановской (4). Таковы данныя для археологическаго разъясненія изображеній философовъ на Ипатьевскихъ дверяхъ. Перейдемъ къ изображеніямъ сивиллъ. Извѣстно, что еще древне-христіанскіе писатели усвоили сивиллиннымъ книгамъ, составленіе которыхъ относится ко времени отъ II в. до Р. Х. до III в. по Р. Х., нѣкоторое пророчественное значеніе: въ ряду такихъ писателей назовемъ Іустина мученика, Татіана, Аеннагора, Климента римскаго, Климента александрійскаго, Теофила антиохійскаго, Григорія назіанзина, Арновія, Коммодіана, Лактанція, Іеронима, Амвросія, Августина, Проспера и Исидора испанійскаго.

---

(1) Зографическая лѣтопись Аэона въ Чт. въ общ. любит. дух. проsv. 1884, кн. III, мартъ, стр. 251.

(2) Макарій, археол. опис. древа. Новгорода, II, 41—42.

(3) Снегиревъ, Нам. моск. древи., 86.

(4) Буслаевъ, Очерки, II, 362—364.

Всѣ они признавали, что въ сивиллинныхъ книгахъ находятся по мѣстамъ пророчества о Христѣ, но относительно источника этихъ пророчествъ думали различно: одни изъ нихъ признавали эти пророчества плодомъ высшаго божественнаго вдохновенія, другіе напротивъ считали ихъ произведеніемъ дьявольскимъ. Императоръ Константинъ великій въ своемъ словѣ къ обществу святыхъ приводитъ пророчество о Христѣ (акростихъ $\chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\varsigma$) сивиллы эритрейской, свидѣтельствуя съ полнымъ убѣжденіемъ, что это пророчество дѣйствительно принадлежитъ язычницѣ и явилось подъ влияніемъ Божественнаго вдохновенія. Выраженій такого убѣжденія въ вещественныхъ памятникахъ христіанской древности мы не находимъ довольно долго. Первые изображенія сивиллъ принадлежатъ западной Европѣ: здѣсь онѣ найдены и въ ряду фресковыхъ живописей въ храмахъ, и въ миниатюрахъ, и въ барельефахъ, и въ шитьѣ, и въ живописи на стеклѣ. Дидронъ указываетъ примѣры во многихъ французскихъ церквахъ, и въ миниатюрахъ часослова Анны французской, дочери Людовика XI-го. Сивиллы являются на этихъ памятникахъ не въ одной традиціонной формѣ, но въ различныхъ; число ихъ простирается до 12-ти, а именно: сивилла персидская, ливійская, эритрейская, кумская, сомосская, киммерійская, европейская, тибуртинская, Агрппина, дельфійская, аспонтьенская и фригійская. Сополучность приписываемыхъ имъ предсказаній обнимаетъ пришествіе Мессіи, какъ свѣта міра, благовѣщеніе, рождество Христово въ Вилелемѣ и ясли, избіеніе младенцевъ, заупеиіа Христа, страданія Его, смерть и воскресеніе. Въ средне-вѣковой драмѣ сивиллы также не были забыты и входили въ составъ процессій, совершавшейся въ Севильѣ въ страстную пятницу ⁽¹⁾. На древнихъ памятникахъ Византіи сивиллы не встрѣчаются; но подлинникъ Дидрона, въ редакціи XVIII в., отмѣчаетъ одну Сивиллу со свиткомъ, въ которомъ написано: грядетъ съ неба вѣчный царь, который разсудитъ всяку плоть и весь міръ. Отъ Дѣвы непорочной долженъ придти единый сынъ Бога. Вѣчное, неприступное, единое Слово Божіе. Отъ него вострепещутъ небеса и человѣческій духъ ⁽²⁾. Въ памятникахъ русскихъ сивиллы встрѣчаются не очень часто; въ упомянутомъ отенскомъ монастырѣ подъ мѣстною иконою

⁽¹⁾ Didron, Manuel p. 152—153.

⁽²⁾ Didron. p. 150.

Спасителя находится изображеніе Сивиллы Делфійской, а подъ иконою Тихвинской Богоматери другая сивилла со свиткомъ: дадутъ же заушенія скверными руками. Въ клинцовскомъ подлинникѣ XVII в. сивиллы вводятся въ иконописный канонъ, на томъ основаніи, что онѣ пророчествовали о Пречистой Дѣвѣ Маріи и о воплощеніи Бога Слова (1). Въ подлинникахъ сборныхъ помѣщаются особыя статьи о мудрецахъ и сивиллахъ (2). Если принять во вниманіе отсутствіе этихъ сивиллъ въ древнѣйшихъ памятникахъ византійской и русской иконографіи и широкое распространеніе ихъ въ иконографіи западной, то легко будетъ допустить, что онѣ перешли на востокъ съ запада. Въ русской сборной рукописи гр. Строганова въ статьѣ о сивиллахъ прямо сказано, что она взята изъ книги мудреца Меркуса. Но болѣе рѣшительнымъ признакомъ западнаго происхожденія сивиллъ служитъ ихъ стиль: всѣ извѣстныя доселѣ изображенія сивиллъ какъ въ стѣнописяхъ, такъ и въ миниатюрахъ, и на дверяхъ, и на полотнѣ сдѣланы въ западномъ живописномъ стилѣ, но не восточномъ иконописномъ. Трудно допустить, чтобы изображеніе могло явиться уже въ XVI в. въ такомъ своеобразномъ, несвойственномъ духу византійскаго искусства, видѣ, если бы оно издавна существовало и въ византійскомъ подлинникѣ и въ подлинникахъ новгородскихъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ передѣлкою византійскаго стиля подъ влияніемъ запада, но съ чистымъ западнымъ стилемъ. Такимъ образомъ изображенія сивиллъ на ипатьевскихъ дверяхъ составляютъ одинъ изъ элементовъ западнаго иконографическаго преданія, хотя и имѣющаго свои основанія въ литературныхъ преданіяхъ древняго христіанства.

Съ западной стороны собора находится колокольня (табл. III, рис. 3), сооруженная въ 1603 году иждивеніемъ Д. И. Годунова, по образцу соборной колокольни Ростова. Форма ея—стѣна длиною 11 сажень, шириною $3\frac{1}{2}$ сажени; въ пролетахъ этой стѣны расположены колокола, уже извѣстныя въ археологической литературѣ. Реставраціи колокольни въ 1770 и 1852 гг. измѣнили ея подробности; но среди этихъ измѣненій легко отличить въ ней первоначальную основную форму. Въ шатровой башнѣ, возвышающейся надъ колокольнею, сохранились остатки механизма

(1) Макарій, II, 42.

(2) Буславъ, Очерки II, 362—364.

древнихъ часовъ, сильно поврежденнаго, но отличающагося оригинально-
стію: по видимому, ипатьевскіе часы принадлежать къ тому же самому типу,
что и извѣстные часы на Новгородской Евфиміевской башнѣ. Съ южной
стороны собора и колокольни находится храмъ въ честь Рождества Бого-
родицы, построенный въ 1859—1864 г. на мѣстѣ стараго храма того же
имени, и потому не представляющій археологическаго интереса (табл. III,
рис. 2). Къ западу — знаменитый по историческимъ воспоминаніямъ
ипатьевскій дворецъ, въ которомъ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ до избранія
на царство; на нашемъ рисункѣ (табл. IV) онъ представленъ уже въ видѣ
реставрированнаго⁽¹⁾. Когда въ 60-хъ годахъ задумана была его реставрація,
то рѣшено было взять за образецъ боярскаго сооруженія извѣстный домъ,
принадлежавшій тому же Михаилу Ѳеодоровичу въ Москвѣ, существующій
до сихъ поръ. Къ сожалѣнію это рѣшеніе осталось лишь въ проектѣ; а на
дѣлѣ между двумя названными зданіями оказалось слишкомъ мало сход-
ныхъ чертъ. Такимъ образомъ памятникъ этотъ уже утратилъ свое значе-
ніе для исторіи русскаго искусства и важенъ для насъ лишь по соединен-
нымъ съ нимъ историческимъ воспоминаніямъ. Внутреннее убранство дворца
обнаруживаетъ въ реставраторѣ гораздо болѣшую долю знанія и вкуса, что
объясняется, между прочимъ, и тѣмъ, что предъ глазами его находились
здѣсь же въ старомъ дворцѣ остатки старинной мебели и изразцовъ, при-
мѣнительно къ которымъ могла быть устроена внутренняя обстановка.
Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе изразцы на печахъ съ сипными рисунками
по бѣлому полю. Рисунки имѣютъ по большей части аллегорическій харак-
теръ; они не отличаются сложностію и особенною выразительностію; но
недостатокъ ихъ внутренняго выраженія восполняется находящимися здѣсь
надписями, состоящими изъ библейскихъ изреченій и поговорокъ; напр.
„правда и миръ облобызастася“; при рисункѣ, изображающемъ змѣя на де-
ревѣ, находится надпись: „съ тобою засыхаю“; изображеніе зайца съ на-
вострѣнными ушами сопровождается надписью „недремлющимъ окомъ кара-
юлю“ и проч. Изъ мебели обращаютъ на себя вниманіе кресла и стулья,
обитыя разрисованною и раззолоченною кожей и шитою шелкомъ и сере-
бромъ матерію: большая часть ихъ — имитация. Изъ предметовъ религіоз-

⁽¹⁾ О видѣ его до реставраціи, хотя также не первоначальною, можно судить по гравюру
1832 г., приложенной въ началѣ этой статьи.

Вып. 4-й.

ныхъ уцѣлѣлъ здѣсь одинъ деревянный складень: въ срединѣ его изображена Богоматерь Теодоровская съ Арх. Михаиломъ, св. Николаемъ, Арх. Гаврииломъ и Сергіемъ Радонежскимъ, а въ боковыхъ крыльяхъ складня— апостолы Петръ и Павелъ. Преданіе не безъ вѣроятности считаетъ этотъ складень принадлежностію моленной комнаты Михаила Теодоровича. Всѣ остальные предметы дворца сдѣланы вновь.

Ризница ипатьевского монастыря заключаетъ въ себѣ такое богатое собраніе древностей, какое можно встрѣчать лишь въ рѣдкихъ русскихъ монастыряхъ, и съ расширеніемъ помѣщенія могла бы служить хорошимъ церковно-археологическимъ музеемъ. Здѣсь представляется взорамъ наблюдателя разнообразіе и роскошь художественныхъ формъ, высокое качество матеріала — золота, серебра, жемчуга, бархата и парчи, высокія достоинства древне-русской техники; все это, вмѣстѣ съ историческими преданіями о собранныхъ здѣсь предметахъ, невольно вызываетъ вниманіе къ нашему историческому прошлому. Почти всѣ предметы ипатьевской ризницы рекомендуютъ наше старинное искусство только съ лучшихъ сторонъ. Безъ сомнѣнія, это вовсе не означаетъ того, что наше старинное искусство не имѣло темныхъ сторонъ, а свидѣтельствуетъ лишь, во 1-хъ, о томъ, что сюда поступали преимущественно вклады именитыхъ лицъ, исполненные лучшими художниками, во 2-хъ, о томъ, что предметы сравнительно худшіе, какъ не имѣющіе въ глазахъ обыкновеннаго цѣнителя искусства важнаго значенія, были уничтожены. Все разнообразіе древностей ипатьевской ризницы сводится къ слѣдующимъ группамъ: 1) церковные сосуды, 2) кресты, 3) иконы и складни, 4) памятники древняго шитья, 5) рукописи разнаго содержанія, особенно лицевыя; 6) документы.

1) Наиболѣе цѣнные сосуды пожертвованы въ ипатьевскій монастырь Годуновыми. Лучшіе изъ нихъ—это подарокъ Дмитрія Ивановича и сына его Владимира Годуновыхъ—массивный потиръ, дискосъ, звѣздца, копіе и лжица, сдѣланные изъ золота (поддонъ дискоса серебряный и составляетъ работу позднѣйшую); потиръ украшенъ чеканными изображеніями четырехъ евангелистовъ, а дискосъ — изображеніемъ Вожественнаго Агнца - Младенца, подлѣ котораго стоятъ ангелы съ ромбональными рипидами. Потиръ имѣетъ надпись: „лѣта 1599 при царѣ и великомъ князе Борисѣ Теодоровичѣ всея руси далъ сей потиръ вдомъ пречистые и живоначальныя Троицы

выпачкой монастырь золотые сосуды потиръ звѣзду три блюда лжицу коницо дагъ конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ и сынъ его Владиміръ по своей душе и по своихъ родителей и ввечны благъ“. Второй потиръ серебряный съ звѣздицею и лжицею 1603 года, — подарокъ околыничаго Ивана Ивановича Годунова: потиръ украшенъ витымъ орнаментомъ и чеканнымъ изображеніемъ Деисиса. Третій потиръ серебряный отличной ажурной работы, съ серебрянымъ дискосомъ и звѣздицею въ стилѣ второй половины XVII вѣка. Къ этой же категоріи предметовъ слѣдуетъ отнести водосвятныя чаши, изъ которыхъ одна пожертвована Яковомъ Аванасьевичемъ Годуновымъ (во иноцѣхъ Іосифъ), въ царствованіе Ивана Грознаго; вторая 1594 года и третья начала XVII в. — подарокъ Д. И. Годунова. Два паннихидныхъ блюда, изъ которыхъ одно пожертвовано тѣмъ же Д. И. Годуновымъ, другое Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ. Обращаетъ на себя вниманіе также иѣдное литое паникадило съ нѣсколькими ярусами свѣчниковъ и надписью: „во 167 году (1659) дагъ вкладу выпачкой монастырь Иванъ Ивановичъ Щетневъ паникадило.“ По своей формѣ оно сходно съ такими же паникадилами Новгородскаго Софійскаго собора, изъ которыхъ самое большое устроено въ 1600 году въ царствованіе Бориса Годунова, какъ это видно изъ находящейся на яблѣ его надписи. Отъ другаго паникадила, пожертвованнаго Борисомъ Годуновымъ, сохранилось въ ипатьевской ризницѣ одно строфокамилово яйцо въ серебряной оправѣ, съ надписью вырѣзанною вокругъ: „лѣта 7101-го генваря в ѿ се паникадила у живоначальныя Троицы во храмѣ ипатьскаго мѣтѣря поставилъ слуга и конюшей і бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ“⁽¹⁾. Представляютъ интересъ также: серебряная ладонница съ 13-ю бюстовыми изображеніями свѣтскаго характера, исполненная въ стилѣ возрожденія, повидимому, западнымъ художникомъ и, вѣроятно, бывшая первоначально ларцомъ или солонкою; кропило, пожертвованное Иваномъ Андреевичемъ Голицынымъ, западной работы, передѣланное, кажется, изъ подсвѣчника; другое кропило 1658 года съ черневою надписью: лѣта 7166 году Августа въ 6-й день построено сіе кропило въ домъ живоначальныя Троицы въ Ипацкій монастырь при архиморятѣ Тихонѣ збратію изъ ризницы; фонарь, сдѣланный изъ жальза и

(1) Надпись эта обязательно сообщена намъ о. ризничимъ іеромонахомъ Гавріиломъ.

слуды въ формѣ многостолбной шатровой церкви, — одинъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода, уцѣлѣвшихъ доселѣ.

2) Напрестольные серебряные кресты XVI—XVII вв: одинъ изъ нихъ, украшенный филигранью и жемчугомъ, положенъ въ монастырь игуменомъ Вассіаномъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и митрополитѣ Макаріѣ въ 7071 году. Крестъ этотъ снабженъ св. мощами, среди которыхъ, между прочимъ, отмѣченъ въ надписи „ладонь“ неизвѣстнаго происхожденія. Другой крестъ 7102 г. (1594) положенъ Д. И. Годуновымъ; въ числѣ находящихся въ немъ мощей отмѣчены надписями „пѣна чернаго моря,“ „неопалимая купина,“ подъ которою нужно разумѣть, вѣроятно, часть того несгораемаго куста, въ которомъ нѣкогда явился Моисею Самъ Богъ; здѣсь же — часть того жезла, которымъ Моисей извелъ воду изъ камня въ безводной пустынѣ. Третій серебряный крестъ, безъ обозначенія года, но не ранѣе XVII в., заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ другими мощами, часть неопалимой купины и жезла Моисея, часть манаты и посоха Александра Свирскаго, часть гроба св. Пафнутія Воровскаго, одѣяло (!) св. великомученика Пафнутія Воровскаго, переть Проконія Устюжскаго, переть Ивана Юродиваго и „песочикъ ерданскій“. Четвертый серебряный крестъ 195 (1687) года; — пятый того же года крестъ съ ладономъ чудотворца Сергія и каплею крови Спасителя. Какъ бы мы ни объясняли появленіе въ ряду мощей этого іорданскаго песочка, морской пѣны, неопалимой купины и жезла Моисеева, — составляютъ ли они изобрѣтеніе завѣзжаго грека, эксплуатировавшаго простодушіе русскаго человѣка, или приобрѣтены дорогою цѣною русскимъ поклонникомъ во святыхъ мѣстахъ, во всякомъ случаѣ здѣсь обнаруживается непоколебимая и простосердечная вѣра русскаго человѣка въ историческую святиню, вѣра безъ всякаго скептицизма и критики. Іорданскій песочъ являлся въ его сознаніи символомъ великаго событія въ исторіи христіанства — крещенія Спасителя; купина Моисеева указывала на одно изъ великихъ чудесъ ветхаго завѣта и служила символомъ приснодѣвства Богоматери; жезлъ Моисеевъ чрезъ посредство ветхозавѣтнаго чуда изведенія воды изъ камня напоминалъ о водѣ жизни, дарованной Спасителемъ вѣрующимъ въ Него. Въ чувствѣ глубокой набожности онъ съ благоговѣніемъ хранилъ, какъ завѣтную святиню, частицы одеждъ русскихъ подвижниковъ, даже ихъ ладонь и частицы гробовъ. Явленіе весьма замѣчательное для

характеристики нравовъ нашихъ предковъ! Здѣсь же отмѣтимъ два креста XVIв., сдѣланные изъ кости, съ рѣзными изображеніями праздниковъ и святыхъ, очень тонкой работы: одинъ изъ нихъ съ греческими надписями, что указываетъ на его греческое происхожденіе.

3) Собраніе иконъ представляетъ значительное разнообразіе какъ въ отношеніи техники, такъ и иконографическаго содержанія ихъ. Здѣсь встрѣчается и рѣзба на кости, камнѣ, аспидѣ и деревѣ, и иконопись лучшихъ мастеровъ XVI—XVII столѣтій, и чеканная и филигранная работа. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ: а) складень рѣзной (табл. V рис. 1); на одной половинкѣ его изображена Св. Троица, Авраамъ и Сарра подъ дубомъ мамврійскимъ; это одна изъ самыхъ древнихъ формъ изображенія Троицы, восходящая своимъ началомъ къ древнѣйшему періоду византийскихъ мозаикъ и миниатюры. По серебрянымъ полямъ этого изображенія начеканена надпись: о тебѣ радуется обрадованная вся тварь, архангельскій соборъ и человѣческій родъ. Надпись эта, очевидно не имѣетъ тѣснаго отношенія къ изображенію Св. Троицы и относится къ сюжету „О тебѣ радуется,“ помѣщенному на другой половинкѣ складня. Перестановка эта сдѣлана, безъ сомнѣнія, однимъ изъ реставраторовъ складня. Другая половинка складня имѣетъ кругомъ надпись: днесъ спасенію нашему начатокъ вѣчной тайнѣ явленіе; между тѣмъ изображенъ здѣсь, какъ сказано, сюжетъ „О тебѣ радуется.“ Изображеніе это въ своемъ содержаніи воспроизводитъ текстъ упомянутой церковной пѣсни: здѣсь мы видимъ сонмы ангеловъ вокругъ Богоматери, о которыхъ говоритъ выраженіе пѣсни: „ангельскій соборъ;“ внизу рядъ святыхъ мужей, на которыхъ указываетъ другое выраженіе той же пѣсни „человѣческій родъ;“ вверху—палаты въ видѣ храма и дерева, что соответствуетъ словамъ пѣсни „освященный храмъ и раю словесный;“ наконецъ въ центрѣ — Богоматерь съ Младенцемъ Спасителемъ, о которой означенная пѣснь говоритъ: „дѣвственная похвало, изъ нея же Богъ воплотился и младенецъ бысть. . . .“ Вверху изображенія написано: „О тебѣ радуется“. . . . б) Другой складень также изъ черной кости съ серебряными полями, украшенными золотою сканью (табл. V, рис. 2), заключаетъ въ себѣ изображеніе Богоматери съ Младенцемъ Иисусомъ, обрамленное кругомъ, положеннымъ на восьмиугольный никбъ, въ углы котораго помѣщены символы четырехъ евангелистовъ, Св. Духъ въ видѣ

голубя и нѣсколько символическихъ знаковъ (рука, ковчегъ, лампада), подъ которыми является Богоматерь въ церковныхъ иѣснопѣніяхъ; между углами звѣзды помѣщены изображенія херувимовъ⁽¹⁾. На другой половинѣ складня находится нѣсколько группъ изображеній, рѣдкихъ по своимъ формамъ и ихъ комбинаціи: въ верхней части представленъ образъ Богоматери, предъ которымъ стоитъ пророкъ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, въ мантии и головной повязкѣ, довольно обычной въ иконографіи ветхозавѣтныхъ пророковъ; слѣва надъ палатами — изображеніе Спасителя (2), благословляющаго пророка. Ниже — престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Спаситель со свиткомъ; подлѣ него — женщина въ мантии съ обнаженными плечами и народъ. Еще ниже — закланіе тельца, какъ оно обыкновенно представляется на изображеніяхъ Св. Троицы подъ дубомъ мамврійскимъ. Комбинація иконографическихъ группъ здѣсь необычайна; но объяснивъ въ указанномъ смыслѣ отдѣльныя группы, мы полагаемъ возможнымъ дать слѣдующее объясненіе цѣлому образу: верхняя часть выражаетъ идею ветхозавѣтнаго пророчества о рожденіи Спасителя, премудрости Слова Божія, и если допустить, по аналогіи съ подобными же изображеніями, что образы Богоматери и пророка — означаютъ купину Моисееву, то нужно будетъ признать, что здѣсь выражена также и мысль о приснодѣвствѣ Богоматери. Въ срединѣ эта предсказанная въ ветхомъ завѣтѣ Премудрость является въ видѣ двѣнадцатилѣтняго Иисуса Христа, поучающаго народъ въ храмѣ іерусалимскомъ; для яснѣйшаго выраженія идеи о Софіи Премудрости художникъ помѣстилъ рядомъ съ Спасителемъ женщину, какъ олицетвореніе Софіи въ античномъ образѣ, принятое въ христіанской иконографіи. Внизу изображены плоды премудрости „закалывающей жертвенныхъ животныхъ и уготовляющей трапезу для ищущихъ премудрости“⁽³⁾. Итакъ, цѣлое представляетъ Премудрость Божию въ трехъ различныхъ моментахъ. в) Третій складень костяной составляетъ, какъ видно изъ надписи, вкладъ по Иванѣ, убиенномъ царевичѣ; г) Складень деревянный съ изображеніями Пресв. Богородицы и святителя Николая чудотворца, украшенный по полямъ серебряною басмою и серебряными съ финифтью вѣнчиками; заключаетъ въ себѣ: мощи

(1) О значеніи этихъ подробностей см. Опытъ описанія нѣкоторыхъ символич. иконъ. А. Виноградовъ. Спб. 1877.

(2) Притч. Солом. IX, 1—5.

св. царя Константина и Иоанна Перскаго, кровь Христову и песокъ гроба Господня. — Изъ ико́нь писанныхъ на деревѣ отмѣтити: икону св. Александра Невскаго, представленнаго въ монашескомъ одѣянїи со свиткомъ, образъ Св. Троицы съ изображенїями на поляхъ—князя Всеволода и княгини Ольги, двѣ иконы Владимірской Богоматери, украшенный филигранью паннагіарь съ изображенїями снаружи свв. Ипатїя и апостола Филиппа, образъ мученицы Агриппины — владѣ Годуновыхъ. Сверхъ того — болѣе 20-ти древнихъ ико́нь, пожертвованныхъ Годуновыми, пять ико́нь, пожертвованныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, икона Мати Молебница, образъ Иоанна новгородскаго чудотворца, иконы Умиленїя и Казанской Богоматери и проч. доставляютъ цѣнный матеріалъ для исторїи русскаго иконописанїя въ XVI и XVII вв.

4) Памятники древняго шитья въ Ипатьевской ризницѣ многочисленны и разнообразны. На табл. VI рис. 1—2 представлены два воздуха или покроя, шитые золотомъ и серебромъ по червчатой камкѣ и украшенные жемчугомъ. Въ центрѣ того и другаго представленъ Агнецъ Божїй, закланный за грѣхи всего міра; около Него по два ангела съ рипидами, представленны въ положенїи лицъ служащихъ; сверху низходитъ на Агнца (въ рис. 2 подъ звѣздицею) Св. Духъ отъ Бога Отца. По угламъ херувимы и серафимы. Цѣльное изображенїе представляетъ жертву Спасителя подѣ формами литургическими. Вокругъ воздухонъ расположены соответствующія надписи, вышитыя серебромъ и жемчугомъ; на первомъ написано: се агнецъ Божїй взямаѣй грѣхи всего міра. Примите и ядите се естъ тѣло мое еже за вы лонимое во оставленїе грѣховъ. Надпись на поляхъ втораго покроя: дасть святнымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рекъ примите и ядите се естъ тѣло мое еже за вы и лонимое во оставленїе греховъ. Сверхъ того на этомъ послѣднемъ покровцѣ вышита еще другая надпись, объясняющая его происхожденїе: Божїею милостию при благовѣрномъ Государе царѣ и великомъ князе Борисе Феодоровиче в(с)ея ру(си) самодержце и при его благовѣрной царице и велико(й) княгини Марье и при ихъ благородныхъ чадахъ при благовѣрномъ царевиче Феодорѣ и при благовѣрной царевне Ксенїи сдѣлалъ сеи сударь конюшей бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ вдомя живоначальной Троице ипацкаго монастыря по своей душѣ и по своихъ родителейъ ввечныхъ ради благъ лѣта 7107-го* (1599). Надъ

ангелами и звѣздцею написано: се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра.— Достойны вниманія также: два сударя, изъ которыхъ одинъ пожертвованъ женою Ѳеодора Іоанновича Аграфеною Годуновою, другой—Д. И. Годуновымъ (Островскій, 101 — 102); шитые образа свв. ап. Филиппа, великомуч. Дмитрія и Ипатія; шитая пелена, въ срединѣ которой представлена Св. Троица, а по краямъ 16 изображеній, содержаніе которыхъ опредѣляется слѣдующими надписями: а) сотвори 10 (9) чиновъ ангельскихъ, б) сотвори небо и землю и воду, в) сверженіе сатанино съ небесъ, г) созда Господь Адама отъ земли и дуну на лице его душу живу, д) изгнаніе Адама и Евы изъ рая за преступленіе, е) Ной собираетъ животныхъ въ ковчегъ двое двое, ж) явился Св. Троица Аврааму подъ дубомъ маврійскимъ, з) умовеніе ногъ Св. Троицы, и) угодова Авраамъ Св. Троицѣ трапезу, і) искушаетъ Господь Авраама о сынѣ его, к) иде Св. Троица къ Содому и Гоморру погубити, л) кланяшеся Авраамъ Господу вопрошаше о праведницехъ, м) изведе Господь изъ Содома Лота и дщери его, н) погуби Господь Содомъ и Гоморръ, жена Лотова столпъ бысть, о) Іаковъ видѣ лѣстницу и ангели Божіи, п) Моисей видѣ купину огнемъ палиму.— Шитая плащаница съ изображеніемъ въ срединѣ положенія во гробъ Спасителя; она положена въ монастырь Годуновыми, и потому на поляхъ ея представлены святые, тезоименитые Годуновыхъ: (1) Агіосъ Николай, Іоаннъ Богословъ, ап. Петръ, арх. Михаилъ, ап. Павелъ, Андрей, митр. Алексѣй, Іоаннъ лѣствичникъ, Дмитрій великомученикъ, Василій, Парасковія Пятница, Ѳеодоръ Тиронъ, Глѣбъ, Борисъ, Стефанида, Евфимія, Ксенія, Агриппина, Екатерина, Пятница (!), Ѳеодоръ Стратилать, св. Иванъ, Симеонъ, Георгій и Сергій; также деисисъ и ангелъ. Находящаяся вокругъ надпись „со святыми упокой“ и т. д. указываетъ на то, что это былъ надгробный покровъ.— Покровъ 1645 года, положенный на гробницу Алексѣя Никитича Годунова женою его Ксеніею. Покровъ 1592 года, положенный царицею Ириною на гробницу отца Ѳеодора Іоанновича Годунова.— Образцы шитья находятъ здѣсь также на священнослужительскихъ облаченіяхъ: древнія фелони съ роскошными бархатными оплечьями (до 7 фелоней) и до 7 древнихъ оплечій, пришитыхъ уже къ новымъ ризамъ, епитрахили и набедренники составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній ризницы;

(1) Догадка эта принадлежит о. ризничему іеромонаху Гаврилу.

особенно хороши: фелонь, украшенная серебряными дробницами, съ надписью: лѣта 7153 (1645) сентябрь въ 1-й день дала сія вкладныя ризы въ домъ живоначальныя Троицы въ монастырь святыхъ чудотворцевъ Ипатія и Филиппа по Алексіѣ Никитичѣ Годуновѣ; — двѣ также украшенныя серебряными дробницами и подаренныя Годуновыми въ 1587 году епитрахили; парчевая епитрахиль съ вышитыми изображеніями ап. Павла, митр. Іоны и діакона Тимона, шесть древнихъ палицъ, изъ которыхъ двѣ украшены серебряными дробницами, одна жемчугомъ и три съ изображеніями — Знаменія Богоматери, Св. Троицы и митр. Алексія; набедренникъ 1669 года и проч.

5) Лицевыя рукописи ипатьевского собранія относятся къ XV—XVII в. и представляютъ собою евангелія и псалтири. Лучшее и древнѣйшее изъ лицевыхъ евангелій писано не позднѣе 1603 года и составляетъ вкладъ окольного Ивана Ивановича Годунова, какъ это видно изъ надписи на серебряномъ окладѣ его, находящемся теперь на другомъ печатномъ евангеліи 1682 года (1). Составъ этого евангелія слѣдующій: надпись, въ которой излагаются свѣдѣнія о четверичномъ числѣ евангелій; сказаніе о годовомъ порядкѣ евангельскихъ чтеній; оглавленіе евангелій отъ Маттея, и Теофилакта архіепископа Болгарскаго предисловіе къ евангелію Маттея; текстъ четырехъ евангелій; праздничныя евангелія отъ Сентября; сказаніе о дневныхъ и воскресныхъ евангеліяхъ всего года; послѣдованіе часовъ св. великаго пятка и различныя евангелія на дни безплотныхъ силъ, мучениковъ, іерарховъ, преподобныхъ и проч.; также на частныя случаи. Рукопись эта писана превосходнымъ полууставомъ въ десять и украшена роскошными голубыми раззолоченными заставками предъ каждымъ изъ четырехъ евангелистовъ и многочисленными миниатюрами. Обычныя въ евангеліяхъ изображенія четырехъ евангелистовъ представляютъ здѣсь нѣкоторыя отличія въ усвоенныхъ евангелистами символахъ: ев. Маттею усвоенъ ангелъ съ книгою въ рукахъ, ев. Марку — орелъ съ книгою, ев. Луку — телець съ крыльями и книгою; ев. Іоанну, который диктуетъ Пророку, левъ съ крыльями и книгою, въ которой написано: въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово, сей бѣ искони къ Богу.

---

(1) Островскій, 95.

Отличіе это; впрочемъ, не есть оригинальная черта нашего евангелія и повторяется нерѣдко въ другихъ памятникахъ. Высокую важность имѣютъ миниатюры разсматриваемаго евангелія, сопровождающія евангельскій текстъ. Примѣнительно къ тексту ев. Маттея, первая миниатюра его представляетъ родословное древо, иллюстрирующее книгу родства І. Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Внизу картины среди двухъ горъ съ двумя городами сидитъ старецъ Авраамъ; отъ него идутъ вверхъ ряды медальонныхъ изображеній Исаака, Іакова, Іуды и проч., перевитыхъ одною непрерывною вѣтвію плюща. Цѣлый рядъ поколѣній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, замыкается вверху Богоматерью, „изъ нея же родился Іисусъ глаголемый Христосъ“. Для того, чтобы яснѣе опредѣлить значеніе Богоматери въ этомъ ряду, миниатюристъ помѣстилъ въ чревѣ ея изображеніе Младенца Іисуса во весь ростъ, подобно тому, какъ это изрѣдка встрѣчается на иконахъ благовѣщенія. Въ самомъ верху картины миниатюристъ изобразилъ Рождество Христово, со всѣми подробностями, сопровождавшими это событіе; въ яркихъ краскахъ представлены здѣсь: явленіе ангела пастырямъ, шествіе волхвовъ и поклоненіе ихъ родившемуся Спасителю, явленіе ангела волхвамъ, гнѣвъ Ирода, обманутаго волхвами, избіеніе младенцевъ и бѣгство во Египетъ, причемъ на ряду съ идущою Богоматерью и Іосифомъ, несущимъ Спасителя на плечахъ, введена апокрифическая подробность въ лицѣ Симона ведущаго осла. Такова иллюстрація ев. Маттея. Иначе поступаетъ миниатюристъ въ отношеніи евангелія Марка: здѣсь онъ выбираетъ событія изъ начала, середины и конца Евангелія и изображаетъ: проповѣдь Предтечи, крещеніе Спасителя, искушеніе Его въ пустынѣ и призваніе первыхъ апостоловъ, чудо умноженія хлѣбовъ, Преображеніе, входъ въ Іерусалимъ, вечерю въ домѣ Симона, тайную вечерю, ходатайство Іосифа аримаеяйскаго о погребеніи тѣла Спасителя, снятіе Спасителя съ креста и положеніе его во гробъ. Въ евангеліи Луки миниатюристъ представляетъ явленіе ангела Захаріи съ вѣстію о рожденіи Предтечи, Благовѣщеніе (съ руководълемъ), Обрѣзаніе и Срѣтеніе; здѣсь ему пришлось отмѣтить еще разъ родословіе І. Христа, согласно съ сказаніемъ объ этомъ предметѣ въ III главѣ ев. Луки. Въ евангеліи Іоанна листъ миниатюръ заключаетъ въ себѣ слѣд. изображенія (табл. VII): вверху Отечество, т. е. изображеніе Св. Троицы, Отца, сѣдящаго въ обра-

зѣ старца на високомъ престолѣ и окруженнаго херувимами и серафимами, Сына въ нѣдрахъ Отца и Св. Духа въ нѣдрахъ Сына. По изъясненію надписи, миниатюра эта выражаетъ слова ев. Іоанна: въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово; сей бѣ искони къ Богу. Бога никто же видѣ нигдѣ же, Единородный Сынъ сый въ лонѣ Отчи Той исповѣда намъ. Въ обычной на древней памятникахъ композиціи этого изображенія Св. Духъ помѣщается надъ главою Сына, но не въ нѣдрахъ Его. Однакожъ и тѣ немногія изображенія, гдѣ Св. Духъ является въ нѣдрахъ Сына, отнюдь не выражаютъ собою идею католичества объ исхожденіи Св. Духа „и отъ Сына“; здѣсь задача миниатюриста заключается не въ томъ, чтобы выразить въ наглядныхъ формахъ взаимоотношеніе лицъ Пресв. Троицы, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что Св. Духъ, изображенный въ нѣдрахъ Сына, исходитъ не отъ Отца, но только отъ одного Сына, — а въ томъ, чтобы изобразить единство Божества при триничности лицъ; далѣе этого не простиралась мысль художника богослова. Рядомъ съ этою миниатюрою художникъ изобразилъ бракъ въ Канѣ галилейской и изгнаніе изъ храма торгующихъ, ниже — бесѣду съ Никодимомъ, бесѣду съ Самарянкою и исцѣленіе разслабленнаго; еще ниже — явленіе І. Христа ученикамъ на морѣ тиверіадскомъ во время бури, исцѣленіе слѣпаго и воскрешеніе Лазаря; все это такія событія, которыя доказываютъ Божество Спасителя, слѣд. выборъ ихъ свидѣтельствуетъ о достаточныхъ богословскихъ понятіяхъ нашего миниатюриста. — За евангелиемъ Іоанна слѣдуетъ рядъ миниатюръ, стоящихъ въ связи съ отдѣльными евангельскими чтеніями: раздаваніе апостоламъ тѣла и крови Христовой раздѣльно въ двухъ особыхъ миниатюрахъ, вечера въ домѣ Сиона, умовеніе ногъ, распятіе Спасителя, испрошеніе Іосифомъ и Никодимомъ тѣла Іисусова у Пилата, снятіе Спасителя съ креста, положеніе его во гробъ, воскресеніе въ видѣ сошествія въ адъ и вознесеніе на небо. Всѣ отиѣченныя миниатюры весьма удовлетворительны со стороны художественной и отличаются стремленіемъ къ живописи въ смыслѣ академическомъ. Другое евангеліе 1605 года — вкладъ Д. И. Годунова, какъ это видно изъ надписи, начеканенной на задней серебряной доскѣ оклада. На лицевой сторонѣ его — серебряный окладъ съ изображеніями (на дробницахъ) святыхъ тезоименитыхъ Годуновымъ. Миниатюры его расположены на поляхъ рукописи и

изображают многія евангельскія событія: въ ев. Матеея находится 38 миниатюръ, Марка 10, Луки 35, Иоанна 16. Со стороны иконографической онѣ не представляютъ какихъ либо оригинальныхъ особенностей; единственное здѣсь, довольно рѣдко повторяющееся въ другихъ русскихъ памятникѣхъ, изображеніе, это добрый пастырь съ овечкою на плечахъ, помѣщенный въ видѣ иллюстраціи къ евангельской притчѣ о заблудшей овцѣ; это остатокъ искусства древне-христіанскаго. Съ художественной стороны миниатюры эти не безукоризненны; всѣ лики святыхъ сдѣланы чернилами, контуры и драпировка не отличаются правильностію и тщательностію, но краски чрезвычайно свѣжи и ярки. — Третье Евангеліе печатное 1681 года съ миниатюрами на поляхъ, сдѣланными отъ руки; двѣ миниатюры замѣчательны по своей оригинальности: иллюстрируя слова евангелія Матеея „видиши сучецъ во оцѣ брата твоего, бревна же, еже есть во оцѣ твоешъ, не чуеши“ (Мате. VII, 3), миниатюристъ представилъ двухъ лицъ, стоящихъ другъ противъ друга и изобразилъ въ глазахъ ихъ — у одного сучекъ, у другого цѣлое бревно. Вуквализмъ этого рода нерѣдко встрѣчается въ нашихъ миниатюрахъ XVI—XVII вв., особенно въ лицевыхъ псалтиряхъ и сборникѣхъ; въ частности и отиѣченный сюжетъ повторяется какъ въ миниатюрахъ греческихъ, такъ и въ русскихъ и западныхъ; для примѣра можно указать на лицевой сборникъ музея общества любителей древней писменности № XXXIX, печатное изданіе Ионки 1712 г., съ западными гравюрами, гдѣ названный сюжетъ объясняетъ главу объ осужденіи, біблію Пискатора (изд. 1674 г., л. 327). Въ другомъ мѣстѣ, представляя явленіе воскресшаго Спасителя ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, нашъ художникъ изобразилъ Спасителя въ обыкновенной шапкѣ! Это неслыханное дѣло въ византійской и русской иконографіи; оно находитъ свое объясненіе въ образцахъ западной гравюры. Въ бібліи Пискатора сцена эта отличается тою же тривиальностію, какъ и въ нашихъ евангеліи: Христосъ идетъ, среди двухъ учениковъ, въ шляпѣ и съ посохомъ въ лѣвой рукѣ (л. 411); тамъ же въ сценѣ явленія Маріи Магдалинѣ воскресшій Спаситель является въ костюмѣ виноградаря, въ шляпѣ съ лопатою въ лѣвой рукѣ (л. 410). Западный художникъ, вводя въ картины эти подробности, хотѣлъ выразить мысль о томъ, что Христосъ, являясь въ такомъ необыкновенномъ для Него видѣ, не могъ быть узнавъ тѣми, съ кѣмъ Онъ

бесѣдовалъ. Русскій художникъ, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, подражалъ западному образцу. — Сверхъ отиѣченныхъ евангелій заслуживаютъ также вниманія еще три рукописныя евангелія: одно 1561 — 1564 г., другое 1588 и третье безъ опредѣленной даты, но не позднѣе XVI в.; во всѣхъ ихъ находятся изображенія евангелистовъ; а въ первомъ изъ нихъ, принадлежавшемъ Адриану Михайлову изъ Сергіева монастыря, символами первыхъ трехъ евангелистовъ служатъ фигуры ангеловъ въ восьмиугольныхъ нимбахъ, олицетворяющія собою Софію Премудрость Божию.

Три Ипатьевскія лицевыя псалтири представляютъ три различныя редакціи. Первая XVI в. отличается однообразіемъ миниатюръ, изображающихъ по преимуществу одного и того же царя Давида предъ образомъ Спасителя. Вторая псалтирь 1591 года — владѣть Д. И. Годунова, заключающая въ себѣ до 576 миниатюръ отчасти въ листъ, отчасти въ половину листа, представляетъ собою совершенно особую, неизвѣстную намъ по другимъ памятникамъ, редакцію и отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ иконографическихъ сюжетовъ. Мысль миниатюристовъ направлена здѣсь главнымъ образомъ къ воспроизведенію событій новозавѣтныхъ, для которыхъ псалтирь доставляетъ множество прообразовъ и пророчествъ; и если свести въ одно цѣлое всѣ находящіяся здѣсь изображенія событій новозавѣтныхъ, то предъ нами явится почти цѣльная евангельская исторія въ лицахъ. Здѣсь же проявляются многія любопытныя черты, характеризующія литературныя и художественныя воззрѣнія нашихъ предковъ: обиліе образовъ и сравненій, заимствованныхъ изъ внѣшней природы, стремленіе къ воспроизведенію подробностей, заимствованныхъ изъ фізіологовъ и бестіаріевъ, напр. объ оленѣ, орлѣ, аспидѣ глухомъ, притчи, напр. притча о суетѣ человѣческой жизни, олицетворенія земли и моря въ видѣ полубнаженныхъ женщинъ, Иордана въ видѣ старца, вѣтра въ видѣ юноши съ трубою во рту. Подробности эти характеризуютъ степень начитанности русскаго человѣка и даютъ ключъ къ рѣшенію вопроса объ отношеніи русскаго искусства къ античному, византійскому и западному ⁽¹⁾. Прилагаемые два рисунка (табл. VIII) даютъ наглядное понятіе о характерѣ миниатюръ этой псалтири. Ри-

---

(1) Подробности въ нашей ст. объ этой псалтири: Христ. Чт. 1883 г. №№ 11—12.

сунокъ 2-й представляетъ первый листъ первой каензмы; подъ изящною заставкою его написано золотомъ вязью: Давида пророка и царя пѣснь каензмы; въ миниатюрѣ направо (отъ зрителя) представленъ Иосифъ аримаетейскій, къ которому приближается І. Христосъ; это „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ,“ какъ видно изъ помѣщенной надъ главою Христа надписи: Иосифъ Аримаетей не иде на совѣтъ къ жидомъ. Совѣтъ же жидовъ изображенъ съ лѣвой стороны: это первосвященники и книжники съ книгою закона совѣщаются относительно Христа; раздраженная толпа ихъ жестама даетъ понять, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь и къ чему приведетъ это совѣщаніе; надпись надъ этою частію миниатюры: жидове на Господа совѣтъ совѣщаваютъ како Его убити. Далѣе на первой сторонѣ между изображеніями І. Христа и Иосифа изображено подобіе рѣвки голубаго цвѣта, а внизу цвѣтущее дерево: по всей вѣроятности, миниатюристъ желалъ здѣсь выразить наглядно извѣстное уподобленіе блаженного мужа древу: и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водѣ, еже плодъ свое дастъ во время свой и листъ его не отпадетъ (Пс. I ст. 3). Такимъ образомъ уже съ самаго начала миниатюръ художникъ переносится мыслию въ новый завѣтъ и обнаруживаетъ наклонность къ наглядному представленію даже образовъ и сравненій псалмопѣвца. — Рисунокъ 1-й представляетъ извѣстную притчу о суетѣ человѣческой жизни, заимствованную изъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ. Притча говоритъ, что нѣкоторый человѣкъ, спасаясь отъ преслѣдованія единорога, упалъ въ пропасть; но во время паденія зацѣпился за вѣтви растущаго здѣсь дерева. Посмотрѣвъ внизъ, онъ съ ужасомъ замѣтилъ пасть страшнаго змѣя, изрыгающую огонь, и двухъ мышей — черную и бѣлую, которыя грызли корень дерева. Опасность была велика, но когда погибающій увидѣлъ на деревѣ капли меда, то, презирая всѣ ужасы, сталъ ѣсть этотъ медъ. Притча эта, по объясненію Варлаама, означаетъ слѣдующее: единорогъ — смерть преслѣдующая человѣка, пропасть — миръ сей, исполненный зла, дерево — человѣческая жизнь, змѣя — адская утроба, мыши черная и бѣлая — ночь и день, медъ — сладость міра сего. Подробности эти мы видимъ и въ нашей миниатюрѣ, гдѣ представленъ единорогъ, преслѣдующій человѣка, человѣкъ сидящій на деревѣ, двѣ мыши у корня дерева и пасть страшнаго змѣя. Объяснительная надпись „житіе человѣче“ и характеръ миниатюры показываютъ ясно, что

здѣсь иллюстрируются слова 143-го псалма „человѣкъ суетѣ уподобися“ (ст. 4). Остальная часть миниатюры, не имѣющая, по видимому, органической связи съ первой, представляетъ царя Давида, группу павшихъ ницѣ воиновъ и вверху — Господа Саваога. — Третья псалтирь 1594 года пожертвована въ Ипатьевскій монастырь также, какъ и предыдущая, Д. И. Годуновымъ и въ своихъ миниатюрахъ сходна съ другими псалтирями, написанными въ томъ же году по заказу того же лица для монастырей Соловецкаго, Кириллобѣлозерскаго и Троице-сергіева (1600 г.); также самая редакция и въ известной псалтири угличской 1485 г., хранящейся въ императорской публичной библиотекѣ, равно какъ и въ лучшей изъ нихъ по достоинству миниатюры и древнѣйшей пергаментной псалтири, писанной въ 1397 году въ Кіевѣ и находящейся теперь въ музеѣ императорскаго общества любителей древней письменности⁽¹⁾. Миниатюры этой редакціи менѣе сложны, чѣмъ въ псалтири 1591 г., не столь богаты по своему замыслу и не столь крупны (сдѣланы на поляхъ рукописи) и многочисленны, хотя въ общемъ направленіи ихъ нельзя не видѣть нѣкотораго сходства съ псалтирью 1591 г.⁽²⁾ Тамъ и здѣсь обнаруживается наклонность къ изясненію текста псалтири изъ событій новаго завѣта, по мѣстамъ буквализмъ, притча и олицетворенія.

6) Последнюю категорію памятниковъ Ипатьевской ризницы составляютъ документы; говоримъ не о тѣхъ документахъ, которые хранятся въ монастырскомъ архивѣ, но собственно о бумагахъ находящихся въ ризницѣ. — Еще въ недавнее время количество этихъ документовъ было здѣсь весьма значительно, и въ ряду ихъ находилось не мало такихъ, которые имѣютъ не только мѣстное, но и общее значеніе для исторіи Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ уже изданы въ специальныхъ археографическихъ изданіяхъ, другіе вошли въ составъ специальныхъ изслѣдованій по русской исторіи, иные еще и до сихъ поръ остаются неизвѣстными. Уже довольно давно знатоки русской старины стали обращаться къ Ипатьевскимъ документамъ для разясненія исторіи дома Романовыхъ, искали здѣсь также и другихъ памятниковъ древней письменности, и къ какимъ блестящимъ результатамъ приво-

---

(1) Изданіе ея посредствомъ фототипіи, въ цѣльномъ видѣ, ожидается въ непродолжительномъ времени.

(2) См. объ этой редакціи ст. Ф. И. Буслаева въ Очеркахъ т. II стр. 199 и слѣд.

дали иногда эти поиски — известно каждому; достаточно вспомнить, что здѣсь найденъ былъ Ипатьевскій списокъ лѣтописи, относимый историографами къ XV — XVI в. Существующіе теперь въ монастырѣ рукописи не имѣютъ столь широкаго значенія, но въ рѣшеніи вопросовъ частныхъ, особенно касающихся исторіи Костромы и сосѣднихъ мѣстностей, онѣ являются незамѣнимыми. Общее количество ихъ, помимо документовъ архива, простирается до 500. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: списокъ съ грамоты объ избраніи Михаила Феодоровича на царство; прототипъ этого списка, известнаго уже въ печати⁽¹⁾, принадлежалъ крестьянину села Тетеринскаго (Нерехтск. уѣзда) Алексѣю Иванову; списокъ съ грамоты Екатерины II-й, подтверждающей права и привилегіи потомковъ Сусанина (доставленъ священникомъ Костровымъ черезъ протоіерея Діева); грамота царя Алексѣя Михайловича Ипатьевскому архимандриту Гермогену 7158 (1650) г. на постройку большой каменной Троицкой церкви въ Ипатьевскомъ монастырѣ, по образцу ярославскаго собора; указъ объ отправленіи отставныхъ стрѣльцовъ для пропитанія въ Ипатьевскій монастырь; указъ Императора Петра I-го о томъ, чтобы ни настоятелю, ни братіи монастыря не выдавать зажитыхъ денегъ впредь до царскаго указа; — грамота патриарха Адриана объ опредѣленіи въ галичскій новозаозерскій монастырь архимандрита Тарасія и о пожалованіи ему (1691 г.) среброкованой шапки (въ ризницѣ Ипатьевской хранится эта шапка); рядъ документовъ, относящихся къ исторіи Сыпанова монастыря, основаннаго недалеко отъ Нерехты однимъ изъ учениковъ Сергія Радонежскаго Пахоміемъ (№№ 124, 140—142, 147—149; 155, 162, 171, 176, 189, 202, 211, 298, 472); нѣсколько грамотъ, относящихся къ исторіи церквей Костромы и Костромской епархіи, именно: грамота патр. Іоакима 7185 (1677) г. о построеніи церкви Пятницы въ г. Вуѣ, грамота моск. митрополита Діонисія Ипатьевскому строителю Гурію о построеніи церковей въ селахъ Вакоринѣ, Прискоковѣ и Яковлевскомъ; патриаршая грамота о поставленіи игумена Корнилія въ архимандрита воздвиженскаго монастыря, подписанная патриархами Филаретомъ и Іоасафомъ; несудимая грамота и проч. Не говоря уже о мѣстномъ значеніи этихъ рукописей, онѣ представляютъ не маловажный

⁽¹⁾ Ср. Росс. Визлѣв. Новикова VII, 128—233.

интересъ и для общей археологіи. Возьмемъ напр. рядъ храмозданныхъ грамотъ, весьма однообразныхъ по своему содержанію: онѣ не только разъясняютъ намъ частную исторію многихъ костромскихъ церквей, но и облегчаютъ рѣшеніе общихъ вопросовъ о формахъ русской религіозной архитектуры въ XVI — XVII вв. и о церквахъ т. н. обыденныхъ, т. е. построенныхъ въ одинъ день. Въ этихъ грамотахъ, составленныхъ въ обычной схемѣ, встрѣчаемъ безусловное запрещеніе со стороны духовной власти сооружать церкви шатровыя. Такъ въ грамотѣ патр. Іоакима 7185 г. читаемъ, что когда въ 185 году староста, посадскій человѣкъ, ударилъ челомъ о построеніи новой церкви во имя Пятницы въ г. Буѣ, вмѣсто сгорѣвшей обыденной ружной церкви, то патріархъ разрѣшилъ такую постройку, однакожъ въ грамотѣ замѣтилъ: „а верхъ бы на той церкви былъ не шатровой, и алтарь сдѣланъ круглый тройной, а въ церкви въ олтарной стѣнѣ царскія двери были бы посреди, а по правую сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя. А подлѣ царскихъ дверей по правую сторону поставить образъ Всещилостиваго Спаса и... Святаго храма, а по лѣвую — Богородицы и иныя по чину“. Въ 7178 (1670) году патріархъ Іоасафъ, разрѣшая построеніе въ костромскомъ уѣздѣ въ шацкомъ устьѣ церкви во имя Покрова Пресв. Богородицы, писалъ, чтобы „верхи на церкви и на придѣлахъ были не шатровыя, и олтари дѣлать круглыя тройныя“. Въ 1701 году Стефанъ Яворскій разрѣшилъ построить церковь въ селѣ Бахчинѣ во имя св. Николая Чудотворца, но въ храмозданной грамотѣ по этому поводу писалъ: „а верхъ на той церкви велѣтъ сдѣлать по чину противъ прочихъ деревянныхъ церквей, а не шатровый... алтарь круглый“. Тотъ же митрополитъ въ 1715 г., разрѣшая въ г. Костромѣ построеніе деревянной Покровской церкви, опять присоветовалъ: „а верхъ бы на той церкви сдѣлать по чину противъ прочихъ церквей, а не шатровый“. Выписки эти показываютъ, что въ XVII—XVIII в. духовная власть старалась рѣшительно не допускать построенія шатровыхъ церквей, довольно распространенныхъ у насъ въ XVI столѣтіи. Фактъ достаточно извѣстный, но еще доселѣ не получившій точнаго объясненія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ именно заключалась причина запрещенія сооружать шатровыя церкви? На этотъ вопросъ даются разнообразныя отвѣты, исходящіе иногда отъ соображеній, основанныхъ на фактахъ случайныхъ; между тѣмъ въ самомъ текстѣ приведенныхъ храмозданныхъ гра-

моть находится довольно ясное указаніе на эту причину. Іерархи въ грамотахъ говорятъ, что нужно сооружать храмы не шатровые, а по чину противъ прочихъ церквей, слѣд. шатровые храмы признавались не соответствовавшими церковно-строительному чину, обычному какъ въ православной Греціи, такъ и въ Россіи. Чинъ этотъ требовалъ, чтобы церкви сооружались въ видѣ нѣскольکو удлиненныхъ четверугольниковъ съ одною или тремя апсидами, съ обычнымъ верхомъ, съ одною, тремя или пятью главами, а церкви шатровыя представляли особый типъ, уклоняющійся отъ этого чина. Безъ сомнѣнія, и шатровыя церкви извѣстны были въ древности русской, но онѣ до XVI в., сколько можно судить по историческимъ и археологическимъ даннымъ, не составляли обычнаго явленія; а потому духовная власть, опираясь на древнее преданіе о формахъ церковныхъ сооруженій, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, смотрѣла на нихъ не совсѣмъ благосклонно и старалась поддерживать обычную традиціонную форму храмовъ.

Оканчивая здѣсь наши замѣчанія о нѣкоторыхъ древностяхъ Ипатьевского монастыря, какъ о важномъ источникѣ археологическаго знанія, позволяемъ себѣ выразить надежду, что онѣ будутъ подробно изслѣдованы и изданы въ интересахъ нашей исторіи.

Профессоръ Н. Покровскій.

Перечень снимковъ съ памятниковъ древности Костромскаго Ипатьевского монастыря.

I. Троицкій соборъ съ сѣверо-западной стороны; направо (отъ зрителя) часть колокольни и церкви Рождества Богородицы; налѣво архіерейскій домъ съ церковію свв. Хрисанеа и Даріи. — II. Рис. 1, южныя двери Троицкаго собора, ведущія въ придѣлъ св. Михаила Маленна; рис. 2, западныя двери. — III. Рис. 1, крыльцо Троицкаго собора; рис. 2, церковь Рождества Богородицы, рис. 3, колокольня. — IV. Дворецъ Михаила Теодоровича. — V. Рис. 1 — 2, костяные складни ипатьевской ризницы. — VI. Рис. 1 — 2, шитые воздухи ипатьевской ризницы. — VII. Миниатюры Евангелія 1603 года. — VIII. Рис. 1 — 2, миниатюры ипатьевской лицевой псалтири 1591 года.

ЛИРНИЦІЯ ПѢСНИ.

«Перебендя старий, сѣпий. —
Хто ёго не знае?
Він усюди вештається
Та на кобзі грає».

Кобзарь Т. Шевченка.

Частный слушатель Археологическаго Института И. Ф. Тюменевъ, въ бытность свою въ Подольской губерніи лѣтомъ 1881 года, имѣлъ случай познакомиться съ четырьмя мѣстными лирниками-пѣвцами и записалъ нѣсколько пѣсень, которыя и представилъ въ Археологическій Институтъ вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ о лирникахъ юго-западной полосы Россіи и объ ихъ искусствѣ. Не придавая особеннаго значенія пѣснямъ, записаннымъ г. Тюменевымъ, тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать отъ всей души этотъ опытъ нашего слушателя: не говоря уже о думахъ, даже многія обрядовыя и другія народныя пѣсни, часто представляющія глубокой интересъ по своему содержанию и поэтическому складу, мало по малу вымираютъ, оставалась до поры до времени только въ тихихъ уголкахъ, куда не проникло еще цивилизующее вліяніе городовъ, фабрикъ, солдатчины и т. п. Въ настоящее время какою то грустью и какъ будто ироніей звучать вдохновенныя стихи нашего знаменитаго пѣвца Украины:

„Наша дума, наша пісня
Не вире, не загине . . .“

Уже одно стремленіе сохранить эти безхитростныя думы, эти задушевные пѣсни, само по себѣ представляетъ отрадное явленіе, не только желательное и пріятное, но съ точки зрѣнія науки и необходимое.

Нельзя не пожалеть, что г. Тюменевъ, по собственному его признанію, не знакомъ съ языкомъ того края, пѣсни котораго ему пришлось записывать, вслѣдствіе чего многія слова и выраженія онъ вынужденъ былъ записывать, не всегда понимая ихъ значеніе и смыслъ, просто по слуху. Необходимымъ слѣдствіемъ такого чисто механическаго способа передачи являются тѣ ошибки и погрѣшности, которыя въ записанныхъ пѣсняхъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Нужно впрочемъ принять во вниманіе и то, что языкъ Литинскаго уѣзда Подольской губерніи (гдѣ записаны пѣсни) представляетъ смѣсь малороссійскаго языка съ польскимъ, при чемъ деревни, отстоящія одна отъ другой на разстояніи 10 — 15 верстъ, зачастую совершенно разнятся по нарѣчію. Неудивительно, что пѣсни эти и въ устахъ лириковъ являются уже настолько исковерканными, что сами пѣвцы не понимаютъ значенія многихъ словъ и выраженій изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя они поютъ.

Въ губерніяхъ Полтавской, Харьковской и Кіевской слѣпые пѣвцы, странствующие изъ села въ село со своими музыкальными инструментами „кобзаями“, называются „кобзарями“, въ Черниговской же — „бандуристами“. Ни одна ярмарка, ни одинъ храмовой праздникъ безъ нихъ не обходится и народъ съ особенною охотою и любовью слушаетъ ихъ по цѣлымъ часамъ. Рѣдкій артистъ оперной труппы пользуется такимъ серьезнымъ вниманіемъ. Взгляните на толпу, собравшуюся вокругъ стараго слѣпого кобзара. Сказать, что толпа эта слушаетъ пѣніе — этого мало: вся эта толпа, какъ одинъ человѣкъ, стоитъ, заставъ дыханіе, боясь проронить хотя одно слово, и впечатлѣнія пѣсни живо отражаются на лицахъ слушателей. Малороссійскія пѣсни, за весьма немногими исключеніями, отличаются грустными напѣвами и вслѣдствіе этого почти всегда можно видѣть слушателей и особенно слушательницъ съ глазами полными слезъ. Впрочемъ репертуаръ пѣсенъ у старыхъ опытныхъ кобзарей до чрезвычайности разнообразенъ.

Профессоръ О. Э. Миллеръ, въ его статьѣ „Малороссійскія думы и кобзарь Остапъ Вересай“⁽¹⁾, говоритъ между прочимъ, что „Вересаю пришлось научиться и нѣкоторымъ шуточнымъ пѣснямъ, не подходящимъ къ его характеру, вѣроятно вслѣдствіе значительнаго упадка къ думамъ“ . . .

---

¹⁾ Др. и Нов. Рос. 1875 г., кн. IV.

Такое соображеніе едва ли вѣрно: опытный кобзарь, какъ во времена казачества, такъ и теперь, для всякаго случая найдетъ подходящую пѣсню:

„З дівчатами на вигоні —
„Гриця“ та веснянку,
А у шинку з парубками —
„Сербина“, „Шинкарку“;
.....
.....
На базарі — про Лазаря,
Або, щобъ те знали,
Тяжко - важко заспіває,
Як Січ руйнували“.

Смѣло можно сказать, что не было ни одного мало-мальски выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ въ исторіи народа событія, для котораго не нашелся бы свой пѣвецъ. Кобзарскія пѣсни — это исторія народа, вся его многострадальная жизнь съ дикими порывами необузданной воли и разгула и съ воплями тоски и отчаянія. Пѣсни — душа его.

„Думы, — говоритъ О. Э. Миллеръ, — произведенія послѣдняго творчества Украины, воспѣвающія подвиги запорожцевъ въ борьбѣ съ турками и поляками...“⁽¹⁾ „Героизмъ современной дѣйствительности не могъ не свести народнаго творчества на историческую почву и не закрѣпить его на ней окончательно...“⁽²⁾

Прекрасная характеристика русской народной пѣсни, сдѣланная нашимъ поэтомъ писателемъ-археологомъ гр. А. К. Толстымъ, вполне применима и къ малороссійскимъ пѣснямъ и думамъ: „... Тутъ и тоска безконечная, безнадежная, тутъ и сила непобѣдимая, тутъ и роковая печать судьбы, желѣзное предназначенье, одно изъ основныхъ началъ нашей народности, которымъ можно объяснить многое что въ русской жизни кажется непонятнымъ...“⁽³⁾

---

(1) Чтеніе проф. О. Э. Миллера (Сборн. Археолог. Инст. кн. III).

(2) Его же — «Малороссійскія думы и кобзарь Остапъ Вересаѣ». (Др. в Нов. Рос. 1875 г., кн. IV).

(3) Князь Серебряный, изд. 1882 г., стр. 15.

Никто конечно и не станеть оспаривать такого важнаго значенія народныхъ пѣсенъ для исторіи и пока эти пѣсни не заглокли, пока есть возможность собрать хотя послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки и сохранить ихъ для исторіи, до тѣхъ поръ всякое стремленіе къ этому должно пользоваться искреннимъ сочувствіемъ.

Дѣйствительный членъ Рагозинъ.

Записаннымъ пѣснямъ г. Тюменевъ предпосылаеть слѣдующій очеркъ:

Лирикъ — всегда слѣпецъ и всегда нищій. Бродя съ своей лирой по селамъ, съ одного престольнаго праздника на другой, онъ поетъ народу свои духовныя пѣсни, и тѣмъ кормится. Незатѣйливо его искусство, не хитерь складъ его пѣсенъ, но народъ любитъ своего пѣвца и охотно слушаетъ его повѣствованія про Юрья, про Василья, про страсть Христову, — его хвалебныя гимны, его религіозно-покаянныя или аскетическія думы; а иногда тотъ-же лирикъ становится представителемъ и народнаго юмора, заставляя хохотать чуть не до слезъ своихъ слушателей юмористическими созданіями народной поэзіи. Но эти проявленія простодушнаго веселья сравнительно довольно рѣдки; большею частію лирикъ сосредоточенно серьезенъ и пѣсня его либо проникнута религіозной торжественностью, либо щемящей сердце тоскою.

Не сложна и лирицкая наука, но требуетъ большой памяти; впрочемъ, какъ-бы въ возмѣщеніе слѣпоты, природа надѣлила этихъ народныхъ рапсодовъ прекрасною памятью. Рѣдкій изъ нихъ не содержитъ въ головѣ до сотни различныхъ пѣсенъ, которыя, будучи напечатаны, составили-бы довольно объемистую книгу.

Для обученія главнымъ пѣснямъ, составляющимъ основу ихъ репертуара, числомъ въ три-четыре десятка, требуется, по словамъ лириковъ, приблизительно около двухъ лѣтъ. Обыкновенно молодой слѣпецъ, желающій быть лирикомъ, идя въ науку къ опытному пѣвцу, поселяется гдѣ нибудь по близости отъ него, а иногда и въ его домѣ. За обученіе платится известная сумма денегъ по обоюдному соглашенію. Одновременно съ пѣ-

снями ученику преподается и игра на *лирѣ*. Лира или, какъ называется она въ другихъ мѣстностяхъ, *кобза* — есть инструментъ, построенный на тѣхъ-же основаніяхъ какъ и всѣ инструменты смычковой группы. Черезъ весь корпусъ, — какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка, — отъ ящика (А), гдѣ помѣщаются колки, почти вплоть до ручки (Б), натянуты три струны (а, б, в). Недалеко отъ ручки, струны эти проходятъ по поверхности гладкаго валика, который поставленъ вертикально и перпендикулярно струнамъ; валикъ, замѣняющій здѣсь смычекъ и смазанный канифолью, для предохраненія отъ порчи, покрытъ полукруглою крышкою (В). Вертя ручку, лирникъ приводитъ въ вращательное движеніе валикъ, который, въ свою очередь, заставляетъ вибрировать плотно лежащія на немъ струны. Нижнія двѣ струны, прилегающія къ бокамъ валика, подстроены въ квинту, которая, какъ на волынкѣ, звучитъ во все продолженіе игры; на третьей-же струнѣ, проходящей по вершинѣ валика, составляющей октаву основного тона, играется небольшая тема мелкими нотами, представляющая собою довольно неразборчивую фигурацію даннаго напѣва. Съ боку этой струны придѣланы колышки, числомъ отъ 8 до 12, — а иногда и болѣе, — на каждомъ изъ нихъ, противъ струны, прикрѣплено по небольшому деревянному перу. Колышки эти свободно двигаются взадъ и впередъ по деревянной дощечкѣ, въ которую они вдѣланы. Вертя валикъ правою рукою, лирникъ, пальцами свободной лѣвой, нажимаютъ нужные ему колышки, подвигая ихъ на струну, причемъ деревянное перо укорачиваетъ ее на подобіе пальца въ скрипичной игрѣ. Какъ только рука отнята, колышекъ, въ силу наклоннаго положенія лиры на колѣняхъ играющаго, снова спадаетъ на прежнее мѣсто, струна-же, подъ давленіемъ другого пера, издаетъ уже слѣдующій звукъ — и т. д. — Игра на лирѣ обыкновенно не сопровождается пѣніемъ самихъ пѣсенъ и звуки ея слышатся лишь въ промежуткахъ между отдѣльными куплетами, или, по выраженію лирниковъ: „пунтами“ пѣсни. Для обученія игрѣ на этомъ инструментѣ учитель связываетъ пальцы своей лѣвой руки съ пальцами лѣвой руки ученика и, играя тотъ или другой напѣвъ, передаетъ ему такимъ образомъ свое искусство. Но игра на лирѣ дается далеко не сразу: молодые лирники въ большинствѣ случаевъ играютъ незavidно.

Лирники обыкновенно не довольствуются репертуаромъ вынесеннымъ ими изъ школы; они постоянно перенимаютъ новыя пѣсни отъ товарищей,

иногда разбивалась пѣсню на пѣсню, иногда-же вознаграждая учителя угощеніемъ въ ближайшей корчмѣ.

Но завѣтный идеалъ всѣхъ лирниковъ составляютъ акафисты. Знаніемъ акафистовъ они гордятся и щеголяютъ имъ. Лирникъ, умѣющій прочитать два-три акафиста, служить уже предметомъ вниманія и даже нѣкоторой зависти со стороны своихъ товарищей. Это происходитъ отчасти по той причинѣ, что акафистъ, будучи длиннѣе и сложнѣе пѣсни, не такъ легко поддается запоминанію, отчасти-же и потому, что онъ болѣе цѣнится слушателями и чтеніе его оплачивается заказчикомъ въ размѣръ 20 коп. и болѣе, тогда какъ за простую пѣсню платится отъ 3-хъ до 5-ти копѣекъ. Чтеніе акафистовъ (которое, по обилію заказовъ не рѣдко исполняется лирникомъ уже у себя дома) имѣетъ цѣлію молитву о здравіи какого нибудь болящаго или за упокой души умершаго, и потому получаетъ характеръ уже нѣкотораго молитвеннаго священнодѣйствія въ родѣ молебна или панихиды. Лирникъ, читающій акафистъ, уже перестаетъ быть простымъ христарадникомъ, и становится чѣмъ-то въ родѣ богомольца за міръ православный. Такимъ образомъ знаніе акафистовъ, улучшая матеріальное состояніе лирника, въ то-же время какъ-бы переводитъ его въ число лицъ, стоящихъ ближе къ церкви, а слѣдовательно имѣющихъ большее значеніе въ сравненіи съ простымъ пѣвцомъ-нищимъ.

Приступая къ изложенію самыхъ пѣсней, прошу снисхожденія къ тѣмъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, которыя, вѣроятно, встрѣтятся въ ихъ редакціи, такъ какъ, не будучи уроженцемъ того края и не вполне знакомый съ мѣстнымъ языкомъ, я былъ принужденъ записывать нѣкоторыя слова и выраженія, не всегда понимая ихъ значеніе и смыслъ, — подѣ часъ даже просто по слуху. Хотя, по возможности, и старался я получить объясненіе непонятныхъ мѣстъ какъ отъ лирниковъ, такъ и отъ мѣстныхъ жителей, но не только эти послѣдніе, но даже, къ сожалѣнію, и пѣвцы не могли дать отвѣта на мои вопросы, такъ какъ зачастую сами не понимали того, что было сказано въ пѣснѣ. Понятно, что при подобномъ механическомъ заучиваніи и передачѣ неясныхъ для пѣвца словъ и выраженій, произношеніе ихъ появлялось уже въ сильно искаженномъ видѣ, а слѣдовательно съ тѣми-же неправильностями и записано мною, такъ какъ я старался только какъ можно точнѣе передать то, что слышалъ, не считая себя доста-

точно компетентнымъ для какихъ-бы то ни было поправокъ или измѣненій.

Лирикъ Викторъ Бегазюкъ, отъ котораго мы слышали сообщаемыя здѣсь пѣсни, (1) ослѣпъ на 5-мъ году отъ рожденія. Учился пѣть у известнаго литинскаго лирика Павла, а потомъ занимался съ войничинскимъ (село близъ Литина) лирикомъ Михайломъ Тымчукомъ. Въ наукѣ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Акафистовъ еще не знаетъ, хотя и желалъ бы имъ научиться; пѣсенъ помнитъ болѣе 80-ти и кромѣ того знаетъ разныя молитвы. Лиру онъ принесъ отъ Павла, такъ какъ его собственную отобралъ у него по дорогѣ какой-то сельскій староста за то, что пѣвецъ не хотѣлъ поставить ему требуемое око водки (вообще лирики частенько жалуются на притѣсненія со стороны мѣстной сельской администраціи). Бегазюкъ производитъ крайне пріятное впечатлѣніе. Какою-то стариною, какимъ-то поэтическимъ міромъ слѣпой вѣры и твердаго убѣжденія, какою-то мощью и грандіозностью вѣтъ отъ этого слѣпота пѣвца и его незатѣйливыхъ пѣсенъ. — Онъ спѣлъ пѣсни: про Николая, про Лазаря, Сироту, про Иосифа, про Страшный судъ и наконецъ юмористическую пѣсню про Паньщину.

I.

ПРО НИКОЛАЯ.

Moderato.

Напѣвъ:

Большаго-го есть на зем-ли тро-на; кто схо-че со-бѣ-

за па - тро - на ѣ-го о-бра-тить въ Ни-ко-ла - я свя - та, боль-но - му есть

(1) Прилагаемые рисунки — лирика Бегазюка и лиры — исполнены слушателемъ Института Ф. Ф. Святловымъ, который снималъ ихъ съ натуры въ то самое время какъ я записывалъ пѣсни. И. Тюменевъ.

NB. Есть еще и другой напѣвъ этой пѣсни, но мнѣ не привелось его слышать.

Вольши ёго есть (1) на земли трона; —
Кто схоче собі за патрона
Ёго обратить в Николая свята:
Вбольшому есть помочникъ сполняти
Въ разумѣ.

Аще бысь потопалъ на морі,
Онъ, прибуде, Николай, вскорѣ;
То такъ и в морці: Святый Николаю,
Ратуи (2) насъ! — заразъ (3) рудъ дае(тъ)
А в помощь.

Онъ ратуе(тъ) насъ з огня и з темници,
Сиротамъ, вдовицамъ
Онъ дае спосб(у) (4), якъ на світі жити,
Тилько его треба (5) просити
А в помощь.

Досыть (6) юже такъ не мало люде
Дознали пресвятого чуда:
Втунувся (7) (7) ему щиримъ сердцемъ (8) помолить, —
Наименьшій чуноу(тъ) (9), сердце не забблить,
Дастъ ему Богъ.

Онъ зведеть съ путія блудящихъ;
Швидко насъ винъ почуветь молящихъ,
Да не упадемъ миждо лютыя волки;
Онъ разженеть противныя (10) полки —
Низгинеть.

Аще бысь а в якои напасти,
Онъ не дастъ, Николай, пропасти.
Хочъ бысь бувъ расу́жденъ на сгубу (11)

Самъ упадетъ напрасникъ в пагубу
Вѣчную.

Сиротамъ онъ есть опикунъ
И в справахъ разнихъ патрономъ.
Та не уважай, хочь нема ему злата,
Тилько-бъ просили Николая Свята
На поміць.

Кормитель онъ е(сть) всему міру
Хто тилько дастъ ему офиру, ⁽¹²⁾
Дастъ способу лезъ на світі жити;—
Алчущаго речеть накормити
Завсїгда.

И мы всі преклоняймо главы
Святителю отцу Николаю;
А мы ще будемъ его ублагати, ⁽¹³⁾
Онъ буде насъ всіхъ ратувати
Святнй Николай.

Ой святителю Николае отче,
Ратуй насъ, о всімъ чудїятворца ⁽¹⁴⁾
Рачь (?) Творица за всей мірь ублагати,
Бисъ мы могли в небі прославляти
На вікі віковъ.

---

(1) Судя по смыслу выраженія, какъ мнѣ объяснилъ его лирикъ, это „естъ“, мнѣ кажется, слѣдуетъ замѣнить славянскимъ отрицаніемъ: „нѣсть“.—(2) Ратуй—спаса.—(3) Заразь—тогдашъ.—(4) Способа—способъ, умѣнье.—(5) Треба—надо.—(6) Досыть—доселе?—(7) Вступуса—выраженіе совершенно непонятное. Въ словарь «Української (або Югової-Руської) мови» Пискунова встрѣчается слово: втнуть или утнуть, равносильное русскому: сдѣлать, совершить,—но врядъ-ли здѣсь употреблено это слово, хотя, судя по смыслу, значеніе слова „вступуса“ очень близко должно подходитъ къ выраженію втнуть.—(8) Щиримъ сердцемъ — искреннимъ сердцемъ.—(9) Чунокъ — по объясненію лирика, членъ тѣла.—(10) Повторяя пѣсню, лирикъ въ этомъ мѣстѣ пропѣлъ: бѣсовскіе подли.—(11) Сгуба—отъ глагола сгубить,—въ данномъ смыслѣ—казнь.—(12) Офира—жертва, молебень или вообще какая нибудь церковная служба въ честь святаго.—(13) Ублагати—молить, ублагать.—(14) Вѣроятно: чудотворче.

II.

ПРО ЛАЗОРА (Лазарь).

Мелодически строгаго напѣва для Лазаря, въ сущности, не имѣется. Онъ исполняется сплошь речитативно, причѣмъ наблюдаются только извѣстные мелодическіе обороты на концѣ фразы. Исполняется онъ, приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ:

recit.

ЛИРА: Охъ, е - ди - ный чо - ло - вікъ бо - га - тый бу вавъ ко - то - рій въ рос -

кѣ - шахъ і - давъ та вни - - - вавъ, въ до рогахъ оді - я - ні - яхъ прочь про хо - ждавъ.

ЛИРА: Тотъ - то вінъ срѣ - бла, зла - та по до - стат - ку мавъ, на свя - тымъ - я

церк - ви ни - гдѣ не да - вавъ. Служ - бы бо - жі - нхъ а - ка - фи - стовъ

нигдѣ не наймавъ, свя щен ни ківъ, ду хо вни ківъ въ свой домъ не приймавъ.

Охъ единый чоловікъ богатый бувавъ,
 Который въ роскошахъ ідавъ та впивавъ,
 Въ дорогихъ одіаніяхъ прочь прохождавъ. ⁽¹⁾

Тотъ-то вінъ ⁽²⁾ сребла, злата по достатку мавъ, ⁽³⁾
 На святныя церкви нигдѣ не дававъ,
 Службы божіихъ, акафистовъ нигдѣ не наймавъ ⁽⁴⁾,
 Священниківъ, духовниківъ въ свой домъ не приймавъ,
 А нищихъ убогихъ ниць не наділявъ,
 Свого брата Лазора за брата не мавъ.

А бувъ (5) собі братъ Лазоръ чоловікъ убогій; —
Охъ, не такъ-то вінъ убогій, якъ дуже (6) ббльній.

Лежавъ-же братъ Лазоръ в смердящемъ гною
Передъ братовыми богачовыми ворітьми (7) его.

А ввійшовъ-же братъ Лазоръ прочь за вороті
Війшла за нимъ челядь его препишна рота (8).

А скоро братъ Лазоръ богатыря (9) окомъ повивдавъ
Та до нѣго гласомъ завблавъ, горько заплакавъ:

„Ой брате-жъ мій, брате, сильний богачю,

„Подай міні хліба й соли а в гнои смердящу.

„Подай міні хліба й соли, третю вбды,

„Закропившь мои смежні уста й охолди.

„Заплатить тобі Господъ з високого неба,

„Чого твоїй души й тілу найбільшь потреба. (10)

А до нѣго братъ богатій такъ одповидає:

„Почему ты мене ріднымъ братомъ та й називуешь?

„Ты лежишь в смердящему гною

„Смердишь гноемъ, якъ той гнилий песъ. —

„Почему ты мене ріднымъ братомъ та й називуешь?

„Не есть ты міні братъ, есть ты — моимъ исомъ,

„Но есть у мене ажъ пять братівъ якъ я одинъ сынъ.“

Плюнувъ братъ богатій на Лазора, самъ пійшовъ в двіръ (11)

Казавъ за собою браму (12) замкнути,

Щобъ отъ свого брата Лазора гласу не чути.

„Ахъ, не боюся Господа Бога, ни его смерти,

„Якъ прїдетъ той часъ, що треба умерти,

„Во есть у мене стожки та оборожки

„Срибни, золоты денежки; (13)

„Есть у мене челядь препишная рота, —

„Не боюся Господа Бога, жадного хлопота. (14)

„До царствія небесного самъ доберуся,

„А всімъ святымъ мучѣникамъ не поклонюся.

„Ай Господа найвышчого прочь не боюся,
„Со святыми апостолами в столъ посадовлюся.“
Ахъ, не було тамъ в дворі жадной души,
Жадной души до Лазора милостивой,
Тільки було у брата богатыря два лютии пси,
Котори завждь ⁽¹⁵⁾ підъ столъ ходили,
Дрибины крышиночки ⁽¹⁶⁾ собирывали,
Которы богатырю изъ усть летили.
Тождь вони Лазору в гной носили;
Тымъ вони ёго душу живили, —
Смертельныи ёго раны солизували,
По легкости души и тілу создавывали.
Начавъ братъ богатый того довидати,
Казавъ слугамъ тии пси з ружжа стріляти,
Щобъ своему брату Лазору жадной помощи не дати.
Тогда больній Лазоръ подивився, ⁽¹⁷⁾
Ставъ Бога молити,
Молитвы святыи слезно творити.
„Господи Боже Спась (Спась ?) Милость Твоя,
„Прійми мою душу съ тіломъ де ⁽¹⁸⁾ милость Твоя.
„Нехай-же я по цимъ ⁽¹⁹⁾ світі не стыкаюсь (?),
„Во вже-жь мене мои братія ридни одцурались.“
Вислухавъ Господь молитву его,
Сославъ з небесъ двоухъ анголовъ по душу его.
Злинуло ⁽²⁰⁾ двоухъ анголовъ з неба стихенько
Взяли святого Лазора барзо ⁽²¹⁾ легенько,
Посадили его в чистої фали ⁽²²⁾ у Господа Бога,
Святого Аврамія, Исакова, Іакова на правомъ троні.
Радуйся Лазору, ты есть в троні,
Твой братъ богатый зостається въ некельному вогни.
Якъ задумавъ братъ богатый на полюванне ⁽²³⁾
На богатырское прогуляние.

Якъ задумавъ знову отъ двіра
Вдарила на нѣго сильна хвороба,
Вдарила на нѣго якъ сіра земля. —
Отъ тобі богатырю за горды слова
Що ты одрикався Господа Бога,
Брата свого, брата Лазора.

Яко стало богатыря объ землю бити
Тогда богачъ догадався Бога молити,
Молятвы святныя вѣрно творити.

„Господи Боже Спась Милость Твоя,
„Вислухай-же молитвы моя.
„Прійми мою душу съ тіломъ з цѣго свѣта,
„Якъ мого брата рідного, брата Лазора“.

Вислухавъ Господь молитву его,
А сославъ трехъ некельныхъ ⁽²⁴⁾ найстаршихъ идоловъ по душу его.

Ще злині, некельныні, найстаршіи идоли в дворъ не дойшли,
Вже богачево срибло й злато прахомъ рознесли.

Приступили до нѣго съ залізнымъ гакомъ ⁽²⁵⁾
А витягли з нѣго душу лівнимъ бокомъ;
А взяли его за ліве ребро. —
— Признайся-жь, богатырю, де-жь твое добро?

Понесли в гору строго високо,
Кинули в некло сильно глибоко,
Теперь богачу хоць откупайся,
Маешь много: маешь челядь препишную роту—одбивайся.

До царствія небеснаго самъ добрався,
Всімъ святымъ мученикамъ не поклонявся,
Господа Наивышчаго прочь не боявся,
Со святыми апостолами в столъ посадовлявся.

Плывай богачу по пекли, маешь широко,
Уздри на небо якъ вопо високо.

Не достанеш еси Бога видѣти,
Видишь брата Лазора; —
Не брата Лазора вравнѣ самого Бога.

Скоро братъ богатый на небо уздривъ,
Такъ до брата до Лазора гласомъ заволавъ,
Горько заплававъ, братомъ его назвавъ.

„Ой брате-жъ мій, брате, святій Лазору, —
„Чи не могъ-бы ты мнѣ брате цее учинити:

„Свой низильный палець у морі умочити,
„Мои смежны уста закропити.
„Мой печельный вогонь загасити,
„Мой горькій языкъ сахарный охолодити“.

„Не могу-жъ я, мій брате богатый, тое учинити,
„Вожся я Господа гневити.

„Не моя-жъ то, мій брате богатый, не моя воля, —
„Проси собі на помічь Господа Бога.

„Хотай-бы я, мій брате богатый, усе море зпустивъ,
„То-бъ я твоего вогню печельного не угасивъ,
„Горького языка сахарнаго не ухолодивъ“.

„Ой брате-жъ мій, брате, святій Лазору,
„Одна насъ matka родила,
„Підъ однимъ сердцемъ носила,
„А не одно намъ счастье у Бога упросила.

„Тобі Богъ давъ нѣжное обиство (26),
„А мнѣ Богъ давъ сильное богатство.

„Ты съ своимъ обиствомъ в чистой фали
„А у Господа Бога, святого Аврамія, Исакова, Іакова на правомъ троні.

„Я съ своимъ, брате-жъ мій, богатствомъ .
„Зостався в печельномъ вогни..

„Ой брате-жъ мій, брате, святій Лазору,
„Чи не могъ-бы ты, мій брате, Бога умолити,

„Що-бъ я могъ на той свѣтъ вѣдти, —
„То-бъ я пророкувавъ,
„То-бъ я сребро-злато на церкви роздавъ,
„Службы Божіи, акафисты то-бъ я наймавъ.
„Священниківъ, духовниківъ в свой домъ прїймавъ,
„А нищихъ убогихъ то-бъ я поднивавъ.
„Свого брата Лазора за брата я мавъ-бы, —
„Есть у мене ажъ пять братівъ я-бъ ихъ научавъ“.

Святій Аврамій такъ одповідавъ:

„Вживай, вживай⁽²⁷⁾, Лазору, якъ тобі Богъ давъ,
„А ты вживай брате богатій, якъ уготовавъ.
„Не треба тамъ на тмъ свѣті живихъ пророківъ —
„Есть тамъ пророчїства, правда, святое письмо,
„Коло того письма есть поучительство:
„Священники, духовники завждъ читають
„А всїхъ христїановъ поучають“.

Аминь, аминь, — такъ намъ Боже дай,
Щобъ мы пїшли з Лазоромъ всї в свѣтлїй рай,
Де анголи, арханголи писни воспївають,
Души христїаньски отъ грїховъ спасають.

---

(1) Эту пѣсню слыхалъ я еще и отъ другого лирика, Тымчука; Тымчукъ передавалъ нѣкоторыя мѣста въ нѣск. измѣненномъ видѣ, такъ напр. послѣдняя строка перваго пункта выходила у него такъ: «Въ дорогихъ діаментахъ прочь мїръ прохождавъ». Вообще надо замѣтить, что ни одинъ лирикъ не споетъ пѣсни точъ въ точъ какъ другой, у каждого непременно встрѣтятся свои варианты. — (2) вінь — опъ. — (3) мавъ — имѣлъ. — (4) не наймавъ — не нанимавъ, не заказывавъ. — (5) бугъ — былъ. — (6) дуже — очень. — (7) ворітьми — воротами. — (8) пренишна рота, — по объясненію лирика — пышная свита. — (9) Богатырь — богачъ. — (10) навбільшъ потреба — болѣе всего нужно. — (11) двіръ — дворъ. — (12) бража — ворота. — (13) адъсь у Тымчука была опять перемѣна, опъ переставляетъ строки и оканчиваетъ такъ: „... же прїйде умерти «не боюся пана Бога, ни его смерти»; вообще всѣхъ вариантовъ я не записывалъ. — (14) жадного хлопота — никакой заботы. — (15) завждъ — всегда, постоянно. — (16) крышнички — крошки, крупичы. — (17) подивився — посмотрѣлъ. — (18) де — гдѣ. — (19) на цимъ — на семъ, цей — сей. — (20) злынуло — слетѣло. — (21) барво — очень. (22) въ чистой фали — по объясненію лирика — въ чистой хвалѣ, т. е. въ наилучшемъ мѣстѣ рая. (23) полюванне — охота. — (24) некло — адъ, нежеланный — адскій. — (25) залізнимъ гакомъ — желѣзнымъ крюкомъ. — (26) обство, — по словашъ пѣвца — болѣзнь. — (27) вживай, — по толкованію пѣвца — живи.

Вмн. 4-й.

III.

СИРОТА.

Пісня эта пользуется особливо популярністю въ средѣ мѣстныхъ женщинъ, которыя не могутъ слушать ее безъ слезъ.

Оч. умѣренно.

Напѣвъ:

Див-на - я - и го - ди - - на на сви - ті на - ста - - ла
ни ед - на - си - ро - - - та безъ мат - ки зо - ста - - - лась.

Дивная година на світі настала, —
Ни една сирота безъ матки осталась.

Зосталися діти безъ рідної матери,
Сироти на вікі будуть бідувати.

Отець жену знайде, буде в парі⁽¹⁾ жити,
А бідны сироты пречь⁽²⁾ пійдуть служити.

Которіи больши, то й пійдуть служити,
Котори маленьки, пропащи на вікі.

А пійшла сирітка по світу блукати⁽³⁾, —
Стритівъ її Господь, ставъ її питати⁽⁴⁾.
— „Куда идешь сирітко?“ — „Мамунцю шувати“⁽⁵⁾,

„Бо вже рікъ⁽⁶⁾ минає, матки не видати.
„Горько міні, тяжко в світі проживати“.

— „Вернися сирітко, — бо⁽⁷⁾ далёко зайдешь, —
„Ты свой мамунці до віку не знайдешь,

„Бо твоя мамунця на вісокій гори,
„А тамъ тіло її спочиває в гробі.“ —

А пішла сирітка на той гробъ ридати,
Ажъ обизвалася⁽⁸⁾ з гробу рідна мати.

„Хто-жъ бо тамъ рїдає на моєму гробі?“ —
— „Сирота, мажунцю, — примить мене къ собі.“

— „Охъ, якъ трудно сонцю од неба одстати,
„Такъ трудно, сирітко, тебе к собі взяти.

„Нема-жъ тутъ, сирітко, ни исти, ни пети,
„Но производивъ Гдесподъ в сирій земли гнити.

„Посипали землю, що я вже не встану,
„Очи засклипили, — я й на світъ не гляну.

„Посипали землю а на мои груди; —
„Увидися, сирітко, на страшному суді.

„Вернися, сирітко, та й иди до дому,
„Нехай чужа мати изміє головку.“ —

— „Волила-бъ я, мамо, в сирій земли гнити

„Нїжъ має чужа мати головочку мити.“ —

Щежъ-бо чужа мати головки не змила,
Вже бідну сирітку здоровья умалїла,
Пійшла до сусїдїв та й ще осудила.

Бо сирота рбїть⁽⁹⁾, работа не за що, —
Мачуха говорить, — сирота ледащо⁽¹⁰⁾.

Бо сирота робить, работа не мила, —
Мачуха говорить, — сирота лїнива.

Бо сирота робить, горько работає, —
Мачуха говорить, — сирота не дбає⁽¹¹⁾.

„Пійшла-бъ ты, сирітко, мачухи просити, —
„Можебъ змилювалася, хочъ сорочку шила“.

— „Волила-бъ я, мамо, на світі не жити,
„Нїжъ має чужа мати сорочочку шити.“

Ще злая мачуха, сорочки не вшила,
Вже бідну сирітку на смерть нарядила.

Охъ, якъ заславъ Господь, двохъ анголовъ з неба,
А взяли сироту до ясного неба.

Якъ будешь сирітко Бога вихваляти,
Буде тебе Господь царствомъ дарувати.

Охъ, якъ заславъ Господь трехъ покельныхъ з пекла
По злую мачуху и по тілу їи.

А взяли мачуху такъ строго високо,
А бросили в пекло, такъ сильно глибоко.

Ой пливай⁽¹²⁾, мачухо, ще й будешь кипити,
Скаравъ тебе Господь за сироты дити.

Ой кипи, мачухо, ще й будешь пливати,
Було справедливо сиротъ доглядати.

Було-жъ ихъ не бити, а ни катувати⁽¹³⁾,
Коли жись хотіла въ неби царствувати.

„А я-жъ ихъ не била, а ни катувала⁽¹⁴⁾,
„Лихими словами тяжко проклинала.

„Коли-бъ-же я знала, була-бъ доглядала, —
„Може-бъ моя дѹша в небі царствувала.“

Царствує сирітка в небі со святыми,
А злая мачуха в пеклі с проклятыми⁽¹⁵⁾.

---

(1) в парі — парю, ви́стѣ. — (2) пречъ — прочь, на чужую сторону. — (3) блукати — блуждать. — (4) питати — спрашивать. — (5) шукати — искать. — (6) рікъ — годъ. — (7) бо — ибо. — (8) обивалася — отозвалася. — (9) робить — дѣлаетъ, работаетъ. — (10) ледащо — худая, негодная. — (11) не дбає — не старается. — (12) пливай — по объясненію лирика — плавай. — (13) катувати — мучить. — (14) Здѣсь Тымчукъ, пѣвший міжъ прочимъ и сироту, заставляеть мачуху говорити нѣсколько иначе:

Я-жъ ихъ била и катувала.

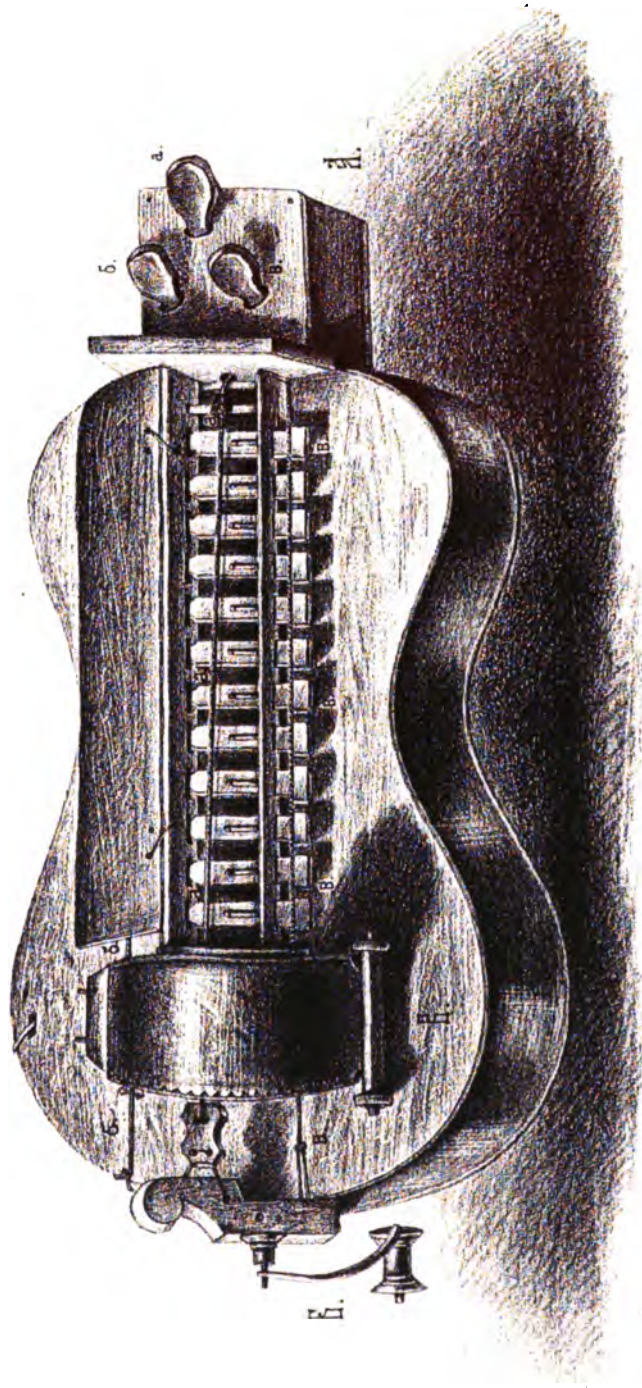
(15) Здѣсь въ концѣ Тымчукъ прибавляеть еще слѣдующія двѣ строки:

А на вікі вікомъ, а на вікі вікомъ, —
Той проклатій, хто буде злымъ чоловікомъ.

Illustration of a man playing a guitar.

Объ одномъ загерійскомъ диргемѣ Мамелюкского султана Вибарса I⁽¹⁾.

Султанъ Вибарсъ I Бахрійской Мамелюкской династїи, котораго серебряную монету мы нажѣрены здѣсь описать, былъ родомъ тюркъ. Полный титулъ его былъ султанъ Эль-Маликъ Эз-Загеръ Рокъ ед-динъ-Вибарсъ (или Вейбарсъ) Эль-Бондовдари. Купленный какъ невольникъ султаномъ Эль-Меликъ Эс-Салихи Неджи-ед-динъ Айюбомъ, онъ вступилъ въ ряды мамелюковъ и, выдвинувшись личными качествами, быстро достигъ званія эмира. Недовольный отказомъ султана Кутуза, у котораго былъ на службѣ, назначить его губернаторомъ Алепа, Вибарсъ составилъ заговоръ эмировъ противъ султана и, затѣмъ, убивъ его, вступилъ самъ на престолъ Египта въ 658 году гижры (1260 по Р. Х.). Уже въ первый годъ своего царствованія, Вибарсъ, пославъ войска свои въ Сирїю противъ монголовъ и нѣкоторыхъ непокорныхъ ему эмировъ, взялъ почти все города ея, кромѣ укрѣпленных мѣстъ, занятыхъ христїанами. Но въ 664 году онъ отнялъ у франковъ Кесарїю, Арсуфъ, Керкисїю и Сафадъ и изъ Сирїи предпринялъ экспедицію въ Арменїю, гдѣ въ это время, за отсутствїемъ царя Гайтона I, правили государствомъ два сына его. Оба они были разбиты, причѣмъ старшїй Леонъ былъ взятъ въ плѣнъ, а младшїй Фуроръ убитъ и вся Арменїя подверглась страшному опустошенїю. Въ 666 г. Вибарсъ владѣлъ уже Яффою и Антиохїей, но въ 669 г. встрѣтилъ серьезное сопротивленїе

⁽¹⁾ Описываемый здѣсь диргемъ недавно, благодаря содѣйствию А. К. Маркова, поступилъ въ Музей Археологическаго Института. *Прим. редакцїи.*

распространенію своего могущества со стороны англійскаго королевскаго принца Эдуарда, прибывшаго въ Палестину съ тремястами рыцарей. Не останавливавшійся ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, Бибарсъ подослалъ къ Эдуарду одного изъ своихъ эмировъ, чтобы тайно его умертвить. Но принцъ во время покушенія былъ только легко раненъ въ руку. Видя, что его планъ не удался, султанъ успѣшилъ заключить съ нимъ и съ королемъ кипрскимъ и іерусалимскимъ Гюгомъ Лузиньяномъ перемиріе на десять лѣтъ десять мѣсяцевъ и десять дней. Въ 674 году Бибарсъ сдѣлалъ экспедицію въ Нубію противъ царя нубійскаго Давида. Эмиръ султана Ак-Сонкоръ, разбивъ нубійцевъ, провозгласилъ царемъ Нубіи племянника Давида, Мешкера⁽¹⁾, обязавъ его выплачивать въ казну султана ежегодно половину своихъ государственныхъ доходовъ. Въ томъ же году Бибарсъ совершилъ опять походъ въ Арменію, которую разорилъ и выжегъ, взявъ въ плѣнъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ, истребивъ такое же количество жителей и загнавъ царя Арменіи Леона II въ горы. Скоро однако же Леонъ, соединясь съ Абагомъ, ханомъ монгольскимъ, разбилъ въ свою очередь Бибарса на равнинѣ *Шамель* (?). Но все-таки въ 676 г. Бибарсъ, собравъ свои войска, успѣлъ побѣдить въ свою очередь Абага-хана въ сраженіи при Дамаскѣ или же при Емесѣ. Эта побѣда была послѣднею въ жизни Бибарса. Онъ заболѣлъ въ томъ же году и умеръ въ Дамаскѣ, имѣя болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, какъ говорятъ, печально отравясь ядомъ, приготовленнымъ имъ для эмира Эль-Меликъ Эль-Кагера, военной славы котораго Бибарсъ начиналъ завидовать.

Вотъ краткій конспектъ царствованія этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго султана, бывшаго, по словамъ Макризи, однимъ изъ лучшихъ правителей, властвовавшихъ надъ мусульманами⁽²⁾. Хотя почти вся жизнь Бибарса протекла среди постоянныхъ походовъ и сраженій, тѣмъ не менѣе управленіе имъ Египта ознаменовалось многими полезными для народа гражданскими учрежденіями и постройками, на долго сохранившими въ этой странѣ память о султанѣ Бибарсѣ. При немъ золотоордынскіе ханы завели сношенія съ Египтомъ⁽³⁾,

(1) Или Мешкеда, по Вейлю *Geschichte d. Chal.* I, 93 — 94.

(2) Makrizi, *hist. des sultans Mamlouks* trad. par Quatremère. Paris, 1845, 4°. т. I, ч. II. стр. 155.

(3) См. В. Тизенгаузенъ: *Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи золотой орды*. С.-П.-Б. 1884. 8°, т. I, с. 46, 131, 201, 273 и пр.

не прекращающіяся и при послѣдующихъ султанахъ мамелюкской династїи. Весьма возможно, что рассматриваемая нами въ настоящей статьѣ монета, къ которой мы теперь и обратимся, была занесена въ Россію однимъ изъ многихъ посольствъ, возвращавшихся въ орду изъ Каира. Хотя въ царствованіе Бибарса, обладавшаго такими средствами, какихъ не было ни у кого изъ его предшественниковъ⁽¹⁾, было выбито громадное количество серебряной и золотой монеты⁽²⁾, однако же диргеми его, равно какъ и динары, весьма рѣдки. Знаменитый Тихсенъ признается, что онъ никогда не видѣлъ ни одной монеты Бибарса⁽³⁾. По рецензїи Френа видно, что въ его время въ мюнцъ-кабинетъ Императорской Академіи Наукъ серебряныхъ монетъ Бибарса не было, хотя этотъ мюнцъ-кабинетъ могъ считаться, по богатству отдѣла восточныхъ монетъ, первымъ въ Европѣ⁽⁴⁾. Диргеми Бибарса отсутствуютъ также въ музеѣ Института восточныхъ языковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ⁽⁵⁾. Кромѣ рѣдкости эти диргеми представляютъ еще ту особенность, что, вслѣдствіе небрежной ихъ фабрикаціи, обусловленной, какъ я полагаю; быстротою изготовленія громаднаго количества нужной султану монеты, почти на всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ немногихъ экземплярахъ ихъ سكك выбиты не сполна, а только отчасти, такъ какъ матрица во время удара покрывала собою не весь монетный кружокъ, а только его половину, иногда же и менѣе. Это свойство ихъ весьма затрудняетъ чтеніе легендъ, въ особенности же расположенныхъ вокругъ монеты, которыя почти никогда не выходятъ вполнѣ. По случайному совпаденію обстоятельствъ, на поступившемъ въ мюнцъ-кабинетъ нашего Института диргеми, какъ читатель самъ можетъ убѣдиться изъ прилагаемаго рисунка, типъ и легенды вышли почти цѣликомъ и притомъ прекрасно сохранились. Такъ

⁽¹⁾ Macrizi ed. Quatremère, т. I, ч. I, с. 156.

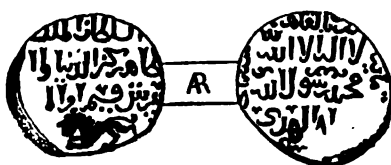
⁽²⁾ Это доказывается громадными количествами серебряной монеты, раздававшейся Бибарсомъ различнымъ лицамъ и городамъ, иногда сразу по сту и по двѣсти тысячъ штукъ. См. Makrizi, того же изд., т. I, ч. I, стр. 139, 149, 181, 205, 209, 236, ч. II, с. 3.

⁽³⁾ Al Macrizi histor. monet. arab. ed. Tychsen Rostochli 1797, стр. 119.

⁽⁴⁾ Fœhni Rec. num. muh. Petrop. 1826, стр. 173 и сл. и с. 629. Монетъ серебряныхъ Бибарса въ этомъ мюнцъ-кабинетѣ также не значится по продолженію Френовой рецензїи Дорна въ Nota suppl. ad recens. num. muh. Petrop. 1855, ч. I, с. 94 и 282.

⁽⁵⁾ Dorn: Inventaire des mon. des khalifes orient. et de plusieurs autres dynasties S.-Petersb. 1884, 2 fasc., стр. 73 и 194.

какъ изданные до сихъ поръ рисунки диргеновъ Вибарса были сдѣланы, насколько мнѣ извѣстно, съ плохихъ экземпляровъ и, къ этому же, весьма не точно, то я и рѣшился издать настоящую монету съ возможной точностью, предпославъ ей описанію историческій очеркъ царствованія Вибарса и затѣмъ сдѣлавъ объясненіе ея типа и легендъ, которыя мнѣ пришлось пополнить на основаніи другихъ извѣстныхъ ея экземпляровъ, воспроизводящихъ, именно вслѣдствіе только частью вышедшихъ легендъ своихъ, обрѣзанныя бортомъ буквы нашего диргема. Вотъ его изображеніе:

(الصالحی)
 السلطان الملك
 [الظاهر ركن الدنيا والدين]
 بیبرس قسیم امیر المؤمنین
 Внизу идущій влѣво левъ.
 (Эс-Салихи).
 Султанъ Царь.
 Видный ⁽¹⁾, столпъ міра и вѣры.
 Вибарсъ, соучастникъ повелителя
 правовѣрныхъ.

ضرب بالقاهرة
 لا اله الا الله
 محمد رسول الله
 [ارسله] بالهدى
 [كتبه]

Нѣтъ божества кромѣ Бога
 Мухаммедъ посолъ Бога.
 Онъ послалъ его съ истиннымъ на-
 правленіемъ.
 Вокругъ: Бить въ Каирѣ въ году
 шестьсотъ шестьдесятъ (?) первомъ.

الصالحی. Я добавилъ это слово, такъ какъ оно находится на всѣхъ диргемахъ Вибарса, на которыхъ отпечаталась верхняя часть матрицы ⁽²⁾, что можетъ случится только въ томъ случаѣ, когда вся нижняя строка легенды и изображеніе льва не попали на монетный кружокъ, слишкомъ ма-

⁽¹⁾ Въ смыслѣ spectabilis, βλεπτός.

⁽²⁾ См. O. Coedrigton: On a Hoard of coins found at Broach. Bombay 1882. 8°, стр. 26 № 26 (отд. отгнокъ изъ Bombay Branch Royal Asiatic Society's Journal 1882 vol. XV, стр. 339 — 370) а также у Петрашевскаго: Numi muham. Berol. 1843, таб. I № 10, гдѣ видно начало слова Эс-Салихи ...الصالحی, хотя Петрашевскій при описаніи монеты на стр. 5 пропустилъ его.

ный для всей матрицы. Эс-салихи был одним из почетных титулов Бибарса, принявшего его в воспоминание о бывшем своем патроне Эль-Мелик Эл-Салихи⁽¹⁾, самое же слово это составляет обыкновенное явление в арабском языке, когда отглагольное прилагательное, образуя в свою очередь прилагательное относительное, дѣлается собственным именем или прозвищем известного лица, что особенно часто имѣло мѣсто в столь многочисленных почетных титулахъ египетскихъ султановъ⁽²⁾.

السلطان. Эпитетъ султана былъ постояннымъ титуломъ всѣхъ повелителей Египта, царствовавшихъ послѣ послѣдняго фатимидскаго халифа Адгадъ-Ли-дин-Иллаха, визирь котораго Салах-ед-динъ лишилъ званія халифа, принятаго первымъ фатимидомъ Моиззомъ-Лидин-Иллахомъ, и велѣлъ на хотбѣ (эктиньѣ) признавать халифомъ только Багдадскихъ Аббасидовъ, которые всегда пользовались этимъ титуломъ. Мамелюки же какъ преемники Айюбидовъ, приняли со властью ихъ и обычный титулъ султановъ. Начертаніе слова султана на этомъ диргеѣ представляетъ одну палеографическую особенность — букву *синъ*, изображенную безъ, свойственныхъ ей, трехъ зубцевъ одною прямою линіею на подобіе той формы, какая придается *сину* въ позднѣйшемъ персидскомъ почеркѣ *таликъ*, хотя здѣсь мы видимъ всѣ легенды, писанныя почеркомъ *несхи*, въ которомъ такая форма *сина* обыкновенно не встрѣчается.

الملك الظاهر. Макризи говоритъ⁽³⁾, что когда Бибарсъ вступилъ на престолъ, то припалъ сначала почетное прозвище *الملك الظاهر* (побѣдоносный царь), но затѣмъ черезъ два дня измѣнилъ его на *الملك الظاهر* по совѣту визиря Зейнъ-ед-динъ-Якуба, сказавшаго ему, что ни одинъ изъ царей, носившихъ титулъ Кагера, не имѣлъ успѣха въ своихъ предпріятіяхъ.

ركن الدنيا والدين. Прозвище (لقب) Бибарса было Рокнъ-ед-динъ, но здѣсь вставлены слова *الدنيا و* можетъ быть потому, что въ томъ-же самомъ 661 году, въ которомъ, повидимому, бита наша монета, фиктивный халифъ изъ рода Аббасидовъ Абуль-Аббасъ-Ахмедъ, принятый Бибарсомъ въ Каирѣ и признанный имъ 39 халифомъ, назвалъ его въ хотбѣ *زکن*

(1) Эн-Новейри у В. Тизенгаузена о. з. с., т. I, с. 131 и 132.

(2) S. de Sacy. Gramm. arabe, т. I, с. 246.

(3) Quatremère а. а. о., т. I, ч. I, с. 116 и сл.

الدنيا والدين. Впрочемъ у мамелюкскихъ султановъ было въ обычаѣ къ прозвищамъ своимъ, если въ нихъ входило существительное الدين, прибавлять еще передъ нимъ слова الدنيا والدين. Такъ мы видимъ султана Калауна, котораго звали Сейфъ-ед-динъ въ официальныхъ бумагахъ и на монетахъ названнаго سيف الدنيا والدين⁽¹⁾. Султанъ Насръ-ед-динъ Мухаммедъ писался на монетахъ ناصر الدنيا والدين⁽²⁾, султанъ Хусамъ-ед-динъ-Ладжинъ на монетахъ именуется حسام الدنيا والدين⁽³⁾, Измаиль Эс-салехъ Имадъ-ед-динъ называется на монетахъ عباد الدنيا والدين⁽⁴⁾ и т. д.

بيبرس قسيم امير المومنين. Вибарсъ во время своего царствованія присягалъ въ вѣрности двумъ претендентамъ на престолъ багдадскихъ халифовъ, которыхъ признавалъ верховными владыками всего мусульманскаго міра. Первый изъ нихъ былъ Имамъ Абу-ль-Мостансеръ-Биллахъ Абу-ль-Касимъ Ахмедъ-Бенъ-Загеръ, явившійся въ Каиръ въ 659 г. гиджры послѣ убіенія халифа Мостасима и ниспроверженія багдадскаго халифата ханомъ монгольскимъ Гулагу. Вибарсъ, признавъ Абу-ль-Касима халифомъ, оказалъ ему всевозможныя почести и принялъ отъ него инвентитуру султанства надъ Египтомъ⁽⁵⁾, при чемъ велѣлъ помѣстить на монетахъ своихъ имя Абу-ль-Касима рядомъ съ своимъ⁽⁶⁾. Эти монеты, какъ золотыя, такъ и серебряныя, дошли до насъ. Онѣ имѣютъ на лицевой сторонѣ легенду: الامام المستنصر بالله ابو القسيم احمد بن الامام الظاهر امير المومنين, а на оборотѣ полное имя Вибарса съ прибавкою словъ قسيم امير المومنين. Второй претендентъ на халифатъ по имени Имамъ-Эль-Хакимъ-Би-Амр-Иллахъ-Абу-ль-Аббасъ-Ахмедъ, прибылъ въ Каиръ въ 661 г. гидж., прося поддержки у Вибарса. Этотъ новый халифъ спасся случайно при пораженіи своего предшественника Абу-ль-Касима-Ахмеда, у котораго онъ служилъ эмиромъ, войсками Гулагу въ 660 году. Послѣ этого сраженія Абу-ль-Касимъ пропалъ безъ вѣсти, а Абу-ль-Аббасъ сдѣлался единственнымъ претендентомъ на халифатъ. Вибарсъ немедленно принесъ ему присягу въ вѣрности со всѣми своими сановниками,

(1) lb., т. II, ч. I, с. 172 и на мон. Codrington a. a. o., стр. 3.

(2) Pietraszewski a. a. o., стр. 8 — 15 и 17.

(3) lb., стр. 9.

(4) lb., стр. 18.

(5) Quatremère, т. I, ч. I, с. 150.

(6) lb., т. I, ч. I, с. 148.

а халифъ утвердилъ его во власти надъ правовѣрными. Мы также имѣемъ его диргеми⁽¹⁾ съ легендой на лицевой сторонѣ **الامام الحاكم بامر الله ابو العباس احمد** и полнымъ именемъ Бибарса на реверсѣ съ прибавкою обычныхъ словъ: Бибарсъ соучастникъ повелителя правовѣрныхъ. Но на нѣкоторыхъ монетахъ Бибарса, какъ напр. на нашей, имя и титулъ халифа замѣнены суннитскимъ символомъ. Поэтому можно только на основаніи года, въ которомъ чеканены такія монеты, если онъ сохранился на поляхъ ихъ, узнать къ какому изъ двухъ халифовъ относится слово **قسيم**. Такъ какъ на описанномъ нами диргеми можно предположить только два года 761 или 771, смотря потому какъ возстановить полустертое число, означающее десятки ... **س** въ **ستين** или же въ **سبعين**, то, въ виду того, что уже въ 660 году халифъ Абу-ль-Касимъ погибъ, слѣдуетъ отнести чеканъ этого диргема къ халифу Эль-Хакиму-Би-Аир-Иллахъ-Абу-ль-Аббасъ-Ахмеду, соучастникомъ котораго и называетъ себя здѣсь Бибарсъ. Это выраженіе⁽²⁾ мы видимъ въ употребленіи и у другихъ мамелюкскихъ султановъ въ ихъ мирныхъ договорахъ⁽³⁾ и на монетахъ, что происходило конечно оттого, что мамелюкскіе султаны всегда держали сторону преемниковъ Багдадскихъ халифовъ. Надъ буквою **сим** въ словѣ **قسيم**, начертанною совершенно такъ же какъ и въ словѣ **السلطان**, находится знакъ **~**, повторяющійся затѣмъ надъ словомъ **بيبرس** и на оборотѣ дважды надъ словомъ **بالهدى**. Слѣды его замѣтны также надъ **симомъ** въ титулѣ **السلطان**. Этотъ знакъ есть не что иное какъ **مهلة** (мугмиле), употребляющійся въ арабскомъ письмѣ для отличія буквъ, имѣющихъ діакритическія точки, отъ не имѣющихъ ихъ, надъ которыми мугмиле обыкновенно и ставится. Весьма часто онъ такъ украшенъ ара-

---

(1) Petraszewski a. a. o. s. 6 №№ 10 — 13. При описаніи № 12 у Петрашевскаго не вѣрно передана легенда реверса **الحاكم بامر الله** вм. **الخاهر بامر الله**.

(2) Петрашевскій въ своемъ сочиненіи (passim) не вѣрно переводитъ выраженіе **قسيم** словомъ amicis. **قسيم** буквально означаетъ человѣка раздѣляющаго съ кѣмъ либо другимъ преемство одной общей цѣли — *cum alio dividens rem*, см. Freitag Lex. arab. — lat. ed. mai. Halis 1835.

(3) Такъ въ договорѣ съ принцессою Тирскою султана Калауна онъ названъ **قسيم امير** **الومنين** см. Appendice въ изд. Макризи Катремера, т. II, ч. I, с. 172.

бесками, что легко принимается лицами, описывающими монеты, за простое украшение, а потому опускается при транскрипции легендъ, хотя для арабской палеографіи онъ, какъ особенность почерка несхи, прямо противоположнаго въ этомъ куфическому, по крайней мѣрѣ употребляемому на монетахъ, неизмѣющему даже діакритическихъ точекъ, представляетъ нѣкоторый интересъ. Нижняя часть монеты нашей занята изображеніемъ идущаго влѣво льва. Намъ извѣстно по свидѣтельству Макризи ⁽¹⁾, что Вибарсъ „поставилъ гербъ свой на диргеми, а гербъ этотъ былъ изображеніе льва“. Этотъ историкъ не объясняетъ причины, по которой Вибарсъ избралъ своимъ гербомъ, или лучше сказать, своимъ ранкомъ ⁽²⁾ это животное, являвшееся какъ его отличительный знакъ не только на его динарахъ, диргемахъ и фельсахъ, но также на мостахъ, аркахъ, башняхъ и прочихъ зданіяхъ построенныхъ Вибарсомъ ⁽³⁾.

Оборотная сторона нашей монеты представляетъ обычный на оборотъ мамлюкскихъ султановъ суннитскій символъ. На нѣкоторыхъ монетахъ напр. на динарахъ Калауна онъ продолженъ до словъ **دين الحق** по здѣсь обрывается за недостаткомъ мѣста на словъ **بالهدى**.

Вѣсъ этого диргема равняется 2,550 грамм., слѣдовательно на 283 грамма менѣе вычисленнаго Васкесомъ Куейпо нормальнаго вѣса арабскаго диргема, равнявшагося 2,833 граммамъ ⁽⁴⁾. Качество серебра вполне удовлетворительно, на сколько можно судить о немъ по цвѣту и вѣсу,

⁽¹⁾ جعل رنكه على الدرهم وهو صورة سبع. Al-Makrizi historia monetae arabicae ed. Tychsen, Rostochii 1797. с. 40.

⁽²⁾ Слово ранкъ (**رنك**), значеніе котораго еще не понимали знаменитые Казири и Тихсенъ (см. Al-Makrizi ed. Tychsen, с. 119 прим., 61), при современномъ состояніи арабской лексикографіи получило уже вполне опредѣленный смыслъ. Слово это персидскаго происхожденія

(**رنك** = цвѣтъ откуда арабс. **رنك** ии. **رنوك**) и въ мухаммеданской геральдикѣ опредѣляетъ всякій отличительный знакъ, присвоенный какому либо частному лицу или даже цѣлому роду, будетъ ли это извѣстный цвѣтъ или символическая фигура или же изображеніе какаго либо животного, см. нр. 12 къ с. 14 ч. I т. II изд. Макризи Катренера, а также статью E. Th. Rogers'a: Das Wappentwesen d. muhammed. Fürsten in Egypten u. Syrien въ Vierteljahrsh. sur Heraldik, Sphragistik u. Genealogie redig. von Hildebrandt, XI Jahrg. Heft. IV (1883) стр. 408 — 430. Эта же статья на французскомъ языкѣ была напечатана въ Bulletin de l'institut Egyptien (Caire 1880) подъ заглавіемъ: Le blason chez les princes musulmans de l'Egypte et de la Syrie.

⁽³⁾ Rogers ad a. о. въ Vierteljahrsh., с. 430 и сл.

⁽⁴⁾ V. Queipo: Systemes monetaires des anciens peuples, т. II, с. 133.

что впрочем вполне соответствует блестящему финансовому положению Египта въ эпоху царствованія Вибарса, а также прямому свидѣтельству Макризи, что этотъ султанъ „билъ загерскіе диргемы и установилъ, чтобы на каждую сотню ихъ шло семьдесятъ диргемовъ чистаго серебра и тридцать диргемовъ красной мѣди“ (1). Эти загерійскіе диргемы, по словамъ Эль-Макризи, были одно время въ обращеніи вмѣстѣ съ насирійскими диргемами, объ изыятіи изъ обращенія которыхъ Вибарса просили арендаторы его монетнаго двора (2). Но въ другомъ своемъ сочиненіи тотъ-же авторъ рассказываетъ намъ о насирійскихъ диргемахъ слѣдующее: „Впослѣдствіи, когда воцарился султанъ Салахъ-ед-динъ послѣ смерти Эль-Меликъ-Эль-Адель-Нуръ-ед-дина, то онъ повелѣлъ въ (мѣсяцѣ) Шеваль 583 года признать неизмѣющимися курса египетскія монеты и сталъ бить динары изъ египетскаго золота, а также велѣлъ признать изыатыми изъ обращенія старыя (буквально *черныя*) диргемы и сталъ бить насирійскіе диргемы (3), установивъ ихъ на половину изъ чистаго серебра и на половину изъ красной мѣди. Они обращались въ Сиріи и въ Египтѣ до тѣхъ поръ пока Эль-Меликъ, Эль-Камель, Насръ-ед-динъ-Мухаммедъ-бень-Эль-Адель, Абу-Бекръ-Мухаммедъ-бень-Айюбъ не велѣлъ ихъ признать недѣйствительными, приказавъ въ (мѣсяцѣ) Дзюль-Каде 622 года чеканить круглыя диргемы (4). Онъ принялъ мѣры, чтобы народъ не употреблялъ болѣе египетскихъ старыхъ диргемовъ, которые извѣстны въ Каирѣ и Александріи подъ названіемъ уараконъ, и установилъ камелійскіе диргемы изъ трехъ третей, т. е. изъ двухъ третей чистаго серебра и одной трети красной мѣди, и они обращались въ Египтѣ и Сиріи во все время царствованія Айюбидовъ, но когда послѣдніе погибли и послѣ нихъ вступили на престолъ ихъ турецкіе Мамелюки, то послѣдніе оставили въ обращеніи типы своихъ предшественниковъ и, подражая имъ въ образѣ жизни, приняли ихъ монету въ точномъ ея видѣ

ضرب دراهم ظاهرية وجعلها كل مائة درهم من سبعين درهما فضة خالصة (1)
 وثلاثين نحاسا Al-Makrizi ed. Tychsen, стр. 40.

(2) Quatremère, т. I, ч. I, с. 233.

(3) Такъ какъ титулъ Саладина былъ Эль-Меликъ Эн-Насеръ.

(4) То есть имѣющіе легенды, расположенныя вокругъ поля.

по той причинѣ, что гордились именами Айюбидовъ“⁽¹⁾. Отсюда видно, что насирійскіе диргеми были замѣнены камелійскими еще задолго до появленія загерійскихъ. Весьма трудно объяснить здѣсь это противорѣчіе Макризи самому собѣ, у котораго, впрочемъ, такія несообразности встрѣчаются довольно часто.

Дѣйствительный членъ А. Марковъ.

С.-Петербургъ, 1885 г.

ثم لما استبد السلطان صلاح الدين بعد موت الملك العدل نور الدين¹⁾ امر في شوال سنة ثلاث وثمانين وخمسةماية بان يبطل نقود مصر وضرب الدينار ذعبا مصرياً واطل الدرهم الاسود وضرب الدراهم الناصرية وجعلها من فضة خالصة و من نحاس نصفين بالسواء فاستمر ذلك بمصر والشام الى ان ابطل الملك الكامل ناصر الدين محمد بن العادل ابي بكر محمد بن ايوب الدراهم الناصرية وامر في ذي القعدة من سنة اثنتي وعشرين وستماية بضرب دراهم مستديرة وتقدم انه لا يتعامل الناس بدراهم المصرية العتق وهي التي تعرف في مصر والاسكندرية بالورق وجعل الدرهم الكاملى ثلاثة اثلاث ثلثيه من فضة خالصة وثلثه من نحاس فاستمر ذلك بمصر والشام مدة ايام ملوك بنى ايوب فلما انقرضوا وقامت مماليتهم الاترك من بعدهم ابقوا ساير شعارهم واقتدوا بهم في جميع احوالهم واقروا نقدهم على حاله من اجل انهم كانوا يفخرون بالاسما اليهم

Al Makrisi ed. Tychsen, стр. 38 и слѣд.

Памятники художественной археологіи на академической выставкѣ 1885 г.

За границей устраиваются спеціальныя архитектурныя выставки съ цѣлью наглядно и возможно полнѣе познакомиться съ исторіей національнаго строительнаго искусства. Напр. въ Единбургѣ, въ Королевской Академіи, въ январѣ 1883 г. состоялась исключительно архитектурная выставка больше чѣмъ 1,200 моделей, плановъ и чертежей, изображающихъ старинныя Единбургскія зданія и знаменитыя церкви, замки и другія постройки въ Шотландіи. Въ Брюсселѣ, въ дворцѣ изящныхъ искусствъ, въ сентябрѣ того же года, подобная выставка содержала въ себѣ рисунки, эскизы и планы зданій, проектированныхъ и построенныхъ въ теченіи больше чѣмъ 300 лѣтъ. У насъ въ Россіи подобныя выставки — дѣло будущаго. Къ нашей публикѣ начинаетъ прививаться вкусъ къ иллюстраціямъ, но свѣдѣнія объ исторіи искусства, о значеніи памятниковъ прошлаго до сихъ поръ распространены такъ слабо, что художественно-археологическая выставка можетъ рассчитывать лишь на самый малочисленный кругъ специалистовъ. Публикѣ, едва знакомой съ азбукой общей исторіи искусства, будутъ непонятны разсужденія о памятникѣ, красоты котораго открываются лишь при знакомствѣ съ его эпохой, при знаніи данныхъ, соединяющихъ насъ съ этой эпохой. Съ другой стороны, мѣшаетъ дѣлу и бѣдность въ специалистахъ. Археологическое знаніе доселѣ является у насъ придаткомъ наукъ историческихъ и филологическихъ. Не только художественной археологіи, какъ самостоятельной науки, у насъ до сихъ поръ не существуетъ, но даже исторія искусства, введенная въ программу университетскаго образованія

болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ проявляетъ лишь едва чувствительные признаки жизни, и труды г. Вышеславцева („Искусство Италіи“) и г. Фрикена („Катакомбы“) являются первыми опытами самостоятельной работы на широкомъ полѣ исторіи европейскаго искусства. Къ тому же, дѣло изслѣдованія памятниковъ нашего зодчества требуетъ не только любителя, но художника-спеціалиста, хорошо знакомаго съ исторіей искусства, требуетъ великаго знанія, которое приобрѣтается годовыми упорными занятіями, путешествіями по разнымъ угламъ и краямъ Россіи, наконецъ требуетъ значительныхъ затратъ.

Къ сожалѣнію, у насъ такихъ спеціалистовъ, покойныхъ и современныхъ живыхъ, весьма не много: Горностаевъ, Даль, Леоновъ, Веселовскій, Прохоровъ В. А., Султановъ, Павлиновъ, Сусловъ. Они занесли, зачертили въ свои альбомы рисунки и эскизы съ древнихъ нашихъ построекъ, по преимуществу въ губерніяхъ Московской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Владимірской, Ярославской, Олонецкой, Псковской, Нижегородской, Казанской, Архангельской, Виленской, Гродненской, Полтавской, Петербургской, Курляндской, Минской, Виленской.

Академія художествъ, выставя въ мартѣ и апрѣлѣ 1885 г. на показъ труды изъ послѣднихъ археологическихъ путешествій Павлинова и Сулова, имѣла, конечно своей задачей дать не только пособіе для учащихся въ своихъ стѣнахъ и для работъ вообще молодыхъ художниковъ-архитекторовъ, но и познакомить публику съ памятниками нашего стариннаго самобытнаго зодчества. За послѣднее время, благодаря настойчивымъ трудамъ любителей-спеціалистовъ древняго русскаго искусства, у насъ сильно заговорили о его самостоятельности, стали соглашаться съ тѣмъ, что русское искусство въ своихъ древнихъ образцахъ имѣетъ великія основы и въ силахъ отвѣчать эстетическимъ мировымъ законамъ. Явленіе — безспорно отрадное. Отчасти для выясненія самобытности русскаго искусства, отчасти дорожа быстро и безслѣдно исчезающими памятниками нашей художественной старины, мы намѣрены представить краткій отчетъ о цѣнныхъ вкладахъ Павлинова и Сулова въ исторію нашего національнаго искусства. Оба они, по порученію Академіи художествъ, въ послѣдніе два-три года путешествовали по Россіи съ цѣлью изслѣдованія памятниковъ нашего зодчества.

Академикъ Павлиновъ представилъ планы, фасады, эскизы и рисунки:

1) въ Московской губерніи церковей Николая Чудотв. въ Хамовникахъ, Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, Рождества Христова въ селѣ Измайловѣ, Покрова Пресв. Богородицы въ с. Медвѣдковѣ, входа въ терема со Спасской площади въ Московскомъ дворцѣ, дворцоваго балкона царевны Софіи. 2) Владимірской губ.: рисунки орнаментовъ и креста съ Успенскаго собора, Благовѣщенскаго монастырскаго храма въ Муромѣ. 3) Ярославской: церковей Іоанна Предтечи, Ильи пророка, Николы Мокраго, Николы-Надѣвской въ Ярославлѣ, Іоанна богослова, Воскресенія Христова въ Ростовѣ, Ростовскаго Кремля. 4) Псковской: церковей Варваринской, Печерскаго монастыря, св. Георгія, Преображенія Господня въ Спасо-Мироносицкомъ монастырѣ, основанной въ 1156 г., Іоанно-предтеченскаго монастыря, звонницы церкви Богоявленія во Псковѣ, Успенской въ Опочкѣ, Казанской въ селѣ Михѣевѣ, Варлаамской въ селѣ Стехновѣ, окна Псковской Палаты Меньшикова. 5) Въ Полтавской: Успенской въ гор. Переяславлѣ. 6) Въ Черниговской: Спасо-преображенскаго собора. 7) Въ Петербургской: церкви св. Георгія въ Ладогѣ и 8) Курляндской: церкви св. Духа въ Якобштадтѣ. Изъ этихъ работъ г. Павлиновымъ выставлены въ Академіи: 1) сѣнь надъ престоломъ въ церквахъ Ильинской и Николо-Надѣвской, 2) царское мѣсто въ Николо-мокринской церкви, XVII стол., церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, церковь Іоанна Богослова, бывшаго архіерейскаго дома, въ Ростовѣ, 3) Варваринская церковь 1618 г., св. ворота Печерскаго монастыря, во Псковѣ, 4) св. ворота Ризположенскаго монастыря въ Суздаль; Успенскаго собора во Владимірѣ, 12 вѣка, 5) планъ башни церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ и 6) крестъ Успенскаго собора во Владимірѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: *Крестъ Владимірскаго Успенскаго собора*. Крестъ этотъ 15 января 1882 г. отъ сильной бури свалился на землю. Онъ имѣетъ остовъ желѣзный, а сверху обложенъ красной мѣдью, изъ которой вырѣзаны и всѣ ажурные орнаменты. Относится онъ къ XII в.

Ростовскій архіерейскій домъ окруженъ каменной стѣной, имѣетъ видъ крѣпости; верхняя часть стѣны образуетъ крытую галлерею. Стѣну эту прорѣзываютъ много башенъ и церковей. Среди западной стѣны Кремля возвышается церковь Іоанна Богослова, существовавшая съ древнѣйшаго времени Ростовскаго княжества. Такъ Кирилловская лѣтопись подъ 1231 г. указываетъ на перенесеніе мощей св. Леонтія изъ этой церкви въ соборную.

Тутъ же была и Іоанновская обитель, гдѣ въ 1288 году игумень Тарасій поставленъ епископомъ Ростовскимъ. Нынѣ существующая церковь построена и росписана митрополитомъ Іоною. Въ ней видѣно иконостаса — каменная стѣна.

На выставкѣ особенное вниманіе обратили на себя работы г. Сулова. Его поѣздки въ послѣдніе два года по окраинамъ нашего сѣвера значительно освѣтили исторію русскаго зодчества, показали намъ, какимъ замѣчательнымъ художникомъ былъ русскій мастеръ. Рисунки церквей: соборной въ городѣ Шенкурскѣ, крайне интересной по плану, св. Троицы въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губ., Успенской на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ, Владимірской Божіей Матери на Вѣлослудскомъ погостѣ, Сольвычегодскаго уѣзда Вологод. губ., сняты Суловымъ, какъ образцы хорошей постройки, свидѣтельствуютъ о богатыхъ задаткахъ нашего самобитнаго деревяннаго зодчества въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, по Двинѣ и Поморью, гдѣ, какъ мѣстностяхъ лѣсистыхъ, каменная архитектура мало распространялась. Деревянная архитектура у насъ мало изслѣдована, а между тѣмъ она, доходя до хорошихъ образчиковъ, часто служила каменной архитектурѣ; и потому, для уясненія всего хода русскаго зодчества, г. Суловъ старался опредѣлить связь этихъ двухъ родовъ искусства. Вотъ краткій историческій обзоръ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе памятниковъ на окраинахъ нашего сѣвера. Уже въ 1147 г. преподобн. Герасимъ нашель въ Вологдѣ посады и церкви. Архитектурныя постройки воздвигались отчасти христіанскими проповѣдниками и миссіонерами, распространявшими въ край христіанство, отчасти же въ видахъ промышленныхъ и торговыхъ. На первые шаги мѣстной архитектуры вліяли прежде всего и сильнѣе всего Новгородцы по чисто историческимъ условіямъ. До XV в. мѣстное искусство шло своей дорогой, развивалось вполнѣ самостоятельно до тѣхъ поръ, пока Москва не перетянула къ себѣ лучшихъ и первоклассныхъ мастеровъ новгородскихъ. Съ тѣхъ поръ мѣстное зодчество, лишенное своихъ лучшихъ силъ, усвоило себѣ шаблонныя формы и на нихъ остановилось. Новгородскіе же мастера, по приходѣ въ Москву, сейчасъ же пригѣнили формы и украшенія деревянныхъ построекъ къ каменной архитектурѣ, которая и развивалась довольно быстро.

Наиболѣе общій типъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей и ихъ частей

будетъ такой: церкви Вельскаго уѣзда (Ильинская церковь въ селѣ Ростовскомъ) Вологодской губ. имѣютъ въ большинствѣ случаевъ слѣдующее расположеніе: на западной сторонѣ расположена лѣстница однимъ или двумя маршами, при чемъ одной стороною примыкаетъ къ стѣнѣ, а другая остается открытой. Самый входъ (рундукъ) покрывался односкатной, двухскатной, четырехскатной крышкой. По лѣстницѣ входили въ *трапезную*—большое помѣщеніе, освѣщенное однимъ большимъ или нѣсколькими волоковыми окнами, съ скамьями. Въ ней въ большіе праздники происходили народныя пиры въ *складчину* (братчина), а по буднимъ днямъ здѣсь священники бесѣдовали съ народомъ объ его общественныхъ и мірскихъ дѣлахъ. Изъ трапезной имѣлся выходъ на особую галерейку, съ которой священникъ кропилъ св. водой скотъ, приводимый крестьянами въ день св. Георгія. Изъ трапезной же, на восточной сторонѣ, былъ входъ въ самую церковь — квадратное или восьмиугольное помѣщеніе. Освѣщались окнами больше съ южной, чѣмъ съ северной стороны, вѣроятно во избѣжаніе рѣзкихъ вѣтровъ. Алтарь, по большей части о пяти стѣнахъ, освѣщался однимъ большимъ окномъ и волоковымъ около жертвенника. Въ прямоугольный срубъ церкви врубался восьмерикъ, на немъ былъ другой меньшаго діаметра и послѣдній увѣнчивался куполомъ съ главкой. Нѣсколько сѣвернѣе, ближе къ г. Шенкурску, замѣчается нѣсколько иной болѣе развитый типъ церкви (рисунокъ Шенкурскаго собора). Планъ имѣетъ видъ креста, и прямоугольный срубъ церкви переходитъ въ высокій осьмерикъ, увѣнчанный конусообразнымъ, закругленнымъ у основанія шатромъ, или шатеръ былъ восьмигранный.

Подвигаясь къ берегамъ р. Двины, видимъ типъ плана восьмиугольника, къ сторонамъ котораго постепенно дѣлались прирубы, такъ что получался новый видъ креста. Пріемъ такого плана представляетъ церковь Вологод. губ. Тотемскаго уѣзда, на рѣкѣ Кокшенгѣ, построенная въ 1683 году. По своимъ формамъ и огромнымъ размѣрамъ (высота 22 сажени) церковь эта представляетъ довольно интересный памятникъ старины. На одномъ чертежѣ изображена церковь въ селѣ Уймѣ Арханг. губ. Мотивъ ея довольно простой, т. е. четырехугольный срубъ, покрытый на 8 скатовъ, съ 4 фронтонами. Галерейка покоится на выпускныхъ бревнахъ. Общая форма фасада церкви, какъ и многихъ другихъ на Двинѣ, представляетъ ту особенность, что своими очертаніями напоминаетъ корабль. Несомнѣнно, что

въ періодъ развитія у насъ символики такой формой выражалось народное представленіе о значеніи церкви въ жизни: церковь уподоблялась кораблю, при помощи котораго достигалась вѣрующими желанная пристань. Тѣмъ же менѣе въ этой формѣ нельзя не подмѣтить и практической стороны, такъ какъ, помѣщая церковь на высокихъ подклѣткахъ, устранялась во время разлива рѣкъ опасность порчи церковныхъ вещей.

По Двинѣ есть еще типъ церквей, извѣстныхъ подъ названіемъ „*мстлыжъ*“, въ противоположность шатровымъ (холоднымъ). Такія церкви по плану сходны съ церквами Вельскаго уѣзда, но фасадъ представляетъ весьма простой мотивъ, т. е. часто трапезная и церковь, даже алтарь, имѣютъ одинъ общій прямоугольникъ, покрытый двухскатной крышей; самая же церковь высилилась съ двумя высокими восьмериками съ одной или двумя главками (рисункъ Пермгорской церкви, Сольвычегодскаго уѣзда, построенной въ началѣ XVII в.).

Для уясненія деревянной церковной архитектуры, г. Сусловымъ выставлены были такимъ образомъ рисунки слѣдующихъ церквей: 1) Владимирской Божіей Матери на Бѣлослудскомъ погостѣ, 2) Воскресенія въ Пермгорѣ, Сольвычегодскаго уѣзда Вологод. губ., 3) Богоматеринской, на Валуевомъ ручьѣ, 4) Св. Спаса, на рѣкѣ Кокшенѣ, Тотемскаго уѣзда, 5) Иліи пророка въ селѣ Ростовскомъ, Вельскаго уѣзда, 6) Николая чудотворца въ селѣ Уймѣ Архангельскаго уѣзда, 7) св. Троицы въ Шеговарской волости (1666 г.) Шенкур. уѣзда, 8) Успенской на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ, 9) Собора въ городѣ Шенкурскѣ, 10) Колокольни на Ракульскомъ погостѣ Шенкур. уѣзда, въ селѣ Цивозерѣ Сольвычегодскаго уѣзда, на Нижне-Уфтыгскомъ погостѣ и др. Г. Сусловымъ выставлены были также рисунки построекъ для жилья, напр. избы села Воробьевскаго Кадниковскаго уѣзда Вологод. губ. Рисунки эти г. Сусловъ демонстрировалъ на послѣднемъ VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы слышали, предназначены къ изданію въ трудахъ этого съѣзда.

Особенно любопытенъ трудъ г. Суслова по изслѣдованію соборнаго храма въ гор. Романовѣ-Ворисоглѣбскѣ Ярославской губ. Акварельные рисунки фасада и деталей этого храма, исполненные имъ въ 1884 г. также по порученію Академіи Художествъ, характеризуютъ эпоху полного развитія

нашей каменной архитектуры XVII в., исполнены имъ добросовѣстно, со вкусомъ и пониманіемъ стиля. Романовскій соборъ, соединивъ въ себѣ всѣ особенности нашей архитектуры, достигнувъ полнаго впечатлѣнія какъ на эстетическую, такъ и религиозную сторону человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ ярко характеризуетъ собою ту эпоху нашего зодчества, въ которую оно развернулось во всей своей силѣ и полнотѣ духовной мысли. Основой для его плана и фасада послужили церкви Владиміро-Суздальскаго края, т. е. онъ имѣетъ троечастное дѣленіе съ пятью правильно расположенными куполами и тройнымъ абсидомъ. Храмъ украшенъ хорошей фресковой живописью. Стилъ его, какъ и всѣхъ памятниковъ этой эпохи, за малымъ исключеніемъ, представляетъ ту особенность, что строители его уже освобождаются отъ византийскихъ традицій, а декоративная часть фасадовъ представляетъ какъ бы полную аналогію съ мотивами, выработанными въ деревянныхъ церквяхъ сѣверной Россіи.

Посѣтители Академіи художествъ, обойдя въ ней картинную выставку и архитектурную, могутъ продолжать свой обзоръ въ музеѣ древне-русскаго искусства, переведенномъ недавно въ другое помѣщеніе. Здѣсь выставлена масса храмовой утвари, вывезенной г. Суловымъ въ прошломъ году преимущественно изъ Ярославской губерніи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ собраніи *царскія двери* XVI в., въ 2 арш. слишкомъ высоты, формы эллиптической; онѣ обрамлены орнаментированной рамкой, съ 6 клеймами въ дверяхъ, и вообще крайне интересны не столько по изяществу, сколько по орнаментациі.

Любопытна цѣлая деревянная *часовня*. Она съ нѣкоторыми другими рѣдкими вещами передана г. Сулову причтомъ Воскресенскаго собора въ гор. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярослав. губ. Часовенка по плану прямоугольная, покрытая сплошь орнаментами, стояла когда-то въ соборѣ съ почитаемымъ образомъ св. Николая чудотворца. Ея двустворчатныя двери представляютъ собою сплошной ажурный орнаментъ, покрытый позолотой и серебромъ; углы обдѣланы въ видѣ пилястръ, во впадинкахъ которыхъ выточены орнаменты. Особенно замѣчательна верхушка часовни, имѣющая подобіе шатра. Она двухъ-ярусная. Каждый ярусъ имѣетъ шесть столбиковъ съ заставками, покрытыми золочеными орнаментами. Вся часовня увѣнчана тремя главками. Шейки главковъ обдѣланы также, какъ и главы въ церкви,

т. е. съ окнами и наличниками. Самыя главки по украшенію и формѣ своей чрезвычайно сходны съ главами церкви Василя Блаженнаго въ Москвѣ.

Круглыя *брачныя отъицы* замѣчательны по ажурнымъ орнаментамъ, клеймамъ изображеній святыхъ и херувимовъ и по верушкѣ въ видѣ приплюснутаго сферическаго свода.

Заслуживаютъ вниманія *доски*, которыя служили горизонтальнымъ раздѣленіемъ образовъ въ иконостасѣ. Орнаменты разныхъ цвѣтовъ расположены на нихъ въ шесть рядовъ.

Лампады красной мѣди XVI и XVII стол. заслуживаютъ вниманія по своимъ ажурнымъ орнаментамъ, завиткамъ и другимъ украшеніямъ.

Коллекція этихъ памятниковъ г. Суловымъ принесена въ даръ Академіи художествъ. Академическій музей древне-христіанскихъ предметовъ, такимъ образомъ, съ прошлаго года значительно увеличился, благодаря любезности духовенства Ярославской епархіи, особенно благодаря просвѣщенному вниманію къ церковнымъ древностямъ мѣстнаго архіепископа Іоаннафана, который во время періодическихъ епархіальныхъ обзорѣній между прочимъ обращаетъ особенное вниманіе на предметы церковной археологіи, зачастую сваленные съ незапамятныхъ временъ въ кладовыя, часовни или просто на церковныя чердаки. Подобное отношеніе въ церковнымъ древностямъ епархіальнаго начальства и обильная археологическая жатва расположили, какъ намъ извѣстно, г. Сулова еще разъ съѣздить въ Ярославскую епархію со тою же ученою цѣлью. Академія художествъ съ своей стороны на торжественномъ своемъ годичномъ собраніи 4 ноября 1884 г. удостоила преосвящ. Ярославскаго Іоаннафана званіемъ почетнаго члена Академіи.

Заграничныя пенсіонеры Академіи художествъ также выставили свои коллекціи эскизовъ, рисунковъ и чертежей, какъ матеріалъ собранный ими во время путешествія по Европѣ, необходимый художнику-архитектору для его усовершенствованія. Въ этой коллекціи вы видите разносторонніе древне-христіанскіе и византійскіе памятники, преимущественно изъ области церковныхъ древностей. Особенно интересны работы пенсіонера *Чашина*. Осматривая всестороннія художественныя сокровища Рима, онъ заинтересовался преимущественно памятниками древне-христіанскаго и византійскаго стилей. Занятія этой отраслью искусства такъ увлекли его, что послужили спеціальною канвою для его художественныхъ трудовъ, расположили къ архео-

логическимъ изслѣдованіямъ еще нетронутыхъ памятниковъ. Древне-христіанскія и византійскія богатства Рима и другихъ большихъ городовъ Италіи достаточно извѣстны и разработаны, за исключеніемъ восточнаго ея берега по Адриатическому морю. Для изученія византійскаго стиля г. Чагинъ посѣтилъ сначала нѣкоторые болѣе обшчавшіе города восточной прибрежной части Средней и Сѣверной Италіи, именно работалъ въ городахъ: Терни, Нарни, Сполето, Монтефальконе, Ассизи, Спелло, Фолинья, Беванья, Перуджиа, Губбю, Анкоиъ, Болонья, Равеннѣ, Помпозѣ, Венеціи, Веронѣ, Чивидаль, на островахъ Торчелло и Мурано, путешествовалъ по Истріи и Далмаціи, именно въ городахъ, насколько мало извѣстныхъ художественному и ученому міру, настолько же и богатыхъ древне-христіанскими и византійскими памятниками: Триестѣ, Пирано, Паренцо, Пола, Оссеро, Фіуме, Арбе, Нона, Цара, Себенико, Спалато и Рагуза. Его работы замѣчательны какъ по количеству (106), слѣдовательно по значительной полнотѣ, такъ по выработанности рисунка и высокому художественному исполненію. Между работами его вы видите эскизы и рисунки дверей церковныхъ, порталовъ, крестовъ, посоховъ, сѣней, саркофаговъ, алтарей, стѣнныхъ изображеній, орнаментики, мозаики, барельефовъ, епископскихъ сѣдалищъ, надгробныхъ памятниковъ, фрагментовъ базиликъ, церковныхъ оконъ, утвари и др. Изъ города Сполета г. Чагинъ зачертилъ галерею собора съ круглымъ окномъ, дверь церкви св. Николая, боковую дверь S. Pietro; изъ гор. Терни: части убранствъ порталовъ собора, два креста X вѣка изъ соборной ризницы, посохъ и части наличниковъ портала собора; изъ г. Ассизи: архитектурныя части собора св. Руфина, главный порталъ, двери, окна этого собора; изъ г. Беванья: порталы церквей св. Сильвестра и Михаила X — XI в.; изъ Равенны: сѣнь IX в., саркофагъ изъ св. Аполлинарія, алтарь изъ св. Виталія; изъ Венеціи: перспективный видъ внутренности церкви св. Марка; изъ Паренцо: фрагменты базилики VI в., епископское сѣдалище и боковой видъ сѣдѣній VII в., капители колоннъ базилики VI в., остатки саркофага VIII в., мозаику алтаря X — XI в. въ соборѣ этого города и т. п. Всѣ эскизы и рисунки съ натуры отчасти карандашные, отчасти акварельные. Г. Чагинъ, какъ видно, рисовальщикъ крупный, талантливый. Работы его получили уже оцѣнку за границей. Нѣкоторые изъ собранныхъ имъ памятниковъ въ упомянутыхъ славянскихъ краяхъ уже изданы въ 1884 г. про-

профессоромъ Вѣнскаго университета и директоромъ королевскаго музея древностей, известнымъ археологомъ Рудольфомъ Эйтельбергеромъ въ его увражѣ: Die mittelalterlichen Kunstdenkmale Dalmatiens, in urbe Nona, Zara, Sebenico, Trau, Spalato und Ragusa (Wien, 1884 г.) IV Band.

Также интересны работы другаго пенсионера—г. *Преображенскаго*, какъ продуктъ его путешествій во Флоренцію, Бельгiю, Голландiю, Германию и Италию.

Памятникъ покойныхъ членовъ Института (князя І. А. Мещерскаго и П. Н. Костомарова).

Уже болѣе года прошло со дня кончины почетнаго члена Археологическаго Института князя *Іосифа Александровича Мещерскаго* ⁽¹⁾, и однако Институтъ еще не успѣлъ заявить какъ много онъ потерялъ вслѣдствіе этой преждевременной кончины. Какъ директоръ Института, я думалъ посвятить одно изъ нашихъ вечернихъ чтеній памяти князя и при этомъ выяснитъ какой цѣнный матеріалъ онъ мнѣ доставилъ для изученія географіи Россіи съ XVI-го вѣка по XIX-й. Но глубокое уваженіе къ памяти усопшаго побуждало меня обставить мое чтеніе такими данными, которыя не только пополняли бы доставленные мнѣ свѣдѣнія, но и дали бы труду князя Мещерскаго значеніе капитальнаго вклада въ науку. Вѣрный этой обязанности, я и теперь оставляю ее за собой, здѣсь же скажу лишь нѣсколько словъ въ память нашего незабвеннаго труженика.

По своей службѣ князь былъ старшимъ членомъ состоящей въ Москвѣ Межевой Канцеляріи и въ этомъ положеніи приносилъ огромную пользу не только межевому вѣдомству, но и всѣмъ частнымъ лицамъ, которыя обращались къ нему за справками и указаніями, испрашивали у него совѣта или наставленій. Двадцать цѣлыхъ лѣтъ неутомимыхъ трудовъ посвятилъ онъ такой службѣ. Какіе же остались видны слѣды столь долговременной его дѣятельности? Вотъ что сказалъ объ этомъ, при погребеніи князя, одинъ изъ знатоковъ межеваго дѣла ⁽²⁾: „Межевая литература, воз-

(1) Кончина его послѣдовала 27 апрѣля 1884 года.

(2) С. Д. Рудникъ. См. Межев. Вѣстникъ 1884 г., № 5 (Май).

Всп. 4-й.

нившая въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, пережила за тѣмъ долгій періодъ полного застою. Съ тѣхъ поръ назрѣла масса вопросовъ, сложились новыя потребности. И первый, кто обратилъ вниманіе на эту важную отрасль права, былъ покойный князь. Его исторію государственнаго межеваго архива, печатавшуюся въ шестидесятихъ годахъ въ „Современной Лѣтописи“ подъ скромнымъ псевдонимомъ начальной буквы его фамиліи, прочелъ, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ не только межевой спеціалистъ, но и всякій, интересующійся исторіей и юриспруденціей. Занимая одинъ изъ важныхъ постовъ въ межевой службѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы облегчить трудную задачу межеваго техника. Лишь только почувствовалась потребность въ составленіи полнаго сборника межевыхъ законовъ съ ихъ разъясненіями, — князь тотчасъ же принялъ непосредственное участіе въ этомъ обширномъ трудѣ. Второе изданіе „Межеваго Сборника“, составляющее настоящую книгу межевыхъ спеціалистовъ, вышло въ свѣтъ всецѣло подъ его редакціей и руководствомъ. Даже на смертномъ одрѣ онъ не переставалъ заботиться о дорогомъ для него межевомъ дѣлѣ и хлопоталъ о напечатаніи втораго продолженія къ „Сборнику“. Вопросъ о реформѣ межевой части, можно сказать, еще только всплывалъ на поверхность, а покойный князь уже дѣятельно работалъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, указывая лучшіе пути для проведенія его въ жизнь. Лишь только появился въ свѣтъ проектъ новаго межеваго устава, какъ онъ немедленно принялся за его разсмотрѣніе. Строгая непристрастность сужденій, отсутствіе ложнаго корпоративнаго самолюбія — нечего и говорить о его личныхъ интересахъ — ихъ никогда не было у князя, когда шла рѣчь объ общемъ дѣлѣ, — вотъ краткая характеристика мнѣнія покойнаго по этому важному предмету. Лишь только осуществилась мысль объ изданіи спеціального межеваго органа печати, „Межеваго Вѣстника“, какъ князь не замедлилъ отозваться выраженіемъ самаго теплаго сочувствія на это благое и доброе — какъ онъ выражался — начинаніе. Не было просьбы отъ редакціи, которая была бы имъ оставлена безъ полнаго удовлетверенія. Несомнѣнно, что только смерть помѣшала видѣть на страницахъ „Межеваго Вѣстника“ труды князя, уже готовившіеся къ печати“.

Казалось бы, при такой дѣятельности не должно было оставаться у покойнаго свободной минуты для другихъ занятій. Но не только минуты,

а даже цѣлые часы нашлись, и какія это были освѣжавшія труженика, работавшаго надъ сухимъ, по видимому, дѣломъ, теплыя, высокому искусству посвященныя занятія. Князь былъ меломанъ и музыкантъ не только душою, но и имѣлъ потребныя для того таланты. Онъ былъ постояннымъ членомъ Общества любителей драматическаго искусства въ Москвѣ, любилъ въ тоже время археологію, въ особенности русскія древности и съ жаромъ принялся за тему „о засѣкахъ или чертахъ Московскаго государства“, которую я просилъ его разработать по бывшимъ у него подъ рукою источникамъ. Но чѣмъ особенно привязывалъ къ себѣ князь не только служившихъ съ нимъ, но и всѣхъ своихъ знакомыхъ — это было его рѣдкое, горячее ко всему прекрасному и полезному сердце, страсть его къ знаніямъ и труду, но съ цѣлью служить ими своимъ ближнимъ, помогать нуждающимся, словомъ, — это былъ человѣкъ дѣйствительно „высокой чести и добра“, какъ сказалъ о немъ въ надгробномъ своемъ словѣ другой его товарищъ.

Отдавая послѣдній долгъ нашему дорогому сочлену по Институту, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что такіе люди какъ покойный князь, свѣдущіе, талантливые и трудолюбивые, остаются обыкновенно, только вслѣдствіе излишней своей скромности, въ полной почти неизвѣстности въ бюрократическихъ сферахъ, и отечество не можетъ надлежащимъ образомъ пользоваться ни ихъ знаніями, ни усердіемъ къ дѣлу и къ пользѣ своихъ ближнихъ. На другихъ, слѣдовательно, дѣятеляхъ, имѣющихъ большее вліяніе въ своемъ кругу, лежитъ обязанность доводить о нихъ до общаго свѣдѣнія. А сколько такихъ тружениковъ, едва ли кому извѣстныхъ въ нашихъ столицахъ, а между тѣмъ готовыхъ и достойныхъ посвящать отечеству свои дарованія и силы, таится въ разныхъ мѣстностяхъ и заголустяхъ нашего обширнаго государства. . . .

Совсѣмъ иное приходится намъ сказать о другомъ нашемъ сочленѣ по Институту *Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ*. Это былъ не только въ высшей степени даровитый историкъ, но и писатель въ болѣе обширномъ значеніи слова, отзывавшійся легко и живо на всѣ политическіе, социальныя и даже частныя запросы и мысли. Его талантливое перо, легко поддававшееся увлеченію занимавшимъ его предметомъ, сдѣлало его извѣстнымъ на первыхъ же шагахъ его литературнаго поприща не только въ Малорос-

сѣмь, но и въ обѣихъ столицахъ и послужило поводомъ къ разразившейся надъ нимъ невзгодѣ въ то самое время, когда онъ готовился быть профессоромъ и вступить въ счастливую семейную жизнь. Мы имѣли удовольствіе познакомиться съ нимъ въ Саратовѣ, гдѣ онъ жилъ въ административной ссылке, по освобожденіи его изъ крѣпости, и впоследствии сойдясь съ нимъ близко, считаемъ себя въ обязанности сказать нѣсколько словъ въ его память. Живя одинъ съ своей почтенной матерью (уже старушкой), окружавшей его самыми иѣжными заботами и горячо имъ любимою, Николай Ивановичъ числился на службѣ въ канцеляріи губернатора, который поручалъ ему преимущественно статистическія работы и между прочимъ сообщалъ ему свѣдѣнія для составлявшейся тогда записки (писалъ ее однако главнымъ образомъ Костомаровъ) о выгодахъ сооруженія Саратовской желѣзной дороги. Я былъ и личнымъ свидѣтелемъ какъ легко Н. И. собиралъ нужныя ему статистическія свѣдѣнія и облакалъ ихъ даже въ изящную форму. Однажды, не получая долго отъ Сердобскаго исправника годоваго отчета по его уѣзду, губернаторъ поручилъ Николаю Ивановичу съѣздить въ Сердобскъ, и какъ мое имѣніе находится въ 7 верстахъ отъ этого города, то онъ прежде всего пріѣхалъ ко мнѣ, а на другой день исправникъ сообщилъ ему всѣ нужныя свѣдѣнія, такъ что Н. И. уже черезъ пять дней повезъ въ Саратовъ всѣ требовавшіеся отчеты, статистическія данныя и даже составленныя имъ таблицы. Но эти пять дней онъ провелъ у меня, въ моей семьѣ, и мы не могли довольно удивиться его дѣятельности и разнообразію его талантовъ. „У васъ вѣрно поются въ народѣ какія нибудь мѣстныя пѣсни“, спросилъ онъ меня, и я кликнулъ двухъ крестьянокъ, которыя пропѣли ему разныя преданія, изъ коихъ одно напечатано впоследствии въ моемъ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи“⁽¹⁾. Вечеромъ онъ садился на балконъ и, объяснивъ окружающимъ его пріемы такъ распространенныхъ въ настоящее время постукиванія въ столъ и накладыванія рукъ на подающихся легкому усыпленію субъектовъ, вывѣдывалъ отъ нихъ отвѣты и тайны, сообщающія насъ съ другимъ міромъ. Издававшійся мною тогда „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“ ему очень понравился и онъ обѣщалъ мнѣ нѣсколько статей, которыя и были напечатаны мною

---

(1) Подъ заглавіемъ: «Разбойничья пѣсня».

впоследствии, но уже въ другомъ изданіи, именно въ упомянутомъ выше „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“. Изъ нихъ статья: Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права и особенно статья о Варягахъ-Руси еще прежде изданія ихъ въ свѣтъ вызвали оживленный диспутъ между Николаемъ Ивановичемъ (тогда онъ жилъ уже въ Петербургѣ) и М. П. Погодинымъ. Этотъ диспутъ происходилъ на одномъ изъ бывшихъ въ моемъ домѣ вечернихъ собраній, которое Погодинъ описалъ очень живо въ издававшемся имъ „Москвитянинѣ“. Въ то время Костомаровъ уже читалъ лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ и мнѣ приходилось съ нимъ не только часто видѣться, но и спорить: онъ обыкновенно соглашался со мною, но когда его статья появлялась въ печати, то мое вліяніе на него оказывалось ничтожнымъ. Тѣмъ не менѣе одно лѣто мы провели съ нимъ очень дружно: онъ жилъ у меня въ домѣ, мы ѣздили съ нимъ за городъ и посѣщали вмѣстѣ разныя увеселительныя заведенія (*honny soit qui mal y pense*), спорили до слезъ и возвращались къ ночи до того возбужденные, что Костомаровъ не могъ долго заснуть, раздѣвался и принимался за перо. Мой отъѣздъ на долгое время по дѣламъ службы въ Москву, а затѣмъ усиленные занятія по Институту и разнымъ изданіямъ насъ развели, но мы встрѣчались всегда дружно и любовно вспоминали старину...

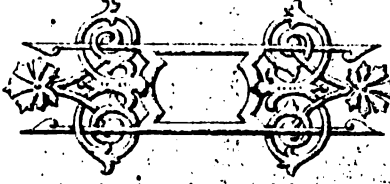
И наука, и изящная литература будутъ еще долго, если не вѣчно, освѣжаться прекрасными картинами, начертанными рукою историка-художника, а семейство покойнаго (онъ женился впоследствии на бывшей своей повѣствѣ въ началѣ службы), его друзья и знакомые будутъ всегда беречь въ своихъ портфеляхъ его дѣловыя, остроумныя записки, писавшіяся имъ часто подъ ладъ нашихъ старинныхъ „челобитень“ и посланій и хранить въ своей памяти слышанныя отъ него въ домашнемъ быту „рацеи“ и шуточные рассказы „о бѣсахъ (въ особенности о бѣсѣ Зефеусѣ)“, ихъ похожденияхъ и шалостяхъ.

Н. К.

ЦѢНА ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ
СЪ АЛЬБОМОМЪ РИСУНКОВЪ И
ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

Редакція „ВѢСТНИКА“ на Вас. остр., по 12
линіи, д. № 19, въ бібліотекѣ Археологическаго
Института.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Петерб., стор.
Большой пр. д. № 45.

ВЪСТУЖЕНІЕ

Археологія
и
Исторія

Издаваемый
Императорскимъ
Институтомъ
Изданіемъ
Печатни Клема
И. П. Гагарина

1886

Составилъ Им. Ропетъ

СПЕТЕРБУРГЪ.

Составилъ Арх. Ропетъ

Типографія А. Рупкина

Digitized by Google

PRINTED IN RUSSIA.

ВѢСТНИКЪ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ИЖДИВЕНЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА М. В. ГЛУМОВА.

1886 г.

ВЫПУСКЪ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1886.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *И. Андреевскій*.

СОДЕРЖАНІЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

	СТР.
1. О Калачовѣ, какъ юристѣ-археологѣ и учредителѣ Археологическаго Института. М. Е. Андреевскаго.....	1 — 14
2. О трудахъ Калачова по крестьянскому дѣлу. Дѣйствит. члена Института М. Г. Данилова.....	15 — 24
3. Воспоминанія о Калачовѣ, какъ руководителѣ занятіями слушателей Археологическаго Института. Дѣйствит. члена Института А. Н. Львова.....	25 — 31
4. Последніе дни жизни Калачова, по возвращеніи его, въ 1885 году, изъ-за границы. А. Н. Трубецова.....	32 — 38
5. Письма, сообщенія и телеграммы, вызванныя кончиною Калачова...	39 — 78

О Лжеучителѣ Мензелинѣ. Статья Д. Смышляева, помѣщаемая по предсмертному распоряженію Н. В. Калачова.....	1 — 40
---	--------

Къ этому выпуску приложенъ портретъ основателя Археологическаго Института Николая Васильевича Калачова.

Mikhail Bakunin

Н. В. КАЛАЧОВЪ.

ЧТЕНІЯ, ПОСВЯЩЕННЫЯ ЕГО ПАМЯТИ,

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЪ

3-го декабря 1885 года.

Н. В. КАЛАЧОВЪ,**какъ юристъ-археологъ и учредителъ Археологическаго
Института.**

Время и обстоятельства, окружающія молодого ученаго въ первой порѣ его научныхъ стремленій, значительно предопредѣляютъ его дальнѣйшіе шаги въ научной области. Конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ въ русскихъ университетахъ вообще, а въ Московскомъ въ особенности, проявляли замѣтное движеніе. Вотъ какіе новыя факторы стали вліять на новыя стремленія, особенно въ средѣ юридическихъ факультетовъ. 1) Только что вступила въ законную силу новая величественная кодификація съ монументальнымъ сборникомъ „Полное собраніе законовъ“. 2) Археографическая Комиссія только-что начала дѣйствовать, и за изданнымъ сборникомъ актовъ, привезенныхъ Археографическою Экспедиціею, стала безпрестанно дарить новыми томами актовъ первѣйшей важности. 3) Только-что преобразованные юридическіе факультеты по уставу 1835 года стали пополняться молодыми учеными, вышедшими изъ исторической школы Савинья и выступившими съ историческимъ методомъ для разъясненія обширнаго, только-что кодифицированнаго русскаго права. Въ частности, въ Москвѣ эти могучіе факторы усиливались не менѣе могучимъ прошлымъ. Плеяда историковъ и лицъ, интересовавшихся прошедшимъ Россіи, ютилась въ Обществѣ исторіи и древностей. И если глава скептической школы Каченовскій уже не дѣйствовалъ болѣе съ 1835 года, то сильныя волны его скептического ученія еще не улеглись. Правда, ни въ чемъ не сомнѣвавшійся,

все себя уяснивший и безапелляционно разрѣшившій М. П. Погодинъ былъ убѣжденъ, что побѣдоносно раскидалъ ненавистныхъ ему скептиковъ въ разныя стороны, но скептическое направленіе дѣлало свое дѣло: вызывало въ молодежи стремленія къ исторической критикѣ, жажду разобраться въ массѣ памятниковъ, работать самостоятельно.

Среди даровитой молодежи, охваченной этимъ новымъ движеніемъ и подавленной новыми могучими факторами, былъ и Н. В. Калачовъ, любознательный, хорошо подготовленный, строгій къ труду, не знавшій усталости, положившій на себя обѣтъ дѣятельности.

На школьной скамьѣ его, какъ и многихъ его сверстниковъ, заинтересовала величественная картина собиранія Русской земли Московскими царями и смѣло составленный первый кодексъ—Судебникъ. Уголовное содержаніе Судебника составило предметъ первой, юношеской работы Калачова (¹). Но совершивъ ее, Калачовъ разочаровался въ самыхъ приѣмахъ, на эту работу положенныхъ, и у него возникли важные вопросы: почему уложенное въ Судебникахъ можно считать за право, какую связь эта московская кодификація имѣла съ дѣйствительнымъ правомъ народа, какое же это было право, насколько оно легло въ основаніе московскаго. Мучительны были эти вопросы для Калачова, но они привели его къ важному для него и для насъ рѣшенію: не туда, не къ московскому праву надо направить изслѣдованіе, надо подняться въ глубь, въ старь, тамъ искать живыхъ, вѣчныхъ юридическихъ образовъ, правду Русскаго народа. И это рѣшеніе вывело его на путь *юриста-археолога*,—путь, пройденный имъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.

Калачовъ поднялся въ высшія отдаленныя области вѣчеваго склада и подвергъ своему изученію Русскую Правду (²). Капитальная эта работа о Русской Правдѣ, увѣнчанная магистерскою степенью и открывшая ему кафедру исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, представляетъ трудъ, къ которому слѣдуетъ подходить съ особымъ уваженіемъ по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) какъ ученое изслѣдованіе, оно оставило

(¹) См. въ Юрид. запискахъ Рѣдина, «О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича», т. I, 1844, стр. 47—160; т. II, 1842, 306—408.

(²) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды, М. 1846.

далеко за собою всё предыдущія изслѣдованія, и по группировкѣ фамилій русскихъ правдъ будетъ долго имѣть значеніе классической работы. 2) Эта работа столкнула Калачова съ существомъ обычнаго права Россіи и возбудила въ немъ стремленія понять и разрѣшить такіе вопросы, которыхъ не разрѣшить отдѣльному изслѣдователю, но стремленіе къ разрѣшенію которыхъ сдѣлалось задачею его жизни и побуждало его къ неустанной дѣятельности—какъ можно болѣе собрать еще неизвѣстнаго, еще скрывающагося въ рукописяхъ, скромно почивающихъ въ неизвѣстныхъ хранилищахъ. Этимъ объясняется вся его послѣдующая трудовая жизнь, правда, значительно разбрасывающаяся, но тѣмъ не менѣе направляющаяся неуклонно къ поднятію той завѣсы, за которою стоятъ могучія основы русскаго права, имѣющія развернуться въ то великое и самобытное, которое всю жизнь стремился охватить Калачовъ.

Предавшись послѣ недолгаго занятія каедры, весьма энергичному разбору и изданію памятниковъ, разбору архивовъ и печатанію ихъ актовъ, Калачовъ въ теченіи всей этой долготѣнной архивной работы по временамъ останавливается и высказываетъ относительно тѣхъ вопросовъ, которые заняли его въ Русской Правдѣ. Занимавшіе его вопросы затрогивались имъ не случайно, но систематически. Разрѣшая ихъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, онъ раскидываетъ ихъ по своему пути, и по этимъ статьямъ, какъ по букетамъ вѣчно живыхъ цвѣтовъ, поставленнымъ въ видѣ вѣхъ на пути этого юриста-археолога, можно прослѣдить весь этотъ путь, который привелъ Калачова къ созданію Археологическаго Института.

Именно, встрѣтившись при изученіи Русской Правды съ высокими юридическими обычаями русскаго народа, для Калачова, какъ юриста, дѣлавагося уже археологомъ, неотступно ставился вопросъ: что же управляло народною жизнію рядомъ съ этимъ правомъ, записавшимся въ Русскую Правду. Уже въ самомъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ помѣщены указанія, хотя коротенькія, на нѣкоторые памятники византійскаго права, имѣющіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходство съ постановленіями русскихъ правдъ. Но что это за сходство? Какая связь Византійскаго права съ обычнымъ правомъ вѣчеваго періода? Мучимый этимъ вопросомъ и сознавая обязанность дать разъясненія своимъ слушателямъ, онъ беретъ за Коричную Книгу и извѣстное его изслѣдованіе „о значеніи Коричей въ системѣ древняго Русскаго

права* (1) уже свидѣтельствуеъ о дорогѣ, по которой онъ считаетъ необходимымъ идти. Столько неяснаго, неизвѣстнаго, сколько и жизненно-интереснаго. Открытая и изданная въ 1848 г. Мурзакевичемъ Псковская Судная Грамота, за толкованіе которой тотчасъ принимается Калачовъ, еще болѣе убѣждаетъ его въ необходимости искать, сопоставлять, идти къ разъясненію этого стараго, археологическаго.

Съ этою цѣлію онъ открываетъ еще въ Москвѣ и потомъ продолжаетъ уже въ Петербургѣ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, изданіе *Архива историко-юридическихъ свидѣній*, относящихся до Россіи. Его манитъ надежда, что и тутъ, подобно какъ возлѣ Временника Московскаго Общества исторіи и древностей, соберется группа людей для изслѣдованія старины юридической, которая его болѣе чѣмъ когда-либо стала интересовать. Неясныя указанія Русской Правды на классы русскаго общества вообще и на значеніе *изгоевъ* въ особенности удается здѣсь растолковать помѣщеніемъ устава Всеволода-Гавриила. Столь же важное толкованіе удается помѣстить на страницахъ этого изданія относительно ханскихъ ярлыковъ (2). А помѣщенные Новгородскіе акты даютъ возможность въ особой работѣ изслѣдовать давно занимавшее его и крупное явленіе *древней Русской артели*. Изданіе его архива, какъ извѣстно, приостанавливается, Калачовъ предается весь архивному дѣлу. Но занимается заря шестидесятихъ годовъ. Великая мысль великаго Государя объ освобожденіи крѣпостныхъ, какъ электрическою ниткою связываетъ всѣхъ въ общее уваженіе къ изстаринному свободному русскому праву, и археологъ-юристъ Калачовъ объять общою энергіею и общимъ стремленіемъ къ поднятію нашего историческаго добра. Онъ опять заводитъ изданіе *Архива историческихъ и практическихъ свидѣній, относящихся до Россіи*, хлопочетъ въ Комиссіи объ освобожденіи крѣпостныхъ о введеніи *уставныхъ грамотъ*, принимаетъ живое участіе въ поднявшейся полемикѣ о томъ, виноваты-ли дѣйствительно Борисъ Годуновъ въ закрѣпощеніи русскихъ людей, возбуждаетъ въ Географическомъ Обществѣ стремленіе собирать юридическіе обычаи, для чего составляетъ программу.

(1) О значеніи Коричей въ системѣ древняго Русскаго права, пом. въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Ар., 1847, № 3 и 4. Мѣрило праведное, пом. въ Арх. ист. и юрид. свѣд., кн. 1, М. 1850.

(2) Архивъ истор. и юрид. свѣдѣній о Россіи, кн. 1.

А когда вновь появилось скептическое направлѣніе въ Русской исторіи, съ появленіемъ на кафедрѣ Петерб. университета талантливаго историка—художника Н. И. Костомарова, Калачовъ поздравлялъ молодыхъ ученыхъ съ успѣхомъ, съ возрожденіемъ исторической критики. Многихъ конечно еще памятенъ возгорѣвшійся между Костомаровымъ и Погодинымъ споръ о происхожденіи Рюрика, когда они *дописались до поля*. Въ университетской залѣ назначенъ былъ между ними литературный поединокъ. Но репетицію этого поединка Калачовъ произвелъ у себя въ квартирѣ. Если самый поединокъ въ университетѣ не привелъ, конечно, къ рѣшительнымъ результатамъ, но только свидѣтельствуесть объ интересной и живой эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, привлекавшей молодежь къ жадному наслажденію научными бесѣдами о самыхъ отдаленныхъ временахъ, то репетиція этого поединка въ квартирѣ Калачева имѣла значеніе. Бывшіе на этомъ вечерѣ, вмѣстѣ со мною, конечно вспомнятъ о двухъ обстоятельствахъ: 1) что гостепріимный хозяинъ, покойный Калачовъ принималъ самое живое, лихорадочное участіе въ бесѣдѣ; 2) что какъ самъ Калачовъ, такъ и другіе бывшіе тутъ юристы оказались мало свѣдущими въ разъясненіи возникавшихъ вопросовъ о существѣ и происхожденіи обычевъ: видно ли вліяніе Норманскаго права на томъ или другомъ положеніи, или это число Славянское, Литовское и т. д. Чувствовалось отсутствіе археологическихъ знаній. Да это и не въ укоръ юристамъ: тогда только что поднимался вопросъ о юридическихъ древностяхъ. Старыя попытки Успенскаго и др. были заброшены, а новыя только готовились путемъ раскопокъ и просыпавшихся стремленій къ археологіи. И наши геологи только еще готовились приступить къ изслѣдованіямъ: еще не было капитальныхъ работъ профессоровъ Богданова и Иностранцева⁽¹⁾ и отношеніе краниологіи къ этнографіи ждало еще разъясненій. Но планы уже возникали, археологи въ Россіи начинали дѣйствовать.

А у Калачова все крѣпло сознаніе, что Русское право можетъ быть понято и осуществляемо въ жизни, если будетъ найдена точная связь настоящаго съ прошедшимъ. Уяснивъ себѣ многія начала и принципы изстариннаго Русскаго права, онъ сталъ мечтать о сопоставленіи ихъ съ тѣмъ,

(1) Проф. Иностранцева, *Донисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера*, Спб. 1882.

что совершенно въ періодъ законодательной дѣятельности московскихъ царей. Особенно остановился онъ на этомъ стремленіи, когда сдѣлался директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи, заключающаго въ себѣ такую массу еще неизвѣстныхъ актовъ XVII ст. Принявшись за изданіе отдѣльныхъ актовъ, между прочимъ и за *писцовыя книги*, Калачовъ лелѣлъ мечту, не покидавшую его до самой смерти, издать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ боярскіе приговоры отъ судебника до уложенія. Въ послѣдній годъ жизни онъ и приступилъ къ осуществленію этой задачи.

Но начавъ обзоръ богатого Московскаго архива министерства юстиціи, убѣдившись, какое значеніе могло бы имѣть изданіе всѣхъ актовъ XVI и XVII ст. для разъясненія связи Московскаго законодательства съ древнимъ русскимъ правомъ, и далѣе, что подобныя же богатства имѣются и въ другихъ архивахъ и во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ могутъ устроиться архивы, Калачовъ окрѣпъ въ убѣжденіи, что одному или немногимъ наличнымъ силамъ съ этою обширною областью не справиться. Если и въ полѣ одинъ воинъ не бываетъ, то въ этой широкой области безъ значительной плеяды хорошо подготовленныхъ ученыхъ — скорыхъ и хорошихъ результатовъ достигнуть невозможно. Уже въ концѣ шестидесятихъ годовъ предъ нимъ сталъ носиться образъ специальной школы, которая могла бы готовить свѣдущихъ архивистовъ. Плѣнительный примѣръ Парижской *Ecole des chartes*, способн обученія архивистовъ при Нѣмецкихъ и Итальянскихъ архивахъ, громадныя послѣдствія, уже получившіяся въ западной Европѣ отъ богатѣйшихъ архивныхъ изданій, — все это возбуждало стремленія, и Калачовъ зачалъ и понесъ свою великую думу.

И обстоятельства много помогли и пособствовали успѣху. По примѣру естествоиспытателей въ Россіи стали устроиваться, при просвѣщенномъ содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія, съѣзды археологовъ. Первый съѣздъ былъ въ Москвѣ въ 1869 году. А на второмъ съѣздѣ, собравшемся въ концѣ 1872 года въ Петербургѣ, возникла мысль заняться русскими архивами. Съѣздъ въ своей средѣ содалъ особую комиссію объ устройствѣ архивовъ и принялъ ея единогласное заключеніе ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи, съ Высочайшаго соизволенія, временной комиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для обсужденія вопросовъ относительно устройства архивовъ и храненія въ нихъ до-

кументовъ и составленія положенія о главной архивной комиссіи, какъ правительственнаго учрежденія и объ ея отношеніи къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Высочайше учрежденная комиссія объ устройствѣ архивовъ и открылась въ 1873 г., подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова. Незачѣмъ и прибавлять, что онъ былъ душою ея работъ. Онъ здѣсь, въ этой комиссіи впервые и развилъ свою мысль, основываясь на собранныхъ имъ за границею данныхъ, о необходимости создать въ Россіи Археологическій институтъ, въ которомъ молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ, дополняли бы свое классическое и юридическое образованіе изученіемъ отечественныхъ древностей и палеографіи въ особенности, съ тѣмъ, чтобы впоследствии занимать мѣста начальниковъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. И тутъ же сообщилъ, что онъ рѣшился уже привести эту мысль въ осуществленіе, но просить содѣйствія комиссіи для разработки проекта этой новой школы въ Россіи. По мѣрѣ разработки вопросовъ въ комиссіи, у Калачова въ создавшемся уже образѣ Археологическаго института стала рисоваться необходимая для него добавка, которую онъ старался разъяснить на третьемъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1874 г. Именно о необходимости созданія въ главныхъ нашихъ центрахъ *центральныхъ архивовъ*, одного на нѣсколько губерній, и при каждомъ такомъ архивѣ открыть *историческое общество*: центральный архивъ будетъ собирать и хранить документы, а дѣйствующее при немъ *историческое общество* приводить эти документы въ извѣстность и подвергать разработкѣ.

Комиссія, какъ извѣстно, начертала проекты о главной архивной комиссіи и объ Археологическомъ институтѣ¹⁾ но этихъ проектахъ, главнымъ образомъ за недостаткомъ средствъ, не суждено было еще осуществиться.

Но Калачовъ продолжалъ свою думу, и боясь различнаго рода затрудненій, которыя могутъ помѣшать устройству правительственнаго Археологическаго института, сталъ искать средствъ на созданіе частнаго Археологическаго института, въ томъ предположеніи, что если удастся открыть таковой и если онъ пойдетъ, то правительство не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи и поддержкѣ. Смѣлому плану Калачова, небывалому въ лѣтони-

---

¹⁾ См. Сборникъ Археолог. института, Кн. 1, отд. 3-й.

сяхъ нашихъ школъ, удалось осуществиться. Въ 1877 году возникаетъ въ Петербургѣ *Археологическій институтъ* по плану, взлѣянному Калачовымъ и выразившемуся въ Высочайше утвержденномъ 23 іюля 1877 г. Положеніи объ Археологич. институтѣ. Какъ учрежденный на частныя средства, именно на средства почтенныхъ жертвователей, сдѣлавшихся почетными членами института, Археологическій институтъ былъ допущенъ, въ видѣ опыта на 4 года для приготовленія специалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. 15 января 1878 г. привѣтствовалъ Калачовъ собравшихся на открытіе института.

Давнишняя его мечта, выросшая у него какъ плодъ его научныхъ занятій археологическими истинами права, осуществилась. Въ его рукахъ уже былъ давно желанный имъ Археологическій институтъ. И Калачовъ началъ осуществленіе тѣхъ цѣлей, съ которыми сливалось для него самое понятіе института, а именно: 1) сблизять любителей старины, посвящающихъ себя обследованію и разработкѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ въ нашихъ губерніяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ столицъ, съ тѣми научными силами, какими располагаютъ столицы для развитія науки объ отечественныхъ древностяхъ. 2) Привести существующіе уже по мѣстамъ архивы въ порядокъ, описать ихъ и сдѣлать доступными для пользованія, а равно создать архивы, музеи и бібліотеки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, но гдѣ они могутъ быть. 3) Создать центральное справочноархивное бюро, въ которомъ каждый изъ ученыхъ дѣятелей или правит. органовъ могъ бы съ удобствомъ получить справку, въ какой изъ русскихъ архивовъ ему нужно обратиться для того, чтобы найти историческое данное, для него необходимое. Какимъ же образомъ такіа важныя и сложныя дѣла могли сочетаться съ Археологич. институтомъ, что могъ совершить послѣдній для достиженія такихъ предначертаній? Калачовъ былъ убѣжденъ, что именно созданный имъ Археологическій институтъ, и только онъ одинъ, и въ состояніи выполнить такіа функціи громадной государственной важности. И онъ думалъ, что его институтъ доставитъ необходимыя для того средства, но не вдругъ, а вотъ въ какой постепенности.

Во первыхъ, если институту удастся создать изъ своихъ слушателей архивистовъ, такихъ, какими рисовалъ ихъ себѣ Калачовъ, то главное,

основное средство будетъ найдено. А Калачову, какъ не только археологу, но и юристу, питомцу института рисовались, какъ люди просвѣщенные, проникшіе не только въ способы чтенія и разумнія актовъ и приведенія архивовъ въ порядокъ, но и какъ проникшіе въ существо русскаго права, плѣвившіеся его особенностями и сдѣлавшіеся способными становиться во главѣ историческихъ и археологическихъ работъ въ разныхъ уголкахъ Россіи. Въ привѣтственномъ своемъ словѣ при открытіи института, Калачовъ выражалъ слѣдующія мысли: „Уже мы стоимъ твердою ногою на рубежахъ Европы и Азии, какъ государство самостоятельное и смѣло идущее по пути, предназначенномъ ему провидѣніемъ. Уже вносимъ мы свѣточъ христіанства, просвѣщенія и нравственности въ отдаленные предѣлы востока, въ нѣдра язычества, религіознаго суевѣрія и фанатизма. Но и въ Европѣ не одно столѣтіе, вѣрные своимъ неколебимымъ прародителямъ, отбываемъ мы тяжелую страду за славянское дѣло и побѣдоноснымъ оружіемъ памѣчаемъ границы, въ коихъ государственная жизнь нашихъ соплеменныхъ братьевъ должна развиваться независимо и свободно. Мирная наука древностей, съ своей стороны, радостно привѣтствуетъ это торжество, потому что оно приготовляетъ ей обширное поле, на которомъ придется ей съ такою же свободой, какую послѣ долгаго гнета пріобрѣтутъ эти государства, собирать драгоценные, уцѣлѣвшіе отъ вѣковыхъ бурь, остатки первобытнаго народнаго языка, народныхъ вѣрованій и обычаевъ, и изучать письменные и вещественные памятники прошлой жизни для того, чтобы уяснить себѣ весь бытъ, всю обстановку столь близкихъ и дорогихъ намъ народовъ. Но и древности собственно наши—бытъ, языкъ и памятники Русскаго государства еще нами только что затронуты; для всесторонняго разслѣдованія и изученія ихъ надлежитъ посвятить себя этому дѣлу цѣлой массѣ трудолюбивыхъ и хорошо подготовленныхъ къ нему на теоретическихъ и практическихъ основахъ любителей и цѣнителей разныхъ сторонъ отечественной старины.“⁽¹⁾

Калачовъ надѣялся, что именно такіе дѣятели и будутъ появляться изъ архивистовъ, образуемыхъ его Археологическимъ институтомъ. Средства для образованія такихъ архивистовъ ему казались надежными въ лек-

---

(1) Сборникъ Археол. института, Кн. 1. стр. 1—2.

ціяхъ института, которыя должны постепенно расширяться, въ собственныхъ работахъ слушателей въ бібліотекѣ и архивѣ института, и въ вечернихъ чтеніяхъ и бесѣдахъ, вмѣстѣ съ изданіемъ Сборника или Вѣстника Археолог. института. Онъ считалъ всѣ эти три средства стоящими въ самой тѣсной связи. Дѣлая всѣхъ, прошедшихъ институтскій курсъ, дѣйствительными членами института, онъ надѣялся мало-по-малу получить плечу ученыхъ архивистовъ, связанныхъ въ одно цѣльное ученое общество тою связью, которая самая сильная изъ всѣхъ связей—общность научныхъ интересовъ, приводящая людей къ величайшему изъ благополучій—взаимному уваженію и любви. Калачовъ велъ большой расчетъ и на публичныя въ институтѣ вечернія чтенія и бесѣды. Онъ видѣлъ въ нихъ сильное средство обратить взоры образованной публики на дѣла института, расширять въ обществѣ интересъ къ историческимъ знаніямъ, знакомиться съ архивистами, выходящими изъ института и мало-по-малу признать въ Археологическомъ институтѣ цѣнное для русскаго общества пріобрѣтеніе.

Во-вторыхъ, онъ предполагалъ, что по мѣрѣ подготовленія его институтомъ архивистовъ, институтъ можетъ выступить на пропаганду архивнаго и научно-историческаго дѣла въ русской провинціи. И эту надежду ему удалось осуществить въ той формѣ, что Археологическій институтъ сдѣлался связующимъ звеномъ тѣхъ новыхъ и въ высшей степени почтенныхъ установленій, инициативу о которыхъ поднялъ Калачовъ въ Академіи Наукъ. Избранный этимъ старѣйшимъ ученымъ установленіемъ въ среду академиковъ, Калачовъ возбужденіемъ вопроса о томъ, что Академія можетъ осуществить дѣло губернскихъ историческихъ архивовъ и ученыхъ архивныхъ комиссій, оставилъ въ Академіи Наукъ видный и почтенный слѣдъ свой, хотя кратковременной, но энергической и полезной академической дѣятельности. Известно, что выработанный Академіею Наукъ проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ былъ внесенъ Президентомъ Академіи Наукъ, г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Д. А. Толстымъ, по Всемилостивѣйшему на то соизволенію Государя Императора, 15-го марта прошедшаго 1884 г., въ Комитетъ Министровъ. А въ этомъ проектѣ, между прочимъ, предложено, въ видахъ наблюденія за работами ученыхъ архивныхъ комиссій, подчинить ихъ Археологическому институту, директоръ котораго обязывается о результатахъ

дѣятельности этихъ комиссій представлять ежегодно отчеты Академіи Наукъ. И самое открытіе такихъ комиссій указано совершать по соглашенію директора Археологическаго института съ мѣстнымъ губернаторомъ и съ утверждѣнія Министра внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ Министровъ, признавъ это дѣло заслуживающимъ полнаго сочувствія и поощренія правительства, полагалъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе такихъ комиссій и историческихъ архивовъ, въ видѣ опыта, въ 4-хъ губерніяхъ: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской, и Государь Императоръ 13-го апрѣля 1884 г. на сіе Высочайше соизволилъ ¹⁾.

Калачовъ имѣлъ утѣшеніе въ возможности представить еще въ нынѣшнемъ году г. Президенту Академіи Наукъ свой докладъ объ открытіи этихъ четырехъ комиссій и о томъ, что успѣхъ этого дѣла превзошелъ его ожиданія.

Лѣтомъ нынѣшняго года онъ успѣлъ открыть пятую комиссію въ Костромѣ и торопился открыть шестую въ Саратовѣ. Но Саратову не пришлось увидѣть учредителя комиссій. Калачовъ скончался, не добѣжавъ до Саратова...

Въ-третьихъ, Калачовъ надѣялся, что при достиженіи Археологическимъ институтомъ вышеуказанныхъ цѣлей, его институтъ доставитъ и третье важнѣйшее средство для выполненія всего плана, и тѣмъ сослужитъ великую службу Россіи. Именно, по мѣрѣ составленія учеными архивными комиссіями описей приписанныхъ въ губернскіе историческіе архивы документовъ и поступленія этихъ описей въ институтъ, — онъ сдѣлается центральнымъ хранилищемъ всѣхъ описей и указателей тѣхъ рукописныхъ сокровищъ, которыя будутъ наполнять губернскіе историческіе архивы. Въ послѣднемъ своемъ докладѣ г. Президенту Академіи Наукъ, Калачовъ говорилъ: „Успѣшный ростъ и богатство этого хранилища дадутъ намъ возможность не стыдиться даже передъ тѣми многими иностранными центральными архивами, которые обладали доселѣ столь завиднымъ передъ нами преимуществомъ“ ⁽²⁾.

---

(1) Вѣстникъ археологій и исторіи, 1885, вып. I, XII.

(2) Ibid. XVI.

Таковъ смѣлый и грандіозный планъ созданнаго Балачовымъ Археологическаго института, составляющаго вѣнецъ всѣхъ жизненныхъ трудовъ этого юриста-археолога. Понятно, что къ этому дѣлу, столь широкому и заключающему въ себѣ столько зародышей и зачатковъ истиннаго добра, Балачовъ относился съ тою энергіею, на которую онъ былъ такъ способенъ, когда дѣло шло объ интересахъ науки и отечества.

Но вѣренъ-ли этотъ планъ и такъ-ли отнесся къ его выполнению Балачовъ, вотъ вопросы, которые должна будетъ поставить критика. И пускай эти вопросы поставятся, когда критика и самая строгая будетъ разбирать дѣятельность преемниковъ Балачова, на сколько они сѣмѣютъ поддержать и развить имъ начатое.

Наша же критика ограничится тѣмъ, что мы скажемъ Балачову истинное „спасибо“ за его честный починъ и за его честную службу наукѣ и Россіи, наша критика выразится въ томъ, что мы возложимъ на его могилу вѣнокъ, сплетенный изъ тѣхъ благодарныхъ воспоминаній, которыми Русскіе люди любятъ и умѣютъ почитать своихъ вожаконъ въ дѣлѣ мысли, труда и развитія.

И. Андреевскій.

О трудах Калачова по крестьянскому дѣлу.

Въ концѣ октября сего года село Волхонщино, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., приютило прахъ извѣстнаго ученаго, академика, сенатора и основателя нашего института, Николая Васильевича Калачова. Смерть настала его такъ неожиданно для насъ, почитавшихъ его, что нельзя было и думать отдать ему послѣдній долгъ, и это, въ силу роковыхъ обстоятельствъ, выпало на долю крестьянъ означеннаго села, которые, безъ пышной суеты, но съ теплою молитвою, проводили его въ могилу... Не даромъ выпала на долю простыхъ, темныхъ крестьянъ эта священная обязанность, если мы оживимъ въ памяти своей труды покойнаго по крестьянскому дѣлу! Дѣйствительно, Н. В. Калачовъ заслуживаетъ благодарнаго о немъ воспоминанія не только какъ историкъ-юристъ и археологъ, но и какъ дѣятель по крестьянскому вопросу, по которому онъ также, среди своихъ историческихъ занятій, потрудился. Здѣсь не время и не мѣсто, конечно, входить въ подробный разборъ и оцѣнку этихъ трудовъ. Цѣль наша лишь напомнить о заслугахъ по этому предмету замѣчательнаго и неутомимаго труженика и рѣдкаго, по своимъ душевнымъ качествамъ, человѣка.

19-го февраля будущаго года минеть уже четверть вѣка со дня обнародованія Положеній объ освобожденіи крестьянъ, и дѣятели, принимавшіе участіе въ этой великой реформѣ, понемногу сходятъ со сцены. Многихъ, и даже значительнаго большинства членовъ редакціонныхъ комисій по составленію Положеній уже нѣтъ въ живыхъ. Въ составъ комисій было 40 лицъ; нынѣ, послѣ кончины Н. В. Калачова, ихъ осталось всего 15.

Покойный назначенъ былъ членомъ редакціонныхъ комиссій для начертанія Положеній — 20 февраля 1859 г. и вступилъ въ Юридическое Отдѣленіе ихъ, учрежденное для опредѣленія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныхъ правъ помѣщиковъ, т. е. для разработки вопросовъ первостепенной важности для новаго крестьянскаго быта. Изъ другихъ членовъ, входившихъ въ составъ этого Отдѣленія, пережили Николая Васильевича — трое: В. В. Апраксинъ, К. И. Домоптовичъ и М. Н. Любошинскій; остальные: В. И. Вулыгинъ, С. М. Жуковский и сенаторъ Я. А. Соловьевъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, скончались ранѣе.

Не прошло четырехъ мѣсяцевъ со дня вступленія Н. В. въ Юридическое Отдѣленіе, а именно 10 іюня того же 1859 г., какъ общее присутствіе комиссій, подъ предсѣдательствомъ Графа Н. Я. Ростовцева, уже слушало первый докладъ этого Отдѣленія „о прекращеніи крѣпостнаго права“. Этотъ первый докладъ былъ составленъ Н. В. Калачовымъ и требовалъ, по содержанию своему, такой усидчивой работы, что, во время преній, одинъ изъ членовъ (Н. А. Милютинъ) выразилъ, между прочимъ, сомнѣніе о томъ, чтобы при этомъ могли быть прочитаны всѣ томы Свода Законовъ, такъ, чтобы каждую статью имѣть въ памяти, на что послѣдовалъ, со стороны одного изъ членовъ Юридическаго Отдѣленія, отвѣтъ, что всѣ эти томы прочитаны. Общее присутствіе утвердило заключеніе Отдѣленія, съ незначительнымъ присовокупленіемъ.

Затѣмъ послѣдовали, одна за другой, дальнѣйшія работы Н. В. Калачова въ редакціонныхъ комиссіяхъ, не менѣе серьезныя и дѣловыя, а такъ какъ Юридическое Отдѣленіе занималось выработкою правилъ, вошедшихъ въ текстъ статей „Общаго Положенія о крестьянахъ“, въ которомъ перечислены права крестьянъ личныя, по имуществу, по управленію, суду и т. п., т. е. такія законоположенія, которыя, за всѣми послѣдовавшими преобразованіями, сохраняютъ свою силу, то мы можемъ легко понять всю важность и значеніе работъ Юридическаго Отдѣленія, гдѣ трудился Н. В. Калачовъ.

Благодаря весьма интереснымъ запискамъ сенатора Н. П. Семенова, печатаемымъ нынѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ, мы можемъ до нѣкоторой степени представить и то воодушевленіе, которымъ проникнуты были во время

своихъ запятій члены комисіи, сознававшіе всю чрезвычайную важность и громадныя послѣдствія возложеннаго на нихъ Высочайшею волею порученія. „Мы должны радоваться, говорилъ въ общемъ присутствіи комисіи одинъ изъ членовъ (И. П. Арапетовъ), что завоевали какое нибудь (даже) выраженіе; мы теперь употребляемъ уже слово „освобожденіе“, которое прежде не рѣшались выговорить. На это предсѣдатель Гр. Ростовцевъ замѣтилъ, что выраженіе „крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости“ взято ими съ бою и они его уже не уступятъ ни за что на свѣтѣ!

Такимъ образомъ Николаю Васильевичу привелось, одному изъ немногихъ избранниковъ, поработать для великаго дѣла освобожденія крестьянъ. Одни эти труды даютъ право Н. В. Калачову занять почетное мѣсто въ исторіи паденія крѣпостничества въ Россіи.

Но мы видимъ, что не только въ это время, но и при дальнѣйшихъ своихъ историко-юридическихъ и археологическихъ занятіяхъ, всецѣло, по-видимому, поглощавшихъ его вниманіе, Н. В. время отъ времени отликался своими прекрасными статьями и по крестьянскому дѣлу, такъ что рядомъ съ изслѣдованіями памятниковъ отдаленной старины, появлялись его сочиненія и по насущному живому вопросу нашей народной жизни. Въ одной и той же книгѣ своего замѣчательнаго и многотомнаго „Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (книга II) помѣщены Калачовымъ его „Описаніе лѣтописныхъ сборниковъ съ картинами, находящихся въ Археографической Комисіи“ и здѣсь же статья его: „Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ“. Авторъ историко-юридическихъ монографій: „Объ изгояхъ въ древней Руси“, „О корячей книгѣ“, „О Мѣрилѣ праведномъ“, и т. п. пишетъ капитальное изслѣдованіе „Объ артеляхъ“ (1864 г.), гдѣ, между прочимъ, говоритъ о причинахъ упадка товариществъ этого рода между сельскими рабочими, приписывая это крѣпостному праву. По мнѣнію автора, именно, это право, ограничивъ огромное количество сельскаго населенія опредѣленными работами въ пользу помѣщиковъ, тѣмъ самымъ, съ одной стороны, устраняло большинство рабочихъ, которые, при другихъ условіяхъ своего быта, могли бы свободно вступать въ товарищества для болѣе выгоднаго употребленія своего знанія и труда, а съ другой стороны не только давало возможность помѣщикамъ, но даже нѣкоторымъ образомъ заставляло ихъ, въ

вознагражденіе за ущербъ, приносимый имъ въ свою очередь крѣпостнымъ правомъ, ограничиваться производствомъ своихъ крестьянъ или дворовыхъ, чѣтъ самымъ уменьшался запросъ на свободную, а слѣдовательно болѣе дорогую, хотя и лучшую работу. — Со времени отиѣны крѣпостнаго права, число артелей увеличивается, обѣщая чрезъ то въ близкомъ будущемъ развитіе правильно организованныхъ артелей. Съ помощію ихъ, по мнѣнію автора, становится возможнымъ для помѣщиковъ успѣшное занятіе вольнонаемнымъ хозяйствомъ. Это подтверждаетъ Н. В. Калачовъ примѣрами собственнаго опыта въ его мнѣніяхъ Саратовской и Пензенской губерній.

Къ трудамъ подобнаго же рода слѣдуетъ отнести статьи покойнаго: Разъясненіе по поводу соч. Ржевскаго „о погромахъ“ (1859 г.), „По вопросу: подлежитъ-ли выкупу усадебная земля помѣщика, не входящая въ составъ крестьянскаго надѣла“ (1861 г.), „Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ“ (1864 г.), „Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта“, „Объ отношеніяхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“ (1877 г.) и друг.

Насколько сроднили Николая Васильевича его занятія въ редакціонныхъ комиссіяхъ съ товарищами его по этому дѣлу, служитъ доказательствомъ постоянное его почти присутствіе на собраніяхъ ихъ, происходящихъ ежегодно съ 1862 г. въ день 19-го февраля. На одномъ изъ такихъ собраній, въ 1878 году, Н. В. сказалъ прочувствованное слово въ память умершаго въ томъ году члена редакціонныхъ комиссій (А. Н. Попова). Въ этомъ словѣ для насъ не лишены интереса тѣ прекрасныя качества, которыя отиѣтилъ Н. В. Калачовъ въ своемъ со товарищѣ: доброе и честное имя, которое онъ послѣ себя оставилъ, неутомимые его труды въ наукѣ, къ которой онъ все болѣе и болѣе съ годами привязывался, и отсутствіе искаательства лично для себя почестей по службѣ, при полной готовности содѣйствовать другимъ въ этомъ отношеніи... Не таковъ-ли былъ и самъ поминаемый сегодня Николай Васильевичъ?!

Кромѣ печатнаго слова, покойный проявлялъ свое сочувствіе къ интересовавшему его предмету и въ званіи сенатора, останавливая, какъ извѣстно, особенное свое вниманіе на дѣлахъ крестьянскихъ и смѣло выступая по этимъ дѣламъ, если находилъ нужнымъ, съ особыми мнѣніями, хотя

бы они не согласовалось съ мнѣніями прочихъ присутствовавшихъ. Равно трудился онъ по крестьянскому дѣлу и въ качествѣ предсѣдателя учрежденной при Географическомъ Обществѣ комисіи для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Взглядъ свой на значеніе работъ такой комисіи Н. В. Калачовъ выразилъ въ особомъ рефератѣ, прочитанномъ имъ на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, состоявшемъ подъ его предсѣдательствомъ.

Избравъ темою „собираніе и изученіе юридическихъ обычаевъ нашей народной жизни и опредѣленіе отношенія ихъ къ нашему законодательству“, референтъ указалъ, что русское законодательство не только уже признало, но и утвердило силу обычаевъ, какъ норму юридическихъ отношеній, въ разныхъ слояхъ и въ разныхъ сдѣлкахъ нашего общества, въ томъ числѣ — освятило силу обычаевъ примѣнительно къ разнымъ отношеніямъ въ бытѣ семейномъ, гражданскомъ и общественномъ. При этомъ предсѣдатель заявилъ свое мнѣніе о необходимости, чтобы рѣшенія волостныхъ судовъ и обычаи, на которыхъ они основаны, были взяты прямо изъ народной жизни, и притомъ лицомъ, близко знающимъ эту жизнь и именно желающимъ выяснить намъ крестьянскій бытъ, а не выказывать свою мнимую ученость и знаніе Свода Законовъ. Всего же лучше, продолжалъ референтъ, такое собираніе юридическихъ обычаевъ и обстановка ихъ нужными соображеніями могла бы быть исполнена мѣстными обывателями, интересующимися этимъ дѣломъ и понимающими, что исполненіемъ его они окажутъ истинную услугу наукѣ и обществу. Особая комисіа, учрежденная въ Петербургѣ или Москвѣ, пріискала и вызвала бы такихъ дѣятелей и подготовила бы изъ этихъ трудовъ „Сборникъ юридическихъ обычаевъ“. Такой Сборникъ могъ бы служить лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ юридическими обычаями и для составленія, подъ вліяніемъ ихъ, *Сельскаго Судебнаго Устава*, о необходимости котораго заявлялось уже не разъ разными вѣдомствами, управляющими крестьянами, и между прочимъ — бывшими редакціонными комисіями по крестьянскому дѣлу.

Послѣ оживленныхъ преній, въ которыхъ приняли участіе Кистяковскій, Лешковъ и другіе юристы, Съѣздъ призналъ учрежденіе означенной комисіи очень желательнымъ.

Мысль о настоятельной, неотложной необходимости составленія и из-

данія „Сельскаго Судебнаго Устава“ для освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, съ тѣхъ поръ и до самой кончины не переставала занимать бывшего члена редакціонныхъ комиссій, успѣвшаго, по опыту, въ качествѣ землевладѣльца, убѣдиться въ необходимости такого устава. Въ этомъ уставѣ, равно какъ и Сельскомъ Уставѣ вообще, онъ видѣлъ главное спасеніе отъ многихъ золъ, развѣдающихъ жизнь нашего села въ настоящее время. Онъ поступался даже мыслью своею о предварительномъ составленіи для сего сборника юридическихъ обычаевъ, совершенно справедливо полагая, что это можетъ затормозить дѣло и только устранить на долгое время составленіе устава.

Вотъ какія соображенія приводилъ Николай Васильевичъ въ пользу этого устава въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, происшедшемъ два года тому назадъ (29 апр. 1883 г.): „Великій актъ освобожденія крестьянъ совершился у насъ спокойно, безъ потрясенія правильного хода общественной жизни, чему способствовалъ мирный и трудолюбивый характеръ нашего народа, сдѣлавшій возможнымъ спокойное освобожденіе многомилліонной массы. Распались цѣпи рабства. Какія же слѣдствія имѣло это великое событіе для нашей общественной жизни? На это надо отвѣтить, что, къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала ожиданія. Замѣчаются, правда, многія улучшенія, но они не должны намъ туманить глаза. На ряду съ ними наблюдается и коренное расшатываніе самыхъ устоевъ жизни и множество мрачныхъ явленій: пьянство, разгулъ и развратъ, распаденіе семей, оскудѣніе нравственности и размыкиваніе силъ — вотъ что наблюдается во множествѣ. Но отчего же произошло такое оскудѣніе хозяйственныхъ силъ народа? — Не освобожденіе тому причиной, а то, что нѣтъ въ нашей сельской жизни крѣпкой правительственной власти, нѣтъ грозы, нѣтъ правосудія, нѣтъ огражденія собственности . . . Сознаетъ и не сомнѣвается въ этомъ правительство и принимаетъ свои мѣры для поднятія нравственности. Но всего этого мало: необходимы твердыя и ясныя правила — необходимъ Сельскій Судебный Уставъ. По отношенію къ составленію такого устава, референтъ полагалъ, что общія статьи могли бы быть начертаны въ Петербургѣ, но детали, имѣющія въ виду мѣстныя особенности, должны быть выработаны на мѣстахъ въ губерніяхъ, при помощи мѣстныхъ людей. Пусть, заключилъ Ник. Вас., всѣ хорошо сознаютъ, что

есть множество пороковъ, которые, во чтобы то ни стало, необходимо устранить; пусть всѣ сожмутся вокругъ общаго дѣла и пусть всѣ дружно поработаютъ на пользу общую, и тогда сельская жизнь потечетъ правильно и правомѣрно.

Въ нынѣшнемъ году, въ засѣданіи того же Юридическаго Общества, Н. В. Калачовъ вновь и еще болѣе подробно развиваетъ свою любимую тему объ уставѣ, выражая, что всѣ обязаны подѣ однимъ общимъ знаменемъ поработать на пользу отечества, ибо растлѣвающее его зло есть безъ сомнѣнія истощеніе его силъ, и тогда только, послѣ общей усердной работы, настанетъ тотъ радостный день, когда поворотъ къ лучшему будетъ сдѣланъ и сельская жизнь кѣтечетъ мирной струей къ возжелѣнной для всѣхъ словій цѣли.

Мало того, Н. В. Калачовъ признаетъ нужнымъ собрать всѣ свои статьи по вопросу о составленіи означеннаго устава и посвятить ихъ *русскому дворянству*, съ присовокупленіемъ къ послѣднему особаго воззванія.

Это воззваніе и статьи еще не вышли изъ печати, куда сданы были предѣ самымъ отгѣздомъ больнаго Николая Васильевича за границу и неизвѣстны вовсе публикѣ. Потому и въ виду несомнѣннаго интереса такого воззванія, мы позволимъ себѣ познакомить съ нимъ васъ, милостивые государи.

Въ немъ Н. В. Калачовъ сознаетъ, что мысль объ уставѣ давно его занимаетъ, и объясняетъ, что Высочайшій рескриптъ 21 апрѣля 1885 г., данный дворянству, прекратилъ его недоумѣніе по волновавшему его всегда вопросу: да что же, мы-то, дворяне, можемъ сдѣлать для того, чтобы помочь сельскимъ землевладѣльцамъ и земледѣльцамъ въ ихъ вопіющей нуждѣ — ввести въ сельскую жизнь, во взаимныя отношенія разныхъ классовъ сельскихъ жителей тотъ строй и порядокъ, которые необходимы для ихъ спокойствія, пользы и общаго благосостоянія? Высочайшій рескриптъ указываетъ прямо и ясно: имѣть дворянству, какъ высшему сословію и въ сельскомъ быту „безкорыстное попеченіе о нуждахъ народа“; заботиться „о распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣрны и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія“, и для того, „сохранить первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда“. И имѣ, говоритъ авторъ, вспомнились наши первые мировые по-

средники, которые, бывъ выбраны изъ дворянства, не смотря на свои личныя потери, съ такою горячностью и любовью посвятили себя святому дѣлу „освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, что крестьяне видѣли въ нихъ не только свою власть, но и своихъ защитниковъ, руководителей и лучшихъ исполнителей по предоставленію имъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Случалось мнѣ бывать и на сѣздахъ мировыхъ посредниковъ, слышать и видѣть, какъ они искренно отстаивали интересы крестьянъ, какъ они были достойны своего почетнаго званія. А о томъ, какъ дворянство вообще отозвалось на призывъ правительства объ освобожденіи крестьянъ, всѣмъ довольно извѣстно. Но это время прошло и въ средѣ насъ явились какой то упадокъ силъ, несочувствіе ко всякому дѣлу. Ужели однако мы, дворяне, не можемъ опять сомкнуться въ каждой губерніи въ болѣе или менѣе обширный кругъ интеллигентныхъ силъ для того, чтобы высказать наши сужденія о томъ, какъ привести въ исполненіе начертаніе и осуществленіе „устава“, столь неотложно необходимаго?

Указывая далѣе, что въ министерствѣ государственныхъ имуществъ уже собраны богатныя данныя по этому предмету и хранятся массы отзывовъ и заявленій о важности *сельскаго устава* и что этому министерству, какъ высшему охранителю государственнаго землевладѣнія, а равно министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему устроителю и распорядителю порядка въ губерніяхъ, принадлежать починъ и руководство въ этомъ дѣлѣ, Калачовъ находитъ, что Сельскій Уставъ не мыслимъ или, прямѣе сказать, не осуществимъ безъ Сельско-Судебнаго Устава.

Я спѣшу, заключаетъ авторъ, посвятить дворянству свою давнишнюю мысль по этому предмету — можетъ быть наиболѣе трудному среди работъ по составленію Сельскаго Устава, и съ этою цѣлію открываю настоящее изданіе для тѣхъ, кто пожелалъ бы принять участіе разработкой вопроса о начертаніи не только „Сельскаго“, но и „Сельско-судебнаго устава“.

Это воззваніе къ дворянству было не только послѣднимъ трудомъ покойнаго Н. В. Калачова по крестьянскому дѣлу, но и лебединою его пѣснью вообще.

Несомнѣнно, что мысль Николая Васильевича о необходимости составленія Сельско-Судебнаго Устава для крестьянъ, подобно какъ и Сельскаго

Устава, осуществится въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, въ томъ или другомъ видѣ, такъ какъ начертаніе общаго сельскаго устава, въ которомъ были бы опредѣлены всѣ подробности крестьянскаго быта, входило въ одну изъ главнѣйшихъ задачъ редакціонныхъ комитетовъ и осуществленіе этой задачи было лишь отложено до того времени, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначутся практическимъ дѣйствіемъ Положенія, а изданіе „Сельско-Судебнаго Устава“ торжественно обѣщано въ самомъ Положеніи о крестьянахъ (1 примѣч. къ 102 ст. Общ. Полож.). О необходимости этихъ уставовъ заявлялось уже въ нашей литературѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, но ни онъ, и никто до сихъ поръ, не рѣшался выступить съ этимъ вопросомъ съ такою энергіею и настойчивостью, какъ это сдѣлалъ Ник. Вас. Калачовъ.

Вотъ, милостивые государи, въ краткихъ словахъ дѣятельность умершаго незабвеннаго директора нашего института — по крестьянскому дѣлу. Участвуя, вмѣстѣ съ другими, призванными Высочайшею волею къ начертанію Положеній 19 февраля 1861 г., ни въ какомъ случаѣ убѣдиться въ практическомъ прирѣненіи этихъ основныхъ законоположеній объ освобожденіи, онъ, на закатѣ дней своихъ, ратуетъ за неотложную необходимость изданія для крестьянъ Сельскаго и Сельско-Судебнаго Уставовъ, и проектируетъ порядокъ ихъ составленія. Не забудемъ, что онъ занимался крестьянскимъ дѣломъ не спеціально, а такъ сказать мимоходомъ, среди огромной массы своихъ археологическихъ и историко-юридическихъ трудовъ, составившихъ его славу.

Если имя Калачова, какъ знатока русскихъ юридическихъ древностей, внесшаго своими учеными произведеніями въ русскую историко-юридическую литературу драгоцѣнные вклады, основавшаго первую школу для изученія древностей въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, привлекаемаго силою любви своей къ дѣлу и примѣромъ своей неутомимой трудовой жизни множествомъ сотрудниковъ въ отдаленныхъ даже губерніяхъ, — если это имя, говоримъ, не можетъ умереть въ лѣтописяхъ науки, то, смѣемъ надѣяться, что оно не должно быть забыто и по трудамъ Калачова по крестьянскому дѣлу, указать на которые, хоть въ главныхъ чертахъ, мы сдѣлали теперь попытку.

Заклучимъ нашу рѣчь словами самаго Ник. Вас., произнесенными имъ по поводу недавней смерти одного изъ членовъ института: „Да будетъ память покойнаго и по смерти его постояннымъ двигателемъ нашихъ ученыхъ и практическихъ работъ и да освѣщаютъ его труды наши первые, еще слабые, шаги на возлюбленномъ имъ поприщѣ“!

И. Даниловъ.

Воспоминанія о Н. В. Калачовѣ, какъ руководителѣ занятіями слушателей Археологическаго Института.

Изъ газетныхъ и журнальныхъ некрологовъ о Н. В. а равно и изъ сказаннаго сегодня, мы уже знаемъ, какую большую потерю понесла съ его смертью наша историко-юридическая и археологическая наука. Всѣ эти отзывы единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что мы лишились рѣдкаго и неустаннаго труженика науки. Но съ этою смертью, еще большую потерю, можно смѣло сказать въ настоящее время невознаградимую, понесъ нашъ Археологическій Институтъ. Намъ, небольшой семьѣ бывшихъ слушателей института хорошо извѣстно, что Н. В. былъ не только инициаторомъ и основателемъ института, не только центромъ, около котораго все группировалось и на которомъ все основывалось, но онъ былъ въ полномъ смыслѣ душою института, тою живою силою, которая одна способна привлечь къ себѣ рабочихъ людей, направлять ихъ, что либо творить изъ нихъ. Цѣлыхъ семь лѣтъ онъ съ неустанною энергіею и любовію несъ тяжелое бремя на своихъ плечахъ не только управленія институтомъ, но еще гораздо тяжелѣйшее бремя — заботъ о самомъ его существованіи. Мы знаемъ, съ какими усиліями приходилось ему собирать матеріальныя средства для института, какъ много онъ боролся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ задачамъ института не только общества, но даже и многихъ нашихъ ученыхъ, иногда скептически относившихся къ самой идеѣ института. Вспомнимъ хотя бы тотъ печальный фактъ, что сряду же послѣ его открытія, когда наступило время начинать дѣло, Н. В. многіе покинули и

онъ остался почти одинокимъ. . . . Но особенно много употреблено имъ времени, усилій и трудовъ для того, чтобы привлечь рабочія силы къ институту, заставить ихъ совершенно безкорыстно, ради одного интереса къ дѣлу, полюбить и потрудиться на скучномъ, трудномъ и въ житейскомъ отношеніи неблагодарномъ архивномъ поприщѣ. Для этого онъ то самъ читалъ лекціи въ институтѣ объ устройствѣ архивовъ, или вѣсть съ нами слушалъ другихъ профессоровъ, то терпѣливо по вечерамъ цѣлые часы училъ насъ разбирать старинныя рукописи - столбцы, то обозрѣвалъ съ нами всѣ, въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательныя архивы, книгохранилища музеев и др. памятники не только Петербурга, но и Москвы, то предпринималъ далекія экскурсіи для ознакомленія насъ съ курганными раскопками, то, наконецъ, каждого изъ слушателей съ величайшею охотою и заботливостію направлялъ и руководилъ въ его отдѣльныхъ занятіяхъ. И все это дѣлалось имъ, не смотря на разницу нашихъ лѣтъ, общественнаго положенія и на его обширныя знанія и ученый авторитетъ, до того просто, съ такимъ добродушіемъ, съ такою юношескою готовностію, доходившею иногда до самопожертвованія, что никто изъ насъ и никогда въ сношеніяхъ съ нимъ не только не замѣчалъ этой разницы, но разъ ознакомившись съ Н. В., уже чувствовалъ къ нему самую горячую любовь и преданность. Вотъ почему, когда пролетѣла вѣсть, эта тяжелая и неожиданная вѣсть о смерти нашего незабвеннаго учителя Н. В. то всѣ мы почувствовали, что у насъ какъ бы оторвалось что-то близкое, родное; мы всѣ нѣсколько дней находились подъ гнетомъ этой вѣсти и не могли ни оторваться отъ мысли, ни свыкнуться съ мыслью, что уже болѣе и не увидимъ и не услышимъ Н. В.

Позволю себѣ привести нѣсколько фактовъ, характеризующихъ Н. В., какъ директора-руководителя института, полагаю, что эти факты хоть нѣсколько помогутъ намъ сегодня воспроизвести образъ этого человѣка, всегда живаго, энергичнаго, неустанно и съ любовію трудившагося.

Лѣтомъ 1881 г. была предпринята нѣкоторыми членами и слушателями института поѣздка въ Москву для ознакомленія съ тамошними архивами, памятниками а также и для производства курганныхъ раскопокъ. Для послѣдней цѣли выбраны были между прочимъ курганы, въ Подольскомъ уѣздѣ, въ Удѣльномъ лѣсу, верстахъ въ 5 — 6 отъ желѣзно-дорож-

ной станции. Мѣсто это совершенно глухое, куда понасть можно было только частію на лодкѣ, частію по лѣснымъ тропинкамъ. Погода стояла крайне дождливая, холодная. Объ удобствахъ ночлега и стола нечего было и думать. Проработавши двое сутокъ подъ дождемъ, въ грязныхъ курганныхъ ямахъ, мы, не смотря на интересъ къ дѣлу, начинали уже подумывать о возвращеніи въ городъ, хотя оставалась еще цѣлая группа кургановъ, представлявшая по своимъ внѣшнимъ признакамъ нѣкоторыя особенности. Но вотъ, на третій день нашихъ работъ, является къ намъ съ мальчикомъ проводникомъ Н. В. и несмотря на дождь и холодъ, съ своею обычною энергіею и живостію, точно какой юноша, проводитъ цѣлый день въ грязныхъ курганныхъ ямахъ съ лопаткою въ рукахъ. А затѣмъ вечеромъ, несмотря на общую усталость, мы провели нѣсколько самыхъ пріятныхъ часовъ за скудною трапезою, потому что Н. В. умѣлъ незамѣтно оживлять и разнообразить историко-археологическій разговоръ съ шутивными вопросами и воспоминаніями о каждомъ изъ насъ. Само собою разумѣется, что, имѣя предъ собою такой примѣръ энергіи и любви къ дѣлу своего старца-учителя, никто изъ насъ уже и не подумалъ болѣе о прекращеніи работъ.

Во время той же поѣздки, но при расконкахъ въ другой мѣстности — верстахъ въ 28 отъ Москвы, на берегу рѣки Клязьмы — былъ такой случай. На другой или на третій день нашихъ работъ здѣсь, пріѣзжаетъ къ намъ на простой деревенской телѣгѣ, по сквернѣйшей проселочной дорогѣ, Николай Васильевичъ и его первыя слова были слѣдующія: „а я только сегодня утромъ возвратился въ Москву изъ Смоленской губ. и такъ какъ мнѣ завтра же пужно ѣхать въ Ярославскую и Новгородскую, то сряду же съ поѣзда поторопился пріѣхать къ вамъ, посмотрѣть, что вы тутъ дѣлаете“. Ознакомивши его затѣмъ съ нашими работами, съ добытыми вещами и побесѣдовавъ по поводу ихъ, мы, въ виду замѣтной усталости Николая Васильевича, попросили его пообѣдать и отдохнуть. Но лишь только мы сѣли за столъ, какъ у Николая Васильевича является мысль, что для насъ во всѣхъ отношеніяхъ и полезно и необходимо раскрыть хотя бы нѣсколько кургановъ такъ, чтобы остались неприкосновенными не только костякъ, но и всѣ предметы и украшенія, находящіеся около его и на немъ. Увлечшись этою мыслью, Николай Васильевичъ оставляетъ только что начатый обѣдъ, уводитъ насъ снова на курганы и съ лопаткою въ рукахъ,

неустанно работаетъ до тѣхъ поръ, пока его мысль не была приведена въ исполненіе. Къ его величайшему удовольствію былъ раскрытъ очень большой курганъ съ хорошо сохранившимися костякомъ женщины и притомъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ была при погребеніи и она сама и находившіяся на ней многочисленныя украшенія.

Осенью того же года Археологическій Институтъ, по предложенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, взялъ на себя обязанность разобрать и привести въ порядокъ архивъ бывшей канцеляріи Оренбургскаго генераль-губернатора. Подобныя порученія особенно радовали Николая Васильевича, такъ какъ въ нихъ онъ видѣлъ признакъ, что у насъ всѣ начинаютъ сознавать и чувствовать потребность и необходимость подобнаго учрежденія, какъ Археологическій Институтъ, что этотъ Институтъ, основанный имъ лишь какъ частное учрежденіе, въ видѣ опыта, приобретаетъ довѣріе и правительства и общества. Для предварительнаго ознакомленія съ положеніемъ архива Н. В. командировалъ въ Оренбургъ д. чл. Инст. А. В. Гаврилова и меня. Архивъ мы нашли въ полномъ беспорядкѣ. Нетолько не было никакихъ описей и указателей, нетолько большинство дѣлъ не были разложены хронологически, но множество бумагъ, дѣлъ и документовъ лежали въ большихъ кучахъ, разбитые, разрозненные.... Намъ предстояло рѣшить прежде всего вопросы: съ какого времени ииѣются въ архивѣ бумаги, какое, хотя бы приблизительно, тамъ количество дѣлъ и наконецъ самое главное: какой представляютъ по своему содержанію научный и историческій интересъ и значеніе находящіяся въ архивѣ дѣла. Цѣлыхъ двѣ недѣли съ утра до вечера мы провели въ архивѣ, знакомясь съ нимъ. Когда наша задача была окончена, пріѣхалъ въ Оренбургъ и Николай Васильевичъ, которому предстояло разрѣшить еще много вопросовъ. Требовалось опредѣлить: и общія и детальныя основанія дальнейшей разработки архива; точно опредѣлить и указать для этого матеріальныя средства, а самое главное найти способныхъ для этого въ Оренбургѣ людей и привлечь ихъ къ дѣлу.хлопотъ и заботъ Николаю Васильевичу было много. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, начиная съ самаго ранняго утра онъ то выслушивалъ и повѣрялъ въ архивѣ добытыя нами данныя, то ѣздилъ къ разнымъ представителямъ города, прося и убѣждая ихъ принять участіе на предстоящей разработкѣ, то по вечерамъ вмѣстѣ съ нами подво-

даль цифровые итоги количества дѣлъ какъ во всемъ архивѣ, такъ и по разнымъ отдѣленіямъ бывшей канцеляріи.... Наконѣцъ дѣло наладилось. Назначено было засѣданіе лицъ, изъявившихъ готовность принять участіе въ предполагаемой разработкѣ. Къ этому засѣданію нужно было приготовить и проектъ и инструкцію разработки. Помню, наканунѣ засѣданія до глубокой ночи просидѣли мы всѣ трое, разбирая и приводя въ окончательный порядокъ всѣ необходимыя числовыя данныя, но работу, далеко еще неоконченную, за позднимъ временемъ и видимымъ утомленіемъ Н. В., пришлось отложить до другаго дня. На утро, чуть свѣтъ, приходитъ къ намъ въ комнату Николай Васильевичъ совершенно бодрый, веселый и съ цѣлою пачкою исписанныхъ листовъ. „И, господа, написалъ уже проектъ и инструкцію, послушайте и скажите ваше мнѣніе“... Когда онъ успѣлъ это сдѣлать и вообще когда онъ успѣвалъ въ Оренбургѣ не только отдыхать, но даже спать — для насъ остается это совершенно непонятнымъ и до сихъ поръ.

Въ 1883 г. С.-Петербургская Городская Дума обратилась въ Археологическій Институтъ съ просьбою разобрать и описать ея архивъ, причемъ высказано было ею желаніе, чтобы изъ массы имѣющихся дѣлъ, выдѣлены были для уничтоженія тѣ изъ нихъ, которыя не представляютъ никакого научно-историческаго значенія и интереса и не могутъ потребоваться для канцелярскихъ справокъ. Задача — какъ всякій видитъ — очень серьезная. Если для составленія *правильныхъ* описей требуется и много знаній и опытности, и вообще это дѣло считается труднымъ, то на сколько же эта трудность увеличивается, когда приходится произносить приговоръ объ окончательномъ уничтоженіи дѣла. Поэтому Николай Васильевичъ приступилъ къ выполненію этой задачи съ крайнею осторожностію. Выбравъ для предстоящихъ занятій нѣкоторыхъ членовъ и слушателей Института, онъ, послѣ того какъ эти лица подробно и обстоятельно ознакомились съ характеромъ и содержаніемъ дѣлъ думскаго архива, потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ ему подробный проектъ того, какой родъ дѣлъ этого архива долженъ быть оставленъ и какой можетъ быть уничтоженъ съ подробнѣйшимъ, конечно, изложеніемъ мотивовъ для того и другаго. Много разъ и въ стѣнахъ Института и на квартирѣ Николая Васильевича проекты эти разбирались и обсуждались, причемъ онъ, съ своимъ обычнымъ терпѣніемъ и внимательностію, выслушивалъ всѣ мнѣнія и воз-

раженія. Когда же нѣкоторые вопросы не могли быть разрѣшены безъ разсмотрѣнія самыхъ дѣлъ, то Николай Васильевичъ просиживалъ цѣлыя часы въ думскомъ архивѣ, лично и совокупно разсматривая дѣла и уже здѣсь, на мѣстѣ, рѣшалъ недоумѣнные вопросы. Представивши въ городскую управу общій планъ разработки ея архива и поручивши выполнение дѣла членамъ и слушателямъ Института, тѣмъ не менѣе Николай Васильевичъ и самъ очень зорко и постоянно слѣдилъ за ходомъ работъ. Мало того, что каждую представляемую ему опись онъ, совокупно съ работающими, прочитывалъ и редактировалъ въ Институтѣ, но непремѣнно отправлялся еще въ Думу и тамъ, въ тѣсной и темной архивной комнатѣ терпѣливо и благодушно провѣрялъ и исправлялъ опись по самымъ дѣламъ. И это было такъ постоянно, несмотря на разнообразную его дѣятельность по Сенату, по Академіи наукъ, по Институту, по управленію и устройству новаго архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ, по открытію и организаціи губернскихъ архивныхъ комиссій.

Впрочемъ его любовь къ архивамъ и къ архивному дѣлу. — какъ всѣмъ хорошо извѣстно — была безпредѣльна и въ этомъ вопросѣ для него не существовало никакихъ внѣшнихъ формъ, условій и стѣсненій. Всегда имѣлось въ виду одно лишь дѣло. Въ вышедшей третьяго дня книжкѣ „Рус. Старинн“ помѣщено одно письмо Н. И. Костомарова, писанное въ 1877 г. изъ Москвы къ г. Мордовцеву. Вотъ между прочимъ какія встрѣчаются въ немъ строки. „Вамъ непремѣнно нужно взять когда нибудь командировку, пріѣхать въ бѣлокаменную, прожить здѣсь мѣсяца два-три и заниматься изо дня въ день въ архивѣ, управляемомъ нашимъ общимъ пріителемъ Н. В. Калачовымъ, такимъ превосходнымъ хозяиномъ. Я пользуюсь его архивнымъ гостепріимствомъ доотвалу; здѣсь нѣтъ никакихъ стѣсненій: приходи хоть съ солнечнымъ восходомъ и уходи тогда, когда дѣлается темно. Полная свобода. Хотя написано и вывѣшено на стѣпѣ: „курить воспрещено“, по на это никто не обращаетъ вниманія. Се воно тільки такъ пишется, а воно брехня“¹⁾. Я позволилъ себѣ привести эти строки потому, что появленіе ихъ въ печати, совпадая съ днемъ, посвященнымъ памяти Н. В., есть какъ бы загробное свидѣтельство нашего знаменитаго историка о преданности Калачова архивному дѣлу.

¹⁾ Рус. Ст. декабрь 1883 г. (стр. 647).^{*}

Каждый изъ насъ — слушателей Института могъ бы привести еще множество различныхъ фактовъ объ институтской дѣятельности и отношеніяхъ къ намъ Н. В., но всѣ они будутъ одинаково свидѣтельствовать лишь о той любви и самопожертвованіи, съ какими относился почившій ко всему, что касалось Института. Всѣ они будутъ только говорить, что изъ всѣхъ его дѣлъ и начинаній, самымъ дорогимъ для него и любимымъ — былъ всегда Археологическій Институтъ. Это былъ своего рода Іосифъ у патриарха Іакова. Да и понятно, почему такъ. Н. В. былъ проникнутъ глубокимъ сознаніемъ и убѣжденіемъ, что для пользы и русской науки, и русскаго народа и государства, для развитія его самосознанія необходимо точное и подробное изученіе всѣхъ памятниковъ прошлой духовной жизни народа; онъ зналъ, что эти памятники таятся въ архивахъ нетронутыми и неразобранными. Трудно ихъ изучать, но еще труднѣе приводить въ порядокъ. И вотъ, по его идеѣ Арх. Институтъ долженъ былъ приготовить такихъ людей, которые бы съ знаніемъ и безкорыстною любовью могли охранять и расчищать архивныя дебри . . . Неожиданная смерть Н. В. нанесла страшный ударъ и его любимому дѣтищу — Институту. Онъ совершенно осиротѣлъ и осиротѣлъ притомъ слишкомъ рано. Матеріальное его положеніе не обезпечено; вниманіе и сочувствіе къ нему общества и ученыхъ-едва начало только обнаруживаться и то, конечно, благодаря всѣмъ извѣстному авторитетному имени Калачова. Но съ другой стороны было бы крайне тяжело и не хочется вѣрить, чтобы такая прекрасная идея, и весь трудъ, понесенный Калачовымъ для ея осуществленія погибли бы съ его смертью безслѣдно. Небольшая институтская семья съ величайшею готовностію желаетъ сомкнуться въ тѣсный кружокъ около тѣхъ лицъ, которыя станутъ теперь воглавѣ Института, для того, чтобы въ память Н. В. продолжать все начатое имъ, полагая, что это со стороны бывшихъ слушателей Института будетъ самый лучшій вѣнокъ на могилу ихъ незабвеннаго учителя.

Дѣйствит. чл. Института А. Львовъ.

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО, ВЪ 1886 ГОДУ, ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Ровно два мѣсяца назадъ, какъ Николай Васильевичъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, и на этотъ разъ *последнимъ* въ его жизни! И, конечно, въ тотъ день, именно 3-го октября, не могла придти мысль, чтобъ въ настоящую минуту мнѣ пришлось бы говорить предъ вами, милостивые государи и милостивыя государыни, о послѣднихъ дняхъ его жизни, по возвращеніи изъ-за границы! Но такъ какъ, по несповѣдному Промыслу, этому суждено было свершиться, то, исполняя свой печальный долгъ, за-благовременно прошу извинить меня, если нескусный рассказъ мой не удовлетворитъ вашего ожиданія.

Изъ-за границы возвратился Николай Васильевичъ 22-го сентября, крѣпко сѣтуя на себя за то, что ошибшись въ расчетѣ, по движенію желѣзныхъ дорогъ, онъ просрочилъ противъ даннаго ему двухмѣсячнаго отпуска, на одинъ день, и черезъ это прибылъ изъ Аркашона въ Москву не 21-го, какъ бы слѣдовало, а 22-го сентября, чего бы, по его строгому къ самому себѣ отношенію, не долженствовало быть. Возвратился Николай Васильевичъ какъ бы обновившимся въ своемъ здоровьѣ, которое потерялъ онъ главнѣйше отъ тяжелой и продолжительной борьбы съ непріязненностью обстоятельствъ, долго мѣшавшихъ ему одолѣть всѣ препятствія къ созданію въ Москвѣ помѣщенія для архива министерства юстиціи, а также и при самомъ сооруженіи этой постройки, стоившей ему усиленныхъ хлопотъ, тяжелыхъ непріятностей и порчи крови, и сведшихъ, подконецъ, его въ преждевременную могилу.

Въ виду этого горестнаго обстоятельства, я дозволю себѣ коснуться исторіи сооруженія этой постройки или той *высокой заслуги*, которую Николай Васильевичъ оказалъ государству и обществу чрезъ это сооруженіе.

Въ то время, когда явилась безотлагательная потребность: или произвести капитальный ремонтъ того стараго зданія, въ которомъ донинѣ помѣщается архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, на Старой Васманной, въ домѣ Межеваго Института, или построить новое для него зданіе, Николай Васильевичъ предложилъ сооруженіе новаго архива, со всеми научными и практическими приспособленіями къ удобному храненію дѣлъ и къ свободному пользованію относительно извлеченія изъ нихъ справокъ и выписокъ.

Но такъ какъ большинство чиновныхъ лицъ, обсуждавшихъ эту задачу, стояло за передѣлку стараго помѣщенія, на что и исчисляло израсходовать сумму въ 450,000 рублей, то Николай Васильевичъ, не сочувствовавшій этой, по мнѣнію его, не соответствующей пользамъ государства мѣрѣ, немедленно, съ присущей его характеру энергіею, выхлопоталъ у московскаго городского общества въ безвозмездный даръ участокъ земли на Дѣвичьемъ Полѣ, о чемъ заявивъ министру юстиціи, объявилъ, что на участкѣ этомъ онъ выстроитъ новый архивъ и не дороже 300,000 рублей. За симъ, чтобъ начать безотлагательно дѣло, пожертвовалъ свои деньги на преміи за лучшіе проекты онаго, для чего и составилъ комиссію изъ техниковъ и знатоковъ архивнаго дѣла, — которую министръ юстиціи и утвердилъ.

Комиссія эта выработала, подѣ председательствомъ и руководствомъ Николая Васильевича, подробную программу для новаго зданія, и въ числѣ важнѣйшихъ требованій ея было: устройство наилучшаго освѣщенія и удобнаго доступа какъ для храненія, такъ и для пользованія дѣлами архива.

Всѣхъ проектовъ было представлено до 14-ти, изъ которыхъ комиссія остановилась на проектѣ академика архитектора Абр. Ив. Тихобразова, и утвердила его къ исполненію.

Признанныя комиссіею достоинства проекта г. Тихобразова суть слѣдующія.

При высотѣ архива до 6 сажень, онъ не имѣетъ ни простыхъ, ни рѣшетчатыхъ половъ, ни висячихъ галлерей, какъ обыкновенно принято это при устройствѣ за-границею архивовъ и библиотекъ. Попятно, что при такой высотѣ зданія, для удобнаго доступа къ шкафамъ съ дѣлами, необходимо

имѣть, по крайней мѣрѣ, до пяти въ немъ этажей, а по такому дѣленію два нижнихъ этажа остаются въ темнотѣ, не смотря на освѣщеніе иллюминаторовъ, т. е. освѣщенія съ верху, что при нашихъ климатическихъ, вообще, сумрачныхъ условіяхъ и немислимо, такъ какъ и при рѣшетчатыхъ полахъ только слабая часть свѣта изъ иллюминаторовъ доходитъ до низу.

Въ проектѣ же г. Тихобразова и въ нынѣ осуществленномъ зданіи новаго архива на Дѣвичьемъ Полѣ состоятъ тѣ же пять этажей, но въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ, одинаково свѣтло, по отсутствію половъ, которые замѣнены четырьмя галлереями, пристроенными къ одной сторонѣ зданія, и входъ на нихъ производится чрезъ посредство двухъ лѣстницъ, помѣщенныхъ съ боку зданія въ особыхъ пристройкахъ, — и съ этихъ-то галлерей происходитъ сообщеніе съ шкафами, помѣщенными въ безпольномъ пространствѣ зданія, чрезъ посредство стоящихъ на галлерейхъ подвижныхъ платформъ, или телѣжекъ, которыя съ галлерей движутся къ шкафамъ по рельсамъ, укрѣпленнымъ къ стойкамъ шкафовъ, на высотѣ каждаго этажа, т. е. въ 4-хъ мѣстахъ. Эти-то рельсы и телѣжки замѣняютъ собою полы, ибо телѣжки, двигающіяся по рельсамъ впередъ и обратно, представляютъ изъ себя небольшую часть пола, *идь онъ нуженъ для доступа къ шкафамъ*, и останавливаются по желанію у тѣхъ изъ нихъ, до дѣла котораго предстоитъ надобность. А такъ какъ рельсы помѣщены въ промежуткахъ между шкафами, то весьма удобно ставить и снимать дѣла, какъ изъ шкафовъ одной стороны, такъ и изъ шкафовъ другой противоположной ей стороны.

Но заботясь о сооруженіи такого зданія, Николай Васильевичъ заботился и о томъ, что бы оно было выстроено вполне основательно и отнюдь не дороже той суммы, 300,000 рублей, о которой онъ заявилъ министру юстиціи. И съ какою, бывало, радостью сообщалъ онъ о своей надеждѣ исполнить свою задачу въ точности и даже имѣть отъ нея остатокъ. „Вотъ всѣ увѣряли и спорили, говорилъ Николай Васильевичъ, что 300,000 рублей будетъ недостаточно и что безъ дополнительнаго кредита дѣло не обойдется; а между тѣмъ сооруженіе заканчивается и является увѣренность на остатокъ въ 20,000 рублей“.

На остатокъ этотъ Николаю Васильевичу страстно желалось создать при новомъ архивѣ домовую церковь и разбить при ономъ садикъ. И то и

другое желалось ему исполнить для того, чтобъ оберегаемые и награждаемые имъ чиновники архива имѣли бы и свою церковь для молитвы и спой садить для отдыха. Вообще должно сказать, что такого заботливаго о нуждахъ своихъ подчиненныхъ, такого внимательнаго къ ихъ заслугамъ и такого щедраго къ наградамъ своихъ сослуживцевъ начальника, какимъ былъ Николай Васильевичъ, не было и едва ли будетъ, — что сослуживцами его и засвидѣтельствовано въ Москвѣ не краснорѣчивыми словами, а искренними и горькими слезами въ церкви, при совершеніи торжественной панихиды о своемъ скончавшемся отцѣ-начальникѣ.

И вотъ къ упомянутому излюбленному дѣтницу своему, поному архиву, обратился Николай Васильевичъ тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ изъ за границы въ Москву, — и проводилъ въ немъ время съ утра и до ночи, въ теченіе недѣли, не смотря ни на осеннюю сырую и холодную погоду, ни на сквозной вѣтеръ, такъ какъ въ зданіи архива нѣтъ еще рамъ, заботясь только о томъ, чтобъ архивъ былъ бы подготовленъ непременно къ открытію на 17-е мая 1886 года. Отдаваясь, какъ и всегда, съ полнымъ самоотверженіемъ исполненію каждой своей обязанности, Николай Васильевичъ хотя и чувствовалъ, что здоровье его, при такихъ неблагопріятствующихъ, послѣ леченія въ Эмсѣ и Аркашонѣ, условіяхъ сильно и вновь разстроивается, не остановился въ своей дѣятельности и прибылъ 1-го октября въ Петербургъ, чтобъ заняться дѣлами другаго, не менѣе любимаго имъ дѣтница Археологическаго Института. — Впрочемъ въ гибельное разстройство своего здоровья Николай Васильевичъ не вѣрилъ, убѣждая самого себя, что происходящій въ немъ упадокъ силъ, мѣшающій заниматься дѣлами съ прежнею энергіею, есть ничто иное, какъ послѣдствіе двухмѣсячной заграничной жизни, гдѣ пользуясь свободою, онъ отвыкъ будто бы отъ труда, такъ какъ по его словамъ, сказаннымъ имъ мнѣ, при посѣщеніи 3-го октября, за границую онъ только восхищался природою и дивился тамошней культурѣ и геніальнымъ дѣламъ и предпріятіямъ.

И оживленно, съ юношескимъ увлеченіемъ, не покидавшимъ Николая Васильевича при его 66-лѣтнемъ возрастѣ, передавалъ онъ мнѣ свои полныя высокаго интереса впечатлѣнія о видѣнномъ имъ за границею. Всего болѣе заинтересовало Николая Васильевича предпріятіе французскаго инспектора путей сообщенія Бремонтъе, жившаго въ концѣ прошлаго столѣтія и пре-

вратившаго существовавшіе, въ то время, по всему берегу Аркашонскаго залива сыпучіе пески или дюны въ плодотворную мѣстность,—и мнѣ кажется, что если я ознакомлю васъ, милостивые государи и милостивыя государыни, съ разсказомъ Николая Васильевича, объ этомъ предметѣ, то не обременю вашего вниманія, тѣмъ болѣе что разсказъ этотъ принадлежитъ къ послѣднимъ въ его жизни.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, такъ разсказывалъ Николай Васильевичъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ городокъ Аркашонъ, былъ дикій океанійскій берегъ, засыпаемый по всему протяженію своему сыпучими песками, поглощавшими всю прилегающую къ нему мѣстность и образовавшими изъ нея ни на что непригодныя дюны. По почину жившаго въ то время г. Бремонтъе и по распоряженію французскаго правительства началось укрѣпленіе этихъ песковъ посредствомъ рассаживанія на нихъ сѣянцевъ приморской сосны. Послѣдствіемъ этого стало, что весь берегъ Аркашонскаго залива, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, покрытъ теперь уже строевымъ сосновымъ лѣсомъ, и на бывшихъ когда то сыпучихъ пескахъ возникъ городъ Аркашонъ, привлекающій къ себѣ массу путешественниковъ и больныхъ, надъ которыми благотворный морской воздухъ океана, пропитываемъ бальзамическимъ испареніемъ сосны, производитъ спасительное для нихъ здоровья дѣйствіе, а пребываніе иностранцевъ, развивая мѣстную промышленность, упрочиваетъ благосостояніе жителей.

Это патріотическое дѣло г. Бремонтъе сильно подѣйствовало на воспріимчивую душу Николая Васильевича, и онъ съ восхищеніемъ разсказывалъ объ немъ; но тутъ же и горевалъ, что ничего подобнаго ни кѣмъ еще не сдѣлано у насъ. И, конечно, говоря такъ, не замѣчалъ, что самъ лично всю жизнь свою, не зная о дѣлѣ г. Бремонтъе, сослужилъ родинѣ своей точно такую же плодотворную службу, превративъ наше сухое, какъ бы мертвое архивное дѣло въ оживотворенное поле дѣятельности, на которомъ питомцы основаннаго имъ Археологическаго Института, сослуживцы его въ архивѣ министерства юстиціи, и трудящіеся въ открытыхъ имъ въ Твери, Рязани, Орлѣ, Тамбовѣ и Костромѣ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ развиваютъ это одушевленное имъ дѣло для пользы государства, общества и науки.

Въ Петербургѣ Николай Васильевичъ пробылъ не долго, и простившись съ своимъ Археологическимъ Институтомъ, уѣхалъ 4-го октября въ

Москву, крѣпко погоревавъ о невозможности совершить, по случаю поздняго осенняго времени, поѣздки въ Екатеринбургъ, для розыска въ архивахъ документовъ о жизни и дѣятельности въ тамошнемъ краю перваго русскаго историка В. Н. Татищева, документовъ необходимыхъ для составленія жизнеописанія послѣдняго, по порученію данному Николаю Васильевичу отъ Академіи Наукъ, и предназначавшемуся для выхода въ свѣтъ къ 19-му апрѣля 1866 года, въ день 200 - лѣтней годовщины рожденія Татищева.

Въ Москвѣ Николай Васильевичъ, перемогаясь отъ развивающейся въ немъ болѣзни, пробылъ до 8-го октября. Затѣмъ отправился къ своей семьѣ въ свое родовое имѣніе, село Волхонщину, Сердобскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобъ оттуда побывать въ Саратовѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, для открытія въ нихъ губернскихъ учено-архивныхъ комиссій.

Встрѣтившись въ Волхонщинѣ съ своимъ семействомъ, Николай Васильевичъ какъ бы забылъ о гнетущемъ его недугѣ и немедленно объѣхалъ съ управляющимъ свои поля. Найдя и озими и овецъ въ прекрасномъ состояніи и выразивъ управляющему, съ присущею ему деликатностью, полнѣйшее удовольствіе, Николай Васильевичъ вдался было, по своей предпріимчивости, въ предположенія объ улучшеніи хозяйства.

Но судьбѣ благоугодно было опредѣлить по своему: къ вечеру 11-го октября, у Николая Васильевича появилось рожистое воспаленіе лѣвой ноги, впослѣдствіи болѣзнь усилилась лимфатическими пятнами на лѣвой рукѣ, явилось, вслѣдъ за этимъ, страданіе плеча, вселился бредъ, жаръ, неотступное горячее желаніе уѣхать въ Петербургъ, явиться Государю Императору съ отчетомъ о своихъ дѣлахъ, и ожесточеніе противъ доктора и семейства, недопускавшихъ его встать съ постели, — въ концѣ же — агонія и смерть, въ 25-й день октября.

Замѣчательно, что какъ просто и скромно жилъ Николай Васильевичъ, чуждаясь всякой представительности въ чемъ бы то ни было и заискиваній въ комъ бы то ни было, а довольствуясь вездѣ и во всемъ своими средствами и скромною житейскою обстановкою, — такъ суждено было совершиться и его похоронамъ, на которыхъ вся сердобская служебная, такъ называемая нинѣ, интеллигенція, начиная съ предводителя дворянства и кончая исправникомъ, блистала своимъ отсутствіемъ, — по на которыя

явилось все живущее населеніе селъ Волхонщины и Салтыкова съ ихъ деревнями.

И неся на себѣ гробъ усопшаго, и опуская его въ тихую могилу въ созданной покойнымъ при селѣ Волхонщинѣ церкви, это добродушное православленное сонмище бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, смиренно вторившее священному пѣнію — „покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“ — какъ бы знало, что ихъ бывший баринъ, сенаторъ и Александровскій кавалеръ смиренно же изучалъ ихъ бытъ, ихъ исконную правовую мудрость, собиралъ ихъ народные юридическіе обычаи, предполагая создать изъ нихъ сводъ сельскаго судоустройства, собиралъ матеріалы для исторіи ихъ сословія, написалъ книгу объ ихъ артеляхъ, участвовалъ въ комиссіяхъ по освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, и настоялъ, чтобъ въ Судебные Уставы Императора Александра II-го, была включена 130-я статья, позволяющая мировымъ судьямъ руководствоваться, при постановкѣ рѣшеній, мѣстными народными обычаями.

За тѣмъ, милостивые государи и милостивыя государыни, если С.-Петербургъ и Москва, Казань и Тверь, Рязань и Тамбовъ, Кострома и другіе города почтили память нашего незабвеннаго Николая Васильевича торжественными панихидами, засѣданіями, адресами, рѣчами, некрологами и искренними слезами, говорящими объ общей скорби въ понесенной государствомъ и наукою незамѣнимой утратѣ, то мнѣ остается только примѣнить къ памяти о скончавшемся полныя христіанскаго смиренія слова нашего симпатичнѣйшаго поэта, В. А. Жуковскаго, о людяхъ, подобныхъ Николаю Васильевичу:

„О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: были.“

8-е декабря 1885 года.

Аскалонъ Труворовъ.

ПО ПОВОДУ ЧЕСТВОВАНІЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА, НАХОДИМЪ УМѢСТНЫМЪ ПОМѢСТИТЬ ЗДѢСЬ И СЛѢДУЮЩІЯ ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ И СООБЩЕНІЯ, ВЫЗВАННЫЯ ЕГО КОНЧИНОЮ.

Министръ Юстиціи.

Милостивая Государыня

Лидія Александровна.

Поставляю себѣ въ обязанность увѣдомить Ваше Превосходительство, что на всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ о кончинѣ супруга вашего, Сенатора, Тайнаго Совѣтника Николая Васильевича Калачова, послѣдовавшей 25 сего октября, Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: „*Весьма сожалею о немъ*“.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Д. Набоковъ.

№ 15648.

Октября 28 дня,

1885 г.

Ея Пр--ству

Л. А. Калачовой.

I.

Телеграмма изъ Сердобска, 26-го октября 1885 года.

Петербургъ, Вольшая Московская, 5, Труворову.

Мужъ мой скончался въ Волхонщинѣ 25 октября. Сообщите куда слѣдуетъ. Панихиду публикуйте въ Новомъ Времени. Похороны здѣсь 28-го.
Калачова.

II.

† Н. В. КАЛАЧОВЪ.

25-го октября скончался Калачовъ...

Довольно произнести это имя, чтобы понятна была незамѣнная для науки утрата, соединяемая съ его свѣжою могилою. Профессоръ, историкъ, археологъ, сенаторъ, академикъ—Николай Васильевичъ Калачовъ на всѣхъ этихъ многообразныхъ и трудныхъ поприщахъ явилъ доблести, дающіяся столь немногимъ, только избраннымъ.

Съ 1846 года, изданіемъ своей магистерской диссертациі, капитальнаго труда по исторіи русскаго права („Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“), онъ началъ свои работы въ области права, исторіи и археологіи, которыхъ не покидалъ до самой смерти; имъ составлены и изданы многіе томы, цѣлая библіотека, и все — дѣльное, цѣнное, много двинувшее нашу науку.

Въ разработкѣ архивовъ (Государственнаго Совѣта, Сената, Министерства Юстиціи, котораго онъ былъ директоромъ), въ собираніи документовъ и ихъ изданіи Калачовъ не зналъ ни усталости, ни отдыха. Какъ-бы обрѣкши себя на эту вѣчную службу Россіи, онъ вербовалъ на святое для него архивное дѣло всѣхъ, съ кѣмъ сталкивала его сорокалѣтняя научная дѣятельность, и отъ его неумолимой энергіи не могли устоять весьма многіе: хорошія силы навербованы имъ для великаго научнаго служенія историческому дѣлу Россіи.

Въ этой области онъ не вѣрилъ въ затрудненія и препятствія. И невозможное для цѣлой совокупности людей—дѣлалось возможнымъ при тру-

долюбія и энергія Калачова. Плъненный работами французской „Ecole des chartes“, онъ задумалъ и въ Россіи создать таковую. Многимъ его смѣлая мечта казалась хорошею, но поэтической мечтою. Но Калачовъ началъ дѣйствовать, и по его почину и на средства привлеченныхъ имъ жертвователей созданъ въ Петербургѣ Археологическій Институтъ, поддержанный затѣмъ и правительствомъ. Убѣдившись въ практической возможности такового, Калачовъ желѣлъ уже планъ открыть такой же институтъ и въ Москвѣ, при Архивѣ министерства юстиціи.

Получивъ въ своемъ институтѣ плеяду архивистовъ, Калачовъ двинулся въ своихъ смѣлыхъ планахъ далѣе: сталъ заводить по губерніямъ ученыя архивныя комиссіи.

Въ Октябрѣ торопился онъ изъ Москвы въ Саратовъ, чтобы открыть и тамъ эту комиссію, и открылъ бы, такъ какъ и заботъ и энергіи было достаточно, но съ злымъ недугомъ не удалось побороться. Не доѣхавъ до Саратова, Калачовъ принужденъ былъ внезапною болѣзнію остановиться въ своемъ имѣніи, Сердобскаго уѣзда (при селѣ Волхонщинѣ), и здѣсь, 25-го октября, на 66-мъ году, навсегда замолегла его трудовая энергическая жизнь.

Во многихъ учрежденіяхъ отправлены будутъ по Калачовѣ панихиды. Въ университетской церкви (Калачовъ былъ почетнымъ докторомъ С.-Петербургскаго Университета) будетъ панихида въ понедѣльникъ, 28-го октября (въ этотъ день назначено погребеніе въ его имѣніи) въ 12 час., а въ 2 час. 30 мин.—въ его любимомъ, созданномъ имъ и теперь осиротѣвшемъ Археологическомъ Институтѣ.

26-го октября 1885 г.¹⁾

И. Андреевскій.

III.

Телеграмма изъ Петербурга, 27 октября 1885 г.

Сердобскъ, въ село Волхонщину, Лидіи Александровнѣ Калачовой.
Внезапная кончина Калачова—незамѣнимая утрата наукѣ. Петербург-

¹⁾ *Новости*, 27-го октября, 1885 г., № 296.

скій Университетъ шлетъ почтенной семьѣ покойнаго сердечное соболъзнованіе.

Ректоръ университета Андреевскій.

IV.

Телеграмма изъ Петербурга, 27 октября 1885 г.

Сердобскъ, въ село Волхонщину, Лидіи Александровнѣ Калачовой.

Члены Академіи Наукъ, присутствовавшіе сегодня на панихидѣ по незабвенномъ Николаѣ Васильевичѣ, поручили мнѣ выразить вамъ свое глубокое соболъзнованіе о невознаградивой утратѣ сотоварища, въ которомъ они чтили не только многостороннія ученые заслуги, но и высокія душевныя качества.

Гротъ.

V.

Телеграмма изъ Москвы, 27 октября 1885 г.

Сердобскъ, Лидіи Александровнѣ Калачовой, село Волхонщино.

Отъ имени Московскаго Юридическаго Общества, которое высоко почитаетъ заслуги покойнаго Николая Васильевича предъ русскою наукою, я прошу васъ принять выраженіе глубокаго сочувствія въ постигшей васъ тяжелой утратѣ.

Предсѣдатель общества Сергій Муромцевъ.

VI.

Телеграмма изъ Петербурга, 28 октября 1885 г.

Сердобскъ, въ село Волхонщину, Лидіи Александровнѣ Калачовой.

Археологическій Институтъ въ полномъ составѣ, съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, статсъ секретарями, Куломзиннымъ и Селифонтовымъ, массою присутствовавшихъ на отслуженной

архієпископомъ Саввою панихидѣ почитателей и всѣми архивистами, Калачовымъ обученнымъ, шлютъ сердечное соболѣзнованіе вамъ, Лидія Александровна, и почтенной семьѣ покойнаго. Селифонтовъ, Куломзинъ, Бычковъ, Андреевскій, Прозоровскій, Покровскій, Труворовъ, Ясенскій, Султановъ, Ягичъ, Галаховъ, Петровъ, Даниловъ, Тимоеевъ, Яковлевъ, Львовъ, Гавриловъ, Поповскій, Селивановъ и другіе.

VII.

Телеграмма изъ Москвы, 28 октября 1885 г.

Сердобскъ, Ея Превосходительству Лидіи Александровнѣ Калачовой.

Служащіе въ Архивѣ Министерства Юстиціи, помолившись въ помѣщеніи Архива объ успокоеніи души дорогаго незабвеннаго и незамѣннаго своего начальника Николая Васильевича, находясь въ сердечной скорби, поразившей васъ, насъ и русскую историческую науку, шлютъ вамъ, многоуважаемая Лидія Александровна, глубокое соболѣзнованіе о невозвратной потерѣ, тѣмъ болѣе грустной для насъ, что мы не могли помолиться надъ усопшимъ, проститься съ нимъ и, вмѣстѣ съ вами, поплакать. Зубовъ, Поповъ, Николаевъ-Холмогоровъ, Петровъ, Голубевъ, Ogлоблинъ, Востокъ, Сергіевскій и другіе чины Архива.

VIII.

Телеграмма изъ Москвы, 28 октября 1885 г.

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ 12 линія. Археологическому Институту.

Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи выражаютъ Археологическому Институту, какъ учрежденію всего болѣе лишившемуся съ преждевременной кончиной незабвеннаго Николая Васильевича, свою глубочайшую скорбь объ утратѣ одного изъ первыхъ ученыхъ, честнѣйшаго дѣятеля на поприщѣ науки.

Директоръ Музеевъ Дашковъ.

IX.

Телеграмма из Твери, 28 октября 1885 г.

С.-Петербургъ, Археологическій Институтъ.

Пораженные глубокой скорбію о незамѣнной утратѣ Николая Васильевича, члены тверской архивной комиссіи возносятъ самыя горячія молитвы объ усопшемъ.

Жизневскій.

X.

ПАНИХИДЫ О Н. В. КАЛАЧОВЪ.

Сегодня, 28-го октября, въ день похоронъ директора Археологическаго Института, сенатора и академика Николая Васильевича Калачова, была отслужена панихида въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ присутствіи помощника попечителя учебнаго округа, профессоровъ и студентовъ. Затѣмъ, въ 2 $\frac{1}{2}$ часа дня, когда, по приблизительному расчету, прахъ покойнаго долженъ былъ быть опущенъ въ землю, состоялась въ большомъ залѣ Археологическаго Института общая соборная панихида. На стѣнѣ, направо отъ входа, устроенъ былъ большой траурный щитъ, съ портретомъ Николая Васильевича, украшеннымъ лавровымъ вѣнкомъ и обставленнымъ тропическими растеніями; залъ и каедре были также задрапированы чернымъ сукномъ. Къ назначенному часу прибыли: министръ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, статсъ-секретари: Куломзинъ и Селифонтовъ, директоръ Императорской публичной библіотеки академикъ А. Ѳ. Вычковъ, ректоръ петербургскаго университета И. Е. Андреевскій, тайный совѣтникъ М. И. Семевскій, помощникъ Н. В. Калачова, по московскому архиву, дѣйствител. статскій совѣтникъ Орловъ, академики: Вутлеровъ, Ягичъ и др., профессора высшихъ учебныхъ заведеній, сенаторы, члены и слушатели Археологическаго института, многочисленныя ученики и почитатели покойнаго. Панихиду служилъ преосвященный архіепископъ тверской Савва, въ сослуженіи съ нѣсколькими священниками и при хорѣ пѣвчихъ.

Во время гвѣнія „со свѣтлыми упокой“ и „вѣчная память“, присутствовавшіе опустились на колѣни и многіе плакали.

По окончаніи панихиды, тотчасъ-же была составлена и отправлена на имя вдовы покойнаго слѣдующая телеграмма. „Археологическій институтъ, въ полномъ составѣ, съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, статсъ-секретарями Булозиннымъ и Салифонтовымъ, археологистами, обученными Калачовымъ, и массою присутствовавшихъ на панихидѣ почитателей, шлютъ сердечное соболѣзнованіе Лидіи Александровнѣ и почтенной семьѣ покойнаго“.

По инициативѣ И. Е. Андреевскаго, присутствовавшими рѣшено было устроить въ помѣщеніи Археологическаго Института, въ непродолжительномъ времени, вечернее чтеніе въ память Н. В. Калачова, и возложить на трехъ-четырехъ лекторовъ трудъ ознакомленія публики съ обширными научными трудами покойнаго.

Такъ какъ совѣтъ и члены Археологическаго Института, по неожиданности внезапной кончины Николая Васильевича, не могли лично присутствовать на похоронахъ, то на могилу покойнаго будетъ посланъ металлическій вѣнокъ съ перечисленіемъ именъ всѣхъ его товарищей и сотрудниковъ по институту ¹⁾.

XI.

ПАМЯТИ Н. В. КАЛАЧОВА.

Телеграфъ сообщилъ скорбную вѣсть о тяжелой потерѣ, понесенной русскою наукой: 25 октября скончался въ своемъ имѣніи Саратовской губерніи извѣстный нашъ ученый, директоръ Московскаго Архива министерства юстиціи и Археологическаго Института, сенаторъ Н. В. Калачовъ. Подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ нежданной утраты, вспомнились намъ слова, сказанныя Е. В. Барсовымъ надъ свѣжею еще теперь могилкой незабвеннаго графа А. С. Уварова: „Мечъ Божій видимо носится надъ нами. Посвѣкаются богатыри, а равныхъ имъ не видится. О, мечю Божій! Доколя будешь

---

¹⁾ Новости, 29-го октября 1885 г., № 298.

сѣщи насъ?—Вниди въ ножа твоя, почій и помолчи!“ Не прошло и десяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, и вотъ на томъ же поприщѣ молодой русской археологической науки отнять у насъ и другой равный ему. Чѣмъ былъ графъ Уваровъ для русской археологін, тѣмъ же Н. В. Калачовъ для русской архивной науки. Въ эту минуту не время подводить итоги его долголѣтней и многоплодной дѣятельности: долго ее будутъ поминать добрымъ словомъ русскіе юристы, ибо его труды въ этой области на долго останутся классическими и незамѣнными. Таковы его *Предварительныя юридическія сѣднія для полного объясненія Русской Правды*, писанныя для полученія степени магистра, почти сорокъ лѣтъ назадъ (1846), таково его изслѣдованіе *О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права*. Кромѣ того, Н. В. Калачовъ въ разное время предпринималъ обширныя изданія сырыхъ матеріаловъ: *Архивъ историко-юридическихъ сѣдній относящихся до Россіи*; *Архивъ историческихъ и практическихъ сѣдній*; *Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи*; подъ его же редакціей выходили изданія Археологическаго института: *Сборникъ Археологическаго Института и Вѣстникъ Археологій и Исторіи* (послѣдніе выпуски этого изданія приготовлялись имъ за нѣсколько дней предъ смертью). Вѣчными памятниками о немъ будутъ служить Московскій Архивъ министерства юстиціи, основанный имъ Археологическій Институтъ и открытыя въ нѣсколькихъ губерніяхъ архивныя комиссіи. Благодаря его неустаннымъ заботамъ, готово наконецъ новое зданіе Архива, представляющее послѣднее слово архивной архитектуры; при немъ предполагалось открыть отдѣленіе Археологическаго института... И вотъ когда настало время осуществиться его завѣтнымъ мечтамъ, пришла вѣсть о его безвременной кончинѣ. Но память о знаменитомъ историкѣ-юристѣ будетъ жить. Надо надѣяться, что мѣстомъ послѣдняго его упокоенія будетъ Москва, именно Новодѣвичій монастырь, въ виду любимаго имъ Архива, вблизи историческихъ могилъ: графа Уварова, Погодина, Соловьева.

А. Л. Тр—ковъ¹⁾.

---

¹⁾ Московскія Вѣдомости, 30-го октября, 1886 г., № 300.

XII.

Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства:

Кострома, 30-го октября. Сегодня, въ присутствіи членовъ губернской архивной ученой комиссіи и представителей дворянства и земства, совершена торжественная панихида по Н. В. Калачовѣ.

Тамбовъ, 2-го ноября. Губернаторъ пригласилъ членовъ здѣшней архивной комиссіи и всѣхъ мѣстныхъ почитателей отечественной археологіи почтить память Н. В. Калачова панихидой 3-го ноября.

XIII.

Телеграмма изъ Тамбова, 3-го ноября 1885 г.

Археологическій Институтъ. С.-Петербургъ.

Тамбовская архивная комиссія, помянувъ торжественною панихидою незабвеннаго Николая Васильевича, выражаетъ институту свою скорбь и вмѣстѣ увѣренность въ прочности основанныхъ покойнымъ научныхъ учрежденій.

Предсѣдатель Комиссіи Дубасовъ.

XIV.

Телеграмма Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Казань, 4-го ноября. Вчера отслужены въ университетѣ панихиды по Н. В. Калачовѣ и К. Д. Кавелинѣ, а въ собраніи Общества Археологіи произнесена профессоромъ Корсаковымъ рѣчь, посвященная ихъ памяти.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Засѣданіе Юридическаго общества въ понедѣльникъ, 4-го ноября, посвященное частью памяти недавно умершаго Н. В. Калачова, частью текущимъ дѣламъ и реферату М. М. Ковалевскаго, собрало въ круглый залъ правленія университета довольно многочисленную публику.

Почтенный предсѣдатель общества С. А. Муромцевъ въ немногихъ, но достаточно сильныхъ, словахъ охарактеризовалъ покойнаго Н. В. Калачова какъ юриста, историка и археолога. Несомнѣнно въ лицѣ его русская наука понесла тяжелую новознаградимую утрату: кто знаетъ, какъ мало было сдѣлано до покойнаго Николая Васильевича въ области разработки и изученія памятниковъ древне-русскаго законодательства, тому излишне указывать и перечислять заслуги, оказанныя покойнымъ русской наукѣ. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды открываютъ собою рядъ работъ въ области исторіи, права и археологій; появляется изслѣдованіе за изслѣдованіемъ, предпринимается изданіе за изданіемъ, пыльное достояніе архивовъ появляется на свѣтъ Божій... Заслуги покойнаго далеко не исчерпываются этимъ. Онъ былъ предсѣдателемъ перваго съѣзда юристовъ въ Москвѣ, много способствовавшимъ успѣхамъ и плодотворности занятій этого съѣзда.... Не смотря на неблагопріятныя условія, онъ не переставалъ надѣяться на возможность созванія втораго съѣзда. По энергической инициативѣ Н. В. Калачова былъ открытъ въ Петербургѣ Археологическій Институтъ, въ судьбахъ котораго покойный принималъ самое живое участіе... Долгое время Н. В. состоялъ директоромъ Архива министерства юстиціи, что ставило его, конечно, въ благопріятныя условія при археологическихъ изслѣдованіяхъ и вообще всѣхъ его научныхъ работахъ. Покойный былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ московскаго Юридическаго Общества, давно избравшаго его своимъ почетнымъ членомъ.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Николая Васильевича, вдовѣ его была отправлена предсѣдателемъ Общества телеграмма отъ имени Общества съ выраженіемъ чувства глубокой скорби по поводу постигшей ее и русскую науку утраты.

Утвердивъ и одобрявъ дѣйствию предсѣдателя, Юридическое Общество, въ лицѣ собравшихся на засѣданіе членовъ, почтило память усопшаго почетнаго члена своего обычнымъ вставаньемъ¹⁾.

XVI.

Н. В. КАЛАЧОВЪ.

25-го минувшаго октября скончался въ своемъ имѣніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и видныхъ представителей русской исторической науки, сенаторъ, тайный совѣтникъ Николай Васильевичъ Калачовъ.

Покойный родился въ 1819 году; воспитаніе получилъ въ моск. Дворянскомъ институтѣ, гдѣ пробылъ съ 1833 по 1836 годъ, а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ. Въ 1840 году, тотчасъ же по окончаніи курса въ университетѣ, со степенью кандидата, Н. В. Калачовъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, съ откомандированіемъ для занятій въ Археографическую Коммисію. Съ этого времени и начинается многолѣтняя плодотворная дѣятельность покойнаго въ области права, исторіи и археологіи. Въ 1846 году вышла въ свѣтъ магистерская диссертация Н. В. Калачова: „Предварительныя юридическія изслѣдованія о Русской Правдѣ“, представляющая капитальный трудъ по исторіи русскаго права. Въ 1848 году началась профессорская дѣятельность покойнаго въ Московскомъ Университетѣ, сначала въ качествѣ адъюнкта по кафедрѣ исторіи російскаго законодательства, а съ 6-го іюня 1850 г. — въ качествѣ экстраординарнаго профессора.

Въ 1851 году, Н. В. Калачовъ снова былъ назначенъ членомъ Археографической Коммисіи и оставилъ университетъ. Въ 1857 году онъ поступилъ на службу во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, оставаясь въ то же время членомъ Археографической Коммисіи. 29-го декабря 1858 года Академія Наукъ избрала Н. В. Калачова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ февралѣ 1862 года по-

---

¹⁾ Русскій Курьеръ, 9-го ноября 1885 г., № 309.

койный былъ назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ 1863 году ему было поручено составленіе описанія архивовъ: Государственнаго Совѣта, Государственной Канцеляріи и Комитета Министровъ, съ причисленіемъ къ Государственной Канцеляріи. Въ томъ же году онъ назначенъ членомъ редакторомъ учрежденной при Государственной Канцеляріи комисіи для составленія проекта преобразованія судебной части. 9-го ноября 1864 года С.-Петербургскій университетъ призналъ Н. В. Калачова достойнымъ полученія степени доктора гражданского права. Въ 1865 году Высочайшимъ указомъ покойному было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ назначеніемъ управляющимъ московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, въ каковой должности онъ и оставался до своей смерти.

Многочисленные ученые труды Н. В. Калачова доставили ему званіе почетнаго члена С.-Петербургскаго, Московскаго и Казанскаго университетовъ, а также многихъ ученыхъ обществъ. Помимо другихъ трудовъ, почти вся жизнь покойнаго была посвящена археологической дѣятельности. Такъ, по его почину, возникла особая комиссія для разработки документовъ московскаго Архива министерства юстиціи. Далѣе онъ основалъ цѣлое учрежденіе для развитія архивнаго дѣла въ Россіи, а именно Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Въ короткое время своего существованія, институтъ обратилъ на себя общее вниманіе своею полезною дѣятельностію. Заслуги Н. В. Калачова въ дѣлѣ изученія археологіи обширны и его смерть — невознаградимая потеря для науки ¹⁾.

XVII.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА.

Въ послѣдніе годы своей жизни покойный Николай Васильевичъ особенно былъ преданъ дѣлу устройства московскаго Архива министерства юстиціи. Вступивъ въ 1865 году въ управленіе Архивомъ, онъ изъ наличнаго состава служащихъ, получившихъ высшее образованіе, сформировалъ

---

¹⁾ Смоленскій Вѣстникъ, № 129.

особое „ученое отдѣленіе“, задачей коего поставилъ систематическое описаніе документовъ, хранящихся въ Архивѣ. Этимъ отдѣленіемъ, разумѣется подъ ближайшимъ руководствомъ покойнаго, были изданы въ свѣтъ четыре тома *Описанія документовъ Архива*; въ нихъ между прочимъ находятся въ высшей степени интересныя и важныя въ научномъ отношеніи статьи: С. А. Петровскаго, *О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго*, П. Н. Дроздовскаго, *Областное управленіе Россіи въ царствованіе Петра Великаго*, Н. Е. Сѣвернаго, *Устройство, составъ и длгопроизводство Сыскаго приказа*, А. А. Голубева, *Сыскаго приказа*, Д. М. Мейчикъ *Грамоты и другіе акты XIV и XV вѣковъ московскаго Архива Министерства Юстиціи*, Н. Н. Оглоблина, *Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII столѣтій, заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа* и мн. др. Кроме того, по Высочайшему повелѣнію, по документамъ, относящимся къ царствованію Іоанна Антоновича, хранившимся отдѣльно отъ другихъ документовъ Архива и извѣстнымъ подъ именемъ „Дѣла съ извѣстнымъ титуломъ“ былъ изданъ въ свѣтъ первый томъ изслѣдованія *Внутренній бытъ Россіи въ 1740—41 годахъ*; второй томъ въ настоящее время находится въ печати. Сознывая крайнюю непригодность для пользованія описей документовъ Архива, составленныхъ еще въ 1835 году, и признавая важное значеніе ихъ въ особенности для стороннихъ ученыхъ, занимающихся въ Архивѣ, Николай Васильевичъ приступилъ къ составленію болѣе точныхъ описей документовъ при помощи чиновниковъ „ученаго отдѣленія“, коими ко дню его смерти почти уже окончено составленіе описей Московскаго стола Разряднаго приказа за время царствованія Михаила Ѳеодоровича. Эта работа въ высшей степени интересовала его и лишь недостатокъ средствъ мѣшала ему повести ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ будущемъ онъ хотѣлъ воспользоваться для этой работы силами студентовъ создаемаго имъ при Архивѣ Археологическаго Института. Ко дню открытія новаго зданія Архива, на Дѣвичьемъ Поля, онъ хотѣлъ изготвить *Памятную книжку*, составленіе которой поручилъ профессору Московскаго университета Н. А. Попову, который уже и приступилъ къ собиранію нужныхъ матеріаловъ. Нельзя не упомянуть также объ изданныхъ имъ по порученію Академіи Наукъ *Примоворы и протоколы Сената за время царствованія Петра Великаго*, такъ какъ

приговоры эти извлечены изъ документовъ Архива при помощи чиновниковъ; а также о массѣ собранныхъ имъ по порученію Академіи же Наукъ приговоровъ Разряднаго приказа конца XVI и начала XVII столѣтія. Таковы результаты двадцатилѣтней дѣятельности Николая Васильевича въ должности управляющаго Архивомъ.

Изданіе „Описанія документовъ хранящихся въ Архивѣ“ возбудило въ ученыхъ, занимающихся русскою исторіей, стремленіе къ знакомству съ подлинными документами Архива и не мало было ими добыто въ Архивѣ свѣдѣній. Сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ, занимавшихся въ Архивѣ, писаны исключительно по документамъ Архива. Достаточно указать на Соловьева, Костомарова, Сергѣевича, Горчакова, Фойницкаго, Ключевского, Цвѣтаева, Загоскина, Дитятина, Перетятковича и иныхъ, пользовавшихся для своихъ работъ документами Архива, чтобъ увидѣть то важное значеніе Архива, на которое указалъ можно сказать впервые Николай Васильевичъ.

Необезпеченность зданія Архива (на Васманной) отъ огня и разныя другія неудобства заставили Николая Васильевича ходатайствовать о постройкѣ новаго зданія для Архива. Не малыхъ усилій стоило ему добиться этого. Несмотря однако на всѣ препятствія, новое зданіе Архива красуется на Дѣвичьемъ Поля. Увы! покойному не пришлось открыть его. Многихъ заботъ стоила ему постройка этого зданія и оно же послужило ближайшею причиною его смерти: 7 октября, осматривая зданіе Архива, онъ простудился отъ сквознаго вѣтра и больнымъ уже поѣхалъ въ Саратовскую губернію. Будучи въ сильномъ жару, за нѣсколько часовъ до смерти, онъ все твердилъ, что ему нужно ѣхать въ Архивъ, такъ занимало его это дѣло.

2 ноября, въ церкви Константиновскаго Межеваго института была совершена заупокойная литургія и потомъ панихида преосвященнымъ Александромъ, епископомъ можайскимъ, по усопшемъ управляющемъ Московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, сенаторѣ, тайномъ совѣтникѣ Николаѣ Васильевичѣ Калачовѣ. При богослуженіи присутствовала вдова покойнаго Лидія Александровна Калачова, многіе изъ знакомыхъ покойнаго и всѣ служащіе въ Архивѣ¹⁾.

А. Востоковъ.

---

¹⁾ Моск. Вѣдомости, 6-го ноября 1885 г., № 307.

XVIII.

Ваше Превосходительство,
Милостивая Государыня
Лидія Александровна.

Поставляю долгомъ препроводить къ Вамъ, Милостивая Государыня, копію съ журнала Временнаго Строительнаго Комитета по постройкѣ новаго зданія для Московскаго Архива министерства юстиціи, состоявшагося 18-го ноября сего 1885 года. Произнесенныя, предъ началомъ означеннаго засѣданія, членомъ комитета тайнымъ совѣтникомъ Павломъ Николаевичемъ Зубовымъ глубокопрочувствованныя слова о той великой и незамѣнимой потерѣ, которую понесъ комитетъ въ лицѣ покойнаго супруга Вашего, бывшаго предсѣдателя комитета, тайнаго совѣтника Николая Васильевича Калачова навсегда будутъ памятны мнѣ и членамъ Комитета.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Веніаминъ Ахшарумовъ.

20 ноября, 1885 года.

Копія.

1885 года ноября 18 дня, Временной Строительный Комитетъ по постройкѣ новаго зданія для Московскаго Архива министерства юстиціи, на Дѣвичьемъ полѣ, слушалъ: его превосходительство г. членъ комитета, тайный совѣтникъ П. Н. Зубовъ, предъ началомъ настоящаго засѣданія, обратился къ его превосходительству и предсѣдателю комитета, генераль-лейтенанту В. И. Ахшарумову, съ слѣдующими словами: ваше превосходительство, прошу Васъ позволить мнѣ, какъ старшему нынѣ члену комитета, произнести нѣсколько скорбныхъ словъ, достойныхъ памяти почившаго въ Возѣ г. предсѣдателя комитета тайнаго совѣтника Николая Васильевича Калачова. Не сомнѣваюсь, что какъ ваше превосходительство, такъ и всѣ остальные гг. члены комитета вполне сознаютъ великую потерю, которую понесъ нынѣ комитетъ въ лицѣ бывшаго своего предсѣдателя, высокоуважаемаго, добрѣйшаго и симпатичнѣйшаго изъ людей, — незабвеннаго и дорогаго Николая Васильевича, вложившаго, такъ сказать,

всю душу свою въ излюбленное имъ дѣло, которому онъ посвящалъ себя всецѣло и которое и было отчасти причиною преждевременной его кончины, и той плодотворной дѣятельности, которую онъ предъявлялъ неустанно всегда и вездѣ, какъ на служебномъ поприщѣ, такъ и въ тишинѣ своего кабинета, разработывая любезныя ему науки: исторію, юриспруденцію и археологію вообще, — повторяю, той кипучей дѣятельности, которая была присуща ему во все время его труженической и вполне честной для науки и для службы жизни. По этому, предлагая комитету въ настоящемъ его засѣданіи почтить память незабвеннаго и дорогаго всѣмъ намъ бывшаго нашего предсѣдателя, приглашаю всѣхъ встать съ своихъ мѣстъ и провозгласить ему „вѣчная память“. — При послѣднихъ словахъ сдѣланнаго предложенія гг. предсѣдатель и всѣ члены комитета встали съ своихъ мѣстъ и единогласно присоединились къ означенному предложенію г. члена комитета П. Н. Зубова, который затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ г. предсѣдателю комитета: позвольте ваше превосходительство дополнить мои слова еще тѣмъ, что если и велика наша общая скорбь о почившемъ дорогомъ нашемъ Николаѣ Васильевичѣ, то она облегчается для насъ назначеніемъ вашего превосходительства въ преемники ему и возлюбленнаго его дѣла, которое при вашей опытности и знаніи строительнаго искусства, не могло быть лучше вручено никому другому, какъ именно вашему превосходительству. — Г. предсѣдатель комитета В. И. Ахшарумовъ, поблагодаривъ его превосходительство П. Н. Зубова за лестное для него привѣтствіе, прибавилъ при этомъ, что, по его мнѣнію, самое лучшее чѣмъ можно почтить память умершаго Николая Васильевича, такъ это тѣмъ, чтобы общими усиліями привести къ исполненію и до конца всѣ предположенія его относительно устройства новаго зданія для Архива Министерства Юстиціи. *Постановилъ:* о всемъ вышеизложенномъ записать въ журналъ, копію съ котораго препроводить къ вдовѣ тайнаго совѣтника Н. В. Калачова, — Лидіи Александровнѣ Калачовой. Подлинный журналъ подписанъ гг. предсѣдателямъ и членами комитета.

Съ подлиннымъ вѣрно: членъ комитета В. Холмогоровъ.

Съ подлиннымъ читалъ дѣлопроизводитель комитета А. Зерцаловъ.

XIX.

С.-Петербургскій
Городской Голова.
30 ноября 1885 года.

Милостивая Государыня
Лидія Александровна.

Собраніе гласныхъ С.-Петербургской Городской Думы, съ чувствомъ глубочайшего душевнаго прискорбія узнавъ о кончинѣ супруга Вашего, Николая Васильевича, замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, принесшаго своими многочисленными учеными трудами большую пользу всему русскому обществу, а также много потрудившемуся и собственно для Петербургскаго городского общественнаго управленія, единогласно постановило: выразить Вамъ, Милостивая Государыня, отъ лица городского общества, искреннее чувство соболѣзнованія о понесенной тяжелой утратѣ. Постановля такое рѣшеніе, гласные, въ знакъ особаго уваженія и почитанія заслугъ покойнаго, встали съ своихъ мѣстъ.

Считая долгомъ увѣдомить о семъ Васъ, Милостивая Государыня, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

В. Лихачевъ.

Ея Прев—ству Л. А.
Калачовой.

XX.

ПАМЯТИ Н. В. КАЛАЧОВА ¹⁾.

Глубокая скорбь объемлетъ душу при мысли о тѣхъ утратахъ, какія несутъ въ послѣднее время наши историко-археологическія и историко-юридическія науки. Не успѣли еще, такъ сказать, закрыться могилы до-

---

¹⁾ Настоящая записка была приготовлена для торжественнаго собранія, имѣвшаго мѣсто, въ 40-й день по кончинѣ Н. В. Калачова, въ помѣщеніи Археологическаго Института, 3-го декабря 1885 года, но осталось непрочитанною по обстоятельствамъ, исключительно отъ меня зависѣвшимъ. Авторъ.

блестныхъ труженниковъ, графа Уварова и Н. И. Костомарова, какъ открылась новая, третья могила, чтобы принять дорогого намъ Николая Васильевича Калачова. Такъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены гиганты науки, не оставляя по себѣ замѣстителей. А давно-ли, кажется, было время, когда здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, названные ученые на нашихъ вечернихъ собраніяхъ дѣлились съ нами своими занятіями по исторіи и археологіи? Давно-ли было время, когда незабвенный учитель нашъ собиралъ въ этотъ залъ на вечернія институтскія занятія представителей русской науки и искусства? И вотъ уже сорокъ дней, какъ его нѣтъ среди насъ!

Кончина Николая Васильевича — невознаградимая потеря и для Археологическаго института и для нашей небольшой институтской семьи. Институтъ и мы лишились въ Николаѣ Васильевичѣ могучей нравственной силы, связывавшей насъ, бывшихъ и настоящихъ слушателей института, въ одну семью и направлявшихъ нашу дѣятельность къ одной общей цѣли, — къ изученію памятниковъ родной старины.

Высокочтимый учитель нашъ былъ не только учредителемъ института и первымъ его директоромъ, но и душою этого учрежденія, центромъ, вокругъ котораго группировалась вся институтская жизнь. Онъ сумѣлъ привлечь къ своему учрежденію и въ институтъ distinguished professors, сумѣлъ и насъ заставить полюбить родную старину. Едва-ли, по этому, я ошибусь, если скажу, что нашъ институтъ, при отсутствіи точно сформулированныхъ правъ его слушателей, при равнодушіи къ нему со стороны нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, своимъ почти семилѣтнимъ существованіемъ обязанъ исключительно неутомимой, энергической дѣятельности Николая Васильевича. Правда, не легко ему было иногда держать на своихъ плечахъ всю тяжесть института. Я не могу забыть, какъ съ этой кафедрой, въ день открытія института, торжественно, со слезами радости, провозглашалась благовременность именно подобнаго учрежденія, причемъ учредителю рассыпались самыя восторженныя похвалы, но когда пришлось отъ фразы перейти къ дѣлу, — Николай Васильевичъ остался почти одинокимъ, и только глубокая вѣра его въ полезность дѣла, которое онъ началъ, спасла институтъ отъ крушенія.

Слушатели перваго курса были свидѣтелями той тяготы, которую несъ Николай Васильевичъ въ первое время существованія института, и глубоко

полюбили его за безкорыстную преданность наукѣ. Да и какъ было не полюбить этой благороднѣйшей симпатичнѣйшей личности?—Николай Васильевичъ, не смотря на свое значеніе въ наукѣ, не смотря на свое высокое общественное положеніе, всегда являлся предъ нами не болѣе какъ старшимъ членомъ нашей семьи. Онъ не скрывалъ отъ насъ ни своихъ затрудненій по завѣдыванію институтомъ, ни своихъ надеждъ на лучшее будущее. Для насъ онъ не щадилъ ни времени, ни труда. Я никогда не забуду, съ какими благодушными терпѣніемъ Николай Васильевичъ училъ насъ читать старинныя грамоты, столбцы и свитки: цѣлые часы проходили иногда въ этихъ занятіяхъ, весьма полезныхъ для насъ и совершенно бесполезныхъ для нашего учителя.

Мало этого, Николай Васильевичъ не щадилъ и матеріальныхъ средствъ, когда заходила рѣчь объ ознакомленіи насъ съ тою или другою отраслю археологій. Для однихъ изъ насъ, пожелавшихъ заниматься въ московскихъ архивахъ, онъ устраивалъ поѣздки въ Москву, для другихъ, пожелавшихъ практически испытать приемы раскопокъ кургановъ, онъ снаряжалъ экскурсіи въ Новгородскую, Тверскую, Ярославскую и Московскую губерніи, и лично сопровождалъ эти экскурсіи, благодушно раздѣляя съ нами всѣ труды и лишенія. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что самъ Николай Васильевичъ не много скептически относился къ смѣлымъ иногда выводамъ гробкопателей. Припомню такой случай: въ одно изъ вечернихъ институтскихъ собраній однимъ любителемъ археологій было сдѣлано сообщеніе о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи, причемъ древность этихъ построекъ опредѣлялась въ 7,000 лѣтъ до нашего времени; но содержаніе сообщенія невольно возбуждало вопросъ: не принадлежать-ли эти постройки къ числу тѣхъ, которыя имѣются и у насъ на взморьѣ, въ Чекушахъ?—Такой вопросъ и былъ предложенъ Николаю Васильевичу, и послѣдній съ улыбкою отвѣтилъ: „можетъ быть“. Когда представишь себѣ недавній случай съ пещернымъ человѣкомъ въ Кіевѣ, невольно вспомнишь и это „можетъ быть“. Тѣмъ не менѣе, и при своемъ скептицизмѣ, Николай Васильевичъ не лишалъ насъ удовольствія раскопокъ кургановъ, не допуская однако насъ, при редактированіи нашихъ отчетовъ, переступать въ выводахъ предѣлы умѣренности и аккуратности.

Совсѣмъ инымъ человѣкомъ становился Николай Васильевичъ, когда

дѣло шло объ архивахъ. Архивамъ онъ придавалъ высокое государственное значеніе; не разъ и не два обращалъ на этотъ предметъ вниманіе правительственныхъ лицъ и учрежденій, настаивая, чтобы старня дѣла не подвергались уничтоженію безъ придварительной провѣрки ихъ опытными и знающими лицами. Незадолго до открытія Археологическаго института, въ 1877 году „крылатая мечта переносила Николая Васильевича за нѣсколько десятилѣтій впередъ, когда въ разныхъ наиболѣ людныхъ городахъ нашихъ губерній не только устроятся центральныя историческія архивы, но и будутъ завѣдывать ими служители науки, спеціально приготовленные къ своему дѣлу; когда, благодаря ихъ неусыпнымъ трудамъ, ихъ горячимъ розысканіямъ и примѣру, и въ нынѣшнихъ глухихъ и повидимому непробудныхъ степяхъ появятся не только отдѣльныя любители нашей прежней письменности и памятниковъ, но и возникнутъ цѣлыя провинціальныя общества—археологическія и историческія; когда составлены будутъ рукописи, собраннымъ въ этихъ хранилищахъ, описи и указатели, и когда наконецъ любознательная молодежь, съ свойственнымъ ей увлеченіемъ и жаромъ, будетъ неутомимо отыскивать здѣсь драгоценныя, еще неизвѣстныя намъ данныя для занесенія ихъ въ свои изслѣдованія ¹⁾:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

Эту мечту Николай Васильевичъ многократно высказывалъ намъ и на своихъ лекціяхъ объ устройствѣ архивовъ и при посѣщеніи наиболѣ благоустроенныхъ архивовъ С.-Петербурга и Москвы, и не только высказывалъ, но и практически знакомилъ насъ съ способами устройства архивовъ, составленія описей и указателей: а) именъ личныхъ, т. е. фамилій и собственныхъ именъ; б) географическихъ названій, и в) предметовъ. Руководство наше въ этомъ отношеніи шло далѣ стѣнъ Археологическаго института. Николай Васильевичъ предоставлялъ намъ и самостоятельныя работы по описанію архивовъ. Такъ одинъ изъ насъ работалъ въ Харьковѣ по описанію архива Малороссійской коллегіи, нѣсколько человекъ занимались описаніемъ архива упраздненной канцеляріи оренбургскаго генераль-

¹⁾ См. брошюру: «Архивы, ихъ госуд. знач., составъ и устройство» Сиб. 1877 г., стр. 39.

губернаторства, а нѣкоторые и доселѣ продолжаютъ занятія по разбору архива петербургской думы. Инициаторомъ и главнымъ руководителемъ этихъ работъ былъ, конечно, Николай Васильевичъ. Укажу на отношенія его къ оренбургскому архиву. Въ 1881 году было упразднено оренбургское генераль-губернаторство; чиновники канцеляріи генераль-губернатора оставлены за штатомъ, а съ ними остался за штатомъ и архивъ. Ни мѣстное губернское правленіе, ни городъ не находили ни возможнымъ, ни удобнымъ принять осиротѣвшій архивъ въ свое вѣдѣніе. Тогда, по указанію находившагося въ Оренбургѣ для ликвидаціи генераль-губернаторскаго управленія, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Ѳ. К. Гирса, обратились къ Археологическому институту съ предложеніемъ принять на себя трудъ по разбору и описанію этого архива. Николай Васильевичъ, съ свойственною ему энергіею, взялся за это дѣло. Въ первыхъ числахъ сентября 1881 года я и мой сотоварищъ по институту А. Н. Львовъ, по личной просьбѣ Николая Васильевича, отправились въ Оренбургъ для предварительнаго ознакомленія съ содержаніемъ архива. Въ какомъ положеніи мы нашли архивъ, объ этомъ можно прочесть въ нашемъ печатномъ отчетѣ. Ровно черезъ мѣсяцъ, по нашемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ, прибылъ туда же въ 11 часовъ вечера и Николай Васильевичъ. Встрѣтивъ его на вокзалѣ и проводивъ до гостиницы, въ которой и сами помѣщались, мы хотѣли идти къ себѣ въ увѣренности, что Николай Васильевичъ пожелаетъ съ дороги отдохнуть. Но не тутъ-то было. Онъ приказалъ подать чай и попросилъ насъ передать, въ какомъ положеніи мы нашли архивъ и что нужно сдѣлать для его сохраненія. Веседа длилась до двухъ часовъ пополудни, но она могла-бы, кажется, продлиться и до разсвѣта, если-бы мы почти насильно не оставили Николая Васильевича, чтобы дать ему отдыхъ. Утромъ, часовъ въ 7-мъ, раздается стукъ въ нашу дверь, открывемъ и, къ изумленію, видимъ Николая Васильевича совершенно одѣтаго съ бумагою въ рукахъ. „Прошу васъ, господа, извинить меня“, обратился онъ къ намъ: „я, кажется, немного рано васъ обезпокоилъ; но мнѣ хотѣлось прочитать вамъ записку о дальнѣйшихъ работахъ по оренбургскому архиву, которую вчера набросалъ, по выслушаніи вашего отчета“.— Не могу сказать, чтобы въ это время мы хорошо себя чувствовали. Эта изумительная подвижность человѣка почтенныхъ лѣтъ, сдѣлавшаго переѣздъ почти въ 3 тысячи

версть, глубоко насъ поразила и, скажу по совѣсти, пристыдила. Въ тотъ же день была образована комиссія, постановившая приступить къ систематическому описанію архива, что впоследствии и исполнено, частію въ Оренбургѣ, частію здѣсь, въ институтѣ.

Таковъ былъ Николай Васильевичъ Калачовъ, какъ руководитель занятіями архивистовъ. Чѣмъ-же и какъ эти архивисты могли бы почтить память столь славнаго по уму и сердцу человѣка? —

Николай Васильевичъ, по своимъ духовнымъ дарованіямъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ у насъ ученыхъ, которые не только при жизни оказываютъ могущественное просвѣтительное вліяніе на современный имъ ходъ науки, но и по смерти, чрезъ свои письменные труды, остаются учителями и руководителями позднѣйшихъ поколѣній. Прямой, поэтому, долгъ, скажу болѣе, прямая обязанность современниковъ сохранить труды такихъ лицъ на память и въ поученіе потомства. И если-бы наша небольшая институтская семья, проникнувшись мыслию о своемъ незабвенномъ учителѣ, какъ о руководителѣ на поприщѣ науки позднѣйшихъ поколѣній, приняла на себя трудъ, подъ руководствомъ совѣта Археологическаго Института, привести въ извѣстность всѣ начатія Николаемъ Васильевичемъ работы, окончить ихъ и издать въ свѣтъ, то это былъ-бы лучшій съ нашей стороны памятникъ дорогому нашему учителю. Глубокая любовь, которую всѣ мы питали къ Николаю Васильевичу, даетъ мнѣ смѣлость надѣяться на это ¹⁾.

А. В. Гавриловъ.

XXI.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

Одинъ за другимъ сходятъ съ поприща общественной жизни и литературы послѣдніе дѣятели сороковыхъ годовъ. 25-го октября умеръ въ селѣ Волхонщинѣ Сардобскаго уѣзда Саратовской губерніи Н. В. Калачовъ, се-

---

¹⁾ Церковно-общественный Вѣстникъ, 1895 г., № 108.

наторъ и академикъ, управлявшій Московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, а нѣкогда, въ сороковыхъ годахъ, профессоръ Московскаго Университета. Калачовъ родился 26-го мая 1819 г., во Владимірской губерніи, въ семьѣ, которая вела свое происхожденіе отъ Посопка Калачова, бывшаго въ XVI—XVII вѣкахъ дьякомъ земскаго приказа, дворцовымъ ключникомъ и московскимъ объѣзжимъ головой; какъ будто не случайно таковъ былъ предокъ ученаго юриста нашего времени, который положилъ много труда именно на изученіе стараго русскаго права, стараго юридическаго быта и обычая. Послѣ домашняго воспитанія, Калачовъ учился въ извѣстномъ нѣкогда въ Москвѣ паціонѣ Чермака, потомъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, а съ 1836 года въ Московскомъ Университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса, онъ поступилъ-было въ Археографическую комиссію, но вскорѣ оставилъ ее и занялся хозяйствомъ въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Въ 1846 году онъ вернулся въ Москву и занялъ должность бібліотекаря въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1848 года получилъ въ университетѣ, за выходомъ Кавелина, каюедру исторіи русскаго законодательства.

Его ученныя работы начались, впрочемъ, еще раньше. Бывши студентомъ, онъ написалъ уже изслѣдованіе о судебникахъ Ивана III и Ивана IV, напечатанное въ „Юридическихъ Запискахъ“ Рѣдкина, въ 1841 и 1843 годахъ. Его магистерская диссертация: „Предварительныя юридическія свѣденія для полнаго объясненія Русской Правды“ (М. 1846), и вслѣдъ затѣмъ изслѣдованіе: „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“, явившееся сначала въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1847, а потомъ отдѣльной книгой, 1850, — сразу доставили ему авторитетное имя въ вопросахъ исторіи русскаго права. Уже съ тѣхъ поръ чрезвычайно дѣятельный и трудолюбивый Калачовъ началъ въ 1850 году изданіе „Архива историко-юридическихъ свѣденій о Россіи“, гдѣ, кромя вопросовъ древняго русскаго законодательства, нашли мѣсто изслѣдованія о древней жизни въ широкомъ смыслѣ, съ тѣми новыми приемами, какіе развивались тогда въ нашей исторической наукѣ, напр., въ сочиненіяхъ Кавелина и Соловьева, и въ историко-филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ Вуслаева, Аванасьева и др. Труды этихъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ новой школы, а также и самаго Калачова

сдѣлали „Архивъ“ очень важнымъ явленіемъ тогдашней исторической литературы.

На московской кафедрѣ Калачовъ оставался недолго. Въ концѣ 1852 года его замѣнилъ на кафедрѣ И. Д. Вѣляевъ. Калачовъ переселился въ Петербургъ и здѣсь работалъ во Второмъ отдѣленіи Собственной Канцеляріи Е. В., гдѣ ему поручена была редація третьяго изданія свода гражданскихъ законовъ, и въ Археографической комиссіи. Онъ приготовилъ тогда весьма отчетливое изданіе „Актонъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“ (3 тома), „Писцовыхъ книгъ“ (2 тома), „Докладовъ и приговоровъ сената 1811 и 1812 годовъ“ (три книги). Въмѣсто прежняго „Архива“ онъ началъ, съ 1858, изданіе „Архива историческихъ и практическихъ свѣденій, относящихся до Россіи“; работалъ въ Географическомъ обществѣ по этнографическому отдѣленію и т. д.

Рядомъ съ этими учеными работами, Калачовъ ревностно трудился и для практическихъ вопросовъ русскаго права и суда, когда съ возникшимъ, въ началѣ прошлаго царствованія, вопросомъ о реформахъ въ этой области открылась возможность излагать и примѣнять созрѣвавшія ранѣе мысли. Онъ работалъ въ комиссіи, составлявшей проекты судебныхъ уставовъ, и по словамъ г. Джаншіева, „личной инициативѣ Калачова наше новое судебное законодательство обязано однимъ изъ своихъ лучшихъ постановленій, а именно ст. 130 уст. гражд. суд., впервые узаконившей на судѣ примѣненіе обычнаго права. . . Если постановленіе это не принесло всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ, то виною тому не ошибочность постановленія, а незнакомство нашего судебного персонала съ обычнымъ правомъ, имѣвшее послѣдствіемъ почти полное упраздненіе этой статьи“. Въ тѣ годы, въ видахъ образованія юридическихъ силъ для предполагаемаго новаго порядка суда, Калачовъ собралъ (въ Петербургѣ) кружокъ молодыхъ юристовъ и занимался съ ними вопросами пракческаго судопроизводства, а позднѣе, въ Москвѣ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ перваго нашего Юридическаго Общества, московскаго, гдѣ нѣсколько лѣтъ былъ председателемъ, и положилъ основаніе „Юридическаго Вѣстника“, перваго въ Россіи частнаго изданія этого рода. Въ 1870-хъ годахъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія новыхъ судебныхъ уставовъ, когда въ средѣ юристовъ возникла потребность обмѣна мыслей, опытовъ и вопросовъ, и состоялся первый юри-

дической съездъ въ Москвѣ, Калачовъ былъ выбранъ его председателемъ, дѣлательно участвовалъ въ его работахъ, а потомъ въ ихъ изданіи. Какъ говорятъ, мечтою Калачова было упрочить правильные юридическіе съезды, и еще немного лѣтъ назадъ онъ, по порученію Московскаго Юридическаго общества, много хлопоталъ объ устройствѣ другого съезда, но безуспѣшно.

Изучая издавна и до послѣдняго времени юридическую жизнь древней Россіи, Калачовъ одинъ изъ первыхъ поднялъ ученый вопросъ о древнемъ правѣ съ его живой стороны и именно относительно уцѣлѣвшаго донынѣ обычнаго права. Ему несомнѣнно принадлежитъ заслуга возбужденія этого вопроса, который къ нашему времени сталъ прочнымъ интересомъ нашей юридической и этнографической науки. Таково было, напр., его давнишнее изслѣдованіе объ „Артелях“ и пр.

Въ послѣдніе годы его поглотила новая мысль, которая была впрочемъ естественнымъ продолженіемъ его давнишнихъ ученыхъ стремленій— мысль о правильномъ устройствѣ нашего архивнаго дѣла и о приготовленіи настоящихъ специалистовъ для устройства и изслѣдованія архивовъ. Знамениталъ парижская „Ecole des Chartes“, которая въ послѣдніи десятилѣтія не разъ привлекала вниманіе нашихъ ученыхъ путешественниковъ, историковъ и юристовъ, представлялась и для Калачова образцомъ, примѣръ котораго ему хотѣлось примѣнить и къ устройству русскаго архивнаго дѣла. Получивъ начальство надъ Архивомъ министерства юстиціи, Калачовъ съ обычной ровностью принялся за работу и вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ основаніе Археологическаго Института, гдѣ могли бы приготовляться будущіе организаторы и изслѣдователи столичныхъ и мѣстныхъ архивовъ. При своемъ служебномъ положеніи, обширныхъ связяхъ и также при значительныхъ матеріальныхъ средствахъ онъ успѣлъ осуществить свою мысль и основалъ небольшую спеціальную школу, гдѣ преподаваніе нѣсколькихъ археологическихъ предметовъ было примѣнено въ особенности къ изученію архивнаго дѣла и откуда должны были выходить (и уже многія вышли) лица, способныя къ правильной организаціи архивовъ. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ по его мысли и настояніямъ, уже устроены такъ называемыя архивныя комиссіи, которыя ему хотѣлось распространить по всѣмъ главнымъ городамъ имперіи. Свои научно-практическіе интересы онъ, какъ всегда, желалъ перевести въ литературу и въ результатѣ вышло подъ его

редакціей нѣсколько томовъ „Сборника Археологическаго института“, а въ послѣдніе дни своей жизни онъ приготовлялъ послѣдніе выпуски „Вѣстника Археологій и Исторіи“ (Спб. 1855, четыре выпуска съ атласомъ археологическихъ рисунковъ).

Такова была долготѣнная и неустанная дѣятельность покойнаго ученаго. Изъ сказаннаго видно, какіе обильные результаты далъ его трудъ для разработки исторіи и археологій, между прочимъ въ такихъ не легко одолюваемыхъ вопросахъ, какъ устройство архивнаго дѣла, вопросахъ сложныхъ не только съ научной, но и съ чисто матеріальной стороны. Съ самаго начала его ученыхъ работъ въ немъ видно было стремленіе къ приведенію въ извѣстность и къ систематизаціи историческаго матеріала, особливо по исторіи права, и очевидно, что забота объ архивахъ и ихъ изученіе были одной изъ важныхъ потребностей, которымъ нужно было удовлетворить для того, чтобы ихъ огромный матеріалъ могъ быть приведенъ въ научное обращеніе. Какъ мы видѣли, онъ не остался чуждъ и тѣмъ бытовымъ вопросамъ, которые возникали изъ изученія старины, какъ напр. вопросъ обычнаго права, и, наконецъ, не былъ чуждъ практическимъ вопросамъ права и суда нашего времени. Къ общимъ вопросамъ нашей исторіи онъ обращался рѣдко и въ этой области сдѣлалъ меньше, чѣмъ его современники по Московскому Университету, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, но сдѣлалъ много для разработки источниковъ нашего юридическаго быта.

Археологическій Институтъ былъ личнымъ дѣломъ Калачова и только полу-официальнымъ учрежденіемъ. Со смертью Калачова судьба его становилась вопросомъ. Какъ мы слышали, можно ожидать продолженія его дѣятельности здѣсь или въ Москвѣ, и на первое время завѣдываніе этимъ учрежденіемъ предоставлено И. Е. Андреевскому ¹⁾.

---

¹⁾ Вѣстникъ Европы, Декабрь, 1885 года.

XXII.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

25-го октября, скончался въ своемъ имѣніи, въ селѣ Волховщинѣ, Сердобскаго уѣзда, Николай Васильевичъ Калачовъ. Обширная, учено-литературная дѣятельность стяжала ему очень крупное имя въ русской исторической наукѣ. Услуги, оказанныя имъ Россіи въ качествѣ сановника энергическаго и глубоко просвѣщеннаго, создали ему извѣстность въ ряду выдающихся государственныхъ людей нашего отечества. Подвести итогъ этой дѣятельности и этихъ услугамъ не настало еще время, равнымъ образомъ и полная біографія покойнаго принадлежитъ будущему. Но, подѣлжымъ впечатлѣніемъ этой утраты для науки и общества, нельзя не отмѣтить важнѣйшихъ заслугъ Николая Васильевича и выдающихся фактовъ изъ его долготѣнейшей ученой карьеры.

Николай Васильевичъ родился 26-го мая, 1819 года, въ селѣ Алексипѣ, Владимірской губерніи, Юрьевъ-Польскаго уѣзда. Дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ отца, и съ юныхъ лѣтъ исторія была для Николая Васильевича любимымъ занятіемъ. Еще мальчикомъ онъ читалъ Тита Ливія и въ подлинникѣ, и въ нѣмецкомъ переводѣ. 12-ти лѣтъ Калачова отвезли въ Москву и помѣстили въ пансіонъ Чермака. Но уже въ 1833 году Николай Васильевичъ перешелъ оттуда въ бывшій Московскій дворянскій институтъ. Любимымъ предметомъ его здѣсь была отечественная словесность. Николай Васильевичъ и въ университетѣ предполагалъ спеціально заниматься ею. Но желаніе отца рѣшило иначе. По окончаніи курса въ дворянскомъ институтѣ (1836 г.) Николай Васильевичъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ и посвятилъ себя всецѣло историко-юридическимъ занятіямъ.

Прямо съ студенческой скамьи открылось широкое поле для его изысканій. М. П. Погодинъ рекомендовалъ Николая Васильевича министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову. Въ то время (1840 г.) Уваровъ былъ въ Москвѣ. Министръ назначилъ даровитаго молодого человѣка въ Археографическую комиссію. Николай Васильевичъ скоро научился разби-

рать старинные почерки и принялся отыскивать древніе матеріалы для отечественной исторіи и права, не оставляя и теоретическихъ занятій. Въ 1843 году, онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и, по случаю смерти отца, вынужденъ былъ бросить службу въ Археографической комиссіи. Втеченіе трехъ лѣтъ онъ, какъ старшій въ семействѣ, отдавался заботамъ хозяйственнымъ и попеченію о младшихъ братьяхъ.

Въ 1846 году, онъ поступилъ библіотекаремъ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и тогда же, защитивъ магистерскую диссертацию „О Русской Правдѣ“, снова получилъ мѣсто въ Археографической комиссіи, съ откомандированіемъ въ Москву. Три года прослужилъ Николай Васильевичъ въ Московскомъ архивѣ и въ этотъ періодъ имѣлъ возможность ознакомиться здѣсь съ богатыми матеріалами по русской исторіи. Въ 1847 году, Московское общество исторіи и древностей російскихъ избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1848 году, онъ занялъ въ Московскомъ Университетѣ кафедру русскаго законодательства (на мѣсто К. Д. Кавелина).

Черезъ три года Калачова назначили членомъ Археографической комиссіи, а въ 1852 году, вмѣстѣ съ порученіемъ ему изданія „Дополненія къ актамъ юридическимъ“, разрѣшено было ему отправиться въ археографическое путешествіе по Россіи, для изысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Въ томъ же году онъ объѣхалъ губерніи Орловскую, Владимирскую и Саратовскую. Описаніе найденныхъ имъ матерьяловъ юридическаго содержанія сдѣлано частью въ статьѣ „Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ“, частью же въ особыхъ донесеніяхъ о путешествіи предсѣдателю Археографической комиссіи. Въ слѣдующее лѣто Николай Васильевичъ объѣхалъ губерніи Самарскую, Тамбовскую и Рязанскую.

Исторію русскаго законодательства Калачовъ преподавалъ втеченіе четырехъ лѣтъ, причемъ главное вниманіе обращалось на источники, какъ матеріалъ для этой исторіи. По мнѣнію Калачова, ознакомившись съ источниками, студенты впоследствии и безъ его руководства могутъ имѣть всѣ средства къ самостоятельному изученію и къ разработкѣ исторіи русскаго законодательства. Одновременно Николай Васильевичъ читалъ и критическое обозрѣніе юридическихъ памятниковъ Россіи. Кромѣ того, особня

лекціи посвящались имъ для ознакомленія студентовъ историко-филологическаго, математическаго и медицинскаго факультетовъ съ „государственными и губернскийми учрежденіями“, а также съ „законами о состояніяхъ“.

Учено-литературная дѣятельность Калачова была весьма обширна уже въ то время. Въ „Рѣчахъ“, произносившихся на актахъ Московскаго дворянскаго института и напечатанныхъ въ 1834 и 1835 годахъ, желающіе могутъ ознакомиться съ первыми опытами Николая Васильевича по этой части. На 3-мъ и на 4-мъ курсахъ онъ написалъ изслѣдованіе „О судебникѣ царя Іоанна Васильевича“, напечатанное въ „Юридическихъ Запискахъ“ П. Г. Рѣдкина. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ критическомъ отдѣлѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Тогда же въ „Маякѣ“ имъ напечатанъ переводъ съ итальянскаго о Дмитріи Самозванцѣ (Чили), снабженный предисловіемъ объ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о русской исторіи. Въ 1846 году, Калачовъ издалъ въ Москвѣ „Тексты Русской Правды, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій“ и первую часть „Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. Въ слѣдующемъ году въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей российскихъ явилось замѣчательное изслѣдованіе „О Кормчой книгѣ“ (вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ 1850 г.). Въ томъ же и въ слѣдующихъ годахъ, онъ находилъ время заниматься редакціей „Иностранныхъ сочиненій и актовъ, относящихся до Россіи“, собранныхъ княземъ М. А. Оболенскимъ. Въ эти годы и потомъ Калачовъ принималъ участіе въ „Москвитянинѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ 1850 году начато имъ изданіе „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (вышло три книги, причеиъ вторая—въ двухъ частяхъ). Это—сборникъ, заключающій въ себѣ изслѣдованія и критическій разборъ памятниковъ по исторіи, статистикѣ и права древней Россіи. Но главнымъ занятіемъ Калачова въ 50-хъ годахъ было собраніе матеріаловъ для изслѣдованія „О сошномъ письмѣ въ древней Россіи“ и для „Дополненія къ актамъ юридическимъ“.

Въ этой обширной учено-литературной дѣятельности уже тогда обнаружилась весьма замѣтно особенность, отличавшая всѣ дальнѣйшіе труды Николая Васильевича. Историческое изученіе русскаго быта, историческая разработка общественныхъ вопросовъ, въ его трудахъ поставляются въ

связь съ современнымъ рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ. „Такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны,—писалъ Калачовъ, приступая къ издацію „Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (этотъ петербургскій журналъ въ 1858 г. смѣнилъ собою московскій „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній“), — что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы взглянуть пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и, слѣдовательно, могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны какъ народомъ европейскимъ“. Иначе сказать, по мнѣнію Калачова, при разсмотрѣніи вопросовъ нашего общественнаго быта твердая основа замѣчается въ историческихъ розысканіяхъ. Такую основу Николай Васильевичъ и старался установить во всѣхъ своихъ изысканіяхъ. Новый „Архивъ“ служилъ той же цѣли, и въ немъ читатели знакомились вообще съ древнимъ бытомъ Россіи и съ тѣми данными современности, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ русскаго общества и въ разныхъ частяхъ нашего отечества, могли притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принимаемыхъ правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами, для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ ими потребностей.

Весьма знаменательнымъ временемъ въ ученой карьерѣ Калачова былъ 1857-й годъ. Николай Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и обратился къ графу Д. Н. Влудову съ ходатайствомъ о допущеніи его для занятій въ архивъ II-го Отдѣленія его величества канцеляріи. Графъ Влудовъ, отказавъ Калачову въ этой просьбѣ, какъ лицу стороннему, предложилъ ему поступить на службу въ это учрежденіе. И Николай Васильевичъ вскорѣ, по вступленіи во II-е Отдѣленіе, принялъ на себя редакцію третьяго изданія свода гражданскихъ законовъ. Какъ опытный законовѣдъ, глубоко изучившій свое дѣло, Калачовъ затѣмъ оказалъ большія услуги при выработкѣ главнѣйшихъ законоположеній прошлаго царствованія.

Къ этому же періоду относится изданіе, исполненное Калачовымъ, по порученію Археографической комиссіи: „Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи“, два тома, и цѣлый рядъ учено-критическихъ этюдовъ по поводу сочиненій историко-юридическаго содержанія, представ-

лявшихся на Демидовскую и Уваровскую преміи при Академіи Наукъ (Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“, Дмитріева „Исторія судебныхъ инстанцій“, Чебышева-Дмитріева „О преступномъ дѣйствіи“, Андреевскаго „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“, Энгельмана „О давности по русскому гражданскому праву“). Въ 1858 году, Академія Наукъ избрала Калачова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ 1860 году, Николай Васильевичъ напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ свой „Очеркъ царствованія Федора Алексѣевича“ по актамъ, собраннымъ Археографическою комиссіею, и въ своемъ „Архивѣ“ опубликовалъ „Матеріалы для своднаго уложенія 1701 г.“ изъ подлинныхъ дѣлъ. Сверхъ того, въ видѣ приложенія къ тому же „Архиву“ онъ сталъ издавать и „Юридическій Вѣстникъ“, за 1860—1864 гг.

Немало услугъ наукъ оказалъ Николай Васильевичъ въ качествѣ председателя этнографической комиссіи при Географическомъ Обществѣ, занимавшейся собираніемъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Въ это время въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ (т. VI) напечатано имъ изслѣдованіе „Артелы въ древней и нынѣшней Россіи“ и къ той же области изученія русскаго общаго права относится помѣщенное въ VIII т. „Сборника государственныхъ знаній“ изслѣдованіе „О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи“.

Въ 1865 году, Николай Васильевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и сталъ во главѣ Московскаго архива министерства юстиціи. Съ тѣхъ поръ и до конца дней своихъ онъ посвящалъ себя всецѣло организаціи архивнаго дѣла въ Россіи. Въ этотъ третій періодъ своей ученой дѣятельности Николай Васильевичъ получилъ отъ Петербургскаго Университета степень доктора гражданскаго права въ 1865 г., а черезъ четыре года былъ избранъ почетнымъ членомъ университета. По его почину возникла особая комиссія для разработки документовъ Московскаго архива министерства юстиціи. Онъ же сталъ во главѣ высочайше учрежденной комиссіи объ устройствѣ архивовъ, начавшей свою дѣятельность въ 1873 г. Мысль объ этой комиссіи возникла на 2-мъ археологическомъ съѣздѣ, открывшемся въ Петербургѣ въ 1872 г. Тогда же задумано Калачовымъ и то учрежденіе, безъ котораго не можетъ быть прочнымъ самое существованіе архивовъ.

Разумѣвъ Археологическій Институтъ, это дѣтище покойнаго, имъ созданное, имъ поставленное на ноги.

Археологическій Институтъ открытъ 15-го января 1878 г. въ видѣ частнаго заведенія на пожертвованія частныхъ лицъ. Заведеніе это ставитъ себѣ цѣлью приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ, знатоковъ хранящихся въ архивахъ сокровищъ и способныхъ привести послѣднія во всеобщую извѣстность путемъ описанія ихъ и разработки. Подъ руководствомъ такого энергическаго дѣятеля, каковымъ всегда былъ Николай Васильевичъ, институтъ въ короткое время успѣлъ заявить о плодотворности своей дѣятельности. Покойный директоръ привлекъ къ участию въ дѣятельности и любителей древности, и ученые силы. Институтъ затѣмъ постарался войти въ сношенія съ провинціальными тружениками, работающими часто въ своемъ захолустьѣ безъ всякаго привѣта и поощренія. Для большаго общенія института со всѣми этими силами на пользу науки, Николай Васильевичъ предпринялъ изданіе „Сборника“¹⁾, гдѣ помѣщались отчеты о занятіяхъ слушателей института, самыя работы ихъ и результаты ихъ розысканій въ архивахъ, свѣдѣнія о сдѣланныхъ ими раскопкахъ и объ осмотрѣнныхъ памятникахъ древностей въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ числѣ этихъ результатовъ нельзя не отмѣтить въ особенности выясненія ими внѣшней и внутренней исторіи „Уложенія“ Алексѣя Михайловича и опубликованія любопытнѣйшихъ матеріаловъ о царствованіи Александра I, не говоря уже о другихъ документахъ, имѣющихъ важное значеніе для выясненія различныхъ сторонъ древняго политическаго строя, народнаго быта и законодательства Россіи. Уже одно это учрежденіе, вызванное къ жизни для глубоко-нравственнаго дѣла—усилить любовь къ родной землѣ, изучать минувшія дѣла предковъ—составляетъ огромную патріотическую заслугу Николая Васильевича и, безъ всякаго сомнѣнія, доставитъ ему признательность потомства²⁾.

Ө. В.

---

¹⁾ Теперь этотъ „Сборникъ“ переименованъ въ „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“.

²⁾ Историческій Вѣстникъ, Декабрь 1885 г.

XXIII.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

† 25-го октября 1885 г.

Николай Васильевичъ Калачовъ происходилъ изъ древняго рода: въ историческихъ актахъ встрѣчается Посникъ Калачовъ, жившій въ XVI и XVII вѣкѣ, который былъ дьякомъ Земскаго Приказа; родъ Калачовыхъ издревле владѣлъ помѣстьями и вотчинами и внесенъ въ шестую часть дворянской родословной книги. Н. В. Калачовъ, сынъ Василія Андреевича, служившаго по выборамъ предводителемъ дворянства Юрьевскаго уѣзда, родился 26-го мая 1819 года въ селѣ Алексинѣ Юрьевско-Польскаго уѣзда Владимирской губерніи. Дѣтство свое Н. В. провелъ въ домѣ родителей, въ селѣ Вескахъ, гдѣ онъ впервые ознакомился съ грамотой и получилъ первоначальное образованіе; послѣднее шло при исключительно-счастливыхъ обстоятельствахъ: руководимый довольно образованными родителями, ребенокъ пользовался уроками иностранныхъ наставниковъ, жившихъ постоянно въ домѣ. Это были не какіе-нибудь авантюристы, бравшіеся за незнакомое дѣло ради куска хлѣба, а истинно ученые люди, съ докторомъ философіи Гегерманомъ во главѣ. Занятія шли настолько успѣшно, что, будучи 12 лѣтъ, Н. В. уже читалъ произведенія Тита Ливія то въ подлинникѣ, то на нѣмецкомъ языкѣ. Заслуга д-ра Гегермана въ томъ, что онъ первый поселилъ въ Калачовѣ склонность къ историческимъ занятіямъ.

Послѣ отъѣзда Гегермана за границу, Н. В. Калачовъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ его сначала отдали въ пансіонъ Чермака, а потомъ, въ 1833 г., помѣстили въ бывшій Московскій дворянскій институтъ. Здѣсь талантливый юноша, оказывая блестящіе успѣхи по всемъ предметамъ, съ особенною любовью занимался изученіемъ отечественной словесности, въ чемъ ему не мало помогалъ В. С. Межевичъ. Кромѣ этого, Н. В., готовясь поступить на словесный факультетъ, изучалъ съ особымъ усердіемъ греческій и латинскій языки. Мечтамъ юноши, однако, не пришло сбыться: онъ, по окончаніи курса въ институтѣ въ 1836 году, уступая желанію отца, поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета.

Въ 1835 г., какъ извѣстно, былъ введенъ новый уставъ въ университетахъ, внесшій въ жизнь этихъ заведеній свѣжую, здоровую струю: съ этого времени въ Москвѣ выступили первые русскіе представители исторической школы права, производившіе на своихъ слушателей обаятельное дѣйствіе. Увлеченный живымъ изложеніемъ съ кафедры, Н. В. рѣшился посвятить всю свою жизнь историко-юридическимъ занятіямъ, что, какъ извѣстно, и выполнилъ съ преизбыткомъ. Бывши же въ университетѣ, Калачовъ, подъ руководствомъ С. Я. Унковскаго, впервые познакомился съ англійскимъ языкомъ и съ литературою на немъ — въ подлинникахъ.

Университетскіе годы въ жизни Н. В. Калачова были и исходнымъ пунктомъ для его серьезной литературной дѣятельности: еще студентомъ онъ написалъ изслѣдованіе судебниковъ Ивана III и Ивана IV, обвиняющее какъ предшествующіе имъ памятники, такъ и послѣдующіе законы вплоть до соборнаго уложенія (1649 г.) Этотъ трудъ напечатанъ былъ въ „Юридическихъ запискахъ“ Рѣдкина (1841—1843 гг.).

Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1840 г., Н. В. Калачовъ прямо со студенческой скамьи былъ опредѣленъ на службу, по рекомендаціи М. П. Погодина, въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія: онъ сначала былъ откомандированъ для занятій въ Археографическую комиссію, а потомъ опредѣленъ и чиновникомъ оной. Археографическія занятія открыли много новаго для Калачова, — онъ выучился разбирать старинныя почерки и рѣшился приступить къ отысканію древнихъ матеріаловъ для отечественной исторіи и права. Служба въ комиссіи не помѣшала ему сотрудничать въ различныхъ журналахъ и готовиться къ магистерскому экзамену, который и былъ сданъ имъ въ 1843 году. Въ этомъ же году умеръ отецъ Калачова, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ оставить службу въ комиссіи, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Въ 1846 г. Н. В. снова поступилъ на службу, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москвѣ; онъ принялъ мѣсто бібліотекаря въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ же году онъ защищалъ въ Московскомъ Университетѣ магистерскую диссертацию — „Предварительныя юридическія изслѣдованія о Русской Правдѣ“, встрѣченную весьма сочувственно и критикою.

Служба въ Московскомъ архивѣ дала возможность Калачову ознако-

миться съ хранящимися здѣсь богатыми матеріалами русской исторіи, изъ которыхъ особенно интересны онъ отсылалъ въ Археографическую комиссію. Кромѣ этого, въ 1847 г., въ „Чт. Моск. Общ. Ист. и Дрѣвн. Россійскихъ“ было имъ помѣщено изслѣдованіе „О Коричней книгѣ“ и редактированы „Иностранные акты и сочиненія, относящіеся до Россіи“, собранные вн. М. А. Оболенскимъ и помѣщавшіеся сначала въ тѣхъ же „Чтеніяхъ“.

Въ 1848 году выбылъ изъ числа профессоровъ Московскаго Университета К. Д. Кавелинъ (ум. въ 1885 г.), и катедра исторіи русскаго законодательства, оставшаяся поетому праздною, была замѣщена Н. В. Калачовымъ, который явился достойнымъ преемникомъ своего предшественника. Кореннымъ правиломъ профессорской дѣятельности Калачова было не столько учить, сколько направлять молодыхъ людей къ самостоятельному изученію памятниковъ древняго права, и потому онъ знакомилъ студентовъ только съ такъ называемою внѣшнею исторіею русскаго законодательства въ собственномъ смыслѣ. Онъ читалъ и исторію русскаго законодательства и объясненіе важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ русской старины и, кромѣ того, для студентовъ прочихъ факультетовъ — „Государственныя и губернскія учрежденія“ и „Законы о состояніяхъ“.

Состоя профессоромъ, онъ въ то-же время не оставлялъ службъ и въ Археографической комиссіи, по порученію которой онъ въ 1852 и 1853 годахъ предпринялъ на свой счетъ археографическое путешествіе по Россіи для отысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Плодомъ этой поѣздки были богатые матеріалы, частью вышедшіе отдѣльно, частью помѣщенные въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Руси“.

Еще ранѣе путешествія Н. В. принялъ участіе, какъ сотрудникъ, въ „Москвитянинѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ помѣщалъ разборъ выходящихъ вновь книгъ историческаго и юридическаго содержанія, а въ 1850 году, издалъ 1-ю книгу «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», 2-я книжка котораго вышла въ 1854 году; съ 1852 году онъ собиралъ матеріалы для „Дополненій къ актамъ юридическимъ“.

Какъ важное послѣдствіе его путешествія по Россіи, необходимо отмѣтить то, что имя его, послѣ этого, стало однимъ изъ первыхъ въ ряду

ислѣдователей обычно-правовыхъ воззрѣній: это онъ заслужилъ своими трудами: — „О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи“, „Артели въ древней и нынѣшней Россіи“ и др.

Въ 1857 г., прибывъ на короткое время въ Петербургъ, Н. В. Калачовъ для своихъ ученыхъ занятій встрѣтилъ надобность въ дѣлахъ архива II Отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Графъ Влудовъ, начальникъ Отдѣленія, прямо заявилъ Калачову, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ, что, какъ стороннее лицо, онъ не будетъ допущенъ въ архивъ, — необходимо, чтобы Н. В. поступилъ на службу во Второе Отдѣленіе. Калачовъ согласился, и на него было возложено участіе въ редактированіи третьяго изданія гражданскихъ законовъ; помимо этого, онъ участвовалъ въ различныхъ комиссіяхъ, результатомъ занятій которыхъ явились важнѣйшія законоположенія минувшаго царствованія.

Въ 1865 году Калачовъ былъ назначенъ управляющимъ Московскаго архива министерства юстиціи, съ производствомъ въ сенаторы. Съ этого времени начинается рядъ мѣръ, предпринятыхъ имъ на пользу русской юридической науки. Такъ, въ составѣ Московскаго архива образовано ученое отдѣленіе, занимающееся разработкою хранящихся въ архивѣ документовъ.

Приведа дѣла Московскаго архива въ блестящій порядокъ, Н. В. задумалъ какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы и во всей Россіи было все бережно и сохранно въ архивахъ. Для этого, во 1-хъ, была учреждена комиссія для выработки общихъ правилъ объ устройствѣ архивовъ, и во 2-хъ, по инициативѣ его открытъ въ Петербургѣ Археологическій Институтъ для подготовки научно-образованныхъ архивистовъ. Плоды этихъ предпріятій уже на лицо: во многихъ уже губернскихъ городахъ учреждены архивныя комиссіи. . .

Слишкомъ много мѣста заняло бы исчисленіе тѣхъ ученыхъ обществъ, почетнымъ членомъ, членомъ-корреспондентомъ и т. п. которыхъ состоялъ Николай Васильевичъ, — мы не знаемъ почти ни одного такого учрежденія, которое бы не почтило его тѣмъ или другимъ образомъ.

Для занимающагося библиографическими работами считаемъ не лишнимъ указать, что первые литературные опыты Калачова были напечатаны въ „Рѣчахъ“, произнесенныхъ на актахъ Московскаго дворянскаго института въ 1834 и 1835 годахъ. По окончаніи университетскаго курса, Н. В.

принималъ участіе въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ помѣщалъ, по преимуществу, статьи критическаго содержанія, разбирая выходившія вновь книги по русской исторіи и праву. Тогда же въ „Маякѣ“, изд. Вурачковъ, онъ напечаталъ переводъ итальянскаго писателя Чилли о Дмитріи Самозванцѣ, съ предисловіемъ переводчика ¹⁾).

А. В. Смирновъ.

Г. Судогда,
Владимірской губерніи.
7 ноября 1885 г.

XXIV.

ВОСПОМИНАНІЕ О НИКОЛАѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ КАЛАЧОВѢ.

Нѣтъ добраго, честнаго, милаго человѣка, на которомъ отдыхало наше сердце. Пусто мѣсто его, и взоръ нашъ возвращается къ нему со слезою. Вѣчная ему память — со многими, многими, кого мы любили и оплакали!

Но въ числѣ многихъ оплаканныхъ нами, Николай Васильевичъ намъ особенно дорогъ. Кого изъ насъ — онъ болѣзненно затронулъ, кого смутилъ, на кого произвелъ раздражительное впечатлѣніе? — Напротивъ того всѣ, кто подходилъ къ нему, видѣли на лицѣ его привѣтливую улыбку, слышали отъ него одушевленное слово, горѣвшее любовью къ наукѣ и во многихъ зажигавшее тотъ же огонь.

Это былъ человѣкъ науки по преимуществу, не потому чтобы онъ превосходилъ ученостью многихъ ученыхъ, и не потому даже, что трудолюбіе его было безгранично, — но потому, что онъ истинно любилъ науку, любилъ чистою, безкорыстною, священною любовью.

При томъ эта была не та платоническая любовь, какою одержимы иные ученые, витающіе въ отвлеченныхъ сферахъ мышленія, отрѣшеннаго отъ

---

¹⁾ Русская Старина, Январь, 1885 г.

дѣйствительной жизни. Для Калачова — наука его дышала жизнью и была нераздѣльна съ землею, по которой ходилъ онъ съ народомъ, къ которому онъ принадлежалъ, съ тѣмъ чувствомъ гражданина земли своей, которое понимаетъ явленія минувшей жизни въ живой, непрерывной связи съ бытомъ настоящаго времени.

Отъ того и полюбилъ онъ эту науку, что съ малыхъ лѣтъ привыкъ вдумываться въ памятники и слѣды прошедшаго, и въ нихъ искать исторической связи съ настоящею жизнью. Онъ шелъ не тѣмъ путемъ, какимъ идутъ теперь къ сожалѣнію многіе молодые ученые, воспринимая изъ той или другой англійской или нѣмецкой книги первыя впечатлѣнія и понятія о зарожденіи, развитіи и достоинствахъ нравовъ и учреждений. Калачовъ, сынъ земли своей, обратилъ прежде всего свою пытливость на то, что привлекало взглядъ его около него, на родной почвѣ, въ родной исторіи. Будучи еще ребенкомъ, потомъ юнымъ студентомъ Московскаго Университета, онъ съ жадностью погружался въ чтеніе лѣтописей, старинныхъ актовъ, — онъ ходилъ по старымъ монастырямъ и розыскивалъ надгробные камни на старыхъ полуразрушенныхъ кладбищахъ; изучалъ старыя свитки въ архивахъ. Здѣсь то съ юныхъ лѣтъ онъ воспиталъ въ себѣ и острогу смысла, драгоценную для историческаго изслѣдователя, и ту добросовѣстность въ работѣ, которая не опускаетъ ни одной черты въ изслѣдованіи предмета, и не позволяетъ себѣ скачковъ въ выводѣ и мечтательныхъ обобщеній.

Труды его извѣстны всѣмъ. Трудно и перечислить чѣмъ ему обязана наука русской исторіи и археологіи. Но еще цѣннѣе, по мнѣнію моему, то драгоценное свойство, что работая самъ, онъ постоянно думалъ и заботился о привлеченіи другихъ къ той же работѣ, о возбужденіи новыхъ силъ въ своей наукѣ, объ оживленіи интереса къ ней во всѣхъ, кто подходилъ къ труду его, особенно въ молодыхъ людяхъ. Имя учениковъ его — легионъ, и многіе ему обязаны пробужденіемъ мысли, направившей на истинный путь всю научную ихъ дѣятельность.

Огонь, горѣвшій въ немъ, не переставалъ горѣть живымъ и яснымъ пламенемъ. Многіе видали его усталымъ въ обыкновенномъ разговорѣ, но когда рѣчь касалась предмета науки его, онъ мгновенно оживлялся, и едва ли кто замѣчалъ въ немъ вялость мысли и ощущеній въ подобныя минуты.

Первыя его работы — *Изсѣдованіе о Русской Правдѣ, О сошномъ письмѣ, О писцовыхъ книгахъ*, совершались и получили извѣстность сначала въ тѣсномъ кругу ученыхъ. Это было въ 40-хъ годахъ. Но въ душѣ его жила потребность возбуждать движеніе мысли въ другихъ, около себя; онъ взялся за академическую дѣятельность въ аудиторіяхъ Московскаго Университета; а потомъ, когда стали возникать въ русскомъ обществѣ новые вопросы жизни и дѣятельности, онъ ловилъ эти вопросы съ жадностью, вводя ихъ въ сферу своего историческаго изслѣдованія. Въ 50-хъ годахъ онъ предпринялъ съ этою цѣлью — единственное въ своемъ родѣ изданіе *Архива Историческихъ и Практическихъ соденій о Россіи*, — и вскорѣ, увлекшись попросами юридической практики, назрѣвавшими у насъ передъ введеніемъ судебной реформы, началъ изданіе *Юридическаго Вѣстника*. За тѣмъ въ званіи директора Московскаго Архива министерства юстиціи, ставъ хозяиномъ массы драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ, онъ сталъ вносить въ нее свѣтъ и порядокъ трудами новыхъ, молодыхъ дѣятелей: трудно взвѣсить добро, которое сдѣлалъ онъ, отыскивая людей, жаждавшихъ поля для работы; онъ ставилъ ихъ на трудъ, онъ возбуждалъ въ нихъ живой интересъ къ дѣлу, руководилъ первые неопытные шаги ихъ и успѣвалъ воспитать въ нихъ дѣльныхъ работниковъ и ученыхъ для исторической науки. Голова его работала непрестанно и работала всегда за одно съ сердцемъ; новые планы, одинъ за другимъ возникали въ умѣ его и всѣ были направлены къ одной цѣли — къ возбужденію новой жизни тамъ, гдѣ она не было, къ поощренію таланта и добросовѣстнаго труда, въ комъ бы и то и другое ни встрѣчалось, къ вызову новыхъ силъ, новыхъ работниковъ на поле науки. Созданіе его — Археологическій Институтъ служитъ живымъ памятникомъ этой его дѣятельности. Не было въ немъ и слѣда мелкой зависти и мелкаго тщеславія, — пороковъ, которые, на бѣду, такъ часто соединяются съ талантомъ и знаніемъ; не было у него тайной склонности приближать къ себѣ и выставлять около себя ничтожныхъ людей, чтобъ самому не утратить возлѣ нихъ своего блеска или величія... Эти свойства и наклонности были чужды благородной душѣ Николая Васильевича: онъ радовался — дѣтскою радостью — всякому успѣху въ ученикахъ своихъ и заботился всего болѣе о томъ, чтобъ выставить заслугу и значеніе каждаго труда, совершеннаго подъ его руководствомъ.

6*

Въ своемъ дѣлѣ умѣлъ онъ распознавать и отыскивать людей и привлекать ихъ къ себѣ; умѣлъ, потому что Богъ далъ ему свойство простоты душевной, пособляющей входить въ прямое и искреннее общеніе съ людьми, помимо чиновничьяго величія, помимо бумаги и начальственнаго обращенія. Эта простота дала ему возможность и въ званіи сенатора и въ знатномъ чинѣ, сохранить *невинность* мысли и чувства, и подъ шитымъ мундиромъ соблюсти благожелательное, веселое и бодрое расположеніе, свойственное доброй молодости и доброму студенчеству прежнихъ временъ.

Съ простотою соединялась въ немъ *доброта* душевная, съ жалостью къ нуждѣ и съ заботою о помощи въ нуждѣ. Многие простые люди сохраняютъ въ душѣ своей трогательныя черты этой доброты, имъ улыбающейся. Иногда дороже самого дѣла — для простой души — сердечное движеніе другой души, ощутившей чужое горе и чужую нужду. Помню, какъ однажды въ Москвѣ, на утренней прогулкѣ встрѣтилъ я убогую похоронную процессію — деревянной гробъ въ самой бѣдной обстановкѣ, — и за гробомъ, въ числѣ немногихъ бѣдняковъ, шедшаго Николая Васильевича. Это онъ провожалъ тѣло бѣднаго старика труженика, столоначальника въ своемъ Архивѣ...

Съ простотою, въ русской душѣ его соединилось и свойство каждой истинно русской души — благочестіе, исполненное вѣры. Онъ родился въ доброй, коренной русской семьѣ, твердо хранившей добрыя завѣты и обычай старины. Цѣло, и до сихъ поръ стоитъ родное гнѣздо его въ Москвѣ, въ Хлѣбномъ переулкѣ, въ приходѣ Симеона Столпника; тамъ почтенная мать его, Варвара Петровна, — одна изъ доблестныхъ матерей и хозяйекъ русской семьи, вложила въ его душу — навсегда — вѣру, любовь къ церкви и благочестивое чувство. Тутъ мое дѣтство встрѣтилось съ его первою юностью, и я живо помню, и какъ будто вижу предъ собою, подъ сводами стариннаго храма, фигуру студента Калачова. И не измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, храня до послѣднихъ дней своихъ живую вѣру и привязанность къ храму Божию. Вѣруемъ, что добрая душа его, столько потрудившаяся здѣсь на землѣ, обрѣла себѣ вѣчный покой у Бога... Вѣчная ему память!

К. Побѣдоносцевъ.

ЛЖЕУЧИТЕЛЬ МЕНЗЕЛИНЪ.

(По архивнымъ документамъ).

Во 2-й книжкѣ „Русской Мысли“ 1885-го года помѣщена статья извѣстнаго изслѣдователя русскаго раскола г. Пругавина „о сектѣ самоистребителей“, въ которой между прочимъ говорится: „Въ 1782 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Сибири, по прельщенію лжеучителя Суерскаго острога, крестьянина Михайла Мензелина, утопилось въ озерѣ Сазыкуль, Песчанскаго зимовья, мужскаго пола, со вновь рожденными, десять душъ. Мензелинъ училъ приносить себя въ жертву „Тебя ради, Господи“. Соглашавшихся онъ топилъ въ озерѣ или запиралъ въ избу и сжигалъ“.

Извѣстіе это взято г. Пругавинымъ изъ статьи „Русской Старинѣ“ (1879, кн. 10): „Самосожигателя и самоутопленники въ Сибири“, А. А. Павлова. Оно не полно, не совсѣмъ вѣрно и не даетъ надлежащаго понятія объ ужасныхъ событіяхъ, совершившихся подъ вліяніемъ изувѣрства, возбужденнаго въ темной крестьянской массѣ такимъ же темнымъ лжеучителемъ, крестьяниномъ Мензелинымъ, ибо частію взято съ преданія, частію извлечено изъ нѣсколькихъ второстепенной важности бумагъ, найденныхъ г. Павловымъ въ архивѣ Моршхинскаго волостнаго Правленія, имѣющихъ отношеніе къ обширному дѣлу „о лжеучителѣ и злодѣѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ“, возникшему въ 1782 году и всецѣло сохранившемуся въ подлинникѣ, въ архивѣ Пермскаго Губернскаго Правленія. Познакомившись съ этимъ дѣломъ, представляющимъ полную картину среды, въ которой дѣйствовалъ Мензелинъ, сущности ужаснаго, но незамысловатаго ученія,

условіи, благопріятствовавшихъ его роковому успѣху, наконецъ, достаточно характеризующимъ самую личность лжеучителя, и находя свѣдѣнія, заключающіяся въ дѣлѣ, вообще интересными для изслѣдователей русскаго раскола, мы полагаемъ небезполезнымъ изложить ихъ въ возможной полнотѣ, на основаніи подлинныхъ документовъ.

Въ 1782 году Генераль-Губернаторомъ Пермскимъ и Тобольскимъ былъ генераль-поручикъ, лейбъ-гвардіи премьеръ-маіоръ Евгений Петровичъ Кашкинъ. Умный и дѣятельный правитель, получивъ донесеніе Тобольскаго намѣстника Осипова о бѣжавшихъ изъ разныхъ доревень Кызацкой слободы и Песчанскаго зимовья Ялуторовскаго вѣдомства 137 чело-вѣкахъ крестьянъ мужскаго и женскаго пола всѣхъ возрастовъ, съ цѣлію самостребленія, не ограничился соотвѣтственными распоряженіями о возвращеніи бѣглыхъ, строго воспретивъ всякое ненужное насиліе и грубое съ ними обращеніе, но озаботился въ тоже время освѣтить всѣ темные углы той среды, въ которой возникло столь ужасное изувѣрство, принявъ мѣры противъ ложныхъ донесеній и неосновательныхъ свѣдѣній, которые могли бы затемнить для него истину, а изъ Екатеринбургской судныхъ и земскихъ дѣлъ канцеляріи вытребовалъ всѣ дѣла, производившіяся въ ней о раскольникахъ, такъ какъ корень всякихъ лжеученій, какъ было извѣстно, гнѣздили въ раскольниковыхъ скитахъ, по лѣсамъ, окружавшимъ заводы Нижнетагильскій, Черноточинскій и Невьянскій Верхотурскаго и въ селѣ Шартанскомъ, Екатеринбургскаго уѣздовъ. Виѣтъ съ тѣмъ сдѣланы были распоряженія о розысканіи скитовъ и арестованіи людей, которые будутъ въ нихъ найдены. Сотни жившихъ въ нихъ раскольниковъ, имѣвшихъ, какъ видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ, своихъ послѣдователей и сообщниковъ въ средѣ заводскихъ жителей, были, конечно, предупреждены о посякахъ и разбѣжались, а изъ показаній арестованныхъ и изъ произведенныхъ розысковъ оказалось, что въ скитахъ жили „наставники-старцы“, разные выходцы съ Кержанца, Нижегородской губерніи, бѣглецы рекруты, дѣлатели фальшивой монеты, казаки съ Дону, какіе-то поляки и даже „бѣглый квакеръ, Московскій купецъ Осиповъ“.

Изъ допросовъ же лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію по обвиненію въ принадлежности къ ученію Мензелина и, повидимому, искренно убѣжденных въ своихъ заблужденіяхъ, выяснилось, что едва-ли не главною при-

чиною успленія за Ураломъ раскола во второй половинѣ прошлаго столѣтія были невѣжество, поборы и насилія сельскаго духовенства. Такъ, крестьяне Антроповъ и Ильинъ показали, что на исповѣди и у св. причастія „года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, а причина—депопы: табакъ нюхаютъ, ругаются матерно, упиваются виномъ до пьяна“. Другіе показывали, что они отъ роду въ церкви не бывали, но откупились отъ поповъ и потому были писаны бывающими у исповѣди и св. причастія ежегодно; а напротивъ, оказались и такіе, которые исполняли всѣ предписанія церкви, но отмѣчались небывшими у исповѣди и причастія, потому что „ничѣмъ поповъ не дарили“. Въ Ялutorовскомъ нижнемъ земскомъ судѣ крестьянинъ Сергѣй Сафоновъ показалъ, что желаетъ записаться въ расколъ потому, что „приходскіе священники записываютъ ихъ, бывшихъ на исповѣди, которые ихъ ничѣмъ не дарятъ, въ небывшихъ. Опять же сего (1782) года, въ Петровъ постъ, отъ игумена Маргарита (Рафаилова монастыря Тобольской епархіи) посланъ былъ по ихъ селеніямъ *гусаръ*, а какой именно не знаетъ, да монастырскій служитель Иванъ Авраимовъ Волковъ, съ приказомъ, чтобы всѣхъ, прежде бывшихъ и въ подписавшихъ (?), гнать сильно на исповѣдь; а буде кто не пойдетъ, съ тѣхъ брали, а имянно; съ 18-ти душъ по два, да съ 5-ти по три рубля съ каждой души, а сколько имянно—теперь не помнитъ, о чемъ въ Исетской управительской канцеляріи и дѣло было произведено“.

Не ясно-ли приведенные факты указываютъ главныхъ виновниковъ успленія раскола за Ураломъ въ прошломъ столѣтіи! Тоже подтверждаютъ и письма Кашкина къ тобольскому епископу Варлааму, которыя будутъ нами приведены ниже.

Первый документъ въ дѣлѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, есть письмо игумена Троицкаго Рафаилова монастыря Маргарита къ генераль-губернатору Кашкину, отъ 22 Апрѣля 1782 года, слѣдующаго содержанія:

„Высокопревосходительнѣйшій господинъ,

мой Милостивый Государь,

Евгеній Петровичъ!

Благоволѣніе вашего высокопревосходительства ко мнѣ, ревность ваша къ закону и горячесть къ отечеству подали мнѣ случай нѣсколько занять у васъ смѣъ времени. При теченіи дѣлъ настоящей ревизіи, записные ра-

скольники, ходя по всѣмъ почти здѣшнимъ селеніямъ, развратнымъ ученіемъ своимъ развращаютъ слабыя сердца и предлагая могуція слабость преклонять причины, какъ-то, что жизнь будетъ для нихъ покойнѣе, будутъ отъ всѣхъ народныхъ службъ и отъ всякихъ подводъ уволены и не имѣвъ обязанности къ хожденію въ церковь, всѣмъ воспользуются временемъ къ производству своихъ домашнихъ дѣлъ, — отторгаютъ отъ церкви и такихъ истинныхъ христіанъ, которые до самого сего времени долігъ своей благоговѣнно и съ радостію исполняли. Число сихъ, записывающихся въ расколъ въ одномъ моемъ вѣдомствѣ не одну составляетъ тысячу душъ, на что безъ соболѣзнованія сердечнаго и отъ одной нынѣшней въ черни переимѣны, смотрѣть не можно, ибо остающаяся въ своей должности часть, предвидя ослабніе для понесенія общественнаго бремени силъ, съ стономъ, трогаящимъ чувствительность, приуготовляютъ рамена для понесенія службъ общихъ и съ тѣми купно располагаются низпасть въ крайность разоренія и убожества. А нѣкоторые изъ сихъ, смотря на сіи слѣдствія, принужденными находятъ себя слѣдовать примѣру погибельному, нѣкоторые же и дѣйствительно послѣдовали. Удержать чтобъ отъ сего, помощи здѣсь не сыскиваю за тѣмъ, что собственная польза предпочитается отечественной. Къ уничтоженію зла сего въ единой особѣ вашего высокопревосходительства несомнѣнную уповаю надежду, всенкорнѣйше прошу, хотя тристрочными ордерами, Исетскаго и Ялutorовскаго дистриктовъ городовъ Тюмени, Шадринска и Далматова въ судебныя мѣста, по вѣдомству которыхъ поручены завѣдывать мнѣ духовныя дѣла, предписать, чтобы оной недугъ изцѣлить, чѣмъ Церковь Христову пребезмѣрно обрадуете и примете отъ раздающаго вѣнцы достойную почесть истиннаго попечителя о спокойствіи отечества, меня же на всегда наичувствительнее обяжете всеусерднѣйшимъ къ вамъ пребыть, каковъ и есмь“ . . .

За тѣмъ, собственно дѣло „о лжеучителѣ и злодѣѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ“ начинается съ донесенія Кашкину правящаго должность Тобольскаго губернатора оберъ-штер-кригсъ-комисара Григорія Михайловича Осипова о томъ, что Ялutorовская управительская канцелярія донесла ему рапортомъ отъ 22 мая (1782), что „на 15, 16 и 18 мая изъ разныхъ деревень Кызацкой слободы и изъ Песчанскаго зимовья бѣжало крестьянъ со всѣми семействами и малолѣтними дѣтьми: изъ Кызацкой

мужескаго, большаго возраста 60, женскаго 10, ихъ дѣтей, отъ 10 до 1 года, мужескаго 8, женскаго 10, и изъ Песчанскаго зимовья, большаго возраста, мужчинъ 10, женщинъ 11, и ихъ дѣтей, отъ 10 до 1 года, мужескаго 15, женскаго 14, всего 137 человекъ, изъ которыхъ пойманы посланными крестьянами: кызацкихъ 27, да зимовскихъ 2 мужиковъ и 1 женка. Изъ нихъ двое Данило Гладковъ, Ѳедоръ Пьянковъ и женка Катерина Абакумова, и съ ними сумы, присланы въ Ялуторовскъ. Въ суммахъ оказались: одни святцы, воску фунтовъ 10, свѣчъ восковыхъ фунтъ, 7 мѣдныхъ маленькиихъ образковъ, ладану 4 фунта и мелкіе кусочки просвиры^а.

Допрошенный Гладковъ показалъ, что „подговорилъ ихъ Ялуторовскаго вѣдомства, Суерскаго острогу, крестьянинъ Михайло Мензелинъ, пришедшій изъ Шарташой, бѣжать на озеро Сазыкулъ, находящееся отъ зимовья верстахъ въ 50 внутрь линіи, и нибѣющее острова, и на тѣхъ мѣстахъ молиться Богу и *ничего не ѣсть и помереть съ голоду*. Исказывалъ онъ Мензелинъ, что уже *приходитъ время притти въ міръ антихристу и потому должно отъ него бѣжать въ горы и вертепы и помереть голодомъ и засыпаться пепломъ, отъ чего и изтаетъ тѣло аки воск и душа уйдетъ на небо*. Съ тѣмъ самымъ они и бѣжали, чтобъ имъ отъ поста помереть и дѣтей поморить, и потому не взяли съ собой нисколько хлѣба. Кусочки просвиры привезены наставникомъ ихъ изъ Шарташа, на тотъ случай, если кто запостится и станетъ помирать, то причащать ими. И самъ ихъ тотъ наставникъ исповѣдываетъ^а. Гладковъ не успѣлъ уйти на островъ, потому что ѣздилъ въ Уктусскую слободу раздавать милостыню и, возвратись обратно, былъ захваченъ посланными крестьянами на берегу озера.

21 мая Ялуторовская канцелярія отравила съ Гладкимъ поручика Озерова съ командою, для поимки бѣжавшихъ, а губернаторъ Осиповъ предписалъ управителю, секундъ-маіору Розингу строго внушить Озерову, чтобъ съ бѣглецами, буде пойманы будутъ, поступать человекѣлюбиво, увѣрить, что будутъ прощены, даже если что и совершили по заблужденію, и стараться отвратить отъ заблужденія, а если будетъ взятъ Мензелинъ, то отравить его въ Тобольскъ „въ крѣпкихъ отъ утѣчки оковахъ“^а.

12 іюня Осиповъ рапортуетъ, что, 3 того же мѣсяца, Ялуторовская

управительская канцелярія и секундъ-маіоръ Розингъ доносятъ, что Мензелинъ и его сообщники посланною командою на островахъ пойманы и допрошены; а того же числа другимъ рапортомъ доносятъ, что за секретаря коллежскій регистраторъ Кадниковъ докладывалъ присутствію Ялutorовской управительской канцеляріи, что неизвѣстный солдатъ, назвавшійся рядовымъ Верхнеуральскаго батальона Григоріемъ Кабаковымъ, представилъ ему кувертъ, завернутый въ бересто, съ надписью: „Рапортъ въ Ялutorовскую канцелярію изъ суерской конторы“, въ которомъ нашелъ 1) реестръ „выключеннымъ изъ суерскаго острогу въ Устькаменогорскую крѣпость крестьяномъ“, и 2) письмо пасквильное, составляющее въ себѣ ересь лжеучительскую, со включеніемъ при томъ и важныхъ хулильныхъ словъ, касающихся до государственной чести“. Солдатъ показалъ, что получилъ кувертъ отъ крестьянской жены Анисьи Вачаниной, а послѣдняя, что принесъ его ея сынъ, котораго она посылала за покупкой соли въ городъ, гдѣ онъ нашелъ его у кабака.

За тѣмъ, Кашкинъ, въ ордерѣ Пермскому губернатору Ламбу отъ 27 іюня (1782) сообщаетъ о полученіи имъ отъ Тобольскаго губернатора помянутаго, найденнаго въ Ялutorовскѣ письма (котораго ни въ подлинникѣ, ни въ копіи въ дѣлѣ къ сожалѣнію не оказалось), изъ котораго — пишетъ Кашкинъ — ваше превосходительство усмотрѣть изволите, какимъ образомъ злоучители посѣваютъ въ сердцахъ простомысленныхъ людей развратъ, совращая ихъ тѣмъ къ отдаленію отъ жительства въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, для погубленія себя, дабы оставшимъ послѣ сихъ уловленныхъ простаковъ имѣніемъ воспользоваться. По входящимъ же слухамъ извѣстно мнѣ, что называемый въ письмѣ молитвенный соборъ изъ нѣсколькихъ десятковъ старцевъ состоящій, обитаніе свое имѣетъ въ недалекомъ разстояніи отъ Нижнетагильскаго завода, по густымъ лѣсамъ, въ нарочно сдѣланныхъ къ укрывательству ихъ пещерахъ, куда, по разсѣвающемуся злоученію ихъ, многихъ простаковъ къ полученію отъ нихъ наставленія и благословенія зазываютъ, что, безъ особенной подати, подъ видомъ подаянія, по извѣстному корыстолюбію сихъ людей, обойти не можетъ, потому что бродящіе благовѣстники никогда не приглашаютъ къ своей ереси бѣдныхъ и стараются всегда совращать къ тому изъ имѣющихъ изрядное имущество, изъ которыхъ нѣкоторые и возвращаются въ свои дома, а

другіе безвѣстно пропадають. А что подлинно такой злоучительный соборъ есть, то я по дѣламъ бывшихъ присутственныхъ мѣсть, наипаче по канцеляріи главнаго заводовъ правленія или по земской конторѣ заводской извѣстно, ибо неоднократно вышесказанные старцы оказывались въ важныхъ преступленіяхъ и по нимъ осуждены были въ правительствахъ“... За тѣмъ предлагается принять всѣ мѣры къ открытію мѣстонахожденія помянутаго собора и розысканію старцевъ *Пахомія* и *Даніила* — учителей Мензелина ⁽¹⁾ и дѣвки *Матроны Михайловой*, у которой послѣдній жилъ, и роль которыхъ будетъ видна изъ слѣдующихъ за симъ показаній арестованныхъ лицъ.

Крестьяне *Михайло Мензелинъ*, *Федоръ Рухловъ*, *Осипъ Залафаловъ* и *Степанъ Коробицынъ* были допрошены сначала въ Ялutorовской управительской, потомъ въ *Тобольской губернской канцеляріяхъ*, и показали:

Ялutorовскаго вѣдомства, Суерскаго острогу крестьянинъ *Михайло Максимовъ Мензелинъ*, 70 лѣтъ, въ *Тобольской губернской канцеляріи* показалъ, что онъ „неученой русской грамотѣ и писать, кромѣ что самоучкою затвердилъ однѣ литеры, составляющія слогъ имя и прозванія его;“ что занимался прежде торговлею хлѣбомъ и имѣлъ своего капитала до тысячи рублей; у исповѣди и святаго причастія у православныхъ священниковъ не бывалъ, всегда отъ нихъ откупался и въ церковь никогда не ходилъ, кромѣ только что въ оной былъ вѣнчавъ и вовсе отъ нее сталъ удаляться еще до женитьбы, будучи лѣтъ 14. Въ этомъ возрастѣ онъ спознался съ умершимъ уже *Тобольскимъ ямщикомъ Чернышевымъ*, лѣтъ престарѣлыхъ, у котораго жительствовавъ города *Суздаля* незнаемо какой человекъ лѣтъ 50, *Осипъ Андреевъ*, съ которымъ читалъ книги *Ефрема Сирина* и толковали ему на словахъ, что въ церковь ходить, исповѣдываться и пріобщаться есть грѣхъ, потому что *Никонъ патриархъ* и старецъ *Арсеній* перемѣнили преданія, стали младенцевъ крестить, свадьбы вѣнчать и Христа встрѣчать и церкви освящать противъ солнца и просвиры нынѣ печатають четверокопечнымъ крестомъ и служить уставили на пяти просвирахъ и крестъ на себѣ изображать троеперстно. И все то ихъ толкованіе почиталъ онъ за самую правду. А послѣ чрезъ людей наслышался, что есть въ заводѣ ста-

---

(1) Ни *Пахомій*, ни *Даніилъ* розысканы не были и личность ихъ осталась неизвѣстною.

рецъ Пахомій, который въ Писаніи искусенъ и ѣздить по Исети; тогда Мензелинъ поѣхалъ его розыскивать и нашелъ въ деревнѣ Андракахъ Вѣляковской слободы, у жившей тамъ Тюменскаго вѣдомства дѣвки Матроны Михайловой дочери, а чья пишется, не знаетъ. Пахомій носитъ черную одежду и чернѣйшій клобукъ. Пробылъ съ нимъ Мензелинъ два дня, въ продолженіи которыхъ Пахомій читалъ ему книги — одну Апокалипсисъ, другую Іоанна Златоустаго и толковалъ тоже, что ямщикъ Чернышевъ и Суздалецъ, при чемъ подтверждалъ, что кто-де что убавить или прибавить въ книгахъ, тотъ да будетъ анаема. На третій день Мензелинъ увезъ Пахомія къ себѣ въ домъ, гдѣ послѣдній пробылъ три сутки, сказывался изъ города Ростова, а какой человекъ — не сказался, а живетъ въ Черноисточенскомъ заводѣ, гдѣ и въ старцы поставленъ. Проживая у Мензелина, убѣждалъ его оставить домъ, продать имѣніе и притти къ нимъ въ заводъ. На третій день Мензелинъ отвезъ Пахомія обратно къ дѣвкѣ Михайловой. Наставленія Пахомія онъ не забывалъ и проживъ послѣ знакомства съ этимъ старцемъ лѣтъ десять дома, принялъ рѣшеніе оставить домъ, жену и дѣтей и ѣхать къ наставнику. Домъ свой онъ продалъ, выданныя впередъ деньги крестьянамъ подъ муку, уступилъ, оставилъ женѣ съ дочерью 100 рублей, да другой замужней дочери 50 р., да себѣ 100 руб. и въ 1770 году, на другой день вешняго Николая отправился въ путь. По дорогѣ зашелъ въ Шарташъ, гдѣ выпросился ночевать въ незнакомомъ домѣ, хозяинъ котораго назвался старцемъ Даніиломъ. Поутру отправился въ Черноисточенскій заводъ, до котораго шелъ три дня, на квартиры нигдѣ не приставалъ, ночи проводилъ на пустыхъ мѣстахъ, въ деревняхъ сказывался идущимъ на заводъ работникомъ. Придя въ Черноисточенскій заводъ, нашелъ Пахомія и прожилъ у него годъ. Хозяинъ училъ его молиться за Царя, дабы Богъ обратилъ его въ истинную православную вѣру и называлъ свой толкъ безпоповщиной. Когда отъ него Мензелинъ пошелъ далѣе, онъ далъ ему ломаной просвиры больше половины, сказавъ: „ты того удостоился, ты человекъ скитникъ и гдѣ тебѣ прилучится найти больнаго и при смерти человека, возьми воды въ ложку и опусти отъ той просвиры самую маленькую крошечку и тѣмъ причащай и говори: тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите“. Отъ Пахомія Мензелинъ направился чрезъ Исетскій дистриктъ на озеро Кабанье въ Ишанскомъ вѣдомствѣ, на берегу

котораго жилъ два года, а потомъ пошелъ на озеро Лебяжье, гдѣ жилъ „въ выконанныхъ избушкахъ“ годъ три мѣсяца, а оттуда Ялаторовскаго вѣдомства подѣ Кызацкую слободу, на займище Черное, гдѣ прожилъ въ такой же избушкѣ два года. На всѣхъ трехъ озерахъ ловилъ рыбу и вымѣнивалъ ее прѣзжавшимъ для рыболовства людямъ на хлѣбъ. Съ Чернаго займища Мензелинъ пришелъ въ деревню Шушарину, въ домъ ко крестьянину Григорію Шушарину, у котораго прожилъ дней съ шесть и свидѣлся съ Захаромъ Шушариннымъ и совѣтовалъ обоимъ *ради Христа дѣтей ихъ закопать въ яму*. Тѣ согласились и поѣхали съ намѣреніемъ исполнить совѣтъ, въ боръ, впередъ, а Мензелинъ остался въ домѣ и присоединился къ нимъ уже на другой день и засталъ въ бору Захара Шушарина съ двумя сыновьями и дочерью, а *Григоря съ женою и дочерью и Захаровыхъ дѣтей посадили въ яму*, а прочіе не пошли. Оставивъ сяхъ, Мензелинъ бродилъ „по степямъ и островамъ и пашеннымъ избушкамъ“ и назадъ тому четыре года (1778) вышелъ въ жило и пришелъ въ домъ Казацкой слободы деревни Грамотѣвой крестьянина Егора Першина, за которымъ была родная дочь Мензелина; жилъ у зятя недѣли три, пріобщалъ данною отъ Пахомія просвирую своего заболѣвшаго полугодоваго внука, да дочь крестьянина Ивана Трушникава-Круглаго, по третьему году, да двухлѣтняго, бывшаго въ оснѣ сына брата Трушникава, и ушелъ опять въ степь, пристававалъ въ пашенныхъ избушкахъ и наконецъ пришелъ въ деревню Вагулину, Красноярской слободы Ишимскаго вѣдомства. Здѣсь присталъ у крестьянина Мартына Коклявина, сказавшійся жителемъ Осиповой слободы и такъ какъ хозяинъ срижался ѣхать за линію на озеро Чагла для рыболовства, то упросилъ взять его съ собою. На Чаглахъ онъ прожилъ съ годъ и послѣ Свѣтлой недѣли возвратился въ Кызацкую слободу, къ зятю своему Першину, гдѣ прожилъ недѣли съ четыре. Живучи на озерѣ Чаглахъ Мензелинъ слышался, что есть въ Петропавловской крѣпости донской казакъ Семенъ Леденевъ бывалецъ въ степяхъ, и любопытствуя узнать отъ него „не знаетъ-ли гдѣ за линіей къ Камню мѣста“, отправился въ Петропавловскъ для свиданія съ Леденевымъ, коего однакожъ дома не засталъ, а между тѣмъ, ходя по базару, слышался въ людскихъ разговорахъ, что у тутоняго купца Алексѣя Пиленка есть Евангеліе толковое, зовомое „Благовѣстникъ“ и обратился къ Пиленку, прося эту книгу ему

почитать. Тотъ исполнилъ его просьбу, а Мензелинъ понялъ изъ того Евангелія, что и въ немъ напечатано: „*въ послѣднія времена бѣжатъ въ горы и вертепы, засыпаться пескомъ, хрящемъ, землею и пепломъ и помирать съ голоду*“; самое то, онъ Мензелинъ слыхалъ, и въ книгѣ Ефрема Сирина напечатано“. Возвратившись изъ Петропавловска къ зятю и переночевавъ у него, Мензелинъ уѣхалъ въ домъ къ старому своему знакомому, крестьянину Рухлову. Такъ какъ былъ въ то время Великій Постъ, то Мензелинъ Рухлова со всѣми семействомъ исповѣдывалъ. Потомъ опять возвратился къ зятю, а отъ него ушелъ въ домъ къ Трушникову, гдѣ исповѣдывалъ самого Трушникова, трехъ его братьевъ, отца и мать со всѣми семействами и крестьянина Гладкова съ семействомъ. Иванъ Трушниковъ и Данило Гладковъ ѣздили по деревнямъ и созывали людей къ Мензелину, вслѣдствіе чего домъ Трушникова стало посѣщать много народу, котораго Мензелинъ исповѣдывалъ, наставляя, что „*приходитъ время притти въ міръ антихристу и надобно бѣжать въ горы и вертепы, засыпаться пескомъ и пепломъ и закапываться въ землю и помирать постомъ и голодомъ*“. Отъ Трушникова Мензелинъ вновь возвратился къ Першину и въ Троицынъ день былъ у Рухлова и сказывалъ, что „*намѣрены они бѣжать на острова, и онъ съ ними не согласенъ-ли, на что Рухловъ отвѣчалъ, что онъ уже мѣсто себѣ прискалъ*“. Отсюда Мензелинъ отправился въ деревню Крѣпостную, къ крестьянину Вѣлыхъ и сказывалъ послѣднему, что многое число людей бѣжитъ съ нимъ и съ Першинимъ на островъ; за ними слѣдовать согласились самъ Вѣлыхъ и крестьянинъ Иванъ Антроповъ, которыхъ Мензелинъ и исповѣдывалъ со всѣми ихъ семействами, наставляя ихъ въ томъ же, что выше сказано. Потомъ возвратился къ зятю, куда вслѣдъ за нимъ прибыли Трушниковъ и Федоръ Пьянковъ и стали сговариваться бѣжать на озеро Сазыкуль, при чемъ Трушниковъ говорилъ, что Гладковъ подговорилъ челоуѣкъ съ 50. Трушниковъ и Пьянковъ за тѣмъ уѣхали, а Першинъ со всѣмъ домомъ и Мензелинъ стали собираться „на островъ“. Къ нимъ пристали крестьяне Иванъ Конишевъ съ семействомъ, Першина зять Иванъ Грамотѣевъ съ женою, а всѣхъ собралось челоуѣкъ съ 30; и взяли съ собою воску, ладану, образа мѣдныя и принесенную отъ Пахомія просвиру, положивъ все это въ сумы, выѣхали ночью, съ намѣреніемъ постыться и помереть съ голоду, и доѣхали до того озера къ обѣду и пристали въ колоуѣ

(молодой лѣсъ), гдѣ уже Трушниковъ ихъ дожидался и сказалъ, что съ нимъ людей болѣе 50, а Гладковъ-де уѣхалъ раздавать милостыню и подговаривать отца. Затѣмъ тотчасъ же начали въ бѣтахъ (лодкахъ) переправляться на островъ, и хотя тогда набѣжали на нихъ крестьяне, но удержать ихъ не могли, — захватили только однѣ съ воскомъ, ладаномъ и просвирой сумы. Безумцы вышли на безлѣсный островъ, а къ вечеру перебрались на другой, средній, на которомъ застали крестьянъ Осипа Замиралова съ товарищи, съ семействомъ, всего 10 человекъ, и нашли избушку, срубленную изъ бревенъ, и два стана, „да сдѣланъ одинъ изъ земли называемый *сертменъ*, въ который сажаютъ тѣхъ, кто пожелаетъ запоститься“, а сами же Мензелинъ съ приведенными людьми сдѣлали станы. По утру же, въ четвертокъ, *дѣвка Шмакова, заморившись постомъ, померла*; ее всѣ провожали до могилы; Журавлевъ читалъ по ней канонъ, а Мензелинъ кадиль „изъ *черепени* ладаномъ и пѣлъ: святой крѣпкій, — и погребли ее въ землю“. Всѣ въ тотъ день молились Богу, всякъ на своемъ мѣстѣ, а въ пятницу, около обѣда, увидѣли, что на берегу озера стоитъ за поимкою ихъ команда. Тогда стали опасаться быть пойманными и наказанными, а Мензелинъ, какъ наставникъ, говорилъ: „если боятесь мученія, то ступайте и съ дѣтьми въ воду и за Христа топите, такъ, какъ сорокъ мучениковъ въ Ефесѣ потопились“. Послѣ такихъ рѣчей, „сдѣлали на глубокомъ мѣстѣ плотъ“, и когда онъ былъ готовъ, Мензелинъ всѣхъ исповѣдалъ и причастилъ большихъ и малыхъ взятою отъ Пахомія просвирой, хранившейся у его дочери. За сямъ, помолившись Богу, всѣ переодѣлись и малыхъ ребятъ переодѣли въ бѣлыя рубашки, дѣвки расчесали волосы, подходили къ Мензелину, надали ему въ ноги и просили благословенія: „Богъ васъ благословитъ умереть за Христа!“ отвѣчалъ Мензелинъ. Въ это время жена Трушникова начала рожать младенца и въ ожиданіи окончанія родовъ, исполненіе общаго намѣренія замедлилось. Родился мальчикъ, котораго Мензелинъ окрестилъ тремя погруженіями въ воду и назвалъ Константиномъ, и всѣ положили предъ Богомъ за того младенца 4000 поклоновъ въ землю, послѣ чего мать новорожденного переодѣлась въ бѣлую рубаху и всѣхъ дѣтей посадили въ два бата. Старикъ Першинъ, взявъ съ собою двухлѣтняго внука, а за нимъ Иванъ Трушниковъ пошли въ воду, а всѣ прочіе, руководимые Замираловымъ и Шуша-

ринимъ, баты съ малолѣтними потащили. Мензелинъ же остался на берегу, а потомъ сѣлъ въ баты и поѣхалъ къ плоту, на коемъ засталъ въ живыхъ человекъ до десяти, въ томъ числѣ и свою замужнюю дочь; *младенцы же всѣ уже были утоплены*. И сталъ онъ говорить своей дочери, чтобы за Христа умерла, которая и бросилась въ воду, но не могла скоро утонуть и потому просила ее освободить, обѣщая постыться, но отецъ не послушалъ и, придавивъ ее жердью, утопилъ. Иванъ Трушниковъ, съ держащейся за него малолѣтнею дочерью, просилъ Мензелина помолиться Богу, чтобъ онъ скорѣе могъ утонуть, и тотъ пригрузилъ ихъ жердью ко дну и утопилъ. Иванъ Грамотьевъ съ женою связались вмѣстѣ женинымъ платомъ и его гоитаномъ⁽¹⁾ и послѣдняя сдѣлала на концѣ плата петлю на тотъ конецъ, если долго не утонуть, то бы Мензелинъ вложилъ въ ту петлю жердь и ихъ пригрузилъ, но когда Мензелинъ сталъ ихъ жердью придавливать, то гоитанъ оборвался и Грамотьевъ вылезъ на плотъ, а жену его Мензелинъ придавилъ ко дну и утопилъ. Оставшіеся въ живыхъ поплыли къ берегу, а къ Мензелину на плотъ привезъ баты крестьянинъ Сутягинъ, съ которымъ онъ и доѣхалъ до другаго плотика; тутъ Сутягинъ подѣзъ подъ плотъ и утопился, а крестьянинъ Коробицынъ, спасшійся отъ потопленія, о женѣ своей рассказывалъ, что она-де совѣтовала ему утопиться, а сама не хотѣла, тогда онъ взялъ ее насильно въ берема, подѣхалъ подъ плотъ и утопилъ. Наконецъ, всѣ оставшіеся „вышли на берегъ и разбѣжались въ разные мѣста: кто Богу молится, кто сидитъ подъ кустомъ — плачетъ“; а Мензелинъ съ Замираловымъ, Шушаринимъ и прочими ушли въ станъ и на другой день, въ субботу, помолившись Богу, вырыли яму и отправились вытаскивать изъ воды утопшихъ, конхъ и оказалось большихъ и малыхъ 53 человекъ. Всѣхъ ихъ сложили въ вырытую яму и Мензелинъ кадилъ надъ ними ладаномъ и нѣлъ: святой крѣпкій, и зарывъ яму, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ понедѣльникъ явился къ нимъ Гладковъ и сказалъ, что пріѣхала изъ Ялуторовска команда и тогда Мензелинъ, Замираловъ, Шушаринъ, Евсей Пьянковъ съ сыномъ Петромъ и съ его женою, Андрей Коробицынъ, Гаврило Першинъ и принесшій извѣстіе Гладковъ бѣжали на третій островъ въ батахъ, а прочіе остались на среднемъ островѣ, гдѣ и были

---

(1) Гоитанъ — узкій тканый поясскъ, которымъ подпоясываются по рубахѣ.

взяты командою, а во вторникъ команда явилась и на третій островъ, откуда Чернинъ, Гладковъ и Цыанковъ уплыли въ бату, а Мензелинъ, Замираловъ и Шушаринъ съѣхали на берегъ, гдѣ и были взяты.

При допросѣ, Осипъ Замираловъ и Андрей Коробицынъ показали въ дополненіе, что когда прельщенные Мензелинымъ люди пошли въ воду топиться, то Мензелину помогали ихъ топить Осипъ Замираловъ и Захаръ Шушаринъ; идя за Мензелинымъ, они послали идущихъ впереди въ воду, при чемъ Мензелинъ держалъ въ рукахъ ножъ, а Замираловъ косу. Замираловъ и Шушаринъ втащили въ воду малолѣтнихъ, бывшихъ въ батахъ, и всѣхъ утопили, въ томъ числѣ Замираловъ и своихъ двухъ дѣтей утопилъ. Когда же крестьяне Дружининъ и Лоткинъ, раздумавъ топиться, хотѣли съ острова бѣжать, то Мензелинъ, Шушаринъ и Замираловъ ихъ не отпускали, а Дружинина связали и били. Крестьянинъ Андрей Коробицынъ показалъ, что когда жена его выплыла на плотъ и топиться раздумала, то, по наученію Мензелина, онъ взялъ ее въ бедра, столкнувъ въ воду и подпихавъ подъ плотъ, утопилъ. О Ѳедорѣ Рухловѣ показали, что будучи съ семействомъ своимъ въ бору, *«двоихъ своихъ малолѣтнихъ внучатъ заморилъ съ голоду и, еще дышавшихъ, закопалъ въ землю; сына своего Андрея зарылъ ножомъ и самъ себя въ брюхо зарылъ»*.

Вѣжавшіе по прельщенію Мензелина же на островъ, но недопущенные на него командою, крестьяне деревни Крѣпостной Иванъ Антроповъ, Иванъ Ильинихъ съ семействами и съ ними прочіе показали, что „на исповѣди и у причастія года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, представляя причину на священниковъ, что нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и упиваются вина до пьяна“. Токмо по подаваемымъ отъ духовнаго правленія о небывшихъ вѣдомостямъ, оныхъ крестьянъ даже съ 1777 по 1782 г. небывшими не показано“.

Посланный изъ Ялutorовска съ командою подпоручикъ Озеровъ нашелъ на острову законанными въ землю утопшихъ: взрослыхъ мужчинъ 4, женщинъ 9, малолѣтнихъ дѣтей, мальчиковъ 22, дѣвочекъ 21, всего 56 человекъ.

По окончаніи слѣдственнаго дѣла состоялось мнѣніе палаты уголовного суда, представленное съ заключеніемъ генераль-губернатора Кашкина Правительствующему Сенату, кофирмаціею коего 6 февраля 1784 г. опредѣлено:

„Злодѣю, лжеучителю и смертоубійцѣ крестьянину Мензелину и сообщникамъ его Осипу Замиралову и Данилѣ Гладкову присужденное палатою уголовнаго суда и вами, генералъ-поручикомъ и кавалеромъ, по силѣ изъясненныхъ во мнѣніи той палаты и вашемъ законѣ, вмѣсто смертной казни, наказаніе кнутомъ произвестъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они пагубныя свои ереси разсѣвали и гдѣ особенно, по разсужденію вашему полагается; потомъ вырвать ноздри и поставя на лбу и на щекахъ указныя знаки, заклѣпавъ въ кандалы, отправить вѣчно въ каторжную работу, Рижской губерніи, на островъ Эзель, сдѣлавъ между тѣмъ всѣмъ имъ, послѣ учиненія опредѣленнаго наказанія, вновь еще увѣщаніе, не обратятся-ли они отъ своего заблужденія на путь истинный, и если окажутъ къ тому свое желаніе, то о присоединеніи ихъ къ святой церкви сообщить въ тамошнюю духовную консисторію. Крестьянину Андрею Коробицину, учинить также публичное наказаніе кнутомъ, но не оставляя на соблазнъ прочимъ на прежнемъ жительство, сослать вѣчно въ работу, Новороссійской губерніи въ городъ Херсонъ. Всѣмъ прочимъ, участвовавшимъ въ преступленіяхъ упомянутаго злодѣя Мензелина и его сообщниковъ, кои отъ своего заблужденія донинѣ не обратились и впредь по упрямству своему, раскаянія въ томъ не окажутъ, и обратиться не пожелаютъ, а останутся въ заблужденіи упорными, дабы единожды навсегда изъ среды тамошнихъ жительство истребить совсѣмъ и названіе раскольника, которое нынѣ уже болѣе не существуетъ, и двойнаго съ таковыхъ людей оклада имяннымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ собирать не велѣно, слѣдовательно и записки въ расколъ нынѣ никакой быть не можетъ, за содѣянное ими преступленіе учиня наказаніе кнутомъ, разослать на поселеніе въ отдаленныя жительства, по собственному вашему разсмотрѣнію, гдѣ не будетъ настоять опасности, чтобъ могли они и въ тамошнемъ краю разсѣвать свои заблужденія. А кои изъ подсудимыхъ обратятся и впредь обратиться пожелаютъ въ соединеніе Святой Церкви, тѣхъ въ страхъ другимъ, дабы впредь подобныхъ преступленій дѣлать было не повадно, наказавъ плетью, оставить на прежнихъ жительство, подтвердя при томъ, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ и наименованіе раскольника отнюдь было не употребляемо“. Затѣмъ, Сенатъ, согласно мнѣнію уголовной палаты и заключенію генералъ-губернатора, всѣхъ отчасти прикосновенныхъ къ дѣлу, но бывавшихъ постоянно

у исповѣди и св. причастія и впредь отъ того не отрицающихся, а равно и несовершеннолѣтнихъ отъ наказанія освободилъ.

27 іюня 1784 года Тобольскій вице-губернаторъ Сергѣй Ивановичъ Протопоповъ рапортуетъ Кашкину, что въ исполненіе рѣшенія Сената, Мензелинъ и сообщники его Осипъ Замираловъ и Данило Гладковъ наказаны кнутомъ, при собраніи народа, въ трехъ мѣстахъ, въ деревняхъ Каменной, Монайской и Песчаной, и каждому дано столько ударовъ, чтобъ не могло ихъ тѣло крайне изнурено быть и всѣ трое препровождены въ деревню Шарташскую, гдѣ снова биты кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей и поставленіемъ на лбу и щекахъ указныхъ знаковъ и сданы въ Екатеринбургъ оберъ-коменданту генераль-маіору Судовщикову, гдѣ они, закованные въ ножныя и ручныя желѣза, а двое и въ шейныя цѣпи со стульями, были увѣщиваемы священникомъ Коченгинимъ; но изъ нихъ только Замираловъ обратился къ церкви, прочіе же и слушать увѣщанія не хотѣли. Прочіи осужденныя также учинено наказаніе согласно приговора и дѣлаемо было увѣщаніе; но многіе изъ нихъ пребыли упорными въ своемъ заблужденіи.

Лжочленіе Мензелина не ограничилось сказанными выше прискорбными послѣдствіями. 23 іюня 1783 года крестьяне Ишимской округи, Моршихинскаго зимовья, деревни Кабаковой Владиміръ, Яковъ и Иванъ Кабаковы, со всѣми своими семействами, заперлись на крѣпко въ своихъ домахъ, съ намѣреніемъ сжечься. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ старосты Бехтелина, Ишимскій капитанъ-исправникъ Фантрейблютъ (sic) отправился 24-го того же мѣсяца, куда и прибылъ 25-го, но предупредить преступное намѣреніе не успѣлъ. Не смотря на старанія старосты Бехтелина съ другими крестьянами, Кабаковы сидѣли крѣпко запершись и на увѣщанія отвѣчали, что если станутъ ломать двери, то они зажгутъ имѣющіеся у нихъ порохъ и солому, а потому лучше бы де ихъ не трогали, вслѣдствіе чего Бехтелинъ съ помощниками и не посмѣли насильно дѣйствовать, ожидая прибытія начальства. Между тѣмъ 24 числа, на зарѣ, сынъ Владиміра Кабакова Василій успѣлъ изъ избы чрезъ дымовое окно убѣжать; замѣтивъ это, запершіеся въ избѣ громко кричали: „ахъ, душу потеряли! назадъ пошла!“ и вслѣдъ за тѣмъ, дымъ внутри загорѣлся, и не смотря на усилія Бехтелина и другихъ крестьянъ, старавшихся спасти находившихся въ

избѣ, имъ удалось избавить отъ огня только 16 человѣкъ, а 27 человѣкъ сгорѣли.

По слѣдствію оказалось, что въ мартѣ 1782 года, въ Великій постъ, къ Якову Кабакову, прѣвѣжалъ лжеучитель Мензелинъ и говорилъ ему о скоромъ пришествіи антихриста, увѣщавая умереть за Христа.

При дѣлѣ приложенъ списокъ сгорѣвшихъ. Изъ оставшихся въ живыхъ, 12 человѣкъ, по увѣщанію заказчика священника Григорія Попова, соглашались присоединиться къ церкви и тѣ изъ нихъ, которые возрастомъ были старше 20 лѣтъ, наказаны плетью и оставлены на мѣстахъ своего жительства; остальные же бѣжали и были-ли впоследствии розысканы, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ, Тобольское намѣстническое правленіе отъ 19 марта 1784 г. рапортуетъ Кашкину слѣдующее: „Сего марта 18 дня Ишимской округи капитанъ-исправникъ рапортомъ доносить, что съ 17 числа минувшаго февраля сего года находился онъ для разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ и обзрѣвія ввѣренныхъ ему Ишимской округи селеніевъ и по бытности въ Моршининскомъ зимовьѣ, по отправленію тѣхъ дѣлъ къ законному суду, а 4 сего марта, Кызацкой слободы отъ крестьянскаго старосты Рыльскихъ присланъ къ нему репортъ, писанный 3 числа тогожъ теченія, которымъ доносятъ, что сей часть, вѣдѣнія Кызацкой слободы деревни Тарской, уличной десятникъ, прибѣжавъ къ нему, объявилъ, што той деревни крестьянинъ Егоръ Самойловъ, онъ же и Осетровъ, въ своемъ домѣ — не знаетъ пошто — запершись и никого не пускаетъ, по которому объявленію тотъ староста въ ту деревню, обще съ копейстомъ Григорьемъ Загибаловымъ, того жъ часу прѣхалъ; но уже того крестьянина Осетрова домъ горитъ, гдѣ и онъ Осетровъ съ семействомъ сгорѣли. Но только отъ сожженія спаслись чрезъ пришедшихъ для разговору той деревни обывателей, бывшіе тутъ же, по прельщенію, сказаннаго Осетрова тоща, а деревни Шелеповой крестьянина Патракея Задорина жена Дарья, да дочь ея дѣвка Ксенія, которыя и объявили, что сгорѣло тутъ всего 16 человѣкъ, а имено: Егоръ Самойловъ, онъ же и Осетровъ, жена его, дѣтей трое; деревни Крѣпостной Григорій Коркинъ, дѣтей его трое, Козьма Антроповъ, дѣтей его двое, деревни Утечьей Никита Новопащенный, жена его и двое дѣтей. И тѣ, спасенныя отъ сгорѣнія, женка и дѣвка, содержатся подъ стражею, до прибытія его

капитанъ-исправника, въ селѣ Мокроусовскомъ, по случаю тому, что то село по сполучности его къ Кызацкой слободѣ состоитъ на тракѣ; — почему онъ (т. е. капитанъ-исправникъ) того жъ самаго часа въ то селеніе отправился съ тѣмъ старостой Рыльскихъ, при священникѣ, бывшемъ для увѣщанія углубившихся въ раскольнической ереси людей тобольскаго софійскаго собора Петръ Топорковъ. Показанныя, оставшія отъ гибели жена Дарья Задорина и дочь ея дѣвка Аксинья спрашиваны, которыя показали: первая — зовуть ее подлинно Дарьей Алексѣевой, пятидесяти дву годовъ, слѣпа, живетъ въ деревнѣ Шелеповой съ мужемъ своимъ, крестьяниномъ Патракѣемъ Задоринимъ; у исповѣди и св. причастія каждагодно въ селѣ Мокроусовскомъ у священниковъ Василья Брызгалова и Ивана Паникаровскаго, кромѣ нынѣшняго года, бывала, и впредь быть не отрекается. За недѣлю предъ Сырною недѣлею, выписанный ея мужъ отвезъ ее въ деревню Уварову, къ зятю ихъ крестьянину Егору Самойлову сыну Осетрову, въ гости, у котораго и гостила пять дней. И на 3 число сего марта, пріѣхали къ тому же зятю крестьяне деревень Крѣпостной — Григорій Коркинъ, съ дѣтьми малолѣтними — тремя сыновьями, Козьма Антроповъ, съ малолѣтнимъ сыномъ и дочерью; Утечѣй — Никита Новопашенной съ женой и малолѣтними сыномъ и дочерью, а какъ ихъ зовутъ — того не знаетъ. И во всю ту ночь они не спали, а все ходили въ сѣни, во дворъ и въ горницу и што-то стучали. Поутру, какъ разсвѣтало, между собой они разговаривали о поставленныхъ на домахъ ихъ досчечкахъ, отъ коихъ яко-бъ уже житья имъ не будетъ, потому что называютъ ихъ они антихристовою печатью. И взявъ ее за руку, тотъ Осетровъ повелъ въ горницу, гдѣ и зажгли приготовленную ими солому, отъ которой тотъ домъ загорѣлся, въ коемъ и они, т. е. зять ея Осетровъ съ женой съ своей Анной и съ дѣтьми — однимъ сыномъ Александромъ пятилѣтнимъ, съ двумя дочерьми Саломеей двулѣтней, Аграфеной полугодовой, и выписанные пріѣхавшіе ночью крестьяне Коркинъ, Антроповъ и Новопашенной съ привезенными семействами сгорѣли. А она, Дарья, отъ дыму стала по полу ползать и, по слѣпотѣ своей, ущупала руками въ подполье дыру, въ которую спустивъ ноги, и за оныя прибѣжавшимъ къ той дырѣ крестьяниномъ Михайломъ Федотовымъ вытащена и отъ сгорѣнія избавилась. Напредъ же сего, даже до самаго сожженія того дому, она, Дарья, какъ отъ того зятя

ея, такъ и отъ жены его и отъ прочихъ, бывшихъ тутъ, вышписанныхъ людей никакого къ сожженію согласія не знала, а дочь ея, дѣвка Ксенія, тутъ же съ нею была въ гостяхъ и отъ сожженія какъ освободилась, того не знаетъ, въ чемъ и утвердилась. Вторая, противъ ея показанія, дочь ея Аксинья: отъ роду ей 20 лѣтъ, живетъ она у отца своего, написаннаго крестьянина Задорина, въ дер. Шелеповой; и на третій день Великаго поста пріѣхала она къ зятю своему Егору Осетрову въ гости, а болѣе для излѣченія имѣющейся у ней въ головѣ болѣзни. И какъ зажгли тотъ домъ, то она Ксенія, увидя въ той горницѣ имѣющуюся въ низъ, въ подполье, дыру, въ которую бросаясь и подбѣжавъ къ подпольнымъ дверямъ, оныя отперла и вышла на улицу. Тогда бывшіе тутъ крестьяне, вошедши въ тою дверь, и мать ея Дарью вытащили-жъ. Въ прочемъ же во всемъ, противъ показанія матери ея, показала сходно, и въ томъ утвердилась. Третья, деревни Крѣпостной сгорѣвшаго крестьянина Григорія Коркина жена Катерина Васильева: сказанной мужъ Григорій Коркинъ послалъ ее для молотья хлѣба на мельницу, въ дер. Уварову. Тутъ же съ нею былъ отправленъ для прошенія милостыни, сынъ ихъ Аванасій; но хлѣба она не смоловши, поѣхала къ ночѣ домой, а написаннаго ея мужа и дѣтей Дмитрія восьми, Ѳодора шести, Никифора четырехлѣтнихъ, въ домѣ уже не оказалось, чего убоясь, переночевавъ ночь, а по утру, т. е. 3 числа сего мѣсяца, той деревни Крѣпостной десятнику Осипу Воинкову о томъ объявила. И послѣ того увѣдомилась, чрезъ того десятника, какъ онъ ѣздилъ съ репортомъ въ слободу Рызацкую, а сверхъ того и отъ сына своего, который ходилъ для прошенія милостыни, пріѣхавши домой, объявилъ, что тотъ ея мужъ и съ дѣтьми, вышписанными тремя сыновьями, въ дер. Уваровой, въ домѣ крестьянина Осетрова сгорѣли. Намѣренія-жъ она къ тому, напредъ сего, никогда отъ мужа своего не слыхала и не знала, а въ 782 году, по прельщенію злодѣя Мензелина, тотъ ея мужъ куда-то въ поле ѣздилъ и посланною тогда жъ командою вороченъ въ домъ свой, а злодѣя Мензелина она не видала, въ томъ и утвердилась. Четвертая, сгорѣвшаго крестьянина Кузьмы Антропова жена Авдотья Степанова дочь показала: 2-го числа сего Марта, послѣ обѣда, пришедъ она въ пригонъ ко скоту давать сѣна и съ повѣти отъ сѣна пала, и какъ она была беременна, то и повредилась, для чего и принуждена была ѣхать въ деревню Кукарскую, ко вдовѣ Матрешѣ

Шалковой, у которой и ночевала. А на завтра, т. е. 3 числа увѣдомилась через нарочнопосланнаго дер. Крѣпостной отъ десятника, что мужъ ея Кузьма Антроповъ и съ дѣтьми, сыномъ и дочерью, изъ дому убѣжали и обще-де въ дер. Уваровой съ крест. Егоромъ Осетровымъ сгорѣли. Намѣренія же къ тому сгорѣнію отъ мужа своего напередъ и никогда не слыхала и не знала, а въ 782 году, видно что по прельщенію лжеучителя Мензелина, оной ея мужъ куда-то убѣгалъ; но токмо посланною командою воровчель; а Мензелина она не видала и не знаетъ, въ томъ и утвердилась. Пятая, въ сходствіе онаго, деревни Кукарской вдовая крестьянская жена Матрена Яковлева дочь Шалкова показала, что 2 сего Марта, дер. Крѣпостной крестьянская женка Авдотья Антропова къ ней для излеченія, какъ расчиблась, точно пріѣзжала и ночевала, а по утру—не знаетъ какой чловѣкъ изъ дер. Крѣпостной пріѣзжалъ и тое женку' увезъ, въ томъ и утвердилась. Шестой, дер. Уваровой сотникъ Миронъ Максимовъ: 3 числа Марта пошедши онъ по деревнѣ, для осмотра по должности своей, и у дома крестьянина Егора Осетрова увидѣвъ домашнюю ево посуду, кади и прочее выставленные на улицу, въ чемъ онъ усунись, а болѣе что и на спрость ево отвѣту никто изъ того дому не отдасть, собравъ обывателей, вторично спрашивали и никакого отвѣту получить, дверей и оконъ отпереть не могли, а было все на крѣпко заперто. Напоследокъ же хозяинъ того дому крест. Егоръ Осетровъ сквозь окно сказалъ, во первыхъ, что заперся онъ въ домѣ своемъ, для исканія себѣ въ немъ конца отъ безвиннаго на него всклену дер. Куртанской крестьяниномъ же Алексѣемъ Шевалинымъ въ потерявшейся ево жепѣ, которую онъ Осетровъ якобы куда-то дѣвалъ; а потомъ изъяснился: звать-де, что приходитъ конецъ его жизни, въ разсужденіи томъ болѣе, что какія-то ставятъ на домахъ досчечки, и думаетъ онъ, что конечно онна антихристова суцая печать, — отъ чего намѣренъ сгорѣть. И сказавъ сіе, со всѣми тутъ собравшимися крестьянами простился. Но хотя онъ Максимовъ и предстоящіе крестьяне старались его Осетрова разговаривать, чтобъ онъ намѣреніе свое отложилъ, но не смотря на ихъ увѣщеванія, пошедъ въ клѣтъ, и вдругъ тотъ домъ загорѣлся, и по бывшему того дня немалому вѣтру къ отнятію съ лица приступиться было не можно, а только неуспыннымъ стараніемъ жителей задней скотской дворъ отъ сгорѣнія снасли. Ктожь въ томъ домѣ были и сколько сгорѣло людей,

того не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые въ окно глядѣли съ нинѣ Осетровымъ, а именно: Григоріемъ Коркинымъ и Козьма Антроповъ, а болѣе другихъ не видѣлъ, а равно и о намѣреніи къ сгорѣнію не зналъ же и ни отъ кого не слыхалъ. Напередъ же сего, тотъ Осетровъ въ 782 году, съ Маіа по Октябръ мѣсяцъ, видно что по прельщенію извѣстнаго лжеучителя Мензелина, въ бѣгахъ находился, а сынъ его Степанъ и отецъ его Савелей съ сыномъ же Ефимомъ въ то время потерялись, которыхъ послѣ отысканы только уже одни тѣла, закопанныя въ землѣ, въ томъ и утвердился. Седьмое, бывшіе по повѣскѣ сотника Мирона Максимова деревни Уваровой жители крестьяне Алексѣи и Никита Третьяковы, Тимошей Коркинъ, Василій и Михайло Лихаревы, Егоръ Шевелинъ, Михайло Уваровъ, Андрей Шелеповъ, Степанъ Артамоновъ, Федоръ и Петръ Федотовы, Козьма и Григорій Сбродовы, Михайло Кунгуровъ, Михайло и Никита Федотовыхъ, Федоръ и Андрей Шмонины, Осипъ Шелеповъ, Михайло Андреяновъ, Алексѣи Марковъ, Самойло Шушаринъ, Степанъ и Гаврила Коркины, Леонтіи Шевелинъ, Дмитрій Уваровъ, противъ сотника Максимова, показали во всемъ сходственно. Восьмое, жители дер. Утячей повальнымъ обыскомъ утвердился, что той деревни крестьянинъ Никита Новопащенко съ женою его Авдотьею и дѣтьми Степаномъ пятилѣтнимъ и дочерью Лукерьею дву годовъ, напередъ сего жилъ въ скудномъ состояніи, на исповѣдъ и къ св. причастію ходилъ. А нинѣ къ сгорѣнію изъ дому какъ бѣжали, о томъ не знали и о намѣреніи ихъ ни отъ кого не слыхали. Девятое, жители-жъ дер. Брѣностной, повальнымъ же обыскомъ утвердился, что сгорѣвшій нинѣ въ дер. Уваровой обще съ крестьяниномъ Егоромъ Осетровымъ той деревни крестьянинъ же Григорій Коркинъ съ малолѣтними дѣтьми, тремя сыновьями, Козьма Антроповъ, съ малолѣтними дѣтьми, однимъ сыномъ и одной дочерью, напередъ сего жили они въ скудномъ состояніи, на исповѣди и св. причастія бывали или нѣтъ, того не знаютъ. А въ прошломъ 782 году знаютъ, что по прельщенію лжеучителя Мензелина Козьма Антроповъ одинъ, а Коркинъ съ семействомъ куда-то уходили и посланною командою постижены и возвращены обратно въ дома свои; нинѣ же къ сгорѣнію и къ побѣгу изъ домовъ ихъ намѣренія не знали и ни отъ-кого не слыхали⁽¹⁾.

---

(1) Вся сгорѣвшая, кромѣ Новопащенко, были съ Мензелиномъ на озерѣ Сазымъль.

Крестьяне и староста, не принявшіе мѣръ къ отвращенію пожара оставлены безъ наказаній, въ виду ихъ малосмысленности.

Нѣкоторые документы, кромѣ вышеприведенныхъ дѣлъ, показываютъ, что склонность къ ученію Мензелина была вообще сильно распространена въ народѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Такъ, Ялutorовскій нижній земскій судъ рапортуетъ Кашкину, что капитанъ-исправникъ Мамѣевъ сообщилъ, что 5 Января 1783 года, въ проѣздѣ его чрезъ Камышенское село, пономарь Петръ Блохинъ объявилъ ему, что жительствоващій въ томъ селѣ крестьянинъ Яковъ Сунгуровъ „прельщаетъ простыхъ обоего пола людей раскольниковому душепагубному суетудрію“. Мамѣевъ, на основаніи этого, пошелъ въ домъ къ Сунгурову и нашелъ тамъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ хозяинъ назвалъ своими родственницами и которыхъ поучалъ расколу. Удостоверившись въ послѣднемъ, Мамѣевъ „почелъ долгомъ того Сунгурова отъ заблужденія въ православіе и повиновеніе законамъ приводить; но онъ (т. е. Сунгуровъ), по имѣвшей въ себѣ затвердѣлости, отвѣтствовалъ ему: буде ихъ стануть принуждать къ обращенію въ православіе, то непремѣнно будутъ предавать себя огню и удавленію, да и что православныхъ священниковъ видѣть не хочетъ, а производимый по обряду церковному у церкви колокольный звонъ и слышать не желаетъ, и для того приказываетъ дѣтямъ своимъ въ уши своя заколачивать спицы“. Сунгуровъ былъ арестованъ и о немъ заведено дѣло, направленное въ общемъ порядкѣ; но Кашкинъ распорядился—никого по дѣлу Сунгурова къ слѣдствію не привлекать, а судить только однѣ его дѣйствія, дабы было меньше шуму и разговоровъ; „Сунгурова-же приговорить къ отсылкѣ въ работу, потому что онъ принялъ на себя санъ учительскій, ему ни по чему неподлежащій, пбо крестьянинъ есть хлѣбопахатель, а не учитель“.

Курганскій нижній земскій судъ рапортовалъ Tobольскому намістническому правленію, что 29-го октября 1783 года, при рапортѣ крестьянскаго старосты Утяцкой слободы Плотникова, присланы той слободы деревни Глѣдянки „крестьянинъ Ефимъ Худяковъ съ женою Анною Васильевой и матерью Настасьею Лукиной дочерью, да съ незнающимъ шатающимся челоувкомъ, въ зажигательствѣ самихъ себя въ домъ своемъ на 27-е число того октября въ ночи, отъ суетвѣрія, которые, въ произведенныхъ имъ того-жъ октября 29 числа въ тамошнемъ земскомъ судѣ до-

просахъ — изъ нихъ-Ефимъ съ женою и матерью единогласно показали, что они по рожденіи молитвенны, крещены и вѣнчаны православными священниками, токмо у нихъ на исповѣди и у святаго причастія отъ роду своего не бывали, а имѣли потаенной расколъ и по нынѣшней ревизіи писались въ двойной оброкъ потому, что находящіеся въ селѣ Чернавскомъ священники Алексѣй Серебряниковъ и другой Аванасей—чей пишется, не знаютъ—пьютъ вино и табакъ безмѣрно и сквернословятся, а на исповѣди бывшими писали ихъ изъ взятокъ, коимъ давали они деньгами, хлѣбомъ, свѣжонной и холстомъ и прочимъ, что только пригодится, а въ которыя точно времена и поскольку — того не упоминать. Когда жъ напишутъ небывшими, тогда платили они въ казну положенный штрафъ. И сего году, въ Великой постъ пріѣзжалъ къ нимъ въ деревню Глѣдянку изъ села Чернавскаго священникъ Алексѣй Серебряниковъ, коего — братъ реченнаго Ефима (Худякова) незаконнорожденный Павелъ, пятнадцатилѣтній, обратно въ то село отвозилъ, и тогда онъ его, Павла, увелъ сильно въ церковь и чрезъ устрасіе исповѣдалъ и причастилъ. Да послѣ того, въ вешнее время пріѣзжая оной священникъ въ тое деревню, устращивалъ ихъ усиленнымъ приведеніемъ къ церковному покаянію; но какъ они имѣютъ расколъ и въ церковь ходитъ не желаютъ, — убоясь того устрасія, дабы тотъ священникъ, также ихъ какъ и Павла, не принудилъ исповѣдываться и приобщаться, — согласились въ домъ своемъ сгорѣть, и для того, таясь постороннихъ людей, неуримѣтнымъ образомъ приготовили дому ихъ въ горницѣ, въ подпольѣ, сосновыхъ дровъ, береста и соломы. Только тогда они не сгорѣли и все то приготовленіе въ горнишномъ подпольѣ лежало до нынѣшняго времени и та горница была заперта и въ нее сторонніе никто не ходили. А назадъ тому недѣли съ четыре, выписанный-же священникъ Серебряниковъ пріѣзжалъ къ нимъ въ домъ и устращивалъ ихъ, — и какъ-де нынѣшняя ревизія окончается, тогда-де онъ будетъ надъ ними власть имѣть, а командирамъ-де вашимъ никакого дѣла нѣтъ, — изъ за чего они болѣе къ сожженію себя и умиселъ стали имѣть, и на прошедшей недѣлѣ, въ горницѣ полъ — изъ нихъ — Ефимъ напарьей извергълъ, и въ четвертокъ ночью, то есть, на 27 число октября намѣрены были сгорѣть; но того дни, въ вечеру, пришедъ къ нимъ въ домъ ходящей по міру для испрашиванія милостыни, города Кургана подгородной деревни Брюковой крестьянинъ Василей Лѣс-

никовъ, для ночнаго наслегу, коему они приказали почевать въ избѣ; а отъ наслегу не отказали для того, чтобъ какъ онъ, такъ и сторонніе люди о ихъ намѣреніи къ сожженію не узнали. Они же, Ефимъ съ матерью, съ женою и со всѣми малолѣтними дѣтьми: Иваномъ десяти, Алексѣемъ восьми, Антономъ пяти, Дмитріемъ двухъ и дочерью Крестиною шестилѣтнею, кромѣ Павла, который находился тогда въ Утацкой слободѣ при мирской конторѣ въ караулѣ, ушедъ въ горницу, заперлись на крюкъ и въ имѣющіеся у оконъ ставни уперли шестью, и пошедъ — изъ нихъ — Ефимъ подѣ полѣ, приготовленное тамъ бересто и прочее зажогъ. И какъ все то загорѣлось, такъ имъ стало душно, чего они не стерпя, двери горнишныя отперли и вышедъ изъ горницы вонъ, огонь стали заливать водою, что узнали и сторонніе, живущіе въ сосѣдствѣ съ ними люди, прибѣжавъ къ нимъ въ домъ, огонь утушить пособили. А вышеписанный нищій и незаконно-рожденный Павелъ и сторонніе люди никто о томъ ихъ намѣреніи къ сожженію не знали и не научали, напротивъ чего и они къ тому никого не подговаривали; у раскольничьихъ-же поповъ ни у кого они не исповѣдывались и не причащались, да и у православныхъ священниковъ за невоздержаніемъ ихъ, исповѣдываться и приобщаться святыхъ таинъ и въ церковь Божію ходить на молитву не желаютъ; а къ сожженію огнемъ себя впредь намѣренія не имѣютъ. А вышеписанный курганской деревни Брюковой крестьянинъ Василій Лѣсниковъ показалъ, что по немиліиному дому своего и за невозможностію по болѣзни его работать, пытается между дворами подаіемъ отъ народу милостыни. Расколу и на церковь Божію и на священноцерковнослужителей сумнѣнія никакого не имѣетъ... „Въ 26 число октября, пришедъ онъ въ деревню Глѣдянку, выпросился почевать у крестьянина Ефима Худякова, которой и домашніе его, для ночнаго наслегу, въ домъ ихъ пустили и велѣли ему почевать въ избѣ, почему онъ, Лѣсниковъ, и легъ спать въ той избѣ на палати; а хозяйинъ съ матерью, женою и дѣтьми ушли всѣ въ горницу. И какъ онъ, Лѣсниковъ, уснулъ, то наприимѣръ около полуночи пробудясь, услышавъ въ горницѣ крикъ, и для того вставъ, отперши избныя двери, увидѣлъ дымъ и оной хозяйинъ Худяковъ, со всѣми домашними изъ горницы выбѣжалъ и сказалъ, что нечаянно ребята заронили, и тогда прибѣжавъ сторонніе люди и увидѣвъ ихъ къ сожженію умыселъ, огонь утушили, а ихъ всѣхъ перехватили“...

Тобольское наместническое правленіе отослало 25 ноября Худякова съ матерью и женою въ Бурганскую нижнюю расправу „на разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ она, не чиня о семъ изслѣдованія, а паче, не забирая къ тому таковыхъ же простодушныхъ и немсленныхъ заблуждающихся въ православіи крестьянъ, дабы чрезъ таковой заборъ не навлечь больше страха, а и самопроизвольной ниѣ гибели, выслала-бъ того крестьянина Худякова съ женою и съ матерью въ Тобольскъ, за присмотромъ, единственно для одного отъ священнаго писанія истолкованія“... и т. д.

Не смотря на увѣщанія тобольскаго епископа Варлаама, Худяковъ съ женою и матерью остались въ своемъ заблужденіи непоколебимы и возвращены въ курганскій нижній земскій судъ, при указѣ наместническаго правленія, дабы означенныхъ лицъ, „по приводѣ, ни мало не держа подъ карауломъ, отпустить въ ихъ жительство; а чтобъ отъ сего Худякова, такъ какъ отъ закоренѣлаго въ заблужденіи отъ церкви святой, не могло происходить правотѣрныхъ какихъ либо пустыхъ толковъ, а паче и противныхъ церкви святой развратовъ, въ томъ—о имѣніи за нимъ неослабнаго наблюденія, кому надлежитъ, учинить строжайшее подтвержденіе“. Съ этимъ рѣшеніемъ Кашкинъ не согласился и предписалъ: „передать сказаннаго Худякова сужденію порядкомъ уголовного суда“. Какое-же послѣдовало окончательное по этому предмету рѣшеніе, изъ дѣла не видно.

За симъ, дабы ближе ознакомить со взглядомъ Кашкина на расколъ и мѣры къ его искорененію, мы приводимъ три письма его къ тобольскому преосвященному Варлааму и предложеніе Тобольскому наместническому правленію.

„Преосв. владыко, Мил. Гос. мой!

„Изъ полученнаго мною изъ Тобольскаго наместническаго правленія 24 числа ноября увѣдомленія и изъ приложенныхъ при ономъ копій съ доношеніевъ, поданныхъ въ Ялуторовскій нижній земскій судъ разныхъ той округи селеніевъ отъ крестьянъ, называемыхъ раскольниками, усмотрѣлъ я, что приходскіе священники, по поводу имяннаго Е. И. В. отъ 20 іюля прошедшаго года указа о'несобираніи какъ съ городскихъ, такъ и съ сельскихъ жителей двойнаго оклада, приходи насильно въ дома тѣхъ раскольниковъ, принуждаютъ ихъ съ угрозами ходить въ церковь, исповѣдываться и св. таинъ пріобщаться и требуютъ, дабы они дѣтей своихъ давали для крещенія“.

„А какъ такое своеволие и дерзновенные поступки священниковъ не только неприличны ихъ должности и не соотвѣтствуютъ возложенному на нихъ званію, которое по словамъ святаго писанія слѣдуетъ имъ проходить съ кротостію, долготерпѣніемъ и снисхожденіемъ, но и противны вышепомянутому Высочайшему 782 года іюля 20 дня указу. Ибо въ ономъ, хотя и не изображено, что состоявшимъ въ двойномъ окладѣ, по снятіи онаго, не должно, въ разсужденіи правилъ святаго церкви дѣлать со стороны духовной какое либо насильство и принужденіе, однако разсуждаю я, что для ослѣпленныхъ расколомъ невѣждъ такое правило необходимо нужно, тѣмъ паче, что одно насильство и принужденіе, безъ твердыхъ и основательныхъ предлагаемой истинны причинъ, не только не произведутъ никакого душеспасительнаго и съ намѣреніемъ премудрой не о временномъ только, но и о вѣчномъ спасеніи нашемъ декущейся Всемилоостивѣйшей всероссійскія Государыни согласнаго въ сердцахъ ихъ дѣйствія и не истребятъ изъ нихъ вкоренившася заблужденія, но могутъ еще быть поводомъ къ большому суевѣрію, разврату и утверженію въ прежнемъ ихъ раскольниковомъ зловѣріи, ибо они, кромѣ принужденія къ соединенію съ православною церковію, не видя никакихъ ясныхъ и убѣдительныхъ увѣреній, прелесть и заблужденіе ихъ изобличающихъ, непремѣнно остаются будутъ въ такомъ мнѣніи, что наше православіе не имѣетъ твердаго основанія, а ихъ раскольниковское мудрованіе есть правильно и не противно Божію закону, и лучше согласится предать себя огню или водѣ (какъ таковыя плачевныя и крайняго сожалѣнія достойные случаи не въ одномъ мѣстѣ и не однажды уже и открылись), нежели имѣть сообщеніе и быть въ соединеніи съ православнымъ христіанскимъ обществомъ. А хотя бъ и могло такое случиться, то таковыя люди, не имѣя силъ устоять противъ дѣлаемаго имъ насильства и принужденія и не желая прервать преждевременно теченіе своей жизни самопроизвольною смертію, вступятъ въ число православныхъ, но сіе вступленіе почитаю я не иначе какъ за ложное и лицемерное, а не отъ внутренняго усердія происходящее и что по одной только наружности будутъ показывать яко-бъ держатся истиннаго христіанскаго православія, сердцемъ же своимъ и мыслию останутся при первомъ своемъ глупомъ суевѣріи“.

„Сказанный высочайшій указъ, до изданія котораго сіи суевѣры какъ бы

особенно нѣкоторое и отъ прочихъ отдѣльное составляли общество, все-милостивѣйше обнародовать съ такими по мнѣнію моему нагѣреніемъ, дабы они свободнѣе нежели прежде обращаясь между истинными сынами святца православныя греческія церкви и платя равныя съ ними государственныя подати, тѣмъ скорѣе могли очувствоваться и принѣтити свое заблужденіе, и оставя оное, обратились бы на истинный путь, къ спасенію ведущій“.

„Въ разсужденіи чего вашего преосвященства и прошу всеѣмъ епархіи ввѣреннымъ руководству вашему священноцерковнослужителямъ, а наипаче тѣхъ приходоѣвъ, въ которыхъ болѣе усмалось зловредное раскольническое ученіе, накрѣпчайше подтвердить, дабы они тѣмъ прельщеннымъ отнюдь не чинили ни малѣйшаго насильства, притѣсненія, обидъ и принужденія, но собравъ все свое терпѣніе, поступали-бы съ ними благосклонно, тихо, ласково, снисходительно, стараясь исправить ихъ по слову св. апостола Павла, духомъ кротости и отъ заблужденія отвращать скромнѣйшимъ и тихимъ образомъ, утверждая ученіе и увѣщаніе свое колико твердыми, разумительными, на священномъ писаніи и на правилахъ святыхъ отецъ основанными доводами, толико и собственнымъ примѣромъ честнаго и незазорнаго своего поведенія“.

„Въ Пермѣ, 8 октября 1783 г.“.

„Пресв. владыко, М. Г. мой! Три сообщенія вашего преосвященства я получилъ: 1) отъ 21 октября, что заблуждающіеся пребываютъ въ прежнемъ своемъ упорствѣ и что вашему п-ву угодно знать моего мнѣнія, какимъ образомъ извѣстить Уфимскую и Колыванскую губерніи, дабы бродящіе подъ названіемъ священниковъ люди не имѣли свободы посѣвать плевельныя свои ученія, 2) отъ 27, съ приложеніемъ выписки, на какомъ основаніи изъ консисторіи руководства вашего ко всеѣмъ духовнымъ начальствамъ наставленія отправлены, 3) отъ 28, съ прописаніемъ указа изъ Прав. Синода, по поводу сгорѣвшихъ Ишимской округи въ деревнѣ Кабаковой крестьянъ и какія по тому поводу отъ вашего п-ва повелѣнія отправлены, — изъ коихъ послѣдніе два съ благодарностію моею для свѣдѣнія моего приѣмлю, а на первое честь имѣю отвѣтствовать:

Что отпадшіе отъ церкви, по поводу суемудренныхъ ихъ толкованій, основываясь въ оныхъ на старинныхъ книгахъ, до бытія патриарха Никона изданныхъ и на Стоглавникѣ остаются при прежнихъ ихъ правилахъ, тому

я ни мало не удивляюсь, ибо когда человекъ или нѣкоторое число оныхъ отступя отъ общественныхъ правилъ, предвообразятъ особенныя, изъ собственномуудрїа своего истекшія, для снисканія тѣмъ якобы истиннаго пути ко спасенію ведущаго, и тѣмъ удова невѣдущихъ нѣкакнхъ правилъ людей, привлекаютъ ихъ ко усердному принятію оныхъ, то такое вліяніе въ человѣческія души ученіе, хотя суемудренное и неистовое въ глазахъ просвѣщеннѣйшихъ, переходя между простыми людьми изъ роду въ родъ, тѣмъ сильнѣе укрѣпляется, что прїемлемо было не посредствомъ разсужденія, но слѣпымъ токмо подражаніемъ, а хотя нѣкоторые изъ оныхъ обучались письменамъ, но съ малолѣтства наставляемые въ тѣхъ же самыхъ правилахъ, таковыми познаніемъ не только не приближаются къ признанному отъ всего христіанскаго общества истинному пути, но тѣмъ паче при первоначальныхъ своихъ предразсужденіяхъ остаются, учинясь первенствующими въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ суемудріе вмѣсто истины принимается и тѣмъ получая предпочтеніе, пользуются многими выгодами, ихъ состоянію несвойственными.

Сходно сему примѣру представляются мнѣ не токмо въ предѣлахъ сибирскихъ отпадшія общества отъ церкви Христовой, но и во всѣхъ мѣстахъ обитаемой вселенной, гдѣ слово Спасителя нашего Іисуса Христа проповѣдуется, въ чемъ послышку сдѣлать можно и на самодревнѣйшія бытія, даже и до временъ апостольскихъ, а святая церковь, созданная на краеугольномъ камени, ея же и врата адовы не одолѣютъ, отъ таковыхъ, въ томъ числѣ и усильственнѣйшихъ противоборствовавіи отъ одного времени до другаго, тѣмъ только вящую твердость и сіяніе прїобрѣтала, каковыя, по прежнимъ бытіямъ извѣстныя обстоятельства нечувствительно привлекаютъ человѣческій разсудокъ къ восторгу, наполненному удивленіемъ и непостижимостію, и съ изрѣченіемъ по примѣру царя Давида: дивны дѣла твои Господи, и кто исповѣдать можетъ глубины судебъ твоихъ!“

„Посредствомъ же прежде бывшихъ происшествій почерпаются примѣры, каковымъ образомъ, въ настоящее представляющихся дѣлахъ поступать и какія употребленныя средства были наиспособнѣйшія къ достиженію въ желаемомъ предметѣ, а въ таковыхъ ваше п-во усмотрѣть изволите, что скоровременное и наглое настояніе, уподобясь насильству, не токмо въ семъ дѣлѣ желаемаго плода не принесетъ, но и произвестъ можетъ новыя и нео-

жиданныя затрудненія, ибо челоуѣческій умъ, бывшій долгое время въ развращенномъ неантїи по какому-бы то ни было предмету, а паче въ наглавиѣйшемъ до спасенія души касающемся, никакъ не можетъ въ короткое время и посредствомъ нѣкоторыхъ настояній, напоминающихъ только о истинныхъ правилахъ, превращенъ быть, а ежели таковой способъ получить гдѣ либо желаему пользу, то съ увѣреніемъ можно сказать, что то общество несправедливо причиталось къ числу яко-бы отпадшихъ отъ святой церкви, а было только въ нерадѣніи къ исполненію предписанныхъ каждому христіанину должностей; которые же отторгнулись по предразсужденію и по примѣру своихъ предковъ съ давнихъ временъ, то ежели-бъ оныя и объявили, что возвращаются нынѣ къ святой церкви, прїемля правила ея неоспоримо, то таковое объявленіе, по моему мнѣнію, не есть вѣродостоинно, ибо несвойственно невѣждѣ, закоренѣлому въ своеобразныхъ своихъ правилахъ переходить толь скоровременно изъ тѣмъ невѣдѣнія къ истинному просвѣщенію, на что потребно время, а со онымъ нечувствительно идущее общественное просвѣщеніе всѣхъ соживущихъ, кроткое и благоразумное настояніе церковныхъ учителей, ведущихъ порученную паству по словеси Спасителя нашего и по правиламъ святыя церкви. Доколѣ же сіе желаемое время не придетъ, то ко избѣжанію вящаго зла, каковое родиться можетъ отъ недостаточныхъ изъясненій Божїа слова отъ священниковъ и прочихъ церковнослужителей, въ богословіи недовольно наученныхъ, а потому и маломощныхъ къ ясному и на доводахъ основанному опроверженію лжеучительскихъ толкованій, то не угодно-ли будетъ вашему пр-ву по прежде-преподанному мною соразсужденію, запретить таковымъ священно и церковнослужителямъ ни въ какіе споры и разсужденія съ лжеучителями не вдаваться, а ежели въ томъ надобность настоять будетъ, то избирать искусныхъ и испытанныхъ мужей, дабы истина Божїа весьма не была поправа суетумдріемъ“.

„Что принадлежитъ до прїѣзжающихъ въ образѣ священниковъ по селеніямъ отпадшихъ обществъ, то всякое, чинимое онымъ насильство можетъ подать только поводъ къ раздраженію закоренѣлыхъ въ лжеумдрїи людей и тѣмъ самымъ произвести пагубныя предпрїятія, каковыя уже двоекратно и означивсь; и для того, разсуждаю я, къ пресѣченію способовъ къ объѣздамъ сихъ людей употребить нижеслѣдующее средство: Ежели гдѣ изъ

опредѣленныхъ заказчиковъ (о которыхъ я понимаю, что оны поступать будутъ въ семь дѣлъ не по пристрастіямъ, а по истинному усердію порученнаго сана) провѣдаютъ, что гдѣ либо знаменитый служитель ереси, объѣзжая развращенное стадо, укрѣпляетъ оное своими наученіями, то немедленно о томъ даютъ знать капитану исправнику той округи, съ требованіемъ, дабы онъ по должности своей разсмотрѣлъ пребываніе его въ той округѣ и съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣхалъ, имѣеть-ли узаконенный паспортъ и отъ кого именно, и промыселъ его, въ которомъ онъ по его округѣ обращается — свойственъ ли его роду или нѣтъ; а по такому разсмотрѣнію въ нижнемъ земскомъ судѣ, пекущемся по званію своему о благочиніи во всемъ уѣздѣ и имѣющемъ довольное наставленіе, по предположеніямъ моимъ въ прошедшемъ году преподааннымъ на подобныя случаи, если изобличенъ будетъ что бродяга, а паче безъ узаконеннаго паспорта, то есть безъ печатной покормешной, то отсылается къ сужденію въ нижнюю земскую расправу, которая свой приговоръ чинитъ по узаконенію; каковымъ способомъ лжеучитель отъ вреднаго намѣренія удержанъ быть можетъ безъ озлобленія и лжемудрія, да и церковныя служители не будутъ въ глазахъ ихъ казаться яко-бы гонителями старой ихъ вѣры“.

«Относительно до извѣщенія губернскимъ правленіямъ Колыванской и Уфимской губерній къ пресѣченію подобныхъ лжетолкованій, то какъ каждая губернія имѣеть свои постановленныя власти посредствомъ которыхъ всякое дѣло въ исполненіе приводится, то и несвойственно мнѣ кромѣ порученныхъ губерній брать каковое-либо въ томъ соучастіе въ другихъ, и для того, не угодно ли будетъ вашему и-ву отъ себя онымъ сообщить съ приложеніемъ указа изъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ пронисано вѣдѣніе изъ Прав. Сената съ утвержденіемъ учиненнаго мною по Тобольской и Пермской губерніямъ распоряженія, что однако предано болѣе собственному вашему разсмотрѣнію. . . Въ Пермѣ, ноября 19 дня 1783 года“.

„Преосв. владыко, М. Г. мой! По поводу полученнаго мною сообщенія вашего преосвященства на учиненное отъ меня предписаніе тюменской округи капитану исправнику, каковъ я получилъ отъ него рапортъ, съ онаго при семъ препровождаю засвидѣтельствованную копію, изъ котораго ваше пр-во усмотрѣть изволяте, коль мало нижніе духовныя чины капитаны благонравіемъ, не повинуются не токмо правиламъ чину ихъ предписаннымъ,

ниже наставленія свят. прав. синода и повелѣніямъ вашимъ, а единственно корыстолюбіемъ и мщениемъ будучи ослѣплены, не предусматриваютъ, что волненію заблуждающихся въ правовѣрїи, а отъ того и происходившимъ сумасброднымъ предпрїятіямъ, главною причиною суть употребленныя ими примѣтки (sic) къ раскольникамъ, а потому за долгъ и почитая вашего преосвященства покорѣннѣе просить противъ описанныхъ поступковъ сельскихъ духовныхъ чиновъ принять должныя и дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію вчиняемыхъ ими дерзновеній въ противность учиненныхъ и впредь чинимыхъ предписаній, безъ чего какъ духовныя такъ и свѣтскія власти безконечно обременены будутъ слѣдствіями означенныхъ вновь волненій въ простомъ и въ правилахъ закона колеблющемся народѣ, по недовѣрїю къ соживущему церковному причту“.

„А хотя довольно извѣстно мнѣ, что суровыя поступки къ пресѣченію въ духовномъ чинѣ такового злоупотребленія съ природною кротостію вашего преосвященства несовмѣстны и слѣдующимъ вами правиламъ свойственны быть не могутъ, однако, на случай оказывающагося въ малопросвѣщенныхъ людяхъ упрямства и предписаннымъ отъ высшихъ правительствъ повелѣніямъ противности необходимо нужно, яко лѣкарство, хотя и весьма вкусу природному противное, но необходимо нужное для сохраненія поврежденнаго отъ болѣзней тѣла, въ каковомъ видѣ и признается благотвореніемъ“.

„Въ разсужденіи чего, ежели позволите мнѣ, то предпшю нижнимъ земскимъ судамъ, дабы оныя коль скоро свѣдаютъ, что кто либо изъ сельскихъ священно и церковнослужителей дѣлаеть разнаго рода примѣтки къ тѣмъ изъ сельскихъ жителей, которые въ церковь Божию ходятъ отрицаются, то таковой поступокъ изслѣдовавъ и избличивъ посредствомъ постороннихъ безпристрастныхъ свидѣтелей съ обстоятельнымъ описаніемъ онаго отправляли таковыхъ священно и церковнослужителей въ Тобольскую духовную консисторію, каковое отлученіе отъ домовъ, неминуемо переѣзды и достодолжное поученіе въ бытность ихъ въ Тобольскѣ могутъ можетъ быть произвестъ то желаемое дѣйствіе, котораго, при всѣхъ чинимыхъ предписаніяхъ, какими бы нравоучительными поученіями оныя наполнены ни были, достигнуть было не можно“.

„Въ Tobольскѣ, 26 Генваря 1784“.

Тобольскому намѣстническому правленію
предложеніе.

„Просмотрѣвъ увѣдомленіе намѣстническаго правленія отъ 12 числа сего мѣсяца, подъ № 381, къ великому удивленію моему усмотрѣлъ я изъ онаго, что Ишимской округи капитанъ-исправникъ, по поводу сообщенія изъ Ишимскаго духовнаго правленія о оказавшемся въ развратѣ отъ святой церкви капралъ Михеевъ и о крещеніи новорожденныхъ младенцевъ безъ священства производилъ о томъ на мѣстѣ слѣдствіе, а тѣмъ самымъ и вступилъ въ такое дѣло, которое до него ни мало не принадлежитъ, ибо какъ всѣ таковыя дѣла относятся непосредственно къ разбирательству духовныхъ властей; капитанамъ же исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ, въ изданныхъ отъ меня по случаю расколовъ подробныхъ наставленіяхъ, точно предписано дабы брать соучастіе токмо по дѣламъ до благоустройства и спокойствія принадлежащимъ, дѣла же о законѣ (духовномъ)? ни къ какому суду изъ гражданскихъ по всѣмъ узаконеніямъ не подходятъ, тѣмъ же менѣе къ нижнимъ земскимъ, для благочинія по уѣздамъ и для исполненія учрежденнымъ, то и надлежало-бы капитану исправнику, какъ того, оказавшагося въ расколѣ, такъ и тѣхъ, которые сами собою крестили младенцевъ, препроводить, егда потребуютъ духовные чины, къ разсмотрѣнію въ духовное правленіе, наблюдая при томъ, дабы отсылаемые въ оное ни подъ какимъ видомъ долговременно задерживаны и чрезъ то отъ домашнихъ своихъ работъ отлучаемы не были. А еслибъ духовное правленіе, не имѣя власти приступить къ рѣшительному о нихъ положенію за нужно почитало отправить таковыхъ людей въ Tobольскъ, то нижній земскій судъ, или капитанъ-исправникъ, получа о томъ сообщеніе, долженствуетъ представить намѣстническому правленію и ожидать повелѣнія, а не самому собою оныхъ отправлять, отлучая отъ промысла и домоводства на немалое время, ибо намѣстническому правленію извѣстно колкое число раскольниковъ въ предѣлахъ Tobольской губерніи обитаетъ, то если всѣхъ таковыхъ отсылать по городамъ для слѣдствіевъ, то многія селенія совсѣмъ пусты останутся и произойдетъ изнуреніе токмо жителей безъ всякой пользы; ибо люди, долгое время въ заблужденіи истиннаго познанія въ законѣ пребывшіе, могутъ ли, съ вѣроподобіемъ судя, посредствомъ вчиняемыхъ слѣд-

ствій и пересмылокъ, на путь истинны приведены быть? Но по моему мнѣнію, будучи тѣмъ болѣе раздражаемы, почитать будутъ таковой съ ними поступокъ яко мученическое страданіе за вѣру и получать поводъ къ предпріятію крайнихъ средствъ, каковыми уже отъ безразсудности ихъ двоекратно означились къ погибели многихъ невинныхъ изъ рода человѣческаго“.

„Сверхъ того, какъ въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 9 числа сентября сего года изображено, что въ дѣлахъ, касающихся до раскола, надлежитъ употреблять людей грекороссійскаго исповѣданія, то поелику капитанъ-исправникъ Ишимской округи есть исповѣданія лютеранскаго, то и не надлежалобъ ему приступать ко изслѣдованію вышесказаннаго дѣла о чемъ, какъ ему, такъ и другимъ, ему подобнымъ, по силѣ того указа, благоволятъ сдѣлать свое предписаніе“.

„На прошедшихъ дняхъ получилъ я три сообщенія отъ преосвященнаго Варлаама, епископа Тобольскаго на которыя каковъ посланъ отъ меня его преосвященству отвѣтъ—съ онаго препровождаю при семъ засвидѣтельствованную копию, съ тѣмъ чтобъ намѣстническое правленіе, въ силу онаго, благоволило учинить всѣмъ городничимъ и капитанамъ-исправникамъ секретныя предписанія, присовокупя къ тому и указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ его преосвященству Варлааму, епископу Тобольскому (каковаго ежели въ правленіи не имѣется, то отъ его преосвященства изтребовать копию), которымъ предписано, какимъ образомъ священно-церковнослужители, въ увѣщеваніи заблудшихъ, по увѣздамъ поступать должны, дабы городничіе и нижніе земскіе суды, соображаясь оному указу, требованія духовныхъ правленій могли приводить въ исполненіе, а ежели усмотрятъ, что поступки священно-церковнослужителей оному въ чемъ либо противны, то немедленно доносили бы о томъ намѣстническому правленію“.

„Евгеній Кашкинъ“.

„Въ Пермь, ноября 25 дня 1783 года“.

Дѣла, присланныя въ Пермь изъ Екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторы, по требованію Кашкина, также не лишены интереса, а пототому считаемъ не лишнимъ привести вкратцѣ сущность наиболѣе важныхъ изъ нихъ.

1) Въ ноябрѣ 1750 года, преосвященному Сильвестру, архіепископу Тобольскому, заказчикъ протопопъ Кирило Яковлевъ донесъ, что десято-

начальникъ Нижнетагильскаго завода священникъ Дмитрій Петровъ Ланинъ увѣдомился о черномъ раскольничьемъ попѣ Савастьянѣ, „который главный раскольничій лжеучитель и многіе языки знаетъ, къ томуъ превеликій волхвъ“; что онъ живетъ въ Нижнетагильскомъ заводѣ въ Рудянской улицѣ, и потому онъ, попъ Ланинъ, собравъ нѣсколько людей, ходилъ къ нему въ келью, съ тѣмъ, чтобъ его взять. И дѣйствительно, „его и еще другаго чернеца нашелъ и взялъ; но при томъ взятіи сдѣлалась тревога: приказчикъ того завода Махотинъ и полицейскую должность правящій слугитель Лебедевъ оныхъ раскольниковъ отбили и десятона начальника, священника Ланина, и бывшихъ съ нимъ прибили“.

На основаніи этого извѣстія, по требованію его преосвященства, отъ Тобольской губернской канцеляріи отправленъ былъ на заводъ унтеръ-офицеръ съ командою, съ тѣмъ, чтобъ взять помянутыхъ выше раскольниковъ и ихъ сообщниковъ, а также и тѣхъ, кои ихъ отъ десятона начальника отбили, подъ стражу, привезти въ Тобольскъ и представить въ Тобольскую губернскую канцелярію.

Посланный унтеръ-офицеръ, прибывъ въ Нижнетагильскій заводъ, забралъ многихъ подъ караулъ, въ томъ числѣ и приказчика Махотина съ полицейскимъ служителемъ Лебедевымъ, а также жившихъ въ принадлежащей Выйскому заводу деревнѣ Вогульской трехъ раскольничьихъ старицъ; „но при-томъ надѣлалъ тамо и множество своевольства: грабилъ дома, насильствовалъ женщинъ, и тѣмъ принудилъ многихъ, оставивъ свои дома, разбѣжаться“.

Невьянская заводская контора, яко главная всѣхъ Демидова заводовъ контора, принесла о томъ жалобу въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, которая вступилась въ сіе дѣло, отправила отъ себя на Нижнетагильскій заводъ офицера, яко депутата съ заводской стороны, а отъ Тобольской губернской канцеляріи требовала, чтобъ о неурядкахъ, унтеръ-офицеромъ произведенныхъ изслѣдовать, взятыхъ подъ стражу людей въ Тобольскъ не забирать, а слѣдовать и объ оныхъ на мѣстѣ; для розыску же чтобъ присланы были въ заводскую канцелярію, потому что заводы и принадлежащіе къ нимъ жители не подсудны Тобольской губернской канцеляріи, но канцеляріи главнаго заводовъ правленія“. Тобольская консисторія между тѣмъ непрестанно требовала, чтобъ взятыхъ подъ стражу при-

слать въ консисторію. Канцелярія главнаго заводоу правленія рѣшила наконецъ отдать, для отправленія въ Тобольскъ, тѣхъ изъ взятыхъ подъ караулъ, кои оказались бѣглыми и по Нижнетагильскому заводу въ окладъ не положены.

„По многимъ перепискамъ и дракамъ между Екатеринбургскою и Тобольскою командами, нѣсколько изъ сихъ взятыхъ раскольниковъ, кромѣ приеазчика, приведены въ Тобольскъ, распрашиваны“, внились въ разныхъ преступленіяхъ по расколу и въ побѣгахъ и наконецъ отосланы въ Екатеринбургъ, гдѣ и суждены были въ конторѣ земскихъ и судныхъ дѣлъ. Но гдѣ именно были ихъ раскольниковы тайные притоны, изъ дѣла не видно, ибо ни въ Тобольской канцеляріи, ни въ Екатеринбургской конторѣ, ни въ духовной консисторіи они объ этомъ и спрашиваны не были. Изъ нѣкоторыхъ показаній только видно, что бѣгле раскольники и ихъ монахи жили по лѣсамъ около Нижнетагильскаго и Черноисточенскаго заводоу.

Изъ Тобольской консисторіи, въ разные времена, какъ изъ этого жѣ дѣла видно, отсылаемы были для розысковъ и для наказанія въ Тобольскую губернскую канцелярію Екатеринбургскіе и шарташскіе жители, обвинявшіеся:

Лаврентій Свинобоевъ въ томъ, что много лѣтъ потаенно принадлежалъ къ расколу, исповѣдывался у раскольниковыхъ поповъ, взялъ себѣ жену отъ живаго мужа, тобольскаго посадекаго Нечаева и совратилъ еѣ въ расколъ.

Яковъ Свинобоевъ съ женою — въ неприятии обѣ оставленіи раскола увѣщанія отъ архіерея и въ отвращеніи своего сына отъ святой православной вѣры.

Иванъ Елтышевъ да дѣвка Анна — въ склоненіи правовѣрнаго Екатеринбургскаго крестьянина Ивана Рѣзанова въ расколъ.

Семень Парфеновъ — въ упорномъ содержаніи раскола, въ исповѣди и причастіи и въ крещеніи младенцевъ у раскольниковыхъ поповъ.

Дмитрій Шадринъ и Алексѣй Вурашниковъ — въ томъ, что вѣнчались и дѣти ихъ крещены раскольниковыми бѣглыми попами, въ укрывательствѣ тѣхъ поповъ и въ храненіи у себя раскольническаго причастія.

Иванъ Андреевъ сынъ Косовъ — въ квакерской ереси, въ исповѣди и причастіи у раскольниковскаго попа Варламія, при чемъ онъ показалъ о намѣреніи раскольниковъ бѣжать въ Польшу, Вухарію и Кантосишинскую (?)

землю; „а какъ-де онъ Косовъ походитъ лицомъ (?) на бѣлаго квакера, московскаго купца Осипова, котораго публикованнымъ указомъ велѣно сыскивать, то и представлено о семъ правительствующему сенату“.

Всѣ сіи раскольники въ 1753 году отосланы были въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, которою дѣло это поручено было земской конторѣ; а сія опредѣлила: „Лаврентія Свинобоева наказать кнутомъ и съ вырѣзаніемъ поздрей отослать въ Нерчинскъ въ работу вѣчно; жену его для опредѣленія въ монастырь или для отдачи первому мужу, отослать въ Консисторію; Косова, въ сходствѣ съ бѣглицъ квакеромъ Осиповымъ, освидѣтельствовать; прочихъ освободить на поруки“.

2) Екатеринбургская ротныхъ дѣлъ контора Екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторѣ рапортомъ донесла, что „содержащійся въ тюрьмѣ разбойникъ и церковный тать Иванъ Кудрявцевъ изъ тюрьмы бѣжалъ и опять пойманъ. „На основаніи этого, Екатеринбургская земскихъ и судныхъ дѣлъ контора 3 Октября 1774 года „опредѣлила онаго Кудрявцева за побѣгъ изъ тюрьмы распросить кнутомъ“. Кудрявцевъ подъ кнутомъ показалъ, что бѣжалъ съ намѣреніемъ уйти въ кельи, построенныя по близости Черноисточенскаго завода статскаго совѣтника Никиты Акинфиевича Демидова, вверху пруда, въ лѣсу; а живутъ въ нихъ старцы Михайло и Филиппъ съ товарищи, всего до 50 человекъ, въ томъ числѣ казаки съ Дону, поляки (?) и прочіе люди; а настоятель у нихъ отецъ Максимъ, и подлинность этого можетъ подтвердить выпущенный изъ тюрьмы жившій тогда въ Екатеринбургѣ Черноисточенскаго завода житель Козьма Лопаницынъ и всего того Черноисточенскаго завода жители и приказчикъ. Сысканный Лопаницынъ показалъ, что „когда былъ въ тюрьмѣ, то на вопросъ Кудрявцева, онъ, Лопаницынъ, ему сказалъ, что когда онъ изъ тюрьмы бѣжить, а Лопаницына выпустятъ, то онъ (Лопаницынъ) доведетъ его до келии, гдѣ живутъ старцы, въ лѣсу, въ верхъ пруда Черноисточенскаго завода, верстахъ въ десяти, а отъ Невьянскаго въ тридцати, и что о томъ знаютъ заводской приказчикъ Поповъ, лѣсной надзиратель Абрамъ Шмелевъ; жители Степанъ да Исая Гладкихъ, да и прочіе многіе обыватели“.

11 Октября 1774 года представленъ о вышеизложенномъ рапортъ бывшему тогда въ Екатеринбургѣ „главному командиру“ полковнику Ви-

бикову. Въ 1775 году послѣдовалъ изъ канцеляріи главнаго заводоу правленія указъ екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторѣ, изъ котораго видно, что Вибииковъ посылалъ на Черноисточенскій заводъ команду для сыску укрывающихся въ кельяхъ людей, которая и нашла тамъ трехъ раскольниковыхъ монаховъ, назвавшихся Макаріемъ, Германомъ и Феодосіемъ, и двухъ простыхъ раскольниковъ, крестьянъ Вѣлослудской слободы Михаила Овчинникова и Казанской губерніи деревни Вунчуги Туду Степанова, которые и присланы въ екатеринбургскую земскихъ и судныхъ дѣлъ контору, гдѣ были допрошены и показали:

Макарій — изъ крестьянъ Нижегородской губерніи, Михайло Труновъ, отъ роду имѣть 60 лѣтъ; въ малолѣтствѣ сведенъ матерью на Иргинскій Осокина заводъ, а оттуда переведенъ въ Нязенетровскій. Лѣтъ двадцать тому назадъ, задумавъ спастись, ушелъ на Невьянскій заводъ, а оттуда на Черноисточенскій; а потомъ пошелъ въ лѣсъ, въ келью, стоящую на рѣкѣ Чаузѣ, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ съ незнаемымъ старикомъ; потомъ, переходя, строилъ самъ себѣ келью и жилъ одинъ, а чрезъ 8 лѣтъ привезенъ туда незнакомымъ человѣкомъ чернецъ Яковъ, который сказывалъ, что онъ изъ Россіи; и тотъ Яковъ его постригъ и назвалъ Макаріемъ. Пропитаніе получали съ завода, куда ходили, снимая съ себя монашеское платье, а сверхъ того и сами сѣяли хлѣбъ.

Германій, по имени Егоръ, а кто отецъ его-не знаетъ; отъ роду ему 81 годъ; назадъ тому лѣтъ 60 постриженъ въ Нижегородской губерніи, на Кержанцѣ, раскольниковымъ попомъ Софоніемъ и названъ Германомъ. Отъ притѣсненій сошелъ оттуда въ висимскіе лѣса и жилъ все около Черневскаго (?) завода, переходя въ разныя мѣста, а напоследокъ пришелъ по слуху въ стоящую у Черневскаго (?) завода келію, гдѣ и жилъ года полтора одинъ и командою взятъ въ келіи.

Феодосій, пермскихъ строгоновскихъ вотчинъ деревни Шамшуриной крестьянинъ Федоръ Любимовъ; отъ роду ему 25 лѣтъ; назадъ тому лѣтъ 12, отвезъ его Ягошихинскаго завода житель Иванъ Володиміровъ въ поманутыя келіи къ старцамъ, съ кони и жилъ съ годъ, а потомъ постриженъ вышепоказаннымъ чернецомъ Яковомъ и жилъ въ кельѣ съ монахомъ Герасимомъ, который былъ, какъ сказывалъ, съ Кержанца; а напоследокъ — съ Кирилломъ, а отколь онъ — не знаетъ. Было всѣхъ ихъ человѣкъ де-

слы, но услышавъ о командѣ, разбѣжались; а онъ взятъ у кельи, откуда вышедъ, хотѣлъ укрыться.

Показанія двухъ остальныхъ раскольниковъ не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго. Объ ученіи ихъ пойманые спрашиваемы не были. Жители Черноисточенскаго завода и приказчикъ отозвались незнаніемъ о кельяхъ; но такъ какъ они должны были знать, судя по близости ихъ, то на нихъ наложенъ штрафъ за несмотрѣніе, 127 р. 14 к. — сумма наконившихся за бѣглыми подушныхъ податей; а бѣглые разосланы по мѣстамъ, гдѣ они въ жителствѣ были приписаны и откуда бѣжали.

Посланный съ командою монетной роты сержантъ Марковъ рапортовалъ, что кельи нашелъ въ тѣхъ самыхъ урочищахъ, которыя показаны Лопаницинымъ, и засталъ въ нихъ только пять человекъ, и въ кельяхъ нашелъ съѣстныхъ принасовъ — рыбы свѣжепросольной, осетровъ и прочей, также яицъ не малое количество, муки ржаной и пшеничной, въ коробахъ, примѣромъ до 500 пудовъ, которые велѣлъ прибрать заводскому приказчику, а кельи сжегъ. По примѣчанію его, живущихъ въ тѣхъ кельяхъ было болѣе ста человекъ, но они, до пріѣзда его, разбѣжались; и о съѣстныхъ принасахъ приказчикъ донесъ, что они, виѣстѣ съ кельями, сгорѣли.

О томъ, какое послѣдовало рѣшеніе объ означенныхъ раскольникахъ, свѣдѣній въ дѣлѣ не имѣется. Относительно Герасима можно, по совпадению времени, предположить, что это тотъ монахъ Герасимъ, который упоминается въ числѣ содержавшихся подъ военною стражею въ Далматовскомъ монастырѣ секретныхъ арестантовъ, и который тамъ умеръ 24 іюля 1795 года (см. II. губ. вѣд. 1885, №№ 27 и 28.).

3) Въ ноябрѣ 1778 года пойманы въ Екатеринбургѣ съ фальшивыми имперіалами Нижнетагильскаго завода приписные крестьяне Иванъ Даниловъ и Иванъ Ивановъ Верхоланцевы, а по оговору ихъ взяты пріѣхавшіе въ Екатеринбургъ съ таковыми же фальшивыми монетами крестьяне того же завода Мяней Лампадовъ, да Уфалейскаго Стахѣй Шевелинъ. Всѣ показали, что тѣ деньги дѣланы живущимъ у Лампадова бѣглымъ Урамскаго (Нязепетровскаго) завода крестьяниномъ Климомъ Шевелинымъ, называющимся раскольничьимъ монахомъ Кирилломъ (см. выше показаніе Θεодосія), для сыску котораго хотя и посланы были — сперва екатеринбургской земской конторы присутствующій подполковникъ Поздняковъ, а

потомъ шихтмейстеръ Исаковъ, но его не нашли, а послѣ пойманъ онъ жителями Нижнетагильскаго завода и представленъ въ земскую контору.

Климы Шевелинъ показалъ: „отъ роду ему 24 года; крѣпостной крестьянинъ заводчиковъ Мосоловыхъ Уфалейскаго завода, съ котораго бѣжалъ онъ, тому девятый годъ, въ лѣса, состоящія въ окружности Черноисточенскаго завода, въ которыхъ въ построенной кельѣ съ живущимъ тутъ монахомъ, сказавшимся съ Невьянскаго завода Григорьемъ, а прозванья не сказывалъ, жилъ до 17 года; и оной надѣлъ на него Клима монашеское платье и назвалъ Кирилломъ да научилъ расколу; и въ томъ же году оный монахъ Григорій померъ, коего онъ похоронилъ въ лѣсу. И какъ стало жить не съ кѣмъ, то въ томъ же году пришелъ къ Нижнетагильскому жителю Минею Лампадову, подъ укрывательствомъ коего и дѣлалъ фальшивую монету“.

Верхоланцевы, Лампадовъ и Шевелинъ были суждены, наказаны и сосланы. Сообщники же ихъ, 6 человекъ, особенно посланною командою взяты въ нижнетагильскихъ лѣсахъ и представлены къ бывшему тогда въ Екатеринбургѣ главному командиру князю Еягаличеву, а отъ него въ контору земскихъ и судныхъ дѣлъ, гдѣ показали:

Бѣглый рекрутъ Борисовъ, отъ роду 27 лѣтъ, „напредъ сего былъ вѣдомства Пермской провинціи, Березовскаго села, приписной къ Юговскимъ казеннымъ заводамъ крестьянинъ, въ 772 году отданъ въ рекруты, въ команду съ прочими офицеру, для отводу въ Казань. Дорогою, отъ Кунгура верстахъ въ 30, изъ села Степановскаго, бѣжалъ одинъ и шатался нѣсколько времени по разнымъ мѣстамъ, а потомъ построилъ самъ въ лѣсу избушку, разстояніемъ отъ Кушвинскаго завода въ 40 верстахъ, гдѣ живучи, плелъ лапти, продавалъ ихъ въ Кушвинскомъ заводѣ и покупалъ на выручку хлѣба. А послѣ того пришелъ въ Нижнетагильскій заводъ, гдѣ встрѣтился съ крестьяниномъ Минею Лампадовымъ, присталъ къ нему и жилъ у него года четыре, сказывая, что бѣжалъ отъ рекрутскаго набора; работалъ у него, а также у Кручкова и Верхоланцева“.

Бѣглый же рекрутъ Сибиряковъ, 27 лѣтъ, былъ крѣпостной Нижнетагильскихъ Никиты Демидова заводовъ; въ 774 году отданъ въ рекруты, въ екатеринбургскую команду секундъ-маіора Пушкарева, но по прошествіи трехъ недѣль, бѣжалъ „прямо въ лѣса, отъ Нижнетагильскаго завода вер-

стахъ въ 25, въ избушку, въ которой жилъ раскольникій монахъ Якимъ; сей надѣлъ на него монашеское платье и жилъ съ нимъ въ той кельѣ три года; потомъ онъ, Якимъ, умеръ, и онъ его похоронилъ. Послѣ того пришли къ нему 4 человекъ раскольникчыхъ монаховъ: Ларіонъ, Власій, Герасимъ и Варсонофій, а кто они—подлинно не знаетъ. Изъ сихъ монаховъ Ларіонъ ходилъ въ Нижнетагильскій заводъ за солью и узналъ, что есть за ними поски; извѣстася объ этомъ, трое изъ нихъ бѣжали, а онъ, Сибиряковъ, и товарищъ его Герасимъ пойманы. О житіи ихъ въ той кельѣ никто не зналъ“.

Кирилинъ Григорьевъ, крестьянинъ Костромскаго уѣзда, села Рожнова, отъ роду 35 лѣтъ; отецъ его въ томъ селѣ былъ дьячкомъ. Навздъ тому немалое время, съ нимъ Кирилинъ, когда онъ (Кирилинъ) былъ въ малолѣтствѣ, не хотя бытъ въ православнн, бѣжалъ въ Галицкіе лѣса, и жили въ онныхъ лѣтъ съ десять, гдѣ отецъ его померъ, а онъ, Кирилинъ, перешелъ въ Устюжскіе лѣса и жилъ тамо лѣтъ съ десять, а потомъ въ Уринскіе лѣса и жилъ съ старичкомъ Никитою Ивановымъ лѣтъ съ 15 и постриженъ въ раскольникчи монахи прѣвзимъ попомъ, а откуда и какъ его зовуть — не знаетъ. Съ показаннымъ товарищемъ своимъ, въ нынѣшнемъ 778 году, пришелъ въ Нижнетагильскій заводъ и пошли въ лежащіе около онаго лѣса и разстояніемъ отъ завода верстахъ въ сорока, построили себѣ избушку, въ коей и жили. И тутъ товарищъ его умеръ, а онъ, Кирилинъ, посыланною за поимкою командою взятъ. Болѣе онъ бѣглыхъ и раскольниковъ не знаетъ.

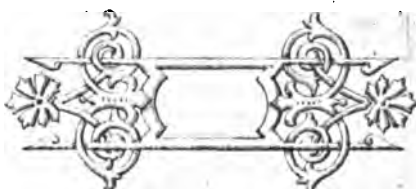
Федосій Агаоновъ, Висимопайтанскаго Демидова завода крѣпостной крестьянинъ и записной раскольникъ, отъ роду 25 лѣтъ, того жъ 778 года отъ рекрутства бѣжалъ въ лѣсъ, отъ того завода верстъ съ 30, гдѣ сдѣлалъ изъ чащи балаганъ, жилъ въ ономъ, гдѣ командою и взятъ.

Григорій Григорьевъ, помѣщика Александра Хомякова крѣпостной человекъ, Арзамаскаго уѣзду села Пузы, въ 773 году отданъ въ зачетъ въ рекруты на поселеніе и написалъ въ Коркину слободу, въ которой жилъ до 776 году, а въ томъ году бѣжалъ на Нижнетагильскій заводъ; на рынкѣ сошелся съ старичкомъ, который подговорилъ его въ лѣсъ; отошедъ отъ завода верстъ съ 20, зашли въ построенную невѣдомо кѣмъ келію, въ которой жили четыре человекъ монаховъ: Ларіонъ, Власій, Варсонофій и Яковъ,

съ конми и жилъ года съ два. Въ 777 году, въ лѣтнее время, онъ занемогъ; тогда изъ товарищей Ларіонъ надѣлъ на него монашеское платье и назвалъ Герасимомъ. Въ 778 году одинъ изъ товарищей ходилъ на заводъ и узналъ, что ихъ ищутъ, почему онъ ушелъ на Выiskій заводъ, гдѣ и взять команду.

Показанія остальныхъ пойманныхъ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Всѣ эти люди разсланы, безъ наказанія, на мѣста ихъ прежнихъ жительствъ и тѣмъ производство дѣла о нихъ закончено.

Д. Смышляевъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА“ НА ВАС. ОСТР.,
ПО 12 ЛИНІИ, Д. № 19, ВЪ БИБЛИОТЕКѢ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Пет. стор.,
Большой пр. д. № 45.

2479
11.

